

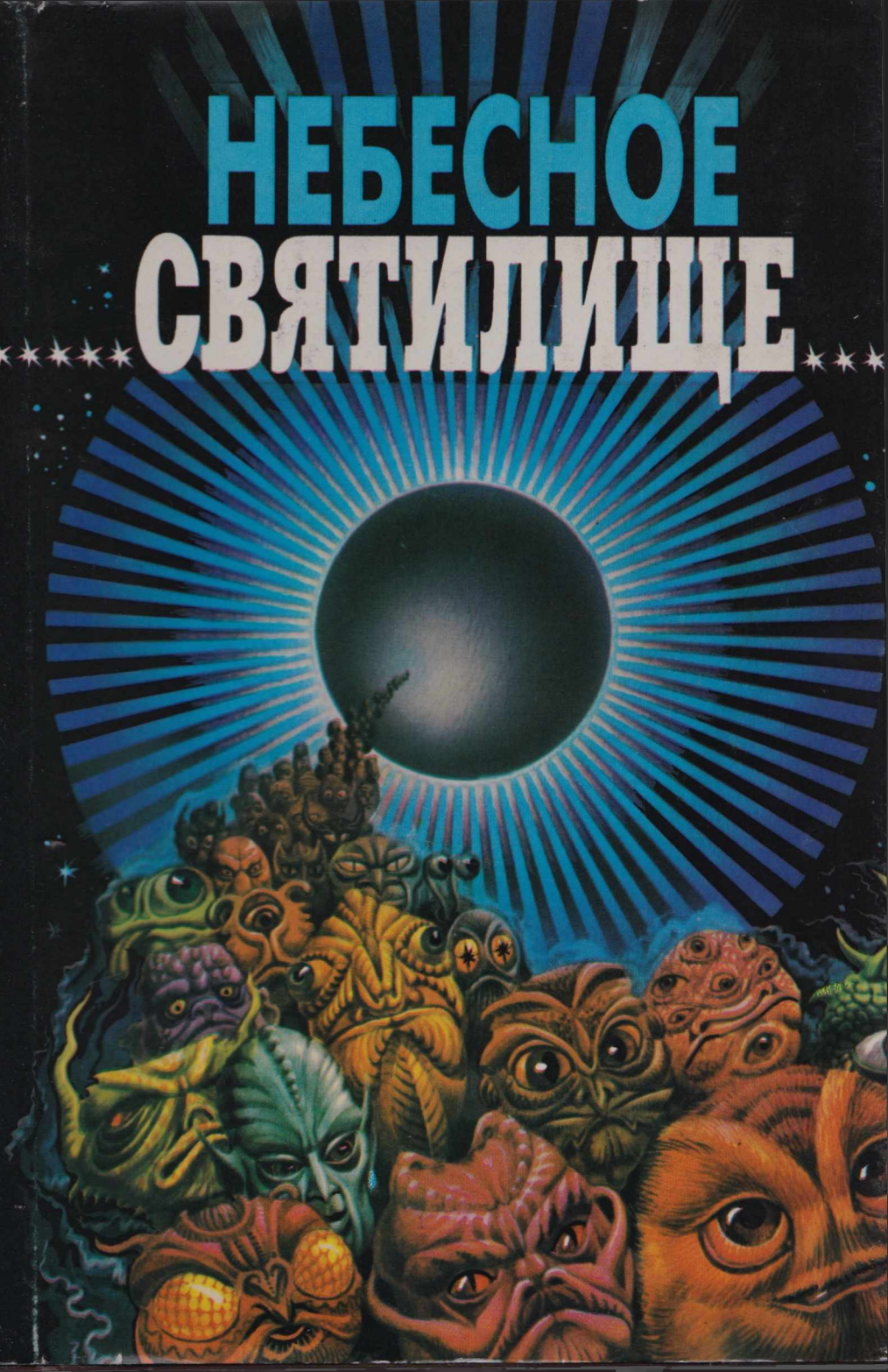

Зал
славы
зарубежной
фантастики

НЕБЕСНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

НЕБЕСНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

SANCTUARY SKY
IN THE

НЕБЕСНОЕ SANCTUARY

Перевод с английского

СВЯТИЛИЩЕ

IN THE SKY

Київ
"Альтерпрес"
1995

**ББК 84.7 США
Н39**

Редакційна колегія серії:
П.Хазін, В.Каплан, М.Шпуглак

**ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ**

В книгу включены романы известных американских писателей-фантастов Р. М. Вильямса "Звездные оси", Ч. Андерсона и М. Курланда "Десять лет до страшного суда", Д. Браннера "Небесное святилище", Т. Карра "Повелитель войн Кор", А. Шварца "Странствующий теллуриец".

**Небесне святилище: 36. фант. романів: Пер. з
Н39 англ. — К.: МСП "Альтерпрес", 1995. — 543с.:іл. —
(Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-4762-5**

До книги увійшли романи відомих американських письменників-фантастів Р. М. Вільямса "Зоряні осі", Ч. Андерсона та М. Курланда "Десять років до страшного суду", Д. Браннера "Небесне святилище", Т. Карра "Володар війн Кор", А. Шварца "Мандруючий теллурієць".

С 4703040100-11 без оголош.
95

ББК 84.7 США

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики
Книга 20

НЕБЕСНЕ СВЯТИЛИЩЕ (Російською мовою)

Відповідальний редактор *І. Чудінова*
Редактор *С. Локишина*
Художник *С. Павленко*
Художній редактор *О. Шапрай*
Коректор *Г. Короєвиченко*
Відповідальна за комп'ютерну верстку *Л. Романко*
Комп'ютерний дизайн *О. Васкес-Кампос*

Здано до набору 6.01.95. Підписано до друку 3.04.95. Формат 84х108/32.
Папір книжково-журнальний. Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-
друкарк. 28,56. Умов.фарб.-відб. 29,16. Обл.-видарк. 29,81.
Замовлення № 5-90.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42, в/с 29.

Надруковано з оригінал-макета на ОП "Київська книжкова фабрика",
252054 Київ, вул. Вороньського, 24.

ISBN 5-7707-4762-5

© Упорядкування, художнє оформлення, ембле-
ма і назва серії. МСП "Альтерпрес", 1995
© Супер-обкладинка. С. Павленко, 1995

ЧЕСТЕР АНДЕРСОН
МАЙК КУРЛАНД

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДО СТРАШНОГО СУДА

**CHESTER ANDERSON
MICHAEL KURLAND**

**TEN YEARS
TO DOOMSDAY**

1964

*Авторы пользуются
предоставившейся возможностью,
чтобы посвятить эту первую совместную работу
друг другу.*

ГЛАВА I

“Террэн бивер”, легкий крейсер Военно-Космического Флота Федерации, осуществлявший обычное патрулирование, вот уже двадцать седьмой день неторопливо продвигался в районе выступающего конца на краю галактики. Работа на борту была не более чем длительным периодом откровенного безделья, поскольку все, что требовалось, выполняли системы корабля в автоматическом режиме, оставляя одиннадцати членам экипажа возможность заниматься чем угодно.

В 15 часов 20 минут по Гринвичу на экранах дальнего обнаружения появилась неопознанная вспышка. Впередсмотрящий оператор третьего класса БЧ-1 Рич Хэлн, в функции которого входило наблюдение за экранами локаторов, с явным неудовольствием оторвав голову от космического детектива, большим пальцем небрежно нажал тумблер, включивший запись. Впрочем, в этом вовсе не было необходимости, поскольку автоматика корабля сама включила запись еще три минуты назад. Сделав эту нехитрую, хотя и ненужную, но обязательную по вахтенному расписанию операцию, БЧ-1/3 Хэлн, не подозревавший, что уже оставил свой след в истории, с чистой совестью возвратился к детективу.

В 15.45 “Бивер” прервал увлекательное занятие Хэлна, вежливо пропихав ему “Пи-и-и”. Он вяло глянул на экраны и вдруг встрепенулся. Неопознанное пятнышко успело вырасти за эти двадцать пять минут в космический корабль хотя и неизвестного происхождения, но явно крейсерского класса. Как неистовый пианист Хэлн стал нажи-

мать на торчащие перед ним кнопки, посылая по всем помещениям корабля трели звонков, сигналы тревоги, включая всевозможные автоматические устройства, которыми был напичкан корабль. Завершив эту церемонию включением первой в истории корабля Общей Тревоги, он снова облокотился о спинку кресла и стал ожидать дальнейшего развития событий.

В направлении неизвестного корабля на всех мыслимых частотах раздавались стандартные сигналы опознания; капитан и состоящий в штате корабля ксенолог — специалист по контактам с населением других планет — прибыли на мостик одновременно, причем оба озабоченно бормотали что-то себе под нос. Весь “Террэн бивер” пришел в невиданное возбуждение.

Это был Контакт! По мере увеличения изображения на экранах становилось все более очевидным, что корабль принадлежал к совершенно неизвестной расе — первой новой цивилизации, с которой Федерация столкнулась за более чем три тысячи лет. Будет установлена связь, пришельцам предложат вступить в Федерацию, и они, несомненно, примут это приглашение; все члены экипажа “Бивера” станут героями, получают огромные награды и...

В 15.51 неизвестный корабль открыл огонь из довольно внушительной батареи орудий. Защита “Бивера”, никогда до этого не использовавшаяся, отбила его автоматически; аналогичные противоогневые меры были приняты корабельным компьютером, а в 15 часов 51,0685 минуты непознанный корабль превратился в расширяющееся облако ярко светящегося газа, пригодного разве что для спектроскопического анализа.

Этим и закончилась первая битва в космосе, которую провели представители Военно-Космического Флота Федерации за почти тысячу лет. “Террэн бивер” развернулся и взял курс в сторону дома.

ГЛАВА II

— Побрали б черти эту ночь глухую, что Мать своим вниманьем обделила! — Хард Гар-Олнин Саарлип специально нырнул в самый темный подъезд, который только мог найти, продолжая беседу с самим собой осторожным

шепотом. — Ни кошелька, бредущего в тиши, ни деньгами звящего кармана. Не ходит знать по этим улицам ночным. Видать, придется мне уснуть таким голодным, каким ни разу раньше не бывал.

Хард был поэтом по профессии, как он с гордостью любил говорить о себе; когда-то он был придворным бардом очень знатного барона, который, к сожалению, умер, не успев оставить завещания и предоставив таким образом Харду выбор — либо продать свою трудовую закладную какой-нибудь увядающей старой карге, любительнице острых ощущений, либо плюнуть на закладную, убежать куда подальше и стать вне закона. Для Харда Гар-Олнина Сарлипа, поэта и сына поэтов, это не давало практически никакого выбора, если хорошенько разобраться.

— Увы, прохладна ночь, — напомнил он себе, — и не проходит мимо никто, кто был бы состоятельней меня. О Мать, исполни для меня одно лишь скромное мое желание: пощи сюда купца, бредущего неровным пьяным шагом; иль на худой конец ученика бармена, ночную выручку несущего домой. Хотя постой, бармена мне не надо. — Он поразмышлял некоторое время. — С той публикой порой шутить опасно: недружелюбны к нам они бывают, с деньгами расставаться не хотят. — Он поежился от холода.

Кроме занятия поэзией, Хард был еще и уличным разбойником, карманником, просто вором, клятвопреступником и вообще мог совершить любое уголовное преступление, когда в этом возникала нужда и появлялась возможность. Хотя уголовная деятельность, вероятнее всего, должна была привести его к столбу и Проклятью Матери, уголовщина являлась традиционным и даже почетным занятием для поэтов планеты Лифф. И Хард всегда успокаивал себя, что казнь, если ее хорошо обставить, прославит его, вызовет немедленный всплеск интереса к его поэмам и сильно обогатит его издателей и наследников, если только таковые у него когда-либо будут.

Пробирающийся до костей ветер трепал пламя газового фонаря, который отбрасывал зловещие тени на теснившиеся по сторонам узкой улочки дома, сработанные из толстых бревен. Хард начал дрожать от холода.

— Так снизойди же, о Мать, до преданного тебе, хотя и недостойного сына, выполни одну единственную его просьбу, и тогда... — при звуках осторожных шагов, доносившихся из-за угла, Хард прекратил свое нашептывание,

еще глубже спрятался в тень подъезда и затих, все еще дрожа от холода.

Высокий худой молодой человек в теплой и дорогой одежде вышел из-за угла и остановился в нерешительности. Было видно, что он ищет табличку с названием улицы или хоть какой-то указатель. Не найдя ничего подобного, он медленно направился как раз к тому месту, где прятался Хард.

— Никчемный отпрыск Твой Тебя благословляет! — пробормотал Хард на тот случай, если Мать все еще слушает его.

Незнакомец явно был растерян. Покрой и качество его добротной одежды и приятная округлость кошелька свидетельствовали, что он богат. Поскольку незнакомец богат и побрит наголо, в то время как все богатые люди Лиффдарга носили коленые бороды, он, скорее всего, иностранец, возможно, купец из западного портового города Фрейдарга; его ни в коем случае нельзя упустить, даже если бы Харду и пришлось обойтись с ним грубо. К счастью, иностранец шагал тяжело, медленно и неровно, что могло означать одно — он пьян и относительно беспомощен. Хард забыл о холоде.

Проходя мимо Харда, иностранец пристально всматривался в дома на противоположной стороне. Хард тихо поблагодарил Мать за такое благословение.

Узкая улочка извивалась как ручеек. Иностранец направился к неосвещенному повороту, Хард выскользнул из подъезда и стал осторожно красться за ним.

В руке он держал нож — единственно лишь для того, чтобы использовать его в качестве угрозы, так как помнил о жестоких наказаниях за убийство богатых людей.

Иностранец повернул за угол и вошел в тень. Хард дал ему возможность уйти вперед, а затем последовал за ним.

Силуэт иностранца выделялся на фоне далекого фонаря на винной лавке, а сам Хард был невидим — как ночь в ючи. Вот сейчас самое время. Один удар ребром ладони по затылку, единственный удар, и Хард будет целый месяц есть первосортное мясо и пить самые тонкие вина.

Распрямившись, как закрученная до упора пружина, Хард совершил бросок. И, как плохо привязанный мешок с сеном, повалился на отблескивающие от сырости камни мостовой к ногам иностранца.

С позиции, в которой он оказался на камнях, Харду была хорошо видна опускающаяся на его шею подошва сапога иностранца. Дело принимало плохой оборот.

— О, Ваша Честь, молю вас о пощаде, — униженно взмолился Хард. — Я ведь всего лишь жалкий бард; так низко пасть, дойти до крайней точки лишь голод вынудил меня, да крики ослабевших деток, что дома хлеба ждут; и если б не нужда, то никогда бы не посмел я взяться за такое непристойное занятие.

Затем он прервал свои поэтические излияния и спросил:

— Как это все случилось?

Оказалось, что иностранец несколько не встревожен.

— Рычаг и точка опоры, — спокойно ответил он. — Элементарные законы физики, и все. Не будете ли вы так любезны объяснить мне, как пройти к дому Тарна Гар-Террэна Джеллфта, Лечащего врача Короля и прочее, и прочее?

— Выходит, то, чем брошен я на камни, вы физикой зовете, Ваша Честь?

— Древнее название этому — дзю-до, если это о чем-то тебе говорит, в чем я сомневаюсь. Где живет доктор Джеллфт? — Казалось, что иностранец не замечает, что его нога тяжело и надежно опирается на тонкую шею Харда.

— Мой господин, неужто так жестоко вы собираетесь отдать меня гвардейцам? — Хард, наоборот, очень явственно ощущал на себе ногу иностранца. Казалось, что с каждой секундой она становится все тяжелей.

— Конечно, нет, дружище. Мне нужен дом доктора, а не твоя кровь. Однако, если только ты... — иностранец сделал паузу.

Харду вовсе не хотелось знать, чем именно иностранец собирается закончить это предложение, поэтому он снова залепетал:

— Запутаны так улицы Лиффдарга, что заблудиться в нем труда не составляет. И часто даже так бывает, что тот, кто города не знает, вдруг пропадает без следа. — Нога иностранца вдруг стала намного тяжелее, и Хард сбился с размера своей поэтизированной речи. — Но дом Преподобного Лорда Хирурга Тарна Джеллфта, достойнейшего сына своего великого отца Терра (о котором, признаюсь вам, мне известно очень мало), находится всего в семи кварталах отсюда, и я, хорошо знакомый со всеми улицами города... я буду рад проводить вас туда, если Ваша Честь того пожелает, — еле дыша закончил он свою тираду.

Иностранец поднял поэта с мостовой и, закрутив его руку назад таким хитроумным манером, который обещал

причинить сильную боль в случае малейшего неповиновения, сказал:

— Веди, я пойду за тобой. Причем совсем близко, как ты сам сможешь убедиться.

Некоторое время они двигались молча. На тот случай, если Мать все еще слышала его, Хард заполнил свою голову молитвами о помощи. Но, поскольку она сыграла с ним такую нечестную и от начала до конца грязную шутку, он практически не надеялся, что она услышит его.

Иностранец прервал мольбы Харда:

— Сынок, все жители Лиффдарга разговаривают стихотворными размерами? И если это так, то можно ли говорить белыми стихами, или они должны обязательно быть рифмованными?

— Что?

— Я сказал, что...

— Нет, Лорд, я вас хорошо понял. Неужели вы тоже поэт? — Похоже, что Мать, в конце концов, была на стороне Харда. Гильдия Бардов запрещала поэтам предавать друг друга.

— Ага, — тон иностранца выдавал явное облегчение. — Вижу, что стихотворный размер в разговоре вовсе не обязателен. Великолечно. Это меня беспокоило. Образовательные кассеты ничего не упоминают о поэзии, и я не думаю, что остальные члены экипажа смогли освоить правила стихосложения. Лиффанское наречие и без того достаточно сложное, даже если на нем разговаривать прозой.

— Образовательные кассеты? — Этот человек был явно иностранцем, это безусловно, но где в Сокровенном Саду Матери он научился таким мудреным словам?

— Ты все равно не поймешь, сынок. Скажи мне, у тебя есть имя?

Имя?! Хард размышлял, стоит ли раскрыть свое имя этому иностранцу, который оказался вовсе не поэтом. А с другой стороны, какой у него выход?

Они шли узким переулком. Из темноты появился очень пьяный молодой вельможа. Длина его бороды была никак не меньше локтя, что, с учетом моды, свидетельствовало, что он, по крайней мере, не ниже подгерцога.

— С дороги, ты проклятый Матерью подонок! — грубо прорычал вельможа.

— В чем дело? — спросил иностранец. Хард пытался оттащить его в сторону, но иностранец предпочел остаться

на месте; Харду не оставалось ничего другого, как остаться вместе с ним.

— Ага! Они не повинуются! — пьяный вельможа был чрезвычайно доволен. — Гарлин, Тчорнио, идите сюда и посмотрите на игру, которую нам подарила Мать!

В круг света ступили еще двое вельмож. У всех троих были бороды в пол-локтя. Одеты в богатые расписные одежды, все они были молоды и пьяны, а теперь к тому же вынули шпаги из ножен. Хард вручил свой дух в руки Матери.

— Чего вы хотите, ребята? — спросил иностранец.

— Мы хотим развлечься, ты голобородый простолюдин, — чванливо ответил один из молодчиков.

— Ваша желтая кровь как раз согдится для этого, — добавил второй.

Первый молодой вельможа прочистил глотку, затем четко и громко сделал такое заявление:

— Твоя мать продала себя иностранцам. — Такое заявление было бы оскорбительным в культуре любого народа; что же касается цивилизации, боготворящей Мать-богиню, такое заявление являлось открытым проявлением намерения убить либо быть убитым самому.

Иностранец высвободил Харда, прошептав ему:

— Считаю себя покойником, если попытаешься бежать. — Затем, обращаясь к молодчикам, заявил тоном, не терпящим возражений: — Иностранцы отказываются покупать ваших матерей. — И добавил в наступившей тишине: — Вы — прижитые вашими матерями на стороне ублюдки. — Он явно был готов развивать эту тему и дальше, до самого утра, но прежде, чем начал очередную вариацию, вельможи двинулись на него.

Хард нашел ближайшее укрытие в дверном проеме дома — в эту ночь он был просто обречен прятаться в таких укрытиях — и наблюдал за схваткой с благоговейным ужасом.

Один из молодчиков — в такой крошечной тьме трудно было определить, кто именно из трех — с острой как бритва шпагой бросился на иностранца. Иностранец с невиданной легкостью отскочил в сторону, схватил длинную бороду вельможи и резко дернул за нее. Борода была фальшивой и сразу же оказалась в руке иностранца. Глумливо смеясь, иностранец одним легким движением уложил молодчика на землю и бросил фальшивую бороду в лицо другому нападавшему.

Поверженный вельможа пополз по камням мостовой к тому месту, где прятался Хард, и оказался на расстоянии вытянутой руки от него. В порыве неожиданной классовой ненависти Хард выкрикнул: — Мать, прости мне эту греховную радость! — и стал бить ногой по голове вельможи. Камни окрасились в кровь.

Однако иностранцу было не до радости — он оказался зажатым между двумя другими молодчиками. Кончики их шпаг мелькали перед ним как ядовитые насекомые; каким-то чудом получалось так, что всякий раз он оказывался там, где шпаг не было. Тем не менее, ему никак не удавалось схватить ни одного из них. Несмотря на холод, его лоб покрылся потом.

— Тебе сейчас придет конец, — глумливо прокричал один из вельмож, — потому что моя шпага напоена Молоком Матери (Молоко Матери являлось ядом широкого спектра действия, состоящего из цианидов и растительных алкалоидов типа кураре). Другой вельможа хранил молчание, поэтому иностранец решил начать с него.

Тем временем Хард заметил, что молодчик, которого он пинал ногами, уже мертв.

— Помоги мне, Мать! — завопил он. — Ведь ни один человек не умирает дважды от Долгой Смерти! — С такими словами, заручившись поддержкой Матери, он как копье метнул шпагу мертвого вельможи во владельца отравленного клинка. Шпага пронзила тому горло, и с выражением благородного удивления он повалился на землю.

— Неплохо сработано, сынок, — спокойно похвалил Харда иностранец. Единственный оставшийся в живых вельможа попытался было сделать отчаянный выпад, но счел за благо быстро развернуться и убежать, истерически взывая о помощи и бросив свою шпагу, которую ему удалось-таки всадить в правое плечо иностранца.

Выкрики беглеца затихли вдали. Хард и иностранец стояли над телами повергнутых вельмож, глядя в лицо друг другу. Теперь у Харда было время обдумать все случившееся, и он пришел в ужас.

— Мы мертвы, — объявил он упавшим и как будто бы не ему принадлежавшим голосом. — Даже если им придется упрятать в темницу половину города, они все равно схватят нас. Затем они целый месяц будут казнить нас, как того требует Закон Матери. А мы даже дали возможность обратиться единственному свидетелю.

Но иностранца больше всего беспокоила застрявшая в плече шпага. Он осторожно вынул ее, почти даже не скривившись, и из открывшейся раны хлынула кровь.

— Пошли, сынок, — сказал он сквозь стиснутые зубы, — веди меня к дому доктора Джеллфта. Скорее!

Они двинулись вперед. Но перед этим, несмотря на охвативший его ужас от предчувствия мучительной казни, Хард не забыл забрать с собой кошельки убитых.

— Хоть поем хорошо перед тем, как они схватят меня.

* * *

Преподобного Тарна Гар-Террэна Джеллфта, Герцога Лиффа, Лечащего врача Короля, Спонсора-Покровителя Гильдии Врачей, подняться с постели, где он видел сладкие сны, в такой проклятый Матерью поздний час заставил энергичный стук в парадную дверь. Как и большинство лиффанских вельмож среднего возраста, он был склонен к помпезности, благополучию, консерватизму, как, впрочем, и некоторой робости. Однако, когда он открыл дверь и увидел, что его посетителями являются хотя и богато одетый, но раненый молодой человек и какой-то оборванец, по виду несомненно преступник, его первым желанием было позвать на помощь. Но когда раненый заговорил на языке Терры слишком быстро для доктора, который вот уже целых двенадцать лет не разговаривал на этом языке, тот сразу подумал, что его командировка заканчивается; вторым его ощущением было головокружение, когда он с трудом, спотыкаясь на каждом слове, выдавил из себя на языке Терры:

— Пожалуйста, говорите медленнее. Прошло много времени, и я не понимаю вас.

Терранин и местный уголовник прошли в вестибюль.

— Если вам угодно, я могу говорить по-лиффански, — предложил молодой человек.

— Ну, ... я имею в виду... — доктор Джеллфт явно затруднялся подобрать полузабытые слова. Наконец, он оставил свои потуги и сказал по-лиффански:

— В конце концов, прошло действительно много времени.

— Великолепно. Пожалуйста, поднимите правую руку.

Смущенный всем этим и уверенный в том, что уголовник пришел ограбить его дом (что уголовник действительно собирался сделать), доктор Джеллфт поднял руку.

Лиффанский язык молодого человека был почти таким же быстрым, как и терранский.

— Клянетесь ли вы всем святым или личной этикой, определяющей ваши дела, поддерживать и защищать Конституцию Терранской Федерации Планет всеми доступными вам средствами и соблюдать законы Терранской Федерации Планет и уставы Военно-Космических Сил, которые на протяжении времени выполнения данной миссии приравниваются к другим законам, и да поможет вам то божество, которое вы исповедуете, или личная этика, определяющая ваши дела? Говорите “Да”.

Медленно, неуклюже и почти механически доктор Джеллифт произнес:

— Ну да, конечно же, клянусь.

— Великолепно. — Молодой человек коротко отдал честь. — Сэр, настоящим актом вы переводитесь из пассивного в положение активного резерва. Вам присваивается звание младшего командира и поручается принять командование всеми военно-космическими средствами на планете Лифф. Вам также вменено в обязанность всемерно оказывать содействие Особой Операции “Л-2” на весь период наших действий здесь. Пока все. — Он вынул из внутреннего кармана своего кителя покрытый пятнами крови пакет и вручил его ошарашенному доктору. — Меня зовут Джон Харлен. А теперь, ради бога, сделайте что-нибудь!

Сказав это, молодой терранин упал в обморок.

ГЛАВА III

“Террэн бивер” прибыл на военно-космическую базу Федерации, дислоцированную на Луне, за двадцать пять дней до того, как Джон Харлен явился к доктору Джеллифту на Лиффе. Менее чем через полчаса после прибытия корабля, записи вахтенных журналов “Бивера” были введены в память Главного Управления для анализа, и компьютеру потребовалось еще полчаса, чтобы сравнить приключение “Бивера” со всеми другими, что произошли на земле и в космосе за последнюю тысячу лет истории Федерации. Заключение Главного Управления было передано в информационные сети еще за пять часов до того, как команда “Бивера” закончила прохождение карантинных формальностей. Таким образом, Рич Хэлн стал одним из последних людей в Федерации, узнавшим о том, что то,

что он испытал в полете, было только первым залпом Первой Межгалактической Войны.

С другой стороны, самым первым человеком, который получил эту информацию, был адмирал Космофлота Эдвалт Беллман, поскольку Главное Управление подчинялось непосредственно ему. Большую часть того, что сообщил компьютер, он направил в парламент, но по одному разделу, помеченному грифом "СЕКРЕТНО/СРОЧНО", он поставил в известность только трех человек. Это произошло в процессе совещания, которое адмирал созвал несколько позже, после обеда.

— В нашем распоряжении всего десять лет, — сказал он, рассказывая настолько быстро, насколько позволяли скромные размеры его кабинета.

Три молодых офицера, к которым были обращены эти слова, явно не поняли причин тревоги своего адмирала.

— Десять лет? Тогда в чем загвоздка?

Этот недоуменный вопрос был задан самым младшим из трех, Ансаром Соренштайном, который до сегодняшнего дня был мало кому известным корреспондентом одной из информационных компаний.

— Проблема в том, — торжественно сказал Беллман, — что нам необходимо пятнадцать. — Он остановился у стола и еще раз просмотрел секретную часть доклада Главного Управления. — Да, — продолжил он, — пятнадцать лет. Вы понимаете, что в настоящее время наша огневая мощь состоит всего из одиннадцати боевых кораблей?

После несколько затянувшегося задумчивого молчания Беллман продолжил:

— Мы, конечно, не знаем, кто нападает на нас, но кое-что о них нам уже известно. Например, что это — несомненно воинственная раса. Они вначале стреляют, а потом задают вопросы, да и то, если захотят. Именно это случилось с нашим "Бивером". По данным Главного Управления, именно это произошло с двадцатью четырьмя патрульными кораблями, которые мы потеряли за последние пять лет. "Бивер" стал бы двадцать пятым, но, к счастью, он является военным кораблем и может постоять за себя. Оружие наших врагов почти настолько же совершенно, как и наше, и судовые записи "Бивера" подтверждают это. С каких пор этот противник готовится к войне, знает один только Бог.

Пиндар Смит поднял руку:

— Сэр?

— Да? — Смит поднялся.

— Полагаю, сэр, что все то, что знаем о противнике, дает нам основания чувствовать себя довольно спокойно при подготовке к встрече с ним. В конце концов, десять лет не такой уж малый срок.

На это ответил Джон Харлен:

— Все правильно, сынок, но есть одна неприятная загвоздка. Они знают о нас на пять лет дольше, чем мы знаем о них.

Смит сел на свое место лишь после того, как адмирал Беллман добавил:

— Это действительно одна из проблем. Но не единственная. Другая состоит в том, что у них уже создана экономика военного времени. Нет сомнения, что они начали создавать свои военно-космические силы как только обнаружили нас. Нам же потребуется не менее двух лет, чтобы только развернуть производство.

— Такова цена мира, — пробормотал Джон Харлен.

Они обсуждали проблемы еще полчаса, в течение которых Беллман больше слушал, чем говорил сам. Ему нравилось то, что он видел и слышал. Лейтенанты Харлен, Смит и Соренштайн являлись гордостью Отряда Синтезаторов; они были специалистами во всем, и Беллман не сомневался, что они вполне справятся с той задачей, которая на них возлагалась; если только эта задача могла быть решена вообще.

Джон Харлен, например, поначалу являлся поэтом, и в таком качестве был довольно широко известен. Однако он был также и опытным инженером, имел научную степень в области математики, и одно время даже зарабатывал себе на жизнь консультированием по части психологии.

Ансгару Соренштайну, журналисту, было всего двадцать четыре года, но он уже имел ученые степени в области физики, музыки, антропологии и органической химии. И работал он в информационном агентстве ради, как он сам любил говаривать, спортивного интереса.

Пиндар Смит был бизнесменом. "Предприятие Пиндар, Лтд.", фирма, которую он сам основал и которой владел, имела дело с текстилем, сельскохозяйственным производством и цветными металлами. Сам Смит был специалистом во всех этих областях, также как и в электронике и истории. И естественно, что хобби — полиграфия и история — были довольно далеки от его основных занятий; эти увлечения позволяли ему на протяжении вот уже одиннадцати лет довольно успешно издавать свой журнал "Пере-

довая научная фантастика и теория", который он сам редактировал, и все материалы для которого писал лично под самыми различными псевдонимами.

— Хорошо, господа, — сказал Беллман, вклиниваясь в их беседу. — Вижу, вы понимаете создавшееся положение правильно. И теперь, возможно, захотите узнать, какое отношение это все имеет к вам лично.

— Это естественно, — ответил Джон Харлен. — Мы все являемся членами Отряда Синтезаторов, так? Это может быть и совпадением, но нам представляется, что вы планируете осуществление какой-то необычной операции. Однако Главное Управление не станет шутить с совпадениями, не так ли? И мы догадались, зачем мы здесь, с того самого момента, как попали сюда. Поэтому все, что нам необходимо сейчас, — конкретные детали вашего плана. Расскажите, какой хитроумный план вы задумали, сэр?

Беллман только сейчас понял, что до сих пор не утратил способности краснеть.

— Ну, Главное Управление имеет один план... — начал было он, не зная, как преподнести этим молодым ребятам саму суть задания.

— Я полагаю, что план, о котором пойдет речь, носит противозаконный характер, — вставил Соренштайн.

— А как же иначе, — добавил Смит. — Все задания, к выполнению которых нас привлекают, носят деликатный характер. Помню, какую работенку мы делали на планете Маури — когда нам пришлось играть роль самых настоящих взломщиков в...

— Господа! — Беллману не особенно хотелось, чтобы эти смышленные ребята еще больше загоняли его в краску своей болтовней о сверхсекретной тематике Отряда Синтезаторов. Все три лейтенанта умолкли. — Спасибо, господа. Задание касается планеты Лифф.

— Я так и думал, — прошептал Смит. — Снова нарушение правил контакта.

Беллман никак не отреагировал на его замечание:

— Планета Лифф будет, скорее всего, первой территорией в пределах Федерации, которая подвергнется нападению противника. В соответствии с данными Главного Управления...

— Но, сэр, — перебил его Соренштайн, — Лифф не является членом Федерации.

— Будет являться. Мне можно продолжать?

— О, конечно, сэр. Прошу извинить меня за бестактность.

— Спасибо, лейтенант Соренштайн. — Беллман сделал паузу, чтобы еще раз заглянуть в доклад. — Да, — продолжал он, — планета Лифф населена людьми, которые, как мы полагаем, являются потомками каких-то первопроходцев начального периода колонизации. У нас нет никаких данных о том, как эти люди попали на Лифф, точно также как нет и у них самих, но им потребовалось приблизительно от полутора до двух тысяч лет, чтобы достичь того уровня развития общества, на котором они сейчас находятся. Кстати, они — единственные млекопитающие на планете. Даже при отсутствии других данных это обстоятельство свидетельствует о их терраанском происхождении.

Ровным и спокойным голосом, свидетельствующим о большом лекторском опыте, Беллман продолжал излагать историю взаимоотношений Федерации с Лиффом:

— Двенадцать лет назад Департамент исследований и контактов направил на Лифф своего агента, врача по профессии. Однако все, что мы можем почерпнуть из его докладов, это то, что лиффанцы — такие же люди, как и мы. Но об этом мы и так знали без него.

Далее адмирал перешел к изложению плана Главного Управления относительно планеты Лифф и ее населения:

— Как я уже сказал, подсчеты предсказывают, что первый главный удар противник нанесет примерно через десять лет, вероятнее всего именно по этой планете. Однако у Федерации к тому времени все еще будет недостаточно флота и огневой мощи, чтобы защитить Лифф. Поэтому вам поручается подготовить население планеты к тому, чтобы они смогли защитить сами себя. Задача ясна?

— У меня есть несколько вопросов, сэр.

— Валяй, Джон.

— Первое: сколько человек будет задействовано в этой операции?

— Направляетесь только вы трое, да плюс тот доктор, который уже находится там.

— Всего четыре человека? А на какой стадии общественного развития сейчас находится Лифф, сэр? Я имею в виду, насколько велик флот Лиффа? Как у них с оружием? Есть ли там...

— Стоп. Вижу, что я не очертил цель задания достаточно ясно. Лиффанская культура находится в состоянии,

которое можно было бы назвать дотехническим. Если Лиффу не помочь, то там первый двигатель внутреннего сгорания будет создан примерно в течение ста лет.

— Понятно. А что мы должны там делать?

— От двигателя внутреннего сгорания до первого выхода в космос обычно проходит от восьмидесяти до ста двадцати пяти лет. Ваша задача состоит в том, чтобы уменьшить этот период развития до менее чем десяти лет. Если возможно, сделайте это таким образом, чтобы без нужды не разрушать экономику Лиффа. Главное Управление просчитало, что у вас шансов на успех — пятьдесят на пятьдесят. Лично я полагаю, что... — Его речь была прервана резким звонком. — Ну вот, ваш корабль уже готов к отлету. Полетите на “Эндрю Блейк”. Путь займет двадцать четыре дня, джентльмены; у вас будет достаточно времени, чтобы спланировать свои действия. Желаю вам удачи и семь футов под килем!

Беллман был адмиралом старой школы.

ГЛАВА IV

— Насколько я понимаю, — сказал Харлен, — Хард должен стать одним из членов нашей бригады. В конце концов, он прекрасно знает город, входы и выходы не только в Суд, но и в преступный мир; кроме того, он неплохо образован (по здешним меркам, разумеется), он знает, как разговаривать с простым человеком. К тому же, он сражался рядом со мной и знает о нас достаточно много, чтобы доставить кучу неприятностей в случае, если мы с ним расстанемся.

Этот разговор происходил наутро после ночных приключений Харлена; подразделение Особых Операций “Л-2” проводило совещание в кабинете доктора, решая дальнейшую судьбу Харда Гар-Олнина Саарлипа.

Хард ожидал на кухне, никак не подозревая о том, что разговор в кабинете касается именно его. Он оставил всякую надежду понять, чего хотели от него эти странные люди. Ясно одно, что они немного не в своем уме. Все они. Даже его новый друг Джон, вместе с которым они убили двух знатных юношей, — так вот даже Джон, и тот был с приветом. Даже Джон, подумать только! Действительно, “Федерация”! “Терра”! “Образовательные кассеты”! Ну и

ну! Половина из того, что говорили эти чокнутые, было не более чем пустым звуком, детским лепетом. Сдвинутые, да и только.

— Но послушай, Джон, — выдвигал обоснованные контрдоводы Пиндар, — какие у нас гарантии, что этому человеку можно доверять? Как ты не хочешь понять, что он — не более чем заурядный уголовник, несмотря на все его ритмы и рифмы. И что удержит его от того, чтобы не предать нас в любую минуту, если вдруг мы ненароком так обидим какого-нибудь вельможу, что за нашу голову будет назначена соответствующая плата?

На эти доводы ответил Анстар, журналист:

— Боже мой, Пин, — начал он. — Мне кажется, что ты вовсе не изучал эту цивилизацию. Чем ты занимался во время перелета, когда мы были в гипнокамерах? — Смит не ответил. — Смотри, — продолжал Соренштайн, — этот местный приятель Джона убил двух вельмож и позволил третьему уйти невредимым.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил свои рассуждения:

— Согласно теологии лиффан, вся знать делегирована на планету Матерью, чтобы быть Отцами в той или иной степени. Для любого жителя, кроме тех, кто выше по рангу, обидеть кого-то из них означает великий грех, и наказанием служит казнь — что-то такое, что они называют "Проклятием Матери". Убить вельможу — значит совершить святотатство, и у них для таких случаев даже придумана специальная казнь. Они называют ее "Долгой Смертью", поскольку казнь длится целый месяц. И вот этот парень убивает не одного, а сразу двоих из них, причем высокопоставленных вельмож, борода которых достигает их священных пуговиц на пузе. И Джон при этом был еще одним свидетелем.

— Это правильно, — вставил свое слово Джеллфт. — Убийство вельможи является святотатством. Саарлип скорее удавится и избавится этим от дальнейших неприятностей, чем откажется от дружбы с лейтенантом Харленом.

Как подтверждение этому, Объятия Матери (дивизион Гвардейцев) в полном составе, а это — двести хорошо вооруженных лиффан, как раз в это самое время маршировал по улицам города. Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт, Первый Сын и Наследник Сполна Гар-Тчорниена Хиирлта, Великого Князя Лиффа, потомственного патрона Гильдии Текстильщиков, не говоря уже о еще нескольких не

менее впечатляющих титулах, шагал впереди колонны. За ним следовал глашатай из Гильдии Глашатаев, который на углу каждой улицы объявлял:

“Все лиффане должны слушать это внимательно! Все лиффане должны слушать это внимательно! Сокровенным Именем Матери! Объявляется ненависть Матери в отношении двух неизвестных низменного происхождения, которые прошлой ночью предательски убили трусливыми методами благородных сынов двух наиболее благородных семей.

Налагается епитимья на срок в шесть дней.

Да не будут проданы в эти дни в пределах города Лиффдарга ни мясо, ни вино, ни пиво. Да не будет звучать музыка, и да не будет смеха. За нарушение — Ласковое Наказание Матери.

Да вознесет каждый житель Лиффдарга скорбные молитвы в Храме каждый день с восходом и заходом Материнского Глаза. За нарушение — Ласковое Наказание Матери.

Да будут закрыты городские ворота все эти шесть дней. Да не войдет никто в город и не выйдет из него до тех пор, пока епитимья не будет завершена. За нарушение — Ласковое Наказание Матери.

Все лиффане должны слушать это внимательно! Сокровенным именем Матери! Проклятье Матери да падет тяжкою карою на головы богохульных убийц, и да свершится над ними Долгая Смерть, и да не будет для них нигде прибежища.

Слушайте все! Сокровенным именем Матери! Кто бы ни доставил этих людей, одного или обоих, в Обьятия Матери, будет возведен во дворянство и станет богатым, а тот, кто укроет их от Обьятий Матери, разделит вместе с ними их участь. Объявление сделано. Сокровенным Именем Матери!”

После каждого объявления дивизион следовал дальше. И все это время Тчорнио, которого в дворянских кругах уже успели прозвать “Выживший”, подозрительно всматривался в толпы лиффан, чтобы победно выкрикнуть в тот самый момент, как только ему удастся опознать хотя бы одного из двух своих вчерашних врагов.

* * *

— Тогда хорошо, — заключил Смит, — будем считать, что этот карманник — наш первый завербованный. Но вот в чем вопрос: есть ли необходимость посвящать его во все детали нашей операции?

Несмотря на решительный протест Смита, было решено, что Харда будут посвящать абсолютно во все дела подразделения "Л-2", причем настолько регулярно, насколько он сможет воспринять и переварить очередную порцию информации.

— Он для нас не просто местный гид, — убеждал своих друзей Харлен. — Мы должны призвать его во Флот, включить в систему подчинения и сделать полноправным партнером во всей операции. В противном случае нам не удастся использовать его знания и опыт с максимальной отдачей. Он будет все время говорить нам только то, что, по его мнению, мы хотим от него слышать, если не будет четко представлять конечную цель нашей операции. О Господи, мне только что пришла в голову интересная мысль!

Соренштайн понимающе улыбнулся, а остальные разом воскликнули: "Какая?"

Вместо Джона ответил журналист:

— Хард будет, пожалуй, единственным человеком на Лиффе, призванным на военную службу!

А в это самое время будущий единственный призывник устроил на кухне доктора настоящую гастрономическую оргию. Харду ни разу не приходилось видеть такой пищи с тех пор, как умер его барон, и, поскольку он с полным правом считал, что скоро встретится с бароном, его вовсе не устраивало просто сидеть и смотреть на ряды полок, забитые роскошными продуктами. К тому времени, когда Джон позвал его в кабинет, Хард успел съесть столько, сколько хватило бы прокормить целую крестьянскую семью в течение недели. Лиффанский поэт раздулся, размяк, находился в сладостной полусонной эйфории и был готов принять любую кару, какую только решит низвергнуть на его грешную голову Мать.

— Хард, сынок, — сказал Джон. — Нам нужно кое о чем поговорить с тобой.

Хард счастливо икнул, подскочил на ноги и поплелся вслед за своим другом с Терры.

Безумцы, как называл их про себя Хард, занимали кресла, сгруппированные полукругом, фокус которого был направлен в сторону высокого деревянного стула. Кресла находились в темноте, а стул, наоборот, был ярко освещен. Вид стула навел Харда на неприятные воспоминания в исповедальном зале Храма. Его один раз допрашивали, еще в те времена, когда он был законопослушным и уважаемым поэтом, и ему никогда не удавалось забыть эти

впечатления, хотя священники и были достаточно осторожны, чтобы не оставить никаких следов на его теле, а впоследствии даже принесли ему свои извинения. Это было куда хуже, чем Ласковое Наказание Матери, которое представляло собой самое заурядное бичевание.

— Пожалуйста, садитесь на стул, Хард, — произнес голос в темноте. Этот голос принадлежал не Джону, а кому-то другому. Хард сел.

— Хард Гар-Олнин Саарлип, — послышался другой голос, — правда ли, что ты убил прошлой ночью двух знатных подданных Лиффа? Отвечай — да или нет?

— Ну... как бы это сказать... — нервно заерзал Хард. — Я полагаю, что недоразумение, случившееся прошлой ночью, может рассматриваться именно в таком аспекте. Да. — Теперь, когда он сам четко сформулировал свою вину, он уже не ощущал себя так благодушно. У него вдруг появилось сильное желание оказаться где-нибудь в другом месте.

— Хард Гар-Олнин Саарлип, убийца благородных дворян, — послышался бас, более глубокий и страшный, чем второе пришествие; очевидно, это был голос доктора. — Не забыл ли ты случайно, что я, Тари Гар-Террэн Джеллифт, являюсь посвященным в духовный сан Герцога Лиффа?

Все, что недавно съел Хард, вдруг стало камнем в его желудке.

— Клянусь вам, Ваша Милость, — взмолился он, — то сущою ошибкой было все; причиной же такого ослепленья была ночная тьма, что мне затмила взор и так смутила разум, что этих благороднейших людей по простоте своей душевной я принял за грабителей из черни, напавших под покровом темноты на благороднейшего Лорда Джона! О Преподобнейший милорд, молю вас, мне поверьте, что я считал, что защищаю... — его пересыпанная анапестовыми ритмами тирада вдруг оборвалась; поэт сник и продолжал сидеть неподвижно в полной тишине на безжалостно освещаемом стуле; ему было слишком жарко и в то же время его бил озноб; он с ужасом ждал, что вот-вот в комнату войдут Гвардейцы, схватят его и поволокут в Объятия Матери.

Чем дальше, тем напряженность возрастала все больше и больше; Хард почти физически ощущал, как она давит на его плечи; и вот, когда он был уже на грани истерики, тишина была нарушена. И хотя Хард едва ли был склонен к ощущению радости в таком положении, тем не менее он в какой-то степени обрадовался этому. Несмотря на то, что

у него практически не оставалось никаких шансов на спасение, ему все же не хотелось терять присутствие духа перед лицом этих ненормальных людей. Во имя сохранения собственного достоинства он не мог позволить себе опуститься до такой пошлой вещи, как истерика.

Голос, нарушивший тишину, принадлежал Джону.

— Успокойся, сынок, — сказал он ободряюще. — Мы вовсе не собираемся передавать тебя в руки Гвардейцев.

Из-за неожиданно обрушившегося на него счастья Хард самым постыдным образом зарыдал.

— Мы просто хотели, чтобы ты наверняка знал, что тебя ждет. Но пусть тебя это не беспокоит. Теперь нам хотелось бы объяснить тебе кое-что. Как ты полагаешь, ты в состоянии сейчас понять некоторые простые объяснения?

Хард вытер грязным кулаком слезы, закрыл рот и кивнул.

— Превосходно, — сердечно сказал Джон. — Начинай первый, Анстар.

Анстар Соренштайн говорил медленно и ясно. Его голос действовал гипнотически.

— Лифф, — начал Анстар, — является четвертой из одиннадцати планет, обращающихся вокруг Материнского Глаза по орбитам, которые приблизительно напоминают яйцо. Материнский Глаз — это звезда, во многом такая же, как те звезды, которые видны темной ночью. Материнский Глаз только кажется более яркой чем остальные звезды, потому что находится близко к Лиффу. Многие из звезд на самом деле намного ярче Материнского Глаза, но они очень далеки от Лиффа, причем настолько далеки, что мы измеряем расстояния до них количеством лет, которые требуются для того, чтобы свет этих звезд достиг Лиффа. И даже такие числа настолько велики, что ими бывает неудобно пользоваться. Таких звезд миллионы и миллионы, а вокруг них такие же планеты, как Лифф, и все они тоже вращаются по яйцеподобным орбитам.

Соренштайн дал Харду в общей сложности двадцатиминутный урок астрономии, который раздвинул кругозор поэта настолько, что Хард стал понимать размеры галактики. В почти религиозном восприятии физической вселенной он начисто забыл свои страхи.

— И вот там, вдалеке, — подвел Соренштайн к заключительному этапу своей лекции, — настолько вдалеке, что с Лиффа его вообще не видеть, находится звезда, которую мы зовем Сол. Она более чем другие звезды похожа на

Материнский Глаз. Планеты вращаются вокруг Сола точно так же, как Лифф вращается вокруг Материнского Глаза. Третью из этих планет мы зовем Терра. Эта планета почти точно такая же, как и Лифф, и она является нашим домом. А мы зовемся терранами, точно так же как вы зоветесь лиффанами, и мы прибыли из нашего дома к вам.

Потребовалась довольно продолжительная пауза для того, чтобы Хард впитал в себя все услышанное. Присутствующие могли наблюдать восхищение на его лице. Наконец, Джон спокойно спросил:

— Ты понял, что рассказал тебе Ансгар?

Потребовалась еще одна длительная пауза, прежде чем Хард смог ответить.

— Да, я уловил суть. Все это прекрасно. В “Книге Гарта Гар-Муйена Гарта”, которая является Законом Матери, написано много странных, непонятных вещей; теперь они стали для меня ясными. Святой Гарт, которого любит Мать, описал счастливое место для ее детей, назвав его “Третий мир”, “Прекрасный, обетованный дом”.

— Превосходно, — подвел черту под первоначальным этапом Джон. — Однако я полагаю, что сейчас лучше всего было бы отвлечься от теологии. Пин, твоя очередь.

Пиндар Смит механически прочистил горло и начал:

— Две с половиной тысячи терранских лет тому назад, или почти тридцать лиффанских поколений, если тебе угодно, жизнь на Терре была примерно такой же, какой она сейчас является на Лиффе. Транспорт был очень плохим, и путешествие на расстояние в каких-нибудь пять миль превращалось в опасную эпопею. В то время было совсем мало машин, и в основном это были музыкальные инструменты. Связь между отдаленными местностями могла осуществляться только в письменном виде и зависела, конечно, от средств транспортировки, которых часто просто не было.

По всей планете прокатывались огромные волны эпидемий, унося с собой жизни миллионов людей или оставляя их калекami. Земля была поделена между мелкими народами, большинство из которых постоянно находились в состоянии войны между собой. Люди умирали от голода и болезней.

Много позже этому периоду дали название Барокко. Тогда, как и в последующие столетия, многие считали его золотым веком Терры, причем вовсе не потому, что все были счастливые или просвещенные или имели какие-то вещи, которые обычно приписываются золотому веку, но

отчасти оттого, что в любой период истории и после него всегда находятся люди, которые считают его идеальным. С другой стороны, силы, которые привели Терру в нынешнее процветающее состояние, в значительной степени зародились именно в период Барокко. Различные идеи накапливались на Терре в течение многих столетий, но именно в то время люди стали наконец воплощать эти идеи в жизнь. Дух изобретательства и синтеза наук достиг своей высоты именно тогда.

Смит говорил своим сухим голосом, время от времени прерывая свою речь, чтобы прочистить горло. Он описал историю со времен Фридриха Великого и легендарного Иоганна Себастьяна Баха до настоящего времени с позиций изобретательства (воплощения идей в вещи и дела) и синтеза (комбинации внешне ничем не связанных идей для выработки новых идей и изобретений). Хард слушал внимательно, но часто не мог понять сути.

Наконец Пиндар Смит сказал:

— И вот это и является одной из причин, по которой мы, терране, прибыли на Лифф. Ваш мир до сих пор находится в периоде Барокко, и мы получили задание провести ваше общество через весь прогресс, который у нас на Терре занял две с половиной тысячи лет, за короткий период всего в десять лет, и не больше.

После паузы, которая на этот раз была покороче, чем предыдущая, Джон спросил с сомнением:

— Ну как, сынок, тебе все ясно?

— Увы, — ответил Хард, — боюсь, что не совсем. История Терры гораздо более запутанная, чем творения галактики.

Терране громко засмеялись, приведя Харда в еще большее недоумение. Затем Джон сказал:

— Пусть тебя это не беспокоит, Хард. Я не слишком уверен, что Пиндар тоже все понимает. Как только ты научишься читать по-террански, я дам тебе несколько книг, которые должны тебе помочь. Теперь очередь доктора Джеллфта. Вы готовы, сэр?

Голос доктора был очень глубоким и сильным. Он описал развитие транспорта от карет с четверкой лошадей времен Барокко до сверхсветовых межзвездных лайнеров современности. В процессе этого он также описал эволюцию Терранской Федерации. Хотя рассказ доктора не был таким непонятным, как Смита, Хард все же надеялся, что его хороший друг Джон даст ему книги и по истории транспорта.

Как раз во время лекции о транспорте дивизион Гвардейцев Матери, сделав полный круг по городу, за исключением только тех кварталов, где селится знать, возвратился в свои казармы на территории Храма. Последние шесть объявлений глашатай сделал уже шепотом, к великому огорчению жителей города, от которых Закон Матери требовал знать и выполнять требования любого объявления, слышали они его или нет.

Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт, первый сын и так далее, устал и был раздражен. Он потратил впустую целый проклятый Матерью день, вынужденный всматриваться в эти мерзкие рожи простолюдинов, и, конечно, эти простолюдины тоже разглядывали его. И дело вовсе не в том, что он возражал против того, чтобы на него смотрели. Даже для лиффанского вельможи он был чрезвычайно привлекателен, о чем ему было хорошо известно. Его рост равнялся почти двум с половиной длинам руки, и он был чрезвычайно строен. Как и у всех лиффан, его волосы были светлыми. Но они были длиннее, прямее, чище, более ухоженными, чем у большинства, потому что он тратил столько времени на уход за ними, сколько не мог позволить себе никто из лиффан. Да плюс к этому борода, которая была настоящей, а не искусственной, как у бедняги, теперь уже покойника, глупца Гарлина. Как бы то ни было, борода Тчорнио не только великолепно сочеталась с прической, не только божественно спадала на грудь, но и была на полпальца длиннее, чем у любого из его друзей. Тчорнио молил Мать, чтобы бороды еще долго не выходили из моды. Он по праву гордился своей, и ему было бы очень обидно, если бы поворот моды потребовал от него немислимой жертвы — сбрить ее.

Только вот одно плохо — и борода его, и волосы были теперь покрыты толстым слоем пыли после тщетного хождения в течение целого дня по грязным улицам и разглядывания рож черни. В пыли! Милосердная Мать, они действительно грязны, сваялись и отяжелели от пыли! Тчорнио с раздражением подумал о том, что только очень сильный ветер сможет растрепать его волосы и сделать их такими, какими они были до этого. Да накажет Мать этих грязных убийц! И этих грязных простолюдинов, и всю их липкую грязь...

Излучая своими голубыми глазами ледяной огонь, Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт оседлал далбера и поскакал в сторону дома таким темпом, который на узких улоч-

как города представлял явную угрозу для жизни прохожих. Ему еще нужно было принять участие в молитве при заходе, а до этого он должен был с Материнской помощью помыть благословенную Матерью голову. Пресвятая Мать, накажи жестоко и уничтожь этих ненавидящих Тебя убийц!

* * *

Рассказ доктора Джеллфта о развитии транспорта на Терре был дополнен рассуждениями Пиндара Смита относительно того, какие машины можно было производить на Лиффе уже сейчас с учетом современного уровня культуры его населения.

— Самое главное, — сказал он, — начать с орудий для земледелия. Плуги улучшенной конструкции, мотыги, грабли, лопаты и косы можно легко запустить в производство уже к наступающему сезону даже без заметного повышения уровня развития технологии. Уровень сельскохозяйственного производства необходимо поднять как можно выше уровня необходимого потребления продуктов еще до того, как вводить что-либо действительно радикальное. Потому что нельзя форсировать развитие промышленности, пока не будет достаточно сельхозпродуктов для поддержания этого развития. Ведь не могут же сталевары есть сталь! — Смит внес в свою речь маленький нюанс, который, впрочем, не был отмечен его друзьями; он с явным удовольствием представил себя самого в роли фермера двадцатого столетия из южных штатов Америки. Такая параллель, хотя и была привлекательной сама по себе, все же вряд ли могла считаться достаточно убедительной.

— Спасибо, Пин, — прервал его Джон Харлен, когда тот слишком увлекся и уже готов был забраться в дебри анализа преимуществ и недостатков различных способов производства металлов. — Тебе удалось что-либо понять, Хард?

— Кажется, почти все, дружище Джон. Машины, конечно, мне совершенно незнакомы, но принципы достаточно ясны.

Джон был в восхищении:

— Ты меня поражаешь, Хард, — похвалил он его с теплотой в голосе. — Ты сидишь на этом стуле вот уже два с половиной часа, и мы все время втискиваем в тебя колоссальные дозы совершенно новой и чуждой для твоего восприятия информации, и в то же время тебе как-то удается понимать практически все, о чем мы говорим. Видишь ли, у нас, терран, при поступлении таких сверхдоз инфор-

машин давно бы сгорели предохранители в мозгу, и мы бы наверняка свихнулись. Думаю, что никто из нас не способен более часа воспринимать совершенно незнакомую информацию. Но ты вот спокойно сидишь, не свихнулся, и даже готов воспринимать еще новые порции.

— Но я не так уж не подготовлен, как вы думаете. “Книга Гарта”...

— Это все так, сынок. Теперь уже недолго, и мы закончим. Осталось всего две лекции, и затем мы все сможем пойти перекусить. Сейчас снова очередь доктора Джеллфта. Прошу, доктор!

— Спасибо, — сказал доктор. Хард уже начал воспринимать громыхающий голос вельможи скорее как дружеский, чем как угрожающий. С момента смерти барона он ни разу не ощущал расположения к себе со стороны кого-либо из знати.

— Двенадцать лет тому назад Департамент исследований и контактов Терранской Федерации тайно забросил меня на Лифф. В мои задачи входило исследование культуры Лиффа и влияние на ее развитие таким образом, чтобы планета со временем могла быть принята в Федерацию, причем какие-либо неудобства для ее жителей должны быть сведены к минимуму. В то время подразумевалось, что этот процесс займет довольно длительный период времени, и я даже не надеялся дожить до того дня, когда он завершится.

Политика Федерации в таких случаях сводится к избеганию неприкрытых контактов с цивилизациями, стоящими на более низкой ступени развития, поскольку опыт уже не однажды показывал, что такие контакты неизбежно подавляют более низкую культуру. Печальный опыт свидетельствует также о том, что Федерации после этого приходится принимать огромные, зачастую небескровные усилия, чтобы хоть как-то восстановить население целых планет. Федерация идет на установление открытых контактов только тогда, когда имеет дело с цивилизациями, достигшими уровня межзвездных путешествий, поскольку цивилизация, способная строить собственные межзвездные корабли, вряд ли может распасться от контакта с более развитой цивилизацией Терранской Федерации. Действительно, существует своеобразная корреляция между межзвездными полетами и зрелостью культуры. Эта корреляция не поддается логическому объяснению в буквальном смысле, но по крайней мере до недавнего времени на практике она срабатывала неплохо.

Таким образом, когда в поле зрения Федерации попадает населенная планета, Федерация направляет на нее секретных агентов, таких как я, например, и они исподволь ускоряют естественное созревание местной культуры. Если это вам непонятно, Хард, не огорчайтесь. Лейтенант Харлен позже разъяснит вам все более подробно и доходчиво.

Мое личное участие в ускорении созревания Лиффа заключалось в постепенном введении в практику передовых медицинских концепций. Принцип достаточно простой: улучшение медицинского обслуживания ведет к уменьшению смертности, повышению рождаемости, большей продолжительности жизни и, как следствие этого, увеличению количества населения. Все эти факторы, особенно рост народонаселения, ведут к ускорению прогресса в культуре — или, что бывает реже, к войнам и культурному самоубийству; но с этими факторами неплохо справляются другие агентства Федерации. Что же касается моего личного участия, то я планировал создать медицинскую школу с тем, чтобы постепенно преобразовать ее в академию наук, но нынешняя акция подразделения Особых Операций превращает мой проект в ненужный.

В соответствии с планом, над которым я работал, Лифф должен был выйти в космос примерно в течение двухсот лет — невероятно короткий период, учитывая уже имеющийся подобный опыт. Но вот теперь сюда прибыл лейтенант Харлен со своим отрядом, чтобы вывести ваш народ в космос в течение десяти лет, и поэтому я передаю ему слово для дальнейших разъяснений.

Джон Харлен встал — единственный докладчик, который сделал это — и вошел в круг света, в котором Хард все еще находился один.

— Похоже, — сказал он мрачно, — что Федерация больше не единственная в этой галактике.

Федерация является свободным и миролюбивым объединением мыслящих существ. Она называется Терранской только лишь потому, что основали ее терране. Большинство же членов-рас даже приблизительно нельзя назвать гуманоидами; я имею в виду, Хард, что они выглядят вовсе не так, как мы с тобой. Не стану пытаться описать какую-либо из этих рас, но когда-то ты и сам познакомишься с кем-то из них. Есть некоторые гуманоидные расы, которые внешне выглядят как ты или я, но на самом деле они не являются людьми.

В данном случае разделение на гуманоидов и негуманоидов не имеет принципиального значения. Главное заключается в том, что все эти резко отличающиеся друг от друга расы смогли объединиться друг с другом, чтобы жить в гармонии и в мире. Всякий контакт с новой мыслящей расой всегда приводил к общению и взаимопониманию. Конечно, случались и проблемы, но ни одна из них не оказалась неразрешимой.

Но вот теперь в галактику вторглась новая раса. Мы знаем, что они разумны и достигли уровня межзвездных полетов, потому что встречали их только в звездолетах. Но это, к сожалению, все, что мы знаем о них. Они не выходят на связь, не позволяют установить с ними контакт. Они стреляют сразу, как только видят цель, и либо убивают, либо гибнут сами. Нам никогда прежде не встречалась подобная раса, поэтому мы вынуждены действовать, в значительной мере основываясь на догадках; а это не лучший способ.

Как бы там ни было, единственное, что мы еще знаем об этих незнакомцах, так это то, что они движутся в эту галактику, и должны достичь Лиффа приблизительно через десять лет. Мы не знаем, что они собираются делать здесь, но похоже, что им нравится убивать все подряд.

Пока Хард переваривал новую порцию информации, образовалась длительная пауза. Джон расхаживал взад-вперед, не выходя из круга света. Наконец Хард тяжело вздохнул и сказал:

— Эти пришельцы, похоже, не очень хорошие парни. Джон спешил.

— Да, да, именно так. Вот почему мы здесь с нашей десятилетней программой прорыва. К тому времени, когда эти незнакомцы появятся здесь, мы должны иметь средства защиты. И наилучший способ заполучить необходимое оружие — это начать строить все необходимое здесь, на Лиффе, начиная с нуля. Разумеется, необходимо внести большие изменения в... как бы это сказать... — в лиффанский образ жизни, но компьютеры там, дома, говорят, что все должно получиться. И если это так, то вы, лиффане, получите возможность защитить себя сами и войти в состав Федерации.

— Это звучит как реклама товара, дружище Джон. Я слышал такое сотни раз у нас на улице Купцов. Но что будет, если ваша программа не сработает?

— Видишь ли... — Джон заколебался. Он не ожидал, что Хард окажется таким острым на язык. — Да, — продолжал он храбро, — если программа не сработает... — он снова сделал паузу, но на этот раз уже для того, чтобы подчеркнуть значимость того, что собирался сказать. — Лифф будет уничтожен — либо незнакомцами, либо самими лиффанами; пожаруй, и тем, и другими.

Снова длительная пауза. Материнский Глаз опускался к закату, и со всего Лиффдарга к Храму стекался народ на спативую. Для молитв был выделен большой амфитеатр, который обычно использовали для весенних и осенних Великих Фестивалей, поскольку он вмещал всех мужчин Лиффдарга. Сейчас были открыты только одни ворота, и лиффане проталкивались в них по шесть в ряд, рассиживаясь по секторам, закрепленным за каждым кварталом города, где кварталный священник производил регистрацию принявших участие в мероприятии.

Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт, все еще со спутанными волосами, расстроенный, наблюдал за прибывающими на молебн жителями города с крошечного балкончика, который был пристроен как раз над входными воротами. От непрерывного глазения на прибывающие толпы немытых простомыдинов к его горлу начала подкатывать тошнота, голова пошла кругом. Его достопочтенный отец, Сполн Гар-Тчорниен Хиирлт, стремясь оказать моральную поддержку своему отпрыску, находился рядом с ним, а свежий дивизион Гвардейцев Матери, выстроившийся у входа в Храм по обе стороны людского потока, являл собой не только проявление уважения к чувствам верующих со стороны Храма, но и гораздо более солидную моральную поддержку для Тчорнио.

— Ты уверен, что опознаешь их, сынок? — периодически нервозно интересовался у сына старший Хиирлт.

— О Материнский нос, папа! Конечно же я узнаю этих негодяев. Я никогда не забуду их поганые рожи.

Старший Хиирлт достаточно хорошо знал, что когда его сынок чем-то расстроен, с ним лучше не вступать ни в длительную беседу, ни тем более в спор.

* * *

— Ну а теперь, сынок, мы подошли к сакраментальному вопросу сегодняшней повестки дня, — приветливо сказал Джон, — согласен ли ты присоединиться к нам?

- Присоединиться к вам?
- Именно так.
- Что значит “присоединиться”?

— Во всех отношениях. Вступить в подразделение Особых Операций “Л-2”, вступить на службу в Военно-Космические Силы Федерации, что, кстати, автоматически делает тебя первым лиффанином, вступившим в Федерацию. Быть полноправным участником операции и помогать нам продвинуть Лифф в космический век; или умереть вместе с нами, если наша затея не выгорит.

Хард встал. Он медленно огляделся вокруг, пытаясь рассмотреть в находящиеся за пределами освещенного круга лица, которые скрывались в тени, и только после этого заговорил.

— Иначе говоря, вы хотите, чтобы я помогал вам разорвать тот мир, в котором я живу, на части, разрушить все те ценности, которые были священными для меня на протяжении всей моей жизни. Вы просите меня разрушить ту культуру, которая создала меня. Вы хотите, чтобы я предал свою расу, свой народ и свою планету. В том мире, что вы намерены разрушить, я живу вот уже двадцать пять лет, и я люблю его больше своей драгоценной жизни — конечно, я присоединяюсь к вам. Но единственное, что я не могу понять, — почему вы так долго ждали, чтобы задать мне этот вопрос.

Церемония посвящения была простой, но впечатляющей. Харду пообещали, что как только он сможет читать терранские тексты, его познакомят с текстом Конституции, на верность которой он только что присягнул. Подразделение Особых Операций “Л-2” в полном составе и единственный призванный на военную службу гражданин Лиффа направились в просторную столовую резиденции Королевского лекаря.

Да, день выдался удачным.

ГЛАВА V

— Первое, что нам необходимо создать, так это шоп-центр, — предложил Анстар.

— Шоп-центр? Но у нас пока нечего продавать. Зачем нам открывать магазин? — Пиндар Смит был бизнесменом до мозга костей.

— Я полагаю, что Анстар имеет в виду не торговый центр, а мастерскую, — спокойно вставил Джон. Он уже привык к таким трехсторонним беседам, когда ему приходилось вносить ясность в вопросах, вызывавших недопонимание.

— Да, именно так, — возбужденно подтвердил Анстар. — Мастерскую. Лабораторию. Мы на этой богом проклятой планете уже целых...

— Не богом проклятой, а забытой Матерью, — поправил Джон, выполняя еще одну из своих функций.

— Прошу извинить. Мы на этой забытой Матерью планете уже целых три недели, а еще ничего не сделали. Мы должны начать изобретать всякие штуки, и для этого нам нужна мастерская, чтобы было где изобретать. Без нее никак не обойтись.

— Ладно, ладно. Я понял, — сказал Смит. — Но какого черта мы будем здесь изобретать?

— Не какого черта, а какого Материнского носа, Пин, — снова поправил Джон. — Ты что, витаешь в облаках? Я думал, что ты был с нами, когда мы решили изобрести телеграф.

— Но почему, Сокровенным Именем Матери, мы должны изобретать телеграф? Иногда...

Джон устало поднялся и принялся пересчитывать на пальцах причины, по которым необходимо было начинать прогресс на планете именно с телеграфа:

— Для телеграфа необходимо электричество — раз; электричество ведет к электронике — два; для телеграфа необходимы провода — три; необходимость иметь провода ведет к совершенствованию процесса металлургии — четыре; телеграф требует организации школы для обучения телеграфистов — пять; школа ведет к общему повышению уровня грамотности — шесть; телеграф означает быструю связь — семь; быстрая связь ведет к изданию газет — восемь; газеты дадут нам возможность продвигать в массы свои идеи — девять; для телеграфной компании потребуются вооруженные охранники — десять; у меня закончились пальцы на руках, но все равно — охрана может быстро стать ядром регулярной армии — одиннадцать. — Он снова уселся в кресло. — О, я забыл еще одно — уровень развития лиффанского общества как раз позволяет нам изобрести телеграф, не подрывая устоев всей забытой Матерью культуры — двенадцать. Еще есть вопросы?

— Ладно, согласен, — ответил Смит. — Значит, нам нужно арендовать мастерскую. Но как это сделать?

Арендовать мастерскую на Лиффе означало примерно то же, что арендовать мастерскую на Терре. Хард и Джон в поиске свободного помещения до одури в голове искали все деловые кварталы Лиффдарга.

— Самое важное, что нам необходимо постоянно помнить, сынок, это то, что мы ищем не просто помещение, а помещение за минимальную арендную плату. Если люди узнают, что мы большие моты, мы привлечем к себе внимание всего города, и нам не удастся ничего сделать. А мы не должны привлекать к себе внимания.

Наконец, они нашли помещение, которое их устраивало, на улице Хромого Далбера, прямо рядом с таверной. Даже Джон, который был привязан к терранским стилям в архитектуре, вынужден был признать, что здание впечатляющее. Большинство зданий на Лиффе представляли собой приземистые строения, слепленные из гипса, кое-как обработанных деревянных деталей и в редких случаях — из отесанных вручную досок; большинство из них было покрыто чем-то, напоминающим солому. Джон не был уверен, что эта штука действительно называлась соломой, поскольку иногда ему казалось, что солома — это то, чем, кажется, были покрыты давно вымершие на Терре животные, которые назывались “птицы”. Он должен обязательно не забыть спросить Ансара насчет соломы.

Но здание на улице Хромого Далбера было действительно впечатляющим — во всяком случае, не было видно соломы, или как там называются такие покрытия; оно полностью было сложено из блестящего белого камня, и в этом отношении являлось уникальным; к тому же оно было четырехэтажным, что делало его в этом городе настоящим небоскребом.

— Раньше оно принадлежало Храму, — доверительно поведал домовладелец. — Когда-то здесь жили маленькие сестры. — Он ухмыльнулся. — Поэтому я и могу сдать его в аренду за столь мизерную плату.

— Но нам нужен только первый этаж, — напомнил ему Джон.

— Что вы имеете в виду под “мизерной платой”? — осведомился Хард. Поскольку он, вполне естественно, вел все переговоры, домовладелец ответил именно ему.

— Совершеннейший пустяк, — пробормотал он. — Всего девяносто семь далберов в месяц.

— Я так и думал, — сказал решительно Хард. — Пойдем отсюда, брат Джон, поищем другое место, где нас не будут грабить.

— Но это недорого, — возразил Джон и осекся. — Конечно, продолжал он, — это намного дороже того, что мы можем себе позволить. Надеюсь, вы когда-нибудь сможете сдать его в аренду, хозяин. Всего хорошего.

Они направились к выходу.

— Подождите, подождите, — остановил их домовладелец. — Поскольку вы новички в нашем городе, а также поскольку Мать любит торг, только для вас я снижаю цену до девяноста далберов. Ну как?

— Хмм, — промычал Хард. — Это очень любезно с вашей стороны, хозяин, но мы спешим, нам пора идти. — Все же они уселись и пошел торг.

А в это время в соседней таверне "Хромой Далбер" Тчорнио Гар-Сполиниена Хирилта под воздействием изрядной порции спиртного так развезло, что состояние его духа стало все больше и больше скатываться в сторону слезливой сентиментальности. За последние три недели у него развилась такая хроническая бессонница, перед которой оказался бессильным даже сам Личный Королевский Лекарь. Тчорнио никак не мог забыть, как убийца насмехался над накладной бородой бедняги Гарлима.

— Это заговор, — повторял Тчорнио, запивая каждое такое утверждение добрым глотком вина. — Чернь поднимается против нас. Они хотят свергнуть правительство! Они не любят Мать!

В последнее время он стал заливать свою обиду вином в гордом одиночестве. Две недели назад дружки перестали называть его "Спасшимся" и прилепили ему кличку "Дригол", смысл которой в кругах золотой молодежи Лиффа подразумевался в зависимости от контекста — между "мокрая простыня", "бесхарактерный простофиля" и "старая дева". И вот он вынужден пить в одиночестве, ему некому излить свою душу, кроме как владельцу таверны, который уже начинал нервничать.

— Еще стакан вина, — прошептал он своей жене, — только один стакан вина этому проклятому Матерью пьянчужке, и я выпшвырну этого выродка далбера из таверны!

— Пятьдесят один далбер, господа. Я не могу еще больше снижать плату. — Домовладелец обливался потом. — Вы уже и так отбираете кусок хлеба у моей семьи.

— Бармен, еще вина! — прокричал Тчорнио в соседнем заведении.

— Не знаю, не знаю, — сказал Джон с сомнением в голосе. — Как ты считаешь, Хард?

— Думаю, что это уже похоже на нечто подходящее.

— Послушай, молокосос, — ответил хозяин таверны. — Ты и так уже налился до чертиков. Что если я тебе дам последний стакан на посошок, а? Ты выпьешь его и пойдешь домой, а?

— Теперь, господа, если вы подпишете вот здесь — вы ведь умеете писать, правда? — Домовладельцу не терпелось завершить сделку до того, как его клиенты передумают или затеют торг снова.

— Материнский нос! — воскликнул Джон. — Смотри, Хард, он заготовил договор еще до того, как мы пришли сюда!

— Бывает, — прокомментировал Хард. — Давай подпишем эту забытую Матерью бумагу и пойдем домой. Я измотался за день до чертиков.

Они подписали договор, обменялись с хозяином наилучшими пожеланиями и заверениями о дружбе и вновь окунулись в зной ярко освещенной улицы. Неожиданно они услышали донесившийся из соседней таверны шум.

— Знать не хочу, чей ты сын! Убирайся отсюда, забытый Матерью пьянчужка! — орал кто-то низким голосом.

— Ты выродок далбера и Матерененавистник! — кричал более высокий голос. — Я приведу сюда моих друзей, обязательно приведу. И ты еще пожалеешь. Ты тоже участвуешь в заговоре, я это знаю точно.

У двери таверны произошла стычка, в результате которой молодой, богато одетый повеса был вынужден неуверенно подниматься на ноги с мостовой, в то время как хозяин таверны возвращался в свое заведение.

— Похоже, мы где-то встречались с этим парнем, — прошептал Джон.

— Да. Где мы с ним... Ах, да, теперь я вспомнил.

Тчорнио, встав на ноги, неуверенными движениями страхивал пыль со своей одежды, сердито осматриваясь вокруг на тот случай, не видит ли кто-либо из посторонних его унижение. Джон и Хард попытались более незаметно уйти. Тчорнио потребовалось некоторое время, чтобы его затуманенная винными парами память подсказала, кем являются эти двое. Он узнал их, и бурная реакция не заставила себя ждать.

— А, это вы! — прокричал Тчорнио.

— О, Мать! — пробормотал Хард. — Кажется, влипли. — Они побежали.

— Убийцы, — верещал Тчорнио, пытаясь заплетающимися ногами догнать их.

— Быстрее, друг Джон, быстрее!

— Что там за шум? — пронзительно прокричал снова вышедший на улицу хозяин таверны.

— Вон они, те самые люди! — ответил ему Тчорнио, указав на Джона и Харда. В то же мгновение он споткнулся о камень на мостовой и упал прямо на живот.

— Вот уж эти мне позабытые Матерью пьяницы, — проворчал шинкарь и поспешил возвратиться в приятную прохладу своего заведения.

— Остановите этих людей! — заверещал Тчорнио, поднимаясь на ноги. — Награда тому, кто их остановит! — Он побежал по улице, сбивая с ног прохожих.

Джон и Хард повернули за угол.

— Для пьяного, — задыхаясь проговорил Джон, — этот парень неплохо бегает.

— Сейчас, — Хард судорожно заглотнул воздух, — не время, — тяжелая одышка, — для бесед.

Тчорнио тоже свернул за угол и помчался за ними. Оказавшись на боковой улочке, он повалил стенд торговца гончарной кухонной посуды.

— Эй! — закричал лавочник, когда гончарные изделия посыпались на землю.

— Эй! — эхом повторила его жена, в то время как сам лавочник побежал за Тчорнио, перепрыгивая через черепки, которые только что были его товаром.

Но в данный момент для увлеченного погоней молодого человека звук разбивающейся посуды не значил ровным счетом ничего. А сам гнавшийся за ним по пятам и кричащий что-то непонятное для его уха лавочник воспринимался им не как гневный преследователь, а как союзник в погоне. Тчорнио даже вынул свою шпагу из ножен и стал размахивать ею, чтобы еще больше подбодрить лавочника.

— Да защитит нас Мать, — кричал лавочник своим соседям. — Этот сумасшедший имеет шпагу! Он всех нас перебьет!

А его жена в это время кричала, выглядывая из крошечного помещения лавки:

— Остановите его! Вор! Остановите его!

Тчорнио позволил себе оглянуться на мгновение. Прекрасно. За ним следовала уже целая толпа, готовая оказать ему помощь в поимке заговорщиков. Он был уверен, что убийцы уже у него в руках. Неожиданно он с ходу врезался в тщательно уложенную пирамиду тыкв, от чего большие круглые овощи стали катиться по улице в самых различных направлениях.

— Наш друг, — отметил Джон едва дыша, — похоже, попал в маленькую неприятность.

— Мать любит нас! — это было все, что позволил выговорить Харду запас воздуха в его легких.

Они снова свернули за угол и попали на рынок далберов. А далбер — чрезвычайно непоседливое животное. В какой-то период эволюции фауны на Лиффе какая-то ящерица так и не решила окончательно, то ли стать ей птеродактилем, то ли динозавром. В результате появился далбер, наиболее игривое животное во всей галактике.

Стадо далберов, приведенное в тот день на продажу, составляло до трехсот голов. Когда Джон и Хард пробегали мимо, животные занервничали, их обычно ярко-зеленый цвет сразу померк и сделался пепельным. Что-то, подумали про себя далберы, было не в порядке. Поэтому они сблизь вместе для защиты, приведя своего погонщика, знавшего о них гораздо больше, чем ему бы этого хотелось, в состояние агрессивности, которое пока выражалось в целой серии крепких ругательств.

Когда Джон и Хард уже пробежали полквартала, Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт только что повернул за угол, громко крича и размахивая своей шпагой, что лишь подтвердило опасения далберов о грозящей опасности. А за ним, в точности повторяя все изгибы его маршрута, гналась толпа разъяренных лавочников.

Нецензурная брань погонщика сменилась смиренной молитвой, поскольку он слишком хорошо знал далберов. Животные, с другой стороны, вскрикнули хором, как стадо рассерженных гусей. Цвет их кожи превратился из игриво пепельного в наводящий на всех ужас желтый; они решили во что бы то ни стало убежать от неизвестной опасности.

И вот как будто бы по сигналу три сотни выкрикивающих гортанные звуки далберов проломили загородку. Их погонщик, пытаясь угнаться за ними, направлял в адрес Матери тщетные молитвы.

— Убийцы! — выкрикивал Тчорнио.

— Га-га-га! Га-га-га! — истерически кричали гнавшис-ся за ним по пятам триста далберов.

За далберами бежал их погонщик, выкрикивая что-то непонятное о некоторых частях Материнской святой апа-томии.

За погонщиком, наполнив улицу во всю ширину, гна-лись лавочники, выкрикивая “Задержите его! Задержите того человека!”

Один из гвардейцев, слонявшийся во внеслужбное вре-мя по улице, с удивлением рассматривал пробежавшую ми-мо процессию. Сначала он увидел погонщика, а затем ус-лышал выкрики торговцев. Реакция гвардейца была мол-ниеносной — в коротком решительном броске он схватил погонщика, оба упали на мостовую, и по их телам про-мчалась толпа разсерженных лавочников.

Тчорнио осмелился еще раз отглынуться назад. Мате-ринский нос! Что эти все проклятые Матерью далберы со-бирались... Бак!

Эх, до чего же неровные камни у мостовых Лиффдарга!

Джон и Хард быстро повернули направо. Далберы, не обращая никакого внимания на лежащего на мостовой Тчорнио, ринулись по улице по направлению к Храму. Прежде, чем Тчорнио смог оторвать от мостовой свое исто-панное далберами тело, продавец фаянсовых кухонных наделей наступил его и помог ему подняться.

— Две сотни глиняных сковородок! — рычал он, тряс Тчорнио как тряпку для полировки сапог. — Сорок девять больших глиняных горшков для тушения мяса! — Он не-истово клестал по лицу Тчорнио. Тот, увы, горько плакал.

— Четыре сотни первоклассных тыкв! — приговаривал другой торговец, не переставая бить ногами по его голеним.

— Триста проклятых Матерью далберов! — причитал погонщик, весь в ссадинах и кровоподтеках, держа в одной руке хлыст, а в другой — камень.

— Посторонись! Посторонись! — грубо командовал гвардеец. — Я сам займусь этим. Пошла со мной, ты! — Схватив Тчорнио за воротник, он поволок его к Храму.

— Но я благородного происхождения! — плакал Тчор-нио. — И вы позволили убийцам скрыться!

— Проклятый Матерью пьяница, — бормотал привле-ченный шумом владелец таверны.

— Между прочим, брат Джон, — заговорил, наконец, Хард, когда они, изрядно уставшие, направлялись до-

мой, — я когда-нибудь рассказывал тебе о далбере, который пожелал петь?

— Нет, дружнице Хард, не рассказывал.

— Итак, однажды был далбер, который...

* * *

— Хорошо, введите его, — прорычал Сполн Гар-Тчорниен Хиирлт. Старик был чрезвычайно сердит.

— Папочка, — жалобно заикался Тчорнио, входя в кабинет отца. — Ты ничего не понимаешь. Я...

— Ты абсолютно прав. Я ничего не понимаю. Более того, я не хочу ничего понимать. Поскольку сегодня мне пришлось заплатить за двести семьдесят пять кухонным глиняных горшков сомнительной ценности и невероятной стоимости, за пятьсот тыкв, которые мне не пришлось даже попробовать, и за четыре сотни далберов, несомненно самой паршивой породы, хотя я и уплатил за них сполна как за чистокровных. Ущерб, нанесенный далберами, еще пока подсчитывается, но вне всякого сомнения мне придется оплатить и его.

— Но отец...

— Спокойно. Я злой не поэтому — я просто сокращу размер выплаты тебе карманных денег. Я злой оттого, что мне, Великому Князю Лиффа, пришлось сегодня идти в Храм — подчеркиваю, именно идти — и унижаться перед капитаном гвардейцев для того, чтобы вызвать своего сына, единственного сына, из общей камеры для убогих.

— Но папа...

— Успокойся ли ты наконец! Ты — сама мерзость. Ты опозорил свои фамилии, все три из них. Ты опозорил таким образом себя, а это достижение граничит с невероятным. Хуже того, ты опозорил меня. Мне стыдно появляться во Дворце. Мне стыдно даже принять делегацию Гильдии Текстильщиков. Ты понимаешь это? Мне стыдно даже смотреть в глаза простакотинам. О, Тчорнио, если бы у меня был второй сын, я бы не раздумывая лишил тебя прав на наследство. Убирайся от меня, пьяный дурак. Иди в свою комнату и молись о прощении и о чувстве ответственности, которое у тебя отсутствует. Я не хочу тебя видеть.

Грязный, в изорванной одежде, в кровоподтеках, до крайности униженный, Тчорнио боязливо попытался задом от стола отца, кланаясь ему при каждом третьем шаге. При этом он умудрился разбить большую декоративную вазу.

— Идиот!

Тчорнио повернулся и побежал, рыдая, по длинному залу в свою комнату. Там он просидел семь проклятых Матерью часов, клянясь о возмездии, возмездии и еще раз возмездии.

ГЛАВА VI

— Вэлш? — с чувством глубокого собственного достоинства переспросил адмирал Беллман. — Какого дьявола нужно от меня этой старой калоше?

— Тссс! — предупредил адъютант адмирала. — Он прямо за дверь, сэр!

— Вы заблуждаетесь, молодой человек. Я уже здесь, — произнес высокий гнусавый голос, наводивший тоску вот уже на три поколения журналистов и терроризирующий такие же три поколения государственных служащих.

— Как, Эмсли Вэлш! — Адмирал изобразил на лице радость. — Прощу, прошу! Рад Вас видеть.

— Ладно, ладно, Эдвальт, не лукавь. — После проведенной в парламенте полусотни лет сенатор Вэлш мог позволить себе не быть чересчур вежливым, когда этого не требовали обстоятельства. — Лучше бы ты шел к себе, сын-нок, — обратился он к адъютанту. — Твоему начальнику и мне нужно кое о чем переговорить.

Сенатор Вэлш уселся в кресло поудобнее в предвкушении приятной беседы; Беллман же, несмотря на прекрасную сигару за десять кредитов, которая всегда доставляла ему ощущение праздника, на этот раз чувствовал себя препаршиво; адъютант с чувством огромного облегчения возвратился на свое место за столом в приемной.

— Итак, Беллман, — сразу же перешел к делу сенатор, как только дверь кабинета закрылась за адъютантом. — Что-то в последнее время я то и дело слышу о твоих парнях, нарушивших Правила Контакта.

Эмсли Вэлш, старший сенатор от Австралии, и с незапамятных времен бессменный лидер сенатского большинства, был сух и тощ как карандаш, пребывал в возрасте восьмидесяти пяти лет, в связи с чем его можно было с полным основанием считать реликтом. Он вполне мог бы сойти за пра-прадедушку любого современника, если бы не

его горящие жадой к действию глаза и не гладкая, туго обтягивающая лицо кожа без единой морщинки. Будучи основателем и лидером популярной в народе Партии Консерваторов с самого момента ее основания, он не только обладал абсолютной властью над каждым правительственным чиновником, но и умело этой властью пользовался.

— Что вы имеете в виду, говоря о нарушении Правил Контакта? — попытался было уклониться от прямого ответа адмирал.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — отрезал Вэлш и принялся описывать такие строжайше засекреченные деликатные подробности Особой Операции “Л-2”, что адмирал поперхнулся дымом сигары. — Ты ведь знаешь нашу, консерваторов, позицию на этот счет, — продолжал он. — Такое вмешательство во внутренние дела недоразвитой цивилизации является не чем иным, как эксплуатацией. Ты используешь этих невинных людей для достижения своих эгоистических целей, Беллман, и это граничит с неприкрытым рабовладением. Предупреждаю тебя, что Партия этого так не оставит.

Проблемы с этой партией состояли в том, что по своей сути она была альтруистической. Она всегда выступала в интересах чьего-нибудь блага без приглашений и просьб со стороны нуждающихся в благодеянии, а зачастую даже против их воли, причем всегда делала это со всей страстностью и преданностью по отношению ко всем слабым и угнетенным. Если же таковые отсутствовали, то Партия нередко сама создавала слабых и угнетенных, которые существовали в ее собственном коллективном воображении. Основной принцип Партии — стоящий у власти автоматически делает ошибки — не изменялся на протяжении всего времени ее существования даже несмотря на то, что за последние тридцать лет Партия контролировала не менее пяти восьмых всех голосов на каждом выборах на уровне Федерации. Если следовать логике консерваторов, то оказывалось, что любая власть, кроме их собственной, является злом.

Здесь справедливости ради следует отметить, что Беллман оказался не совсем неподготовленным к внезапному проявлению интереса к Особой Операции “Л-2”. Хотя он и надеялся, конечно, что набор обычных мер безопасности поможет сохранить в тайне сам факт проведения операции, он все же подготовил еще и довольно объемную подборку впечатляющих доказательств, которая должна была

послужить своеобразной опорой в том случае, если где-то произойдет утечка информации. И вот теперь наступило время обратиться за помощью к одному из таких средств; это был тщательно подготовленный набор сфабрикованных документов, которые со всей очевидностью доказывали, что такой штуковины как Особая Операция "П-2" вообще не существует.

— Дело в том, сенатор, — энергично закончил он, — что все ресурсы Флота задействованы в программе перевооружения. У нас просто нет ни людей, ни кораблей ни на что другое. Мы должны срочно построить флотилию боевых кораблей. Так что в данный момент мы просто не смогли бы нарушить Правила Контакта. Но если вы не верите моим словам, сенатор, то вот вам все материалы — можете взять их с собой и на досуге тщательно ознакомиться. Там учтен каждый человек и каждая единица оборудования; убедитесь в том, что у нас не осталось ровным счетом ничего, что можно было бы использовать в осуществлении Особой Операции, о которой вы говорите. Вас, очевидно, ввела в заблуждение какая-нибудь выглядящая чрезвычайно правдоподобной утка, сенатор. Но в любом случае, нарушений Правил Контакта нет.

В наступившей тишине сенатор внимательно изучил представленную ему адмиралом подборку. Беллман изо всех сил старался выдавить из себя улыбку. Было похоже, что старика удалось таки убедить.

Наконец Эмсли Вэлш оторвался от бумаг и по-отечески ласково улыбнулся:

— Брунда, — сказал он в необычно мягкой для него манере. — Вот это, — он потряс бумагами, — не более чем набор лжи. Не стану отрицать — очень умный набор, но ум не делает его более правдивым.

Беллман пытался возразить:

— Но сенатор, поминуйте...

Сенатор поднял руку, требуя тишины, и возражения со стороны адмирала повисли в воздухе.

— Партия Консерваторов имеет неопровержимые доказательства, что Флот вступил в контакт с недоразвитой и беспомощной цивилизацией. Источник нашей информации никогда до этого не подводил нас, и у нас нет никаких оснований полагать, что он ошибся на этот раз. Мы знаем о вашей Особой Операции, знаем, кто именно вовлечен в ее исполнение и какая цель поставлена при ее осуществ-

лении. Единственное, чего мы пока не знаем, — это названия и места расположения планет, которые ваша “Особая Операция” намерена так резко уничтожить. Но мы скоро узнаем и это. Найдется кто-нибудь, кто добровольно представит нам эту информацию. Но даже если такого и не найдется, парламентское расследование всегда в состоянии выбить информацию из всякого, кто ее располагает. В данном случае это означает, что таким человеком будете вы.

Сенатор встал и направился к выходу.

— Поблагаю, нет необходимости перечислять все нарушения закона, которые совершил ты и твой отряд Особой Операции. Их вполне наберется на целый список — от фальсификации официальных документов — я возьму с собой эти бумаги в качестве доказательства — до преднамеренного ксеноцида. Все это падет на твою голову, Беллман. Будь здоров. — С такими словами этот удивительно проворный старик удалился.

Адмирал Беллман на протяжении целого получаса не мог выйти из шока; он ощутил острый приступ язве желудка, о которой до этого даже не подозревал. Адмирал даже позволил себе роскошь возненавидеть Особую Операцию “И-2”. Затем он вызывает старших офицеров разведки флота и космической безопасности и принялся за разработку плана по предотвращению угрозы, нависшей со стороны консерваторов.

ГЛАВА VII

Задача по изобретению телеграфа легла, естественно, на плечи Пиндара Смита. На это ему потребовалось пять недель.

— Если бы задача заключалась только в изобретении забытого Матерью телеграфа, то не о чем было бы говорить, — сказал он. — Любой терранский школьник сделал бы это. Самым трудным делом было изобрести именно лиффанский телеграф, то есть, такой вид телеграфа, который мог бы изобрести местный житель. Позабутая Матерью штука должна стать логичным продолжением состояния знаний на планете: именно в данный момент, в то время как нет никакого логически возможного продолжения проклятых Матерью современных знаний.

Конечно, Смит преувеличивал. Проблема заключалась вовсе не в базовой технологии, а в том, что она существовала в неожиданных формах.

— Я пасую, — сказал он однажды Джону.

Джон воспринял это заявление с сочувствием:

— В чем проблема, сынок?

— В медном проводе, вот в чем. Никто в Лиффдарге не знает, как делать медный провод, а я не знаю, как сделать телеграф без него. Прежде чем изобретать телеграф, я должен изобрести медный провод, а прежде чем я это сделаю, я должен изобрести какое-то не связанное с электричеством его применение. А на это могут потребоваться целые годы.

— В нашем распоряжении нет годов, Пин. Ты уверен, что никто не знает, как делать провод?

— Абсолютно. Я интересовался в Гильдии Металлургов, в Гильдии Производителей труб, и даже в проклятой Матерью Гильдии Ювелиров. Они все знают, что такое медь, но никто никогда не слышал о медном проводе. Я зашел в тупик.

— Извините меня, — вмешался Хард. — Что такое медный провод, за которым вы так охотитесь?

Когда Джону Харлену и Пиндару Смиту вдвоем удалось растолковать Харду, что такое медный провод, тот сказал:

— Если то, о чем вы говорите, является металлической нитью, сделанной из меди, то Гильдия Производителей Парчи может изготовить его для вас, или, по крайней мере, подсказать, кто может это сделать.

— Парчевики? — удивленно воскликнули в унисон Харлен и Смит.

— Конечно. Они используют золотые и серебряные нити для создания узоров, разве не так? И тот, кто делает эти серебряные нити, сможет сделать и медные.

После этого задача Смита намного упростилась. Он составил список необходимых комплектующих и поставил перед Хардом задачу добыть их. Иногда это приводило к казусам: например, магниты можно было достать только в Гильдии Фокусников. Но никаких задержек больше не было.

***

— Эй, Тчорнио, посостязаемся в скачках?

— Опять? Материнский нос, Гардниен, меня уже тошнит от этих скачек. Мы только этим и занимаемся.

День выдался светлым и ветреным, и Тчорнио, недавно восстановленный дома в сыновних правах после пяти тяжких недель презрения, чувствовал себя лучше, чем после того ночного инцидента в переулке, когда были убиты два его дружка. Материнский Глаз светил ярко, борода и волосы Тчорнио прекрасно развевались на ветру, и самое худшее, что могло омрачить ему сегодняшний день, были бы скачки на далберах.

— А, тебя тошнит от скачек только потому, что ты никогда не побеждаешь.

Это было правдой, но Тчорнио тем не менее возразил:

— О чем ты говоришь? Мой Бустрофедон в любой момент обгонит твоего Галиматьяса.

Такое неосмотрительное заявление сделало скачки неотвратимыми.

— Ого! — радостно воскликнул Гардниен. — Тогда докажи это. Давай сюда, становись к линии.

С помощью других молодых вельмож, которые находились с ними на пастбище, Тчорнио и Гардниену удалось выровнять своих непослушных далберов. Животные, как обычно, не понимали, чего от них хотят. Бустрофедон Тчорнио особенно нервничал, и им можно было управлять только с помощью шпор и крепких слов, которые вызывали смех зрителей. Скачки, еще не начавшись, уже испортили ему настроение на целый день.

— Что ты ставишь? — улыбаясь спросил Гардниен.

— Двадцать пять на Бустрофедона, — поспешно выдал он из себя. Действительно, этот день был для него неудачным.

— Двадцать пять? Это что, игра для малышей? Ставлю пятьдесят на Галиматьяса. Будешь поднимать?

— О... нет. Встретимся в конце скачек.

Тот факт, что никто из зрителей не захотел поставить на Бустрофедона, не прибавило ему присутствия духа.

И вот, наконец, кто-то произнес ритуальные предстартовые заклинания: "Во имя твоей матери, во имя твоего отца, во имя Короля — и-и-и — СТАРТ!"

При этом выкрике Галиматьяс сорвался как испуганный птеродактилоид и помчался на предельной скорости вдоль овальной дорожки с таким рвением, что от Гардниена требовалось единственное — только удержаться. Что же касается Бустрофедона, то стартовая команда только усугубила его растерянность. Далбер как будто вмерз в

землю, и ничто не могло сдвинуть вредное животное с места. В то время как Гардинен, подбадриваемый приветственными выкриками из толпы, легко скакал на Галиматьясе вдоль дорожки, Тчорнио все больше краснел как от попыток привести своего далбера в действие, так и от чувства унижения. Прекрасный день превращался в жуткий кошмар. Тчорнио не переносил скачек.

Однако прибытие Галиматьяса на стартовую позицию разморозило, наконец, Бустрофедона, и под уполноканье толпы проклятый далбер проскакал с Тчорнио полдистанции, после чего снова остановился как вкопанный. Тчорнио вынужден был спешиться и вести его к стартовой позиции, получая при этом удары со стороны тупого животного. Унижение Тчорнио было настолько доведено до предела, что его даже мало расстроили как необходимость выплатить сумму ставки, так и беззаботная болтовня Гардинена. Он считал себя законченным неудачником.

Направляясь к стойлам далберов, Тчорнио вел себя необычно тихо. Сознывая неприятную истину, что его престиж упал до рекордно низкой точки, он мучительно думал о том, что должен сотворить хоть что-то ради восстановления бывшего положения.

— Не стоит так расстраиваться, — дружелюбно сказал ему во время обеда один из приятелей. — Ведь это всего лишь скачки на далберах.

— Нет, не совсем так, — ответил ему Тчорнио, и это было правдой; дело было не столько в этом, сколько в непрерывной цепи неудач на протяжении последнего времени. — Это заговор. — Выпавив это, он сам удивился удачному экспромту, вовремя пришедшему ему в голову.

— Заговор? — еще приятель мгновенно весь превратился во внимание.

— У меня есть данные, — Тчорнио осторожно выбирал слова, — что здесь в Лиффдарге существует заговор против граждан благородного происхождения. — Сказав это, он с удовлетворением отметил, что у него появилось еще несколько внимательных слушателей.

— Ты имеешь в виду еще одно крестьянское восстание, как триста лет назад? — спросил один из них.

— Мы побьем их всех, — прокричал другой. — Мы даже не оставим их в живых для Материнского Проклятия.

Тчорнио решил закрепить с таким трудом завоеванные позиции:

— Нет, в данном случае это не крестьяне, — таинственно пояснил он. — По данным, которыми я располагаю, в это вовлечены более могущественные силы. — К нему снова возвратилось приятное чувство собственной значимости. Это, пожалуй, было игрой, которую, хвала Матери, он мог бы успешно играть. — К сожалению, сейчас я не могу сказать вам больше того, что уже сказал, — подытожил он.

— А, он имеет в виду тех двух забытых Материю мужланов, которые убили месяц назад Гарлина и Дребню, а он позорно убежал, — фыркнул Гардниен.

Тчорнио с презрением посмотрел в сторону своего друга, но отказался принять оскорбление. Вместо этого он попытался обратить произнесенные слова в свою пользу:

— Это было только начало.

— Ты имеешь в виду что-то другое? — поинтересовался один из друзей.

— Да, гораздо большее и худшее, — мрачно подтвердил Тчорнио. — Помните, как я гнался после этого за убийцами, и мне не удалось задержать их? — Все кивнули в знак того, что подтверждают сказанное. — Я даже проверял каждого, кто приходил на моления, причем по два раза на протяжении шести дней. — Все снова согласно кивнули.

Тчорнио стал развивать свои достижения:

— Вот поразмыслите хотя бы об одном: каждый простолюдин Лиффдарга участвовал во всеобщих молениях. Учеты Храма подтверждают это. И все же схватить убийц не удалось. Более того, дивизион Гвардейцев обыскивал город в течение каждого всеобщего моления для выявления уклоняющихся от посещения Храма, но они тоже не обнаружили убийц. А ведь убийцы все это время находились в городе.

Присутствующие затаили дыхание. Даже Гардниен был настолько поражен услышанным, что спросил:

— Откуда ты все это знаешь?

— Ну, частично потому, что городские ворота были закрыты, и никто не мог выйти из города. Но главное, — прежде чем выложить свой главный козырь, Тчорнио сделал многозначительную паузу, — главное, что уже после того случая я их видел в городе.

Все заговорили одновременно:

— Когда? Где? Что они делали? Почему ты их не схватил? — Вопросы сыпались один за другим, в то время как Тчорнио готовился ответить на них поэффектней.

Каскад вопросов постепенно сменился глубокой тишиной; Тчорнио выждал еще немного, после чего выдал основную информацию:

— Я видел их пять недель тому назад на улице Хромого Далбера, неподалеку от рынка. Я не знаю, что они там делали, но как только они меня увидели, то сразу же побежали. Я пытался схватить их, но их организация задержала меня.

— Что ты имеешь в виду под словом “организация”? — спросил Гардниен. Его тон уже не был насмешливым.

— Именно то, что ты слышал, — самодовольно ответил Тчорнио. — Когда я пытался остановить убийц, кто-то все время мешал мне: в мою сторону швыряли глиняную посуду, катили мне под ноги тыквы, на меня натравили табун диких далберов. И если вы еще сомневаетесь, что здесь замешана организация, то задумайтесь хотя бы вот над чем: как только табун далберов прошелся по мне, один из Материнских Гвардейцев тут же арестовал меня. А это, мой друг, явственно свидетельствует о наличии организации.

Больше вопросов не было. Все сидели в угрюмой неподвижности, включая и самого Тчорнио, которому удалось, даже не замечая этого, убедить себя самого. И вот наконец один из молодых вельмож задал вопрос, который вертелся на языке у каждого:

— Что же нам теперь делать?

Втайне очень довольный своим возвышением от униженного неудачника до признанного лидера, Тчорнио с достоинством ответил:

— Вот мой план...

* * *

— Вот мой план, — сказал Смит. — Теперь, когда мы изобрели этот проклятый Матерью телеграф, первое, что мы должны сделать, это протянуть провода между Лиффдаргом и каким-нибудь другим городом. Затем...

— Стоп!

— В чем дело, Хард?

— Вы не имеете права протянуть провода без разрешения Храма.

— В самом деле, — добавил Ангар Соренштайн, — ничего невозможно сделать на этой забытой Матерью планете без разрешения Храма.

— Это не совсем так, — патетическим тоном внес коррективы Хард. — Разрешение требуется только на то, что никто не делал до этого.

— Хард, старик, мы не планируем делать здесь ничего такого, что кто-то уже сделал до нас, — внес ясность Джон. — А как получить одобрение Храма?

Как оказалось, чтобы получить одобрение Храма, необходимо выполнить три условия. Во-первых, нововведение не должно содержать ни малейшего намека на ересь; во-вторых, оно должно быть, в самом широком понимании этого слова, полезным; и, наконец, оно должно быть необходимым для общества, удовлетворяя общепризнанные нужды.

— Первое, что мы должны сделать, — объявил на следующий день Джон, обдумав проблему бессонной ночью, — это продемонстрировать телеграф узкому кругу влиятельных лиц здесь в мастерской. Мы пригласим нескольких купцов, нескольких вельмож, двух-трех высокопоставленных армейских офицеров, командующего Материнской Гвардией и священников, которые пожелают присутствовать. Они увидят телеграф в действии и оценят его по достоинству. Таким образом мы докажем его полезность и необходимость.

— Прекрасно, — прокомментировал это предложение Анстар Соренштайн. — Потом все, чего нам останется добиться, это доказать его ортодоксальность. Как это сделать, Джон? Ведь ты наш главный мозговой центр.

— О, это очень просто, — проявил инициативу Хард. — Вам следует нанять адвоката Храма. Если телеграф в принципе возможен, он докажет, что “Книга Гарта Гармуйена Гарта” предсказала его, и это само по себе автоматически делает его ортодоксальным.

— Вот видите, как иногда бывают похожи порядки на Терре и Лиффе, — заключил Пиндар Смит.

* * *

— Отец, сэр! — Хотя его положение в доме и было восстановлено две недели тому назад, Тчорнио все еще был предельно вежлив.

— Я занят, сынок, пытаюсь читать. — При общем уровне грамотности на Лиффе прочитать рукописное приглашение стоило для старшего Хирилта огромного труда.

— Но папа...

— Не мешай мне, Тчорнио. Кажется, это письмо довольно важное. Эти парни Гар-Террэнзы пишут, что могут свободно разговаривать на большие расстояния. Понимаешь, такая штука могла бы иногда пригодиться.

— Но я хочу рассказать тебе о заговоре! — Хныканье Тчорнио отличалось той особенностью, что содержало только самые неприятные составляющие его голоса.

— Тчорнио! Уходи. Мне не до твоих детских заговоров. Когда ты уже научишься не беспокоить меня по всяким пустякам?

Тчорнио, потерпев неудачу, медленно ушел. Он надеялся уговорить отца на финансирование комитета по борьбе с заговором, и вот теперь ему придется добывать деньги каким-то другим путем. Он не сомневался, что добудет их. К нему уже поступило несколько таинственных предложений от людей, которые пожелали выделить наличные при условии, что останутся анонимными.

Когда сын ушел, Великий Князь Хинриг звонком колокольчика вызвал секретаря, который ведал деловыми вопросами. Эти ребята Гар-Террэнзы, похоже, действительно имели что-то стоящее, и он желал тоже заполучить свой кусок от этого пирога.

* * *

— Смит, Мать его разнеси вдребезги эту штуку! Эта чертова... я имею в виду, забытая Матерью штуковина не работает! — Тщательно балансируя на полуразвалившемся стуле, Джо Харлен сидел, склонившись над первой действующей моделью телеграфа.

— Что ты имеешь в виду под "не работает"? — Пиндар Смит подошел к столу и стал осматривать деревянную раму, на которой были расположены катушки с медным проводом.

— Когда я нажимаю на этот позабытый Матерью ключ, проклятый зуммер не пищит. Вот что я имею в виду, когда говорю, что эта штука не работает.

— Прекрасно, прекрасно, — забормотал Смит, склоняясь над установкой и проверяя катушки. — Демонстрация должна начаться через полчаса, а наши высокопоставленные приглашенные должны прибыть с минуты на минуту. Просто великолепно — именно в такой ответственный момент эта штука отказала! Ага, слава богу — вот оно в чем дело. — Смит соединил два проводка. — Попробуй теперь.

Харлен нажал на ключ и послышалось:

— Би-и-и...

— Би-и-и? — удивился Харлен.

— Мне пришлось использовать керамический резонатор, — невинным тоном объяснил Смит. — А теперь позволь мне спаять эти проводки.

В соответствии с установившимся на протяжении веков лиффанским обычаем, гости начали собираться только через полчаса после назначенного времени. Конечно, никто не позаботился предупредить об этом терран, и к тому времени, когда первый вельможа приехал, наконец, в своей карете, каждый нерв у обитателей мастерской был на пределе.

Никто также не предупредил терран, что гости придут на далберах. Анстару Соренштайну, которому по программе демонстрации отводилась не самая значительная роль, вполне естественно было поручено присматривать за далберами. Когда количество их достигло сорока пяти, его нервы были так же измотаны, как и у всех других участников Особой Операции. Но кроме того, он опасался, что придут все приглашенные. Эти сорок пять истерических далберов, которые едва не довели его до сумасшествия, принадлежали только половине приглашенных.

Вдоль одной стены мастерской были выставлены все элементы полного комплекта телеграфной системы, состоящей из двух станций. На другой стене висели графики, поясняющие, как работает система. Они были любовно вычерчены и раскрашены Анстаром Соренштайном, которого теперь так донимали далберы. В дальней части комнаты, на небольшом возвышении Хард объяснял прелести телеграфа, используя свою самую певучую поэтическую дикцию, а в это же самое время Пиндар Смит, находившийся у входной двери, отправлял телеграмму Джону Харлену, который находился в другой комнате. Первая телеграмма состояла из слов "Что изрекла Мать?", которые не вызвали никакого удивления со стороны присутствовавших.

— И как, вы сказали, это забытое Матерью сообщение проходит через эти забытые Матерью тоненькие ниточки? — задал вопрос армейский офицер.

— Материнский Дух, преподобные лорды, живет в тех батареях. Когда необходимо отправить сообщение, наша Мать ускоряет его, — вежливо ответил Хард.

— Что говорит этот забытый Матерью зануда? — обратился офицер к Джону.

— В батареях содержится электричество, — коротко ответил Джон. Он как раз расшифровывал первые передачи Смита, и ему некогда было отвечать на технические вопросы.

— Я бы этого не сказал, — пробормотал офицер себе под нос. И затем, уже громко, он обратился к своим соотечественникам: — Только подумайте, ребята, эти забытые Матерью зануды заставили саму Мать работать на себя.

— Это не святотатство, Отец? — спросил кто-то одного из священников, присутствовавших на демонстрации.

— Нет, сын мой, — торжественно ответил священник. — С моей точки зрения, это — вполне угодное Матери дело.

Доктор Джеллфит скромно присутствовал на церемонии, придавая ей значимость своим титулом. Естественно, никому и в голову не приходило задавать ему вопросы, и это было весьма кстати.

Презентацию по всем статьям следовало признать успешной. Все присутствовавшие единодушно отметили полезность телеграфа. Правда, одного армейского офицера обожгло кислотой из батарей, но он не очень пострадал. Священники не обнаружили в показанном им устройстве ничего еретического, хотя, конечно, воздерживались от комментариев и окончательных выводов до заключения Храма. Единственная неприятная заминка произошла, когда мероприятие уже закончилось.

Гости почему-то долго не расходились. Небольшими группками они топтались у двери, как если бы никто не хотел выходить до того, как выйдут все остальные. Наконец, Сполн Гар-Тчорниен Хиирлт, очень знатный вельможа, шепотом спросил у Пиндара Смита:

— Скажите, пожалуйста, уважаемый человек, куда вы, во Имя Матери, спрятали поднос?

Ни о каком подносе Пиндару Смит у никто ничего не говорил. Он передал по телеграфу Джону: "Где поднос?"

— Хард, — спросил Джон, — что ты знаешь о подносе?

— Какой поднос? — спросил Хард.

Джон передал сообщение Смит у: "Какой поднос?"

Смит поднял голову от ключа и спросил князя:

— Какой поднос, сэр?

— Как, тот самый забытый Матерью поднос, на котором мы должны оставить наши карточки. Ведь как иначе вы зафиксируете наш интерес к этой штуке? Вот чего все мы ожидаем у этой забытой Матерью двери.

Смит передал эту информацию Джону, который, в свою очередь, передал ее Харду.

— Материнский нос! — сердито выругался Хард. — Как я мог забыть об этом? — Он побежал наверх и возвратился с богато украшенным серебряным подносом, который поставил на стол у входной двери. После этого гости вышли; большинство из них оставили свои карточки.

* * *

Тчорнио нервничал, сидя в самом дальнем углу таверны. До этого он никогда не имел ни с кем тайных встреч, и ему казалось, что все, кто находятся в таверне, следят за ним. С третьим ударом часов, в точно обусловленное время, невысокий мужчина вошел в таверну и направился прямо к столику Тчорнио.

— Вы — Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт? — спросил мужчина.

Тчорнио поднялся:

— Да, сэр. Не будет ли вам угодно присесть? — Мужчина сел в кресло напротив Тчорнио, который нервно осматрелся вокруг.

— Я пришел затем, — начал неизвестный, — чтобы сделать вам предложение от имени очень высокопоставленного лица. Он не желает, чтобы его имя фигурировало, но хочет, тем не менее, поддержать в финансовом отношении вашу организацию в знак признания важности того дела, которое задумано вами. Это ясно?

— Да, — ответил Тчорнио, который очень четко слышал слова "поддержать в финансовом отношении".

— Прекрасно. Договоримся так: мы будем ежемесячно давать вам определенную сумму денег, пропорционально количеству членов организации, зарегистрированному по состоянию на конец предшествующего месяца. Вы, в свою очередь, будете представлять нам списки членов вашей организации и отчет о всей вашей деятельности.

* * *

— ... и он ухватился за это?

— Как каблон на кукурузную приманку! — докладывал таинственный низкорослый мужчина своему начальнику. — Всякий раз, когда я произносил слово "деньги", его глаза загорались. Он не слышал ничего больше. Только повторив несколько раз, мне удалось втолковать ему, что чем больше он завербует членов, тем больше денег мы бу-

дем ему давать. Можете не сомневаться, что к концу следующего месяца вся молодежь из благородных сыновей Лиффдарга будет состоять в этом антизаговорщическом комитете. И он будет представлять нам прекрасные отчеты.

— Хорошо. — Высокопоставленный лиффанский дворянин потер руки. — Он хочет заговора, не так ли? Подождите немного, и мы ему сделаем самый настоящий заговор.

★ ★ ★

Заседание в Храме поразило терран тем, что оно больше походило на воскресную проповедь, чем на судебное заседание. Их адвокат встал и зачитал несколько выписок из "Книги Гарта Гар-Муйена Гарта", после чего доктор Джеллфт, как наиболее знатный из клана Гар-Террэн, встал и коротко зачитал составленные Хардом несколько абзацев, в которых литургической терминологией описывался телеграф. После этого Его Святейшество Главный Патриарх и Отец Отцов, чрезвычайно знатный лиффанин, не имевший других имен, изрек:

— Изобретение удовлетворяет требованиям Писания. Пока не будет доказана его вредность или бесполезность, Мы распространяем на него Наше временное одобрение.

За этим последовали молитвы, после которых все разошлись.

ГЛАВА VIII

Для всех участников Особой Операции первый год на Лиффе был самым тяжелым.

Терране, например, запутались в сложностях лиффанской финансовой системы. Получив святейшее разрешение, они должны были после этого организовать компанию по эксплуатации своего изобретения. Это выглядело достаточно просто по своей сути, но некоторые формальности были невероятно сложными.

Прежде всего, возникла необходимость повысить статус одного из терран, прежде всего, Пиндара Смита, возведением его во дворянство, чтобы клан Гар-Террэн мог на равных решать со знатью все возникающие вопросы. Титул доктора Джеллфта, полученный не по праву рождения, а в результате пожалования, для этих целей не под-

ходил, поскольку в соответствии с лиффанскими законами, основанными на кровных связях, он не мог быть ни унаследован, ни использован каким-либо иным способом. Поэтому терранам пришлось добиваться присвоения Пиндару Смиту баронского титула.

На церемонию посвящения Пиндара в рыцарство прибыли все заинтересованные во внедрении телеграфа в жизнь. В данном случае "все" подразумевало приблизительно половину всего населения Лиффдара. Разумеется, никто из молодых представителей знати не присутствовал, поскольку у них были свои интересы и дела, но зато собралась вся знать постарше, а также представители клерикальных и армейских кругов. Церемония проходила в Большом Зале дворца короля Остарда Гар-Остардиена Остарда.

С высоких стропил Большого Зала свисали закопченные, полинявшие за сотни лет штандарты знатных родов Лиффа. Один из штандартов висел отдельно, главным образом потому, что был относительно новым, и поэтому относительно ярким. Изображенные на нем жезл и двоящая змея до этого дня представляли в семье знатных семей Лиффа клан Гар-Террэнов. Предусматривалось, что в процессе церемонии он будет снят и заменен совершенно новым штандартом с изображением серебряного зигзага, символизирующего молнию.

Подъему штандарта предшествовал полуторачасовой концерт древней додекафонической музыки, восходящей к чему-то загадочному, называемому Золотым Веком Лиффа. Пока длился концерт, нервы Смита начали сдавать.

— Я заявляю вам, доктор, что не смогу этого сделать, — возражал он громким шепотом доктору Джеллфту, который раньше уже прошел через все это.

— Это музыка так выводит тебя из равновесия, мой мальчик, — ответил старый доктор. — Помнится, в свое время она расстроила меня тоже. К этой древней музыке просто следует привыкнуть.

— Нет, док, это не музыка, а вся процедура, от начала до конца. Возведение во дворянство и все такое прочее. Я никогда не верил в подобное, и сейчас... как бы это сказать... — словом, я не смогу...

— Благостная Мать, тебя случайно не тошнит, нет?

— Нет, док. Я просто боюсь, что забуду слова, которые по сценарию мне следует говорить.

— Это все, что тебя беспокоит? Боже мой, не беспокойся о своих словах, Смит! Все, кто проходят через та-

кую церемонию, всегда забывают свои слова, и теперь это уже превратилось в традицию. Пусть это тебя не беспокоит. Король Остард очень добродушный и прогрессивный человек, поверь мне. Он не придаст никакого значения тому, что ты забудешь свою роль, и будет подсказывать тебе.

Самым странным оказалось то, что, получив такой обнадеживающий совет, Смит не забыл ни слова из того, что от него требовалось говорить по ритуалу. Трехчасовая церемония посвящения в рыцарство прошла без сучка и задоринки, что вызвало немалое удивление короля Остарда.

Церемония после подъема штандарта была еще более сложной. Никто не удосужился заранее предупредить Смита, что ему для подтверждения своего титула предстоит выдержать дуэль с самым знатным из дворян.

— Черт бы все это побрал, — вылил он свое раздражение на терран, — никто даже не предупредил меня об этом. Если бы я знал об этой дуэли заранее, я бы ни за что не согласился на такую церемонию. Ведь не могу же я выйти и на глазах у всех убить знатного человека. Это не для меня.

— Но никто не требует от тебя, чтобы ты убивал его, — успокоил его Хард. — Это просто ритуал, все делается понарошке. Ведь на самом деле это он должен убить тебя, а не ты его.

— Меня? Это тем более не входит в мои планы. Я категорически отказываюсь быть убитым.

— Да не по-настоящему убить, ты, лишенный благоговения Матери сын далбера. Я же сказал тебе, что это все понарошке. Вы будете сражаться тупыми шпагами. Такой шпагой ты не сможешь даже поцарапать кого-нибудь. Этот вельможа символизирует держателей акций, ты понял? И вообще, не забывай, что все это делается чисто символически.

Действительно, все оказалось именно так. Такое странное действие можно было назвать не иначе как символичкой. Самый старый вельможа, восьмидесятитрехлетний герцог Тедрио Гар-Гардниен Тсолистран, которому помогали и, по мере своих сил, поддерживали на ногах двое других дворян чуть помоложе его самого, приблизился к Смигу со скоростью примерно одного шага в минуту, дважды взмахнул обмотанной чем-то мягким шпагой над головой Смита, затем опустил ее на его плечо с силой, сравнимой разве что с прикосновением бабочки. Смит, получивший подробный инструктаж от Харда, тотчас упал и завопил:

— Сдаюсь, сэр, сдаюсь!

После этого герцог Тедрио промышчал несколько нечленораздельных слов относительно долга компании по отношению к своим акционерам, Смит с готовностью согласился, и таким образом Лиффанский Телеграфный Трест превратился в концерн.

* * *

— Что нам необходимо сделать, — объявил Гардниен, — так это придумать символ. — Новое дело заставило обоих забыть старую междоусобицу, и он стал главным помощником Тчорнио по вопросам физической подготовки и его советником. Справедливости ради следует сказать, что Тчорнио редко следовал советам Гардниена, поскольку вообще редко прислушивался к чьим-либо советам.

— Символ? Какой символ ты имеешь в виду? — спросил Тчорнио. Они сидели в кабинете в здании своей новой штаб-квартиры, которое было взято в аренду за счет первого денежного поступления от неизвестного благотворителя.

— Я имею в виду какой-то отличительный знак, который мы могли бы носить.

— Но наше общество является секретным.

— Ну, я не имею в виду, что его следует носить на людях, на улице или в других местах. Но мы могли бы одевать его во время собраний, на учениях и подобных мероприятиях.

— Но всех членов проверяют перед тем, как впустить на собрание; им ничего не нужно носить, чтобы подтвердить свою принадлежность к нашей организации.

— Ну, Тчорнио, я вижу, что ты не понял меня. Забудь об этом. — Наступила длительная пауза. Затем Тчорнио вышел из кабинета, чтобы поприсутствовать на церемонии принятия присяги вновь принятыми членами. Все были выстроены в линию, правая рука каждого символически зажимала левую на уровне груди.

— Мы клянемся, — повторяли они, — быть преданными Комитету по борьбе с заговором, беспрекословно подчиняться приказам своих начальников по Комитету, какими бы эти приказы ни были. Мы клянемся быть бдительными в выявлении заговорщиков, где бы они ни находились. Святым Именем Матери мы клянемся в этом.

Тчорнио подошел к члену Комитета, который принимал клятву.

— Сколько их у нас сейчас? — поинтересовался он.

— С этим пополнением — двести шестьдесят семь.

Тчорнио довольно улыбнулся:

— Прогресс, — прокомментировал он. — Прогресс. —

Затем, возвратившись в свой кабинет, поделился своими раздумьями с Гардниеном:

— Знаешь, эта клятва звучит совсем неплохо. Единственное, чего я не могу взять в толк, так это почему тот нервысний человек настаивал, чтобы она была именно в такой форме.

Гардниен тоже не мог объяснить этого.

* * *

— Будь оно все проклято! — прорывал адмирал Беллман. — Это похуже, чем космические шахматы. По крайней мере в шахматной партии в трех измерениях я знаю, сколько у меня людей и где они находятся.

— Очень сожалею, сэр, — оправдывался молодой офицер службы безопасности, который был единственным свидетелем несчастного состояния, в котором пребывал адмирал. — Очень сожалею, — повторил он, — но нам не удастся обнаружить канал утечки информации.

— Черт бы вас всех побрал! — выкрикнул адмирал, не контролируя себя. — Такой канал где-то есть. Каким же образом тогда сенатор Вэлш узнал об Особой Операции?

А в это же самое время сенатор Вэлш довольно хихикал, читая что-то, написанное на маленьком листе бумаги, который ему подали вместе с завтраком.

— Очень интересно, — усмехнулся он. — Да, действительно интересно. — Затем, повысив голос, позвал:

— Гордон!

— Да, сэр, — помощник оказался рядом.

— Гордон, — уже более мягко обратился к нему сенатор. — Не окажете ли вы мне услугу посмотреть кое-что в "Галактической энциклопедии"? Что там сказано о планете, которая называется Лифф. Эл-и-эф-эф. Спасибо, дружище.

Когда Гордон вышел, сенатор возвратился к прерванному завтраку.

* * *

— Глупости! — продолжал рычать адмирал Беллман. — Эта старая развалина не могла сама догадаться о таких деталях. Говорю вам, что среди нас имеется шпион от консерваторов. А теперь извольте выйти вон и разыскать его.

Молодой офицер вышел из кабинета Беллмана и тотчас стал отдавать распоряжения о проведении третьего по счету расследования. Этот Беллман и его утечки информации? Даже сама мысль об этом звучала как оскорбление:

* * *

— Да, — с гордостью доложил Тчорнио. — Сейчас у нас свыше шестидесять членов.

— Прекрасно, — плавил короче одетый невысокий человек. — Мой шеф будет очень доволен таким прогрессом.

— Думаю, что постыют членов в течение двух месяцев — это неплохо, — без всякой нужды вставил Гардниен.

— Именно это я и сказал, — отрубил коретый. — Вот вам. — Он подал Тчорнио кожаный мешок, явно наполненный деньгами. — Это поможет продержаться некоторое время. А теперь я хотел бы осмотреть помещения.

— Вы желаете, чтобы мы показали вам все помещения? — спросил Тчорнио, одновременно высыпая содержимое на стол и начиная считать тяжелые золотые монеты.

— Нет, я хочу осмотреть помещения сам, — ответил незнакомец.

— Но, сэр, многое из того, что происходит здесь, носит секретный характер, — продолжал настаивать Гардниен.

Незнакомец криво усмехнулся.

— Осмелюсь напомнить вам, молодой человек, что все, что здесь происходит... — он красноречивым жестом указал на стол. Затем, не говоря ни слова, развернулся, вышел из кабинета и начал осмотр здания.

— Мне это совсем не нравится, — прошептал Гардниен Тчорнио.

— Почему же? Они выглядят совсем как настоящие, никакой подделки.

— Да нет же, идиот, не деньги. А этот...

— Этот?

— Да. Кого он представляет? Откуда поступают эти деньги? Думаю, нам следовало бы знать несколько больше. В конце концов, он может с таким же успехом быть и частью... сам понимаешь... частью заговора.

— Ты просто сошел с ума, — спокойно ответил Тчорнио.

Тем не менее, когда незнакомец вышел из здания, Тчорнио и Гардниен, стараясь оставаться незамеченными, последовали за ним. Хотя и казалось, что он не заметил слежки за собой, незнакомец втянул Тчорнио и Гардниена

в утомительную гонку по плохо освещенным улицам старой части Лиффдарга. И если бы не отсутствие на улицах людей, молодые вельможи наверняка потеряли бы его из виду несколько раз. Наконец Тчорнио устал от быстрой ходьбы.

— Если бы мы шли немного быстрее, — сказал он Гардниену, — нам было бы легче следить за ним.

— Зачем? Мы и так почти догнали его, разве не так?

— Ну, это еще как сказать. Кстати, куда он девался?

Незнакомец исчез. Поскольку поблизости некуда было спрятаться, вполне логично было предположить, что он вошел в один из низких узких домов, которые стояли вдоль кривой улицы как плохо отесанные камни на мостовой. Но в какой именно дом он вошел?

— Проклятье! — выругался Гардниен. — Где же он?

— Забудь о нем. Все, что я хотел бы знать, так это где мы?

— Понятия не имею, ответил Гардниен. — Никогда раньше не бывал здесь.

— Тссс! — просипел голос из тени. — Хотите, парни, маленькую сестру?

— Ясно, — сделал вывод Гардниен. — Понятно, где мы находимся. Теперь вопрос — как попасть домой?

Как они попали домой, сказать трудно. Район красных фонарей Лиффдарга как будто специально был застроен таким образом, чтобы сбить с толку таких гуляк, как Тчорнио и Гардниен. Дома они оказались только через несколько часов.

Высокопоставленный лиффанский вельможа потирал руки с нескрываемым удовольствием.

— Значит, они предприняли попытку проследить за вами, да? Интересно.

— Да, — согласился таинственный коротыш. — Они были неутомимы, как далберы в период течки, сэр. Было бы грешно водить их за нос дольше, да и я в конце концов устал от игры с ними.

— Ага. И где вы их оставили?

— На улице Многих Цветов, в трех кварталах отсюда.

— Это было очень разумно с вашей стороны. Маленькие сестры несомненно помогут молодым парням найти дорогу домой.

— Надеюсь, сэр. — Ответил коротыш и приступил к докладу, который был выслушан с большим вниманием и получил полное одобрение.

* * *

Джон Харлен возбужденно рассказывал по помещению телеграфной конторы, энергично жестикулируя и выкрикивая что-то начальнику связи, который стоял перед ним, удрученно рассматривая пол.

— Клянусь Глазами Матери, это уже двадцать седьмой раз всего за шесть месяцев работы. Что там происходит?

Начальник связи вздохнул и перевел взгляд с пола на потолок.

— Нам ничего неизвестно кроме того, что мы доложили.

— Вы не доложили ничего полезного. Вот, смотри, — он помахал докладом перед носом начальника связи. — “Связь на линии между Лиффларгом и Примилбосом (которая, отмечу, пока является нашей единственной линией) временно прервана из-за обрыва линии”. — Он фыркнул. — И когда ты поплешь на линию своих людей искать обрыв — ты ведь послал их уже, не так ли? — начальник кивнул — то будет обнаружено, что два столба повалены, а провода украдены. Они уже доложили о результатах? — Начальник снова кивнул. — И что там? Разве не об этом же? — Начальник снова перевел взгляд на пол и еще раз кивнул. Джон прервал свое нервное хождение по комнате и решительно заявил: — Пожалуй, пора мне самому посмотреть на один из таких разрывов. Где он находится?

— Приблизительно в двенадцати стербах.

Джон схватил свою квадратную шляпу, украшенную, как этого требовала местная мода, длинным пером, и криво надел ее на голову.

— Пошли со мной, Прудю. На этот раз я намерен все осмотреть сам.

Позже Джон так описал своим товарищам увиденное.

— Они утверждают, что это — дело рук бандитов, — яростно выкрикивал он, на манер напавшей на след полицейской ищейки обегая взад и вперед все пространство мастерской. — Слыхали такое — “бандиты”? Они подорвали два столба динамитом — подчеркиваю — динамитом! А насколько все мы знаем, динамит здесь еще даже не изобретен! Итак, они подрывают динамитом два столба, забирают провод и скрываются.

— Как вообще мог динамит попасть к бандитам? — задал резонный вопрос Соренштайн.

— Вопрос не в этом, а в том, кто изготовил для них этот динамит, — поправил Джон.

— Есть еще один вопрос, покляще, — вставил Хард. — Зачем бандитам нужен медный провод?

— Я знаю, где они берут динамит. — На этот раз свое слово вставил Пиндар Смит. Остальные члены группы все как один повернули к нему головы и приготовились внимательно слушать.

— Видите ли, — начал Смит, — нам нужен был динамит для подрыва скального грунта при установке этих забытых Матерью столбов — напомним, что скальные грунты в пустыне очень крепкие — поэтому мне пришлось изобрести динамит.

— Ну ты даешь, Пин! — мягко произнес Джон. — А я полагал, что ты должен был поставить меня в известность об этом.

— Извини, я просто упустил из виду.

— Великолепно, Пин, просто великолепно. Так где же эти бандиты заполучили динамит?

— Ах, это... Вспомни, ты ведь сам говорил, чтобы мы нанимали как можно больше субподрядчиков.

— Правильно. Чтобы распространять среди местного населения новые технологии. Ну так что?

— Ну так я дал заказ Гильдии Фармацевтов изготовить для нас динамит.

— И тебе не пришло в голову, что Гильдия Фармацевтов может продать эту дрянь кому-то другому?

— Как бы это объяснить... Словом, нет. Никогда не задумывался над этим.

— Хорошо, Пин. Но ты, надеюсь, не забыл о том, что динамит может быть использован также и в качестве оружия?

— Оружия? Ах, да, теперь я понял, что ты имеешь в виду. Нет, Джон, об этом я как-то не подумал.

— Просто великолепно. Хард, дружище, что тебе известно об этих бандитах?

— Они называют себя "Народная Армия". Это что-то вроде революционной партии — они против дворянства, против клерикалов, они даже против самого короля — если не все, то, по крайней мере, некоторые из них.

— Это как раз то самое, чего я больше всего опасался. И вот теперь у них появилась мощная взрывчатка. А это

может вообще привести к уничтожению культуры. Самое худшее, чего нам следует опасаться, так это чтобы какая-нибудь незапланированная революция не перечеркнула на-чисто результаты всей нашей работы.

Как раз в это время в мастерскую вошел глашатай из Гильдии Глашатаев.

— Прошу прощения, господа, — обратился он к ним. Затем, прокашлявшись, повысил голос и сделал объявление: "Всем членам и наемным работникам Лиффанского Телеграфного Треста — приветствие и благословение. Его Святейшество Патриарх и Отец Отцов, да будет благословенно Матерью Его имя, требует, чтобы вы предъявили Ему доказательства того, что работа Лиффанского телеграфного Треста не должна быть прекращена и что заключение Храма не должно быть аннулировано. Его Святейшество Патриарх и Отец Отцов, да будет благословенно Матерью Его имя, требует, чтобы такие доказательства были предъявлены ему на День Матери текущего месяца или до него. Со-кровенным Именем Матери, считается объявленным!"

Сделав объявление, глашатай покинул помещение, не дожидаясь ни вопросов, ни комментариев.

— Только этого нам не хватает! — разъярился Джон. — Что бы это все значило?

А весь сыр-бор разгорелся из-за Гильдии Гильдий.

— Вы должны понять, дорогой сэр, — объяснил Патриарх Джону на следующий день, — что мы здесь в Храме не имеем никаких возражений относительно вашего телеграфа. Более того, мы только приветствуем его использование, и если вдруг вы прекратите работу в этом направлении, мы вынуждены будем продолжать ее сами. Нет, вовсе не Храм возбуждает против вас иск, а Гильдия Гильдий.

— Понимаю, сэр, — уважительным тоном ответил Джон. Он впервые лично столкнулся с Храмом. В таких случаях уважение бывает так же полезно, как и мудрость. — В чем суть претензий Гильдии Гильдий?

Дворянский ранг Главного Священника был вторым после Короля. Это, конечно, намного облегчало решение любых вопросов с большей частью лиффанской знати. Не испытывая необходимости беспокоиться о своем положении и личной безопасности, он мог позволить себе заниматься хотя и тривиальными, зато более интересными вопросами.

— Основной смысл их жалобы, — ответил он, — заключается в том, что ваши люди не состоят ни в какой

гильдии. Они обратили внимание, что вы делаете неплохие деньги, и хотят, чтобы им тоже отчислялась часть из них. Вот что кроется за сложными и путанными претензиями, которые формально основываются на том, что вы отбираете работу у Гильдии Писарей и у Гильдии Курьеров, и что ваши школы якобы узурпировали прерогативы Храма. Но дело вовсе не так безнадежно, как может показаться на первый взгляд: обе эти претензии будут полностью удовлетворены, если вы создадите гильдию и вступите в Гильдию Гильдий, что я вам и рекомендую сделать. Конечно, вы не должны никому говорить, что именно я посоветовал сделать это.

— Разумеется, Ваше Преосвященство, — с готовностью согласился Джон. После вежливой беседы, стакана вина и формального благословения Патриарха Джон Харлен направился домой создавать гильдию.

Осгард Гар-Осгардиен Осгард, Король и Отец Лиффа, был, как уже отмечалось, весьма добродушным и прогрессивным джентльменом. Он был также весьма проницательным политиком и бизнесменом. Поэтому Джон принял совет доктора Джеллфта рассказать королю все без утайки.

— Фантастично, — прокомментировал его рассказ Король. — Нет, я вовсе не хочу сказать, что не верю вам, дело не в этом. Но вы должны признать, что все это выглядит просто как фантастика. — Джон согласился с ним. — Но если мы имеем десять — впрочем, нет — теперь уже девять лет, в течение которых должны сами научиться защитить себя от вторжения этих таинственных пришельцев, то тогда почему ваша — как бы это сказать — планета — не пришлет сюда большое количество людей и необходимое оборудование, чтобы быстро и эффективно все сделать?

Джон рассказал Королю Осгарду, какова будет реакция Консервативной Партии, если она узнает об этой миссии. Это привело к необходимости затратить еще полчаса на объяснение Королю терранской политики, которая очень его позабавила.

После некоторых дополнительных вопросов Король дал свое согласие быть покровителем вновь создаваемой Гильдии Телеграфистов.

— Конечно, вы понимаете, что с моей стороны это не чистый альтруизм, — пояснил он Джону. — Мне кажется, что ваше изобретение очень полезная вещь. Казна уже получает постоянную прибыль от вашей деятельности, да

и мои командиры докладывают, что эти устройства очень полезны в военном деле.

Король лично проводил терран к боковому выходу из дворца.

— Чтобы не встречаться с толпой у главного входа, — объяснил он. — Ну, если от меня потребуется какая-то помощь, заходите. И не беспокойтесь — я воспользуюсь вашим советом и никому об этом не расскажу. Да если бы даже и рассказал, кто мне поверит?

ГЛАВА IX

Комитет по борьбе с заговором функционировал вот уже почти год и насчитывал в своих рядах более пяти тысяч членов. Выполнение его первой программы шло полным ходом, и каждый день, от зари до зари, по Лиффдарту дефилировали патрули комитетчиков, выискивая заговорщиков.

Рано или поздно один из таких патрулей неизбежно должен был встретиться с Хардом и Джоном и опознать их, хотя несколько вольное описание их внешности Тчорнио в какой-то мере снижало степень вероятности опознания. И, наконец, это произошло — как раз тогда, когда после аудиенции у Короля Остарда Джон и Хард вышли из дворца. К несчастью, патрульный отряд, с которым они встретились, возглавлял сам Тчорнио.

— Вот они! — завопил тот. Поскольку дисциплина в Комитете оставляла желать лучшего, этот выкрик вызвал некоторое замешательство, достаточное для того, чтобы дать Джону и Харду время для разбега.

— Кто именно? — спросил Гардниен.

— Убийцы, выродок далбера! Убийцы! Вон они!

— Где? — спросил кто-то еще.

— Вон там, идиоты! Хватайте их! Да живее!

Джон с Хардом свернули за угол и побежали. Но, пробежав не более десяти шагов, они услышали за своей спиной топот комитетчиков, который был очень похож на шум, который производит целое стадо разъяренных далберов.

— Сюда! — скомандовал чей-то голос, который, по всей вероятности, принадлежал Тчорнио.

— Добрая Всемогущая Мать! — прошептал Джон. — Я так и думал, что мы однажды влипнем.

— Пока еще нет, — ответил ему таким же шепотом Хард. — Беги за мной.

Они бежали по узкой, темной, извилистой улице со множеством пересекающих ее улочек и переулков. Казалось, что весь этот район, один из самых старых в городе, специально строили по законам лабиринта. Хард прекрасно знал этот район по тому периоду своей жизни, когда был уголовником.

Когда беглецы сворачивали за угол, послышался резкий звук взрыва, за которым последовал протяжный гнусавый звук.

— О, да я вижу, что местное население уже обладает пистолетами, — спокойно констатировал Джон.

— Пистолетами?

— Именно. Мы только собирались изобрести их для полиции телеграфной службы, но кто-то, похоже, обошел нас на повороте. Это все Смит и его чертов динамит. Ты уверен, что знаешь, куда мы направляемся?

— Конечно. В этом районе у меня везде свои люди.

Погоня становилась все более шумной, и в окнах начали зажигаться огни.

— Вот они! — закричал Тчорнио. Прозвучали два выстрела.

Джон и Хард еще раз свернули за угол, пробежали каким-то переулком, перелезли через забор и оказались на другой улице.

— Это избавит нас от этих крикливых приятелей, — беззаботно отметил Хард. — А теперь посмотрим, сможет ли Сестра Панджа спрятать нас у себя.

— Кто такая Сестра Панджа? — Они медленно брели по улице, которая выглядела точь-в-точь как та, с которой они только что так удачно сбежали. Все улицы в этом квартале выглядели на одно лицо.

— Это одна из маленьких сестер, — объяснил Хард. — Сейчас она работает не очень много, потому что изрядно постарела, но зато знает все, что нужно знать об этой части Лиффдарга. И, замечу, в этом квартале она обладает очень большим влиянием. Она даже имеет влияние на Гвардейцев Матери, а в районе красных фонарей это очень важно. Ну, вот мы уже почти пришли — она живет совсем рядом, здесь за углом — у-у-х!

Каким-то образом, повернув за угол, Хард врезался прямо в Тчорнио и сбил его с ног.

— Ай! — завизжал Тчорнио. — Вот они! Убийцы!

Трое из членов отряда бросились к Джону и Харду, суетясь вокруг них и осыпая тумаками. Тчорнио поднялся на ноги и, стоя посреди улицы, трубил что-то такое, что должно было означать сигнал, из чего-то, что могло быть рожком. Все огни в округе засветились разом, во всех освещенных окнах показались чьи-то лица, которые мгновенно исчезли, а огни разом погасли. Это было вполне в обычаях квартала.

Комитетчикам еще только предстояло изучать приемы уличных драк, и Джон с Хардом были в этом смысле идеальными учителями. Прежде, чем Тчорнио закончил свою первую музыкальную фантазию на рожке, Джон уже успел научить кого-то не бить сверху. Незадачливый ученик со стоном упал на грязную мостовую, а борьба вокруг него продолжалась.

— Убийцы! — Неестественно высоким голосом закричал Тчорнио. — Помогите! — Прокричав это, он принялся за вторую арию на рожке.

Работая по очереди, Джон и Хард убедили еще одного комитетчика в том, что использовать в таких ситуациях ножи просто невежливо. Этот ученик даже не стонал, поскольку его сильно беспокоила рана, из которой лилась его благородная кровь. Третий комитетчик, убедившись в том, какой дорогой ценой его друзьям достаются уроки, развернулся и побежал за подмогой. Вместо того, чтобы заняться Тчорнио, что было совершенно необходимо сделать, Джон и Хард побежали в другом направлении, оставив Тчорнио продолжать свои музыкальные упражнения наедине с самим собой.

Не пробежав и половины квартала, приятели снова слышали выстрелы.

— Эти ребята зря времени не теряют, — проныхтел, превозмогая одышку, Джон. У Харда вообще не оказалось в запасе воздуха, чтобы ответить ему.

Они наугад поворачивали в боковые улицы — два поворота направо, один налево, затем снова два направо, один налево, делая зигзаги по самым мрачным трущобам города. Комитетчики, сопровождаемые душераздирающими завываниями рожка Тчорнио, все же ни разу не отстали от них более чем на полквартала.

Никакая семья, даже самая презируемая и скромная, не может сохранять безразличный вид, когда на улице идет такая живописная погоня. И если завывания рожка

Тчорнио вряд ли могли вытащить на улицу кого-то из жителей квартала, то выстрелы, которые город вообще впервые слышал, сделали свое дело. Улицы быстро заполняла толпа, и дело принимало опасный оборот.

Джон и Хард еще раз свернули за угол, на более широкую и лучше освещенную улицу. Несколькими секундами позже комитетчики тоже свернули за угол и замерли, с удивлением рассматривая совершенно пустынную улицу.

* * *

— Идите за мной, — прошептал мягкий надтреснутый голос.

Темнота была просто жуткой. Казалось, Джон физически ощущал, как она обволакивает его.

— Проходи, — прошептал Хард.

Они находились в длинном крытом проезде или туннеле, на брусчатке которого было разбросано сено. Беглецы нырнули в первую же открытую дверь, которую увидели, повернув за угол, даже не пытаясь разобраться, что это за дом. Ситуация, в которой они очутились, вовсе не импонировала Джону, но Хард, который отлично ориентировался во всех формах проявления преступности в Лиффдарге, уверенно последовал за этим голосом, напоминавшим скрежет наждака о стекло.

Они шли в крошечней темноте. По мере продвижения вперед происходила совершенно невероятная вещь — темнота сгущалась еще больше. Поэтому, когда после пятнадцатиминутной ходьбы их провожатый наконец остановился и открыл дверь, свет, устремившийся в длинную галерею, ослепил Джона, хотя его единственным источником являлась жалкая дешевая свечечка, дававшая больше копоты, чем света.

Оказалось, что их провожатым является молодая женщина.

— Вот они, мама, — произнесла она. — Какие-то молодые грубияны готовы были схватить их, но я открыла дверь.

Из глубины комнаты раздался приятный голос, напоминавший звон серебряного колокольчика:

— Кто-нибудь видел, как они входили?

— Нет, мама, — ответила девчонка. — Я внимательно осмотрела улицу.

— Очень хорошо, моя дорогая. Теперь можешь идти спать. Проходите, ребята, не торчите у двери.

Владелицей этого приятного голоса являлась самая толстая из женщин, каких только приходилось видеть Джону на протяжении всей его жизни. Ее амебообразное тело возлежало на старой кушетке. За исключением почти незаметных движений челюсти, которая едва шевелилась при разговоре, да пронизательных глаз, которые все время стреляли туда-сюда, женщина была совершенно неподвижной.

— Пусть это не пугает вас, — прозвучал ее мелодичный голос. — Когда-то я была такой же хорошенькой, как и все остальные маленькие сестры. Да, тогда я была еще совсем юной. Но вы привыкните ко мне.

Хард, который прекрасно ориентировался в обстановке, знал, как себя вести в подобных ситуациях.

— Добрый вечер, мама, — вежливо обратился он к ней. — Меня зовут Хард, а это — мой друг Джон.

— Тебе вовсе не обязательно называть меня мамой, парень. Я требую этого только от своих девочек. Это помогает держать их в руках. Я слышала, у вас возникли какие-то проблемы, не так ли? — На этот вопрос, естественно, не последовало никакого ответа; однако она и не стала дожидаться его, а продолжала без всякой паузы:

— Юный лорд Тчорнио и его дружки очень упрямы. У них только одна мысль в голове, да и то они сами толком не знают, чего хотят. А это очень опасно. Но вы не переживайте, ребята. Мы выручим вас.

От проявления такой осведомленности со стороны совершенно незнакомой женщины у Джона полезли глаза на лоб.

— Да, но кто вы?

— Мы — Маленькие Помощницы Матери, — произнесла женщина, делая невероятные усилия, чтобы изобразить на своем лице хоть подобие улыбки.

* * *

Тчорнио уже просто не мог совладать с той славой, которая на него обрушилась. Дело было даже не в том, что каждый в Лиффе знал о заговоре; сам Комитет внезапно стал чрезвычайно важным элементом в жизни Лиффа, и он, Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлг, стал всенародным героем. Это было выше самых смелых мечтаний, и в это просто невозможно было поверить. Ему даже присвоили почетное рыцарство в Материнской Гвардии.

Но что было для него, Тчорнио, самым главным, так это тот факт, что теперь все, наконец, стали верить в су-

шествование заговора, и что сам он перестал быть посмешищем, и что мнимая угроза, выдуманная им в качестве шутки в тот период, когда насмешки приятелей стали совсем уж допекать его, теперь приводит в ужас всех и каждого. Его мания схватить и уничтожить убийц стала похожа на религиозный фанатизм.

Его самоуверенность и положение в обществе сильно пострадали бы, пойми он хоть на минуту, что сам был виновником того, что убийцам удалось бежать из города. Но именно в тот день, когда Джон и Хард покидали Лиффдарт, сам Тчорнио был на дежурстве у главных городских ворот.

Но это упущение едва ли можно отнести только на счет личной беспечности Тчорнио. Он полагал, что дает разрешение на выход из города Матери Бальнии и двум маленьким сестрам, направлявшимся в Храм в Примилбосе.

В двадцати пяти стербах от города экипаж остановился.

— Здесь вам придется выйти, ребята, — объявила мадам, сопровождавшая Джона и Харда.

Их ждала небольшая группа — в большинстве своем мужчины в простой одежде, которых можно было принять за крестьян.

— Народная Армия, — сказала Мать Бальния с гордостью.

Джон и Хард, которые чувствовали себя довольно неловко в женском платье, вылезли из экипажа.

— Эй, Мать Бальния, — прокричал один из ожидавших, — что за солдат ты нам привезла? Нам здесь не нужны маленькие сестры.

— Смейся сколько тебе угодно, — резко ответила та. — Эти девочки на самом деле такие умелые бойцы, равных которым ты вовек не увидишь.

Громкий вызывающий смех привел Джона в такое же смущение, как и платье проститутки, в которое он был облачен. Но характер Джона не позволял ему долго печалиться. Нет, по-настоящему его беспокоило совсем другое.

— Огромное спасибо, Мать Бальния, — произнес он со смехом, который позволял ему чувствовать себя более уверенно и, главное, принять позу вежливого достоинства. — Я постараюсь отблагодарить вас за помощь как только возвращусь в город.

— Разве тебе никто не объяснил? — спросила она. — Эх, парень, ты никогда уже не сможешь возвратиться в город. Народная Армия не позволит тебе, да к тому же это и небезопасно. Хорошенько заруби это себе на носу. Не-

зависимо от того, как сложится твоя дальнейшая судьба, возвратиться ты уже не сможешь.

Ее экипаж круто развернулся и в клубах густой пыли помчал обратно в город. И вот тут-то наконец Джон Харлен почувствовал, что действительно сильно обеспокоен.

ГЛАВА X

Основная трудность в искусственном ускорении развития культуры состоит в том, что никогда нельзя точно предугадать, насколько значительную по объему часть такого развития способна воспринять сама культура. Это наглядно продемонстрировал способ применения лиффанами пороха, что на фоне первого проекта, выполненного подразделением Особых Операций, могло показаться простой случайностью. Буквально через неделю после того, как Пиндар Смит дал заказ Гильдии Фармацевтов изготовить для телеграфной службы динамит, какой-то неизвестный умелец из лиффан изобрел порох и стрелковое оружие, а еще через три недели Гильдия Оружейников уже всю торговала такими револьверами, какие наверняка расхватывали бы где-нибудь в районе мифической американской границы. Еще через год была создана Гильдия Производителей Оружия, что вызвало закономерную тревогу подразделения Особых Операций, поскольку в соответствии с его планами производство оружия на Лиффе должно было начаться на гораздо более позднем этапе развития планеты.

Через год после своего создания Гильдия Производителей Оружия осуществила пробные запуски пилотируемых ракет, вскоре, правда, отказавшись от этой идеи. К счастью, члены подразделения Особых Операций ничего не слышали об этих экспериментах, что сберегло им нервы и спокойный сон.

Вместо того, чтобы являть собой лишь стимул для развития планеты, как это планировалось с самого начала, подразделение Особых Операций на самом деле стало гораздо более действенным, чем просто стимулом или ферментом. Тот процесс, который они вызвали на Лиффе, нельзя было назвать прогрессом; это был подлинный взрыв, невероятное и не зависящее от воли терран бурное развитие технологии — такое же неожиданное и неотврат-

достаточно убедительным доказательством, что он одобрял расширение деятельности Комитета. В конце концов, финансированием деятельности Комитета он преследовал собственные цели, и если бы организация Тчорнио вдруг стала угрожать этим целям, то неизвестный благодетель немедленно вмешался бы и внес коррективы в ее деятельность.

В то же время, несмотря на свой благородный патриотизм, деятельность Комитета по борьбе с заговором все-таки явилась причиной угрозы образу жизни лиффан; такая угроза за последние триста лет истории планеты возникла впервые. Дело в том, что, Комитет со временем расширил свою деятельность вплоть до захвата заговорщиков, фактически сам создавая таким образом заговор, с которым должен был бороться. Комитет стал проводить постоянные расследования и везде находил заговорщиков. Если кто-то жаловался на налоги, а обычно это был простолюдин, он сразу же подвергался аресту и с ним обращались как с заговорщиком; и независимо от того, был ли он осужден или оправдан, уже сам факт ареста превращал его и его друзей в настоящих заговорщиков. Везде, где Комитет раскрывал мнимый заговор, настоящий заговор пускал свои корни и начинал шириться.

Именно поэтому ряды Народной Армии росли не по дням, а по часам. На каждого арестованного Комитетом к повстанцам присоединялось пять других лиффан. Это привело к тому, что рассматривать Народную Армию как свору бандитов стало уже просто невозможно. Диверсии на телеграфных линиях, набеги на деревни, похищение священников стали обычным делом; количество актов насилия со стороны повстанцев росло почти такими же темпами, как и число арестов, производимых Комитетом. Простолюдины стали все больше проявлять склонность к борьбе с диктатурой, от которой они всегда страдали, но по какой-то причине не стремились покончить с новой тиранией, исходившей от Комитета.

Вооруженные столкновения между Народной Армией и подразделениями Комитета стали настолько частым явлением, что едва удаивались упоминания в газете, которую Пиндар Смит основал сразу же, как только Телеграфный Трест Лиффа твердо встал на ноги. И самое характерное, что повстанцы одерживали верх в каждой стычке. Несмотря на технические новинки, которые Комитет брал

на вооружение, повстанцы постоянно были на один шаг впереди в разработке новых видов вооружения.

Именно это обстоятельство больше всего беспокоило членов Подразделения Особых Операций. Они не могли не прийти к выводу, что самый значительный стимул для технического прогресса на планете был вне пределов их досягаемости, что лиффанская технология развивалась по направлениям, которые находились за пределами их понимания. Невозможно было хоть с какой-то долей вероятности предсказать, какой новый вид оружия повстанцы используют в очередной стычке, как и определить, какая научно-техническая деятельность предшествовала разработке каждого нового типа, и, что было хуже всего, не было никакой гарантии, что повстанцы настолько превзойдут в своих исследованиях терран, что получат возможность уничтожить весь Лифф еще до того, как сами терране успеют спасти его.

Несмотря на это, терране чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы устроить в своей мастерской внушительный банкет по поводу пятой годовщины своей высадки на планету. Ни один из гостей, за исключением Короля Осгарда, не имел ни малейшего представления о том, почему ребята Гар-Террэн дают этот банкет, но все они с готовностью приняли приглашение — во-первых, потому, что Гар-Террэн были влиятельными людьми, а во-вторых, банкет — это все-таки, что ни говорите, — банкет.

Это празднование стало наиболее ярким событием года. Его почтили своим присутствием не только Король Осгард, но и большинство представителей знати Лиффа, весь верхний эшелон клерикалов Храма и Совет Управляющих Гильдии Гильдий в полном составе. Помещение мастерских было до отказа заполнено роскошными одеяниями, а яркие электрические лампы, которые были все еще в новинку, настолько усиливали сияние убранства знати, что Ансгар Соренштайн даже высказал сожаление, что не привез с собой с Терры солнцезащитные очки.

Гостям подавали изысканные вина и экзотические деликатесы, закупленные за огромные деньги в самых отдаленных провинциях Лиффа; это стало возможным благодаря введению Гильдией Металлозаводчиков в строй огромного парка грузовиков с паровыми двигателями. Программа развлечений включала в себя обязательное в таких случаях исполнение старинной камерной музыки и эроти-

ческих танцев самых молодых и самых красивых маленьких сестер, какие только были на Лиффе.

В самый разгар празднества Пиндар Смит произнес речь: — На протяжении последних лет, — сказал он в частности, — Лиффанский Телеграфный Трест был особенно близко связан с технической революцией, которая на наших глазах преобразует Лифф. Изобретения Треста сделали жизнь каждого лиффанина более интересной и в то же время более комфортабельной; открытые Трестом школы отбросили в далекое прошлое безграмотность и межклассовые предрассудки; философия Треста превратила Лифф из королевства в планету, а пример Треста сделал эксперимент и изобретение главным занятием народа Лиффа. Сегодня мы представим высокочтимым гостям, являющимся цветом лиффанского народа, новое изобретение; но сегодня, впервые за все время, мы представим вам не наше собственное изобретение, а нечто, созданное одним из наших работников, человеком, который пять лет назад не мог ни читать, ни писать, не имел своего собственного мнения, и у которого не было никакой надежды на будущее. Мать, благословляя Трест, благословляет весь Лифф, и в доказательство этого она ниспослала нам особое удовольствие представить вам изобретение Толни Гар-Фердинана Солтчи, сына сапожника. Мы называли это изобретение словом “радио”.

Гости, уже достаточно обученные опытом прежних демонстраций правилам поведения в подобных случаях, горячо зааплодировали, когда раздвинувшийся красный занавес открыл их взору первый на Лиффе радиоаппарат, представлявший собой довольно громоздкий агрегат.

— С помощью этого аппарата, — продолжал Смит, — мы сможем поддерживать связь с наиболее удаленными уголками планеты с такой же скоростью, с которой можем говорить. Нас больше не сдерживает требующий массу времени и трудный в освоении процесс работы на телеграфном и телетайпном аппаратах. Теперь мы можем разговаривать с кем-нибудь находящимся далеко в Примилбосе так же просто, как мы говорим здесь друг с другом. Таким образом, из обихода устраняется само понятие о расстоянии.

Перед уходом вы получите брошюру, в которой содержится пояснение того, как работает радио. Потому сейчас я только продемонстрирую установку в действии. Этот ящик представляет собой аппарат, который мы называем

приемником, а коробка, которая установлена на нем, называется передатчиком. А эта штука, которую я держу в руке, называется микрофоном. Мы установили такой же приемник, такой же передатчик и такой же микрофон в помещении телеграфа в Астиндарге, в девятистах стербах отсюда, в самом центре Северных Гор.

Сейчас я буду говорить в микрофон, передатчик перенесет мой голос за девятьсот стербов в приемник в Астиндарге, где меня услышат наш работник и настоятель Астиндаргского Храма. Затем они будут говорить в свой микрофон, и мы услышим их через наш приемник. И все это произойдет очень быстро, без какой-либо задержки.

Как только в зале воцарилась полная тишина, Смит заговорил в микрофон:

— Внимание, внимание! Здесь Лиффдарг, вызываю на связь Астиндарг. Астиндарг, включайтесь.

И из приемника донесся высокий испуганный голос, который на пронзительной ноте визжал:

— Помогите! Помогите! Пришлите войска! Только что здесь приземлился космический корабль, горит весь город! Помогите! Ради Матери, пришлите... — на этом голос прервался и нельзя было услышать больше ничего, кроме шипящего звука из громкоговорителя.

ГЛАВА XI

— Независимо от того, что еще случится, вы никогда не сможете возвратиться назад, — ответила толстая женщина. После этих слов экипаж развернулся и в облаке горячей летней пыли направился назад в Лиффдарг.

Джон обратился к мужчине, который выглядел как командир группы.

— Что это значит? Это правда, что я не смогу возвратиться в город?

Мужчина рассмеялся:

— Это точно, парень. Ты зачислен в ряды Народной Армии. Срок службы составляет шесть лет, ровно столько же, сколько в Королевской Армии или в Материнской Гвардии. Разве ты не знал об этом?

По его язвительной улыбке можно было понять, что вопрос носил чисто риторический характер.

Один из мужчин подошел к Джону и стал перед ним, положив руки на бедра.

— Ну так что, маленькая сестра, поборемся?

Этот вопрос был уже вовсе не риторическим. Мужчина попытался захватить Джона медвежьей хваткой, на что тот отреагировал автоматически. Неожиданно для себя мужчина оказался на усыпанной грубыми камнями земле. Он встал и с яростью набросился на Джона... и снова оказался на земле. Джона это стало забавлять. На этот раз мужчина поднялся уже не так быстро, после чего стал ходить вокруг Джона кругами. Джон не предпринимал никаких попыток к атаке, а просто медленно поворачивался в сторону нападающего. Наконец мужчина сплонул на землю и схватил Джона за руку. И снова оказался на земле, но на этот раз Джон уже находился на нем сверху.

— Мы боролись? — спросил Джон.

— Да, — признал мужчина.

— А скажи мне, кто победил?

— Ты победил, действительно ты, — скороговоркой ответил мужчина, после чего Джон сильнее надавил на его руку. Вся группа собралась в тесный круг, наблюдая за исходом борьбы; у всех был испуганный вид, за исключением одного Харда. Тот повернулся к одному из мужчин и тихо произнес: “Уу!”, после чего тот подпрыгнул от испуга.

— Ну ладно, хватит играть, — сказал мужчина, в котором Джон угадал командира. — Вы оба должны быть приведены к присяге на верность Народной Армии. Как офицер Армии, я имею право принять у вас присягу. Вы готовы?

Джон и Хард поняли, что попали в затруднительное положение. Из поведения незнакомцев они уяснили, что для них будет более благоразумным вступить в Армию. Потом они всегда смогут улизнуть и пробраться в город. Они приняли присягу, которая оказалась короткой и простой.

— Клянётесь ли вы Сокровенным Именем Матери, что будете преданы Народной Армии и, таким образом, интересам народа? — спросил офицер. Джон и Хард поклялись.

Подали далберов, находившихся в расположенной неподалеку роще; Джон и Хард в окружении своих новых соратников по оружию поскакали в неизвестность. После скачки, длившейся несколько часов, офицер поравнялся с Джоном и завел с ним разговор.

— Похоже, ты используешь какой-то новый вид борьбы. Я никогда раньше не видел ничего подобного. — Джон

согласился, что этот вид действительно мало известен в этой части Лиффа. — Думаю, — продолжал офицер, — будет неплохо, если ты станешь обучать наших бойцов этому виду. Я намерен доложить мое предложение генералу.

Джон проявил интерес:

— Генерал? Кто он такой, этот генерал?

— Через несколько дней ты познакомишься с ним. И пусть он сам ответит на все твои вопросы.

После этих слов скачка продолжалась при полном молчании.

Через четыре дня они добрались до городка, спрятанного между двух скалистых гряд в гористой местности. Часовые на скалах, просматривавшие узкий проход, жестами дали им разрешение на продвижение дальше в селение.

— Здесь, — объявил офицер, — находится расположение штаба Народной Армии. Сейчас я узнаю, сможет ли генерал принять вас.

Все спешили; далберов куда-то увели.

В ожидании офицера Джон и Хард чувствовали себя довольно неуютно посреди улицы в окружении своих конвойных. Офицер возвратился минут через пять.

— Идите за мной, — приказал он и засеменял впереди. — Мы не можем заставлять генерала ждать, — прокричал он через плечо. Джон и Хард послушно шли за ним.

Офицер вошел в одно из зданий неподалеку и стал по стойке "смирно" перед столом. Отдав честь, он доложил:

— Доставил двух новичков для доклада генералу. Он ожидает их.

Человек за столом небрежно козырнул в ответ:

— Заходите, — и показал на дверь позади себя. Все трое вошли в кабинет.

Он называл себя просто — генерал Гарт, не упоминая при этом, как это было принято на планете, ни кланового, ни родового имен. Это являлось частью его несогласия с царившими порядками. И вообще не было никакой уверенности, что Гарт — его подлинное имя. В Народной Армии считали, что он использовал имя основателя лиффанского революционного движения — Гарта Гар-Муёна Гарта, символизируя таким образом, что восстает не против традиционного общественного порядка, а против ненужных наслоений на нем. Естественно, никто не отваживался задавать ему вопросы по этому поводу.

— Капитан доложил, что вы владеете новым видом борьбы, — обратился он к Джону.

— Так точно, сэр, — ответил Джон. — Я называю этот вид борьбы “дзю-до”.

— Гм... Дзю-до... — в раздумьи повторил незнакомое ему слово генерал.

Пока генерал Гарт размышлял, Джон изучал его. Старый солдат был высок, худ и производил впечатление сильного человека. Его седые волосы свидетельствовали, скорее, о мудрости, чем о возрасте, а глаза, которые выглядели такими же выцветшими, как и волосы, указывали на наличие твердости, которую должен проявлять удачливый повстанец.

— Вы — Джон Гар-Террэн. — Это звучало не как вопрос, а, скорее, как утверждение.

— Так точно, сэр, — ответил Джон.

— Гм... Имеете отношение к клану Гар-Террэн, который изобрел телеграф?

Джон признал, что является одним из представителей этого клана, и разъяснил свое положение в нем.

— Ясно. А как насчет второго парня, этого Харда Гар-Олнина Саарлипа?

— Это мой помощник, — пояснил Джон. — Практически его можно считать моей правой рукой.

— Ага. Вашей правой рукой... Ну ладно... Следует признать, что вы заслуживаете более подробных разъяснений, чем те, которые получили до этого. Если только приживетесь здесь, можете стать очень полезны нам. Но это только в том случае, если будете четко осознавать, что происходит.

Джон заверил, хотя, возможно, и несколько более горячо, чем этого требовали обстоятельства, что его главной целью в жизни отныне является служение делу Народной Армии. По этому поводу генерал лаконично выразил ему благодарность и приступил к объяснениям.

— Для всего остального мира, — начал он, — мы — всего лишь бандиты. И мы хотим, чтобы именно так думали о нас, и именно поэтому не можем позволить вам возвратиться в Лиффдарт. На самом же деле мы — армия-санитар, которая готова очистить Лифф от коррупции, управляющей наш народ.

Он говорил почти целых пятнадцать минут, объясняя свое стремление вернуть Лифф к здоровой простоте, с которой начиналось его существование:

— Лифф теряет свою былую силу в оргиях и упадке, — доказывал он. — Чем больше комфорта завоевывает знать

и клерикальная верхушка, тем очевиднее становится необходимость возврата к идеалам, которые исповедовали наши предки, и которые подразумевают благополучие всего народа. Вместо того, чтобы быть защитниками народа, как этого требует от них Закон Матери, знать превратилась в рабовладельцев. И в этом греховном высасывании из народа последних соков они ослабляют самих себя и всю нацию.

Джон вслушивался в эту речь с неподдельным интересом. Он понял, что этот человек может совершить в два или максимум в три года то, что Подразделение Особых Операций надеялось сделать за десять. Генерал Гарт был первым поистине народным лидером, которого Джон встретил на Лиффе, и поддержка его дела означала успех того, на что рассчитывала возглавляемая Джоном команда.

— Разумеется, вы правы, — прокомментировал Джон сказанное генералом, когда тот закончил свою речь. — Я никогда не задумывался над этим раньше, но совершенно очевидно, что вы правы. Пусть Мать будет свидетельницей, но в Лиффдарге действительно не осталось никакой реальной силы.

— Это не совсем так, — горячо возразил генерал. — В Лиффдарге столько же силы, сколько было и всегда, и она заключена в народе. Мы не стремимся к насилию; мы хотим лишь разбудить те силы, которые там скрыты. Это — наиболее существенный момент в нашей деятельности, и именно поэтому мы торчим здесь в этой дикой глуши.

— Ага, — вздохнул Джон. — Кажется, я начинаю понимать. Послушайте, генерал. Помимо особого вида борьбы, которая произвела такое впечатление на вашего капитана, у меня есть некоторые мысли насчет совершенствования оружия, и я полагаю, что они могли бы заинтересовать вас. Вы видели эти новые пистолеты, не так ли?

— Да, и у нас даже есть несколько таких.

— Прекрасно. Я как раз работал над улучшением их конструкции. Вы хотели бы иметь оружие, которое может выпалить сразу сто пуль, причем с такой скоростью, какую вы только пожелаете, и без необходимости перезарядки?

— Вы сможете сделать нечто подобное?

— Сам я — нет, но я могу подсказать вашим оружейникам, как это сделать. Идея заключается в том, чтобы подавать патроны из магазина. Можно использовать вращающиеся магазины, чтобы огонь не выжигал пули. Я бы назвал это пулеметом.

Глаза генерала загорелись, как у маленького мальчика при виде рождественских подарков.

— Капитан, — он обратился к сопровождавшему Джона офицеру, — как насчет того, чтобы предоставить лейтенанту Харлену и его помощнику подходящую квартиру? И обеспечьте их ужином. После такого длительного путешествия они, должно быть, проголодались. А сейчас, Джон, расскажите мне более подробно о вашем пулемете.

За разговорами о пулемете и вопросах стратегии они провели более четырех часов.

ГЛАВА XII

Джон быстро втянулся в рутину лагерной жизни. Его день начинался в шесть тридцать по сигналу горна, за которым через полчаса следовал многоголосый шум, свидетельствующий о наступлении времени завтрака. После завтрака начинался период уборки помещений и других хозяйственных дел, от которых Джон и Хард были освобождены. День у обоих был и так до отказа забит делами. Джон до обеда занимался с металлистами изготовлением модели пулемета, а после обеда проводил занятия по дзюдо в специальном зале. Довольно часто летучему отряду приходилось проводить рейды по добыванию необходимых продуктов и материалов.

Так прошли три месяца. За Джоном и Хардом велось слишком тщательное наблюдение, которое лишало всяких надежд на успех попытки к бегству; однако вскоре Джон пришел к выводу, что, возможно, для общего дела даже полезнее, что они находятся в Армии. Когда работа над пулеметом была закончена, Джон продемонстрировал его генералу. Тот был откровенно поражен.

— Сколько вы сможете произвести таких пулеметов?

— По одному приблизительно в каждые три недели.

— Прекрасно. Отлично. Лейтенант Харлен, не будете ли вы так любезны отужинать сегодня со мной?

— Счел бы это большой честью для себя.

Во время ужина генерал обсуждал с Джоном дальнейшие планы действий Народной Армии.

— ... и примерно через три года я смогу действовать открыто, — делился своими планами генерал.

— Но, сэр, почему вы намерены ждать целых три года? Мне кажется, что...

— У меня сейчас, — перебил его генерал, — под ружьем всего восемьсот человек. Согласитесь, что осуществлять полномасштабные полевые кампании, имея армию всего в восемьсот человек, пусть даже хорошо обученных, это, дорогой лейтенант, было бы просто авантюрой.

— Вы совершенно правы, но позвольте заметить, что нет никакой необходимости вести битвы с армиями противника в поле, — возразил Джон. — Мне приходилось слышать о таких формах борьбы, которую можно довольно успешно вести даже такими силами.

Генерал подался всем телом вперед. По всему было видно, что его чрезвычайно заинтересовали слова Джона.

Не торопясь и не скупясь на подробности, тот описал концепцию партизанской войны. Стычки по принципу “нанес удар — скрылся”. Атаки превосходящими силами на небольшие посты и скрытый отход до того, как прибудет подкрепление. Проведение пропагандистских кампаний среди населения. Каждую ферму следует превратить в опорный пункт для поставок, а каждого фермера — в агента. Вместо того, чтобы мериться с противником силами в поле, следует наводить на него ужас за каждым углом. Сегодня ночью удар в одном месте, а в следующую — где-нибудь в другом, за добрую сотню стербов от первого.

Генерал Гарт сидел и слушал как человек, у которого раскрылись глаза на казалось бы такой знакомый предмет, как тактика военных действий. Когда Джон закончил, он засыпал его вопросами. Наконец он спросил:

— Сколько вам потребуется времени, чтобы обучить такой партизанской тактике отряд?

* * *

Через три месяца Джон и Хард уже вели дюжину бойцов в первый в истории Лиффа настоящий партизанский рейд. Объектом их нападения был небольшой отряд охраны недалеко от деревни Пенчдарг.

— Помните, — предостерегал Джон бойцов, — самое важное — скорость и внезапность. Не давать им времени понять, что происходит на самом деле. Атака — отход — новая атака. Их вдвое больше, чем нас, и если мы дадим им опомниться, то крепко получим.

В действительности ситуация была не такой уж драматичной. Начать хотя бы с того, что на вооружении партизан уже были динамитные гранаты и четыре пулемета. Если бы даже гарнизон насчитывал до роты, партизаны и в таком случае имели серьезное превосходство в огневой мощи. Но вся операция являлась скорее практическим занятием, чем боевым рейдом, и Джону хотелось лишний раз не допустить появления среди бойцов настроения шапкозакидательства.

Под покровом ночи отряд из четырнадцати бойцов подкрался на расстояние в несколько ярдов до казармы, где размещался гарнизон. Маршрут, по которому ходил патрульный, находился на расстоянии всего лишь вытянутой руки. И действительно, прошло совсем немного времени, как одиночный патрульный, расстроенный необходимостью нести среди ночи караульную службу вместо того, чтобы предаваться сладким сновидениям в казарме, и ни в коей мере не подозревавший о наличии опасности, продефилировал мимо сидящих в засаде. Молчаливая тень, внезапно возникшая за спиной незадачливого воина, легким ударом уложила его на землю.

Джон тихо подал условный сигнал, напоминающий причмокивание; шесть партизан темной волной двинулись в направлении казармы и растворились в темноте. Через пятнадцать секунд Джон подал тот же сигнал, и вперед двинулась вторая волна; в низкорослых кустарниках остались только Джон с Хардом.

Джон приглушенным шепотом отсчитывал время, а Хард изо всех сил сдерживал свое шумное дыхание. За исключением шепота, ничто не нарушало прохладную тишину лиффанской ночи. Всю промышлявшую по ночам живность планеты Мать создала беззвучной, поэтому тишина заполнила все вокруг, как плотная мягкая материя, которой забивают щели, чтобы не дать выйти наружу теплу морозной террапской ночью. Прошептав "семьдесят пять", Джон Харлен вдруг издал такой пронзительный крик, какой обычно издают юные барышни при случайной встрече с мышонком.

Сразу же вслед за этим ночь разорвалась на куски звуками взрывов, короткой дробы управляемых натренированными руками только что изобретенных автоматов, частых одиночных выстрелов и непрерывающимся душераздирающим визгом.

Сонная охрана, не в состоянии оказать хоть какое-то сопротивление, в ужасе хлопала глазами. Однако основная задача партизан на данном этапе состояла не в создании

невообразимого шума и беспорядка, а в захвате напуганных солдат и обеспечении их надежной охраны.

Пока партизаны, не занятые охраной пленников, деловито наполняли мешки провизантом и амуницией гарнизона, Джон Харлен обратился с речью к двадцати восьми сбившимся в кучу и все еще не пришедшим в себя пленным:

— Лиффане, — начал он свою речь, — вы находитесь в наших руках, но Народная Армия дарит вам жизнь. Вы не сможете победить нас, потому что нас поддерживает Мать. Ее цели совпадают с нашими: Лифф принадлежит всем Ее детям. Мать обращается к нам с мольбой за вас: "Отпустите моих детей", а мы, Ее помощники, не можем противиться Ее воле. Да обудется Ее слово!

Разразившись этой тирадой, он направился в сторону ближайшего здания и уже у самой двери, обернувшись к пленным, прокричал им что-то наподобие лозунга, возникшего экспромтом в его голове, опьяневшей от эйфории в результате достигнутой победы:

— Лифф для всех лиффан!

И только когда все партизаны эхом повторили этот лозунг, Джон позволил себе войти в помещение.

Хард всеми силами пытался сдержать душивший его смех:

— Джон Харлен, носом Матери клянусь, — сумел он все-таки выговорить, — ты дал такой урок им красно-речья, что эти далберов потомки... — смех все-таки не дал ему завершить начатую было фразу.

— Ты считаешь, что я в чем-то переиграл?

— Ну что ты, полно, друг! Мне просто стало ясно, что ты в риторике преуспеваешь так же, как и во всем, к чему б хоть чуточку не прикоснулся; так виртуозно, с легкостью отменной владеешь слогом, что позавидует тебе любой поэтлиффанин! И, вижу, речи изрекаешь не без наслаждения.

Джон улыбнулся:

— Там, дома, меня считали поэтом.

— В том логика немалая сокрыта, — заключил Хард. — Но можно ль мне тебя спросить, дружище: мотать домой отсюда неужто слишком рано?

— Сейчас узнаем. — Джон издал еще один пронзительный сигнал, ответом которому послужил дружный визг партизан. — Да, все уже готовы к отходу.

— Действительно, мы все уже достаточно потешились.

Все налетчики собрались во дворе, где ошеломленные солдаты уже были привязаны к столбам и деревьям. Один

из партизан подал Джону малярную кисть и тот намалевал на ближайшей стене что-то наподобие меча острием вверх. После этого все оседлали своих далберов, до предела загроможденных собранной добычей, еще раз хором прокричали "Лифф для лиффан!" и растворились в темноте.

* * *

Неизменный успех, с которым партизаны проводили свои ночные вылазки, для правителей Лиффа явился доказательством того, что Народная Армия в действительности представляла собой вовсе не банду горцев-грабителей. Комитет по борьбе с заговором немедленно и безапелляционно причислил повстанцев к платной агентуре заговорщиков, и собрал небольшую армию для борьбы с партизанской заразой. Разумеется, командовал этой армией сам Тчорнио Гар-Сполниен Хиирлт, которого лавры боевых побед Народной Армии довели до умопомешательства.

Были предприняты и другие меры. После провала целого ряда попыток увеличить приток добровольцев в Королевскую Армию, установили всеобщую воинскую повинность. По официальным оценкам, боеспособная армия могла быть создана примерно в течение года. В неофициальных, зато более точных оценках оптимизма было гораздо меньше.

Телеграфный Трест обеспечил собственными отрядами специально обученных полицейских все станции, находившиеся в зоне действия партизан.

В это же самое время под страхом смертной казни было запрещено писать, печатать, выводить краской или обозначать любыми иными средствами на всех частных и общественных стенах и заборах слова "Лифф для лиффан", равно как и изображения меча.

Комитет направил оперативные группы во все города и села в Лиффе с четкой задачей выявить всех заговорщиков. Эти группы в своей деятельности исходили из принципа, что обвинение как таковое уже является достаточным доказательством преступной деятельности, поэтому в тюрьмы и под суд попали сотни мнимых заговорщиков. Страх перед нависшей тенью инквизиции наполнил каждую клетку взрослого жителя Лиффа. Случайно брошенное или неправильно истолкованное слово могло стать причиной не только ареста, но и смерти, поэтому каждый предпочитал молчать. Хуже того, молчать было тоже опасно, поскольку сам факт молчания мог быть истолкован как подозрительный.

Вскоре в Народную Армию стало вливаться больше добровольцев, чем она могла одеть, накормить и вооружить. Образовалась самая настоящая очередь. Обучение велось посменно от зари до зари, и только армейские металлисты успешно справлялись с возникшей нагрузкой, да и то потому, что среди добровольцев было много специалистов этой профессии.

Постепенно набегги стали превращаться в стычки, стычки — в сражения. Первые отряды партизан редко насчитывали более четырнадцати человек, но через три с половиной года операции с участием до тысячи человек стали обычным явлением.

— Ничто так не стимулирует прогресс, как возникающая время от времени, активная война, — просвещал как-то Джон Харда. — Каждый из участников должен постоянно поддерживать высокий уровень технологии, чтобы разрабатывать новые виды вооружений до того, как противник изобретет защиту от них, а также собственную эффективную защиту от его новых разработок. В такой стрессовой ситуации делается очень много полезных изобретений и открытий.

Естественно, большая часть времени Харлена уходила на разработку образцов новых видов оружия. Ведь нужно было опережать в этом деле не только официальные гильдии Лиффа, но также и остальных членов своего родного Подразделения Особых Операций. Но процесс изобретательства вскоре вышел из-под его контроля, и хотя Джону и удалось избежать изобретения ядерного оружия, он оказался не в состоянии предотвратить изобретение огнемета — хитроумного ручного пистолета, действующего на принципах лазерной техники.

Через три года генерал Гарт решил, что для Народной Армии настало время занимать и удерживать города. Первым таким городом по его стратегическому замыслу должен был стать расположенный неподалеку город Астиндарг, находившийся на перекрестке торговых путей.

ГЛАВА XIII

Народная Армия боевыми порядками двигалась в направлении Астиндарга. Две дивизии пехоты с подразделениями кавалерии и артиллерии представляли собой колон-

ну, растянувшуюся на целых четыре стерба по главной дороге. Гарнизон в городе состоял всего из двух рот Материнских Гвардейцев, но генералу Гарту хотелось сделать показательную демонстрацию силы. Он и Джон скакали рядом верхом во главе первой колонны, постоянно получая разведанные от групп, заблаговременно заброшенных по всей трассе следования войск, и передавая указания следовавшим за ними войскам.

Когда они были уже в получасе марша от города, к голове колонны прискакал один из разведчиков; его далбер был весь в мыле.

— Я только что с доминирующей над Астиндаргом высоты, — небрежно козырнув, доложил он генералу. — Весь проклятый Матерью город в огне.

Генерал срочно распорядился остановить колонну и ждать его дальнейших указаний, а сам вместе с Джоном последовал за разведчиком на наблюдательный пункт.

— Сразу за этим холмом, сэр; Вы сами увидите, что там творится. — Разведчик проводил их на вершину и указал на раскинувшийся за холмом город. — Теперь вы понимаете, что я имел в виду, сэр? Горит весь город!

Генерал и Джон молча уставились на ужасающую картину. Джон первым заметил характерную особенность этого пожара.

— Смотрите, сэр, — обратился он к генералу, — пока горит еще не весь город. Все выглядит так, будто огонь захватил его по прямой линии через центр города справа налево. — Для иллюстрации того, что он имеет в виду, Джон сопровождал свои слова жестом руки, очертившей широкую дугу. В конце этой дуги рука вдруг замерла, указывая на что-то за пределами города, слева от него. Ошеломленный, Джон произнес несколько слов, которые для генерала были абсолютно непонятны.

— Что это? — переспросил генерал. Он как раз смотрел туда, куда показывал Джон. Там, на зеленом лугу за городской стеной, торчал какой-то незнакомый для генерала огромный предмет. — Во имя Матери, объясните мне, что это такое?

— Космический корабль, — ответил Джон. — Он прибыл раньше на добрых пять лет.

— Что-о-о?!!

— Послушайте, генерал. Необходимо срочно подтянуть все артиллерийские установки, которые могут излучать мощные лучи, и столько кавалерии, сколько удастся со-

брать сюда немедленно. Прошу вас, отдайте срочные распоряжения, а я буду все объяснять вам по ходу дела. Похоже, что нам предстоит выдержать сегодня настоящий бой.

* * *

Капитан космического корабля направился в главный салон корабля, где находились пассажиры.

— Мы совершили посадку, джентльмены, — объявил он.

— Я это уже заметил, — отреагировал один из четырех пассажиров. — И похоже, что при посадке мы подожгли целый город.

Пилот мрачно посмотрел на него:

— Я привык совершать посадку на бетонные площадки, — ответил он. — Если бы вы сообразовали информировать меня о конечной точке маршрута при вылете, вместо того, чтобы держать все в секрете и заставлять меня менять курс в последнюю минуту, я бы посоветовал вам подобрать другого пилота. Такого, который привык сажать звездолеты на травяные площадки. Возможно, кого-то из Военно-Космических Сил.

Пассажир встал в позу:

— Я уже объяснил вам, что мы представляем собой особый следственный комитет, действующий по заданию сенатора Вэлша. Мы расследуем факт нарушения Правил Контакта со стороны Военно-Космических Сил. И вы должны понять, что нам нельзя было направляться сюда на военном корабле.

— Мне сдается, — ответил пилот, — что уже сам факт нашей высадки здесь представляет собой серьезное нарушение Правил Контакта.

— Но я же сказал, что мы являемся особым следственным комитетом, — нетерпеливо возразил пассажир. — А это — совсем другое дело.

— Ах, да. Вы, консерваторы, разрабатываете законы, и поэтому вполне логично, что имеете полное право нарушать их сами. Логично. Просто. И как это я сам не додумался до этого? — Пилот скорчил гримасу, но прежде чем члены особого комитета смогли ему что-либо ответить, добавил:

— Хорошо, я полагаю, что вы, герои, должны сейчас сойти на землю и посмотреть, насколько дружелюбно настроено по отношению к нам местное население. Хотя, полагаю, они могут быть несколько обеспокоены тем, что мы сожгли их город. — С отсутствующим выражением на лице он покинул пассажирский салон.

Все четыре парламентских деятеля вышли из корабля. Казалось, что местное население полностью игнорирует факт их прибытия на планету.

— Похоже, они не слишком любопытны, а, Степан? — спросил один из них своего спутника. — Все выглядит так, как если бы они давно уже привыкли к тому, что космические корабли постоянно приземляются у них на огороде.

Степан, руководитель группы, повернулся к своему коллеге.

— Вполне возможно, Ален, что они сейчас слишком заняты тушением пожара и им не до того, чтобы устанавливать дружеские контакты с пришельцами с других планет.

Степан осмотрел мирный крестьянский пейзаж, окружавший город со всех сторон.

— Я вот все думаю, — начал он, — насколько трудно нам будет доказать наличие несанкционированного контакта. Им вряд ли удалось много сделать за эти пять лет.

Из-за расположенного неподалеку холма послышался странный капляющий звук. Внезапно душераздирающий свист разорвал воздух на части. Ален с тревогой посмотрел на Степана.

— Похоже, как будто где-то работает силовая установка, — прокомментировал он.

— Не как будто, а действительно работает, — наставительно ответил Степан.

Лазерный луч вспыхнул за холмом и в одночасье срезал нос их корабля.

— Что за черт... — слова почему-то вдруг застряли в горле Степана. Большая группа людей верхом на каких-то животных, которые выглядели как древние динозавры, скакала по направлению к кораблю с копьями наперевес. Воины орали что-то типа "ура", динозавры издавали звуки, которые, по всей видимости, заменяли им ржание, а терране стояли на месте как вкопанные — больше, конечно, от неожиданности, как один из них объяснил впоследствии, чем от страха. Это была бескровная победа Народной Армии.

ГЛАВА XIV

Через день после того, как парни Гар-Террэн отпраздновали годовщину своего прибытия на планету, Пятая и Седьмая дивизии Королевской Армии двинулись маршем в

сторону Астиндарга. Войска, вооруженные новейшим оружием и прошедшие усиленный курс подготовки по его применению, пользовались славой самых отчаянных воинов за всю историю Лиффа. Другие подразделения по принятой по телеграфу команде присоединялись к ним в пути, и когда королевские войска через три дня достигли Астиндарга, они представляли собой колонну по шесть солдат в ряд и длиной в пять с половиной стербов.

На исходе третьего дня армия с учетом предстоящей атаки сделала привал на склонах холмов, обращенных к городу. Космический корабль был хорошо виден, несмотря на дым от все еще продолжавших гореть домов. В эту ночь никто из королевского войска не мог спокойно уснуть.

На следующее утро началась атака, которую открыл навесный огонь из тяжелых артиллерийских орудий. Силы, оборонявшие Астиндарг, ответили ракетами и световыми лучами. Воздух буквально раскалывался от взрывов снарядов, душераздирающего визга летящих ракет и мягкого характерного звука лазерных лучей, сокрушающих все на своем пути.

— Что я тебе скажу, — говорили солдаты королевских войск друг другу, — мне не нравится это проклятое Матерью дело. У этих ублюдков далберов, прибывших в своем корабле, снаряды разрываются сами. Нечистое это дело.

Приказ к атаке был отдан на рассвете, и невыспавшиеся солдаты продвигались медленно, если не сказать — крались через пропитанный дымом и озаряемый светом снарядов утренний туман. Их экзотическое вооружение больше подходило, наверное, к цирковому представлению, чем к настоящей битве; некоторые из них тащили крупнокалиберные винтовки, другие — базуки, но большинство — обычное, хотя и традиционное для Лиффа, но безнадежно устаревшее оружие. Арбалеты, цепи, мечи и топоры значительно преобладали по своему количеству над огневым оружием; довольно странно смотрелись кокетливо украшенные расписными фамильными гербами деревянные щиты некоторых воинов.

Продвижение на Астиндарг было слишком медленным, и ни призывные звуки горнов, ни сердито-деловые команды офицеров не могли заставить солдат двигаться быстрее. Пулеметы на городских стенах выкашивали ряды нападавших быстрее, чем удавалось заменять павших. Наконец, только что произведенный в чин генерала Ангар Соренштайн оседлал своего далбера и занял позицию во главе нападавших.

— За мной, — прокричал он, и королевские солдаты наконец добрались до стен города. Внезапно, как раз когда Ансар достиг с солдатами городских ворот, на поле брани наступила жуткая тишина, которая была еще хуже, чем обстрел из орудий.

— Они прекратили обстрел, сэр, — доложил Ансару его ординарец.

— Да, и мы тоже. Кто-нибудь может сказать, во имя Матери, что происходит?

* * *

Несмотря на опасность, Джон Харлен, Хард и генерал Гарт наблюдали за ходом битвы с крыши Храма; это была самая высокая точка в городе.

— Да, действительно эффектно, — бормотал себе под нос Джон.

— Вы полагаете, что мы сможем сдержать их? — спросил его генерал.

— У нас есть такая возможность. Если ракеты не решат проблемы, то лазерные лучи сделают свое дело. Что меня больше всего беспокоит, так это то, что там так много людей. И что многих из них придется убить.

— Это как раз то, ради чего ведутся войны, — с досадой ответил генерал. — Вам пора бы уже привыкнуть к этому.

— Эй, Джон! — вмешался в беседу Хард. — Кто это впереди? Я имею в виду офицера верхом на далбере.

— Не знаю, Хард. Хотя его внешность мне тоже кажется знакомой. Ну-ка, подай мне телескоп!

Джон долго всматривался через стекло, потом легонько присвистнул.

— Хард, — сказал он. — Передай команду прекратить огонь. Подними белый флаг. Тот парень, что во главе войск, — наш Ансар Соренштайн.

* * *

— Дело в том, — пояснял Ансар, — что мы полагали, что ведем сражение с чуждой нам инопланетной расой. Но если бы я хоть чуточку подумал, то сразу бы понял, что это — корабль Федерации, но такое даже не пришло мне в голову.

Эта беседа происходила в организованной на скорую руку телеграфной станции в Храме. Пока они говорили, техник соединял контакты, проверял цепи, и делал все возможное, чтобы привести телеграф в рабочее состояние.

— Между прочим, мы тоже так думали, — признался Джон. — По сути, мы тоже не знали, что это — корабль Федерации, до тех пор, пока не вывели его из строя.

— “Консервативная комиссия по расследованию”... — Ансгар вздохнул. — Это было бы почти трагедией, если бы, Мать его прокляни, не было так глупо.

— Господа, линия готова, — с подчеркнутым уважением обратился к ним техник.

— Великолепно! Ты еще не разучился передавать на ключе, Ансгар? Боюсь, что моя рука заостенела за эти четыре года.

— Думаю, что не разучился. Что ты хочешь передать?

Вместе они составили отчет о сражении и о том, что ему предшествовало. Джон добавил несколько сжатых предложений о своей службе в Народной Армии. И хотя они старались сделать это сообщение как можно более лаконичным, на его передачу потребовалось целых сорок пять минут.

А за порогом Храма солдаты Королевской Армии время от времени и совершенно непреднамеренно вынуждены были вступать в контакт с солдатами Народной Армии. Никто из них не мог сказать вразумительно, что же на самом деле происходит, но каждый чувствовал себя немного не в своей тарелке, общаясь со своими вчерашними противниками. Поэтому такие контакты носили подчеркнуто официальный характер.

Благодаря Пиндару Смиту ни один из солдат не испытывал неловкости, когда ему становилось известно о существовании космических кораблей. За три года до этого Смит изобрел научную фантастику, учредив фактически лиффанский вариант журнала “Современная научная фантастика и теория”, заядлым читателем которого стал каждый грамотный лиффанин.

Наиболее обескураженным воином в Народной Армии был, естественно, генерал Гарт. Он знал как Мать родную, что королевские войска по своей природе являются его врагами, это составляло смысл его жизни на протяжении вот уже более двадцати лет. И чтобы кто-то в самый разгар битвы вдруг сказал ему, что королевские войска фактически выступают на его стороне, он просто представить себе не мог. С отсутствующим видом он бродил по городу, отказываясь отвечать на вопросы. Он не мог четко определить, то ли цель его жизни окончательно рухнула, то ли достигла своей славной вершины. Но чем бы все это ни

закончилось, он твердо знал одно — что ему это не нравится.

Анстар отстучал сигнал окончания передачи и устало откинулся на спинку стула. Но тотчас неистово застучал телеграфный аппарат.

По мере того, как Джон читал телеграмму, выражение на его лице принимало все более мрачный оттенок. А в телеграмме говорилось буквально следующее: "Гражданская война. Войска Комитета по борьбе с заговором атакуют королевский дворец. Лиффдарт в панике. Быстрее шлите войска".

Не проронив ни слова, Джон выбежал искать генерала Гарта.

* * *

Утром следующего дня реорганизованные Королевская и Народная армии выстроились перед походным маршем в городском сквере Астиндарга.

— Лиффане! — Джон начал свою речь, выдержанную в лучших традициях демагогии. — В Лиффдарге идет гражданская война. Изменники из числа знати, стремящиеся свергнуть Короля, даже в такой тяжелый момент, как сейчас, опустошают город. Тысячи невинных горожан убиты, Храм Матери осквернен. Так оставим же все наши разногласия в стороне, объединимся в благородной борьбе с нашим общим врагом! Лифф для лиффан! Да здравствует Король!

Самая сильная за всю историю Лиффа армия выступила на Лиффдарт с песнями и патриотическими лозунгами.

ГЛАВА XV

Тчорнио познакомился наконец со своим таинственным благодетелем. Это произошло поздно вечером, в тот же день, когда терране давали банкет по поводу юбилея. Тчорнио бесцеремонно разбудил и отвел в помещение штаба Комитета тот самый темный низкорослый мужчина, который все это время действовал как посредник между Комитетом и анонимным вельможей.

— Что все это значит? — не переставая спрашивал Тчорнио коротышку, пока тот вел его по темным улицам Лиффдарга; но тот даже не удосуживался отвечать на его вопросы.

Когда таинственный благодетель вошел в штаб-квартиру, Тчорнио почти машинально упал на колени.

— Садись, Тчорнио, — приветливо обратился к нему вельможа. — У нас очень мало времени, а нам многое нужно обсудить, и поэтому обойдемся без формальностей.

Вельможа, неторопливо меря узкую комнату шагами, давал ему указания относительно дальнейших действий Комитета.

— Завтра утром, — говорил он, — Пятая и Седьмая дивизии идут на Астиндарт. В городе остаются только три полка гвардейцев и одна дивизия Королевских Войск. У нас вряд ли появится в обозримом будущем другая такая возможность.

— Да, сэр, — механически ответил Тчорнио, совершенно не понимая, к чему клонит его высокопоставленный патрон.

— Теперь поговорим о том, что должен будешь сделать ты. Дивизии должны выйти из города на рассвете. Двумя часами позже ты должен напасть на бараки гвардейцев. Тебе вряд ли потребуется больше, чем тысяча человек.

— Но, сэр, ведь Материнская Гвардия...

— Материнские Гвардейцы — не более чем солдаты. Пока ты будешь брать бараки, пусть твой друг Гардниен с двумя тысячами своих людей захватит дворец. Обе атаки должны закончиться успешно.

— Дворец?!!

— Да, это так. А когда закончишь с бараками,веди своих людей к дворцу и помоги Гардниену.

— Но, сэр, ведь Король!.. — Тчорнио ничего не понимал, он просто обезумел.

— Проклятье Матери на Короля! — холодно ответил вельможа. — Завтра мы его свергнем.

— Но Король — мой родной дядя! — Тчорнио, доведенный до грани истерики, едва сдерживал слезы.

— Все это ерунда. Запомни: Король — твой враг. Как ты думаешь, кто стоит за этим заговором, с которым ты борешься на протяжении вот уже четырех с половиной лет?

— Неужели сам Король?!!

— Конечно, он. Кто еще выигрывает от заговора против знати? Осгارد с самого момента смерти своего отца пытался уменьшить наше влияние. И ты об этом знаешь. И мне неважно, является ли он твоим родным братом...

— Братом моей матери, сэр!

— Он не стоит и мизинца твоей матери, Тчорнио. Если ты действительно хочешь бороться с заговором, то в первую очередь должен свергнуть Короля Осгарда. Он — главный заговорщик. Все очень просто объясняется.

— Но я не могу воевать против своего собственного дяди, сэр. К тому же, он — Король. Вы же не хотите, чтобы я совершил измену?

— Изменой будет твой отказ, Тчорнио. Да ты понимаешь, что я могу сделать с тобой, если ты откажешься? Если захочу, то объявлю тебя изменником. Король все еще верит мне. Более того, я смогу доказать это даже списками членов твоего Комитета. Ты довольно мало уделял внимания проверке тех, кого успел нанебовать за четыре года.

Но и это еще не все, что я сделаю, если ты не подчинишься мне. У меня есть и другие, хорошо испытанные способы наказать тебя за неповиновение. Ведь Долгая Смерть может длиться и шесть месяцев вместо одного...

Наступила длительная пауза, в течение которой вельможа, стоя у окна, задумчиво смотрел на улицу, а Тчорнио сидел за столом как истукан, пытаясь принять решение. Внезапно вельможа повернулся к нему и резко бросил:

— Ну так что?

— Сейчас я отдам приказ, — еле слышно промямлил Тчорнио.

— Превосходно, — просиял вельможа. — Я знал, что могу рассчитывать на тебя. А сейчас мне нужно спешить домой. Встретимся завтра во время обеда во дворце. Встань на колени, чтобы я смог благословить тебя.

С трудом сдерживая сильный приступ тошноты, Тчорнио встал на колени. Его Святейшество Патриарх и Отец Отцов именем Матери благословил предстоящий мятеж и поспешно удалился.

— Ну и как, сработало? — спросил кто-то Патриарха.

— Как песня, — ответил тот. — Я всего лишь обратился к сокровенным и возвышенным тайникам души мальчика, и он согласился на все.

— Я полагаю, это означает, что ты угрожал ему пытками.

— Что-то примерно в этом духе.

— Если бы я не знал тебя лучше, то обвинил бы в жестокости.

— Иногда мои методы могут показаться кому-то жестокими, но результат всегда превосходит ожидания.

— Да, действительно. А что ты собираешься сделать с этим парнем потом?

— Разумеется, ничего. В любом случае, с юным Тчорнио проблем у нас не будет.

* * *

Через два часа после восхода тысяча комитетчиков атаковала бараки, еще две тысячи осадили дворец. Еще через полчаса комитетчиков атаковали пять тысяч разъяренных лифдларжан.

После обеда Тчорнио запросил подкрепления. Военизированные формирования из всех близлежащих городов и сел поспешили на помощь своему лидеру.

Стычка у городских ворот длилась три дня и три ночи. В конце концов плохо вооруженные простолудины вынуждены были уступить, и иногородние комитетчики ворвались в город наподобие огненного шквала.

Поскольку комитетчики не имели опыта ведения боевых действий в условиях города, когда приходится драться за каждый дом, битва продолжалась еще три дня. Снайперам было легко целиться в одетых в яркую форму комитетчиков, в то время как комитетчикам нейтрализовать их не удавалось. Сотни знатных семей лишились своих наследников, власть знати оказалась под серьезной угрозой. В отчаянии Тчорнио отдал приказ сжечь город.

Первый дом был подожжен рано утром на седьмой день с начала мятежа. Горожане самозабвенно защищали свои дома, и каждый пожар отбирал у знати от пяти до дюжины жизней молодых ее отпрысков. К полудню только пятнадцать домов были охвачены пламенем, да и то в одном квартале.

Незадолго до обеда наблюдатели, расставленные на городских стенах, заметили на горизонте какое-то облако. Через несколько часов, несмотря на плотный дым от пожаров, ни у кого не оставалось сомнений, что к городу приближается армия.

С приближением армии угаснувшая было слабая надежда Тчорнио на получение помощи извне стала укрепляться. Он ни на минуту не сомневался в том, что это было то самое подкрепление, о котором он молился на протяжении всей недели. Но к вечеру все его надежды рухнули, на этот раз уже окончательно. Королевская и Народная армии легко сломили сопротивление у городских

ворот и с сияющими мечами, грохочущими ружьями и пипящими лазерными лучами ворвались в город как орда ангелов смерти. И что было самым невыносимым для сознания Тчорнио, так это то, что во главе этой устрашающей компании летели те самые двое убийц с темной улыбки.

Деморализованные и охваченные паникой комитетчики беспорядочно спасались бегством, ища защиты не только в домах, которые всего несколько часов назад планировали сжечь, но даже в тех, что уже горели.

Комитетчики бежали, гонимые и неистовыми, как сама справедливость, солдатами короля, и партизанами, и, что хуже всего, озверевшими горожанами. Кровь лилась рекой.

К ночи все было закончено.

Джон Харлен застал Тчорнио в полном одиночестве в темном кабинете штаб-квартиры Комитета.

— Кто бы вы ни были, проходите, — устало произнес Тчорнио, услышав шаги в приемной.

Джон вошел и включил свет.

— А, это вы, — вяло прореагировал на появление своего врага Тчорнио. — Я так и думал, что рано или поздно это должно было произойти. Наверное, вы пришли, чтобы убить меня. — Его голос не выражал ничего, кроме безвольной отрешенности.

— Убить тебя? — со всей сердечностью, на которую он только был способен, переспросил Джон. — Глупости. Я здесь для того, чтобы сделать тебя другим. По крайней мере, эта авантюра сделала из тебя мужчину. А мужчины нам нужны.

Их беседа длилась несколько часов.

ГЛАВА XVI

С окончанием боев Лиффдарг не возвратился к обычной своей жизни, как этого можно было ожидать. Поражение Комитета по борьбе с заговором, положившее конец верховенству знати над простолюдинами, вызвало глубокий политический кризис, державший город в состоянии напряженности еще по крайней мере полгода. В связи с тем, что знать была значительно ослаблена, требовалось сформировать новое правительство, и простолюдины твер-

до настаивали на своем только что завоеванном ими праве участвовать в управлении и городом, и всей страной.

От зари до зари воодушевленные ораторы на каждом углу провозглашали свои идеи государственного устройства.

— Лучшее правительство — это как можно меньше правительства, — провозглашал кто-то. — А меньше правительства означает отсутствие такового вообще. “Ура” анархии и новой тысячелетней эре!

— Далберовские ублюдки, — провозглашал другой оратор. — Эти далберовские отродья думают, что без правительства каждый станет королем, но мы-то с вами лучше знаем, что к чему. Анархия означает, что ни один человек не будет королем, даже в своем собственном доме. Возможно, в какой-то мере можно утверждать, что лучшее правительство — минимальное правительство; но с таким же правом можно утверждать также и то, что самое плохое правительство — это отсутствие такового вообще.

Но политические страсти, которыми сопровождалось рождение конституционной монархии, не были ни единственной причиной ажиотажа в Лиффдарге, ни даже самой значительной из таких причин. Этой чести — быть гвоздем общественной жизни Лиффдарга — было удостоено Подразделение Особых Операций “Л-2”.

Факт приземления возле Астиндарга космического корабля невозможно было держать в секрете. Слишком много людей видели сам корабль и разговаривали с его пассажирами. Поэтому, решил Джон Харлен, не было никакого смысла скрывать правду о деятельности Подразделения. Всю его историю стали публиковать раз в неделю на протяжении двух месяцев в “Хронике”, издаваемой Ансгаром Соренштайном; там же содержалось и обращение терран ко всем лиффанам с просьбой о помощи в подготовке к отражению предстоящего вторжения.

Популярность журнала Пиндара Смита, посвященного научной фантастике, сделала свое дело. Лиффане, на протяжении трех лет запоем читавшие о приключениях в космосе, с огромным энтузиазмом приветствовали этот внезапный переход от фантастики к реальности. Гильдия Гильдий направила в Астиндарт особую бригаду специалистов с заданием изучить в деталях устройство космического корабля Федерации. Проведенный Подразделением Особых Операций цикл лекций по истории Федерации вызвал

такой интерес, что пришлось дважды повторять его. Хард Гар-Олнин Саарлип написал, а Пиндар Смит опубликовал длинную вычурную поэму о прелестях космических путешествий; весь тираж был раскуплен в день выхода из печати.

Однако наиболее ярко политическая активность лиффан проявилась, хотя и в несколько необычной форме, примерно через шесть месяцев после падения Комитета. На первых проводившихся на Лиффе свободных выборах народ поручил возглавить правительство Харду, хотя он даже не баллотировался.

— Друзья, — обратился он к народу в своей инаугурационной речи, — мы прошли через период великого кризиса; но оказалось, что с настоящим кризисом нам еще только предстоит бороться. Как раз сейчас, в это самое время, неизвестные захватчики с огромной скоростью мчатся сквозь межзвездное пространство по направлению к нашей планете. Наша цель ясна, и заверяю вас, что как сам лично, так и правительство, руководить которым вы доверили мне, будем неуклонно добиваться этой цели. В первую очередь мы должны хорошо вооружиться, чтобы быть в состоянии предотвратить смертельную угрозу со стороны этого нового врага. Это мы сделаем. Во-вторых, мы должны подготовить наше общество к тому, чтобы занять достойное место в Терранской Федерации. И это будет сделано.

Со всей ответственностью заявляю, что наше с вами прошлое — не более чем кладбище. Слава Лиффа, величие Лиффа — в его будущем. Лифф прославится на всю Вселенную. Благословенным Именем Матери обещаю вам, что все мы выиграем от этого грядущего величия. Лифф для всех лиффан! Будущее за нами!

Аплодисменты, разразившиеся по окончании этой поэтически-зажигательной речи, не прекращались на протяжении целого часа.

— Хард Саарлип, клянусь Материнским носом, — прокомментировал это выступление Джон, — ты дал такой урок им красноречья, что эти далберов потомки... —

— Ты считаешь, что я в чем-то переиграл?

— Дружище Хард! Завидую тебе: так виртуозно, с легкостью отменной владеешь слогом, что позавидует тебе любой поэт-терранин! И речи тоже изрекаешь не без наслажденья.

Хард заулыбался:

— Да, что уж тут скрывать — я выступать люблю, как все поэты; бывает грех такой не только у терран...

ГЛАВА XVII

— Сенатор Вэлш желает встречи с вами, сэр.

— Милостивый боже! — пробормотал адмирал Беллман. — Опять? Что за дурацкую привычку он взял приходить как раз к чаю? Ладно, води сенатора сюда, Гарри. И принеси еще одну чашку с блюдцем.

— Есть, сэр! — адъютант неуклюже вышел из кабинета и почти сразу же возвратился с чашкой, сенатором Вэлшем и блюдцем. Тем фактом, что чашка и блюдце были взяты из разных сервизов, адъютант хотел продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к сенатору.

— Эдвальт, — вместо приветствия сенатор начал сразу с места в карьер, — когда в последний раз ты получал весточку от своего Подразделения Особых Операций "Л-2"?

— Нет никакого такого подразделения.

— Да, конечно, конечно. Когда они в последний раз выходили на связь?

— Пока вообще не выходили. Секретность, сами понимаете. Думаю, что первая информация от них должна поступить где-то в этом году.

— Ты знаешь, тебя ждут неприятности.

— У меня всегда какие-нибудь неприятности. И именно за это мне платят жалованье. Что на этот раз?

— Около года назад Консервативная партия направила на Лифф свою экспедицию.

— Что вы направили, говорите?!!

— Я сказал, что мы направили экспедицию на Лифф и... Теперь посмотри, что ты наделал. Ты разлил свой чай. Почему ты всегда такой нервный, Эдвальт?

— К черту чай! Как вашим людям стало известно о Лиффе?

— У нас есть свои возможности.

— Да уж... Расскажите мне об этой экспедиции.

— Всего один корабль, Эд, пять человек. Но есть одна важная деталь: они передали сообщение, что готовы к посадке, но после этого больше не вышли на связь.

После продолжительной паузы адмирал спросил:

— Ну и что?

— Эти люди попали в беду на Лиффе. Не исключено, что они уже погибли.

Беллман слово в слово повторил свой предыдущий красноречивый вопрос.

Терпение сенатора Вэлша явно было на исходе:

— Все, чего я хочу от тебя, так это узнать, что ты собираешься делать в связи с этим?

— Что я собираюсь делать? Помилуйте, конечно, ничего. И почему это я должен что-то делать?

— Эти пять человек — граждане Федерации, Беллман. И раз они попали в беду, твой долг, Эд, выручить их.

— Нет, здесь вы неправы, Эмсли. Эти пять человек — преступники. И у меня по отношению к ним нет никаких обязательств. Почему бы вам не обратиться по этому поводу в полицию?

— Что ты имеешь в виду под словом “преступники”?

— Послушайте меня внимательно, сенатор. Человек вашего возраста не имеет права позволять себе подобные авантюры.

— Мне всего лишь девяносто один, черт бы тебя побрал. И у меня впереди, по крайней мере, еще добрых тридцать лет. Но все-таки скажи, что ты имеешь в виду, называя моих людей преступниками?

— Вы же сами сказали, что они высадились на Лиффе. А поскольку в отношении Лиффа до сих пор действует Закон о карантине, это означает, что они виновны в нарушении Правил Контакта. Если они влипли в неприятность, это ваша проблема. Флот создан не для того, чтобы, бряцая оружием, разъезжать по Галактике, спасая шайку обычных уголовников. Нет, что вы, только не в такое время, как сейчас. У нас по горло срочной работы по подготовке к предстоящему Вторжению. Вам бы лучше обратиться с вашими проблемами в полицию.

— Но... Но... — От гнева старик потерял дар речи. Пытаясь восстановить утерянное присутствие духа, он метался по кабинету, как танцовщик, исполняющий польку на одной ноге. Наконец он прорычал как раненый зверь:

— Нет, это ты все затеял! Нарушение Правил Контакта! И тебе от этого не отвертеться, Беллман, предупреждаю тебя!

Выпалив все это на верхней истерической ноте, он пулей вылетел из кабинета.

— Поразительно проворен, если учесть его преклонный возраст, — ухмыльнулся адмирал. За все последние годы он никогда не получал такого удовольствия.

Все с той же злорадной ухмылкой Беллиман аккуратно вытер чай, разлитый на документ, который он читал перед визитом сенатора. Документ представлял собой шестидесятичетырёхстраничную брошюру и назывался "Подразделение Особых Операций "Л-2". Первый промежуточный доклад". Беллиман пролистал его снова; найдя то место, где описывалось взятие в плен следователей Консерваторов, он залился таким громким смехом, что обеспокоенный адъютант счел за необходимое войти в кабинет и осведомиться у адмирала, не случилось ли чего.

ГЛАВА XVIII

Развитие технологии на Лиффе происходило такими темпами, что напоминало мчащегося галопом далбера, учувшего кормежку. Все были поражены, кроме самих лиффан. Буквально в течение дня Гильдия Гильдий превратилась в гигантскую промышленную корпорацию, а мелкие мастерские выросли в головные предприятия или исследовательские лаборатории.

Лиффане разобрали космический корабль консерваторов до винтика, затем снова собрали его. Они поставили перед собой задачу точно скопировать или улучшить буквально все, чем был напичкан корабль. Наконец лиффане принялись за создание своего собственного, действительно лиффанского космического корабля.

Новые гильдии появлялись на свет божий, как грибы после дождя. Первой была Гильдия Инженеров, за ней вскоре образовались Гильдия Электронщиков, Гильдия Математиков, Гильдия Оптических инженеров, и, что с точки зрения терран выглядело весьма странным, Гильдия Интерпретаторов Священного Писания. Причем это были не совсем обычные гильдии, а, скорее, академии наук. Была образована даже Гильдия Физиков.

Вскорости лиффанские ученые с помощью лазерной локационной технологии смогли составить карту поверхности Малой Сестры — одной из ближайших к Лиффу планет. Другая группа ученых разработала цифровой компьютер;

и если первый его экземпляр весил около тонны, то уже второй — всего лишь около трех фунтов.

Весь Лифф был охвачен навязчивой идеей, — ни один житель планеты не избежал этого. Обычный человек с улицы, не имеющий не то что специального образования, но совсем недавно еще не умевший читать, мог запросто сделать такое же изобретение, как и наиболее опытный член Гильдии Гильдий. Казалось, что все секреты Вселенной как-то сразу стали доступными для всех; а нежелающих познать на Лиффе просто не оказалось.

Премьер-Министр Хард Гар-Олнин Саарлип произносил зажигательные речи, подвигая народ к новым и обязательно еще более грандиозным свершениям; на эти речи народ реагировал вполне добродушным одобрением или неодобрением — это с какой стороны посмотреть, по справедливости расценивая их как политическую демагогию, каковой они и являлись на самом деле. Лиффяне набирали в развитии своего общества такие темпы, которые до этого были невиданы в масштабе всей Федерации.

— Чего я не могу взять в толк, — обратился однажды Джон к Харду, — так это как вашим людям удалось так легко приспособиться к совершенно новым обстоятельствам. Буквально шесть лет назад Лифф представлял собой чисто сельскохозяйственную планету без какого-либо намека на современную технологию, а теперь посмотри только! Вы стали расой инженеров. Как вам это удалось?

— Думаю, что я уже объяснял тебе все это шесть лет назад.

— Если это так, то сожалею, что пропустил тогда твое объяснение мимо ушей. Не будешь ли ты так любезен объяснить теперь все снова?

— Хорошо. В “Книге Гарта Гар-Муейна Гарта”, которого Мать...

— Ну ты даешь, старик! Снова теология?

— Не совсем так. На самом деле в этой книге есть много разделов, которые были непостижимы для нас до тех пор, пока здесь не появились вы, терране. Один раздел был настолько непонятным, что мы полагали, что там речь идет об этике, пока от вас не узнали о существовании электричества. Но как только стало известно о существовании электричества, все вдруг встало на свои места. Этот раздел называется “Справочник по современной физике”, и раньше самые светлые умы Лиффа не могли разобрать его смысл.

Последовало продолжительное молчание. Это было совсем не то объяснение, которое ожидал Джон. Наконец, та часть его сознания, которая являла собой ученого, поборола заложенную от природы осторожность:

— Хард, где можно достать экземпляр “Книги Гарта Гар-Муйена Гарта”?

— У того, кого любит Мать. Почему бы тебе не попросить об этом Патриарха?

* * *

Генерал Гарт, произведенный в командующего все еще пока не существующего Космического Флота, сразу же приступил к подготовке экипажей галактической навигации.

— Если мы будем ждать, пока эти забытые Матерью инженеры создадут корабли, — объяснял он, — у нас не останется времени на подготовку людей. А я хочу, чтобы к моменту ввода в строй кораблей экипажи были уже полностью готовы.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области создания новых видов вооружений представляли собой особо продуктивную отрасль технологии. В течение какого-нибудь года то оружие, которое Джон Харлен разработал для Народной Армии, а также то, что было произведено Гильдией Гильдий, не говоря уже о разработках Подразделения Особых Операций “Л-2”, оказалось морально устаревшим. Ученые, которые ухитрились создать карту поверхности Малой Сестры с помощью лазерных лучей, вскоре с помощью этих же лучей превратили поверхность этой планеты в нагромождения оплавленного камня.

Лучи Прессора и Трактора, о практическом применении которых давно мечтали самые передовые умы Федерации, уже использовались на Лиффе для работы с тяжелыми заготовками корпусов космических кораблей. Кроме этого, попутно и совершенно случайно была открыта и возможность их использования в качестве грозного оружия.

Руководствуясь малопонятными намеками из “Книги Гарта Гар-Муйена Гарта”, Гильдия Электронщиков разработала целую гамму так называемых “фазовых пушек”. Изобретатели планировали превращать материю в энергию, но фазовые пушки вместо этого превращали энергию в материю. Разочарованные электронщики переименовали свое детище в “энтропное устройство” и подошли к решению проблемы с другой стороны. Потребовался почти год

на доработку технологии, позволявшей применять энтропные устройства для превращения любого вида энергии практически в любой вид материи.

Поскольку терране были поглощены в основном созданием лиффанских космических кораблей, они не особенно обращали внимание на ход разработки новых видов вооружений, поскольку априорно полагали, что лиффанский космический флот будет использовать оружие Федерации.

* * *

— Скажу откровенно, Премьер-Министр совершенно прав, — прокомментировал рассказ Джона Его Святейшество Патриарх и Отец Отцов. — И, что самое интересное, совершенно не исключено, что именно научная часть “Книги Гарта Гар-Муёна Гарта” явилась причиной заметного подъема религиозности среди прикожан. Хотя это уже и перестало быть обязательным, но посещаемость богослужений в Храме значительно возросла с тех пор, как пал Комитет.

Все эти разговоры о религии в значительной мере озадачивали Джона. Конечно, он как рациональный материалист, был убежден, что любая религия является суеверием.

— Весьма отраднo, что посещаемость богослужений возросла, — ответил он таким тоном, как если бы это действительно трогало его, — но что меня интересует в данный момент больше всего, так это “Книга Гарта”. Не подскажете ли, Ваше Святейшество, где я мог бы взять экземпляр этой книги для ознакомления?

— Вы не слишком знакомы с основами нашей религии, не так ли?

— Ну, как сказать... Нет, конечно. Видите ли, у меня здесь столько разных дел...

— Это прискорбно. Уверен, что вы обнаружили бы, что это — наиболее праведная вера. Ладно, вот “Книга Гарта”. Надеюсь, что когда вы проштудируете ее, это подогреет ваш интерес к нашей религии.

ГЛАВА XIX

С кораблем-разведчиком творилось что-то ненормальное. Даже для совершенно несведущих в вопросах устройства кораблей это было очевидным. Бесцельные импульсы

бешеного ускорения чередовались у него с многочасовыми периодами полной неподвижности. Иногда казалось, что он вообще вот-вот прекратит свое существование. Для любого, мало-мальски знакомого с подобными явлениями, было совершенно ясно, даже и без данных о конкретном типе двигательной установки, что корабль подвержен сильнейшему поляризационному воздействию.

Корабль-разведчик нес службу впередсмотрящего передовой группы Миграции. Тех, кто управлял им, нельзя было назвать людьми, поскольку они хотя и состояли из материальных частиц, могли быть описаны только понятиями математических уравнений. Они называли себя Мигрантами и искали себе дом.

Они представляли собой безжалостную армию, поскольку все, что попадалось им на пути и что не являлось ими же, они просто уничтожали. И это не являлось каким-то актом гнева или проявлением вражды ко всему инородному — просто таким был их обычай. Все, что они не могли использовать в своих целях, уничтожалось. И так было всегда.

Разведывательному кораблю Мигрантов угрожала опасность, и ему необходимо было срочно совершить посадку.

И стало вдруг в полночь светло, как при закате. Жителей Примилбоса разбудил звук, который они не слышали; казалось, что разрывается само небо с шумом настолько сильным, что он находился за гранью восприятия человеческого уха. Этот звук сопровождался легким свечением неба, которое становилось все ярче и ярче, пока не стало больно на него смотреть. Это было последним, что видели восемь тысяч жителей Примилбоса.

Этот звук был слышен и в Лиффдарге. Он напоминал треск ударившей поблизости молнии, только длился невообразимо долго. Но вместо разрастающейся в небе зари, как в Примилбосе, лиффдаржане видели четкий и ясно очерченный границами свет, напоминающий блуждающее солнце, движущееся по небу по направлению к дальнему берегу моря.

— Да, ну и метеорчик, — заметил Анстар Соренштайн.

— Хотелось бы надеяться, что это именно так, — мрачно ответил Джон.

Внезапно все небо, вспыхнув веером от горизонта до горизонта, осветилось ослепительно ярким светом.

Джон стал тихо считать, как он делал это во время партизанских набегов. Когда ударная волна и звук, потре-

пав лиффаржан как носовой платок, наконец утихли, Джон сделал в уме подсчеты и объявил результаты своих вычислений:

— Девятьсот стербов. Где-то в районе Примилбоса. Попробуй вызвать Примилбос по радио.

Но единственное, что они услышали, был шипящий звук атмосферных разрядов, напоминающий прибой после шторма.

* * *

Командование новой Королевской Армии Лиффа, сформированной из Народной Армии и прежней Армии Короля, за три часа до наступления сумерек направило из Лиффдарга в Примилбос большой воинский контингент. Вместо обычного пешего марша Армия на этот раз продвигалась в автомашинах и танках с паровыми двигателями, что давало ей возможность достичь городка у берега моря уже на следующий день после обеда.

Только от Примилбоса не осталось ровным счетом ничего. На том месте, где он раньше находился, зиял огромный, дышащий горячим паром кратер.

— Да, это ставит крест на метеоритной гипотезе, — сказал Джон. — Посмотри вон туда.

За кратером, почти скрытый от глаза дымом и паром, сияющей башней стоял на хвосте длинный и тонкий космический корабль.

— Если только не произошло ничего необычного после нашего отлета с Терры, — отметил Анстар, — то это вообще не наш корабль.

Послышался резкий, как удар хлыста звук, и голова колонны испарилась. Другая ее часть, оставшаяся невредимой, прекратила движение и рассредоточилась по кустам. Техники с молниеносной быстротой убрали свои тяжелые орудия с дороги. Удар хлыста повторился снова; на этот раз исчезла дюжина грузовиков, которые, правда, к этому времени были уже без личного состава.

После этого наступила мертвая тишина. Молниеносные техники работали спокойно, не тратя времени даже на то, чтобы вытереть пот со лба. С исключительной тщательностью они установили свои гигантские лазеры, двигались не торопясь и старались делать каждый свой шаг без ошибок. Все их действия были настолько осторожными, что со стороны выглядели не как маневры в реальной боевой обстановке.

новке, а как проведение научного эксперимента где-нибудь в лаборатории.

Наконец, один из лазерных излучателей был готов. Техники, все так же двигаясь с поразительной четкостью, тщательно прицелили его на приземлившийся корабль и произвели длительный импульс облучения.

Нос разведывательного корабля Мигрантов стал красным, потом побелел, а затем и вовсе испарился.

Ядовитый воздух Лиффа ворвался внутрь корабля как ураган смерти. Все, чего касался ядовитый кислород, мгновенно окислялось или, если было живым, гибло. Сами Мигранты в такой агрессивной атмосфере превратились в яркое желтое пламя; выживших не осталось.

Когда лиффане подошли к кораблю, большинство из самых активных химических реакций уже прекратились. Джон измерил уровень радиоактивности на подступах к вражескому кораблю и, не обнаружив ничего угрожающего, повел отряд воинов внутрь.

Никаких признаков Мигрантов обнаружить не удалось. Они были полностью охвачены пламенем. Почти все оборудование корабля сгорело в результате контакта с атмосферой, но лиффанские технологи не сомневались, что им удастся восстановить почти все окислившееся и сгоревшее оборудование и оружие.

Джон тоже не сомневался в этом. И первое, что он совершил, возвратившись в Лиффдарт, — нарушил заповедь, которой с религиозным рвением придерживался на протяжении вот уже семи лет. Он направил на Терру срочную докладную следующего содержания:

НА ЛИФФЕ ЗАХВАЧЕН ВРАЖЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

* * *

Адмирал Беллман был чрезвычайно встревожен. Содержание сообщения не оставляло ни малейших сомнений в том, что он должен делать; проблемой являлось — как это сделать. Он не мог послать на Лифф даже один корабль, не говоря уже о вооруженной армаде с учеными на борту, как этого требовали обстоятельства, не раскрыв перед консерваторами секрет операции “Л-2”. Это означало бы для него немедленное привлечение к суду военного трибунала.

Как раз в то самое время, когда он уже практически принял решение пойти на эту жертву ради выполнения своего

долга офицера, его вдруг осенило. Он пододвинул поближе визифон и набрал номер. Когда экран засветился, он сказал:

— Доброе утро, сенатор Вэлш. Помнится, вы как-то говорили мне о ваших приятелях, попавших в беду на Лиффе. Пожалуй, я нашел способ помочь вам спасти этих бедняг.

ГЛАВА XX

Корабль Мигрантов явился последним маленьким толчком, который был необходим ученым Лиффа. Огромная ценность новых идей, которые предоставил корабль, плюс тот факт, что он бесцельно уничтожил лиффанский город, материализовались вместе и в месячный срок возникла целая космическая флотилия.

Терране даже не подозревали, насколько продвинулись лиффане в этом направлении, пока Гильдия Гильдий не пригласила их на натурные испытания кораблей в космическом полете. И тогда они осознали, как далеко шагнула вперед технология на планете. Это испытание заполнило брешу в их осведомленности.

— Наша главная проблема заключается прежде всего в необходимости сделать выбор, — разъяснял им перед началом испытаний ответственный секретарь Гильдии Физиков Гелф Гар-Пандиен Тилтл. — В нашем распоряжении имеется несколько типов двигателей для космических кораблей, действующих на различных принципах, но до сегодняшнего вечера, пока не поступят результаты испытаний, мы все еще не уверены, какому из них отдать предпочтение.

Для терране это явилось совершенно неожиданным сюрпризом. Они полагали, что максимум, на что могут рассчитывать лиффане в данный момент, это многоступенчатая ракета по типу той, которая когда-то вывела первого человека в космос. И вот теперь перед ними вдруг встала проблема выбора.

Когда терране прибыли на испытательный полигон, то были удивлены еще больше. Они ожидали увидеть стационарную наземную испытательную установку для прокатки двигателей, но их взору предстал целый флот, насчитывающий двадцать пять готовых к запуску кораблей, по размеру даже больших, чем легкий крейсер Федерации. Испытательный полигон выглядел как ферма, на которой вместо кукурузы растут космические корабли.

— На каждом корабле используется своя, отличная от других двигательная установка, — объяснил Тилтл. — Некоторые из них являются, по сути, ракетами, но мы больше склонны к использованию двигателей, действующих на принципах притяжения и отталкивания. Ага, испытание первого уже начато.

Один из кораблей медленно шел вверх, опираясь на столб голубого пламени.

— Собственно говоря, — продолжал Тилтл, — идея многоступенчатой ракеты привлекает нас меньше всего. Слишком неэффективна, слишком громоздка и слишком ограничены возможности. Нет никакого смысла тратить энергию, чтобы поднимать топливо, которое осталось. Но все же мы хотим испытать систему. Возможно, она обладает какими-то преимуществами, о которых мы пока не знаем. Ага, вон пошел другой.

Второй корабль, уже с выключным пламенем красного цвета, устремился вслед за первым.

— Разумеется, мы проводим эксперименты с разными типами горючего, — вежливо информировал терран Тилтл.

Те были просто ошарашены.

— Как давно вы работаете над космическими двигателями? — спросил Пиндар Смит.

— Вот уже четыре года, — ответил физик. — Эта идея пришла нам в голову, когда Народная Армия начала использовать боевые ракеты. До этого, правда, мы проводили эксперименты с динамитом, но они закончились абсолютным фиаско.

Еще три ракеты устремились вверх; каждая испускала пламя другого цвета. Затем, когда было объявлено, что все пять ракет выведены на расчетные орбиты, подали обед.

Терране ели в полном молчании. Джон Харлен был удручен как никто другой. Того, что он увидел, было вполне достаточно для вступления Лиффа в Федерацию; но он понимал, что все это — только цветочки, а ягодки еще впереди.

Он чувствовал себя подавленным. Работа завершилась на три года раньше срока, что, конечно же, пойдет ему в зачет. Но морально он не был готов к ее завершению. У него остались нереализованные планы еще на целых три года работы; планы, которые, оказывается, так вот вдруг устарели. Он ощутил внутреннюю опустошенность.

В глубине души шевелилось не дававшее ему покоя ощущение, что по его собственной вине произошел какой-

то обман. Лиффане за каких-нибудь семь лет добились большего успеха, чем он планировал им за десять, и все это, вообще говоря, было их собственным достижением. Он фактически сыграл совсем незначительную роль в развитии планеты Лифф, хотя, с другой стороны, ему и остальным членам Подразделения Особых Операций следовало отдать должное. Словом, Джон Харлен отнюдь не ощущал радости от достигнутого лиффанами успеха, и ему было стыдно оттого, что он не радуется.

Демонстрация после обеда была еще более впечатляющей.

— Передний корабль на краю справа будет испытан первым, — объявил Гелф Гар-Пандиен Тилтл. — Наблюдайте за ним повнимательнее.

Терране наблюдали. Если бы корабль мог двигаться в зависимости от интенсивности их взглядов, они наверняка привели бы его в движение. Внезапно он исчез, и воздух, раздирая барабанные перепонки, устремился туда, где он только что стоял.

— Прекрасно, — пробормотал Тилтл.

Еще десять кораблей пропали таким же образом, один за другим; издаваемые при этом звуки напоминали гигантские хлопушки фейерверка.

— Очень интересно, — выдавил из себя Джон, стараясь изо всех сил не выдавать волнение. — Как вы это делаете?

— Довольно просто, — ответил ученый. — Поверите ли, мы использовали идею, родившуюся в Гильдии Металлистов. Сразу же после войны они разработали, Мать их знает как, устройство с использованием лучей на принципе Прессора-Трактора для обработки крупногабаритных металлозаготовок при производстве космических кораблей. Мы до сих пор не уяснили до конца, на каком принципе работает этот луч, но быстро сообразили, для чего именно он может пригодиться нам. Некоторые из тех кораблей, которые только что исчезли, просто замкнули на себя статические лучи Трактора, испускаемые далекими звездами. Некоторые использовали лучи Материнского Глаза. Они фактически не двигались — это Лифф двигался под ними. С другими произошло примерно то же, хотя двигались уже они сами. Поскольку звезды слишком велики, чтобы их могли сдвинуть наши небольшие корабли, эти корабли сами двигаются в направлении звезд. Это действительно очень просто.

— Да, действительно, — пробормотал Ансар. — С какой скоростью они могут двигаться?

— Теоретический предел скорости составляет примерно сто одиннадцать тысяч семьсот восемьдесят стербов в секунду; это — скорость движения самого луча. Примерно это — скорость света. Однако не исключено, что мы можем умножить эту скорость на саму себя. Пока мы еще не знаем точно, разработки в этом направлении не завершены.

— Что они там делают? — закричал Смит, показывая на испытательную площадку.

Оставшиеся на земле девять кораблей лениво парили на небольшой высоте в воздухе, неторопливо двигаясь над полем. При легких порывах ветра и соприкосновении с неровностями почвы они пританцовывали и подпрыгивали, как мыльные пузыри. В свободном парении они поднимались все выше и выше и пропадали из поля зрения.

— Лучи Прессора, — гордо сообщил Тилтл. — Это — исключительно для межпланетных полетов. Корабли набирают безопасную высоту, затем захватывают луч Трактора на той планете, где это удобнее сделать. Они — о, смотрите, вон возвращается первая ракета. Не правда ли, великолепное зрелище? Эти ракеты пока мало пригодны для путешествий, но на них все же приятно посмотреть.

Корабль плавно опустился. Джон отметил, что он приземлился точно на то самое место, с которого стартовал. За ним в снопе света, достаточно заметном среди бела дня, последовали четыре остальные ракеты. Звук от их посадки напоминал физическое издевательство над барабанными перепонками наблюдателей, но сама посадка была совершенна с поразительной элегантностью.

Вся программа испытаний была рассчитана на пять дней, которых вполне хватило бы на завершение дальних полетов кораблей, действующих на принципе Прессора-Трактора, но Джон не мог позволить себе оставаться дольше. Он должен был немедленно направить еще одно экстренное сообщение на Терру.

ГЛАВА XXI

Меньше всего Джону хотелось в этот вечер присутствовать на совместном заседании обеих палат Парламента в Храме. Но он был не просто приглашен, ему приказал присутствовать сам Король.

— Глупая потеря времени, — бормотал он себе под нос, облачаясь в свое лучшее одеяние.

Ансгар Соренштайн и Пиндар Смит, которым тоже приказали присутствовать, согласились с ним.

— Похоже, это будет какое-то религиозное празднество, — раздраженно прокомментировал предстоящее событие Смит. — Я не понимаю, почему мы вообще должны там присутствовать.

— Мы должны, потому что Его Величеству Королю Осгарду было угодно приказать нам это, — так же раздраженно объяснил ему Соренштайн.

— Ладно, — размышлял Джон. — Почему он приказал нам? И почему вообще он отдает нам приказы? Король никогда раньше не делал этого.

— Мать его знает, — ответил Ансгар. — Думаю, мы узнаем это, когда попадем туда.

Совместное заседание палат проходило в главном корпусе Храма — длинном, высоком здании, своими устремленными ввысь линиями напоминавшем готический собор. Терране прибыли за несколько минут до открытия заседания, но Гвардейцы Матери не пустили их внутрь.

— Что за чертовщина? — возмущенно воскликнул Смит. — Нам было приказано прибыть сюда в это время. Почему вы нас не пускаете?

— Уверю вас, сэр, что ничего не знаю. Когда Его Святейшество Патриарх отдает нам приказания, он обычно не объясняет нам, почему их отдает.

— Прекрасно, — возмутился Джон. — Что касается меня, то я возвращаюсь домой.

— Сожалею, сэр, — обратился к нему старший гвардеец, — но я получил приказ задержать вас здесь.

Задыхаясь от возмущения, в полной тишине терране прождали у входа целых десять минут. Наконец к ним подошел запыхавшийся генерал Гарт.

— Извините, господа. Задержался. Все эти испытания, понимаете ли. Просто не мог вырваться раньше.

— Не стоит извиняться, — ответил Джон. — Ведь мы даже не знали, что вы должны быть здесь. Можете ли вы объяснить, что все это значит?

— Нет, не могу. Знаю только, что Король Осгарт приказал мне быть здесь сегодня вечером.

— Похоже, что сейчас стали практиковать отдавать приказы часто, чего не было раньше, — едко отметил Ансгар.

— Это — один из недостатков конституционной монархии, — стараясь не выдавать своего раздражения, разъяснил Джон. — Выборная власть относится к исполнению своих полномочий более серьезно, чем наследственная.

Появился одетый в парадный мундир прислужник. Он подал сигнал гвардейцам.

— Прошу вас, господа, проходите сюда, — обратился к ожидавшим один из гвардейцев. Три терранина и лиффанский генерал проследовали за гвардейцем в Храм.

Как только они вошли, хор из трехсот глоток заорал во весь голос лиффанский национальный гимн:

*Входите, мудрой Матери геройские сыны.
Вы храбры, благородны, и Матери верны.
Герои Лиффа, с гордостью входите,
К Колену Матери по праву припадите.
В Храме славном Ее места нет для забот
Милость Матери здесь на сынов снизойдет!
Так славьте вашу Мать! Так славьте вашу Мать!
Да снизойдет на вас святая благодать!*

Храм представлял собой безудержную цветовую фантазию. Знамена из тончайшего газа, выдержанные в цветах Матери — шафрановом и пурпурном, длиной почти пятьдесят футов, ниспадали от самых верхних балок до середины зала, нежно раскачиваясь из стороны в сторону при малейшем движении воздуха. Вдоль устланного коврами прохода, по которому терране и генерал шли к тому месту, откуда исходила какая-то неземная музыка, шеренгами по стойке "смирно" стояли одетые в золотое с зеленым прислужники, а за их спинами члены обеих палат в полном составе аплодировали вошедшим в неподдельном экстазе.

А в дальнем конце придела, перед спускающимися с потолка до самого пола гобеленами, отливающими серебром на черном фоне, на простых деревянных стульях сидели два человека — Патриарх, облаченный в сияющее одеяние шафранового цвета, и Король Осгард в такой же божественно великолепной одежде. Когда Джон, Ансар, Пиндар и генерал Гарт подошли к ним, Король и Патриарх встали.

Патриарх простер руки в знак благословения, и пение резко оборвалось.

— “М” — в честь мужчин, которых Она создала, — пропел он ритуальные слова.

— “А” — в честь ангелов, через которых Она управляет нами, — подхватил хор.

Такой своеобразный перепев длился, пока все буквы слова “Мать” не были ритуально обозначены символами Ее благодеяний; затем наступила тишина.

Облаченный в серое с пурпурным, вперед выступил Хард, который громко произнес нараспев:

— Во имя Сокровенного Имени Матери, сейчас я буду говорить!

— Во имя Сокровенного Имени Матери говори, сын мой, и да источат твои уста Ее волю! — ответил ему Патриарх так же нараспев.

— Властью, ниспосланной мне Матерью через народ и Короля, представляю четырех кандидатов к посвящению в рыцари Ордена Немеркнувшей Благодарности Матери.

Этим словам Харда ответил хор, распевая специально подготовленный к такому торжественному случаю гимн, в котором воспевались все доблестные подвиги Подразделения Особых Операций “Л-2”, Терранская Федерация и поражение Комитета по борьбе с заговором. Когда гимн закончился, Король и Патриарх, о чем-то посоветовавшись между собой, пропели в унисон:

— Пусть кандидаты выйдут вперед!

Церемония посвящения была длительной и сложной. Патриарх пропел множество молитв, хор распевал гимны. Наконец, Король и Патриарх украсили каждого посвящаемого знаком Ордена, исполненным в виде большой золотой медали, подвешенной на ленте шафранового цвета с пурпуром. Хор пропел торжественный гимн, и все вышли из зала.

— Поздравляю! — воскликнул Хард, как только терране оказались за пределами Храма.

— Спасибо, — ответил Джон. — Но что это за церемония? И что означает эта медаль?

— Знак Ордена Немеркнувшей Благодарности Матери? Ну, знаешь, Джон, ты меня удивляешь. Ведь это — высшая награда, когда-либо учрежденная на Лиффе. Вы теперь стали национальными героями и канонизированными святыми. Ваши дни рождения будут на Лиффе национальными праздниками. Так что поздравляю.

— Да уж, спасибо.

Что-то беспокоило Джона, но он не мог понять, что именно.

* * *

— Тебе известны результаты испытаний? — спросил кто-то Патриарха.

— Да, — ответил тот. — Их доложили мне перед началом церемонии.

— Ну и как?

— Все расчеты полностью подтвердились.

— Это значит, что мы можем двигаться дальше?

— Думаю, да.

— Гмм. И тебе действительно все это нравится?

— Конечно. А почему должно быть иначе?

— Я имею в виду, не приходила ли тебе в голову мысль, что все это может оказаться несправедливым делом, а? У тебя что, вообще не возникало хоть каких-то сомнений на этот счет?

— Конечно, нет. Я абсолютно уверен, что мы поступаем правильно. Извините меня за цитирование Писания, но там есть такое место: "И посмотрела Мать на своих чад, и сказала: "Хочу, чтобы кто-нибудь сделал этих несмышленышей послушными". Надеюсь, вы не собираетесь ставить под сомнение смысл сказанного Гартом Гар-Муйеном Гартом?

— Нет, это было бы глупо. Ну да ладно. Когда мы начинаем?

— Нам лучше подождать, пока не будет решена проблема с пришельцами. Не хотелось бы, чтобы они появились в самый разгар всего этого и помешали нам завершить задуманное.

ГЛАВА XXII

— Вот уже целую неделю я хожу в национальных героях и официальных святых, но почему-то до сих пор не чувствую себя хоть чуточку счастливее, — жаловался Джон своему новому помощнику, Тчорнио Гар-Сполниену Хиирлту.

— Этого я не могу понять, — удивился Тчорнио, — ведь весь Лифф гордится вами. В чем же дело?

— Не знаю. Знал бы, наверняка чувствовал бы себя иначе. Возможно, был бы счастлив; возможно — впал бы в гнев, но в любом случае не сидел бы вот так, пытаюсь понять, в чем дело.

— Возможно, вы не до конца осознали, что означает Орден Немеркнувшей Благодарности Матери.

— Скорее всего, и в этом тоже кроется причина. Временами я вообще сомневаюсь, что хоть что-то понимаю. Лифф такая непредсказуемая планета!

— Этот Орден означает, что вы — один из избранных Матери. Для вас уже забронировано место Там, Где Находится Успокоение Матери. Это то, за что любой лиффанин с готовностью отдаст свою жизнь. Вы и еще девять или десять награжденных Немеркнувшей Благодарностью Матери представляете все, что составляет смысл нашей религии. Матери с пеленок учат своих детей подражать вам. Священники служат службы в вашу честь. Эта мастерская станет национальной святыней, местом паломничества. Так что у вас есть все основания быть счастливым.

— Как я могу быть одним из избранных Матерью, если я даже не верю в... Ох!

— В чем дело?

— Дело в том, что я только что осознал, почему не чувствую себя счастливым. Потому что не я избрал Мать, а она — меня.

— Все правильно, так и должно быть.

— Великолепно. Это означает, что независимо от моего желания, я являюсь субъектом Материнского Права.

— Но вы и так всегда им были.

— Но не в такой форме. Не так, как сейчас. Что беспокоит меня больше всего, так это то, что я до сих пор не знаю, что такое Материнское Право. Минуточку... минуточку... Куда это я задевал “Книгу Гарта Гар-Муйена Гарта”?

— Вон она лежит на вашем рабочем столе. Прошу...

Целых двенадцать часов, последовавших за этим, Джон не отрываясь читал “Книгу Гарта”. Архаический лиффанский язык, на котором она была написана, наполовину снизил обычную для Джона скорость чтения.

Читая, он подчеркивал некоторые места. Кое-что ему понравилось. Как, например, вот это: “Возможно все. Рано или поздно свершится все. Не просто произойдет, а должно произойти. Поэтому наш долг по отношению ко всем жи-

вущим состоит в том, чтобы сделать как можно больше из того, что возможно; а возможно все".

В другом подчеркнутом Джоном абзаце говорилось: "Любое свершение является либо созидательным, либо разрушительным. Между ними не существует ничего другого".

Выделил он и другие места, как например: "Каждый созидательный акт есть акт любви. Разрушительный акт равносителен страху"; "Для созидания постоянно требуется жертвовать чем-то своим, поэтому вы постоянно будете жертвовать собой. Это и есть то, что называется Любовью"; "Разрушение — банкротство, оно происходит тогда, когда тебе нечем пожертвовать своим собственным, и это называется боязнью"; "Все, что не любовь, — страх".

Однако в большинстве своем подчеркнутые Джоном места вызвали беспокойство и даже в определенной степени пугали его. Они свидетельствовали о том, что, прожив на Лиффе вот уже семь лет, он так и не научился понимать эту планету и ее народ.

Например, его недоумение вызвало такое место: "В самой натуре любви заключена экспансия, стремление объять как можно большее, захватить и прижать к любящей груди как можно больше. Любовь Матери, являясь совершенством, всегда стремится объять все сущее, даже то, что отрицает Ее любовь". Смысл этих двух предложений был кошмарен.

— Мне нужно переговорить с Патриархом, — такой вывод сделал Джон после прочтения "Книги". С этим он и вышел, взяв с собой "Книгу Гарта Гар-Муфена Гарта" с подчеркнутыми местами.

* * *

— Разумеется, сын мой, — приветливо ответил ему Патриарх. — Мне всегда доставляет удовольствие разъяснять трудные места в Писании. И мне особенно приятно дать такие разъяснения кавалеру Ордена Немеркнушей Благодарности Матери.

— Спасибо, владыко. — Джон раскрыл "Книгу Гарта". — Я пометил места, толкование которых вызвало затруднения. Вот, например, одно из них.

— Ах, да! — Воскликнул Патриарх, бросив беглый взгляд на раскрытую книгу. — Экспансия совершенной любви. Но почему вас беспокоит это место? Его значение вполне понятно.

— Значение-то вполне понятно, отче. Что меня беспокоит, так это его смысл.

— Неужели?

— Да. Смысл Любви Матери заключается в том, что Мать любит насильно даже тех, кто не любит Ее по своему выбору.

— Именно так.

— А теперь вот это место: "И посмотрела Мать на своих чад, и сказала: "Хочу, чтобы кто-нибудь сделал этих несмышленишек послушными", смысл которого является настолько сильным, что идеологически оправдывает крестовые походы, инквизицию; по сути, это — идеология религиозного империализма.

— Сын мой, вам никогда не хотелось стать профессиональным теологом?

— Нет, отче, никогда.

— Жаль. Похоже, Мать наделила вас огромным талантом к теологическим изысканиям. Было бы просто стыдно пренебрегать таким даром.

После нескольких часов беседы с Патриархом Джон возвращался домой еще более обеспокоенный. Все его самые мрачные предчувствия полностью подтвердились.

* * *

— Материнский волос! — удивленно воскликнул кто-то, когда Патриарх вошел в комнату. — Что ты делаешь здесь в такое время?

— Я только что разговаривал с этим Джоном Гар-Террэнсом Харленом.

— Ах да, с Джоном. Умен, не правда ли?

— Даже чересчур. Несколько недель назад я дал ему "Книгу Гарта Гар-Муйена Гарта", и теперь, прочитав ее, он вычислил весь наш план.

— Он что, знает, что мы собираемся сделать?

— Да, но он не осознает этого. Он обеспокоен толкованием некоторых мест в "Книге", но этого вполне достаточно.

— Тогда он все-таки не знает, что именно мы собираемся предпринять?

— Нет, не знает. Но он знает, зачем мы собираемся сделать это. Нам придется повнимательнее присмотреться за этими Гар-Террэнсами. Они могут стать опасными.

* * *

— Ходы коня составляют прямой угол: две клетки в одном направлении, одна — под прямым углом к первому.

Понял? — Ансгар Соренштайн пытался обучить Тчорнио игре в шахматы.

— Но почему он так странно ходит? — Тчорнио оказался не самым понятливым учеником.

— Материнский нос! Как я могу знать, почему именно?! Он так ходит, и все тут!

— Как учитель, — вмешался Джон, — брат Ансгар представляет собой великолепную картину нетерпеливого далбера.

— Нет-нет, — возразил Тчорнио. — Это я такой непонятливый ученик.

Эта перепалка могла продолжаться еще много часов, но в комнату вбежал запыхавшийся Пиндар Смит, который принес известия, сразу же положившие конец шахматным изыскам.

— Я прямо от генерала Гарта, — сообщил он возбужденно.

— Ура генералу Гарту! — вскочил Ансгар. — Что он хочет сообщить нам на этот раз?

— В его донесении говорится, что радары обнаружили космический флот, идущий по направлению к Лиффу.

— Боже мой! — воскликнул Джон. — Они уже здесь — на целых три года раньше, чем мы их ожидали!

Они сели в машины и на полной скорости помчались на испытательную площадку.

ГЛАВА XXIII

Адмирал Беллман с удовольствием потягивал чай, пребывая в необычно хорошем расположении духа, как вдруг зашел адъютант и доложил:

— Сообщение с Лиффа, сэр!

— О боже! И почему всегда бывает так, что о каждом кризисе на этой проклятой планете мне докладывают именно в то время, когда у меня чай, а, Гарри? Можно подумать, что кто-то делает так специально.

— Так точно, сэр! — щелкнув каблуками, подтвердил адъютант. Оставив пакет на столе адмирала, он возвратился в приемную.

Адмирал не прикоснулся к шифровке до тех пор, пока не закончил чаевничать.

— Доклад находился в пути целых двадцать пять дней, — успокаивал он себя. — О чем бы там ни шла речь, он может подождать.

Прочитав доклад, он воскликнул:

— Боже мой, слишком поздно! Они вылетели неделю назад.

Он долго сидел в задумчивом молчании.

В докладе говорилось:

“Заново пересмотрите все оценки времени, которое требуется для реализации лиффанского проекта. У них уже есть флот в количестве по крайней мере в двадцать пять кораблей. Предупредите всех, кого это касается, чтобы приближались к Лиффу с максимальной осторожностью. Направьте дипломатов, чтобы оговорить условия приема в Федерацию. Харлен”.

ГЛАВА XXIV

— Мы входим в систему Лиффа, сэр, — доложил навигатор голосом, который интерком лишил каких-либо интонаций и эмоций.

— Спасибо, — ответил капитан Бэйли. Он щелкнул тумблером, и шум интеркома прекратился.

Хотя внешне это ничем и не проявлялось, капитан Бэйли был весьма озабочен. В глубине души он чувствовал, что должно произойти что-то весьма неприятное. В принципе, задание было простым — провести и обеспечить безопасность выполнения программы судами, до отказа набитыми учеными, но ни один из флотов Федерации такого размера никогда еще не приближался столь близко к территории противника. Сложность ситуации усугублялась еще и тем, что одним из пунктов задания предусматривалось детальное изучение захваченного корабля противника. Капитану Бэйли действительно было о чем тревожиться.

Сигнал интеркома прозвучал как надоедливый овод. Проклятье! И почему это его не оставят в покое? Почему ему не позволяют хоть на минуту предаться в спокойной обстановке невеселым мыслям? Он включил тумблер и прорычал:

— Бэйли, слушаю. Что там у вас еще?

— Капрал Рич Хэлн, сэр; пост дальнего обнаружения. — Единственное различие между этим металлическим голосом и голосом навигатора заключалось в том, что на этот раз голос, казалось, готов был захлебнуться.

— Слушаю, Хэлн. Что вы хотите? — раздраженно спросил капитан.

— Экран D-1, сэр. Зафиксировано от трехсот до четырехсот кораблей, дистанция максимальная.

Автоматически, не прерывая разговор, Бэйли нажал кнопку с надписью "Все корабли — Главный штаб". Сквозь шквал звонков включившейся сигнализации он продолжал разговор с капралом:

— Чьи они? Вы опознали их?

— Нет, сэр. Я никогда не видел ничего подобного. — Хэлн был включен в состав экспедиции главным образом потому, что уже имел личный опыт, полученный семь лет назад на борту "Террэн бивера". Если бы он смог четко опознать приближающийся флот как принадлежащий противнику, то тогда не было бы никаких проблем — только бой, в отношении положительного исхода которого капитан Бэйли не сомневался. Но поскольку принадлежность флота не была определена, то все, что оставалось капитану — это разрешать новые проблемы. Это могли быть корабли противника: то, что их конфигурация незнакома Хэлну, еще ни о чем не говорило, поскольку его опыт ограничивался всего лишь одной встречей с одним кораблем. Но это могли быть корабли и дружелюбно настроенного флота; кроме этого, они могли принадлежать ранее неизвестной расе. Иными словами, число возможных вариантов было бесконечным.

— Капитан Бэйли! Вы еще на связи?

— Ох, извините, Хэлн. Я думал... Какая у них скорость?

— Ноль, запятая, один три от скорости света, стабильна. Отставить! Вот как раз сейчас, сэр, они начинают разгон.

— Это значит, что они обнаружили нас. Какой у них выхлоп?

— Похоже, что у них нет выхлопа, сэр.

— Не говорите глупости. У них обязательно должен быть выхлоп, раз есть ускорение.

— Так точно, сэр. Но он не фиксируется на экранах, сэр.

— Это что-то новенькое. Гммм... Спасибо, господин Хэли. Конец связи. — Капитан Бэйли снова выключил тумблер и заторопился на командный мостик.

* * *

Оба флота встретились через час. Корабли Федерации перестроились в боевой порядок; все системы защиты были приведены в полную готовность, все системы нападения полностью заряжены и нацелены в сторону приближающегося флота. Тот, в свою очередь, перестроил свои порядки, для чего требовалось использование весьма сложных математических операций; это привело капитана Бэйли в еще большее уныние.

Было похоже, что ни один из командиров не желал сделать залп первым, хотя защита флота Федерации позволяла нанести противнику сокрушительный удар даже после первого залпа с его стороны. В то же время, неизвестный флот не отвечал ни на один из общепринятых сигналов связи, что было еще одним плохим признаком.

Но и этого мало — неопознанный флот двигался теперь в обратном направлении с той же скоростью, с какой продвигался вперед флот Федерации. Это было плохим признаком хотя бы уже потому, что являлось невозможным даже теоретически, а все невозможное всегда выглядит зловеще.

— Сэр, не угодно ли взглянуть на экран этого лоатора? — Молодой оператор выглядел встревоженным.

Бэйли подошел к шару экрана. То, что он там увидел, заставило его ущипнуть себя и чертыхнуться:

— Будь я трижды проклят!

Корабли противника выстроились в порядок, изображавший на фоне бескрайней Вселенной слова на языке Терры: "Добро пожаловать на Лифф!"

ГЛАВА XXV

— Конечно, как только мы увидели вас на экранах радаров, то сразу поняли, что это — флот Федерации, и решили преподнести вам маленький сюрприз.

Так Джон Харлен объяснял случившееся капитану Бэйли двенадцать часов спустя.

— Еще парочка подобных сюрпризов, и я кончусь. Такие шуточки, когда с каждой стороны вовлечена не одна сотня боевых кораблей, это для меня уж слишком. Да, кстати, откуда вообще взялись эти корабли? Мне представлялось, что на этой чертовой планете цивилизация вообще находится в зачаточном состоянии.

— Да, именно так и было в действительности, но лиффане очень быстро все познают. Они построили этот флот буквально из ничего всего за три года.

— Нет, это просто какая-то фантастика!

— Э-э, да вы не знаете еще и половины всего. До самого сегодняшнего утра мы даже не подозревали, что у них есть такой флот — как по количеству кораблей, так и по их вооруженности. Им удалось создать все это, даже не ставя нас в известность.

— А почему такая секретность?

— Собственно, никакой секретности я в этом не вижу. Просто мы не сомневались, что они обязательно должны повторить весь пройденный человечеством многоступенчатый процесс от примитивных ракет к более сложным образцам, а уже потом к космическим кораблям как таковым. И именно такой путь старались им навязать. И у нас даже в мыслях не было, что они обойдут стороной весь привычный для Федерации процесс развития. Неудивительно поэтому, что мы не заметили никаких признаков создания таких сложных систем, с использованием, кстати сказать, неоткрытых пока в пределах Федерации законов.

— Да, все это выглядит весьма странно.

— Но как бы там ни было, это справедливо. И я очень доволен, что лиффане наши союзники.

* * *

Хард Гар-Олнин Саарлип страдал из-за противоречий между двумя принципами лояльности. Он знал, что вскоре Лиффу будет сделано официальное приглашение вступить в Терранскую Федерацию. Как премьер-министру, ему, вне всякого сомнения, предстоит возглавить делегацию Лиффа на переговорах; таким образом, будущее планеты — в его руках. И главная его обязанность — добиться, чтобы достигнутое соглашение не противоречило интересам Лиффа.

С другой стороны, он являлся также и членом Федерации. Хард очень хорошо помнил событие, произошедшее

семь лет назад, когда он принял присягу на верность Федерации. И если бы не Федерация, он до сих пор был бы самым заурядным уголовником; возможно, что к данному моменту его бы даже казнили. Таким образом, всем, чем он сейчас обладал, в том числе и нынешним высоким постом, он был обязан Федерации.

И если вдруг в процессе переговоров возникнет вопрос, по которому позиции Федерации и Лиффа не совпадут, то какую сторону он должен принять? И если вдруг ему придется пренебречь интересами одной стороны в пользу другой, то кого ему следует предать в таком случае? Или, возможно, есть какой-то способ обойти конфликт вообще?

Как долго ни думал Хард над этой проблемой, выхода он так и не нашел. Наконец он оставил свои бесплодные раздумья и обратился к Патриарху с вопросом, как ему быть.

Его Преосвященство Патриарх и Отец Отцов четко толковал ему, как поступать.

ГЛАВА XXVI

В течение месяца, пока ученые разбирались с кораблем Мигрантов, флот Федерации находился на земле. Многие офицеры переквалифицировались на это время в преподавателей, обучая лиффан сложному искусству ведения войн в космосе, а рядовые были предоставлены самим себе и праздно слонялись по Лиффдарту и близлежащим селам.

Район города с красными фонарями переживал свой самый значительный экономический бум за всю историю планеты, и маленькие сестры настолько разбогатели, что смогли создать свою собственную гильдию — Гильдию Развлечений. Мать Бальния, например, вскоре оказалась самой богатой женщиной Лиффа, что стало поводом для парламентского расследования, которое захлебнулось в потоке гомерического смеха после того, как в своем эксклюзивном интервью самой популярной на Лиффе газете “Кроникл”, Бальния, не упуская ни малейшей пикантной подробности, поделилась с хроникером о том, как подкупала каждого члена комиссии по расследованию ее, Бальнии, деятельности.

Лиффанский Флот был официально аттестован как Королевский Лиффанский Космический Флот — сразу же, как только Король Остард, генерал Гарт, капитан Бэйли и Джон Харлен засвидетельствовали, что он может самостоятельно вести любые межпланетные войны. Впервые за всю историю Лиффа генерал Гарт стал адмиралом Гартом.

Представители флота Федерации особенно заинтересовались необычными силовыми установками и системами оружия, которые были разработаны для КЛКФ.

— Во многих отношениях эти парни намного опередили нас. И я нисколько не удивлюсь, если завтра они создадут оригинальный образец сверхсветового двигателя. Собственно, я точно так же не удивлюсь, если вдруг станет известно, что они уже создали ССД и используют его для чего-то другого. Да, нам действительно повезло, что они на нашей стороне.

Это был месяц идилий, которые изредка прерывались обычными трениями, всегда возникающими там, где появляется много молодых, упакованных баксами парней, слоняющихся без дела в незнакомом городе. Несколько таких праздношатающихся, нахлебавшись несколько выше меры лиффанского вина, шумной гурьбой ввалились в Храм; другие попали в неприятную ситуацию, ошибочно приняв благопристойных женщин за маленьких сестер; иногда случались и драки, но чаще — мелкие стычки. Но в общем лиффане и федералисты не имели особых претензий друг к другу.

К концу месяца прибыл курьер с Терры, который привез все необходимые аккредитационные документы, свидетельствующие, что Джон Харлен назначается Чрезвычайным и Полномочным Послом Федерации на Лиффе.

— Ну как я могу быть послом, доктор? Ведь я ничего не понимаю в дипломатии.

— Не забывайте, Харлен, что вы — национальный герой, — объяснил доктор Джеллфт. — И вам вовсе не нужны какие-то особые познания в области дипломатии. Дипломатия — это всего лишь тормоз, паллиатив, мешающий истинно человеческому взаимному доверию. В сложившейся ситуации направить на Лифф дипломата было бы просто оскорблением для местных властей.

— В вашей аргументации присутствуют значительные изъяны.

— Изъяны бывают всегда и везде. Ну и что из этого? Вы все равно являетесь более подходящим кандидатом на пост посла, чем любой профессионал со значительным дипломатическим стажем. И мне все равно, имеются ли в моих объяснениях изъяны, поскольку сам факт остается фактом, и от этого никуда не уйти.

Первым официальным актом посла Джона Харлена после вручения верительных грамот было приглашение Лиффа вступить в состав Федерации. Король Осгард ответил в нескольких словах что-то о торговых соглашениях, взаимных пактах о ненападении, о культурном обмене и прочих обычных в таких ситуациях вещах. Вторым официальным актом посла Джона Харлена явилось планирование серии саммитов для обсуждения торговых отношений и т. п.

Этот месяц мира был внезапно прерван появлением в поле зрения космической обороны Лиффа Мигрантов.

ГЛАВА XXVII

Когда его нащупали радары, флот противника был в трех днях хода от Лиффа.

— В этом флоте, по крайней мере, тысяча кораблей, — встревоженно сказал адмирал Гарт. — Они выглядят на экране как мухи, роящиеся вокруг головы далбера.

— Тысяча у них и пятьсот у нас, — спокойно ответил ему капитан Бэйли. — С учетом того, что мы имеем преимущество в три дня, соотношение сил примерно равное.

Флот пришельцев действительно напоминал рой мух у головы далбера. В тот первый день, когда их обнаружили, пришельцы представляли собой практически идеальную цель.

Лиффане нанесли удар первыми. Применяв лучи Пресора дальнего действия, они заполнили пространство на пути флота противника минами и термоядерным оружием, которое предоставил флот Федерации. Тысячи лиффан наблюдали в телескопы за развитием этого первого удара, и те выкрики восторга, которые вызывал каждый новый взрыв, были слышны буквально по всей планете. И когда после дюжины таких взрывов, Мигранты изменили порядок строя с тем, чтобы рассредоточиться и занять по возможности больший объем пространства, по планете прока-

тилась волна возмущения, такая же мощная по силе, как и предыдущие возгласы восторга.

Тем временем, Королевский Лиффанский Космический Флот занял позиции за внешними пределами Лиффанской планетной системы.

— Игра войны заключается в том, — не устал объяснять Джон Харлен каждому, кто соглашался слушать его, — что сильнейшим ударом является атакующий; но сильнейшей позицией является оборонная. Очень важны внезапность, преимущества собственной территории, атака с нескольких направлений, и в данном случае вся эта троица работает на нас. Что же касается преимуществ на стороне противника, то они ограничиваются лишь превосходством в боевой мощи, и нам потребуется всего несколько внезапных атак, чтобы изменить этот перевес в нашу пользу.

Война — это игра, такая же игра, как и шахматы. Как и в шахматах, на войне игроки имеют свои излюбленные ходы. Самой верной оценкой эффективности первого хода являются контрдействия противника. В данном случае в качестве ответного хода, который предприняли Мигранты, была массированная атака со множеством снарядов в сторону Лиффа.

Лишь немногие из этих снарядов прорвались сквозь внешнее кольцо обороны лиффан. Большинство удалось вывести из строя еще на подходе к кольцу, причем совершенно без красочных взрывов и тому подобных вещей, а самыми простыми камнями, палками, обрубками металла и прочим мусором; весь этот мусор был выведен на пути подхода снарядов противника лучами Прессора. Некоторые снаряды лучи Прессора отклонили от маршрута и возвратили на корабли, из которых они были запущены. Что же касается тех снарядов, которым удалось прорваться сквозь оборону, ощутимый ущерб они нанесли только в одном или двух случаях. Плотность населения на Лиффе очень низка, и даже если бы все снаряды попали на его поверхность, последствия не были бы катастрофическими. Единственное прямое попадание пришлось на Сполниендарт — небольшое сельскохозяйственное поселение у подножья Северных гор. Конечно, город был разрушен до основания, и все его полторы тысячи жителей погибли, но потери со стороны противника были куда более значительными; к тому же, он располагал гораздо меньшими ресурсами.

Хотя постоянные бомбардировки планеты продолжались и на следующий день, общее состояние духа лиффан было вполне оптимистичным. В народе стало популярным выражение "Мы выбьем этих проклятых Матерью отродий далберов из обетованного Матерью неба".

Но настроение тех, кто непосредственно защищал планету, заметно ухудшилось на следующий день. Дело в том, что очень скоро стало очевидным, что предварительные оценки огневой мощи противника весьма расходились с реальностью. Оказалось, что у Мигрантов насчитывалось не тысяча кораблей, а около двух тысяч. При приближении в полдень флота к Лиффу угроза стала настолько осязаемой, что Джон Харлен перешел к выразительным, хотя и бесполезным лозунгам. Тот факт, что несмотря ни на мины лиффан, ни на их собственные развернутые на сто восемьдесят градусов ракеты противник и не подумал изменить курс в сторону Лиффа, единодушно расценивался как злобный признак.

Передовой отряд кораблей противника достиг пределов планетной системы наутро третьего дня. Он состоял из трехсот разведывательных кораблей.

Разведчики беспрепятственно пересекли орбиту Большой Сестры, самой дальней планеты, не обратив внимания на то, что за Большой Сестрой прячется сотня легких крейсеров.

Следующая планета по направлению к Материнскому Глазу была Малая Сестра — беспорядочное нагромождение скал, за которыми прятались пятьдесят кораблей-охотников. Малая Сестра находилась прямо по курсу кораблей-разведчиков, но вместо того, чтобы изменить курс, разведчики уничтожили планету, забрасывая ее бомбами до тех пор, пока от Малой Сестры не осталось ничего, кроме облака не связанных между собой нонов, через которое корабли прошли без задержки.

Адмирал Гарт пребывал в задумчивости.

— Почему они уничтожили Малую Сестру? — спрашивал он. — Почему они не обогнули ее? Что они за люди?

Разведчики двигались дальше, пройдя орбиты еще четырех планет, уничтожая все, что попадалось на их пути, но не обращая никакого внимания на то, что находилось в стороне от маршрута; они шли, не снижая скорости. А вслед за ними шел основной флот противника.

И вот наконец, когда основной флот вошел в систему, а разведчики пересекли орбиту Бедной Сестры, все вокруг разразилось крошечным адом. Расположенные на Бедной Сестре установки Прессора-Трактора посеяли хаос среди разведчиков, разрушив их боевые порядки вплоть до прямых столкновений между ними.

Сорок лиффанских кораблей с энтропийными установками на борту атаковали разведчиков с тыла, превращая энергию их двигателей в инертное олово и обрекая весь отряд на неподвижность и беспомощность. Ракеты, пущенные с кораблей Федерации, довершили разгром, и последующие три часа планета Лифф освещалась двумя солнцами — Материнским Глазом и догорающими кораблями-разведчиками.

Тем не менее, главные силы флота Мигрантов прошли мимо Большой Сестры, не снижая скорости.

Когда размер не только самого флота Мигрантов, но и тактико-технические данные входящих в него кораблей стали очевидны, тревога защитников перешла в откровенное отчаяние.

— Боже мой, вы только посмотрите на эти чудовища, — не переставал сокрушаться капитан Бэйли. — И их почти две тысячи.

Типовой корабль Мигрантов — корабли-разведчики не были типовыми — был в длину приблизительно полторы мили, остальные его размеры соответствовали длине. У каждого корабля имелись угловатые выступы, которые явно являлись укрытием для орудий. Во всем флоте, не считая кораблей-разведчиков и вспомогательных судов, не было ни одной прямой линии.

— Одно совершенно ясно, — резюмировал Джон Харлен. — Эти корабли созданы не для того, чтобы где-то приземляться. Любая разновидность атмосферы разорвет их на части, и по всему видно, что они просто не выдержат гравитации. Интересно... — озаренный внезапной догадкой, Джон помчался в центр гражданской обороны Лиффа.

— Конечно, это возможно, — ответил ему командующий центром. — Но какова ваша цель?

— Это не может нанести вреда, не так ли?

— Нет, я не думаю, чтобы это могло нанести какой-то вред.

Совместным планом флота Федерации и Королевского Лиффанского Космического Флота предусматривалось на-

нести удар по флоту пришельцев с тыла после пересечения им орбиты Большой Сестры, однако от этого плана пришлось отказаться, поскольку стало ясно, что к тому времени, когда последний корабль противника пересечет орбиту Большой Сестры, передовые корабли уже приступят к атаке Лиффа.

— У нас нет шансов на победу, — капитан Бэйли был уже на грани истерики. — Их слишком много. Они слишком велики. Они... А, что толку говорить. Мы просто не в состоянии осилить их.

— Возможно, вы правы, — согласился с ним адмирал Гарт. — Но даже если мы не сможем одолеть их, у нас есть шанс героически погибнуть. Сейчас я отдаю приказ об атаке, и к Матери весь намеченный план.

Флот защитников вышел из укрытий, в которых прятался. Его орудия сияли, как только что родившиеся звезды. Противник, все еще не принявший никаких мер к изменению курса или к снижению скорости, ответил на это таким обстрелом, что, казалось, само небо превратилось в смерть и разрушение. За десять минут сражения потери с каждой стороны составили, по крайней мере, по сто кораблей.

— При таком темпе они уничтожат нас в ближайшие тридцать минут, — мрачно констатировал Бэйли. — А нам, чтобы их уничтожить, требуется целых три часа. Боже мой, что там происходит на Лиффе?

Лифф в это время претворял в жизнь задумку Джона Харлена. Каждый луч Прессора, который только был на планете, направлял в космос непрерывный поток металлических цилиндров, разрывавшихся задолго до того, как достигал вражеского флота.

— Оборона до последней капли крови, — с гордостью прокомментировал адмирал Гарт. — Лифф либо будет жить, либо умрет сражаясь. — Он высморкался, покраснел, затем продолжил: — Сегодня Мать может гордиться своими сынами. Лиффанский народ всегда будет... Мать! Посмотрите вон туда!

Корабли противника один за другим растворялись в облаках желтого пламени.

— У нас на вооружении нет ничего, что могло бы произвести такой эффект, — возбужденно воскликнул Бэйли.

— У нас тоже, — прокричал Гарт.

Флот противника стремительно рвался вперед. При достижении орбиты Бедной Сестры каждый корабль превра-

щался в пламя. Но все же флот не прекращал своего упорного движения. На протяжении восьми часов, пока защитники стояли и наблюдали, огромные корабли Мигрантов врезались в яркое желтое пламя, из которого ни одному из них не удалось вырваться.

— Это просто какое-то чудо, — прошептал Бэйли.

Адмирал Гарт объяснил все очень просто:

— Желтое — цвет Матери.

ГЛАВА XXVIII

— Да, все было действительно очень просто, — объяснил Джон на следующий день. — Как только я понял, что большие корабли не предназначались для входа в атмосферу, то вспомнил, что произошло с кораблем, когда к нему внутрь попала атмосфера. Те цилиндры, которые мы направили навстречу пришельцам, были наполнены не чем иным, как сжатым воздухом, вот и все. Мы привязали к цилиндрам гранаты, и когда они взорвались, из цилиндров вырвался наружу чистейший воздух Лиффа. И когда корабли стали входить в это облако, они просто окислились. Все так просто.

— Да, но у вас не было никакой уверенности, что это сработает, — заметил Бэйли.

— Правильно, но не было и доказательств того, что оно не сработает; и, поскольку мы все равно проигрывали и терять нам было нечего, то имело смысл попробовать.

* * *

— Сейчас? — спросил кто-то Патриарха.

— Почему бы и нет? Сейчас самое время.

— Сразу же после битвы?

— Конечно. Все выглядит так, как будто сама Мать обещает нам успех.

* * *

Празднование победы длилось пять дней и ночей. Были проведены процессии и религиозные церемонии с довольно сложным сценарием, показательные выступления представителей обоих флотов, гала-концерты старинной и современной музыки, не говоря уже о грандиозных по размаху банкетах, во время которых все были пьяны; на улицах

продолжались нескончаемые танцы; кругом царили смех и радость.

Самым грандиозным событием празднеств явился банкет в честь флота Федерации, который состоялся вечером пятого дня. Этот банкет, устроенный в амфитеатре Храма, привлек к себе буквально всех, кто только мог на нем присутствовать. Небольшая группка космофлотцев вынуждена была, правда, нести вахту, зато все остальные члены экипажей кораблей Федерации прибыли в громадный амфитеатр.

— Знаешь, что мне все это напоминает? — спросил Пиндар Смит, указывая на танцующих между столами маленьких сестер.

Доктор Джеллффт оторвался от кабноновой ноги, которую с наслаждением обгладывал, и сказал:

— Я еще закушу. Так что все это тебе напоминает?

— Римские оргии, вот что.

— Пожалуй, нет, — вмешался Джон. — Лифф является чересчур пуританским для этого. Посмотри на всех этих священников и их прислужников на балконах. Мать не одобрила бы римские оргии, и поэтому они не допустят ничего подобного.

У одного из столов возникло какое-то замешательство. Слышались грубый мужской голос, девичий крик.

— Вот пожалуйста — кто-то еще считает, что находится на римской оргии, — прокомментировал Анстар.

— Он слишком пьян, чтобы вообще что-либо считать, — возразил Джон.

— Покоже, он положил глаз на эту танцовщицу, — добавил Смит.

— А вот и священник — тут как тут! — с триумфом в голосе объявил друзьям Джон. — Оргий на Лиффе просто не бывает. Мать их не одобряет.

Банкет грозил затянуться до бесконечности. Одно только угощение длилось больше трех часов — с тостами, речами и выступлениями артистов в перерывах между подачей бесчисленных блюд. А после этого началась самая настоящая попойка с соответствующими речами. Всем желающим была предоставлена возможность выступить с речью, а тех, кто не желал выступать — капитан Бэйли и Джон Харлен, например, — просто вынуждали. Даже пьяный матрос, который до этого приставал к танцовщице, и тот выступил с речью.

Бэйли начал свою речь так:

— Как вы все знаете, этот банкет является одновременно как праздничным, так и прощальным. Завтра после обеда мы возвращаемся на Терру. — (Шум голосов) — Наша миссия завершена и даже более чем завершена. Мы прибыли сюда, чтобы обследовать один корабль противника, а остались, чтобы уничтожить весь флот. А теперь самое время лететь домой.

Последнюю речь произнес премьер-министр Лиффа, Хард Гар-Олнин Саарлип. Это была самая краткая речь за весь вечер:

— Мне хотелось бы привлечь ваше внимание, уважаемые господа, — начал он, — к тому факту, что на балконах сейчас находятся Первый и Второй дивизионы Гвардии Матери, а двери заблокированы Третьим и Четвертым дивизионами. В соответствии с указом Короля Осгарда Гар-Осгарднина Осгарда и во имя Сокровенного Имени Матери я подвергаю вас аресту. С вами будут корошо обращаться, но любые попытки сопротивления будут безжалостно подавляться.

Сделав такое объявление и избегая встречаться взглядом с Джоном Харленом, Хард покинул амфитеатр.

* * *

У караула, охранявшего в тот вечер корабли флота Федерации, настроение было прескверное. Огни амфитеатра, где происходил банкет, были хорошо видны с загородного холма, на котором размещался флот. К тому же, время от времени, порывы ветра доносили звуки веселья, что было особенно невыносимо.

Один из сержантов чувствовал себя особенно подавленным:

— Как это так, — выражал он свое возмущение вахтенному офицеру, молодому лейтенанту Флота. — Почему они не сменяют нас, ведь мы уже отдежурили свои положенные шесть часов? Пусть бы мои ребята хоть к концу банкета успели.

Лейтенант пожал плечами:

— Давайте смотреть на вещи трезво, сержант. После шести часов зарядки, которая происходит там, — он показал рукой в сторону амфитеатра, — вряд ли найдется хоть один, кто вспомнит о нас.

— Но есть еще и другое, — возразил сержант. — Какого черта мы вообще охраняем эти проклятые корабли, да и от кого?

— Вы неправы, сержант. — Лицо лейтенанта приняло строгое выражение. — Мы охраняем эти корабли на Терре, мы охраняем их даже на Лунной базе, поэтому нет никаких причин, чтобы отказаться от их охраны здесь, на Лиффе.

Их дискуссию, которая могла длиться до бесконечности, прервал внезапный стук в дверь. Когда сержант отворил ее, в караульное помещение игриво впорхнула стайка маленьких сестер.

— Нас направил сюда премьер-министр Хард, — заявила одна из девиц, — позаботиться о том, чтобы вы, мальчики, не скучали здесь в одиночестве, — с чарующей улыбкой закончила фразу другая.

Со стороны можно было заметить, если бы только нашелся кто-то желающий следить за происходящим, — что когда после очередного обхода стартовых позиций ракет караульный заходил для десятиминутного отдыха в караульное помещение, то обратно на пост уже не возвращался. Можно было заметить также, что звуки, доносившиеся из караульного помещения, становились все громче и оживленнее. И в конце концов, на постах вообще не осталось ни одного караульного — все весело проводили время в караулке.

Через десять минут после того, как последний караульный зашел в караульное помещение, послышался еще один стук в дверь. Когда ее отворили, вошел мужчина в форме майора Гвардии Матери.

— Это адание окружено дивизионом Гвардии Матери, — объявил он. — По указу Короля Осгарда Гар-Осгардниена Осгарда и Сокровенным Именем Матери вы арестованы. Ради Матери прошу вас не сопротивляться, мы никому не причиним зла.

* * *

— Это моя ошибка, — продолжал сокрушаться Джон. В амфитеатре было уже темно.

— Да разве ты мог вообще предусмотреть такое? — Анстар Соренштайн делал все возможное, чтобы хоть как-то успокоить Джона, но это никак ему не удавалось.

— Да, я чувствовал. Вот это-то и беспокоит меня больше всего. Ведь обо всем этом четко сказано в “Книге Гарта Гар-Муйена Гарта”. Я знал об этом все время, но ничего не сделал, чтобы предотвратить это вероломство.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Мать их, вот что я имею в виду. Она хочет собрать вместе всех своих детей. И еще она хочет, чтобы кто-то заставил их хорошо себя вести. Религия Лиффа евангелическая по своей сути, и мы своими руками внесли вклад в первый межзвездный крестовый поход. И я знал об этом все время и не признавал того, что знаю. Проклятье!

Успокоить Джона Харлена было невозможно.

***

Перед стартом Патриарх лично благословил каждое судно, Король Осгард произнес напутственную речь.

— Весь Лифф восхищен вами, — сказал он. — Фактически, весь Лифф завидует вам. Каждый посчитал бы за честь быть вместе с вами и выполнять благородную миссию — распространять Слово Матери среди неохваченных Ее благодатью чад. Но Воля Матери такова, что мы, выполняя свою задачу, должны остаться здесь, в то время как вам предстоит продвигаться в глубь космоса, обращая язычников в истинную веру и оставляя на своем пути Места Успокоения. Вперед же, воины, и помните, что весь Лифф молится за вас.

Затем храмовый хор спел национальный гимн. Последний его куплет был заглушен ураганным шумом двигателей. Корабли стартовали.

— Знаешь ли, — сказал Король Осгард, — мне никогда по-настоящему не верилось, что это когда-либо сбудется.

— С учетом этого вы сработали неплохо, — ответил Патриарх.

— Фактически во всем этом твоя личная заслуга. Я никогда бы не додумался спровоцировать восстание против себя самого. Если бы мне пришлось планировать эту часть операции, я избавился бы от знати, подняв восстание против нее, а не против себя. С такой светлой головой как у тебя, Мать должна быть счастлива.

Патриарх улыбнулся.

ГЛАВА XXIX

— Шифровка от Джона Харлена с Лиффа, сэр! — доложил адъютант.

— От Харлена? С Лиффа? Невероятно! Ведь сейчас не время для чая. Все докладные с Лиффа по-

ступают только во время чаепития. Ты уже должен был бы усвоить это.

— Так точно, сэр!

— Я просто шучу, Гарри. День сегодня был долгим и тяжелым. Ах, да, чуть не забыл — эта шифровка. Не стоит беспокоиться, Гарри. Давай ее сюда. Я прочту ее по дороге домой.

Он записнул шифровку в карман и быстро забыл о ней. И только поздно вечером, собираясь ложиться спать, он вспомнил наконец о ней, вынул из кармана и...

— Что за чертовщина! — выкрикнул он.

В шифровке говорилось буквально следующее: "Ведите себя хорошо, детки. Ваша Мать идет за вами".

— Что-то случилось, дорогой?

— Нет, ничего. Просто один лейтенант глупо пошутил.

***

Когда он проснулся на следующее утро, небо было сплошь черным от кораблей.

ДЖОН БРАННЕР

НЕБЕСНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

JOHN BRUNNER

**SANCTUARY
IN THE SKY**

1960

ГЛАВА I

Смахнув одной рукой пылинку со своей безупречной пурпурной униформы, поправив другой рукой фуражку с кантом, Викор быстрым шагом завернул за угол коридора для пассажиров первого класса и едва не сбил с ног Каподистро Ференца.

С опозданием Викор узнал его. Он отступил на шаг назад и скрестил руки на груди, склонив голову в знак почтения. Все существо его кипело от негодования, но именно так должен был вести себя майко в присутствии кэтродина — тем более, что этот кэтродин был офицером и привык к повиновению со стороны подчиненных рас.

— Ха! — воскликнул Ференц и со свистом взмахнул в воздухе тростью, служившей частью его костюма. — Куда это ты идешь, неуклюжий олух?

— Экраны стали фиолетовыми, благородный господин, — сказал Викор. — Я должен сообщить благородным пассажирам, что мы вот-вот прорвемся обратно в нормальное пространство.

— Хм. Ты этого, надо полагать, не ждал, а?

Викор с усилием глотнул и заставил себя держать голову опущенной. Он видел только начищенные до блеска ботинки Ференца, штанины его брюк и кончик трости, которой тот постукивал по ботинку.

— Я глуп, благородный господин, — выдавил из себя Викор. — Но я этого ожидал. Я проработал стюардом на маршруте уже тридцать рейсов.

— В таком случае ты должен был четко изучить свои обязанности и выполнять их не торопясь, а не высказывать из-за угла.

Ференц поправил трость и прошел мимо Викора к салону внешнего обзора.

Викор поднял голову и посмотрел вслед высокому кэтрородину, чьи напояженные волосы правильными волнами ниспадали из-под фуражки.

Настанет день...

Викор с трудом заставил себя успокоиться и вытер лицо изнанкой длинных, до локтей, белых перчаток. Пожалуй, хорошо, что Ференц не стал его ни о чем расспрашивать. Викор опаздывал почти на три минуты, и ему было бы трудно в случае необходимости объяснить причину опоздания любому кэтрородину.

Он расправил плечи, чтобы форменная куртка легла поудобнее и направился вдоль по коридору, обе стороны которого пестрели дверями кают. Каюта номер один была, разумеется, пуста — она принадлежала Ференцу. Викор начал с каюты номер два, располагавшейся по противоположной стороне.

— Это стюард, господин. Экраны стали фиолетовыми. Если вы хотите наблюдать прорыв, вам следует пройти в салон обзора.

Вторую каюту занимал Лигмер, археолог, любящий поспорить молодой человек из Кэтроринского Университета. Кэтрородины и их соперники паги придерживались совершенно отличных друг от друга мнений по поводу Станции, соглашаясь только в одном: кто бы ее ни построил, нынешние владельцы занимают ее не по праву.

Из третьей каюты его поблагодарили неуверенным девичьим голоском. Это была миссис Икида с Лубаррии. Она направлялась на Станцию, чтобы присоединиться к своему мужу. Обычно Викор был подобострастен и подчеркнуто вежлив с лубаррийцами на этом маршруте, особенно в присутствии кэтрородинов. Но миссис Икида предоставила ему для этого мало возможностей — большую часть времени она пряталась в своей каюте, а когда появлялась в обеденном салоне, то никогда не поднимала покрасневших, опухших от слез глаз.

Она вышла из каюты, и Викор бросил на нее оценивающий взгляд. Как видно, близость Станции развеяла тучи ее горя. Глаза женщины блестели, походка была грациоз-

ной. Вкусы Викора в отношении женщин отличались сильным национализмом, но эта длинноногая блондинка с Лубарри затронула его чувства.

Он постучал в четвертую каюту, сделав себе мысленный выговор.

Из-за двери, как он и ожидал, донесся резкий и пронзительный звериный вопль, прерванный приказом. Акцент человека, отдавшего приказ, Викор так и не смог распознать. Это был Ланг, успокаивавший маленькую пушистую черную зверюшку, с которой он не расставался ни на миг, приносил ее даже в обеденный салон и кормил из собственной тарелки.

Ланг был главной загадкой этого рейса. Он был слишком приветлив — даже, можно сказать, доступен для общения — для пассажира первого класса, принадлежащего кэтродинам лайнера. Значит, сам он наверняка не был кэтродином. Но он не принадлежал и к пагской стороне Станции; среди них не было никого, кроме самих паг, элчмидов и, разумеется, глейсов. В том направлении в радиусе ста парсеков было только четыре звезды, из которых четвертая была пульсирующей переменной и периодически выжигала свои планеты дотла.

Следовательно, он прибыл откуда-то со стороны кэтродинов. Откуда-то очень издалека, поскольку Викор даже после внимательных и осторожных косвенных расспросов так и не смог выяснить, откуда именно.

И это несомненно вдохновляло. Сердце Викора забилось быстрее, когда он понял, что это значит. Он не удержался и поделился своим открытием с другими членами команды. Конечно, новость разнеслась мгновенно, и теперь даже офицеры испытывали к Лангу почтение.

Теоретически возможно переходить с корабля на корабль, с рейса на рейс и облететь большинство известных планет в галактике за несколько лет. Но было принято, что никто не удаляется от своего родного солнца настолько, чтобы потерять его из виду. Это не считалось обязательным законом, но неоднократно подтверждалось: ни у кого не возникало желания углубляться дальше, как только солнце превращалось в искорку на пределе видимости.

Что делало Ланга исключением из правила. Викор установил наверняка, что тот не происходит ни из одной из звездных систем, видимых с Кэтродина, Майкоса, Лубарри или со Станции. Совершить такое путешествие! Это

извиняло даже его любимца-зверька, который раздражал всех своим твяканьем.

Пятую каюту занимал священник Дардано — толстый и не слишком приятный человек, но, скорее всего, не лучше и не хуже остальных своих собратьев. Он был священником государственной религии Кэтродина. На Кэтродине ее больше не придерживались, но несколько столетий назад ее насильно ввели на Лубаррии, и сейчас она имела там своих приверженцев. Викор подозревал, что миссис Икида входит в их число. Он видел, что священнику удалось по меньшей мере один раз вовлечь ее в разговор, тогда как все остальные потерпели неудачу.

И шестая каюта: офицер с Пагра, которая возвращалась из посольства на Кэтродине. Она настояла, чтобы ей дали каюту напротив Ференца. Вот и все. Викор развернулся на каблуках и направился в салон внешнего обзора, зайдя по дороге в каюту казначея, и сообщив ему, что все пассажиры первого класса предупреждены о переходе. Казначей был бывалым служакой; он совершил больше сотни рейсов, и теперь фиолетовый цвет экранов вызывал у него только вздох разочарования от того, что пришлось прервать игру в кости с приятелями.

К тому времени, как Викор добрался до салона, все уже были там, даже офицер с Пагра, которая сидела в одиночестве в самом дальнем от обзорного иллюминатора углу. На ней была туника, украшенная драгоценными камнями и сапоги выше колен. Она похлопывала по золотой рукояти своего церемониального меча. Ногти ее поблескивали металлом.

Священник Дардано расположил свое рыхлое тело в мягком кресле и подоткнул желтое с белым одеяние так старательно, словно упаковывал ценную реликвию для перевозки в удаленный храм. Затем он окинул взглядом собравшихся и озарил улыбкой миссис Икиду, показав отличные зубы.

Она сидела, подавшись вперед, и смотрела на синеву в обзорном иллюминаторе. Губы ее шевелились, словно она беззвучно молилась, чтобы переход был уже позади, и на экранах и в иллюминаторе появилась Станция. На ней была простая лубаррийская одежда из полосы ткани темно-красного цвета и сандалии.

Кроме нее, единственным человеком, кого волновал приближающийся переход, был археолог Лигмер. Спокой-

ствие давалось ему с большим трудом. Его тонкие пальцы барабанили по подлокотнику кресла, взгляд беспокойно блуждал по сторонам.

Ланг составлял с ним полнейший контраст. Он был спокоен и машинально поглаживал шерсть лежащего на его коленях зверька.

Ференц, забавляясь, переводил взгляд с Лигмера на Ланга.

— Явно видно, кто из вас двоих видел все это прежде, — сказал он и усмехнулся Лангу.

Сияющие серые глаза Ланга чуть расширились. Он дернул правым плечом, отбрасывая назад просторную блузу.

— Вы ошибаетесь, офицер Ференц, — мягко сказал он. — Я до сих пор не видел эту, как ее называют, Станцию.

— Оборот речи. Подразумевая тех, кто ничему не удивляется, мы говорим "они видели все это прежде".

Лигмер, запоздало сообразив, что замечание Ференца касалось и его тоже, покраснел и свирепо уставился на офицера.

— Сложно делать вид, что Станция не производит впечатления. Даже незначительное проникновение в ее потрясающие тайны открывает, что она еще более удивительна, чем о ней принято думать. /

Он положил ногу на ногу, скрестил руки и стал неотрывно смотреть в обзорный иллюминатор, где теперь все было оранжевым.

— Благородные дамы и господа, — сдержанно произнес Викор. — Переход будет завершен через несколько секунд.

До сих пор Ференц не знал, что Викор находится в салоне. Он узнал голос стюарда, повернул голову, поднял бровь, пытаясь сообразить, откуда он раздался. Прежде чем он завершил движение, в обзорном иллюминаторе появилась Станция.

Лигмер был прав. Викор видел это зрелище больше тридцати раз, тем не менее, по телу его побежали мурашки.

Станция! Кто создал ее? Лигмер и его коллеги пытались найти ответ на этот вопрос, но до сих пор не смогли. Как давно? Тот же результат. С какой целью? Снова нет ответа. Но вполне вероятно, что Станция предназначалась для того, для чего служила и сейчас.

Диаметр ее измерялся в милях. Огромный искусственный планетонд, окруженный грузовыми кораблями, лайнерами и даже легкими прогулочными суденышками. Драго-

ценность, сияющая в пустоте тысячами граней, как бриллиант, вышедший из рук искусного ювелира. Приз, к которому многие стремились, а кое-кто и получил.

Корабль прилетел со стороны звездного рукава, где правила Федерация Кэтродинов. Кэтродин, Майкос и Лубаррия были тремя входившими в нее планетами. По другую сторону Станции располагались звезды Пагского Союза — Пагр и Элчмида. Посредине меж двух групп находилась Станция, а также люди Глей.

Глейсы никогда не заявляли, что построили станцию, но они нашли ее первыми. Обеим сторонам — и пагам, и кэтродинам, — нужен был Глей с его богатым текстильным производством, высокопроизводительной добычей редких полезных ископаемых, развитой промышленностью. Но обеим сторонам еще больше нужна была Станция. А глейсы ей владели.

Тупик. Две группы, обладающие большой властью, должны были униженно склоняться под диктатом глейсов. Поэтому подчиненные расы обоих союзов смотрели на глейсов как на чудотворцев. В силу всех названных причин Станция была средоточием больших потенциальных неприятностей и насилия.

Это знал каждый. Теперь все было лишь вопросом времени.

ГЛАВА II

В салоне наблюдений долго царила тишина. Наконец ее нарушила миссис Икида, которая вздохнула так глубоко и громко, что этот звук, несмотря на мягкую обивку стен, казалось, разбудил в комнате эхо. Ференц искоса глянул на нее и фыркнул. Викору было очевидно, о чем думает кэтродин: не стоило проявлять столько стараний ради какой-то лубаррийки, женщины подчиненной расы.

Но так потребовали глейсы, а поскольку глейсы были хозяевами Станции, их требование выполнили.

Икида, муж этой женщины, был членом экипажа военного корабля кэтродинов, который схватился с пагским военным крейсером где-то далеко в рукаве галактики. Его, дрейфующего в одном скафандре, подобрал в открытом космосе грузовик глейсов. Сейчас лубарриец был предме-

том длинного и запутанного спора между пагами, которые заявляли свои права на него, как на военнопленного, и кэтродинами, которые в действительности не очень беспокоились судьбой какого-то там лубаррийца, но не могли допустить подобный прецедент. Официально, разумеется, лубаррийцы — равно как и майко, народ Викора, — находились под “защитой” кэтродинов.

Огромная сфера Станции приближалась, заполняя собой иллюминатор. Викор отвел взгляд от миссис Икиды и посмотрел на других пассажиров.

— Вы правы, Лигмер, — вежливо и нетромо сказал Ланг. — Я вполне могу представить, как такое потрясающее творение по мере знакомства с ним впечатляет все сильней и сильней. У вас... мм... непосредственный интерес к Станции?

— Это моя специальность, — кратко сказал Лигмер. — С археологической точки зрения это самый увлекательный предмет на сотни парсеков вокруг.

— Археология!

Неожиданное саркастическое восклицание прозвучало со стороны высокой женщины-офицера с Пагра, из дальнего угла салона.

— Какое прекрасное, респектабельное название для профессии, которая старается угодить и нашим, и вашим!

Лигмер вытянул шею, ошеломленно разглядывая присутствующих. Он пожал плечами и развел руки, словно говоря: “Чего еще от них ожидать?”

Но Ференц поднялся на ноги с заметной напряженностью.

— Позвольте напомнить вам, мадам, — сказал он, — что этот человек принадлежит к моей расе. Отзываясь столь невежливо об одном из наших ученых, вы порочите расу кэтродинов.

— Ученых! — голос офицера с Пагра был полон презрения. — Платные агитаторы, которые пытаются воздвигнуть гору лжи для доказательства, что Станцию построили кэтродинские ничтожества.

Лицо Ференца потемнело, на него словно набежали грозовые тучи, а рука легла на длинный церемониальный нож, который находился у него за поясом.

Викор раздумывал, нужно ли рвануться к рукоятке тревоги и держать ее, пока в салон не прибегут кэтродинские офицеры из команды корабля. Но тут, к счастью, положение спас Ланг. Он вежливо спросил:

— Значит, неизвестно даже, кто построил Станцию?

Напряжение несколько спало. И Ференц, и офицер с Пагра явно думали: "Ну, если жалкий лопух даже этого не знает!.."

— Мы гораздо увереннее можем ответить на вопрос, кто ее не построил, чем кто построил, — поторопился объяснить Лигмер.

На лбу у него выступила испарина. Хотя он был спорщиком по натуре, ему удавалось сохранять хладнокровие и никогда не оскорбляться в язвительных дискуссиях, которые он вел от самого Кэтродина со священником и Ференцем.

— Какова же история Станции? — продолжал расспросы Ланг.

Лигмер пожал плечами.

— Ну, она существовала здесь еще до того, как расы Рукава открыли космические полеты. Это мы знаем наверняка. Станция столь огромна и сложна, что никто не верит, будто это всего лишь промежуточный пункт, полустанок, хотя мы ее так и называем. Должно быть, это либо гигантский межзвездный корабль, способный взять на борт население целой планеты, либо что-то вроде постоянной торговой базы иной расы, что населяла Галактику еще до возникновения человечества.

Ланг кивнул.

— Значит, ее возраст невозможно определить, — предположил он.

— Практически невозможно. Станция самообновляется. Энергию она черпает от ближайших звезд и преобразует ее непосредственно в любое необходимое вещество. Точно известно, что Станция находилась здесь более тысячи лет к тому моменту, как глейсы вышли за пределы своей системы и добрались до нее. Ее наблюдали в телескопы — как с Глея, так и с Майко, — на протяжении как раз такого периода времени.

Офицер с Пагра встала с легким звяканьем, которое означало, что она слегка выдвинула меч из ножен и забыла вернуть его обратно. Как женщина, она была великолепна. Под красновато-коричневой кожей мускулы перекатывались, словно волны в маслянистой воде. Стройные ноги и шея были так длинны, что она почти задевала потолок бритой головой.

— Вы чужак, — сказала она Лангу тоном, который среди пагов считался дружелюбным. — Предупреждаю вас ради вашего блага: никогда не верьте тому, что говорит кэтродин. Больше половины шансов за то, что он лжет.

— Если бы мы не приближались к нейтральной зоне, мадам, — процедил Ференц сквозь стиснутые зубы, — я с величайшим удовольствием затолкал бы ваши слова обратно вам в глотку.

Пага усмехнулась, показав передние зубы, заточенные как острые клыки.

— Если бы ты сумел это сделать, кэтродин, я бы поставила тебе такое удовольствие. Но ни ты, ни кто-либо другой из твоей ничтожной расы на это не способен. Продолжая наш разговор, чужак, — она обратила свою хищную улыбку на Ланга, — я должна сказать, что это вовсе не была иная раса. Более десяти тысяч лет назад на Пагре обитали наши древние предки, и они вполне могли построить Станцию. Майко не могли этого сделать, — она огляделась и кивнула подбородком в сторону Викора, который скромно стоял у стены, — как вы сами поймете, если присмотритесь к представителю их расы. Они годятся на то, чтобы быть рабочими и слугами, так же как лубаррийцы, или элчмиды, или, к примеру, глейсы. Единственное, что достойно уважения в глейсах: они достаточно честны, чтобы признать, что не могли сами построить Станцию.

У Викора безумно зачесалась правая нога. Ему хотелось запустить тяжелым ботинком прямехонько в симпатичную задницу паги, которая стояла, опершись на спинку кресла Ланга, и излагала официальные лозунги своей расы.

Но паги могут осыпать его оскорблениями до судного дня, ему на это глубоко наплевать. Паги помыкают элчмидами. А Викор и все майко подлинную ненависть испытывали только к кэтродинам; паги — всего лишь эпизод.

— Ну вот, — продолжала пага. — Исключите этих всех и руководствуйтесь вполне очевидными фактами. Исключите их, и кто останется? Древняя пагская раса! — Она триумфально выпрямилась. — Понятно?

Каким-то потрясающим образом — Викор не понял, каким именно, — Ланг умудрился послать Ференцу усмешку, выражающую полнейшее презрение к этой пагской галиматье, но так, что пага ее не заметила. Возникла пауза. Затем Ланг снова спросил Лигмера:

— Как это звучит с археологической точки зрения?

— Ха! — воскликнула пага. — Заставьте кэтродинского археолога признать истину, даже если ткнуть его в нее носом! Как же!

Лигмер глянул на нее.

— Я надеюсь, мадам, что в ближайшие дни кому-нибудь удастся объяснить вам, что такое научный метод. Именно его я твердо придерживаюсь. Таким образом, я могу сказать, что существует такая возможность...

Ференц чуть не взорвался. Лигмер умоляюще посмотрел на него.

— Возможность! — подчеркнул он. — Точнее нельзя сказать, потому что власти Пагра не разрешают кэтротинским ученым исследовать реликты...

— И абсолютно правильно! Это только предлог для полномасштабных шпионских действий, — заявила офицер с Пагра.

— Прощу вас! — воскликнул Лигмер. — Я пытаюсь объяснить положение вещей нашему многоуважаемому спутнику.

Ланг моргнул и замахал рукой.

— Многоуважаемому? — пробормотал он. — Неужто?

— О, да, — сказал Ференц. — Разумеется. Вы ведь путешествуете за пределами видимости, не так ли? Старший помощник сказал, что так.

— За пределами видимости?

— Ну да. Отсюда ведь не видно вашего родного солнца, верно?

Ланг рассмеялся.

— Ну, собственно говоря, так оно и есть. Я уже довольно долго его не видел. Но я не нахожу в этом ничего особенного.

— Это делает вас уникальным среди пассажиров нашего корабля. За восемнадцать сотен рейсов, которые он совершил, никогда на его борту не было человека, находившегося за пределами видимости.

— Вы хотите сказать... — пробормотал Ланг и погладил по спинке зверька с черной шерстью, который уснул у него на коленях. — Ладно, неважно. Вы любезно объясняли мне...

— Ах, да. — Лигмер наморщил лоб, пытаясь собраться с мыслями. — Я говорил, что на Паге есть реликты, которые указывают на существование там десять тысяч лет назад цивилизации, знакомой с полетами в космос. Однако непонятно, почему эта цивилизация — если она была способна построить Станцию, как утверждают паги, — затем деградировала до пред-космического уровня. А это произошло, ибо к тому времени как пагские корабли вновь добрались до Станции, глейсы владели ей уже двадцать с

лишним лет, и им удалось активировать практически все ее механизмы.

— То, что послужило причиной нашего низвержения с былых высот, прекрасно известно по нашим легендам и обычаям, — сказала пага. — Нами тогда руководили растленные мужчины, которые не в силах были удержать то, что оказалось в их власти. Только когда женщины установили подлинно жесткое правление, стало возможным совладать с яростным духом пагской расы.

— А кэтродины? — мягко спросил Ланг. — У них есть легенды?

— У любой расы Рукава есть легенды о богах, путешествующих среди звезд, — пожал плечами Лигмер. — Именно поэтому достойные уважения археологи не придают значения заявлениям о том, что найдено окончательное решение загадки.

— Благородные дамы и господа! — сказал Викор, громко откашлявшись. — Пожалуйста, вернитесь в свои каюты на время, необходимое нам, чтобы уравнять нашу скорость со скоростью Станции. После уравнивания скоростей высадка может произойти как только вы пожелаете.

Миссис Икида вскочила с места и заторопилась в каюту. Священник Дардано, который тоже не принимал участия в дискуссии и все время хранил на лице презрительное выражение (происхождение Станции, разумеется, объяснялось в мифологии его культа и сомнению не подлежало), последовал за ней.

Пага долго не могла сдвинуться с места после упрека, высказанного Лигмером в адрес археологов ее расы. Наконец она медленно подняла костистый кулак, свирепо глядя на Лигмера. На ее лице застыл звериный оскал.

Ференц вскочил на ноги и бросился к ней. Он был довольно высок, но все же уступал ей в росте на несколько дюймов.

— Берегитесь, — предупредил он. — Отвечать вам придется передо мной.

Бледный как мел Лигмер безуспешно пытался что-то сказать, когда вновь прозвучал бархатный голос Ланга.

— Прошу вас! — произнес он. — Примите мои извинения и простите меня. В конце концов я — невежественный чужак, которому неизвестны здешние деликатные вопросы. Разумеется, я не заслужил прощения, но тем не менее, я умоляю вас простить...

Озадаченные, пага и Ференц повернулись к нему. Он улыбнулся, встал, слегка поклонился, держа своего пушистого черного любимца на сгибе локтя. Как-то само собой остальные последовали за ним к двери. Он поклонился и сделал жест рукой, приглашая их пройти первыми.

Когда они вышли в коридор, Ланг на миг замер в нерешительности. В глазах его блеснуло неуловимое выражение. Прежде чем последовать за остальными, он повернулся и обратился к Викору.

— Стюард! Будет ли им позволено решить этот спор силой, когда они окажутся на Станции?

— Нет, многоуважаемый господин, — сказал Виктор. — Мир на Станции сохраняется всеми возможными средствами. Я не могу с уверенностью заявить, что они не снимут на пару часов зал для борьбы. Но вести дуэль при помощи оружия им не разрешат. Если бы глейсы позволяли подобные вещи, ни паги, ни кэтродины не выживали бы на Станции дольше одного-двух дней. Они ненавидят друг друга так, что готовы перегрызть противнику глотку. Если бы им разрешали ссоры и резню, результатом был бы крошечный хаос.

— Значит, глейсы поддерживают порядок среди них? Нелегкая задача, насколько я могу судить.

— Да, многоуважаемый господин. Так и есть.

Викор испытывал глубокое уважение к глейсам. То же самое чувствовали представители всех трех подчиненных рас Рукава.

— Честно говоря, — добавил он после паузы, — я бы скорее поверил, что это они построили Станцию. Раз им по силам поддерживать ее нейтралитет, они способны и на все остальное.

ГЛАВА III

Поддерживать Станцию нейтральной в столь напряженной ситуации было большим искусством, которое сравнимо разве что с виртуозностью пилота, пытающегося посадить корабль вручную на планету без атмосферы.

Капитан Рейдж служила на Станции дольше, чем все остальные, за исключением полудюжины таких же старожил из числа персонала. Она стала непревзойденным

знатоком основных методов, включая использование неофициальных каналов информации. Как всегда, она руководила высадкой пассажиров новоприбывшего корабля. Однако на этот раз осмотр был тщательнее обычного. Она не смогла бы ответить, почему. Просто в атмосфере ощущалась некая напряженность, как будто назревала гроза.

Станция была нейтральна как с медицинской, так и с политической точки зрения. Поэтому высадка не осложнялась карантинной инспекцией, и таможенный досмотр был поверхностным. Это была вина паг или кэтродинов — так рассуждали глейсы — если какой-то нелегальный товар поступал на одну или с одной из их планет. То, что происходило на Станции, их не касалось.

Таким образом, вскоре после того, как корабль причалил, пассажиры могли свободно смешаться с прочим населением Станции, которое составляло миллион с лишним. Половина его являлась штатом глейсов, остальные находились на Станции транзитом. Капитан Рейдж обязана была знать о них все.

Один за другим пассажиры спускались из корабля по воронке с нулевой гравитацией и, моргая от слепящего света, оказывались в главном приемном зале. Они изумленно взирали на ряд дверей системы лифтов, на длинные цепочки кресел на горизонтальных транспортерах, на сталь, пластик и минералоподобные материалы интерьера — самого фантастического искусственного сооружения, какое они только могли когда-либо видеть.

У пассажиров было много вопросов. Их интересовали жилье, время пересадки на другие корабли, отдых, буфет, местное время, необходимые вещи и излишества. Штат регистраторш — невысоких темноглазых девушек с Глея в простых комбинезонах цвета ржавчины — снабжал их картами, денежными сертификатами, билетами, справками. Незаметно стоя в стороне, капитан Рейдж наблюдала за ними со спокойным лицом. Руки ее были спрятаны под широкими, свободно ниспадающими рукавами платья. Казалось, только ее глаза движутся, но пальцы капитана тоже были заняты. Она делала заметки, касаясь сенсорных клавиш крошечного записывающего устройства, скрытого под рукавами.

Первой регистрацию прошла женщина-лубаррийка. Рейдж получила на ее счет специальные инструкции. Лубаррийка была совершенно определенным фактором в

сложной стратегии выигрышей и потерь, которую вели глейсы на Станции. В настоящий момент паги ломали голову над некоторыми неприятностями, в которые их ввергли глейсы — им, так сказать, дали по рукам за попытку вмешаться в управление Станцией. Соответственно, со скрупулезной нейтральностью, глейсы решили причинить такие же неудобства кэтродинам, заставив их привезти на Станцию эту миссия Икиду в первом классе кэтродинского корабля — почти неслыханное событие для представительницы подчиненной расы!

Через некоторое время снова придется устроить блошиный укус пагам. Рейдж вздохнула. Настанет день, когда она сможет уйти в отставку и заняться воспитанием детей, которые ожидали ее возвращения в банке зародышей на Глее. Их поместили туда еще до ее первого назначения на службу в космосе. Но им придется ждать еще несколько долгих лет.

Тем временем она видела много общего между воспитанием детей и поддержанием мира между двумя всплывшими “расами господ” Рукава.

Среди пассажиров был священник, кэтродин из церкви Лубаррии. Его звали Дардано — Рейдж не нужно было заглядывать в свои бумаги, чтобы это выяснить. Он прибыл заменить капеллана Станции, который умер в прошлом месяце. Кому-то придется провести с ним тихую беседу, прежде чем он приступит к своим обязанностям. Но это только в том случае, если выяснится, что он больше кэтродин, чем священник.

Два офицера: пага, возвращающаяся из поездки в пагское посольство на Кэтродине, и кэтродин, который раньше состоял в штате Станции, но сейчас его объявленной целью было проведение отпуска — почти наверняка шпион. Потенциальные противники демонстративно постарались избегать друг друга и даже направились к регистрационному бюро в разных концах зала.

Кэтродинский археолог был здесь прежде — юным студентом. И чужак, о котором не было известно почти ничего, кроме имени — Ланг. С маленьким любимцем-зверьком неизвестной породы, таких Рейдж не видела даже на картинках.

Она сохраняла каменную неподвижность лица, но как же ей хотелось проявить свои чувства! Не было ничего явного, что могло бы подтвердить ее предчувствия — са-

мые обычные пассажиры, если не считать чужака Ланга. И однако...

Возможно, Викор сможет кое-что прояснить. Решительным движением Рейдж выключила устройство записи и наблюдала, как последние пассажиры первого класса направляются в свое временное пристанище. Стюардов отпустят не раньше, чем через час. В главном зале еще будут разгружать пассажиров четвертого класса и возвращать к жизни. Проследить за этим тоже входило в ее работу. Бесшумно ступая обутыми в сандалии ногами, она отправилась к помещениям для оживления.

По той же причине Викор находился в бешеном нетерпении, занимаясь рутинной процедурой уборки, всегда необходимой после причаливания корабля. Обычно ему удавалось сосредоточиться на том, что он делает. На этот раз его безмерно раздражала необходимость убрать в каютах, проследить за выгрузкой багажа, отчитаться перед казначеем, подождать, пока тот осмотрит каюты, забрать у него денежный сертификат...

Наконец он оказался в своей каюте, сбросил униформу и торопливо принял вид майко — служащего лайнера. Теоретически на Станции он был свободен от господства кэтродинов. Однако на практике любой из майко, попытавшийся воспользоваться этой привилегией, обнаружил бы, что взят на заметку и сполна получит за свое вызывающее поведение по возвращении в юрисдикцию кэтродинов.

Поэтому Викор с отвращением надел тускло-коричневую рубашку и такие же брюки, обнаружив — как всегда — что после красивой пурпурной униформы видеть себя в зеркале в такой одежде весьма неприятно.

Затем он поспешил покинуть корабль. По пути Викор подмигнул хорошенькой регистраторше-глейсе, отложившей в сторону свои папки, помахал рукой лубаррийскому инженеру с расположившегося рядом корабля, с должным почтением приветствовал офицера из штата глейсов, нехотя отдал обязательный поклон кэтродинской гранд-даме в инвалидном устройстве для ходьбы. Устройство представляло собой пару механических искусственных ног, сконструированных для восстановления тонуса мышц, которыми давно не пользовались. Много таких старых женщин — и мужчин тоже — прибывали на Станцию в тщетной надежде найти секрет вечной молодости в обширных хранилищах знания главного банка памяти. Шарлатаны отлично

наживались на подобных людях; но только глейсам были доподлинно известны секреты Станции.

С некоторыми они расставались. За определенную плату, конечно.

Викору пришлось пройти через весь приемный зал, вычисляя точный момент, когда нужно подойти к лифту. Он должен был сесть в заранее оговоренную кабину и быть единственным пассажиром. Внезапное появление группы смеющихся детей — экскурсия с Глея — вынудило его задержаться перед автоматом со сладким мясом, делая вид, будто он выбирает между прелестями кристаллических чепчиков и чик-чириков в меду.

Наконец Виктор рискнул. Он скользнул в кабину и бросил взгляд на ряд кнопок. Система лифтов была так же сложна, как система подземного транспорта большого города на развитой планете. Однако структура ее была однородна, поскольку опиралась на геодезию искусственного гравитационного поля. Только в некоторых местах имелись небольшие отклонения. Это был один из секретов, которые глейсы доверили немногим людям. К числу последних принадлежал и Виктор.

Все было действительно просто, если только нажать две кнопки одновременно.

Викор никак не мог решить, куда именно доставлял его лифт в таких случаях. Сначала он предположил, что попадает в скрытый промежуток между двумя этажами. Но однажды он попробовал подняться на этаж выше и спустился по обыкновенной лестнице, а потом снова поднялся. Это убедило его, что между уровнями нет места для дополнительного тайного этажа. Значит, лифт вез его в какое-то совершенно другое место.

Когда-нибудь после беседы с капитаном Рейдж он останется на этом этаже и попытается выйти оттуда пешком, выяснив раз и навсегда, где это. Но не сейчас. Ему нужно было слишком многое успеть сделать.

Кабина остановилась и дверь скользнула вбок, открывая узкий и темный коридор, знакомый ему по прошлым посещениям. Коридор уходил в обе стороны на двадцать шагов, освещаемый тускло-оранжевым светом неоновой трубки, и по обе стороны упирался в перпендикулярный проход, разветвляясь буквой "Т". Виктор никогда не ходил ни в одном из этих направлений. Ему было позволено лишь пересечь тот коридор, куда его доставлял лифт, на-

жать кнопку на двери напротив и предстать перед капитаном Рейдж. Все.

В последнее время он испытывал все большее искушение свернуть направо или налево и хотя бы бросить взгляд вдоль проходов, которых он никогда до того не видел. Теперь он снова, еще неохотнее, пообещал себе: "В следующий раз!"

Палец его лег на кнопку двери кабинета, и дверь с мягким рокотом скользнула в сторону по желобкам.

Викор всегда чуть побаивался Рейдж. Она была невысокой женщиной, как и все люди ее расы, и едва доставала Викору до локтя. Ее лицо с нежной кожей и большими овальными темными глазами в обрамлении тщательно причесанных черных волос выглядело молодым. Но каким-то образом — быть может, тому причиной было ее абсолютное спокойствие — ей удавалось выглядеть хозяйкой в любых ситуациях.

Капитан Рейдж сидела в низеньком круглом кресле, просматривая узор мелькающих символов, проецируемых ее персональным записывающим устройством на гладкую переборку кремового цвета справа от двери. Викор бросил взгляд на символы и отвернулся; он прекрасно знал, что пытаться расшифровать их будет пустой тратой времени. Это был код, который глейсы переняли из записей банка памяти Станции, и никто иной не получил доступа к ключу.

— Приветствую тебя, Викор, — сказала Рейдж, не отводя темных, цвета терна, глаз от меняющегося, мерцающего рисунка на стене. — Подожди еще пару секунд... Все!

Она выключила крошечный ослепительный луч проектора и убрала записывающее устройство под рукав. Полуулыбка озарила ее лицо.

— Садись, пожалуйста. Я рада снова видеть тебя.

— И я счастлив видеть вас, капитан Рейдж.

Викор прочувственно произнес эти слова — точнее, не смог сдержать переполняющих его чувств. Для него Рейдж была чудесной, восхитительной личностью; он сказал бы то же самое практически о любом из глейсов, и по сути так и сказал Лангу перед причаливанием, но Рейдж была для него совсем уж особенной.

Какая-то тень пробежала по гладкому, без единой морщинки, лицу Рейдж.

— Сообщения при тебе? — спросила она после краткой паузы.

Викор кивнул. Крошечная катушка с микрофильмами была спрятана у него в левом ботинке. Он вынул ее и передал Рейдж.

— Благодарю. Мы еще увидимся до вашего отлета; возможно, будет ответ.

— Я... У меня еще одно сообщение, которое группа поручила мне передать лично, — отважился заговорить Викор. Рейдж кивнула. — Я должен передать, как высоко угнетенное большинство майко ценит помощь, которую они получают от глейсов. Это так вдохновляет — сознавать, что люди Глея нам сочувствуют. И мы восхищаемся достижениями вашего народа, оставшегося независимым и от паг, и от кэтродинов.

Викор сжал руки так, что пальцы заболели от напряжения. Ему не поручали передать никакого устного сообщения; подпольная группа, в которой он был курьером, передавала все только в закодированном виде. И, если бы кэтродины узнали, что глейсы украдкой помогают подчиненным расам под прикрытием своего знаменитого нейтралитета, то, возможно, даже ненасытное желание заполучить Станцию не удержало бы их от войны.

Но, упрямо сказал себе Викор, это именно то, что чувствует группа. Или должна чувствовать.

Во всяком случае, это то, что чувствует он.

И это единственный способ высказать свои чувства Рейдж. Он ждал ее ответа в состоянии неизвестности и беспокойства, доведенном до предела, и облегченно вздохнул, когда она изящно склонила голову и улыбнулась.

— Спасибо, Викор, — сказала она. — Это было приятно услышать.

Затем она оживилась.

— А теперь, пожалуйста, расскажи о ваших пассажирах.

ГЛАВА IV

Рослая офицер-пага выкрикнула последнее звонкое оскорбление через весь приемный зал, развернувшись, прошуршав своим коротким платьем, и направилась к креслам на транспортере. Чем скорее она попадет к своим, тем лучше для нее.

Ференц, отмахнувшись от глейских регистраторш, предлагающих карты, денежные сертификаты и прочие нужные вещи, наблюдал за пагой, прищурив глаза. Он представлял себе ее мужчиной. Паг должен быть на ярд выше Ференца, вдвое мускулистее обычного человека, с гладкими щеками и лишенным волос черепом, с длинными белыми зубами, которые он постоянно скалит в бессмысленной ухмылке. Если на нем и будет какая-то одежда, то скорее всего блуза из металлических нитей, которую даже сильный паг-мужчина не сможет порвать. Паг будет неразговорчив; на Пагре редко учат детей мужского пола разговаривать по-настоящему.

Нарисовав себе эту картину, Ференц почувствовал, как заживают ссадины в душе. Офицер с Пагра, вероятно, была права, когда сказала, что ни он, ни любой другой кэтродин не смогут вынудить ее подчиниться. Еще бы! Если в ее представления о занятии любовью входит забраться в клетку с самцом своего вида и для начала быть избитой до полусмерти...

И все-таки он безумно желал бы заставить ее проглотить оскорбление.

Он развернулся на каблуках и протянул длинную руку — длинную по кэтродинским стандартам; пагские стандарты были абсолютно иными. Рука его легла на плечо Лигмера, археолога, который был погружен в изучение карт, изготовленных глейсами.

— Послушайте, молодой человек, — резко сказал Ференц. — Мне не понравилось ваше отношение к некоторым вопросам, тогда на корабле. Лучше будет, если вы отложите в сторонку ваш строго научный подход, когда вас слышат паги. Не знаю, как много вы, археологи, уже разболтали, но ваше легкомыслие может нанести огромный ущерб нашему престижу.

Лигмер глуповато заморгал, глядя на него. Потом перестал рассматривать карты и отодвинулся, чтобы Ференцу пришлось убрать руку с его плеча. Он произнес с достоинством:

— Офицер Ференц, национальная гордость должна основываться на истине, на проверенных фактах. Неужели вы хотите, чтобы мы скатились на уровень паг и несли пустопорожнюю чушь насчет “яростного духа кэтродинов”? Я думаю, нет!

Ференц заколебался. Он попал в трудное положение. Ухватившись за свое преимущество, Лигмер продолжал:

— Разумеется, нет! Пусть они выдвигают свои необоснованные требования. Их заявления никого не впечатляют. Вы можете быть уверены, что мы, и я в том числе, не опустимся до такой чепухи.

— Ладно! — проворчал Ференц. — Но помните о том, что я сказал. Не забывайтесь.

— Конечно. К счастью, паги не все так плохи, как та, с которой мы коротали время в полете. Некоторые из них вполне уравновешенны. Я буду работать совместно с женщиной из пагского археологического института, которая является членом подпольного движения и отказывается участвовать в националистической пропаганде.

— Не слишком правдоподобно звучит, — резко ответил Ференц. — Не позволяйте им обмануть вас — разумно мыслить они не способны, это уж точно.

Лигмер покраснел, повернулся и отошел от стойки регистрации. Ференц, проводив его суровым взглядом, наконец позволил регистраторше оформить бумаги, дающие основание для его пребывания на Станции.

Красн глаза он заметил, что чужак Ланг подошел к Лигмеру. Любопытство заставило его, направляясь к лифтам, пройти на таком расстоянии от них, чтобы слышать разговор. Говорил в основном Ланг.

— ... выразить свое восхищение вашим подходом, — сказал он.

Лигмер улыбнулся и сделал протестующий жест.

— Нет-нет, в самом деле, — настаивал Ланг. — Как вам известно, я много путешествую, и высоко ценю людей, лишенных предрассудков.

Ференц нахмурился и прошел к лифту. Он сделал заметку в одном из уголков своего мозга, что будет совсем не вредно проследить за Лангом. Что касается Лигмера, Ференц решил, что археолог вполне может подпасть под влияние паг. А похвала Ланга — человека, который вышел за пределы видимости родного солнца и потому автоматически воспринимается как значительная личность — вполне могла усугубить ситуацию.

Еще его интересовало, куда делся священник Дардано. Ференц окинул взглядом ряд лифтов и увидел толстяка, ждущего перед дверью прибытия вагона. Ференц направился к нему и властно окликнул:

— Дардано!

Священник заморгал и начертил пальцем ритуальный знак на своем одеянии. Ференц проигнорировал жест; вера Дардано утратила свой статус на родной планете.

— Да, сын мой?

— Офицер Ференц, если не возражаете. Дардано, я не должен был бы говорить это вам, но лучше скажу — если никто не сделал этого до меня. Известно ли вам, что эта лубаррийка Икида — женщина, которая прилетела с нами — представляет собой преднамеренное оскорбление кэтродинам? Вы слышали, по какой причине ее затребовали сюда?

Священник кивнул.

— Да. Мне показалось странным, что она путешествует вместе с нами, и я навел справки.

— И тем не менее, вы вовлекали ее в разговоры. Со стороны могло даже показаться, что вы пытаетесь соблазнить ее. Вряд ли, конечно, можно считать это разумным с вашей стороны, поскольку вы постоянно живете и работаете среди лубаррийцев. Вам следовало быть более сдержанным, учитывая ваш долг перед кэтродинами.

Дардано задохнулся.

— Я... Мое поведение было сдержанным! По крайней мере, я так считал. В конце концов, она принадлежит к моей вере, а мой долг — укреплять веру повсюду, где только можно. Я не пытался предъявить свои права на нее, учитывая сложившиеся обстоятельства. Напротив, я счел необходимым выразить свое неодобрение ситуации, и этот способ показался мне — ну, наиболее приемлемым.

— Права на нее?

— Ну да. Я велел ей не являться в мою каюту, и не посещал ее сам.

— Но разве она не летела сюда к мужу?..

Внезапно Ференц все вспомнил и оборвал себя. Ну конечно же. Вера Дардано включала некоторое количество странных обычаев, злоупотребление которыми привело к ее отмене на Кэтродине. Например, запрещался брак между родителями детей; все семьи были перекрестными, и считалось антиобщественным иметь больше одного ребенка от того же самого партнера. Однако, постоянный партнер был необходим с точки зрения финансов и поддержания дома. Своеобразная система, перевернутая по отношению к порядкам, общепринятым на остальных планетах Рукава — и, как выяснилось, на более далеких планетах галактики.

— Ах да, — сказал Ференц. — Конечно же. Я забыл. Что ж, от человека ваших убеждений большего самоограничения потребовать трудно. Хорошо.

Он повернулся и уже собрался уйти, как вдруг заметил миссис Икиду. Под руководством улыбающейся симпатичной девушки-глейсы она взбиралась на кресло транспорта. Глаза ее сверкали.

Священник за спиной Ференца громко вздохнул с облегчением. Ференц демонстративно сплюнул, выражая неодобрение и отвращение. Он был недоволен глейсами, которые унижали кэтродинов, как в случае с Икидой; Дардано и его чувственной, потворствующей низменным желаниям религией; Лигмером — за недостаток патриотизма; и, наконец, самим собой — за то, что не сумел заставить себя уважать пагу-офицера.

Ладно, у него достаточно важных дел. Ференц обнаружил, что нужная ему кабина лифта прибыла, и шагнул внутрь. Окинув взглядом приемный зал в последний раз, он увидел, что Ланг продолжает беседовать с Лигмером, поглаживая своего зверька, но взгляд его устремлен на Ференца.

— Ваш... ээ... соотечественник, похоже, не одобрил ваших замечаний, — сказал Ланг.

Лигмер покачал головой.

— Ференц — это пример того, от чего нам, кэтродинам, лучше бы избавиться, — сказал он. — Боюсь, однако, что этот тип личности слишком распространен, хотя — добавил он с похвальной лояльностью по отношению к родной планете, — у нас положение куда лучше, чем на Пагре. Я полагаю, люди вроде Ференца были на своем месте, когда Кэтродин расширял владения. Это они распространили нашу империю на Майкос и Лубаррию. Но мне кажется, что их безусловное презрение ко всему не кэтродинскому несколько устарело.

Археолог обвел рукой внушительный зал, в котором они находились.

— Оно устарело, как только была обнаружена Станция. Стало очевидно, что кэтродины вовсе не превосходят остальных, ибо, на самом деле, Станция невообразимо далеко обогнала в развитии все, доселе известное нам.

— Весьма впечатляет, — согласился Ланг, осмотревшись.

— На Пагре, разумеется, отреагировали как обычно. Они заявили — как вы слышали от путешествовавшей с

нами паги — что, поскольку все пагское, с их точки зрения, превосходит любое другое, следовательно, Станцию построили паги. Потрясающая логика! Такова их официальная пропаганда. Но к счастью некоторые из них достаточно умны, чтобы не обращать внимание на подобную чушь.

— Вы уже были здесь прежде, я полагаю? — поинтересовался Ланг. — Вы хорошо знаете Станцию?

— Никто не знает Станцию хорошо. Кроме, конечно, самих глейсов, — ответил Лигмер уныло. — О, они вполне рассудительны и готовы сотрудничать во многих аспектах; единственное ограничение, которое они накладывают — чтобы археологи вроде меня не слишком углублялись в технические вопросы. Заметьте, это само по себе связывает нам руки, поскольку значительная часть скрытой истории Станции связана с техникой — например, с главными банками памяти. В банках имеются знания, которые сами глейсы не могут использовать — и те, которые они не осмеливаются использовать, не говоря уж о том, чтобы открыть к ним свободный доступ. Я думаю, их нельзя в этом винить. Они знают, что, получив свободу действий, и паги и кэтродины попытались бы захватить Станцию.

— Да, это я уже понял, — нахмурился Ланг и посадил своего любимца-зверька на плечо.

— Кто это у вас? — спросил Лигмер. — Я никогда прежде таких не видел.

— Эти ручные существа очень распространены на планетах в глубине галактики, за пределами Рукава. — Ланг с усмешкой потерся щекой о шерсть зверька. — Я зову его Санни. Он скрашивает мое одиночество.

Лигмеру страшно хотелось задать самый важный вопрос: откуда собственно прибыл Ланг? Но он не смог подобрать нужные слова, а потом снова заговорил Ланг.

— Как они управляют Станцией? Глейсы, я имею в виду.

— Их штат здесь составляет около полумиллиона. Управление Станцией — это по существу индустрия планетарного масштаба. Они координируют торговлю предметами роскоши между соперничающими империями, у которых иначе не было бы шанса торговать мирно. Они выступают посредниками, примиряя стороны в таких случаях, как с этим Икидой, чья жена прибыла на Станцию вместе с нами. Они помогают поддерживать дипломатические от-

ношения ниже точки закипания. Еще они обеспечивают — и это самая незначительная из их функций — курортный режим для людей, желающих совершить путешествие в космос. И они содержат прекрасную больницу, где лечат при помощи методов, которые либо открыли сами, либо обнаружили в архивах Станции.

— Они занимают Станцию целиком? — спросил Ланг.

— Не совсем. Они сдают в аренду сектора — под своим наблюдением — нам и пагам, где мы можем в большей или меньшей степени делать, что захотим. Некоторых раздражает, что глейсы настояли на том, чтобы сдавать в аренду сектора также и подчиненным расам, которые с их точки зрения считаются завоеванными и не вечно будут низшими. Но естественно, поскольку их родные планеты и рейсы космических кораблей находятся под юрисдикцией других, у майко, лубаррийцев и элчмидов не слишком много возможностей наслаждаться этим теоретическим преимуществом здесь, на Станции. Я полагаю, что глейсы поступают так потому, что только факт владения Станцией предохраняет их от попадания под власть той или другой из империй Рукава.

Ланг посмотрел через весь зал, на лифты. Ференц как раз садился в кабину. На губах Ланга заиграла усмешка.

— Знаете, — сказал он, — мне по душе то, что я слышал про этих глейсов. Спасибо, что вы потратили время на разговор со мной. Надеюсь, мы еще встретимся.

— Разумеется. Если вы захотите узнать что-нибудь о Станции, свяжитесь со мной, — предложил Лигмер. — Не могу гарантировать, что отвечу на все ваши вопросы, но постараюсь.

ГЛАВА V

Рейдж явно стремилась что-то выяснить. Поначалу Викор был просто рад, что на этот раз может провести в ее обществе больше времени, чем обычно, и не задумался над причинами. Но спокойный разговор продолжался, Рейдж задавала ему один вопрос за другим, а ее тонкие пальцы набирали кодовые комбинации на записывающем устройстве.

Викор предупредил ее, что может быть взрыв, если Ференц и офицер с Пагра встретятся во время их пребывания

на Станции. Он описал свое впечатление — не слишком глубокое — о священнике Дардано. Доложил, что прибытие миссис Икиды на Станцию должным образом раздражило кэтродинские власти. Но постепенно он начал осознавать, что все это неважно и давно известно Рейдж. Такова была ее работа.

Если возник новый фактор, значит, это произошло в результате чего-то необычного. Значит, остается только чужак — Ланг.

Но Викор почти ничего не мог рассказать о Ланге, кроме того, что тот настолько владеет собой, что его невозмутимость временами бывает просто оскорбительной. Он не сказал этого Рейдж открыто; он и сам не подозревал, что пришел к такому выводу, пока она не выудила это из него настойчивыми вопросами. Затем Викор рассказал, как Ланг снял напряжение, когда Ференц и папа оскорбляли друг друга в наблюдательном салоне. И тут он сообразил то, что раньше упускал из виду.

Во время беседы ему нравилось все время смотреть на Рейдж. Он получал удовольствие, замечая едва уловимые реакции, которые его научило распознавать долгое знакомство: удовлетворение, озадаченность, раздражение. Все чувства были лишь чуть заметными отражениями в туманном зеркале ее лица. Утонченность манер глейсов была для него притягательна. Его собственной расе, майко, следовало многому научиться от глейсов. Хотя бы для того, чтобы успешнее скрывать мысли от своих господ кэтродинов. И в силу причин более важных, чем вежливость — ради выживания.

Викор даже пытался подражать ее ледяному спокойствию. Но у него ничего не вышло, и он оставил эти попытки. Чтобы достигнуть такого спокойствия, всей жизни не хватит.

Более того, такое поведение требовало глубокой и непрестанной сосредоточенности. Но оно давало результаты, вне всякого сомнения. Когда Викор впервые встретил Рейдж, он был немало удивлен. Он решил, что ей лет двадцать: таким гладким, без морщин, было ее лицо, такими грациозными и легкими были ее движения. Постепенно он понял, что ее опыт и способности невозможно было приобрести в столь юном возрасте, и что на самом деле она, по меньшей мере, вдвое старше. Юным обликом она была обязана сверхъестественному спокойствию, кото-

рое людям ее расы прививалось с самого детства. Благодаря своей уравновешенности и хладнокровию глейсы способны были поддерживать равновесие между пагами и кэт-родинами.

Ланг, Ланг, Ланг. В центре ее поисков был Ланг. В уме Викора зрела решимость: раз Рейдж хочет знать больше о Ланге, он доставит ей информацию, если только сможет.

Наконец Рейдж закрыла записывающее устройство, положила его на широкий подлокотник кресла и широко улыбнулась.

— Спасибо тебе, Викор, — сказала она. — Ты, как всегда, очень мне помог.

— Помог, но недостаточно, — возразил Викор. — Я рассказал вам очень мало из того, что вам следовало бы знать.

Тень реакции, которая, как он научился угадывать, означала удивление, пробежала по лицу Рейдж. Женщина пыталась сделать вид, что он не прав — но у нее не получилось, потому что Викор говорил правду.

Наконец она пожала плечами.

— Но я не могу требовать большего. Я ведь даже не знаю толком, что ищу. В любом случае спасибо. Мы еще увидимся до отбытия твоего корабля, я передам сообщение для твоей группы.

Она поднялась и грациозно склонилась в официальном поклоне. Викор попытался поклониться с такой же грацией, прекрасно сознавая, что по сравнению с ней он чудовищно неуклюж. Он толком не понял, как оказался в коридоре. Дверь лифта напротив была темной — значит, кабина находилась на каком-то другом этаже. Неудивительно, поскольку сюда, на потайной этаж, лифт возил посетителей нечасто.

Викор протянул было руку нажать на кнопку, но внезапно отдернул ее. Его охватило волнение. Сколько ему понадобится времени, чтобы пробежать двадцать шагов до развилки коридора? Три секунды? И тогда он наконец сможет заглянуть за пределы...

На этот раз он не стал ждать долго, чтобы не возникли сомнения. Он решил и бесшумно скользнул влево по коридору. На углу он замер и вытянул шею, заглядывая за острый угол переборки.

Разочарование было горьким. Он увидел всего лишь уходящий в обе стороны еще один коридор, похожий на

тот, который был ему знаком — узкий, тускло освещенный оранжевыми неоновыми лампами, с выходящими в него простыми дверями.

И снова в двадцати шагах по обе стороны были развилки.

Огорченный, Викор собрался возвратиться к лифту. Но неожиданно послышались тихие шаги — легкие, чуть шаркающие шаги женщины или мужчины в обуви с мягкими подошвами. Викор вжался в стену и снова вытянул шею, чтобы заглянуть за угол.

Мимо развилки коридора, на которую он смотрел, прошел Ланг.

Это не мог быть никто, кроме Ланга. Сотня других людей на Станции могла иметь его рост, его телосложение, его одежду. Но кто еще здесь мог нести на плече зверька с черной шерстью?

Викор надолго застыл в изумлении. Ланг уже исчез, а он продолжал спорить сам с собой. Если Ланг впервые на Станции, как он попал так быстро на потайной уровень, куда глейсы пускают очень немногих? По ошибке? Случайно? Или он что-то знал заранее? Шансы случайного попадания сюда казались очень сомнительными.

Следует ли ему вернуться и уведомить Рейдж, что он только что видел Ланга? Если он это сделает, ему придется признаться, что он злоупотребил ее доверием, выйдя за пределы дозволенной ему территории. Спор Викора с самим собой длился лишь несколько десятых секунды и закончился тем, что он быстрым шагом направился к развилке, которую миновал Ланг, и дойдя до угла, повернул вслед за чужаком.

Но Ланга он не увидел. Коридор был пуст — только слабое гудение в воздухе, на пределе слышимости, красноватый свет и стены с дверями, расположенными через неравные промежутки.

Чувствуя странную растерянность, Викор остановился. Он набрался храбрости для долгого преследования по запретной территории. Теперь преследовать было некого, и он вполне мог повернуть назад. Коридоры все были похожи друг на друга, и он вряд ли бы выяснил что-то новое, продолжая поиски, только рисковал не найти обратной дороги к лифту, который доставит его обратно на общедоступные этажи.

Но Ланг наверняка зашел в одну из этих комнат. Наверняка! Потому что этот коридор заканчивался тупиком вместо обычной развилки.

Викор стал осторожно красться вперед. В этом участке коридора от поворота до тупика было пять дверей — две слева, три справа. Он прислушался под первой дверью. Ничего. Дверь напротив: тоже ничего. Но за третьей дверью он услышал подозрительный звук, то восходящий, то нисходящий, чистого тембра, как звук тростниковой свирели. В нем было что-то музыкальное, но для музыки он был слишком ритмичным, словно метроном находился за стенкой. Кроме того, за время полетов на корабле и здесь, на Станции, Викор познакомился с музыкой всех рас Рукава, и узнал бы музыку любой планеты.

Могла ли это быть музыка родины Ланга? Мысль заставила Викора замереть на месте, но он тут же отбросил ее. Сомнительно, чтобы Ланг, спустя несколько часов после прибытия, забрался сюда только для того, чтобы потихоньку развлечься музыкой.

Викор перешел к другой двери. Снова тишина. За четвертой дверью оказался источник вибрации, которую он скорее ощущал, чем слышал с момента появления в этом коридоре. Там находились какие-то машины — вероятно, что-то очень тяжелое и точно отлаженное, что вращалось на большой скорости и заставляло гудеть воздух.

Из-за последней двери снова не доносилось ни звука. Викор поднял голову и шагнул назад, но тут дверь неожиданно скользнула вбок, и на него удивленно уставился глейсский офицер в форме. Сердце Викора упало.

— Что вы здесь делаете? — спросил офицер. Непохоже было, чтобы он очень разгневался. — Что вообще здесь может делать майко? Ваш сектор находится на противоположной стороне Станции, молодой человек!

Мысли Викора прояснились. Неужели вся тайна была не более чем недоразумением? Неужели этот изолированный этаж был всего лишь глейсским сектором Станции, доступ в который был окутан тайной только потому, что глейсы не желали, чтобы посторонние совали нос в их личную жизнь? Это казалось правдоподобным. И, если так, то он совершил не такой уж большой проступок. Викор снова воспрянул духом.

— Благородный господин, — сказал он скромно, — я доставлял сообщение многоуважаемой капитану Рейдж. Ожидая лифт, я увидел в коридоре пассажира, который прибыл вместе со мной на корабле. Он утверждал, что ни-

когда раньше не был на Станции. Но как он мог попасть сюда, не зная ваших секретов?

Офицер задумался. Он был несколько выше Рейдж, но все равно настолько же ниже Викора, насколько Викор был ниже пагских офицеров. В глейсе было что-то почти кукольное.

— А поскольку Рейдж интересовалась этим чужаком, — продолжал Викор свой рассказ после паузы, — я подумал, что должен пойти следом за ним. Но он скрылся в одной из кают этого коридора. Больше ему деться было некуда. Если он здесь по праву и по приглашению, я приношу самые глубокие извинения, но я хотел принести пользу...

— В одной из этих кают? Из этих пяти? — Офицер показал рукой. — Тогда мы можем очень быстро прояснить вопрос.

Он быстро заглянул в каюту, соседствующую с той, откуда только что вышел.

— Никого.

Он заглянул в следующую.

— И тут никого.

Викор наблюдал с растущей тревогой, как офицер удостоверяется, что все пять кают пусты. Ни в одной из них не было второго выхода. Офицер вернулся к Викору, улыбаясь и качая головой.

— Не вижу, как ваша история может быть правдой, молодой человек, — сказал он. — Нам лучше пойти к капитану Рейдж.

Он сделал Викору знак идти впереди, и тот повиновался. Он совсем упал духом. Рискнуть своими привилегиями и ничего не получить в результате! Он и без того был достаточно подавлен и обескуражен, но почувствовал себя еще хуже, глядя на капитана Рейдж.

— Верно, Индль, — сказала она наконец. — Викор был здесь по моему требованию, и меня действительно очень интересует этот чужак, Ланг. — Она перевела взгляд на Викора. — Так что в действительности сделал Ланг?

Викор рассказал.

— Ты увидел его, когда он прошел мимо развилки этого коридора, где находится моя каюта и лифт?

Викор прикусил губу и покачал головой.

— У меня... у меня был приступ любопытства, — признался он, чувствуя, что краснеет.

— Что ж, я могу его удовлетворить, — просто сказала Рейдж. — Это наш приватный сектор Станции. Мы предпочитаем быть здесь одни, поэтому не афишируем его существования. На общедоступных картах он не показан, замаскирован искажением пропорций. Мне следовало рассказать это тебе с самого начала.

— И вы просто-напросто пригласили сюда Ланга, надо полагать? — мрачно спросил Викор.

— Нет, — ответила Рейдж, качая головой, и лицо ее выразило удивление. — Нет, никто бы этого не сделал. Если Ланг на самом деле был здесь...

— Был! — воскликнул Викор.

— Значит, он не новичок на Станции и солгал нам. Индль, мы должны выяснить, почему!

ГЛАВА VI

Официально Ференц был в отпуске. Он не был женат и не имел иждивенцев. Ранг его был достаточно высок, чтобы убедить сторонних наблюдателей, что у него хватит денег полететь на Станцию. Более того, он уже был здесь в составе постоянного штата, который кэтродины содержали в своем секторе Станции для разбирательства торговых споров, репатриации пленников и прочих вопросов, которые традиционно решались на нейтральной территории Станции.

Таким образом, логично было, что он по прибытии сразу направился в кэтродинский сектор вместо того, чтобы следовать по туристическому обзорному маршруту.

Разумеется, у него при себе не было багажа. Багаж к этому моменту уже должен был доставлен прямо с корабля, что было само собой разумеющимся. Ференц знал номер каюты, куда отправили багаж. В любое место на Станции можно было попасть в течение часа. Так что, если не считать физического соседства друг с другом, приезжим было совершенно безразлично, где их разместят.

Ференц почти не обращал внимания, каким путем он идет. Во время своего предыдущего пребывания здесь он ознакомился со всей Станцией. А сейчас его мысли были слишком заняты другими вопросами.

Наконец, спустившись на десять этажей и проехав транспортером еще по двум, он оказался в кэтродинском

секторе. Покинув транспортер, он почти тотчас же ощутил разницу между здешней обстановкой и спокойствием приемной территории, где управляли глейсы. Здесь сам воздух казался плотным, заряженным электричеством, подталкивающим к действию.

Ференц зашагал быстрее. Он прошел несколько коридоров, заходя на контрольные пункты для предъявления документов. Через три минуты его принял главный маршал Теммис, возглавляющий штат кэтродинов — лысый мужчина, который уже начинал увядать, но все еще начальственно прямо держал блестящую голую голову над пухлым двойным подбородком.

— Садитесь, Ференц. Рад вас снова видеть, — нахмурившись, произнес Теммис. — Вы прибыли на одном корабле с этой лубаррийкой, Икидой?

— Да. Я почти ожидал увидеть вас в секторе пленников, сэр.

— Чтобы глейсы удостоверились, что затронули нас за большое место? — Теммис коротко, хрипло рассмеялся. — Я поручил это дело младшему офицеру. На самом деле это, конечно, полковник, которого замаскировали под двадцатилетнего юнца.

Ференц понимающе и уважительно ухмыльнулся. Такие штучки он умел ценить.

— Разумеется, я не отрицаю, что все это мероприятие довольно болезненно, — продолжал Теммис. — Но оно с самого начала планировалось глейсами, как блошинный укус, и было бы недостойным реагировать на него. У нас есть дела куда поважнее.

— Я так и предположил, сэр, когда получил назначение. Если вы позволите мне высказаться, я должен сообщить, что уже встретил более опасные вещи, чем случай с этой лубаррийкой.

— Как так?

Теммис откинулся на спинку обширного кресла.

Ференц сначала упомянул Дардано, но Теммис покачал головой.

— Оставьте его. Это специальный выбор. У него будет своя работа. На Станции есть пара тысяч лубаррийцев, которые так или иначе вышли из-под нашей власти в результате пособничества глейсов. Они не решаются вернуться на родину, потому что очень хорошо знают, что их там ожидает. Дардано должен будет уведомлять нас о том,

что происходит в их среде, и он с этим прекрасно справится. Его не заботит ничего, кроме персонального комфорта, а в этом он целиком зависит от нас.

— Мне не вполне понятно, почему выбрали именно его, — напряженно ответил Ференц. — Но, разумеется, я повинуюсь вашему выбору, сэр. Но более опасен, чем Дардано, археолог Лигмер. Похоже, что ум его полон подрывных идей. И он сказал, что работает здесь в непосредственном контакте с пагами.

— Да, здесь я склонен согласиться с вами. — Теммис соединил кончики пальцев и принялся их разглядывать. — Однако это часть более обширного плана, и не мне подвергать выбор сотрудников, осуществленный Верховным Командованием.

— Как вам наверняка известно, детальное изучение Станции — главная цель нашего нахождения здесь. Большая часть Станции неизвестна никому, кроме глейсов. Мы успешно выполнили программу измерений, чтобы выяснить точность распространяемых глейсами карт. Именно здесь начинается ваша миссия.

— Думаю, мне не нужно напоминать вам, что все это строго секретно.

— Существо вопроса заключается в следующем. Карты искусно и почти неуловимо искажены. Существуют огромные участки Станции, которые на них не отражены. Возможно, это всего лишь служебные территории: гравитационные трубопроводы, вентиляционные шахты, отопление, освещение, электроэнергия и так далее. А, может, и нет. Мы должны это осторожно разведать.

— Нет сомнения, что паги тоже это подозревают. К счастью для нас, они официально заявили, что знают о Станции больше, чем глейсы — разумеется, часть их пропаганды. Мы надеемся, что этот гандикап даст нам существенное преимущество в подготовке точных планов Станции. А это будет бесценным при смене позиций.

Уже много лет Ференц не слышал этих слов: «смена позиций»! Они были в ходу, когда он еще был кадетом. Велик день, когда кэтродины будут владеть Станцией вместо неумелых глейсов! Но энтузиазм юности уступил место взрослому цинизму. Теперь Ференц редко думал о том, что день смены позиций может наступить при его жизни. Услышать эти слова из уст начальника штата было для него потрясением.

Он едва посмел спросить:

— Значит, смена позиций уже близка?

— О ней никогда не забывали, — рявкнул Теммис. — Лишь откладывали в силу некоторых административных затруднений.

— Это великолепно, сэр. Разумеется, я никогда не переставал верить...

— Тогда прекратите вести себя так, словно это для вас новость, — сказал Теммис с железобетонной иронией.

Ференц прикусил губу, сознавая, что допустил серьезную ошибку.

— Хорошо, — продолжил Теммис после паузы. Он взял документ со стола и критически пробежал его глазами. — Я займусь тем, что вы рассказали о Лигмере, но сомневаюсь, что удастся что-нибудь сделать. Можете быть уверены, впрочем, что его отзовут немедленно, если он действительно попадет под влияние паг. Теперь о других пассажирах вашего корабля. Что вы скажете об этой паге-офицере?

— Типичная сука, — сказал Ференц с чуть большим чувством, чем намеревался.

Лысына Теммиса включала в себя и брови, но он умудрился вместо одной из бровей вопросительно приподнять то место, где она должна была бы находиться.

— Вы говорите так, словно ей удалось вас достать, — заметил он.

— Боюсь, что не могу этого отрицать, сэр. Ее наглость была беспрецедентна. Я намерен просить разрешения выяснить нашу с ней ссору во время моего пребывания здесь.

— Не разрешаю. Я вполне понимаю ваши чувства, офицер Ференц, но не упускайте из вида тот факт, что пагские женщины все-таки женщины. А драться с женщинами не очень-то почетно. Более того, в ваше задание входит завязать личное знакомство на дружеской основе с кем-нибудь из них.

— Что? — Ференц подался вперед, разинув рот. — Вы... вы шутите, сэр?!

— Ференц, похоже с вами что-то случилось с тех пор, как вы находились здесь в составе кэтрдинского штата. Раньше я знал вас как уравновешенного человека, на которого можно положиться во всех отношениях. Теперь вы, похоже, деградировали до уровня фанатика, провалившегося на экзаменах в кадетское училище. Как по-вашему, я часто шучу столь серьезными вещами?

— Нет, сэр, — обреченно произнес Ференц.

Теммис устремил на него каменный взор.

— Значит, я вполне серьезен? Если бы вы на миг задумались хладнокровно, то не сделали бы такого идиотского замечания! — Он взял запечатанный пакет с тележки около стола. — Держите. Здесь подробные инструкции для вас. Ступайте и прочтите их внимательно. У вас кроме униформы есть гражданская одежда, я полагаю? — добавил он после минуты размышления.

— Так точно, сэр.

— В таком случае, чтобы я больше не видел вас в форме до отбытия. Это не согласуется с тем образом, который вы должны вокруг себя создать. Вы здесь для того, чтобы навестить нескольких старых друзей из кэтродинского штата, что вы и сделаете. Через несколько дней вы потеряете к ним интерес, потому что — как вы скажете тем, кто вас об этом вдруг спросит — вы найдете нас более жесткими и не такими приятными людьми, какими мы вам помнились. Вы окупетесь в развлечения. Но будьте крайне осторожны! Мы полагаем — собственно говоря, мы в этом уверены, — что полдюжины пагских женщин здесь на Станции делают уступки глейсам, и даже майко и лубаррийцам. Поскольку они как обычно неуступчивы по отношению к элчмидам, этому должен быть скрытый мотив. Мы должны знать, что это за мотив и вообще к чему они стремятся. С точки зрения морали было бы плохо, если бы кто-то из постоянного штата связался с пагской женщиной. Поэтому данная задача возлагается на вас. Вы достаточно высоки и по пагским меркам не будете выглядеть в их глазах комичным; вы достаточно сильны, чтобы выбраться из трудной ситуации, если в ней окажетесь — что весьма вероятно — и, что важнее всего, у вас великолепный послужной список, — взгляд Теммиса впился в Ференца, словно булавка, прикалывающая бабочку. — Отправляйтесь и постарайтесь подтвердить свою репутацию.

Ференц взял левой рукой запечатанный пакет с приказами и вскочил с места.

— Слушаюсь, сэр, — ответил он и отдал честь Теммису.

Салют наверняка привел бы в восторг преподавателя его кадетского училища.

— Силы небесные, куда это вы? — заорал Теммис. — Я что, отпустил вас? Сядьте. Быстро! Я хочу знать все об этом пассажире, который прибыл с вами, о Ланге.

— Он путешествует за пределами видимости родного солнца, — сказал Ференц, покрывшись потом от усилий сдерживать свою ярость (он злился больше на себя самого, чем на Теммиса). — Откуда именно он прибыл, я не смог выяснить, несмотря на то, что настойчиво расспрашивал как его самого — и косвенно, и напрямую — так и членов экипажа, которые могли бы дать мне хоть какой-то намек.

— Очень прискорбно, Ференц. Как долго тянулся рейс? Десять дней? Двенадцать? И вам не удалось установить его родину?

— Он весьма искусен в словесной маскировке, — сказал Ференц с внезапным упрямством. — У меня не было возможностей припереть его к стенке. При наших разговорах всегда присутствовал кто-то третий, а умение Ланга незаметно уклониться от нежелательных тем наводит на мысль о его серьезном знакомстве с соответствующими специальными дисциплинами. Однако мне удалось установить, что он прибыл из областей галактики, более удаленных от нас, чем Этра.

— Этра находится от нас в пределах видимости, так что ваше умозаключение тривиально.

Теммис повернулся на стуле и уставился на карту на стене. Карта изображала Рукав — выступающую область галактики, состоящую из девяти звезд, разбросанных на протяжении примерно двадцати восьми световых лет. Там, где оканчивалась цепочка звезд Рукава, дальше была лишь пустота — до самого соседнего скопления, расположенного чересчур далеко, чтобы люди могли туда добраться. Этра отстояла от корня Рукава на тридцать звездных систем в глубь галактики — считая по рейсам космических кораблей. Это уже было дальше, чем когда-либо путешествовали люди рас Рукава, которым хватало проблем на целую вечность, не то что на человеческую жизнь.

— Есть еще кое-что, — нахмурился Теммис. — Путешествовать — поистине дорогое занятие. Что он использует в качестве денег? Я полагаю, что он провел некоторое время на Кэтродине, прежде чем сесть на ваш корабль. Мне кажется, что прибытие человека из-за пределов видимости заслуживало бы упоминания хотя бы в одном бюллетене новостей.

— Он не афиширует, что путешествует так далеко от родины.

— Однако даже вы это поняли, — заметил Теммис с тяжеловесной иронией. — Можно было предположить, что репортеры тоже пронюхают. Собирается ли он странствовать и дальше, после того, как посетит Станцию? Отправится ли он на Глей, или на пагские планеты?

— Он не высказывал никаких намерений путешествовать дальше, — сказал Ференц. — Его интересовала только Станция. Он слышал разговоры о ней еще на Этре и захотел посмотреть собственными глазами. Я не думаю, что его пустят на Пагр, даже если он этого сильно возжелает.

— Это уж точно. Ладно, Ференц, вы были здесь достаточно долго. Отправляйтесь поздороваться с вашими бывшими коллегами, но сделайте это побыстрее. Затем идите в свою каюту и выучите инструкции назубок. Вы свободны.

Но первое, что сделал Ференц, добравшись до своей каюты, было не чтение инструкций. Он от души обложил самыми черными словами всех пагов, мужчин и женщин, на Станции и на Пагре.

Ему немного полегчало.

ГЛАВА VII

Викору часто приходило в голову, что Станция во многих отношениях похожа на живой организм. Например, она была практически самоуправляемой, самовосстанавливающейся, самопрограммирующейся. Она существовала сама по себе уже много тысяч лет, прежде чем первые исследователи с Глея прибыли сюда на медлительных кораблях с ионной тягой. Они тогда еще не разработали сверхсветовые двигатели. Преимущества глейсы получили в основном благодаря случаю. Они находились всего в половине светового года от Станции. Хотя паги и кэтродины выслали свои первые экспедиции в космос примерно в то же самое время, что и глейсы, им пришлось ждать изобретения гипердвигателя, чтобы добраться так далеко в глубь Рукава.

Станция напоминала живое существо еще и потому, что обладала своеобразным метаболизмом, в котором роль кровяных телец играли люди. Время от времени инъекция извне — новый кэтродинский генерал с агрессивными замашками, новая громогласная пага — угрожала нарушени-

ем хрупкого равновесия, что приводило к чему-то вроде лихорадки. А глейсам, этим белым кровяным тельцам системы, приходилось устранять нарушение в организме Станции.

Что-то едва уловимое в поведении Рейдж натолкнуло Викора на мысль, что сейчас происходит как раз один из таких случаев.

А Ланг выглядел так, словно собирался сыграть в этом деле роль инородного тела.

Обычно Викор, доставив сообщение Рейдж, с удовольствием отправлялся посетить вольных майко в майкосском секторе Станции. У него оставалось несколько чудесных дней до возвращения на корабль. Он всегда бывал ужасно огорчен, когда ему выпадало дежурить от прибытия до отправки корабля — а это бывало раз в каждые четыре рейса.

Но сегодня все было совсем иначе. Ему не хотелось оказаться среди друзей-майко — этих странных людей, не принадлежащих ни к одному миру. Родиной своей они продолжали считать Майкос, но были навечно прикованы к Станции, ибо преступили закон кэтродинов и смогут вернуться на родину не раньше, чем Майкос будет свободен. Здесь они находились под покровительством глейсов, хотя и этого иной раз бывало недостаточно. Куда ни кинь, они были обречены.

Эти люди всегда наполовину стыдились, наполовину жаждали контакта с майко, прибывающими на Станцию извне — членами экипажей космических кораблей, слугами кэтродинов, или, что очень редко, каким-нибудь популярным артистом, талант которого временно служил ему защитой от давления кэтродинов, и которого привозили на Станцию развлекать господ. Живущие на Станции майко жаждали контакта, потому что постоянно тосковали по родине, как бы ни пытались они это скрыть под видом беспечного превосходства. Стыдились же они потому, что достигли личной безопасности за счет потери возможности участвовать в борьбе с угнетателями на родине. Такая же ситуация была в лубаррийском и элчмидском секторах; между ними существовало что-то вроде родства, братства обреченных душ.

Собственно говоря, именно через находящиеся на Станции свободные колонии подчиненных рас сообщались друг с другом и координировали свои действия революционные движения Лубаррии и Майко.

Кроме Викора существовали и другие курьеры. Так что когда Рейдж передаст ему ответ на доставленные сообщения, он мог пойти и отдохнуть со своими друзьями. И все же Викор медлил.

В конце концов голод привел его в ресторан в секторе майко. Там синтезаторы — они тоже работали с тех самых пор, как Станцию покинули ее неведомые строители — были настроены на вкусы местных посетителей. С точки зрения времени Викор выбрал удачный момент: на местных часах время было позднее, и в ресторане не было никого из знакомых.

Он взял свой заказ в раздаточной, предъявил денежный сертификат, чтобы в нем пробили соответствующую сумму, и направился через весь зал к столику в нише, чтобы не бросаться в глаза. Низкий потолок зала, выкрашенный в светло-синий цвет, показался ему давящим, сверкающие белизной столики выглядели холодно-безличными. Приземистые кресла и стульчики были расставлены неаккуратно, что вызвало у него прилив неопределенного раздражения. Он был в состоянии духа, неподходящем для пребывания в обществе, и прекрасно это понимал.

Неожиданно подняв глаза от тарелки, Викор обнаружил перед собой юношу в тускло-коричневой одежде, предписанной майко. Тот сидел напротив и пристально разглядывал Викора. В руке у него была кружка со спиртным, глаза под кустистыми бровями сверкали.

Викор его не знал и вознамерился было проигнорировать.

Не тут-то было. Минуту спустя незнакомец огляделся, чтобы удостовериться, что поблизости никого нет, и таинственно кашлянул.

— Вас зовут Викор? — спросил он.

— Да. И я сел в этом углу, чтобы побыть в одиночестве.

Незнакомец нахмурился.

— Побудете один позже, если захотите. Но сейчас у меня есть к вам некоторые вопросы, и я хочу, чтобы вы на них ответили.

Викор резко вздернул голову.

— Вы... — начал было он, но осекся. Его непрощенный собеседник отставил кружку и сложил руки особым образом, который не выглядел нарочитым, но имел совершенно определенное значение.

— Мое имя Ларвик, — дружелюбно произнес незнакомец, когда увидел, что Виктор прочел знак. — Мы с вами до сих пор не встречались, потому что работаем в разных ветвях движения. Но получилось так, что мы нуждаемся в определенной информации и совете, а вы можете нам помочь и, к счастью, уже являетесь членом движения.

— Что именно вы хотите знать? — спросил Виктор.

Он подозревал, что революционное движение в кэтрондинской империи на самом деле куда обширнее, чем та его часть, с которой он знаком. Однако не имел ни малейшего представления, чем занимаются другие ветви.

— Не сейчас. — Ларвик взял свою кружку и махнул ей в сторону тарелки Викора. — Доешьте. Мы лучше поговорим с вами наедине и в другом месте.

Он больше не произнес ни слова, только следил своими сверкающими глазами, как Виктор ест.

Наконец Виктор понял, что не может больше затолкать в себя ни куска. Он отодвинул тарелку и встал.

— Я готов, — сказал он.

— Хорошо, — пробормотал Ларвик. — Пожалуйста, к лифтам.

Виктор подозревал, куда они направятся, еще до того, как оказался в вагоне с Ларвиком и увидел, как тот нажимает кнопки на селекторе, повернувшись к Виктору спиной, чтобы тот не заметил точную комбинацию. Значит, есть еще другие лифты, кроме того, который доставляет его в офис Рейдж из приемного зала. Куда же они попадут на сей раз?

Как оказалось, недалеко. Наверняка в пределах сектора майко, если только кабина по дороге подчинялась обычным физическим законам. Мгновение они ждали, пока дверь откроется, затем оказались в комнате, из которой не было другого выхода. Комната была квадратной, больше напоминала коробку. Ее стены от пола и почти до потолка были заставлены грубо сколоченными ящиками. Сам пол был покрыт какими-то крошечными обрывками — темно-коричневыми, высохшими, похожими на опавшие листья.

Едва заметное колющее ощущение озадачило Викора. Затем он догадался, что это такое — статическое поле, чтобы пыль не проникала в кабину лифта.

Ларвик подождал, пока кабину не вызвали на другой этаж, и быстро повернулся к Викору.

— Садитесь, — сказал он, и сам уселся на один из ящиков.

Викор последовал его примеру, продолжая прижиматься. В воздухе стоял какой-то едкий специфичный запах, который Викор не мог распознать.

— Узнаете? — после паузы спросил Ларвик. Викор покачал головой, и тот пожал плечами. — Ладно, потом скажу. Наверное, я должен вам рассказать. А пока я хочу получить от вас необходимую информацию. Мы хотим знать, кто такой этот Ланг.

Снова Ланг! Если бы Верховное Бюро Пагра, каждая из входящих в которое паг способна запросто разделаться с тремя пагскими мужчинами, прежде чем наконец сдаться и позволить четвертому ублажить ее, явилось бы в полном составе сюда, на Станцию, это вызвало бы меньше беспорядков, чем прибытие этого одного чужака! Викор ответил вопросом на вопрос.

— Я расскажу вам все, что знаю — хотя это немного — но сначала, прошу вас, ответьте: что в нем такого особенного? Глейсы, с которыми я работаю, хотели о нем знать; все хотят о нем знать!

Ларвик задумчиво прикусил нижнюю губу.

— Вот, значит, как? — сказал он. — На Станции о нем уже идут разговоры, но мы приписали это тому факту, что он из-за пределов видимости и потому посетитель особый. По крайней мере, мы надеялись, что причина ажиотажа только в этом. Иначе ситуация может оказаться крайне неприятной.

— А именно?

Ларвик мгновение колебался.

— Ладно, — сказал он наконец. — Мне все равно придется вам сказать.

Он нагнулся над соседним ящиком и откинул крышку. Под ней оказалась масса плотно уложенных коротеньких коричневых веточек, покрытых мелкими иголочками. Едкий запах сразу усилился.

Ларвик очень бережно вынул одну веточку и протянул ее Викору.

— Знаете, что это такое, а? — спросил он.

Викор покачал головой.

— Дурманная трава, — сказал Ларвик кратко. — Наш предмет торговли.

— Ах вот оно что! — Викор вскочил с места. Лицо его побелело. — Я не знаю, какими еще грязными делами вы

занимаетесь, но если речь идет о дурманной траве — я к этому непричастен! Выпустите меня отсюда немедленно.

Ларвик продолжал сидеть спокойно.

— Что вы вообще знаете о дурманной траве? — сказал он. — Вы ее даже распознать не смогли.

— Я достаточно насмотрелся на ее эффект, чтобы испытывать к ней отвращение, — резко сказал Викор. — Эти несчастные безумцы, которых иногда встречаешь в элчмидском секторе, быстро умирают, не получая своей дозы.

— Теперь нет, — ровно произнес Ларвик. — Мы обеспечиваем их дурманной травой из милосердия. Это они достали для нас семена и провезли их на Станцию — кстати, рискуя жизнью.

— Но... но ради чего, будь она проклята?! — взорвался Викор. — Зачем вам пачкать об нее руки?

— Паги используют дурманную траву для усмирения элчмидов, — сказал Ларвик. — Это самое мощное из известных нам опьяняющих и галлюциногенных средств. Оно вызывает чудовищную зависимость. Пристрастившиеся к нему способны на все, чтобы получить инъекцию, когда им действительно невтерпех, — он сделал паузу. — Кэтродины серьезно обеспокоены тем, что число потребляющих дурманную траву среди них растет. Это очень выгодный бизнес, Викор. И он помогает нам перекладывать деньги кэтродинов в свои карманы.

Викор медленно расслабился.

— Мне это не по душе, — сказал он неохотно, — но... согласен, идея неплохая. Мне бы больше понравилось, если бы элчмиды продавали дурманную траву пагам. Как бы они ни были плохи, кэтродины ничего подобного с нами не делали.

— Зато они поступили так с лубаррийцами, — сказал Ларвик. — Вы видели толстобрюхого капеллана, которого им привезли? Заразить лубаррийцев этой фальшивой верой было почти столь же преступно, как элчмидов — дурманной травой.

— Ладно, вапа взяла, — с отвращением произнес Викор. — Да, так вы хотели знать про Ланга.

Он не смог добавить ничего к тому, что рассказывал Рейдж. У него даже не появилось новой теории, объясняющей присутствие Ланга в секторе глейсов. Вся история в целом оставила Ларвика в полном недоумении.

— Может, он в таком случае действительно тот, за кого себя выдает, — задумчиво сказал Ларвик. — Или нет,

не может этого быть — для чужака он знает Станцию слишком хорошо. Или... Видите ли, я боялся, что он может оказаться кэтродинской приманкой — настоящий чужак, которого они подкупили, или хорошо подготовленный поддельный, в задачу которого входит предстать любопытным туристом, сующим везде свой нос. Такой тип был бы для нас большим искушением — предложить ему укол дурманной травы, потом выдобрать все его денежки, посадить на отбывающий корабль, и кто останется в дураках, когда нехватка очередной дозы его прикончит? Кэтродины, во всяком случае, работают именно так... Офицер Ференц, который прибыл на вашем корабле, несомненно шпион, но он замешан в высокую кэтродино-патскую политику, и не станет заниматься такой мелочью, как выяснение источника наркотиков.

— А глейсы об это знают? — спросил Викор.

— Знают ли глейсы? — переспросил Ларвик тоном глубочайшего изумления. Он поднялся с ящика и потянулся, разминая затекшее тело. — А где, по-вашему, мы выращиваем траву? Они отдали нам весь гидропонный огород. Еще бы они не знали! Да они в сущности толкнули нас на это.

— Ах, вот как... Если бы они возражали, Ланг мог бы оказаться их приманкой, но раз они не против... — Викор нахмурился. — Кто же...

ГЛАВА VIII

Пауза была долгой. Наконец Ларвик подошел к двери лифта и нажал на кнопку вызова.

— Как бы мне хотелось приучить Дардано к дурманной траве... — произнес он мечтательно в ожидании прибытия кабины. — Но я не могу рисковать. Если кэтродины обнаружат, что источник их неприятностей находится здесь, на Станции, глейсам скорее всего придется отречься от нас и заявить, что они ничего не знали. Может быть, удастся провагнать это косвенно, пригласив его в элчмидский сектор. Никто не удивится, встретив у них дурманную траву — половина несчастных только ею и живет...

Он оборвал себя, поскольку прибыл лифт.

— Вы, разумеется, понимаете, что все это строго секретно?

Викор сухо ответил:

— Я проделал больше тридцати рейсов, как курьер, и до сих пор не попался.

— Хорошо, хорошо, — дружелюбно сказал Ларвик. — Я не хотел вас обидеть, всего лишь напомнил.

Он пропустил Викора в кабину лифта и закрыл дверь.

— Кстати, — сказал он, когда кабина начала подниматься, — что бы вы ни узнали о Ланге, мы хотим знать это наравне с Рейдж.

— Я сделаю, что смогу, — пообещал Викор. Но он понимал, что выполнить обещание будет очень трудно.

Существовало множество мелких проблем, которые усложняли жизнь на Станции. Время, например. Глейсы установили сутки, более-менее приемлемые для всех рас, и не делили их на "утро", "день", "вечер" и "ночь". Им приходилось работать круглосуточно, по сменам.

С обычным небрежением к удобству всех остальных пагский штат настоял на том, чтобы пользоваться своим собственным Среднепланетным Временем, которое совпадало с глейским Временем Станции примерно раз в триста дней. И каким-то необъяснимым образом (никто не мог понять, почему) все три подчиненные расы — майко, лубаррийцы и элчмиды — выбрали каждая свой отрезок станционных суток в качестве "ночи".

Сейчас по времени сектора майко было около полуночи. В элчмидском секторе наркоманы с налитыми кровью глазами тянулись трясущимися руками к экстракту дурманной травы — единственное, что позволит им пережить наступающий день. А в секторе лубаррийцев только-только "смеркалось".

В довершение хаоса, кэтродины в большинстве своем владели искусством краткого сна и обходились тремя часами забвения в сутки, урывая краткие промежутки для сна то тут, то там. Что касается туристов, у которых хватало денег проводить время на Станции, они не обращали внимания на время и веселились до тех пор, пока не падали с ног.

Нейтральность и терпимость, сказал себе Викор в приливе неожиданной усталости, имеют свои плюсы. Но иногда они вносят беспорядок.

Не будучи кэтродином, Викор нуждался в регулярном сне. В секторе майко начинало темнеть — самым натуральным образом; освещение потолка и стен повсюду тус-

кнело, ночь продлится восемь часов. Неудержимо зевая, Викор медленно пошел к себе в каюту.

Ланг... Ларвик сказал, что известие о чужаке, прибывшем из-за пределов видимости, уже облетело Станцию. Любопытства такого рода можно было ожидать от туристов в зонах отдыха Станции, которые проводили время в праздности, пьянках и прочих развлечениях. Однако Викору казалось, что Ланг не захочет к ним присоединиться и сумеет избежать этого, не показавшись невежливым.

И все равно придется заглянуть "утром" в туристскую зону. Как человек, впервые попавший на Станцию (так ли это на самом деле?), Ланг несомненно захочет посетить хотя бы ее. Более того, это была действительно нейтральная часть Станции — никто не имел там власти, даже глейсы. Для них это был бездонный колодец денег — пагских денег, кэтродинских денег, и даже глейских.

Под самой обшивкой: малпинерия. Невероятные устройства, которые преобразовывали случайное излучение в энергию в формах, которые можно было использовать — в том числе в материю. Там же размещались причалы, приемные залы и все такое прочее.

Далее: жилые помещения и офисы различных штатов, всевозможные службы.

И в центре — или, точнее, окружая центр, как скорлупа — туристская зона.

Викор нервно спустился через Золотой люк. Сегодня ближе к сектору майко находился Платиновый люк, но никто из майко не смел воспользоваться больше чем Радиевым. На Викоре была обычная тускло-коричневая одежда, чтобы его не приняли за богатого посетителя.

Сотни радужно переливающихся желтых пузырьков поднимались по люку вверх и лопались о его подошвы. Для чего строители Станции предназначали эту область? Только лишь для отдыха первоначальных пассажиров огромного корабля? В этом случае их путешествие, должно быть, было долгим. Или же их очень трудно было развлечь.

Вокруг него пульсировала музыка. Одна из прозвучавших нот, казалось, заставила резонировать все его тело. Она смешала мысли и наполнила глаза слезами. Викор на минуту прижался к стенке люка, приходя в себя. Двое подростков, мальчик и девочка, пронеслись мимо него вниз головой с воплями и смехом. Они были глейсами и, надо полагать, уже дважды побывали на Станции. Каждый

глейсский ребенок должен был знать все о Станции, думать о ней, видеть сны о ней, жить Станцией во всех ее проявлениях — дабы железная хватка глейсов, которой они держали Станцию, не ослабла.

Неверно. Нужно исправить. Не железная хватка, скорее сила вроде гравитации: позволяющая двигаться, но не оставляющая возможности побега.

Люк расширился, и падение завершилось в ароматном пурпурном тумане и пении бронзовых гонгов. Викор почувствовал, как его сандалии на несколько дюймов погрузились в твердый, но податливый пол. Он удержал равновесие, разведя руки в стороны как канатоходец, и осмотрелся.

Сегодня Золотой люк вел на Равнины. Открывшийся перед ним простор казался бескрайним: сине-зеленое пространство под синим, как небо, куполом потолка. Это был самый спокойный участок туристской зоны.

Глейсские ребята ухватились за проплывающий мимо планер, и теперь висели в тридцати футах над землей, держась правыми руками, а левыми бурно жестикулируя и заливаясь смехом. Викор проследил их взгляд и обнаружил трио кэтродинов среднего возраста — две женщины в ярко-алом и мужчина в запачканном землей белом — которые спали лежа на спине, с разинутыми ртами. Вокруг них валялись пустые бутылки, рядом стояли тарелки с остатками еды.

Пока Викор с отвращением смотрел на них — “господа отдыхают” — земля разомкнулась, поглотила мусор и сомкнулась вновь. Мальчик и девочка наверху рассмеялись напоследок и направили планер прочь. Через год-два они станут такими же серьезными, как Рейдж. Пока они смеялись вволю, чтобы никогда не забыть, как это делается. Секрет успехов глейсов заключался отчасти в том, что они всегда хранили смех в себе.

Викор тряхнул головой и направился через Равнины. Вскоре он добрался до Океана и нырнул.

— Иди сюда! — окликнула его полуженщина-полурыба, чьи полные, обнаженные и весьма привлекательные груди блестели, как перламутр. Она выглядывала из кораллового грота. Волосы ее были выкрашены оранжевой краской под цвет коралла.

Викор выпустил струйку пузырьков, выдыхая воздух из легких, и глубоко вдохнул. Новичкам всегда было страшно

дышать в Океане. Но это была не вода, а синтетическая органическая жидкость, содержащая чуть больше кислорода, чем воздух Майкоса — столько же, сколько обычный воздух на Станции. Викор бывал здесь прежде, раз десять, если не больше.

Он мягко ответил, слыша, как звук отдается вибрацией в ушах:

— Я недостаточно богат, чтобы быть вашим клиентом.

Полуженщина разочарованно вздохнула. Она была лубаррижкой. Глейсы отдали большую часть службы развлечений людям из числа “свободного” населения Станции, происходящим с подчиненных планет. Хороший способ одновременно дать им занятие и использовать их, если смотреть на это цинично; если же взглянуть на проблему внимательнее, такое решение вопроса давало этим людям смысл существования.

— Кроме того, — продолжал Викор, — я тут кое-кого ищу. Вы слышали про чужака по имени Ланг, который прибыл из-за пределов видимости?

— Я слышала, что он на Станции, — сказала полуженщина, устранивая поудобнее свой рыбий хвост. — Но я его не видела, и не надеюсь, что он посетит мой скучный угол. — Она развернулась и исчезла в гроте, добавив на прощание: — В любом случае, новичкам обычно требуется день-два, чтобы набраться храбрости нырнуть в Океан.

Она была права. Викор осмотрелся в поисках какого-нибудь возвышения, и обнаружил высокую насыпь из блестящих раковин. Он взобрался на нее и, балансируя на самой верхушке, высунул голову и плечи из Океана.

Рядом с Океаном располагались Горы. Возможно, за ними на этот раз следовали Пещеры. Трудно сказать наверняка, какая часть туристской карусели с какой соседствовала в данный момент — они перемещались медленно, но за день-два это становилось заметным.

По другую сторону находился Город — наиболее вероятное место для поисков. В любое время больше половины посетителей и свободных от дежурства штатных работников, если они вообще были в туристской зоне, пребывали именно в Городе. Но это значит, что Викору, прежде чем идти в Город, придется экипироваться.

Викор нырнул обратно в Океан и зашагал сквозь вязкую жидкость, пока наконец не выбрался на берег недалеко от границ Города. Здесь, разумеется, людей было

больше. К примеру, вот эта экскурсия глейских детишек, не старше десяти лет, которых учили дышать Океаном — большинство было слишком перепугано, чтобы повторить урок, хотя они видели своими глазами, что это безопасно. Сорок с лишним паг из штата Пагра, преспокойно занимались гимнастикой под восхищенными взглядами — их нагие красно-коричневые тела маслянисто блестели, мускулы мягко перекачивались под кожей, когда они по очереди поднимали друг друга одной рукой выше головы. Богатая кэтродинская семья, затеявшая спор, какую из достопримечательностей посетить: сын-подросток хотел отправиться в Пещеры, его мать намеревалась отдохнуть на Равнинах, а ее муж, храня верность семье и отчизне, пытался не смотреть на обнаженных паг, но у него это плохо получалось.

Здесь было множество торговых киосков и стеллажей — одни под тентами, другие под открытым небом — предлагающих всевозможные товары. Викор остановился у лавки, торгующей одеждой, и выбрал синюю хламиду, чтобы скрыть свою одежду, и синюю маску со свирепыми красными глазами, чтобы скрыть лицо. Подавая продавцу денежный сертификат, чтобы тот пробил нужную сумму, он спросил:

— Вы не видели этого чужака из-за пределов видимости?

— Который, вроде бы, прибыл вчера? — торговец костюмами покачал головой в фантастической короне из перьев и игрушек. — Нет, не видел.

Викор поблагодарил его и прошел дальше. Окраина Города, выходящая сейчас к Океану, была заполнена кафе, дискотеками и площадками, где проходили представления акробатов. Группа лубаррийцев, дающих представление, так здорово работала, что Викор остановился посмотреть на них. Здесь он тоже спросил про Ланга. Никто не видел чужака. Викор отправился дальше.

Он услышал позади отдаленный гром. В Горах, которые сейчас находились на противоположной стороне Океана, набирала силу гроза. Обернувшись, Викор увидел молнии — раскаленные добела иглы — между вершинами гор.

Наконец он добрался до парка, располагавшегося почти в центре Города. Поиски Ланга оставались безуспешными. Все знали, что чужак на Станции, все считали, что легко узнают его либо по описанию внешности, либо по черному ручному зверьку, которого он носит с собой. И никто его не видел.

Викор устало опустился на скамейку под огромным кустом, усыпанным розовыми и белыми цветами, с приятным запахом.

Его вывело из задумчивости неожиданное происшествие. Он услышал, что с другой стороны куста разговаривает некто, чей голос ему знаком, с кем-то совершенно незнакомым. Но именно второй голос заставил его вздрогнуть и очень осторожно раздвинуть ветки.

Невероятно, но факт. Викор почувствовал себя так, словно его привычный мир перевернулся вверх тормашками. Патриот из патриотов, строгий приверженец кэтротинских националистических принципов Каподистро Ференц собственной персоной сидел и разговаривал с ПАГОЙ!

ГЛАВА IX

Потрясенный, Викор отпустил ветки, и они скрыли от него головокружительное зрелище. Не было никаких сомнений, что это Ференц — хотя сейчас он был совсем по-другому одет: в золотые сапоги из дорогой парчовой ткани, брюки цвета ржавчины и шелковую блузу из красных и зеленых нитей, которая меняла цвет, когда он поворачивался. Прическа у него тоже была другая. Но это был не кто иной, как Ференц.

Пага, с которой он беседовал, была гражданской особой. Голова ее не обрита, как это делают военные. Меньше среднего роста — примерно такого же, как сам Ференц, и одетая в строгую блузу и неизменные пагские рейтузы. На лацканах ее блузы красовались серебряные знаки, которые, вероятно, обозначали ее официальный статус. Только один из ее передних зубов был подпилен.

Напрягая слух, Викор уловил обрывки разговора.

— ... видеть вещи по-другому извне, — говорил Ференц. — Когда постоянно приходится защищать свое достоинство, легко принять подход, который одобрен свыше, и трудно заметить, что он не соответствует действительности.

Пага рассмеялась. У нее было низкое контральто.

— Собственно говоря, — сказала она, — это справедливо для обеих сторон. Мы не всегда будем решать споры, стараясь перекричать друг друга. Нам лучше...

Звуки музыки с ближайшей танцплощадки заглушили ее слова. Викор ждал, но танец, который играли, был долгим и энергичным, и потребуется не меньше нескольких минут, прежде чем он еще что-то услышит.

Он не знал, злиться ли ему на Ференца за его двуличность, или радоваться, что тот, кого он принял за типичного кэтродинского догматика, оказался вполне сносным человеком.

Викор осторожно посмотрел по сторонам. Он был уверен, что даже после ежедневных свиданий на корабле, Ференц не узнает его в этой сине-красной маске. Кэтродины вообще редко обращали внимание на представителей подчиненных рас, так что даже не могли сказать, кого именно из них они видели в конкретном случае. Он мог обойти куст, сесть на скамейку напротив офицера и паги и свободно наблюдать за ними. Но ему вряд ли удастся сесть так, чтобы слышать разговор. Конечно, они вроде бы не понижают голоса...

Он решил один раз обойти вокруг, чтобы решить, сесть ли ему на виду и заказать выпивку, чтобы оправдать свое присутствие, или вернуться на прежнее место. Он встал и направился в обход куста на противоположную сторону тропинки. Кусты были густыми, выше его роста, с темно-зеленой листвой.

Викор только взялся за ветку, чтобы выйти к выбранной им скамейке, как вдруг еще одна знакомая фигура появилась в поле его зрения с другой стороны и неуверенно выбралась на открытое место.

Археолог Лигмер с толстой папкой и прозрачным пакетом, набитым фотографиями.

Как только он показался из-за кустов, пага, которая беседовала с Ференцем, с улыбкой поднялась ему навстречу. Ее лицо было удивительно приятным для женщины, принадлежащей к огромным грубым пагам, и единственный подпиленный зуб вносил странно дисгармонирующую ноту. Викор, скользнув к скамье напротив и усевшись на нее, грустно подумал о миниатюрной красоте Рейдж.

— Я... Я вижу, вы знакомы, — осторожно сказал Лигмер.

Ференц нахмурился. К нему вернулись его обычные манеры.

— Мы немного поговорили, — грубовато ответил он.

— Я здесь недолго, — добавила пага. — Я ожидала, что ты появишься раньше, Лигмер.

— Да. Ну... мм... прошу прощения, меня задержали. Никак не мог добраться до того документа, который мне хотелось заполнить. — От неожиданности Лигмер все еще запинался. — Нет, не уходите, — сказал он Ференцу. — Если вы, конечно...

Ференц одним глотком допил свое спиртное и встал. Он вытер рот тыльной стороной ладони.

— У вас есть совместное дело, я полагаю, — отрывисто сказал он. — Не буду вам мешать.

Он натянуто поклонился и отправился восвояси. Лигмер провожал его взглядом, пока тот не скрылся за густым кустом.

— Чтоб меня разорвало! — воскликнул он наконец в явном замешательстве. — Ничего не понимаю.

— Чего именно ты не понимаешь? — спросила пага, садясь обратно и вытягивая длинные ноги. — Он показался мне довольно приятным типом, как для вашего военного.

— Все не так просто, Узри, — ответил Лигмер; он наконец пришел в себя и уселся рядом с ней. — Я летел на одном корабле с этим офицером. Он вел себя как законченный твердолобый ортодокс, со всеми этими готовыми клише, которые соскакивают с его зубов по любому поводу. Обнаружить, что он по собственному почину разговаривает с пагой, и разговаривает вежливо — немыслимо!

Викор, напрягая слух, расслышал все. При последних словах он автоматически кивнул, соглашаясь.

На лице Узри отразилось такое же глубокое замешательство, как на лице Лигмера.

— Тогда... тогда, надо полагать, у него были причины так себя вести, — резко сказала она. — Возможно ты своим появлением помешал осуществлению какого-то глубоко законспирированного плана. Ладно, неважно. У нас есть свои дела.

Она нагнулась и достала из-под скамейки папку с документами, такую же толстую, как папка Лигмера, вынула из нее несколько бумаг, разложила на столе и выжидающе посмотрела на археолога.

В этот момент Викор осознал, что он больше не один. Исполненный уверенности и самообладания, на другом конце скамейки сидел, спокойно поглаживая шерстку своего любимца и наблюдал за происходящим не кто иной, как Ланг.

— Добрый день, — произнес Ланг, доброжелательно улыбнувшись, как только увидел, что Викор узнал его. —

Мне кажется, вы — стюард, который обслуживал нас в пути от Кэтродина, не так ли?

Значит, маска оказалась бесполезной. Глупо было бы отрицать истину. Викор кивнул и остался сидеть, будто оглушенный.

— Позвольте мне в таком случае угостить вас чем-нибудь освежающим, — предложил Ланг. — Вы прекрасно выполняли свои обязанности. Ваши кэтродинские космические рейсы — одни из лучших, которыми мне доводилось путешествовать.

Он подал знак официанту, нажав кнопку на подлокотнике скамейки, прежде чем Викор успел что-либо ответить, и продолжал:

— Вы тоже наблюдали за этим небольшим эпизодом на той стороне площадки?

Викор бросил взгляд на Лигмера и Узри. Археолог и пага, улыбка которой открывала подпиленный зуб, склонились над фотографией и изучали ее при помощи увеличительного стекла. Он снова утвердительно кивнул.

— Странно, не правда ли? — настойчиво развивал тему Ланг. — У меня сложилось впечатление, что офицер Ференц скорее бы умер, чем позволил себе быть застигнутым за дружеской беседой с пагой — тем более с пагой, которая дурно влияет на молодого археолога, чьи взгляды он так неизбежно порицал.

Викор наконец обрел дар речи.

— Многоуважаемый господин, не только вы или я находим это странным. Лигмер тоже был потрясен.

— И не без причин, мне кажется.

Ланг заметил, что официант ждет заказ, и сделал вопрошающий жест в сторону Викора.

— Многоуважаемый господин, вы ничем мне не обязаны, — запротестовал Викор. — Я выполнял свою работу, не более...

— Но и не менее. Многие люди делают гораздо меньше, чем обязаны. — Ланг щелкнул пальцами. — Два бокала хорошего вина, официант.

Официант кивнул и исчез. В этот момент Лигмер поднял голову от фотографии, узнал Ланга, встал и поспешил к нему.

— Не присоединитесь ли к нам? — предложил он. — Я надеялся еще увидеться с вами и ответить — или хотя бы попытаться ответить — на ваши вопросы. Сейчас для

этого выдалась прекрасная возможность, поскольку я одновременно смогу вас представить моей ученой коллеге с Пагра, госпоже археологу Узри.

— Я только что пригласил нашего стюарда выпить со мной, — сказал Ланг, поднимаясь с места и сажая пушистого зверька себе на плечо.

Выражение неудовольствия мелькнуло на лице Лигмера с быстротой летней молнии и тотчас исчезло.

— Он может тоже пойти, если захочет, — сказал он.

Археолог бросил на Викора резкий взгляд, и тот покорно снял маску. Возможно, вежливость не позволила Лигмеру сделать замечание Викору, что тот воспользовался маскировкой, чтобы затесаться среди господ. Или возымел действие тот факт, что они были в туристской зоне, где не действовали обычные правила. Хотя никогда еще это не останавливало кэтродина, если он желал сделать выговор низшему.

Почему-то у Викора сложилось убеждение, что подлинной причиной было присутствие Ланга.

Он последовал за чужаком и Лигмером на приличествующем расстоянии, и сел на табурет не слишком близко к столу, но и не так, чтобы это выглядело демонстративно далеко. Он молча принял от официанта бокал вина и весь обратился в зрение и слух.

— Из-за пределов водимости, вот как? — переспросила Узри. На нее это явно произвело впечатление. — Здесь, в Рукаве, это редкость. Вы собираетесь после Станции направиться на пагские планеты?

— Возможно, да. А, возможно, и нет, — он улыбнулся. — Боюсь, что так далеко меня завлекла Станция, а не слава вашей империи.

— Ха! — коротко рассмеялась Узри. — И совершенно справедливо. Станция — это чудо, одно из самых невероятных мест галактики. И чем глубже вы с ней знакомитесь, тем больше она вас восхищает.

— То же самое говорил мне наш друг Лигмер на борту корабля, — Ланг бросил взгляд на кэтродина. — Он говорил, что возникновение Станции окутано тайной, но существует версия о том, что ее построили древние путешественники с Пагра...

— Это скорее всего пропаганда, — напрямик сказал Лигмер.

— Предубежденность! — воскликнула Узри с внезапной горячностью. — Нельзя недооценивать свидетельства,

которые говорят о существовании на Пагре древней цивилизации, знакомой с полетами в космос...

— И которых не видел никто, кроме паг, — прервал ее Лигмер. — Если они, конечно, вообще существуют.

— Ах, что касается... Вот они, — резко ответила Узри и вынула из папки с документами фотографию, которую протянула Лигмеру. — Я этого тебе еще не показывала, хотя принесла специально, чтобы продемонстрировать.

Лигмер махнул рукой.

— Фотографии можно подделать, — сказал он. — Я не хочу сказать, что не доверяю тебе, Узри. Но ваши органы официальной пропаганды наговорили столько чуши за последние несколько веков, что вы не можете ожидать, чтобы мы приняли такой важный факт на веру.

— Можно взглянуть? — спросил Ланг.

Викор, глядя через его плечо, увидел только размытые пятна.

— Корабль, — сказал Ланг. — Окаменевший. Я прав?

Он повернулся к Узри, которая удовлетворенно кивнула.

— Не столько окаменевший, сколько забальзамированный, — сказала она. — Он пролежал там по меньшей мере десять тысяч лет. Насколько мы восстановили случившееся, это была авария экспериментального антигравитационного двигателя. Во время испытательного полета, низко над землей или во время посадки корабль произвел слишком сильный нажим на поверхность земли. В результате выплеснулась магма, возможно даже возник вулкан, и расплавленный поток похоронил его.

— И как вам удалось получить эту фотографию? — спросил Лигмер.

— Первоначальные элементы корпуса сейчас в высокой концентрации присутствуют в окаменевшей лаве, — ответила Узри. — Мы получили картину, сделав около сотни снимков. Для этого поверхность камня отполировали до блеска, а затем направили на него луч яркого света под нужным углом. Естественная неоднородность камня мешает контурам очертиться в одном снимке. Имея сотню снимков, мы усреднили погрешности и получили достаточно четкую картину. У меня есть другие снимки, и копия доклада, опубликованного группой, которая проделала эту работу. Кроме обычной пропаганды в нем содержатся вполне добросовестные научные материалы.

Она посмотрела на Ланга.

— Каково? — вызывающе спросила она.

— Я полагаю, — мягко сказал Ланг после паузы, — что вы верно интерпретируете картину, но ваши дальнейшие умозаключения неправомерны. Корабль на Пагре, учитывая существование Станции здесь, значит — по крайней мере, для меня, — что кто-то прибыл со Станции на Пагр. И, скорее всего, побывал также на Глее, на Кэтродине, на Элчмиде, на Лубарри и — он краем глаза глянул на Викора, — на Майкосе.

ГЛАВА X

Викор почти ожидал урагана негодующих контраргументов от обоих археологов. Они действительно на мгновение уставились друг на друга, и на лицах их отразилась готовность перейти к нападению.

Но ничего не произошло. Они постепенно расслабились, и Литмер заговорил первым — почти извиняясь.

— Собственно говоря, — произнес он, — это действительно очевидный ответ, не правда ли? Однако есть и возражения. Подобную теорию выдвигали несколько раз на протяжении последних веков, еще со времен открытия Станции, и каждый раз она встречалась с непреодолимыми препятствиями. — Он бросил на Узри быстрый взгляд. — И я не думаю, что ее когда-либо всерьез рассматривали на Пагре.

— Вот как? — сухо сказала Узри. — Я надеюсь, что здесь нет подслушивающих устройств, поскольку то, что я собираюсь сказать, в высшей степени противозаконно и может мне стоить моего положения и права посещать Станцию. Но дело в том, что я долгое время изучала теорию Брингера. Основное возражение — если оставить в стороне имперскую гордость — заключается в том, что никто не обнаружил свидетельств полетов в космос в доисторические времена нигде, кроме как на Пагре. Если бы они были, никто бы не стал их скрывать, верно? Еще факт — люди разных планет Рукава значительно отличаются друг от друга физически. Их цивилизации тоже достаточно различны, и даже их способы мышления разнятся. Еще против теории Брингера говорит то, что общество, построенное по принципу господства мужчин, на всех остальных

планетах Рукава совпадает с тем, что по традиции считается политикой, господствовавшей на Пагре до установления нынешнего порядка.

Ланг кивнул.

— Так какова ныне принятая теория происхождения человека здесь, в Рукаве?

Лигмер и Узри снова переглянулись.

— Смотря на какой планете, — ворчливо произнес Лигмер. — На Кэтродине не существует общепринятой теории. Некоторые придерживаются теории Брингера, как ее называет Узри, но таких немного. Поскольку люди весьма широко распространены в галактике, существует мнение, что на кислородных планетах с океанами и соответствующим климатом человек статистически наиболее вероятно возникающее разумное существо.

Ланг покачал головой и ничего не сказал. Лигмер, однако, воспринял это как пренебрежительный комментарий, и горячо продолжил:

— А вот на Пагре считают, что человек сначала возник здесь, и отсюда распространился по всей галактике!

— А на Лубаррии продолжают говорить то, что говорили всего сто лет назад на Кэтродине, — отрезала Узри. — Что человек был создан согласно некоему мистическому двойственному принципу — его породили мужчины-звезды и женщины-планеты, или наоборот — что отражено в его собственной сущности. Должна сказать, что жрецы этого культа ведут себя так, как будто ими руководит единственный принцип — сексуальный...

— Нет ни одного кэтродина, кроме умственно неполноценных, которые сегодня верят в этот бред! — перебил ее Лигмер.

Они уже почти кричали друг на друга. Ланг каплянул, и спорщики пристыженно умолкли.

— Ну, с моей точки зрения, из этих двух якобы непреодолимых возражений теории Брингера одно не так уж трудно преодолеть, — рассудительно произнес Ланг. — Возьмем тот факт, что свидетельства древних космических полетов найдены только на Пагре. Пагр находится ближе всего к концу Рукава, верно? Не предполагает ли это, что Пагр мог оказаться последней планетой, на которой Станция побывала — а она по этой теории вовсе не станция, а межзвездный корабль — последней планетой, на которой высадили колонистов. Естественно, там сохранились ре-

ликты — именно там остались корабли, которые больше не были нужны. Скорее всего, их выпотрошили и оставили разрушаться.

— Можно посмотреть на это и так, — неохотно согласилась Узри.

Лигмер подтвердил свое согласие кивком.

— Кстати, что говорят о происхождении человека на Майкосе? — Ланг обернулся к Викору, который сидел, уставившись в свой бокал.

— Нам не дозволено строить такие предположения, — пробормотал Виктор. — Нам запрещено иметь университеты, обсерватории, лаборатории, школы выше технических колледжей, в которых обучают простым механическим действиям — да, в сущности, любые центры, где люди могли бы заняться подобными проблемами.

Он выдержал взгляд Лигмера, упрямо не опуская глаз, и снова погрузился в молчание.

— Но если бы вас попросили высказать ваше собственное мнение? — мягко настаивал Ланг.

Лигмер нахмурился. С его точки зрения, уделять чересчур много внимания подчиненным расам было опасно. Однако Ланг чужак; это не так страшно, как если бы он сам поступал подобным образом.

— Хорошо, я отвечу, — сказал Виктор. — Я бы сказал, что человек где-то возник — однажды. Я не верю, что он возник на всех этих разных планетах — не только в Рукаве, но и во всей галактике — благодаря чистому совпадению. Возьмем, например, способность давать потомство.

В глубине души Виктор удивлялся сам себе, что затронул такую скользкую тему. Тем не менее, он продолжал.

— Нам известно, что люди разных рас способны иметь вполне жизнеспособных детей. На Лубаррии, где фальшивая религия кэтродинов заставляет женщин всегда уступать жрецам, когда они того пожелают, очень много детей смешанной крови. Прямо здесь, на Станции, есть кэтродино-лубаррийцы в лубаррийском секторе. Кэтродины их не принимают, лубаррийцам не нравится их преувеличенное самомнение, поэтому они стараются остаться здесь, на Станции.

То же самое между элчмидами и пагами. Я слышал, что когда у вас на планете, госпожа археолог Узри, — он глянул паге прямо в лицо, — не могут утихомирить какого-нибудь мужчину, его выпускают в толпу элчмидских

женщин. В результате тоже частенько появляются смешанные дети. Только их убивают сразу после рождения.

— Примерно так, — беспристрастно ответила Узри. — Ты довольно умен, парень.

— Слишком умен, я бы сказал, — рявкнул Лигмер. — У майко есть очевидные причины рассуждать о подобных вещах. В результате можно заключить, что все расы имеют одно происхождение, и Майкос и Лубаррия неоправданно подвергаются угнетению.

В воздухе повисло внезапное напряжение. Узри это почувствовала, Ланг это почувствовал, даже маленький зверек по имени Санни вопросительно поднял голову и зашевелил носом, принюхиваясь. Викор тоже это почувствовал. Но слишком поздно. Потому что к этому моменту уже прозвучали роковые слова, которые теперь эхом отдавались в его мыслях. Он сказал — на самом деле сказал в лицо кэтродину в присутствии паги:

— Но так и есть! Чудовищному угнетению, которому нет ни малейшего оправдания!

Наступила долгая и страшная тишина. Или, вернее, молчание, потому что никто из них не произносил ни слова, хотя отовсюду доносились звуки — музыка с танцплощадки, обрывки разговора из-за кустов, даже слабые отголоски грозы, бушевавшей в Горах.

ИЗГНАННИК! ИЗГНАННИК! Слово это будто ударами молота отдавалось в мозгу Викора. Он посмотрел на застывшее лицо Узри, на побагровевшее от негодования лицо Лигмера, на насмешливую полуулыбку Ланга. Внезапно он почувствовал необъяснимую злость на Ланга. Викор никогда не ожидал от себя такого дикого поступка. Поставить крест на своей жизни, на своей свободе перемещаться между Станцией и домом, на своей работе курьера в революционном движении Майкоса — и все из-за минутной потери контроля над собой! Каким-то образом в этом был повинен Ланг. Он чувствовал это всем существом, он это ЗНАЛ — и в то же время понимал, что ничто сказанное или сделанное Лангом не может толком объяснить его идиотский промах.

Викор встал, стараясь не терять достоинства, поставил на столик свой недопитый бокал вина, бросил на Ланга взгляд, в котором читались и боль, и обида, и уязвленная гордость, и медленно зашагал прочь.

— Н-да, — сказала Узри, помолчав еще немного. — А вот я бы его не отпустила. Если бы элчмид заявил мне что-либо подобное, я бы выбила ему все зубы и отправила его на корм мужчинам.

— Ничего, это ему даром не пройдет, — сказал Лигмер сквозь стиснутые зубы. — Здесь на Станции с ним ничего нельзя поделать, он укроется среди майко, и глейсы не позволят нам до него добраться. Но он больше никогда не сможет покинуть Станцию — разве что ему захочется совершить самоубийство. Я отдам необходимые распоряжения казначею его корабля на случай, если он решит явиться на корабль, сделав вид, что ничего не случилось.

Он повернулся к Лангу и привстал в полупоклоне.

— Должен поблагодарить вас, достойный сэр, — сказал он. — Я не мог понять, зачем вы настаивали, чтобы он высказал свое мнение. Теперь я вижу, что вы хитроумно спровоцировали его высказать подрывные идеи. Это услуга, за которую мы, кэтродины, вам весьма благодарны.

— Вам не за что меня благодарить, — сказал Ланг, и взгляд его был тверд и бесстрастен. — Я нейтрален. В настоящий момент я гражданин Станции, и ваши национальные проблемы меня не касаются.

Он поднял бокал и осушил его.

— Я бродил по туристскому центру, — сказал он. — Весьма впечатляет.

— И в нем чертовски трудно разобраться, — резко сказала Узри. — Постоянно меняется. Вчера я спустилась через Радиевый люк и пошла в Город; сегодня мне пришлось пройти сквозь Пещеры и часть Океана, чтобы добраться сюда. Океан ладно, эта сверхъестественная жидкость, которая в нем вместо воды, выветривается как только выходишь обратно на сушу. Но путь через Пещеры был довольно неприятен.

— Почему? — спросил Ланг, подняв бровь. — Я их еще не осматривал.

— Осмотрите, если вы нормальный человек, — Узри засмеялась: нечто среднее между смехом и ворчаньем. — Другие расы считают нас исключением, потому что мы не уступаем мужчине, пока он не докажет, что достоин женщины, победив ее в схватке один на один. Но все это вопрос подхода. Поэтому нам незачем посещать Пещеры для развлечения, как это делают другие.

— Так это... скажем так: место экзотических развлечений?

— В основном, да. Одним из доказательств, которые приводят наши генетики в пользу того, что расы других планет представляют собой деградировавших потомков древней пагской расы, служит то, что мы предпочитаем партнеров собственной расы. Паг и пага. В здешних Пещерах большинство посетителей ищет контакта с представителями иных рас. Кэтродины желают глейсов, элчмиды крутятся вокруг лубаррийцев... тьфу! — Она состроила гримасу отвращения. — Полная деградация!

— Ваши мужчины берут элчмидских женщин, как вы сами недавно признали, — резко заметил Ланг. — Значит, ваши мужчины принадлежат к деградировавшей расе, а женщины нет?

Прежде чем Узри смогла найти ответ, он снова нагнулся над столом, чтобы приглядеться к снимку корабля, забальзамированного в окаменевшей лаве на Пагре.

— Сколько останков кораблей нашли на Пагре? — спросил он.

Узри заколебалась, как будто собиралась говорить о чем-то совсем другом, и нахмурила лоб. Но у Ланга был столь убедительный вид человека, который начисто забыл, о чем говорил прежде, что пага отказалась от своих намерений и ответила:

— Мы нашли пятнадцать. Все располагаются в слоях примерно одного времени, и на том участке, откуда по независимым оценкам наших археологов пагская раса распространилась по планете.

— Пятнадцать. — Ланг полез в карман и вынул подготовленную глейсами карту Станции, которой его снабдили по прибытии. — На Станции всего шестнадцать стыковочных узлов для кораблей, — сказал он. — Не считая четырех маленьких. Достаточно близкое совпадение, господа археолог Узри. Все данные в вашем распоряжении, можете выводить свои умозаключения.

Он вновь посадил своего любимца-зверька на плечо, встал и кивком попрощался с ними, прежде чем скрыться за кустами.

— Кто он такой? — изумленно спросила Узри, когда Ланг ушел.

Лигмер покачал головой.

— Исключительно богатый турист — по официальной версии, — сказал он. — Путешествует по галактике. Услышав слухи про Станцию, прибыл посмотреть, насколько они правдивы, после чего отправится восвояси.

— Туманно, — вынесла заключение Узри. — Это опасный человек, Литмер. У меня создалось впечатление, что, хотя он раньше не бывал на Станции, он знает о ней — и о нас — больше, чем мы узнали за столько лет ее изучения.

Она вдруг задрожала, чего трудно было ожидать от паги, и дрожь прошла по всему ее сильному телу под черной блузой.

— Он мне не нравится! — свирепо сказала она. — Он мне оч-чень не нравится!

ГЛАВА XI

Неся в руке маску, Виктор шел с опущенной головой. Ему казалось, что он идет так много веков. Эхо сказанных им слов продолжало звучать у него в голове, билось о грани сознания, как волны, подтачивающие скалистый берег. Мозг его пульсировал в такт бешеному биению сердца, дыхание было тяжелым и прерывистым.

Губы его шевелились в бессмысленном повторении самообвинения: “Ты должно быть сошел с ума Ты должно быть сошел с ума Ты должно быть сошел с ума...”

В конце концов он уселся на каменистом склоне у отрогов Гор и устремил взор на Город. Но это был невидящий взгляд. Перед его глазами были совершенно другие картины — его планета, Майкос; его народ; его прошлое, которое было и его будущим, и которое он перечеркнул одной неосторожной фразой.

С этим ничего нельзя было поделать. Он не мог пойти к кэтродинским властям и молить о прощении — твердолюбые кэтродины никогда не простят такого. Он сначала будет страдать, потом умрет. Умирать Виктор не хотел.

Он хотел жить. А жить ему отныне предстояло на Станции.

Возможно — он ухватился за спасительную надежду — возможно, он еще пригодится. Может быть, он станет, как Ларвик, агентом, сеющим недуг среди надменных кэтродинов — хоть его и отталкивало дурно пахнущее занятие Ларвика.

В порыве горя он вспомнил Майкос. Вспомнил тусклый промышленный город, где родился и вырос; людей, кото-

рые одевались в тускло-коричневые цвета и должны были ступать в грязь, освобождая дорогу наглым кэтродинским чиновникам, но умудрялись все же сохранить искру незаисимости; вспомнил лицо своего отца и гордость, отразившуюся на нем, когда он узнал, что сын работает курьером для революционного движения, которому он сам отдал много лет жизни...

Викор обнаружил, что думает о Майкосе, как об очень тусклом мире — тусклом не по природе, а потому что господство кэтродинов отбрасывало тень на самые светлые дни.

Он больше не увидит родину.

Леденящая безысходность того, что случилось, наконец заморозила острую боль в его душе, осталось лишь легкое саднящее чувство. Он стал размышлять, что же ему предпринять. Стоит ли рисковать, возвращаясь на корабль, чтобы забрать свои пожитки? Он решил, что не стоит. Лигмер был так разгневан, что, скорее всего, уже предупредил кэтродинские власти. Так что стоит Викору на мгновение выйти из-под охраны глейсов, его схватят и упрячут за решетку.

Группа кэтродинских юнцов вынырнула из Океана неподалеку от него, смеясь и возбужденно переговариваясь. Они тотчас принялись играть в пятнашки на склонах. Их веселье казалось ему издевательским, и по контрасту его несчастье выглядело еще непоправимее. Викору захотелось иметь возможность прокричать им, что он страдает — но если бы даже он это сделал, они бы не поняли. Они бы оскалили зубы в своих кэтродинских ухмылках и заявили, что так ему и надо — если бы вообще снизошли до разговора с представителем низшей расы.

Однако был человек, с которым он мог поделиться своим горем, который его поймет — и которому в любом случае придется все рассказать. Викор встал и побрел к люку, ведущему из туристской зоны, склонив голову еще ниже, чем обычно, под бременем обуревающих горестных мыслей.

Словно во сне он нашел дорогу к знакомому коридору, освещенному красновато-оранжевым светом, куда можно было попасть, только зная секретный код. Он нажал на кнопку на двери небольшого офиса и вошел.

Викор думал: «Конечно, ее может здесь и не быть, она может сейчас работать в одном из приемных залов или

где-нибудь еще..." До него не сразу дошло, что он видит. С запозданием он принялся бормотать извинения.

Необычный мягкий пластик красного цвета, который всегда имел форму двух кресел и, похоже, служил единственной мебелью в каюте Рейдж, лежал на полу в виде толстого матраса. Обычно пустые переборки выглядели по-другому: слева от входа была оставлена открытой дверца шкафа, за которой виднелись одежда и обувь; напротив нее за похожей дверцей открылось взгляду собрание печатных книг и книг на магнитных лентах. Были и другие перемены.

Викор не сразу все это осознал, поскольку каюта была так же тускло освещена, как и коридор. Обычное освещение было приглушено до бледного сумеречного полусвета. В этих сумерках он увидел Рейдж, которую разбудил его внезапный визит. Она лежала под блестящим шелковым покрывалом на матрасе из пластика и смотрела на него, сонно моргая.

Мгновением позже она уже собралась с мыслями и тотчас прервала поток сбивчивых извинений Викора.

— Неважно, Викор — раз ты пришел, значит у тебя были на то причины. Ты выглядишь таким несчастным! Что стряслось?

Она села, изящным жестом закутавшись в покрывало, так что Викор лишь мельком увидел обнаженное плечо и соблазнительные очертания груди, и включила яркий свет. Рейдж выглядела крошечной и хрупкой, как фарфоровая статуэтка. Ее босые ступни выглядывали из-под покрывала, завершая образ. Викор облизал пересохшие губы.

— Я поступил, как идиот, — сказал он. — Не думаю, что вся вина падает на меня, но...

Она жестом пригласила его сесть на пластиковый матрас, и он неловко повиновался, стараясь не смотреть на нее слишком пристально. Отрывистыми нескладными фразами он рассказал, что произошло, и почему он никогда больше не будет свободным человеком. Рейдж слушала его молча, чуть склонив голову набок.

— Вот и все, — горько завершил Викор свой рассказ. — Меня подтолкнули к тому, чтобы я перечеркнул всю свою жизнь одной дурацкой вспышкой раздражения!

— Бедняга, — сказала Рейдж, положив маленькую нежную руку ему на плечо.

Ее прикосновение действовало, как выключатель. Викор опустил голову и почувствовал, как мышцы его живота судорожно сократились в первом из длинной серии всхлипываний.

Он лишь смутно сознавал, что Рейдж грациозно встала и перемещается где-то на краю его затуманенного слезами сознания. Когда он смог поднять голову и снова обрести способность ясно видеть, Рейдж стояла рядом, завязывая пояс простого платья длиной до пола. Лицо ее выражало больше чувств, чем он когда-либо видел.

— Вставай, — мягко сказала она, и, коснувшись его плеча, заставила Викора подняться.

Затем она наклонилась к мягкому пластику на полу, проделала что-то неуволимое, и матрас разделился на две части. Из каждой части Рейдж образовала привычное ему по прежним визитам кресло и усадила Викора в ближайшее из них.

— Это поможет, — сказала она, повернувшись чтобы открыть еще одну скрытую дверцу в переборке и достать из шкафика красивой формы кувшинчик и две небольшие кружки.

Рейдж налила ему и себе, и передала кружку Викору. Он судорожно глотнул и обнаружил, что напиток мягок на вкус, но обжигает внутри. Через несколько мгновений по телу его разлилось приятное тепло.

Тем временем Рейдж опустила во второе кресло, лицом к нему, изящно положила ногу на ногу и расправила подол белого платья.

— Ты еще очень молод, Викор, верно? — спросила она. Тот вяло кивнул.

— Мне почти двадцать, — нерешительно ответил он.

— И какова до сих пор была твоя жизнь?

Он пожал плечами.

— Довольно обычна. Я хорошо учился в школе, и в пятнадцать лет меня выбрали для обучения на мелкого служащего. Потом более-менее случайно я получил назначение в космопорт, расположенный рядом с моим домом. Потом стал учеником казначея и наконец получил место стюарда на рейсовых лайнерах. Оказалось, что за мной наблюдали. Когда прежний курьер заболел, меня попросили передать сообщение на Станцию. В следующем рейсе меня уже назначили постоянным курьером.

— И это все? Нет, конечно. Тебя ждут дома родители, друзья — и, наверное, девушка?

Викор покачал головой. Разумеется, у него не было девушки! Он подумал, надо ли объяснять, почему, но вспомнил, что Рейдж вдвое старше его, и решил промолчать.

Но хотя бы намекнуть на причину он мог. Он неуклюже сказал:

— Девушка должна быть такой, чтобы я мог... мог работать с ней вместе и восхищаться ей как... ну, вы понимаете. Это единственное утешение, о котором я мог подумать, когда все случилось сегодня.

Рейдж сделала крошечный глоток из кружки и задумчиво кивнула.

— Жизнь на Станции не так плоха, Викор. Я провела здесь почти половину своей жизни, бывая на родине только раз в году. Ты знаешь, что для нас, глейсов, Станция — это гораздо большее, нежели просто собственность и предмет гордости, как Майкос для кэтродинов или Элчмида для паг. Станция для нас означает надежду, а еще защиту — защиту от порабощения другими расами. Но кроме она означает работу. Работу на протяжении всех дней, всех ночей, всей жизни, работу без ошибок и промахов. Вначале это было для меня таким страшным напряжением, что я думала — не выдержу. Потом мероприятие, за которое я отвечала — часть большого плана — осуществилось успешно, и я начала видеть смысл своего пребывания здесь, видеть плоды своей собственной работы и что она значит для других людей. Ты, наверное, тоже испытывал такие чувства по поводу своей работы для революционеров на Майкосе. Чувство первых настоящих достижений в жизни?

Викор кивнул. Именно это он и чувствовал.

— Вскоре наступит день, — задумчиво продолжала Рейдж, протянув руку и поглаживая гладкий бок изящного кувшинчика, — это случится лет через пять-шесть — когда я дам начало новой жизни. Я вернусь на Глей, выберу мужа и смогу родить детей, которые меня ждут — ждут с тех самых пор, как меня назначили работать здесь.

Она задумчиво посмотрела вниз, на свою изящную фигуру, словно пытаясь представить, как будет выглядеть, когда заведет семью.

— С одной стороны, я буду счастливее тебя. Но с другой стороны, в моей жизни уже не будет сюрпризов. Мне не придется вновь испытать то головокружительное чувство, когда катастрофа вдруг оборачивается неожиданной удачей...

Она умолкла, погрузившись в задумчивое молчание.

— Но у тебя, Викор, — сказала она после паузы, — все еще впереди. Я наблюдала за тобой с тех самых пор, как ты стал моим курьером. Ты не превратился в жителя Станции, как поступили многие майко до тебя, руководствуясь эгоистическими соображениями. С чисто материальной точки зрения жизнь на Станции куда лучше той, на которую ты можешь надеяться дома. Но для тебя это неважно, ведь так?

— Лучше бы я оказался заперт на родной планете, и никогда больше не увидел Станцию, никогда не полетел на космическом корабле, — с усилием произнес Викор, — но смог продолжать работать ради того, во что верю.

— Ты сможешь делать это здесь, — сказала Рейдж. — Какой выход ты видишь для себя теперь?

— У меня не было времени над этим задуматься, — сказал Викор. — Я думаю, что мог бы... — он заколебался, но вспомнил, что говорил Ларвик об отношении глейсов к этому вопросу, — мог бы участвовать в распространении дурманной травы среди кэтродинов. Или хотя бы пойти работать в туристскую зону и провести жизнь, выкачивая деньги из праздных богачей...

— Или стать сотрудником штата Станции. Может быть, когда-нибудь даже отправиться на Глей, если захочешь.

Викор не поверил своим ушам.

— Я... Это было бы чудесно! — проговорил он, запинаясь. — Я всегда хотел побывать на Глее. Я так восхищаюсь глейсами за все, что вы сделали для нас...

— Я догадалась, — едва заметно улыбнулась Рейдж. — Последнее сообщение, которое ты доставил устно... в нем было много твоего личного отношения. О, мы далеко не ангелы, Викор! Например, это дело с дурманной травой. Не думай, что мы поддерживаем его потому, что это поможет вашей планете избавиться от ига кэтродинов. Мы поступаем так, потому что в наши собственные интересы входит ослабить и Кэтродин, и Пагр. Мы используем каждый шанс усмирить кэтродинов или паг, чтобы напомнить им, что глейсы не принимают приказов ни от кого. Иногда мы вынуждены применять жестокие методы, которых стыдимся, только для того, чтобы сохранить свободу.

Она развела руками.

— Но настанет день, Викор, настанет день! У нас тоже есть мечты о будущем. Возможно, я пристрастна, но мне

кажется, что наша надежда лучше стремлений прочих рас Рукава. Может быть, ты тоже разделишь наши убеждения. И, если да, то сможешь снова стать счастливым.

ГЛАВА XII

— Нет. Боюсь, что нет, — ответила Рейдж и сопроводила отказ извиняющейся полуулыбкой.

— Но почему нет? — настаивал Лигмер, наклонившись вперед так, что его правая рука легла на стол, за которым сидела Рейдж; дело было в официальном административном блоке.

Здесь находилась общедоступная часть территории глейсов — насколько было известно посторонним, она полностью совпадала с такими же территориями паг и кэтродинов. Точнее сказать, насколько было известно БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ посторонних. Являлось ли это результатом утечки информации, или всего лишь собственными выводами, но похоже, что эти двое посторонних — Лигмер и его коллега с Пагра, Узри, — проникли в тайну, охраняющую существование потайного глейсского сектора на Станции.

Лицо Рейдж стало серьезным и строгим.

— Вы должны признать, Лигмер, — сказала она чопорно, — что и кэтродины, и паги зарекомендовали себя на Станции не с лучшей стороны. Представители обеих ваших рас неоднократно пытались заполучить контроль над Станцией в свои руки. Согласна, приятно видеть, что вы способны сотрудничать, а не только быть противниками. Но я почти не сомневаюсь, что если вам предоставить доступ к информации, которую вы хотите получить, каждый из вас тотчас же начнет размышлять над тем, как ее обратить на пользу его собственной расе и во вред всем остальным.

Она изложила все это поучающим тоном, и, когда говорила, была крайне удивлена выражением удовлетворения на лице Узри.

— Это, по крайней мере, кое о чем нам говорит, — сказала пага. — Мы были правы в своих догадках. Если бы мы ошибались, вы бы охотно позволили нам продолжать поиски сведений, которых мы наверняка не найдем,

потому что их нет. В любом случае ваша официальная информация не является полной, капитан Рейдж, и вы не можете этого отрицать.

— Все наши поступки продиктованы необходимостью сохранять нейтралитет Станции, — сухо ответила Рейдж.

— В том числе и предоставление убежища ренегатам, — мрачно заметил Лигмер. — Насколько нейтральны такие действия?

Рейдж выглядела крайне озадаченной.

— Вы прекрасно знаете, о чем я! — рявкнул Лигмер. — Вчерашний случай с майко — стюардом с одного из наших лайнеров. Вы слишком хорошо информированы, чтобы не знать об этом. Он нанес публичное оскорбление Кэтродину, утверждая, что мы несправедливо угнетаем Майкос.

— В таком случае, — прервала его Рейдж, — мы рады будем предоставить ему убежище здесь, на Станции. Как вам отлично известно, Лигмер, наша административная власть на Станции — это единственное, что предотвращает захват нашей планеты одной из ваших империй. Мы не можем отказать представителям ваших так называемых "подчиненных" рас в свободе, которая дана нам самим.

Лигмер принялся негодуя возражать. Рейдж, не обращая на него внимания, опустила взгляд на бланк запроса, который лежал перед ней на столе. Запрос попал к ней несколько часов назад, а вслед за ним появились два археолога.

Они требовали доступа к секции иллюстрированных записей банков памяти, этих гигантских электронных хранилищ, спрятанных в самой сердцевине Станции и защищенных всем ее корпусом от межзвездного шума, который мог бы исказить сложные комплексы сигналов. Однако некоторые из них не использовались в течение тысячелетий, а к другим глейсы подобрали ключ только с большим трудом и не исключали, что расшифровка была неточной. Малейшая частица космического излучения, обладающая высокой энергией, могла нарушить баланс в тысяче важных электрических контуров, наведя на информацию помехи или даже полностью исказив ее смысл.

А у археологов на уме была весьма конкретный объект.

— Заметь, — сказала Узри, — вполне очевидно, почему они боятся дать нам доступ к подобной информации. Если подтвердится теория Брингера, это будет означать, что все расы Рукава произошли от создателей Станции и

имеют на нее равные права. Это еще как отличается от монополии на Станцию, которой глейсы обладают сейчас.

Она обращалась к Лигмеру, поглядывая на Рейдж искоса, чтобы убедиться, что ее слова достигли цели.

— Госпожа археолог Узри, конечно, ошибается, — сказала Рейдж, не поднимая головы. — И в этом вопросе и в предыдущем. Я на самом деле не знаю, существует ли подобная информация. Если она существует, и если она послужит подтверждением теории Брингера, это ничуть не изменит существующее положение. Я повторяю: и Кэтродин, и Пагр пытались захватить единоличный контроль над Станцией. Мы хотя бы позволяем людям всех рас свободно прибывать на Станцию и покидать ее, а также жить здесь в мире и спокойствии. Мы не можем распространить такую ситуацию за пределы Станции, но если бы смогли, то так бы и поступили.

Лигмер с отвращением фыркнул.

— Ну ладно! — резко сказал он. — Тогда ответьте, почему вы отказываете нам в доступе к главным банкам памяти, когда нами руководит чисто профессиональное стремление к знаниям — и при этом даете разрешение человеку, который даже не является гражданином ни одной из планет Рукава!

Повисло долгое молчание. Наконец Рейдж сказала с неприятным удивлением:

— О чем вы говорите? Я не знаю никакого подобного случая!

— Нет? — саркастически переспросила Узри. — А как тогда случилось, что вчера мы видели этого чужака Ланга выходящим из помещений банка памяти?

Рейдж покачала головой.

— Мне об этом ничего не известно. Я расследую этот вопрос, если желаете. Возможно, кто-то из работников нашего штата согласился показать ему залы банка памяти, поскольку он необычный посетитель. Но я могу сказать со всей уверенностью, что никто не допустил бы его к информации, которая не предназначена для общего пользования.

Лигмер встал.

— В вас, глейсах, есть что-то неприятное, — сказал он. — За вашим фасадом справедливости и беспристрастия кроются довольно подлые штучки.

Узри последовала его примеру и встала. Она казалась великаншей по сравнению с кукольной фигуркой Рейдж, которая продолжала сидеть.

— И я так думаю! — сказала пага, вздернув верхнюю губу, так что стал виден заточенный зуб. — Как, например, по-вашему, мои соотечественники могут отказаться от своей веры в то, что Станцию построила древняя пагская раса, если вы не дадите возможности провести научную экспертизу фактов?

Рейдж бесстрастно нажала кнопку на столе и открыла дверь.

— Можете идти, — сказала она.

Они хмуро повиновались.

Когда археологи покинули офис, Рейдж некоторое время сидела, глядя в пространство. Разумеется, вполне возможно, что Ланг посетил залы банка памяти с гидом. Не исключено также, что Лигмер и Узри попросту выдумали историю — хоть это и маловероятно.

Но почему-то она была уверена, что они не лгали. Она помнила, что Викор утверждал, будто видел Ланга еще в одном месте, где того не должно было быть и в помине. Вдохнув, она связалась с Индлем по внутренней связи.

— Индль, вы помните этого юного майко, Викора, который видел чужака из-за пределов видимости в нашем секторе?

— Конечно, — ответил Индль.

— Мне только что доложили, что Ланга также видели выходящим из помещений банка памяти. Кто-нибудь давал ему разрешение на это посещение?

— Нет! — уверенно сказал Индль. — Никто не мог дать такое разрешение без моего ведома. Я отвечаю за всех посетителей этой секции. Вы считаете, что данная информация соответствует истине?

— Уверена на девяносто девять процентов. — Рейдж замаялась. — Не можете ли вы все-таки проверить? Быть может, кто-то из наших сотрудников, дежуривших в тот момент, тоже видел его?

— Сомневаюсь. Они бы доложили. А я об этом слышу впервые. Хорошо, я проверю и дам вам знать, если что-то выясню.

Он прервал связь. Голос его звучал озабоченно.

Для случайного посетителя Ланг вызвал уже слишком много беспокойства. Викор считал именно его виновным в приступе гнева, который стоил ему возможности вернуться на родину. Затем эпизод в потайном секторе глейсов. Разговор, который пересказал Викор: о различных теориях происхождения Станции. И еще...

Рейдж прервала себя. Если не считать необъясненного вторжения в сектор глейсов, свидетелем которого был один Викор, остальное ничего не доказывало. Возможно, она руководствовалась лишь своей интуицией, которая проснулась еще когда корабль Викора только прибыл на Станцию. И все ее подозрения питались только домыслами. Кто знает?

Совместный визит паги и кэтродина был гораздо более важным происшествием. Над этим стоило поработать. Давно было известно, что обоюдное недоверие двух рас мало-помалу уступает место ворчливому уважению друг к другу, переходящему в восхищение. Тенденция эта усиливалась тем, что обе расы не терпели глейсов столь же сильно, как презирали друг друга.

Также было доподлинно известно, что появляются паги вроде Узри, которые хотят, чтобы бессмысленная официальная пропаганда Пагра сменилась научно обоснованными взглядами. Все это можно было объяснить.

Но как объяснить историю, которую Викор рассказал о кэтродинском офицере по имени Ференц. На корабле он казался типичным твердолобым приверженцем официальной доктрины, столь нетерпимым к пагам, что чуть было не подрался с пагой-офицером, которая путешествовала на том же корабле.

Однако он завязал знакомство с Узри, явно отбросив прежнюю враждебность к пагам, и разговаривал с ней вполне дружелюбно.

Этому могло быть два объяснения. Первое: по пути с Кэтродина Ференц притворялся. Конечно, чисто теоретически со времени его пребывания на Станции в составе кэтродинского штата его убеждения вполне могли стать либеральными. Рейдж не встречалась с ним, когда он был сотрудником кэтродинского штата — он был рядовым работником, занятым рутинной административной деятельностью. Но глейсы кропотливо собирали все обрывки информации о сотрудниках штатов других рас на Станции. По старому досье Ференца она сделала вывод, что его превращение в либерала маловероятно, если не исключено вовсе.

Оставалось другое: коренное изменение кэтродинской политики. Вероятно, они запланировали новый, более гибкий подход. Искренне? Или в качестве прикрытия для чего-то иного? Аналогия с пагами подсказывала второй вариант. Паги и кэтродины отродясь ладили не лучше, чем

кошки с собаками. Кроме того, раз Ференца прислали на Станцию (Рейдж ни на минуту не поверила, что он действительно в отпуске) в результате подлинного изменения кэтрэдинской политики, он должен был быть либералом: смягчение взглядов наверху привело бы к использованию более свободомыслящих исполнителей. Но в таком случае Ференцу не надо было бы маскировать свои либеральные взгляды столь ортодоксальным поведением на корабле.

Рейдж вздохнула. Постоянная необходимость разбираться в двулчных хитросплетениях политики была неотъемлемой частью ее работы на Станции, но иногда становилась просто нестерпимой. Тогда Рейдж вдруг обнаруживала, что с нетерпением ждет дня, когда вернется на Глей и родит детей, ожидающих ее возвращения в банке зародышей.

Значит, кэтрэдны преследуют какую-то цель, достаточно важную для них, чтобы оставить расовую гордость и быть вежливыми с пагами во время расследования. Они должны быть при этом достаточно уверены в себе, чтобы позволить пагам — в лице Узри и других — строить догадки касательно их поведения. Рейдж снова перечитала запрос Лигмера на получение данных из банков памяти. Археолог хотел провести сравнительный анализ принципов конструкции Станции и космических кораблей, найденных окаменевшими в потоках лавы на Пагре.

На первый взгляд, весьма невинно. Но может оказаться смертельным.

Тщательно проведенный анализ принципов конструкции Станции сделает явным по крайней мере одно: карты, публикуемые глейсами и предназначенные якобы точно представлять Станцию, содержат намеренно искаженную информацию. Это даст намек на существование до сих пор скрытых помещений, принадлежащих глейсам. Эти помещения образовывали обширную сеть, которая охватывала всю Станцию — над, под, вокруг и внутри секторов других рас, позволяя глейсам находиться в курсе всех событий и всегда быть начеку.

Разумеется, это не обязательно окажется фатальным. Знание, что такая сеть существует, еще не дает ключа к специальным кодам, необходимым, чтобы попасть в эти скрытые помещения посредством лифтов. Но это знание может привести к выяснению более глубинной информации, которую глейсы отчаянно пытались сохранить в тайне

хотя бы до той поры, пока паги и кэтродины не перестанут бороться друг с другом за власть в Рукаве.

Трудно предугадать, как они поступят, когда узнают, что в самом сердце Станции, еще глубже, чем банки памяти, продолжали существовать невероятные, потрясающие двигатели, чья ныне дремлющая энергия некогда неслась Станцию от звезды к звезде через всю Галактику.

ГЛАВА XIII

— Лигмер! Мне нужно с вами поговорить!

Услышав скрипучий голос Ференца, археолог остановился и обернулся. Он возвращался в каюту в кэтродинской секции, которая принадлежала ему на все время его пребывания на Станции. Он был преисполнен гнева по поводу отказа Рейдж в его просьбе. Ему казалось, что их с Узри совместное заявление должно было гарантировать согласие глейсов.

Все еще в гражданской одежде, которая глупо смотрелась на его фигуре, привычной более к военной выправке, Ференц подошел к Лигмеру. Лицо его выражало решимость. Он кивнул на дверь каюты, рядом с которой остановился Лигмер.

— Ваша?

— Ээ... нет. Следующая.

— Хорошо.

Ференц обогнал археолога и распахнул перед ним дверь. Как только Лигмер переступил порог, Ференц последовал за ним и закрыл за собой дверь.

Он сел на стул, оставив Лигмеру кровать, и хмуро уставился на него.

— Я полагаю, вы думаете обо мне весьма неприятные вещи, — сказал он после паузы. Похоже было, что слова давались ему с большим трудом.

— Почему? — возразил Лигмер.

— Не морочьте мне голову. Потому что после всего, что я говорил — вполне искренне — по дороге на Станцию, вы застали меня за дружеским разговором с пагой. Так?

— Это действительно показалось мне странным, — осторожно согласился Лигмер. — Но теперь я думаю, что у вас были на то причины.

— Еще бы! Проклятье! Ну так вот, чтобы вы знали, как себя вести, когда рядом с вами эта пага — а она всегда с вами рядом! Я, например, могу выдержать присутствие паги лишь несколько минут, какие бы усилия не прилагал, — итак, чтобы вы знали, как себя вести, я получил разрешение главного маршала Теммиса пояснить вам причины моего поведения.

— О, — невыразительно пробормотал Лигмер.

По его лицу было видно — он убежден в том, что уже успел совершить какую-нибудь ужасную ошибку.

— Когда я прибыл на Станцию, то сказал Теммису, что считаю неразумным позволять вам так много времени проводить в компании паги. Но он ответил, что ваше назначение было одобрено Верховным Командованием, так что я не мог настаивать. Однако после того, что случилось, я должен предупредить вас, чтобы вы вели себя должным образом. Вам ведь известно, как поступают с теми, кто не сумел сохранить тайну?

Лигмер проглотил слюну и кивнул.

— Но мне известно не так уж много секретов, — осмелился произнести он.

— Сейчас вам предстоит услышать один из них, — угрюмо сказал Ференц, и изложил Лигмеру все то, с чем его ознакомил Теммис по прибытии на Станцию. Факты эти в числе прочего объясняли его собственное странное поведение.

По мере того, как Ференц рассказывал, его слова проливали свет на многое, что раньше было непонятно Лигмеру. В конце концов он начал сопровождать слова Ференца энергичными кивками, а когда тот наконец договорил и замолчал, археолог довольно произнес:

— Так вот почему!

— Что именно?

Первым чувством Ференца после окончания длинного рассказа было облегчение. Слова Лигмера возбудили его острый интерес.

— Вот почему капитан Рейдж отказалась удовлетворить запрос, который мы представили вместе с госпожой археологом Узри.

Лигмер пошарил в карманах и нашел копию запроса. Ференц почти вырвал у него листок.

— Не вижу связи, — сказал он после паузы.

Похоже было, что ему неприятно в этом признаваться.

— Ну... может быть, в таком случае я ошибаюсь. Но мы с Узри специально составили запрос так, чтобы он выглядел лояльным. У нас был разговор об этих останках космических кораблей, которые они якобы нашли на Пагре — кстати сказать, похоже, что это действительно так...

— Это трудно проглотить, — пробурчал Ференц. — Продолжайте.

— Ну, нам удалось вычлениить два совершенно определенных конструктивных принципа, лежащих в основе этих окаменевших кораблей. Не буду углубляться в детали, поскольку это скорее технические вопросы, но суть заключается в развитии принципа, который изобрел мой университетский преподаватель для классификации типов инженерных разработок. Это может оказаться ключом к окончательному устранению пагской пропаганды по поводу Станции. А может и не оказаться. Мы этого теперь не узнаем, если только глейсы не переменят свою точку зрения. Рейдж безоговорочно отказала нам. И теперь мне ясна причина: тщательное изучение принципов конструкции структуры Станции немедленно выявит искажения, которые глейсы преднамеренно ввели в карты.

Ференц хлопнул себя по бедру.

— Может, вы рассуждаете верно, — сказал он. — У вас не такая каша в голове, как мне сначала показалось. Приходит ли вам на ум какая-нибудь еще причина, в силу которой Рейдж могла бы отказать вам?

— Нет. Разве что она сделала это из чистейшего упрямства, так сказать, из принципа.

— Непохоже. Глейсы всегда поступают хладнокровно, они не позволяют себе импульсивных поступков. Кстати, об импульсивных поступках: во имя Галактики, что с вами стряслось, что вы позволили этому стюарду Викору уйти после того, как он нанес оскорбление Кэтродину?

Лигмер покраснел до кончиков ушей. Похоже, ему придется разбираться с этой историей до конца своих дней. Он это уже чувствовал.

— Это случилось в туристской зоне, я ничего не мог поделать, — только и смог сказать он в свое оправдание. — Я тотчас доложил о случившемся, но, насколько мне известно, он не посмел показаться на корабле.

— Мы его до сих пор не поймали, проклятье! Все из-за этих скользких глейсов... Ладно, нет смысла портить нервы такими пустяками.

Факсимильный аппарат на полочке рядом с койкой предупредительно звякнул. Лигмер что-то пробурчал и вынул листок сообщения. Он пробежал его глазами и передал Ференцу, лишившись дара речи от гнева.

Ниже кодового номера каюты Лигмера Ференц прочел: "Наши расследования не подтвердили, чтобы кто-либо пригласил Ланга посетить залы банка памяти. Следовательно, я должна допустить, что госпожа археолог Узри и вы ошиблись".

Подписано было: "Рейдж, капитан".

Ференц нахмурился и вернул Лигмеру листок.

— Это значит... Что это значит? — потребовал ответа он.

Лигмер кратко пересказал, ответом чему служит это сообщение.

— Но проклятье! — взорвался он в конце объяснения. — Мы не ошиблись! Мы обследовали люки, ведущие в туристскую зону, — проверяли некоторые детали конструкции каждого, чтобы решить, стоит ли его включать в этот запрос для Рейдж. Вы знаете, что входы в помещения банка памяти расположены в туристской зоне. Есть даже такое мнение, что все вспомогательные устройства туристской зоны — планеры, уборщики и прочие — непосредственно управляются из какой-то части банка. Обычно помещения банка памяти закрыты от взоров. Но иногда входы в них можно увидеть из люка, если они оказываются в соответствующем взаимном расположении. Мы находились у Платинового люка как раз в такой момент, и оба видели Ланга ясно и отчетливо. Возможно, мы могли бы принять за него кого-то другого, но кто еще носит на плече зверька с черной шерстью, которого можно спутать с этим его таявжающим любимцем?

— Чем он занимался? — Ференц был мрачен.

— Всего лишь выходил. Я не знаю, как он открыл дверь. Я бывал там несколько раз, когда был студентом, и, насколько мне известно, входы всегда заперты.

— Тогда, возможно, он просто шел мимо?

— Нет! Дверь в тот момент была открыта, и как раз закрывалась за ним.

— Теммис должен об этом знать, — внезапно решил Ференц. — Мы не можем позволить, чтобы Рейдж сошло с рук то, что она назвала вас лжецом. Даже если она одновременно обвинила и Узри.

Лысый начальник штата кэтродинов внимательно выслушал их. Когда они закончили, он гневно хлопнул рукой по столу.

— Я хочу знать все об этом Ланге, — скрипуче сказал он. — Полагаю, что мы должны установить за ним наблюдение. Он явно не тот, за кого себя выдает. И он несомненно интересуется глейсов, раз они его покрывают. Вы говорите, что разговаривали с ним после прибытия на Станцию? — его острый взгляд впился в Лигмера.

— Да. Как уже сказал офицер Ференц, я и госпожа археолог Узри обсуждали с ним теорию происхождения Станции. Госпожа археолог Узри сказала потом интересную вещь. Она сказала, что у нее сложилось впечатление, будто он знает о Станции куда больше, чем мы, которые ее изучали.

— Хм-м! Я бы не побился об заклад, полагаясь на утверждение паги — но, как вы и сказали, весьма интересно, что она сделала такое замечание.

Теммис нажал на клавишу, и подтянутый ординарец в форме показался на пороге кабинета.

— Узнайте либо в регистратуре глейсов, либо в их административных службах, где остановился этот чужак из-за пределов видимости, Ланг, — отдал приказ Теммис. — И, если это возможно, выясните, где он находится в настоящий момент.

Они в молчании прождали те несколько минут, которые потребовались ординарцу, чтобы исполнить поручение. Когда он вернулся, у него был озадаченный вид.

— Они говорят, сэр, — сказал он Теммису, — что ему предоставили каюту Гл-1420 — это в секции глейсов, рядом с туристской зоной. Они и раньше помещали там посетителей, прибывших не из Рукава, если такие здесь появлялись.

— Ага! — сказал Теммис и бросил на Ференца и Лигмера многозначительный взгляд. — Это неспроста. В секции глейсов!

— Но, сэр, — упорно продолжал ординарец, — он туда не заходил! Его багаж стоит в том самом виде, как прибыл из секции доставки; туалетными принадлежностями никто не пользовался; счетчик воды не показывает ее расхода, и печать на двери нетронута!

— Не может быть! — рявкнул Теммис.

Ординарец поперхнулся.

— Так точно, сэр! Но это то, что они мне сказали.

— Хорошо. Вы свободны, — сказал Теммис и нахмурил лоб.

Когда ординарец вышел, он нажал кнопку вызова на интеркоме и заговорил с офицером.

— Полковник! Сколько ваших людей сейчас свободны от дежурства и находятся в пределах сектора?

— Тридцать пять человек, сэр, — отпартовал полковник. — Я могу вызвать остальных, если нужно.

— Тридцати пяти будет достаточно. Я хочу, чтобы провели тщательный розыск во всех доступных частях Станции. Необходимо выяснить, где находится этот чужак из-за пределов видимости.

— Ланг? Слушаюсь, сэр. Тотчас будет исполнено. Что они должны делать, если обнаружат его?

— Разбейте их на пары. Если увидят Ланга, пусть один продолжает следить за ним, а второй немедленно доложит мне.

— Есть, сэр, — сказал полковник и прервал связь.

Он вызвал Теммиса по интеркому больше, чем через час, и его голос звучал уныло.

— Мы обыскали все, — констатировал он. — Люди из числа обслуживающего персонала, на которых можно положиться, проверили туристскую зону, секторы майко и лубаррийцев, публичные офисы в секторе глейсов и те участки их скрытого сектора, куда смогли проникнуть, а также ту часть элчмидского сектора, которую можно было обследовать, не входя в прямой конфликт с пагами. Никто не видел и следа Ланга уже в течение нескольких часов.

Теммис медленно кивнул, ничего не ответив. Полковник несколько мгновений нетерпеливо ждал, затем спросил:

— Дальнейшие приказания, сэр?

— Продолжайте патрулирование, пока он не объявится, — сказал Теммис и отключил связь.

Он поднял взгляд на остальных.

— Ну, это означает, что он может находиться на... — он загибал пальцы, считая, — ... на пагской территории, что маловероятно; в дальнем углу Пещер, проводя время с какой-нибудь девницей, что, судя по всему, также можно исключить; или — и это кажется вероятнее всего в свете того, что вы мне рассказали — в некоей части глейсского сектора, запретной для посещений представителями других рас.

Он опустил руки на стол и сложил их вместе.

— В любом случае, — мягко сказал он, глядя поверх голов остальных и даже словно бы сквозь переборку каюты, — у меня появилось очень сильное желание поговорить с этим Лангом. Это же надо — не зайти в свою ка-

юту! Отсутствовать в каком бы то ни было из явных мест Станции! Это что-то значит, и я полон решимости выяснить, что именно.

ГЛАВА XIV

— Ознакомься со Станцией, — сказала ему Рейдж. — Ты должен знать не только доки, приемные залы, административные помещения, сектор майко, ты должен знать всю Станцию целиком.

Подавленный после всего происшедшего, Викор пытался выполнить задание Рейдж. Она выдала ему денежный сертификат для покрытия нужд в ближайшем будущем, и посоветовала пойти и потратить деньги в туристской зоне — одновременно как следует изучить ее и попытаться улучшить свое настроение.

Но сейчас все казалось ему бессмысленным.

Он опять побродил по городу, встретил пару знакомых майко со Станции и обменялся с ними несколькими фразами. Ему не пришлось упоминать, что он стал одним из них — новость уже была им известна. Они поздравили его с одной стороны, и посочувствовали с другой.

Сейчас Викор стоял у входа в Пещеры — единственную часть туристской зоны, где он прежде не бывал. О Пещерах ходили слухи, большинству из которых Викор верил. А он получил достаточно строгое воспитание, чтобы стыдиться уже того только, что его здесь увидят.

“Такие вещи хороши только для распущенных типов, вроде кэтродинов”. Сколько раз он слышал на родине, как уверенные в своей правоте люди повторяют эти слова?

Поэтому даже сейчас, став изгнанником, эмигрантом, Викор замер в нерешительности перед входом и поглядел вверх. Пещеры не уходили под Горы, как можно было ожидать. Они существовали сами по себе, независимо, как Равнины или Океан. Иногда они соседствовали с одними площадками туристской зоны, иногда с другими. Как все в туристской зоне, Пещеры медленно и величественно обращались по кругу.

Викор напряг зрение, пытаясь разглядеть, что происходит по обе стороны Пещер, но не смог. Перед ним располагался темно-синий пылающий вход — ведущее вверх, постепенно сужающееся отверстие в стене из какого-то зе-

леновато-синего, слегка светящегося жесткого материала, словно покрытого высохшими органическими осадками. Свет выхватывал то тут, то там крошечные мерцающие пятнышки, которые неожиданно вспыхивали, когда Викор поворачивал голову.

Держась за руки, мимо него прошли два глейса в масках, одетые в яркие выходные одежды, и исчезли в синевато-зеленом мраке. Из входа донеслись до Викора странные звуки — резкий вскрик; невнятное бульканье, словно шум воды, льющейся в пустую посудину; серия глухих ударов.

Викор робко шагнул вперед и почувствовал под ногами что-то твердое, но податливое — утоптаный песок. Песок тотчас набился ему в сандалии, и Викор раздраженно вытряхнул его.

Затем он наконец набрался храбрости и выпрямился.

Ко входу вел короткий проход, довольно узкий и с низким потолком, так что в одном месте Викору даже пришлось нагнуть голову, чтобы не задеть выступ, который светился жутковатым бирюзовым светом. Он чувствовал, что спускается вниз, хотя на глаз это было определить трудно.

Минував выступ, Викор оказался на более широком участке. Прозрачный ручей струился по одной из стен, стекая в обширный бассейн. Дно бассейна тоже слегка мерцало. В бассейне сидела лубаррийская девушка, закутанная с головы до ног в плотное покрывало. Она зачерпывала пригоршню воды одной рукой и выливала ее в подставленную пригоршней другую руку, а потом меняла руки местами. Многие обитатели мирка Пешер были лубаррийцами — это занятие подходило им из-за их чувственной религии, которую они унаследовали от кэтродинов. На Майкосе эта религия не укоренилась, так что Викор не мог сказать, имеют ли действия девушки какое-нибудь особое значение. Судя по тому, как сосредоточенно она исполняла ритуал, он предположил, что да.

Викор направился дальше и оказался в длинном проходе, где в одной из стен через каждые несколько ярдов встречались ниши. Некоторые из них были задернуты красными занавесями. Проходя мимо, он слышал из-за занавесей приглушенные голоса и звуки. В одной из ниш лежал молодой элчмид. Его невидящие глаза были устремлены в потолок, кулаки сжимались и разжимались, из полукрытого рта вытекала струйка светящейся слюны. В Пешерах вообще было много элчмидов, деградировавших в результате пристрастия к дурманной траве. Викор вздрог-

нул и поспешил миновать юношу. Тот казался его ровесником, даже немного младше.

Проход раздвоился. После минутного колебания Викор выбрал правое ответвление, потому что ему показалось, будто оттуда доносится музыка. Как только он свернул туда, неожиданно раздался визгливый крик, за которым последовал взрыв смеха. Девушка-элчмидка, одетая в скудную полоску ткани вокруг бедер и почти прозрачное покрывало, которое развевалось у нее за плечами, со смехом ворвалась в коридор, чуть не сбив Викора с ног.

За ней бежал соотечественник Викора, майко, что-то выкрикивая и размахивая полупустой бутылкой ярко-малинового напитка. Когда девушка замедлила бег, уворачиваясь от столкновения, майко схватил ее, испустил торжествующий вопль и потащил по коридору обратно.

Викор последовал за ними на расстоянии, и, оказавшись в просторном помещении, обрадовался, увидев, что там идет пиршество и танцы под музыку небольшого оркестра. Глейсы, лубаррийцы, элчмиды, майко и даже два кэтродина с опухшими глазами сидели вокруг огромного стола, освещенного горящими фитилями, воткнутыми в горлышки бутылок. Ему замахали руками и завопили, чтобы он присоединялся.

Викор собирался так и поступить. Но тут он увидел среди них элчмидскую девушку в фантастическом одеянии из красных и белых оборок, сидящую рядом с майко средних лет, который тщательно выпаривал дурманную траву над огоньком фитиля. Она уже держала в руке острый стеклянный шпиг, при помощи которого делалась инъекция смолянистой наркотической жидкости. Девушка лихорадочно умоляла майко поторопиться.

Викор быстро отвел глаза и поспешил пройти мимо. Ему пришлось увернуться от сидящей за столом лубаррийской девушки, которая встала и протянула руки, чтобы схватить его, когда он проходил рядом. Он чуть не упал, споткнувшись о распростертое тело еще одного кэтродина, который лежал у подножия оркестровой сцены. В руке у него была бутылка, содержимое ее выплескивалось ему на грудь, поднимающуюся и опускающуюся в такт дыханию. Он блаженно улыбался.

Викор снова оказался в коротком проходе, в конце которого шумела вода. На сей раз это оказался сверкающий ручей, что пересекал коридор, и Викор влез в воду по щиколотки, как вдруг что-то схватило его за ногу. Он завопил от неожиданности и глянул вниз.

Это была девушка — снова лубаррийка — она сидела, укрывшись в нише, из которой вытекал ручей. Одета она была в нечто бесформенное из жесткого пластика, который скрипел при каждом ее движении.

— Иди ко мне, — позвала она со смехом, блеснув белыми зубами. — В теплой струящейся воде этим так приятно заниматься!

Викор пробормотал что-то невнятное, высвободил ногу и пошел дальше, хлюпая сандалиями. Девушка возмущенно крикнула ему вслед и разочарованно вздохнула.

Похоже было, что вся эта территория пронизана сетью бассейнов, ручьев и крошечных водопадов. Викор пересек множество водяных преград, и везде были девушки. Кое-где звуки подсказывали, что в нише находится не один человек. Но в таких случаях что-то вроде облака непроницаемой черноты образовывало заслоняющую их преграду.

Кто-то шел Викору навстречу — толстый человек, у которого одышка перемежалась смехом. Смех почему-то показался Викору знакомым. Он отошел в сторону и скрылся в нише, так как не желал встречаться ни с кем, кого знал. Он напряженно ждал.

Прохожий оказался человеком средних лет в маске. Он вышел на середину открытого пространства, остановился, широко расставив ноги, и не спеша осмотрелся. Затем возмущенным жестом раскинул руки и воскликнул:

— Но ведь это сущий рай!

Полдюжины девушек, сначала не заметивших его появления, одетые в блески, шнурки и кисточки, или вовсе раздетые, обратили на него взоры и принялись взывать к нему, уговаривая обратить на них внимание. Хихикая и повизгивая, он принялся осуществлять обход.

Викор закрыл глаза и прислонился спиной к стене ниши. Он не мог не узнать голос; это был Дардано, священник, который прибыл на Станцию, чтобы стать новым капелланом местных "свободных" лубаррийцев. Конечно, Пещеры были для него самым подходящим местом. Чувственная религия, проповедником которой он был, явно имела какое-то отношение к воде.

Викор осторожно осматривался, пытаясь выяснить, есть ли у него шанс ускользнуть отсюда незамеченным. Вдруг в том самом коридоре, откуда появился Дардано, послышались тяжелые шаги. Два мускулистых кэтродина в уни-

форме, каждый с мощным фонарем в руке, вышли на открытое место. Яркие лучи их фонарей походили на мечи.

Дардано вякнул, как испуганное животное. Один из кэтродинов шагнул к нему и взял за руку.

— Вы не видели здесь чужака по имени Ланг, прибывшего из-за пределов видимости? — потребовал ответа кэтродин, смерив Дардано презрительным взглядом.

— Нет! Клянусь жизнью, не видел!

— Хорошо, — с нажимом сказал кэтродин и отпустил священника.

Потом снова взмакнул фонарем. Ниша укрыла вжавшегося в стенку Викора. Они не заметили его в глубокой тени и направились дальше.

Дардано сел на камень и вытер лицо огромным носовым платком. Для этого ему пришлось сдвинуть маску на лоб, а потом он снова торопливо опустил ее.

Если Дардано собирается много времени проводить здесь, в Пещерах, Ларвику будет легко приучить его к дурманной траве. Это случится само собой.

Воспользовавшись тем, что священник сидит к нему спиной, Виктор выскользнул из укрытия и направился в тоннель. Этот проход был попеременно то освещен, то затемнен. В одном из темных участков находился поворот. Виктор едва успел в последний момент увернуться и не врезаться в стенку. При этом он на кого-то налетел и вскрикнул от неожиданности, ухватившись за маленькое теплое плечо, чтобы не упасть.

Та, с кем он столкнулся, ступила на освещенное место, и Виктор уставился на нее, не веря своим глазам. Это была Рейдж, одетая в просторное развевающееся желтое платье выше колен, украшенное блестками, на ногах — плетеные из ремешков открытые сандалии. Ее обнаженные ноги напряглись, так что под кожей вырисовались мышцы.

— Виктор! — воскликнула она удивленно. — Ты что, бежишь от кого-то?

— Н-не совсем, — ответил Виктор.

Глядя на нее, он был полон самых чудовищных подозрений. Роскошное, сверкающее платье, которое, похоже, было ее единственной одеждой, придавала ей чувственный вид, настолько далекий от ее обычного серьезного спокойствия, что Виктор едва поверил своим глазам.

— Эти кэтродины столкнулись с тобой? — продолжала расспрашивать Рейдж.

— Я... мне удалось от них скрыться, — ответил Викор. — Но они допросили Дардано.

— Он здесь? Ну еще бы! Этот тип думает о своих телесных потребностях ежедневно и ежечасно. — Рейдж негромко мелодично рассмеялась. — Ну и что ты думаешь о Пещерах, Викор, увидев их впервые?

— Грязь и мерзость, — сказал Викор, глядя в пол.

Рейдж внимательно посмотрела на него.

— Да-а, — протянула она и умолкла. После паузы последовало:

— Пойдем, я выведу тебя наружу.

Она протянула ему руку. Викор машинально взял ее ладонь и только через несколько секунд осознал, что случилось то, о чем он часто мечтал, и на что никогда не смел надеяться. Была ли потрясающая непогрешимая женщина, которой он так долго восхищался, на самом деле таким же слабым человеческим существом, как эти... женщины здесь, в Пещерах?..

Он отверг это предположение и покорно последовал за ней. Они выбрались очень быстро, и оказались на полоске берега близ Океана, неподалеку от Гор. Здесь Рейдж остановилась и повернулась к нему. Она не отняла руки, как будто забыла о ней.

— Хорошо, что ты скрылся от этих кэтродинов, — сказала она. — Хотя они и охотились не за тобой. Они прочесывают Станцию в поисках Ланга, и не могут его найти. Но что еще более странно, мы и сами не знаем, где он.

— Вы... Вы не знаете? — спросил Викор, разинув рот.

Она кивнула и пожала плечами. Бриз со стороны Океана играл блесками ее платья. Внезапно глаза ее расширились, и она высвободила руку, чтобы указать Викору на что-то позади него. Он вздрогнул и обернулся.

И увидел Ланга, которого столько людей искали по всей Станции и не могли найти. Ланг спокойно выходил на берег, а у его ног игриво бежал зверек с черной шерстью.

ГЛАВА XV

С Рейдж произошла магическая перемена. В одно мгновение к ней вернулись официальные манеры. Нарядное платье, которое придавало Рейдж легкомысленный вид, по-

теряю всю праздничность, превратилась в нейтральную одежду. Она сделала шаг вперед и позвала внятно и властно:

— Ланг!

Чужак, прибывший из-за пределов видимости, неторопливо повернул голову, дабы выяснить, кто это его так бесцеремонно зовет. Затем он склонился в поклоне, опустил правую руку, чтобы зверек мог вскарабкаться ему на плечо, и стал подниматься к стоящей на берегу паре.

Он остановился от них шагах в пяти и сначала кивнул Викору, а затем обратил взгляд на Рейдж. Зверек по имени Санни, сидя у него на плече, забавно скопировал движения хозяина, проделав то же самое.

Викор заметил, что между ними существует даже какое-то странное сходство. Лицо Ланга с мужественным, но узким остроугольным подбородком и глубоко посаженными глазами под песочного цвета бровями ничем не напоминало мордочку его зверька. Общим у них было то, что оба ни на мгновение не теряли внимания и интереса к окружающему миру.

— Я — капитан Рейдж, — сказала женщина, когда молчание затянулось. — Я возглавляю глейское отделение штата администрации. Соответственно, пока вы пребываете на Станции, вы попадаете в круг моей ответственности.

— До сих пор я вполне мог позаботиться о себе самостоятельно, — сказал Ланг со всей серьезностью. — Настолько, что даже взял на себя ответственность за еще одну жизнь. — Он поднял руку и почесал Санни за остроконечным ухом. — По поводу меня можете не испытывать не малейшего беспокойства.

— Боюсь, что не могу, — прямо сказала Рейдж. — С момента вашего прибытия вы оказались причиной — зная или не зная об этом — достаточного количества неприятностей. Более того, поступили доклады о вашем пребывании в местах, которые не дозволено посещать никому, кроме постоянных сотрудников штата глейсов. — Она решительно шагнула вперед. — Прошу вас, пройдите ко мне в офис.

Викор был уверен, что Ланг последует за ней безоговорочно.

Но он озадаченно посмотрел на нее и едва-едва покачал головой. Мышцы на шее Рейдж едва заметно напряглись.

— Вы отказываетесь? — спросила она.

— Можно сказать, что таковы были мои намерения, — согласился Ланг.

— Так, допустим, — не сдавалась Рейдж. — Но рано или поздно вам все равно придется оказаться там. Разве что вы предпочтете ответить на мои вопросы здесь, в неофициальной обстановке.

— Я отвечу на все вопросы, на которые смогу, — задумчиво сказал Ланг. — Почему бы и нет?

Он осмотрелся, кашел удобный камень и, прежде чем сесть, снял Санни с плеча и опустил на землю.

— Спрашивайте, — предложил он, сделав широкий жест рукой.

— Где вы были с момента прибытия на Станцию? — голос Рейдж был безличным, словно лед.

Из-под ворота платья она вынула свое записывающее устройство, которое, оказывается, висело на цепочке, казавшейся просто украшением. Ее пальчики повисли над клавиатурой. Она приготовилась записывать ответ Ланга.

— Я здесь чужак, — сказал Ланг. — Мне неизвестно, как вы называете те места, которые я осмотрел.

— Вы правда чужак? — пробормотал Викор, как будто сам себе.

Санни уселся на землю и восторженно замахал передними лапами.

Ланг предпочел ответить на вопрос Викора, и улыбнулся ему.

— Да, юноша, — ответил он. — Я здесь чужой. Что заставляет вас думать, будто я бывал на Станции?

Викор колебался. Он глянул на Рейдж и получил в ответ почти неуловимый кивок.

— Потому что я собственными глазами видел вас в той части Станции, куда вы не могли попасть случайно, — сказал он.

— Верно. Я нигде не был случайно. Я проводил систематическое исследование, чтобы увидеть на Станции как можно больше за возможно более короткое время.

— И что вы думаете о том, что увидели? — спросила Рейдж.

Лицо Ланга на миг потемнело, словно его пересекло грозовое облако. Он сказал с внезапной силой:

— Это ОТВРАТИТЕЛЬНО.

Викор был ошеломлен. Он бросил взгляд на Рейдж, чтобы увидеть ее реакцию. Она сохранила свое обычное спокойствие, но в голосе ее была тень неприятного удивления, когда она спросила:

— Почему?

— Я совершенно не увидел... счастья, — неожиданно ответил Ланг.

— Совсем?

— Замкнутость, эгоизм, жажда власти, стремление удовлетворить свои потребности, постоянные конфликты, отсутствие безопасности, отсутствие надежд... вот что я нашел на Станции. И я не обнаружил никаких попыток исправить положение. Я не нашел никого, кто бы искал решение. Я не нашел никого, кто делал бы добро, и чьи побуждения при этом были бы совершенно лишены эгоизма.

Он говорил с растущей горячностью, и последние его слова прозвучали по-настоящему страстно.

— Вы не правы! — набросился на него Викор. — Усилия глейсов достойны восхищения!

Ланг откинулся назад и задержал взгляд на Викоре. Он забросил ногу за ногу и похлопал себя по щиколотке. Сани, уставший играть, подбежал и потерся пушистым боком о ногу хозяина.

— Неужели? — мягко сказал Ланг. — Паги обуздывают своих рабов элчмидов, прививая им склонность к дурманной траве. Глейсы, которыми вы восхищаетесь, обуздывают своих потенциальных соперников кэтродинов, заставляя майко прививать им ту же самую склонность к дурманной траве. Что это сулит в плане надежд на будущее? Что будет завтра? Глейсы, — он постепенно переводил взгляд на Рейдж, — необоснованно отказывают остальным в доступе к банкам памяти Станции. Разве это знание составляет вашу собственность? По какому праву вы присвоили его себе? Только потому, что вы, подобно пагам и кэтродинам, считаете себя по природе выше остальных? Очень похоже на то!

Викор смотрел на него во все глаза. Как удалось этому человеку за столь малое время узнать так много? Казалось невероятным, чтобы он действительно был в такой степени чужаком, как утверждал. Викор горячо заговорил.

— Разве паги и кэтродины не приложат все усилия, чтобы обратить эти знания себе, и только себе, на пользу? Если вам так много известно, вы должны знать, что они непрестанно ищут повод ударить друг друга из-за угла!

— Но кто вам сказал, что эти знания, эта информация из банков памяти послужит в качестве ножа? — язвительно спросил Ланг. — Более того, не кажется ли вам неправильным — вам, как представителю подчиненной расы, —

что отдельные люди используются как пешки в политической игре? Возьмите эту бедную женщину, миссис Икиду, которая прибыла сюда на одном корабле с нами. Разве вас удовлетворило, как ее использовали в качестве орудия, чтобы досадить кэтродинам?

— Любой способ уязвить самомнение кэтродинов кажется мне хорошим, — дерзко ответил Викор.

— Я боялся, что вы так ответите, — заметил Ланг и умолк.

— Вы посторонний, — сказала наконец Рейдж. Она выпустила из рук свое записывающее устройство, и оно повисло на цепочке, выделяясь на яркой ткани ее платья. — Мне кажется, что вы не вправе нас судить.

Ланг со вздохом кивнул.

— У меня есть единственное право — право свободного индивида, — сказал он. — Но я намерен использовать хотя бы это право. Жестокость, бесправие, несправедливость процветают преимущественно там, где индивиды молчат вместо того, чтобы высказать осуждение.

Он подтолкнул Санни пальцем ноги. В ответ зверек устроился на своем обычном месте у хозяина на плече.

— Более того, — сказал Ланг больше себе, чем слушателям, — я много путешествовал и посетил очень много миров. Я видел, во что можно превратить человеческое общество, и во что его превращают. Здесь, на планетах Рукава, вы сделали плохо все.

— Но мы старались, как могли, — сказала Рейдж.

Похоже было, что тирада Ланга ее глубоко задела.

— Значит, вы готовы к тому, что вас будут судить по достигнутому, — сказал Ланг.

Он встал и очень медленно направился вдоль берега Океана.

Викор хотел было броситься вдогонку и задержать его, но Рейдж жестом остановила его.

— Пусть идет, — спокойно сказала она.

— Но... после того, как он отказался повиноваться вам? После того, как он доказал, что знает так много опасных вещей?

— Он чужак, и испытывает не более чем абстрактный интерес к нашим местным проблемам в Рукаве. — Рейдж пожала плечами. — Я не думаю, например, что он расскажет кэтродинам, кто ответственен за нынешнюю волну пристрастия к дурманной траве, которая их столь тревожит. Нет, мы должны позволить ему уйти.

Викор подавленно опустился на камень, который все еще хранил тепло тела Ланга.

— Вы... вы согласны с тем, что он говорил? — осмелился спросить он. — В частности, с его оценкой действий глейсов?

В его голосе звучала надежда, словно он ожидал со стороны Рейдж категорического отрицания. Но она его разочаровала.

— Возможно, он прав, — признала она. — В конце концов, он побывал во многих мирах и действительно много видел. Быть может, он видел достаточно, чтобы иметь право судить нас. Я только надеюсь, ради Глея, что он судил, не будучи знакомым со всеми фактами. Однако он открыл так много за столь короткое время, что, боюсь, в этом утешении мне отказано.

Викор, не отрываясь, смотрел на возвращающегося обратно Ланга. Внезапно он сорвался с места и взмахнул рукой.

Когда Ланг проходил мимо одного из отверстий в камне, которое вело в Пещеры, оттуда крадучись выбрались два человека в военной форме кэтродинов. Похоже, это была та самая пара, которая недавно допрашивала Дардано в Пещерах.

Один из них обросил Санни на землю и набросил что-то вроде мешка на голову и плечи Ланга. Второй рванулся вперед и обхватил руками ноги чужака. Прежде чем Викор успел крикнуть, они уже тащили его прочь. Прошло лишь несколько секунд. Санни, таякая, бросился бежать и скрылся среди камней.

— Вот то, — очень мягко сказала Рейдж, — чего я боялась больше всего. Мы не можем этого допустить, Викор. Но в равной мере мы не можем ничего поделать, чтобы это предотвратить.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Викор поблевшими губами.

Рейдж пожала плечами и спрятала записывающее устройство обратно за ворот платья.

— То, что будет в наших силах, — ответила она. — Как всегда.

ГЛАВА XVI

Хорошо, что Ференц предупредил его о пропасти, над краем которой он ходил и к которой пытался подойти поближе, подумал Лигмер. Его удивило, что никто не поста-

вил его истинность о сделанном кэтродинами открытии — о новом знании о структуре Станции — еще до того, как он отправился с Кэтродина на Станцию.

Он, сам того не сознавая, мог бы легко разболтать какую-нибудь информацию, которая навела бы паг на тот же след!

Разумеется, знание, которым он теперь обладал, представляло в какой-то степени огромное неудобство. Он никогда не придавал значения несдержанным заявлениям паг по поводу происхождения Станции и всегда приветствовал самостоятельную точку зрения редких ученых вроде Узри, которые вроде бы искренне стремились освободиться от предрассудков и подвергнуть объект беспристрастному изучению. Его огорчало то, что именно эта тенденция среди паг, которую он приветствовал, могла привести к потере существенного преимущества его расы над соперниками.

Лигмеру не нравился агрессивный национализм Ференца, однако он сам причислял себя к патриотам. Свидетельством тому была, например, его реакция на заявление этого майко, Викора, о том, что кэтродины несправедливо угнетают Майкос. Теперь Лигмер обнаружил, что разрывается между патриотизмом и научными интересами. Это раздражало его.

— Что с тобой стряслось, Лигмер, во имя космоса? — взорвалась Узри, бросив стопку листов на стол, за которым они сидели.

Это было, как обычно, в Городе, поскольку ни Узри не могла появиться на территории кэтродинов, ни Лигмер — в секторе паг. Туристская зона служила единственным нейтральным местом, где они могли встречаться и обсуждать научные вопросы.

Чувствуя нарастающий в душе гнев, Лигмер рывкнул в ответ:

— Что ты хочешь этим сказать? Что стряслось со МНОЙ?! Это у ТЕБЯ сегодня приступ бессмысленного упрямства!

— Во имя всего!.. Послушай, я всего лишь пытаюсь очистить этот вопрос от предрассудков и выработать по-длинно научный подход. Я говорю то, что очевидно любому идиоту с половиной мозга и одним глазом. Мы должны принять в качестве отправной точки, что глейсы скрывают от нас сведения о конструкции Станции! И выудить их мы можем только косвенным путем. Если ты будешь противиться и дальше, мне придется сделать вывод, что Рейдж

отказала нам в доступе к банкам памяти, потому что ты ее об этом попросил!

— Чуть! — отрезал Лигмер. — Ерунда. Ты сама слышала, почему она нам отказала. Меня это так же разозлило, как и тебя.

— Ну тогда перестань вести себя так, как будто это я виновата, что нам отказали!

Они сердито уставились друг на друга. Но оба больше ничего не произнесли в течение нескольких минут. Пока они молчали, из-за густых кустов показался человек и выбрался на их поляну. Это был Ференц. Вид у него был озадаченный.

— О, Лигмер! — сказал он с явным облегчением. — Хорошо, что мне удалось вас найти. Здравствуйте, Узри. Не возражаете, если я скажу Лигмеру пару слов наедине?

Очевидно было, что Ференцу нелегко далось вежливое обращение к паге.

— Честно говоря, — сказала Узри тоном глубокого отращения, перебирая лежащие перед ней документы и протягивая руку за папкой, чтобы их сложить, — я не дам даже куска кометного хвоста за то, чтобы его когда-нибудь вообще увидеть. Прошу вас!

Ференц нахмурился и с упреком посмотрел на Лигмера.

— Вы чем-то огорчены, — сказал он Узри.

Пага коротко рассмеялась.

— Ничего такого, чего бы я не ожидала заранее, — резко ответила она. — Было бы слишком надеяться, чтобы кэтродин мог смотреть на вещи непредвзято дольше, чем день или два подряд.

— Ну смотри... — начал было Лигмер.

Ференц свирепым взглядом заткнул ему рот, набрал в грудь побольше воздуха и попытался задобрить пагу:

— Мне очень жаль, Узри... не расскажете ли вы мне, что случилось?

— Зачем? — ответила Узри, но все-таки положила документы обратно на стол. — Ладно. Может, вы действительно сможете помочь. То, что случилось, достаточно несложно описать. Дело в том...

В кустах послышался смех, грузный топот и громкие женские голоса с пагским акцентом. Узри замолкла. Ференц обернулся туда, откуда доносился шум. Он услышал, как Лигмер вздохнул, и вздох его превратился в стон. Сердце его упало.

На поляне показались две мускулистые паги — обе в гражданской одежде, похожей на костюм Узри, но у одной была обрита голова, указывая, что она принадлежит к военной касте. Появление этой паги особенно встревожило Ференца, поскольку он узнал ту самую пагу-офицера, с которой ссорился по пути на Станцию. Судя по одежде, она сейчас находилась в отпуске.

Пага-офицер выбежала на поляну, держась за руки с подругой. В другой руке у нее был большой кувшин с дымящимся напитком. Над верхней губой у нее была лиловая полоска, похожая на усы, — след от напитка.

— Вот так встреча! — сказала она, и улыбка приподняла ее верхнюю губу с лиловыми усами, обнажив злоеще заточенные зубы.

Пага выдернула свою руку из руки спутницы, обвела Ференца взглядом с головы до ног и трянула головой.

Лигмер потихоньку поменял положение ног под столом, чтобы в случае необходимости иметь возможность быстро вскочить.

Пага-офицер наконец завершила свой презрительный осмотр и глянула на Узри.

— Этот слишком громкий кэтродин тебе мешает, дорогая? — спросила она.

— Нет, офицер Тоэр, — был ответ. — Он ведет себя вполне сносно.

— Неужели! — нарочито удивилась Тоэр. — Кто бы мог подумать! Это очень отличается от его поведения по пути на Станцию. Не так ли? — закончила она неожиданно ядовито, взмахнув кулаком в воздухе перед самым лицом Ференца, и уставив на него палец жестом обвинения.

Ференц отшатнулся, и Тоэр иронически усмехнулась.

— Вот вам цена! Все вы храбрые среди своих, на борту своего дурацкого корабля. Но когда вы не на своей территории, то шарахаетесь от каждой тени!

Она обернулась к Узри так резко, что из кувшина выплеснулось немного напитка, и лиловые капли медленно поползли по стенке кувшина. Через несколько мгновений капли добежали до края доннышка и стали срываться вниз, образуя на земле маленькие лиловые пятнышки; они постепенно таяли, как медузы на жарком солнце.

— Послушали бы вы этого твердолобого на корабле! — сказала она. — Если верить его словам, паги недостойны

существовать с ним в одной Вселенной, не говоря уже о Рукаве! С тех пор он стал куда снисходительнее, а?

Узри воззрилась на Ференца.

— Ты уверена, что говоришь именно о нем? — спросила она у Тоэр.

— Он настолько переменялся? — Тоэр свирепо ухмыльнулась. — Нет, дорогуша, это именно он. Он кое-что мне пообещал, что забывается не скоро. И я не забыла. А ты, трепло? — рывкнула она внезапно на Ференца. — Похоже, что вот ты как раз об этом забыл!

Ференц облизал губы.

— Не помню, что сказали вы, — парировал он. — Никогда не видел паги, которая бы сказала нечто. Но я прекрасно помню, что сказал я. Если хотите услышать это снова, я могу повторить.

На миг пага-офицер застыла от удивления. Потом издала дикий вопль и швырнула кувшин прямо в лицо Ференцу. За кувшином последовала она сама — свирепый ураган рук и ног.

Тоэр швырнула кувшин с такой силой, что он сломал бы кэтрдину нос и мог выбить передние зубы. Но от кувшина Ференц сумел увернуться. Зато выплеснувшийся из него напиток лиловой струей залил ему лицо, попал в глаза, отчего они наполнились слезами. Поэтому сначала Ференц мог только слепо отмахиваться от напавшей на него бешеной фурии.

Лигмер привстал с места, но почувствовал, что на его руке сомкнулась чья-то железная хватка. Он глянул вниз, пытаясь освободиться, и встретил твердый взгляд Узри.

— Нет, — с нажимом сказала она и качнула головой.

Спутница Тоэр, которая за все это время ничего не произнесла, на миг отвела взгляд от дерущихся, чтобы одобрительно кивнуть Узри, и разразилась воплями, поддерживая подругу. Тоэр удалось заломить Ференцу правую руку за спину и теперь, стоя коленями у него на спине, она пыталась сломать эту руку.

На лице Ференца смешались пот, лиловый напиток, слезы из опухших глаз и пыль. Он выглядел, как первобытный воин в боевой раскраске. Он попытался высвободить правую руку — не вышло. Тогда он попробовал другой рукой схватить Тоэр за ноги.

Выпятив подбородок от боли и напряжения, он сильно ухватился за палец ноги Тоэр и резко дернул его в сторону.

Тоэр от боли на миг ослабила хватку. Ференц воспользовался этим, чтобы откатиться и вскочить на ноги. Тяжело дыша, Тоэр последовала его примеру. Они оба приняли боевую стойку на полусогнутых ногах, лицом друг к другу на расстоянии нескольких шагов. Каждый не мог решить, атаковать ли самому или ждать нападения.

— Хорошо. На этом и остановитесь.

Холодный голос прозвучал громко. Все осмотрелись, чтобы увидеть, откуда он раздался. На выходе каждой из ведущих на поляну аллей стояли вооруженные глейсы. Ростом они были Тоэр по локоть, но зато вооружены парализаторами, направленными на людей на поляне. Глейсов было не меньше дюжины.

Их начальник вышел вперед и сердито оглядел двух противников.

— Офицер Индль, — представился он. — Что случилось на этот раз?

— Вам все равно не понять, — ответила Тоэр.

У нее был такой вид, словно она с удовольствием бы схватила его и зашвырнула в кусты. Она вполне могла бы проделать это одной рукой.

— Это дело чести. Честь — это нечто такое, с чем вы, глейсы, незнакомы.

— У нас есть лучшие способы блюсти свою честь, чем валять друг друга в грязи, как дикие животные, — парировал Индль. — Ладно. Даю вам несколько минут, чтобы покинуть туристскую зону и разойтись по своим секторам. Живее, вы оба!

— Черта с два я уйду, — сказал Ференц. — Почему это меня вышвыривают с нейтральной территории, если какая-то пага, у которой мышц больше, чем ума, бросила в меня кувшином...

Лицо Тоэр исказилось в зверином оскале, и она опять бросилась на него. Индль взмахнул рукой, и раздался негромкий хлопок парализатора.

Крошечные капсулы, которыми он стрелял, были мощным оружием. Ференц едва успел принять защитную стойку, а Тоэр уже валилась на землю с расprostертыми руками, полностью лишенная способности двигаться.

— Хорошо, это уладит дело, — сказал Индль. — Вы были вместе с ней? — спросил он у спутницы Тоэр. Та кивнула. — Значит, вы сможете доставить ее в ваш сектор.

— Я тоже уйду, — произнесла Узри, поднимаясь с места. — Все это отвратительно. Я помогу ее нести, — добавила она, нагибаясь, чтобы поднять Тоэр.

— Если вы еще раз будете замечены в происшествии такого рода, — сказал Индль Ференцу, — то вас парализуют и доставят напрямик на ваш корабль. И больше никогда не пустят на Станцию. Ясно? — Он повернулся к Узри. — То же самое относится к этой забияке, которую вам придется нести. Скажите ей это, когда очнется!

Он жестом собрал своих людей, и они скрылись в кустах. Ференц остался глядеть им вслед, потирая руку, которую Тоэр чуть не вырвала у него из плеча.

— С вами все в порядке? — глупо спросил Лигмер. — Я хотел вам помочь, но Узри не выпускала меня из-за стола. Я не мог вырваться.

— А, от вас было бы больше помех, чем помощи, — резко сказал Ференц. — Очень жаль, что вмешались глейсы. Мне ужасно хотелось проучить эту пагу с тех самых пор, как мы прибыли на Станцию. Проклятье... Неважно. По крайней мере, теперь она постарается не попадаться мне на глаза.

Он достал из кармана платок, вытер грязь с лица и посмотрел на Лигмера.

— Теперь, когда это кончилось, я наконец могу вам кое-что сказать. Ланга нашли. Он сейчас находится под арестом в нашем секторе. Поскольку вы сказали, что он знает о происхождении Станции больше, чем мог бы знать чужак, Теммис приказал мне доставить вас, чтобы вы участвовали в допросе. Собирайте бумаги и пойдемте, да побыстрее, вы.

ГЛАВА XVII

После того, как Виктор и Рейдж расстались, Рейдж поспешила обратно в административный сектор глейсов, чтобы посоветоваться с коллегами и предпринять необходимые меры по поводу нагло захваченного кэтродинами Ланга. Виктор тем временем медленно вернулся в сектор майко.

И обнаружил там хаос.

Первые признаки беспорядков он заметил, когда шел по длинному коридору, который вел от Серебряного лю-

ка — сейчас именно этот люк был кратчайшим путем из туристской зоны в сектор майко.

На полу коридора была кровь.

Кровавые следы были частично присыпаны пылью, поэтому Викор сначала поскользнулся и лишь потом разглядел, что пол мокрый. Он присел и потрогал пол пальцем. Кончик пальца окрасился кровью.

Викор неуверенно осмотрелся. В коридоре стояла тишина. Он поднялся на ноги и пошел дальше.

Легчайший шорох пластика по металлу привлек его внимание, когда он проходил мимо одной из дверей в противоположной стене коридора. Викор вздрогнул, но не успел обернуться, как ему набросили мешок на голову и прижали руки к бокам. Он испытал ужасное чувство, напоминавшее падение в бездну, когда узнал метод кэтродинов, который они использовали, чтобы захватить Ланга. Неужели они рептили схватить и Викора, чтобы заставить его расплатиться за неосторожные слова?

— Отпустите его, это один из наших.

Знакомый голос Ларвика, который произнес эту фразу, принес Викору огромное облегчение. Он почувствовал, как с него снимают мешок. Ларвик стоял перед ним с серьезным лицом.

— Пока ты там развлекался в Пещерах, у нас тут были беспорядки, — едко сказал он.

— Что? — ошарашенно спросил Викор. Затем догадался поднять испачканный палец и показать Ларвику.

— Вот именно. Кровавые беспорядки, — кратко подтвердил тот.

Викор огляделся, чтобы выяснить, кто еще здесь. Справа от него стояла девушка решительного вида, держа в руках мешок. Слева стоял мужчина, которого Викор знал с виду, но никогда с ним не разговаривал.

— Так что случилось?

Ответила девушка.

— В нашем секторе появились кэтротины и стали совать нос, куда не следует. Мы решили, что они ищут Ларвика и вообще тех, кто связан с торговлей дурманной травой...

— Они искали Ланга, — перебил Викор. — Более того, они его нашли и схватили. Несколько минут назад, около Пешер.

— Мы уже узнали, кого они ищут, — рявкнул Ларвик. — Не в том дело. Важно то, что они явились в наш сектор

с таким видом, будто им принадлежит и Станция, и мы сами. А когда им указали на дверь, они и не подумали подчиниться. Так что мы выкинули их вон, и по ходу дела одного из них сильно покалечили. Это его кровь у тебя на руке.

— Мы ждали, что они вернутся, — сказала девушка. — Поэтому и накинули тебе мешок на голову — на случай, если ты окажешься кэтродином или глейсом из штата Станции.

— Ну, он им не оказался, — вмешался в разговор мужчина, которого Виктор знал только с виду. — И уже прошло чертовски много времени. Я считаю, что хватит нам тут прятаться по углам, ожидая их. Пора переходить к действиям и ворваться в кэтродинский сектор. Посмотрим, как ИМ понравится, когда к ним вломятся в дом.

Ларвик глянул на хронометр на стене.

— Действительно они ушли очень давно, — согласился он.

У него в руке был обрезок металлической трубы, которым он задумчиво похлопывал по ладони, обдумывая ситуацию.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я бы с радостью пощекотал этой палочкой под носом у напыщенного дурака Теммиса. Но мы не можем пойти туда вчетвером. Виктор! Обойди блок А и собери всех, кто способен стоять на ногах. Я обойду блок В, а вы двое займитесь блоками С и D. Пусть все отправляются на место общего сбора. И поторапливайтесь!

Внезапная радость переполнила сердце Викора, когда он шел по Станции вместе с отрядом майко. Шагать плечом к плечу с людьми своего народа, связанными общей целью, это неизменно вдохновляло. Кто-то смело затянул песню, которая была запрещена на Майкосе с тех самых пор, как армада кэтродинских кораблей спустилась с неба и захватила родную планету Викора.

Отряд прошел через туристскую зону, которая была кратчайшим путем между их сектором и сектором кэтродинов. Когда они шагали через Город, майко, которые работали официантами в кафе, платными партнерами для танцев на танцплощадках, развлекали посетителей в кабаре, спрашивали их:

— Что происходит?

— Идемте с нами! — был ответ.

Они решались не сразу, но решались. Так что к тому времени, как отряд добрался до входа в сектор кэтродинов, он увеличился еще на двести человек.

Обычно на выходе из люка, ведущего из туристской зоны в сектор кэтродинов, стояла стража. Сейчас охранников не было. Когда Ларвик и Викор во главе отряда вошли на кэтродинскую территорию, то обнаружили странную, необычную тишину.

Сперва осторожно, затем все увереннее они продвигались в глубь сектора. В конце концов они стали распахивать двери и заглядывать в каюты. Те каюты, которые не оказывались складскими помещениями, все были пусты.

— Они, наверное, услышали, что мы идем! — вскричал кто-то и рассмеялся хрипло и радостно.

Услышав этот смех, Викор осознал, насколько глубокий был страх перед кэтродинами, который люди прятали под чувством сплоченности.

— Не расслабляйтесь! — крикнул Ларвик не оборачиваясь. — Это может быть ловушка!

Он распахнул очередную дверь и отпрыгнул в сторону на случай, если за ней кто-то прячется. Ничего не произошло. Ларвик осторожно шагнул внутрь и изумленно вскрикнул.

Викор последовал за ним. За столом находился кэтродинский офицер, впавший в беспамятство, причем так внезапно, что ручка, которой он в этот момент что-то писал, прочертила неровную линию от хвостика последней написанной им буквы до того места, где теперь лежала его безвольная рука.

Из коридора послышался крик. Кто-то обнаружил других кэтродинов, на этот раз двоих. Оба тоже были без сознания. По мере продвижения отряд находил все новых и новых кэтродинов.

— Похоже, что их всех вывели из строя! — сказал Ларвик. — Эй, ты!

Он похлопал кэтродина по щекам, приподнял ему веко. Никакой реакции.

— Может быть, газовая атака, или что-то в этом роде, — предположил Викор.

Ларвик кивнул.

— Похоже. Хотел бы я знать, сколько это продлится, и кто это сделал.

— Может, если мы направимся в самый центр — например, в кабинет Теммиса, — то найдем разгадку.

Викор облизал губы.

— Хорошая идея.

Ларвик вернулся в коридор и выкрикнул:

— Есть тут кто-то, кто раньше работал в этом секторе? Мы хотим найти кабинет Теммиса.

— Я могу вам сказать, где он располагался раньше, — ответила женщина с горящими глазами, ее лицо было обезображено длинным кривым шрамом. — Я была там — один раз.

Она протолкалась вперед и быстро пошла вперед. Идущий за ней Ларвик даже считал, что слишком быстро, и лицо его стало озабоченным. Но, как оказалось, опасности не было.

Ибо даже в самом центре сектора они нашли только бессознательные тела мужчин и женщин. Слуги-майко и клерки-лубаррийцы были в столь же глубоком беспамятстве, как и их хозяева.

— Вот каюта Теммиса, — сказала наконец женщина со шрамом и открыла дверь.

Главный маршал кэтродинов был там. Одна его рука лежала на панели интеркома, вторая безвольно свисала с подлокотника.

Женщина со шрамом вздернула подбородок и, прицелившись, плюнула ему в лицо.

— Жаль, что он не почувствовал этого, — сказала она после паузы. Но у него еще всепереди.

Она повернулась и вышла из комнаты.

Когда она ушла, Викор, Ларвик и двое-трое других, следовавших за ними, осмотрелись.

— Ты знаешь здесь кого-нибудь? — спросил Ларвик Викора.

— Как ни странно, знаю. Вот этот, — указал Викор, — офицер, который прибыл на одном корабле со мной, по имени Каподистро Ференц. Этот, — следующий жест, археолог Лигмер, который тоже летел с нами. Его, — снова движение руки, — я видел недавно в Пещерах. Это один из кэтродинов, арестовавших Ланга.

— Кого же, по-твоему, не хватает? — спросил Ларвик.

Нахмурившись, он обошел комнату. Теммис, Лигмер, Ференц и безымянный кэтродин образовали не вполне пра-

вильный квадрат. В центре квадрата, обращенный к столу Теммиса, стоял пустой стул.

— Ланга, — ответил Викор.

— Похоже на то. Тогда, как ты думаешь, не он ли погрузил в сон всех кэтродинов? Кто он такой — маг?

— Может быть, это какой-нибудь фокус глейсов, который они держали в секрете, — предположил Викор. — Когда на Станции постоянно находятся и паги, и кэтродины, у них должен быть наготове метод подавления беспорядков или разрешения опасной ситуации вроде этой, так чтобы им не пришлось драться самим.

— Что-то, что предусмотрели еще создатели Станции, но только глейсы выяснили, как оно работает, — кивнул Ларвик. — Да, похоже на правду. Единственное, что непонятно: почему здесь нет ни одного глейса? Можно было ожидать, что они воспользуются своим преимуществом.

— Не исключено, что действие этого средства вот-вот кончится. И кэтродины будут вне себя от ярости, что упустили Ланга.

— Возможно. Ладно, нам лучше попытаться воспользоваться тем временем, которое у нас осталось. Это бесценная возможность досадить кэтродинам! Мы можем вытащить их архивы и сжечь их, перепортить их запасы пищи... Ну конечно же! Викор, что если мы подсыпем дурманной травы во все их запасы пищи? Заразить одним махом весь их персонал! Если они пристрастятся к дурманной траве, все их самодовольство...

Упреждающие возгласы и звук шагов в коридоре прервали его. Затем последовали звуки падения тяжелых тел. Все бросились к двери.

Во главе отряда вооруженных глейсов по коридору мчалась разъяренная Рейдж. Она увидела Ларвика и Викора и бросилась к ним.

— Не знаю, где вы взяли столько парализующих зарядов, чтобы вывести из строя весь кэтродинский штат, — рявкнула она. — Но каковы бы ни были ваши планы, им конец, ясно? Нам пришлось усыпить большую часть майко тоже. У моих людей достаточно забот, не хватало им только таскать вас по коридорам, как мешки с мусором...

— Но... это не мы их усыпили! — прервал ее Викор, не веря своим ушам. — Разве это сделали не вы? Мы думали, что это был какой-то глейский трюк, чтобы отнять у кэтродинов Ланга!

— А его что, здесь нет?

Рейдж изумилась ничуть не меньше Викора. Некоторое время они тупо глядели друг на друга.

Ларвик глубоко вздохнул.

— Посмотрите на кабинет Теммиса, — предложил он и шагнул в сторону, чтобы Рейдж могла войти. — Когда мы пришли сюда, этот стул был пуст.

Рейдж бросилась внутрь и осмотрелась.

— Да, здесь наверняка был Ланг, — сказала она. — Видите отпечатки лап зверька рядом с этим стулом? Именно такой величины, как у его любимца.

Она развернулась и снова обратилась к ним.

— Викор, ты ведь не станешь мне лгать. Это правда? Вы действительно нашли все так, как сейчас: Ланг исчез, кэтродины без сознания? Или это вы забрали Ланга?

— Это правда, — ответил Викор, который все еще не пришел в себя. — Мы думали, что его забрали вы!

— Нет! Мы были готовы вступить в вооруженную стычку, если придется. Но когда мы вошли в сектор, то обнаружили, что вы нас опередили.

Она окликнула военного в коридоре.

— Ступайте к капитану Индлю! Объявляется чрезвычайное положение для всего персонала. Мы должны найти этого Ланга и арестовать его. Иначе неизвестно, какие еще несчастья могут произойти!

ГЛАВА XVIII

Вооруженный глейс кивнул и поспешил выполнить приказ. Рейдж повернулась к Ларвику и Викору.

— Теперь уберите своих майко с территории кэтродинов. И побыстрее!

Ларвик упрямо уставился на нее.

— Пропустить уникальную возможность на них отыгаться? Ни за что на свете, Рейдж.

Словно по волшебству в руке Рейдж возник парализатор.

— Если вы так хотите, мы осуществим это более медленным способом. Я уже вызвала рабочую бригаду, которая оттащит ваших парализованных друзей обратно в сектор майко. Мы отвечаем за происходящее на Станции и

намерены отвечать и впредь. Это нейтральная территория. Каково бы ни было наше личное мнение о том, кто прав, кто виноват в вопросах, касающихся угнетенных рас, в делах Станции мы руководствуемся не им. Действуйте!

Взгляд Ларвика предательски заметался в поисках чего-нибудь, чем можно было бы выбить парализатор из руки Рейдж. Он где-то оставил свою металлическую трубу, когда обнаружилось, что со стороны кэтродинов сопротивления не будет. Рейдж, привыкшая читать мельчайшие изменения в выражении лиц своих сдержанных соотечественников, поняла, что он ищет и спустила курок раньше, чем майко шевельнулся. Капсула с парализатором впиалась в грудь Ларвика, он тотчас покачнулся и свалился на месте.

Рейдж испытующе поглядела на Викора и спрятала оружие.

— Мне очень жаль, что пришлось так поступить, — тихо произнесла она. — Но... ну ты ведь знаешь нашу позицию в столкновениях между майко и кэтродинами: мы всегда на стороне побежденных. Просто Станция — неподходящее место для выяснения отношений.

Викор кивнул и проглотил комок в горле.

— Думаю, вы не можете поступать иначе, — нехотя согласился он. — Но как было бы здорово использовать этот шанс!

— У вас все равно почти не было времени, — сказала Рейдж. Взгляд ее был устремлен в кабинет Теммиса. — Смотри!

Викор проследил ее взгляд. Ференц зашевелился. Он поднял голову, не открывая глаз, и провел рукой по лицу, словно у него кружилась голова.

— Хорошо, что мы уже почти очистили сектор от майко, — вполголоса сказала Рейдж. — Унеси отсюда Ларвика. Передай его одной из наших рабочих групп, пусть доставят его домой.

Викор без промедления повиновался. Он подхватил на руки бесчувственное тело Ларвика и, пошатываясь под тяжестью, двинулся по коридору, неся его будто огромного младенца. Тем временем, Рейдж вошла в кабинет и огляделась. Ференц пока был единственным, кто зашевелился.

Он открыл глаза и обнаружил, что смотрит на пустой стул. В мгновение ока он полностью очнулся.

— Куда он делся, во имя Галактики! — рывкнул он и вскочил на ноги.

Тут он увидел Теммиса, Лигмера, четвертого кэтродина — и Рейдж.

— Это ваши штучки, Рейдж? — яростно набросился он. — Куда делся Ланг?

— Успокойтесь, Ференц, и расскажите мне, что произошло. О вашем похищении Ланга поговорим позже. В настоящий момент он исчез, и я хочу знать, что погрузило вас всех в сон. Мы тут ни при чем — хотя я бы хотела иметь в своем распоряжении такое средство, чтобы разбираться с вами.

Ее мгновенный ответ и встречный вопрос убедили Ференца, что она говорит правду. Он снова опустился на стул с выражением усталости на лице и заговорил, глядя на Теммиса.

— Вы отказали в удовлетворении запроса археологам, Лигмеру и его пагской подруге Узри. Тут все и началось. — Имя паги-археолога он произнес, презрительно вздернув верхнюю губу. — Однако вы позволили посетить банк памяти Лангу, без всяких на то причин.

— Мы не давали ему никакого разрешения. Я так Лигмеру и ответила.

— Я видел ваше сообщение. Я ему не поверил. Я и сейчас верю лишь наполовину. Но если я должен поверить, что он погрузил в сон весь кэтродинский сектор, сидя здесь на стуле, чтобы иметь возможность сбежать, тогда я готов поверить чему угодно. Единственное, чего мы от него хотели, это выяснить, какими особыми знаниями или особым статусом он обладает. Яснее ясного, что он не тот, за кого себя выдает.

— И?

— И ничего. Через несколько минут после того, как мы доставили его сюда и усадили на стул, открылась дверь, и это его проклятое животное метнулось к нему. Он наклонился и подобрал его. Потом послышалось какое-то странное гудение. Теммис как раз спрашивал, кто, черт побери, впустил животное в сектор. Брегер, он был одним из тех, кто арестовал Ланга, сказал, что оставил зверька около Пещер.

— Я присутствовала при том, как они это проделали. Пришлось поднять людей по тревоге, и мы явились сюда с парализаторами, чтобы с вами разобраться. Мы не намерены спустить вам это с рук, Ференц. Хорошо бы Теммис очнулся, чтобы я могла высказать ему все, что о нем думаю.

Ференц помрачнел.

— Вы, глейсы, чересчур самодовольны, — проворчал он. — Скоро настанет час, когда мы разберемся, чье мнение стоит дороже.

— Не тратьте времени на угрозы, — нетерпеливо сказала Рейдж. — Что было после того, как послышалось гудение?

Раздражение Ференца уступило место недоумению.

— Я хотел подойти к двери и посмотреть, как зверьку Ланга удалось ее открыть, — медленно произнес он. — Но я даже со стула не встал. Больше я ничего не помню. Нет даже подсознательного ощущения, что прошло время, которое всегда бывает, когда спишь. Я очнулся и увидел вас здесь, вот и все.

Еще один человек вошел в кабинет как раз вовремя, чтобы услышать последние несколько фраз. Рейдж обменялась с ним приветствием, а Ференц обернулся, чтобы увидеть, кто это. Это оказался Индль.

— Я бы не поверил, если бы не видел собственными глазами, — сказал Индль в ответ на едва заметное вопросительное выражение лица Рейдж. — Несколько человек только начали приходить в себя. Они ничего не помнят.

— Вы, надо полагать, не получили ни намека на то, где находится Ланг?

— Если только ему не предоставили убежище паги... С их стороны будут неприятности, Рейдж. Они не пустили наши поисковые партии, и нам пришлось прокладывать себе дорогу парализаторами. Мы обследовали часть их сектора просто из принципа. Но у нас не было ресурсов, чтобы закончить работу, поэтому я вывел людей из пагского сектора и только поставил дозорных на случай, если разъяренные паги ворвутся к нам, как майко к кэтродинам.

Рейдж попыталась остановить его взглядом, но было уже поздно.

— Что вы сказали? — рывкнул Ференц, вскакивая с места. — Майко к нам вторглись? Что произошло?

— Ничего, — бесстрастно ответила Рейдж. — Мы все остановили, и вы можете нас поблагодарить. Среди них шли разговоры о том, чтобы ворваться в ваш сектор, поскольку ваши люди в поисках Ланга вели себя не особенно тактично на территории майко. Это еще один вопрос, по поводу которого я должна сделать выговор Теммису.

— Эту путаницу придется расхлебывать не один год, — сказал Индль. — По-моему, мы еще не знаем и половины всего. Элчмиды прослышали о том, что мы стреляем в паг, и в результате половина элчмидского обслуживающего персонала пагского сектора просто ушла оттуда. Они попросили нас о предоставлении убежища, и нам пришлось его предоставить. Но они почти все приверженцы дурманной травы.

— Скорее не почти все, а именно все, — сказала Рейдж. — Паги не настолько верят своим слугам, чтобы позволить элчмидам, свободным от пагубного пристрастия, работать на Станции. Великолепно! — горько добавила она после паузы. — Если это хоть как-то утешит вас, Ференц, должна признаться, что ненавижу паг куда больше, чем кэтродинов — за то, что они приучают своих слуг к ядовитому зелью.

— У вас самих рыльце в пушку, — буркнул Ференц. — Вы позволяете открыто продавать дурманную траву на Станции, и некоторые люди из нашего штата, не говоря уж о тех, кто прибыл сюда провести отпуск, пристрастились к ней. Из-за вас, между прочим!

— Если бы у вас, кэтродинов, действительно была такая сильная воля, как вы утверждаете, этого бы не случилось! — рявкнула в ответ Рейдж. Похоже, ее терпение истощилось.

— Хотел бы я, чтобы Ланг никогда не появлялся на Станции, — сказал Индль. — Намеренно или нет, но он за несколько дней натворил столько беспорядков, сколько не смогла бы устроить целая армия диверсантов.

— А он и есть армия диверсантов, — уверенно сказала Рейдж. — Я больше не верю, что он делает это все непреднамеренно. Он работает согласно плану, и в этот план входит причинить нам максимум неудобств, трудностей и неприятностей за минимальный промежуток времени. Хотела бы я его обнаружить!

Ференц неожиданно разразился хохотом.

— Есть вещи, за которые я хотел бы свернуть Лангу шею! — воскликнул он. — Но с таким же удовольствием я бы поблагодарил его за то, что могущественные глейсы носятся вокруг, как мошки! Я начал удивляться, почему мы так долго терпели вашу власть. Если один-единственный решительный человек, пусть и не вполне обычный,

смог столько добиться, почему, во имя Галактики, мы вас до сих пор не раскусили?

— Потому, что в вас нет ни решительности, ни ничего необычного, — резко сказала Рейдж. — Пойдемте, Индль, выясним масштабы неприятностей.

Они вышли за пределы кэтродинского сектора. По пути их никто не потревожил. Тут и там стояли группы вооруженных глейсов, которые внимательно следили, чтобы кэтродины не внесли свою лепту в беспорядки, как это делали паги на своей стороне Станции.

Но на выходе из сектора кэтродинов Рейдж заметила, что в тени прячется какой-то человек, и протянула руку, чтобы остановить Индля.

— Берегитесь, — пробормотала она и добавила громче: — Эй, вы там, выходите!

Это был Викор. Он осторожно выбрался на свет, тараща глаза и тяжело дыша. На лбу у него вздулась синяя полоса, на подбородке был след засохшей крови, как будто он прокусил губу.

— Будьте внимательны, Рейдж, — шепнул он и умолк, чтобы отдышаться. — На Станции творится ад! Все просто спятили. Каждый кого-нибудь преследует и проклинает!

— Кто тебя ударил? — изумленно спросила Рейдж.

— Ларвик, сукин сын! Многие майко, которые пришли в себя после парализаторов, хотели вернуться сюда и разнести кэтродинский сектор на куски. Я пытался заставить их внять голосу рассудка, но Ларвик обозвал меня предателем, и они выпшвырнули меня из сектора. Он сказал, что сломает мне челюсть, если я попробую вернуться. А паги...

— Про паг мы знаем, — кратко сказал Индль.

— Вы слышали объявление по радио?

Индль и Рейдж переглянулись.

— Может, мы говорим о другом. На всякий случай расскажи, — велел он.

— Ну, они выпустили на свободу своих мужчин в элчмидском секторе!

— ЧТО?! — одновременно вскричали Индль и Рейдж.

— Да! Они так сильно разгневались на то, что их элчмидская прислуга подняла мятеж и попросила убежища, что открыли клетки и выпустили своих мужчин на элчмидов. Человек пятьдесят, не меньше! Они убивали и насиловали всех на своем пути, а капсулы с парализатором на них не действуют, как на обычных людей. Два выстрела

подряд отключают их на несколько минут, но они приходят в себя слишком быстро!

— Ох уж эти паги! — процедила Рейдж сквозь зубы. Она повернулась и направилась к лифту.

— Это не все! — крикнул Викор.

Рейдж сделала знак, чтобы он последовал за ней, если хочет, чтобы она выслушала что-то еще.

— Лубаррийцы! — сказал он. — Они линчевали своего капеллана Дардано. Сказали, что сыты по горло священниками, которые используют свой сан как предлог переспать со всеми женщинами, до которых только могут дотянуться.

— Они его УБИЛИ? — потребовал ответа Индль.

— Бросили в шахту лифта, не дожидаясь, пока придет кабина.

В этот момент пришел лифт, вызванный Рейдж. Входя в кабину, Индль заметно дрожал. Викор присоединился к ним, и в кабине стало тесно.

— Станция разваливается на части у нас на глазах, — сказала Рейдж, нажимая кнопки кода административного блока глейсов.

Кабина тронулась. Индль начал что-то говорить в ответ, как вдруг незаметный динамик на потолке кабины — динамики центрального вещания были размещены на Станции повсюду — негромко щелкнул.

— Приготовьтесь покинуть Станцию! — раздался чуть искаженный динамиками голос. — Всем приготовиться покинуть Станцию! В течение часа местного времени все должны покинуть Станцию!

Это был голос Ланга.

ГЛАВА XIX

Естественным предположением было бы: "Так вот он где!" Дело в том, что система центрального вещания находилась в одном из административных помещений.

В свете того, что Ланг уже наделал, реакция глейсов и Викора была столь же естественной:

— Может, ему ни к чему находиться там физически!

Индль высказал это первым, Рейдж — почти одновременно с ним.

Но все равно, как только лифт остановился на этаже глейсов, все трое бросились бежать. Они заметили, что сектор глейсов будто вымер.

Но настоящее потрясение они испытали, обнаружив, что Ланг в самом деле находится там, где они предполагали. Он удобно устроился в кресле перед главной панелью связи, с Санни на коленях. Когда они ворвались в комнату, зверек бросил на них любопытный взгляд.

Несколько минут все в молчании смотрели друг на друга. Затем Ланг пошевелился. Он развернул кресло, чтобы сидеть лицом к ним, и заговорил почти приветливо:

— Я подумал, что это самый быстрый способ вызвать вас сюда.

— Чего вы добиваетесь, Ланг? — спросила Рейдж. Она сжимала и разжимала кулаки, словно пыталась совладать с непреодолимым гневом. — Вы хоть понимаете, что сделали со Станцией? Вы слышали, что лубаррийцы линчевали своего капеллана? Что паги выпустили своих мужчин в элчмидском секторе? Что майко намерены разорвать кэтродинов на куски? Зачем вам это все понадобилось?

Она закончила чуть ли не со слезами, умоляя дать хоть какое-нибудь рациональное объяснение. Ланг задумчиво смерил ее взглядом.

— Я положил этому конец, — сказал он.

— Вы... что?

— Я прекратил беспорядки. Только некоторые глейсы из административного персонала сейчас на ногах. И несколько кэтродинов в своем секторе, которые уже вышли из комы. Мне понадобилось некоторое время, чтобы осуществить настройку на разные типы индивидов. Труднее всего было справиться с пагскими мужчинами, потому что они практически не пользуются рассудком.

— Вы... — начал было Индль, но запнулся, потому что у него пересохло в горле.

Вместо него вперед шагнул Викор с побледневшим лицом, на котором резко выделялась глубокая царапина. Именно он задал самые важные вопросы:

— Кто вы такой, Ланг? И что вам здесь нужно?

— Я принадлежу к народу, который создал Станцию, — ответил Ланг. — И я прибыл сюда забрать то, что принадлежит нам по праву.

Он умолк, но слова его продолжали отдаваться эхом в мыслях слушателей, пульсируя подобно тому, как шумит

кровь в ушах, когда голова превращается в гудящий барабан от лихорадки.

— Но... — слабо произнесла Рейдж после долгого молчания.

Ланг оборвал ее с внезапной серьезностью.

— Никаких "но". Я прибыл сюда, чтобы смотреть, слушать и исследовать, без предубеждения. Я хотел провести здесь время в роли обычного туриста, заинтересовавшегося одним из величайших местных чудес. Я проделал очень долгий путь. Иногда мне удавалось пользоваться регулярными рейсами, иногда приходилось покупать космический корабль и лететь в одиночку, пересекая промежуток между трассами. Я следовал по пути, который проделала Станция с начала своего существования. Когда она еще была одним из величайших межзвездных кораблей, которые когда-либо были построены.

Рейдж медленно кивала.

— Но... значит, правда то, что вы никогда прежде не видели Станцию, — сказала она.

— Чистая правда. Но я видел чертежи и снимки, читал описания. У моей планеты долгая история, самая долгая в Галактике, потому что именно с моей планеты человек начал свой путь на другие миры.

Викор внезапно задрожал, как будто комната, в которой они находились, вдруг распахнулась и открыла им вселенную звезд во всем ее великолепии.

— Это чудо! — сказала Рейдж с внезапным порывистым вздохом, и все трое как один склонили головы, соглашаясь.

— И все же, — сказал Индль, словно сам себе, — хотя это звучит хорошо...

Он снова резко поднял голову и упрямо уставился на Ланга.

— Доказательства! — потребовал он.

— Я уже их предоставил. Как, по-вашему, может кто-то знать тайны, которые хранит Станция, если он не принадлежит к построившему ее народу? Я прекратил беспорядки таким же образом, как остановил кэтродинов, которые пытались помешать мне покинуть их сектор; таким же образом никто не сможет проникнуть сюда после вас.

— Что?

Рейдж развернулась и бросилась к закрытой двери. Она толчком откатила в сторону скользящую панель и задох-

нулась. На полу рядом с дверью лежал без сознания один глейс, дальше в коридоре — второй.

— Эти средства предназначались для того, чтобы сокращать путешествия, которые были слишком утомительны, даже при скоростях во много раз больше скорости света, — кратко сказал Ланг. — Способ замедления индивидуального времени. Существуют ритмы нервной и гормональной систем тела, которые можно изменить радикальным образом. Несложная вещь, но иногда очень полезная.

— Но как вам все это удалось? — прошептала Рейдж. — Как вы попали в наш потайной сектор столь легко? Как вы вошли в залы банка памяти, и вас не установила охрана? Как вы ушли от преследования, не покидая Станции?

В ответ Ланг поднял зверька, сидящего у него на коленях.

— Мой ключ, — просто сказал он.

— Что?

Все непонимающе уставились на него.

— Очень просто. Санни был специально выведен, чтобы служить биохимическим аналогом этого корабля. Он — живой радиоприемник. В его мозг посредством обучения встроены ввод компьютера. Пока он здесь, все, что он видит, слышит и чувствует, воспринимается также главным банком памяти. Разумеется, банки памяти — нечто гораздо большее, чем просто хранилище информации. Секции, которые вы ошибочно считали испорченными, содержат основную программу управления полетом корабля.

— Значит... эта информация все еще хранится там и мы просто ее не поняли? — спросила Рейдж.

— Она почти вся в порядке. Я проверил. Но один действительно важный контур на самом деле поврежден. Именно из-за него мне пришлось проделать весь этот путь, чтобы вернуть корабль.

Видите ли, когда этот корабль был отправлен, он очень быстро покинул тогдашние пределы распространения человеческих колоний. Мы встретили лишь несколько других дышащих кислородом рас — а надеялись на встречу с иными разумными, с которыми могли бы сотрудничать. Мы чувствовали, что наши собственные взгляды становятся предвзяты, предсказуемы, реакционны — одним словом, скучны. И боялись, что эта скука может оказаться началом упадка, разложения, смерти.

Нам нужен был новый стимул — любой ценой. Мы не могли найти чужой разум, который бы нам его обеспечил. И потому решили обеспечить возможно большее разнообразие среди человеческой расы как таковой. Мы посадили людей на корабли вроде этого, загрузили огромные стерильные холодильники спермой и яйцеклетками, средствами получения пищи — всем, кроме сведений о том, чего человек достиг к этому моменту. Корабли отправились с целью рассеять человеческую расу на всех планетах, где были пригодный для дыхания воздух и пригодная для питья вода.

Таких миров были ТЫСЯЧИ! На некоторых из них была жизнь, но ни один не породил разум, который мы искали...

Это было давно. Это было десять тысяч лет назад. Корабли вышли к своим целям, выгружая груз тут и там. Они двигались вперед, одни по прямой, другие кругами. Когда они выгружали все до последнего, то возвращались домой по той же траектории, по которой двигались вперед. Они автоматически делали записи, чтобы мы дома могли знать, что происходит с нашими новыми двоюродными братьями.

Он пожал плечами.

— Но этот корабль не вернулся. Винават был поврежденный контур, в котором содержалась действительно важная информация.

— Ну и... нашли вы ответ на вопрос? — спросила Рейдж.

Викор услышал, что ее голос дрожит, а, бросив на нее взгляд, с удивлением заметил сбегающую по щеке слезу.

— Нет. Новые люди вели себя точно так же, как обычно вел себя человек. С большим энтузиазмом, ибо забыли, что все это уже сделано не единожды, а миллион раз. Но по сути — как обычно.

На панели связи вспыхнул огонек срочного вызова. Ланг, задумчивый и спокойный, ответил на вызов. В каюте раздался гневный рев Теммиса.

— Что это за ересь по поводу эвакуации Станции? — завопил он. — В течение часа? По какому праву вы..?

— Начинайте приготовления, если вы еще этого не сделали. Через два часа будет уже поздно. Если вы хотите еще когда-нибудь увидеть свою родную планету, главный маршал Теммис, торопитесь.

Он прервал связь. Когда огонек вспыхнул снова, Ланг оставил его гореть.

— Так вы всерьез? — спросил Индль.

— Вы не можете этого сделать! — взорвался Викор. — Куда нам деться — мне и другим в моем положении? Мы изгнанники! Мы оскорбили кэтродинов, и если мы покажемся на любой планете, где они правят, то поплатимся жизнью.

Ланг обратился к нему долгий сочувственный взгляд.

— Боюсь, что это тот случай, когда глейсам придется сдержать свои обещания, — сказал он. — Рейдж, вы ведь сдержите слово? Я считаю, что вы обязаны так поступить. В конце концов, “свободные” майко, лубаррийцы и элчмиды отдали себя под вашу защиту. Вы должны предоставить им убежище на Глее.

Хаотические мысли, которые бешено проносились в их умах, были чуть ли не написаны большими буквами у них на лицах.

Рейдж: “Значит, у меня будут дети, будет семья и будущее, о котором я мечтала, и раньше, чем я надеялась... только, скорее всего, ничего не будет. Когда Станция исчезнет, жизнь на Глее станет ужасной”.

Индль: “Мы рискуем не только тем, что с исчезновением Станции паги и кэтродины ввяжутся в смертельную драку за власть над Глеем. Есть еще и психологический момент. В течение веков наше общество было сосредоточено вокруг Станции. Она стала для нас смыслом существования”.

Викор: “Я мечтал увидеть Глей. Но я хотел видеть гордый, независимый Глей, которым можно восхищаться. Вместо того...”

— В любом случае за час эвакуацию провести невозможно, — в конце концов сказал Индль.

— Пусть не за час. Ее можно провести за два, и это придется сделать. При необходимости ваши люди должны будут парализовать тех, кто не захочет отправляться, и перенести их на корабли в таком виде. Я проверил вместимость находящихся сейчас на Станции кораблей. Они способны принять больше людей, чем было предусмотрено изначально — больше, чем те корабли, которые принесли жизнь на ваши миры и остались на Пагре, окончательно опустев. Они остались ждать автоматического приказа, чтобы отбыть в обратный путь. Но приказ не пришел.

— Значит, это из-за вашей ошибки Станция осталась здесь, и мы ее обнаружили, — горько сказал Индль. — А

вы подумали, что произойдет, когда вы ее заберете? Или это маловажно, как, например, смерть священника?

— Вы, глейсы, должны сделать на Глее то, что сделали на Станции, — сказал Ланг. — Начните с группой людей всех рас. Лучше всего будет забрать всех, кто эвакуируется со Станции, прямо на Глей — включая паг и кэтродинов.

Его маска бесстрастия на миг слетела, и подлинная жалость сверкнула в его глазах. Санни вздрогнул, словно от боли, и захныкал.

— Вы — лишь немногие среди миллионов и миллионов, — сказал Ланг. — Мне очень жаль. Люди моей планеты заняты великим поиском. Времени не хватает, даже если оно исчисляется тысячелетиями. Мы видели, как высыпается песок времени, песчинка за песчинкой, и наше отчаяние росло по мере того, как рос риск нашей психологической деградации. Здесь вы тоже можете наблюдать первые признаки: человек из-за пределов видимости — это чудо, хотя космические корабли связали между собой почти все звездные системы галактики! Есть все возможности путешествовать, почему же нет любопытных, которые к этому стремятся? Неужели потому, что мы утратили надежду, слишком долго охотясь за единственной целью и не найдя ее?

Как бы то ни было, жребий брошен. Этот поиск подведет итог существованию человека. Если он потерпит неудачу, неудачу потерпит все человечество. Наша судьба будет решена.

— Но тогда, — недоуменно произнесла Рейдж, — если вся галактика была исследована, а ответ не найден, для чего вы забираете у нас Станцию?

Тотчас же она прижала ладонь к губам, словно, задав вопрос, она сама нашла на него ответ, но не смела в него поверить.

Поглаживая Санни по голове, Ланг подтвердил ее догадку столь небрежно, словно ссылаясь на самоочевидный факт.

— Есть другие галактики...

ГЛАВА XX

Понадобилось довольно много времени, чтобы тот факт, что Станцию необходимо покинуть, дошел до всех. Дежурные команды кораблей, к которым информация о происходящем на Станции попала через десятки руки, быстро

пришли к выводу, что произошла катастрофа либо в атомном реакторе, либо в системе искусственной гравитации.

Поэтому при виде армии глейсов, ведущих и несущих тех, кто не хотел покидать Станцию, не тратили времени на вопросы. Самая серьезная проблема заключалась в том, чтобы не дать пагам и кэтродинам захватить корабли друг друга, а также удостовериться, что никто из представителей подчиненных рас не попал на пагский корабль, а майко и лубаррийцы держатся подальше от кэтродинских кораблей. Но с этим разобрались. Впечатление контролируемой паники было создано так убедительно, что даже самые бурные страсти недавних беспорядков поглотило стремление поскорее покинуть Станцию.

Викор с радостью убрался с дороги. Он до начала основного потока поднялся на борт глейского корабля, явился к казначею, сказал, что у него есть опыт работы стюардом, и получил назначение помочь в организации эвакуируемых. Одним из тех, кого он проводил в каюту, был Ларвик. Ни один из них не упомянул о царапине на лбу Викора.

Провожая лубаррийцев, элчмидов, майко и глейсов в свободные каюты, освобожденные для этой цели служебные помещения, пустые склады, Викор постепенно проникся чувством вдохновения.

“Но я ведь строю новый мир!” — думал он.

Он чувствовал себя почти так же, как когда его пригласили работать в революционном движении на Майкосе. Но только новый мир, в строительстве которого он участвовал сейчас, был совсем другим. Это не был новый Майкос. Это должен был быть новый Глей, нейтральный мир, планета, люди которой действовали уверенно и быстро, чтобы спасти мужчин и женщин всех рас Рукава от внезапной катастрофы.

Не было сомнений, что исчезновение Станции будет интерпретировано сотней различных, не согласующихся между собой причин. Пока будет не в интересах Глея открыть истину. Пусть люди думают, что это был несчастный случай — катастрофа, в которой глейсы самоотверженно спасли всех.

Работая без поддержки остальных, больше стараясь сохранить свое положение, чем приблизиться к идеалу, глейсы никогда не могли сделать Станцию по-настоящему нейтральной зоной. Ненависть, страхи и предрассудки, кото-

рые процветали на планетах Рукава, в миниатюре отражались и здесь.

Теперь, работая вместе с остальными, с теми, кто неожиданно оказался вынужден спастись на Глее, глейсы, возможно, смогут достичь того, что лишь наполовину сделали на Станции.

А, возможно, и нет. Быть может, чудовищная война потрясет миры Рукава, если Пагр и Кэтродин обвинят глейсов — не исключено, что и друг друга тоже — в потере Станции, которой так долго стремились завладеть.

Но даже это не было столь уж важным. Простые слова Ланга настолько потрясли Викора, что его временно не волновали судьбы нескольких миллионов людей немногих отдельных планет.

ЕСТЬ ДРУГИЕ ГАЛАКТИКИ.

Факт. Но до сих пор этот факт не имел такого глубокого смысла.

Наконец все было закончено. Викор и два стюарда-глейсы ждали у шлюза корабля, напряженно высматривая, не появится ли кто-то еще. Они знали, что поисковые партии еще обшаривают Станцию, чтобы удостовериться, что никого не пропустили, что никто не остался.

Кроме Ланга. Но они не думали о Ланге, как об исключении. Те, кто мог бы задать конкретный вопрос, например, Теммис, которому Ланг ответил на его возмущенный вызов, были парализованы, и очнутся не раньше, чем оставят Станцию далеко позади.

И пока Станция, в свою очередь, не оставит позади их.

Послышались торопливые шаги одной из групп, которые обыскивали корабль. Викор вдруг осознал, что после разговора с Лангом он стал думать о Станции не как о станции, а как о корабле. Люди торопились оказаться в безопасности. Во главе группы была Рейдж. Она на бегу окликнула стюардов.

— Готовьтесь к старту! — приказала она. — Времени осталось немного!

Приказ передали дальше в корабль.

Рейдж устало остановилась в шлюзе, пока стюарды-глейсы закрывали люк. Она утомленно провела рукой по лицу.

— Столько всего произошло за такое короткое время, — отрывисто сказала она Викору.

Викор проглотил комок в горле и пробормотал что-то неразборчивое в ответ. Глейсы закрыли люк и ушли внутрь корабля.

— Слушай! — сказала Рейдж, склонив голову набок. — Это звук, который я надеялась никогда не услышать.

Ошеломлённый Викор прислушался и действительно уловил. На самом пределе слышимости он различил ритмичное биение, словно где-то далеко волны бились о берег.

— Что это?

— Двигатели! — сказала Рейдж. — Мы знали, что они здесь, и готовы заработать. Но мы ни разу не осмелились их проверить, не осмелились даже признать, что они есть. Они находятся в самом сердце корабля, глубже банков памяти. Ланг сказал, что собирается их прогреть.

— Вы... еще раз его видели?

— Да. Он вышел сказать нашей поисковой партии, чтобы мы не тратили время. Он каким-то образом узнал, что на Станции не осталось никого, кроме нас.

— И...

— И самого Ланга, конечно. Я спросила его, что он будет делать на обратном пути, и как долго продлится полет. Он сказал, что полет займет годы. Он сказал, что заснет, и будет рад отдохнуть. Надо полагать, что когда его видели выходящим из помещений банка памяти, он уже исправил поврежденный контур. Уже несколько дней все было готово.

— Я бы хотел видеть, как Станция отправится в путь, — сказал Викор почти неслышно.

Рейдж кивнула.

— Хорошо.

Она повела его в наблюдательный салон корабля. Помещение было заполнено распростертыми телами, среди которых двигались врач и медсестра. Но небольшой участок пола непосредственно перед обзорным иллюминатором был свободен. Они пробрались туда и остановились, наблюдая.

Все корабли, которые находились в доках Станции, стартовали по очереди. Викор и Рейдж смотрели, как один за другим они ныряют в гиперпространство.

Викор робко протянул ладонь, ища руку Рейдж. Она взяла его ладонь в свою и тихо заговорила, не отводя глаз от иллюминатора.

— Не надейся, что я помогу тебе, Викор. Ты же знаешь, что тебе нужна не я. Я просто воплощала для тебя то, что тебе было так важно и ценно. Но это уже позади.

Он отпустил ее руку. Она говорила правду. Теперь, когда Викор нашел в себе силы признать ее правоту, он почувствовал уверенность, которая была для него новым и приятным чувством.

— Станция стартовала, — сказала Рейдж после паузы.

Под действием своих колоссальных двигателей Станция снова превратилась в корабль. Она меняла цвет, становясь попеременно красной, желтой, зеленой, и далее вверх по спектру. Синий... фиолетовый... ослепительно сверкающий фиолетовый...

А затем — чернота, испещренная золотыми блестками звезд. Корабль отбыл.

РОБЕРТ МУУР ВИЛЬЯМС

ЗВЕЗДНЫЕ ОСЫ

ROBERT MOORE WILLIAMS

STAR WASPS

1963

40-этажное здание Супер Корпорейшн возвышалось над Денвером. Этот башенный монумент был воздвигнут рабами, некогда именовавшими себя людьми, ради фантастической жадности одного-единственного человека, Эразмуса Глока.

* * *

Джонни Дерек смог сокрушить эту хорошо охраняемую империю с помощью небольшой группы храбрецов и одного простого оружия — маленькой стеклянной сферы. Но, возбудив в людях примитивный инстинкт к свободе, он выпустил на волю ужасные враждебные силы.

Возмездие Глоку пришло в виде танцующих голубых огоньков с ясного неба. И их невидимый танец был танцем смерти для всего человечества.

ГЛАВА I

— Алло, парень! Не хочешь ли освободиться?

Дерек слонялся возле ограды на третьем этаже эскалатора. Крупный мужчина, он старался казаться спокойным.

Человек, к которому он обращался, только что сошел с подвижной части бокового тротуара и пытался прикурить сигарету. На нижних этажах небоскреба Корпорейшн Билдинг всегда дует холодный ветер, и это было для него трудной задачей. Перед тем как продолжить беседу, Дерек внимательно посмотрел на парня, раздумывая может ли он пригодиться ему.

Парень сторбил плечи. Он был бледен, как обычный конторский работник.

Его руки дрожали, и он никак не мог прикурить. Очевидно понимая причину этой дрожи и приняв решение, он полез в карман и вытащил небольшую коробочку с лекарствами, которую носит каждый в этом здании. Он извлек маленькую таблетку, один из сотен транквилизаторов, которые продаются в каждой лавке и бесплатно выдаются конторским служащим. Он проглотил таблетку и, казалось, мгновенно избавился от дрожи в руках. Но теперь появилась другая проблема. Его зажигалка не работала. Щелкая по ней пальцами, он вдруг увидел возле своего лица чью-то большую загорелую руку с зажигалкой. В этот момент он вспомнил, что к нему обращались. Он посмотрел вверх.

— О, да. Спасибо, благодарю. Он взял сигарету, которую держал Дерек. — Спасибо. Ох ... — Человек насупил брови. — Что вы сказали?

— Я спросил тебя, хочешь ли ты быть свободным? — повторил Дерек.

Слова, казалось, затронули этого человека. Руки его снова задрожали, а лоб нахмурился. Чтобы удостовериться, что их никто не слышит, он быстро оглянулся вокруг. Двигающийся боковой тротуар поднимал конторских работников вверх, к площадке, с которой подъемники подымали их еще выше. Это была смена, которая шла на работу в восемь часов утра. Никто не обращал внимания на двух мужчин, разговаривавших на краю эскалатора. Большинство рабочих смотрели вниз. Было ли у них достаточно духа, чтобы поднять головы и посмотреть на голубое небо Колорадо и на покрытый снегами Длинный Пик в отдалении? Или весь их дух иссяк? Эти рабочие не хотели прогуливаться. Эскалатор нес их на себе, освобождая от необходимости передвигаться, и предоставлял им возможность полюбоваться цветом неба, высотой и глубиной Вселенной. Но рабочих ничего не интересовало, и они смотрели вниз. Человек снова взглянул на Дерек. Какое-то удивление промелькнуло в его глазах.

Дерек ожидал этого, он знал, что делать.

— Здесь, — сказал он, протягивая руку.

Подставленная ладонь человека медленно покрылась потом, несмотря на прохладное утро. Дерек опустил в нее большой стеклянный шарик. Он был похож на мраморный

шарик, которым дети забавлялись в деревне когда-то давно, до того, как их лишили возможности играть.

— Что это такое? — спросил человек. В его голосе слышалась заинтересованность.

— Это ключ к свободе, — ответил Дерек улыбаясь. Затем улыбка исчезла, и голос стал твердым. — Но я хочу предупредить тебя, что свобода никогда не дается легко. Каждый человек должен завоевать ее для себя. Это поможет тебе, — наклонил голову Дерек. На его лице снова появилась улыбка.

— Свобода? Я стремился к ней и ждал ее. — На мгновение у человека пробились заинтересованная улыбка. Но вскоре она исчезла и ее сменило выражение, похожее на ужас. Снова он посмотрел на движущийся эскалатор, чтобы убедиться в том, что никто ничего не заметил. Затем он растерянно взглянул на Дерека. Он даже немного негодовал.

— Ну и что это за затychка? — резко проговорил человек. — Мы свободны. У нас есть величайшая цивилизация из когда-либо существовавших на Земле. Если ты в это не веришь, посмотри вокруг.

Дерек не последовал его совету. Он не нуждался в этом. Он знал, что Корпорейшн Билдинг устремляется на сто сорок этажей в бодрящее небо Колорадо. Он знал, что огромное здание имеет много наклонных входов, где приземляются вертолеты, и все это образует пригород Северного Денвера. Сделанное из стали, литого алюминия и стекла, оно, казалось, плавает как мечта в воздухе планеты.

В прошлом люди мечтали о таком здании, как это. В 2470 году оно стало реальностью. Может ли мечта через какое-то время превратиться в ночной кошмар? Дерек думал, что такое может случиться. Он думал так потому, что на самом верху здания, в суперконструкции, которая сверкала как серебро, разместились центральные штаб-квартиры Супер Корпорейшн. Дерек не любил ее. Еще меньше он любил человека, который был ее владельцем.

— Я знаю, как выглядит Корпорейшн Билдинг снаружи, — сказал Дерек. — Я знаю, что все корпорации имеют здесь свои главные офисы. Я также знаю, что корпорации, которые не имеют здесь офисов, попадают под управление тех корпораций, которые представлены здесь. Я знаю, что все эти компании являются собственностью и управляются Супер Корпорейшн. Я также понимаю, что

происходит с мужчинами и женщинами, работающими в этом здании. Они все являются рабами, включая тебя.

Дерек пытался выражаться помягче. Он понимал, что этот человек, как и многие другие, был жертвой сил, с которыми трудно бороться. Этот человек не был врагом Дерекка. Его врагами были силы, которые делают из человека раба.

Постепенно человек понял, что его не критикуют. На его лице появилось выражение понимания. Но нечто большее чем понимание довлело над ним — страх.

— Вы..., наверное, сошли с ума... Я не должен говорить с вами, у меня могут быть неприятности. — Страх все более охватывал его. — Я... я хочу иметь работу, Вы знаете, что нельзя опаздывать. За опоздания наказывают. Идите вы к... — Страх заставил его передвинуться на край движущейся дорожки. Он столкнулся с другими рабочими, которые поднимались наверх. Они выругались. Тогда он твердо поставил ноги на эскалатор. Поднимаясь вверх, он не обернулся, чтобы посмотреть на Дерекка, слонявшегося возле ограды.

Дерек вздохнул. Да, эти люди всего боятся. Но, этот, по крайней мере, унес с собой стеклянный шарик. Непроизвольно Дерек посмотрел вверх на серебряную верхушку здания, подумав о том, сколько времени пройдет, пока небольшой стеклянный шарик достигнет самого сердца Корпорейшн Билдинг. Он не хотел оставаться на открытом месте, когда небольшой стеклянный шарик попадет в главный офис Супер Корпорейшн.

Спеша уйти, он почти столкнулся с молодой женщиной, которая сошла с эскалатора.

В руке она держала сигарету. — Закурите? — спросила женщина. Она не застала его врасплох. Он знал, что она слышала то, что он сказал человеку, и остановилась, чтобы задать вопросы, на которые он не хотел отвечать. С ней даже пришло еще нечто более важное. Дерек быстро оглянулся по сторонам.

В воздухе не было никаких мерцающих голубых отонков. Он снова посмотрел на молодую женщину. Она была самой привлекательной из всех, кого он когда-либо видел. Она была довольно высокой, но все-таки смотрела на него снизу вверх. Дерек видел ее глаза — серые с небольшой голубизной, похожие на небо при закате солнца, когда в воздухе нет ни смога, ни дыма, ни мглы. В его взгляде

было что-то, чего она никогда не знала, но к чему всегда стремилась и надеялась когда-нибудь увидеть. У Дерека перехватило дыхание, когда он увидел желание в ее глазах, которое отвечало желанию его собственной души.

Но он знал, что с ней у него ничего не получится. По крайней мере, сейчас. Может быть, завтра..., но разве мог он думать о том, что произойдет завтра?

— Не беда, — сказал он. — Если я захочу женщину, я куплю ее.

Ее лицо напряглось, но, казалось, она не пришла в замешательство от его грубых слов. — Конечно, вы можете купить женщину, — сказала она. — Но таким образом вы не получите ту, которую по-настоящему хотите.

— Тогда как же заполучить ее?

— Вы должны заработать ее. — Серые глаза были совершенно откровенны. — И когда вы заработаете ее, она станет для вас равным, но свободным компаньоном и, как она надеется, очень любимой. — В ее голосе появилась хитрость. — Когда вы заработаете ее, она последует за вами на край земли и даже дальше, свободно, потому что все это произойдет взаимно — по ее и вашей воле. У вас еще есть... — Опять хитрость появилась в ее голосе. — У вас есть еще один такой маленький стеклянный шарик?

— Вы подслушивали? — спросил Дерек спокойно.

Она засмушалась и кивнула головой.

— Я... я надеюсь, что вы не будете сердиться. Вы — первый мужчина, а на самом деле, единственный, с которым я говорю так серьезно.

Ее голос звучал смущенно, а глаза вглядывались в него, чтобы убедиться, что он не сердится.

Дерек изучал молодую женщину. Она нравилась ему все больше. То, что она говорила, ему тоже нравилось. Но он снова посмотрел вверх, на башню Супер Корпорейшн. Женщины, которые в ней работали, вели мужчин к смерти. Он заколебался, зная, что долго колебаться не может. Человек со стеклянной сферой уже давно прошел внутрь здания.

— Меня зовут Дженни Фарго. Сегодня я не работаю и пришла сюда, чтобы... просто посмотреть. — Она покраснела. — Я надеюсь, что женщины тоже могут быть свободными. Сама природа делает настоящую свободу затруднительной для них. Но женщина может мечтать и, может быть, надеяться...

— Мечтать в определенных пределах — это очень важно для каждого, — сказал Дерек. — На основе наших мечтаний мы строим будущее. Иногда будущее идет не совсем по тому пути, о котором мы мечтали. Очень давно человек мечтал об этом, — и показал в сторону Корпорейшн Билдинг.

— Я знаю, что всегда найдутся те, кто захочет использовать мечты людей в своих собственных целях! — Ее слова звучали взволнованно. — Я знаю, что есть люди, которые, обещая свободу, лгут нам, используя самые сокровенные наши мечты для собственного обогащения. Я ненавижу их. Ненавижу всем сердцем. — В голосе ее звучал страстный протест, протест, который становился все сильнее потому, что он был тщетным.

Дерек молчал, он не собирался заводить здесь женщин. Он даже не знал, что будет делать с одной, если заведет ее.

— Я не знаю кто вы. Мы никогда больше не увидимся, — мольба звучала в голосе Дженни. — Пожалуйста, дайте мне один из этих маленьких стеклянных шариков.

Дерек по-прежнему молчал. Ему захотелось уйти. Краем глаза он наблюдал за воздухом.

— С вами ничего плохого не произойдет. Клянусь, — продолжала она. — Я... я тоже хочу почувствовать вкус свободы. Я живу в маленькой квартире в полном одиночестве. У меня отличная работа и много свободного времени. Многие женщины завидуют мне. Но несмотря на хорошие условия, приличный заработок и по-настоящему симпатичную квартиру, мне все надоело. Я хочу...

— Вы говорили мне, что женщину нужно заработать, — сказал Дерек.

— Да...

— Наихудший вид смерти оставлен для провокаторов. Они редко умирают легкой смертью.

При этих словах ее лицо напряглось, но говорила она спокойно и твердо. — Я не шпион Супер Корпорейшн, сэр. И если только вы еще раз намекнете на это, я двину вас кулаком по зубам. — При этом она сложила кулачок.

Дерек усмехнулся. — Вы хороший малыш, Дженни. — Но лучше оставайтесь в той жизни, которая у вас есть. Это, может быть, уныло, но зато безопасно.

Она смотрела как будто готова была зарыдать. — Ну, пожалуйста.

— Вы не знаете о чем просите, Дженни. Вы не знаете, как трудно вынести все это раз и еще раз и не иметь пристанища во Вселенной. Вы не знаете, что бывает, когда за вашу голову назначили вознаграждение, и каждый так называемый честный человек может получить его только за информацию о вас; и это все за единственный грех, состоящий в том, что вы пытаетесь дать людям возможность освободиться.

Она выслушала не все, что он сказал, а только часть. — У вас нет дома? О вас некому позаботиться, приласкать вас немного когда вам плохо, и полностью подчиняться вам все время для... Она сделала шаг навстречу. Ее глаза светились теплотой.

— Я... — Дерек знал, что он не решится избавиться от этой женщины. Он пытался проявить твердость, зная, что его сердце не позволит ему сделать это. — Я... — И он потерял свое сердце.

Неожиданно он боковым зрением заметил, что слева от него в воздухе появилась искра. Она была слабой с мимолетной окраской, которая появляется при отражении солнечного луча от тонкой пленки лопнувшего мыльного пузыря. Она тотчас исчезла, как лопнувший мыльный пузырь, который ничего не оставляет после себя.

Это зрелище вызвало цепную реакцию напряженности в его нервной системе. Он посмотрел вверх на высокую башню. Безусловно, прошло слишком мало времени, чтобы сфера попала наверх через все каналы! Наверное, это какое-то совпадение. Он пытался стать на эскалатор, чтобы пройти незамеченным в двигающейся толпе, но понял, что Дженни что-то пытается сказать ему.

— Вы видели их тоже? — спросила она.

Это был вопрос, который Джон Дерек не надеялся услышать ни от кого.

— Что я мог видеть? — Опять в его голосе появилась жесткость.

— Эти маленькие искры голубого цвета, — ответила она.

— Вы подразумеваете вирусы?

— Я не знаю, как они называются. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь дал им название. Я не знаю, есть ли у них название. — Удивление в ее голосе было похоже на настоящее.

Дерек мгновенно принял решение.

— Пойдем, — жестко сказал он. — Мы не можем здесь оставаться. Мы опоздаем на работу, если не потопимся.

Взяв ее за локоть, он показал на движущуюся поверхность бокового тротуара.

— Поссорься со мной, — прошептал он ей на ухо. — Притворись немного пьяной. Попытайся расслабиться, но не очень сильно.

Она мгновенно поняла его и казалась теперь подвыпившей женщиной, поссорившейся со своим парнем. Дерек подыгрывал ей. Они по-прежнему ссорились, когда движущийся боковой тротуар доставил их в огромный холл Корпорейши Билдинг. Здесь работники могли перейти на другие конвейеры, которые мгновенно поднимали их на самые верхние этажи.

Дерек не воспользовался подъемниками или эскалаторами, идущими вверх. Вместо этого, ворча на Дженни за то, что она напилась, он затащил ее в нишу. Тщательно осмотрев воздух, он не увидел мерцающих голубых огоньков.

— Все в порядке, Дженни. Ты можешь больше не притворяться, — сказал Дерек, переведя дух.

Она сразу отрезвела.

— Как это случилось, что ты можешь видеть вирусы? — спросил Дерек.

— Я... вирусы? Не знаю. Разве не каждый может их видеть?

— Нет.

— Но я не знаю, что они собой представляют. Разве они опасны? — Ее лицо выглядело напряженным. — Я видела их не очень часто — обычно когда гуляла в небольшом парке возле своего дома — но они всегда казались мне симпатичными.

— Симпатичными? — Голос Дерека стал суровым. — Я видел мужчин и женщин, которые умирали в результате работы этих симпатичных голубых искр, носящихся в воздухе. Они могут высосать жизненную энергию из человека, как пиявка высасывает кровь, высосать ее до конца, пока не останется ничего, кроме плоти и костей. Симпатичные! Симпатичные маленькие дьяволы!

После его слов лицо Дженни Фарго из серого стало белым.

— Я не знала этого, — воскликнула она.

— Ни один обычный человек не знает этого, — продолжал Дерек. — Он не может увидеть их, он не слышит их и не может их почувствовать. Если они нападают на него, он думает, что просто устал. Он берет тонизирующую таблетку. Если она не действует, он берет еще одну. Если и эта не действует, он ложится. И никогда больше не поднимается. Доктор обычно выписывает свидетельство о смерти от сердечного приступа, так как не может придумать ничего лучшего. А количество этих “сердечных приступов” все время увеличивается.

Волнение овладело Дерекком, и его голос прервался.

Глаза Дженни были полны ужаса.

— Один из моих друзей умер. Доктор сказал, что это сердечный приступ. — Было ли это...

— Я не знаю, виноват ли в этом вирус, — ответил Дерек.

— Но как вы можете видеть их? — продолжала Дженни.

— Я могу видеть их, так как много тренировался, чтобы достичь этого. В его голосе прозвучала горечь, когда он вспомнил свои тренировки... — Шесть месяцев по восемь часов в день я проводил в полной темноте. Если этого было недостаточно, я надевал специальные очки, отфильтровывающие обычный диапазон излучения, к которому чувствителен глаз. Очки пропускали только те частоты, которые используют вирусы. Главной задачей этих тренировок было заставить видеть глаза в диапазоне частот, обычно невидимых.

— Это, наверное, было чрезвычайно трудно?

— Мои глаза очень пострадали. Несколько раз случилось так, что я вообще ничего не видел.

— И вы почти становились слепым?

— Я был слепым в течение нескольких недель. Постепенно мое нормальное зрение восстановилось. Одновременно появилась возможность видеть частоты, на которых работают вирусы. — Его голос изменился. — Я не знаю как случилось, что вы тоже видите их. Я предполагаю, что некоторые люди способны видеть на таких высоких частотах. Для них это нормальное явление. Но большинство из нас... — Он покачал головой, но при виде ее бледного лица понизил голос. — Мне жаль, если я испугал вас.

— Меня испугало совсем не то, что вы рассказали, — прошептала Дженни.

— А что же?

— Прямо за вами я вижу мерцание голубого света. Именно оно испугало меня.

Дерек медленно повернулся и увидел крошечный танец голубых огоньков.

У него перехватило дыхание.

ГЛАВА II

Человека, которому Дерек отдал маленький стеклянный шарик, звали Джерри Фалькон. Его имя ни для кого не имело значения. Он так редко слышал его, что почти забыл. Он был известен всем как Р-133, что являлось номером сложной бухгалтерской машины, на которой он работал.

В 2470 году человека называли по имени машины, а не наоборот.

Р-133 был женат четыре раза. Каждый брак заканчивался разводом по самой простой причине — несовместимости характеров. Каждая неудача в браке делала его все более несчастным, а внутри скапливались страх и ненависть. Р-133 каждый день приходил на работу со смутной надеждой, что сегодня наступит его смерть.

Эту надежду лелеяли многие, работающие в этом здании. Вся их жизнь была предопределена — как на работе, так и дома. Все средства рекламы сообщали им, что они очень счастливы. Если они не подвергались штрафам, у них было все — безопасность на работе, медицинская помощь и пенсия. Вопрос, который часто задавали руководители, состоял в том, чего еще они пожелают? Ответ, который, однако, никто из них никогда четко не сформулировал, мог быть один — человек должен знать степень свободы в своей жизни. Не имеет никакого значения, какую опасность приносит свобода, пока человек жив. Без этого, как бы не была велика его безопасность, он чувствует, что ему лучше умереть. Транквилизаторы могут создать ложное ощущение благосостояния, но они не могут принести свободу, а тонирующие таблетки создают ощущение нереальной эйфории. Единственный смысл благосостояния возникает только от надежды и появления свободы.

Р-133 снял пальто и повесил его позади бухгалтерской машины с огромным банком клавиш. До начала работы оставалось еще две минуты. Вспомнив про маленький стеклянный шарик, он вытащил его из кармана пальто и положил перед собой. Он осмотрел сферу. Ему показалось, что она была пустой. Очевидно, человек, давший ему шарик, был лунатиком. Он подумал с некоторым беспокойством, что количество лунатиков все больше увеличивается. Топот ног вокруг говорил о том, что другие рабочие торопятся к своим машинам. В огромном помещении находилось 150 машин, которые обслуживали 160 операторов. 10 резервных операторов всегда были готовы заменить тех, кто из-за болезни не мог справиться со своей клавиатурой. Эксперты компании по производительности труда решили, что лучше держать на дежурстве лишних десять человек, чем допустить, чтобы какая-то одна важная машина вышла из строя хотя бы на один час.

Люди стоили дешево, а машины так дорого!

— Что ты принес? — спросил сосед Р-133. — Что это за маленький стеклянный шарик?

— Он ничего не значит, — ответил Р-133. — Какой-то псих дал его мне по дороге на работу. Он сказал, что шарик сделает меня свободным.

— Тогда он действительно псих, — проворчал его сосед.

Р-133 открыл свой шкафчик и положил в него стеклянный шарик. Каждая машина была снабжена таким личным шкафчиком шириной в шесть дюймов и глубиной в один дюйм. В нем разрешалось хранить свои личные вещи. Кто-то сказал, что жизнь оператора машины зависит от глубины и ширины его персонального шкафчика. В шкафчике лежала поломанная шариковая авторучка, три упаковки жевательной резинки, содержащей слабительное средство, одна небольшая бутылочка с транквилизирующими таблетками и три маленьких бутылочки с тонизирующими. Р-133 подумал, что ему следует принять одну из тонизирующих таблеток, чтобы закрепить действие той, которую он принял раньше, но затем решил подождать пятнадцать минут.

Прозвучал предупредительный звонок. Это означало, что машина начнет выполнять операции через тридцать секунд. Р-133 закрыл шкафчик, расслабился, посмотрел на стопку бумаг с символами, которые он должен передать машине, и подготовился к утренней разборке. Снова про-

звучал звонок, на бухгалтерской машине зажглись огни, и тут же включились в работу машины запахов и музыки. Утренняя музыка была в темпе марша. Эксперты по производительности труда считали, что люди работают быстрее, если работа сопровождается тихим звуком марша. Позднее музыка изменится, но темп марша сохранится.

Машина запаха распространяла аромат хвойных лесов, благоухание весенних цветов и острый запах соли, рассеиваемой ветром. В эту машину запахов были также включены другие тонкие эссенции, включая лекарства, которые создавали транквилизирующий гипнотический эффект. Благодаря этим тонким наркотикам, распыленным в воздухе, люди мечтали во время работы, сосредотачивались на ней.

Большая комната была заполнена звуками марша. Беззвучное замыкание тысяч клавиш на счетных бухгалтерских машинах только слегка сопровождало его. Длинные ряды молчаливых людей напоминали роботов, которые были глазами и руками машины.

Символы, которые они вводили в машину, ничего не означали. Данные, отсортированные и упорядоченные мастерами, они преобразовывали в базу данных для другой машины, а результаты, в свою очередь, поступали на какую-то другую машину, может быть, на машины отдельных корпораций.

Р-133 мог только мечтать о космическом полете, настоящем запахе хвойного леса и цветении весны. Он никогда их не видел. Он принадлежал своей бухгалтерской машине и был прикован к ней невидимыми цепями.

Пальцы Р-133 механически перемещались по клавиатуре. Мастера с перечнями итоговых данных ходили от машины к машине. За стеклянной перегородкой в комнате готовности ожидали резервные операторы. Для того, чтобы их пальцы сохранили гибкость, они тренировались на имитированных бухгалтерских машинах.

Мелодия марша только началась, когда Р-133 совершил свою первую ошибку. Он не знал, когда и как это случилось. Он думал о чем-то — о чем, он не мог вспомнить — когда палец пропустил клавишу.

Машина издала звук возмущения. Р-133 удивился. Красная лампа, которая указывала на ошибку, мигала. К нему поспешил мастер.

— Ошибка Р-133! — Голос мастера был холодным, как северный ветер.

— Прошу прощения, — поспешил ответить Р-133.

— Извинение не исправляет ошибок. Это будет стоить тебе одного штрафа.

— Это больше не повторится, — взволнованно пообещал Р-133. В его голове пронеслись видения, что он потеряет работу и нигде больше не сможет устроиться. Если он не найдет работу оператора бухгалтерской машины, единственную, которую он знал, ему придется спуститься на нижние этажи Корпорейшн Билдинг, в подземелья и подвалы, и распрощаться с цивилизацией. Они там даже не получают транквилизаторов!

Р-133 снова вернулся к своей работе. Он сосредоточился, и теперь пальцы подчинялись ему. Но постепенно его умом завладела какая-то мысль. Он гнал ее прочь, но она снова возвращалась. Неожиданно возникли какие-то образы. Он узнал человека, который дал ему маленький стеклянный шарик.

Его пальцы снова совершили ошибку. Он вовремя заметил ее.

— Черт с ним с этим парнем! — подумал он. И понял, из-за чего совершил первую ошибку. Он попытался выбросить все это из головы.

Но видения снова вернулись. Вместе с ними пришла мысль о свободе. На что похожа жизнь на Луне или Марсе? Что делают там люди? Зачем они уходят так далеко, когда на Земле такая свобода?

— Виззт!

На этот раз он не заметил, как загорелась красная лампочка. Предупреждающий звонок машины указывал, что он совершил ошибку.

Посмотрев на лист с символами, он с ужасом заметил, что переставил целую строку!

— Ты отсутствовал пять минут и сделал три ошибки, последняя из которых была очень серьезной, — сказал мастер.

Р-133 попытался повернуться и посмотреть вверх. Он хотел сказать, что заправит новую ленту и исправит ошибку. Но ему вдруг показалось, что кресло выскользнуло из-под него, а пол переместился. Он попытался дотянуться до своего шкафчика, чтобы взять другой, более сильный тран-

квизитор, но не смог. Как в тумане он понял, что упал из кресла и лежит на полу.

Он подумал: — К черту все это! Я просто полежу немного, — и потерял сознание.

Р-133 не видел, как над ним наклонился мастер, как быстро выбежал резервный оператор из комнаты готовности. Он и не подозревал, что бригада скорой помощи уложила его на носилки и вынесла из помещения. Люди, обслуживающие другие машины, едва ли обратили внимание на случившееся.

Р-133 получил четыре штрафа, но и не подозревал об этом.

Когда он пришел в сознание, то ощутил, что у него была мечта — яркого цвета и наполненная теплыми, обнадеживающими эмоциями. Он не ощущал ее четко, но как-то понимал, что она связана с луной. Она была также связана с личной свободой для Р-133, который имел имя, но почти его забыл. Личная свобода! Это сжигало его сердце, как пылающий уголь.

Затем он увидел склонившегося над ним человека в белом халате и с трудом понял, что это доктор. Часы на стене показывали, что он опоздал на десять минут на работу. Бормоча, что он опоздал, Р-133 попытался сесть. Доктор объяснил ему, что он должен лежать. Доктор думал, что это просто обморок и нужно сделать укол. Он был очень молод и волновался. В колледже он прослушал много лекций о том, что нужно подчиняться законам местных властей. Он также выслушал лекции об ответственности врача за здоровье своего пациента, но их было совсем немного по сравнению с лекциями об ответственности перед местными властями. Такое несоответствие трудно было объяснить. Но в 2470 году вряд ли кто-нибудь задумывался об этом.

— У вас обморок, — сказал доктор. Он приготовил шприц. — Все будет в порядке. Это поможет вам. — И он сделал укол. — Между прочим, что это за человек, о котором вы упоминали, когда были без сознания?

— Какой человек? — удивился Р-133. Он не знал, что говорил вслух. К нему снова вернулась память. — Это человек, который обещал мне помочь обрести свободу.

— О, — сказал доктор. Он не сказал Р-133, что его разговоры в бессознательном состоянии пробудили в нем любопытство, а укол, который он сделал Р-133 должен

развязать его язык. Р-133 хотел только говорить. Доктор поощрял это. Когда Р-133 замолчал, доктор показал ему маленький стеклянный шарик.

— Это вам дал тот мужчина?

— Да, но откуда он у вас?

— Вы вспоминали о нем, когда были без сознания, и я попросил сестру, чтобы она обыскала ваш личный шкафчик. — Что это такое?

— Я не знаю.

Доктор попытался продолжить разговор, но понял, что Р-133 действительно ничего не знает об этом маленьком стеклянном шарике. Затем доктор начал задавать вопросы о незнакомце. Когда он отослал Р-133 домой, у него было полное описание Дерека.

Доктор послал это сообщение и маленький стеклянный шарик вверх по каналам и сделал пометку "Срочно". На следующем этаже добавили "Сверх секретно" и передали со специальным курьером на самый верх Корпорейшн Билдинг. Здесь сообщение принял личный секретарь президента Супер Корпорейшн мистера Эразмуса Глока.

Мистер Глок сидел в огромном офисе, который имел такую звукоизоляцию, что уши уставали, пытаясь уловить хоть малейший шум. Если мистер Глок нажимал одну кнопку, с докладом являлся один секретарь, когда он нажимал вторую, появлялся другой. Когда он нажимал еще одну, появлялся президент самой большой корпорации в стране, который стоял в ожидании, пока мистер Глок соизволит его заметить. Справа от него находился замаскированный корпус машины, которая синтезировала данные всех машин, размещенных на нижних этажах. Эта машина слушала биение коммерческого сердца всей нации. Если сердце билось не так, как это угодно было мистеру Глоку, он мог ускорить это биение или замедлить его, в соответствии с ожидаемой прибылью.

Очень немногие знали о существовании мистера Глока. Он не принимал представителей общественности, его лицо не появлялось на экранах телевизоров, и его имя никогда не публиковалось ни в одном из журналов. Ему нравилось вести такой образ жизни. Мистер Глок любил только то, что ему нравилось.

Он был очень крупным человеком. И при весе около 300 фунтов у него были короткие руки и жирные, опухшие ладони. Глубоко посаженные крошечные голубые глазки

глядели на мир, который они никогда не понимали. Он умел только управлять.

Несмотря на свой внешний вид, мистер Глок совсем не был слабым. Его мускулы, находящиеся под слоем жира, обладали огромной силой. Но еще сильнее, чем сила мускулов, была сила его воли. Его желания всегда реализовывались.

Люди не знали, что их судьбами управляет президент Супер Корпорейшн мистер Глок, этот толстый паук, который плетет свои паутины и извлекает прибыль из их доходов и потерь. Если маленькая корпорация терпела крах, мистер Глок подбирал обломки и делал из них прибыль для себя. А из больших корпораций он откачивал большую часть доходов с помощью налогов за обслуживание, которое никогда не проводилось.

Мистер Глок был настоящим гением в сфере финансов. Это сделало его одним из сильных мира сего. Никто не знал, сколько он стоит. Он был финансовым колоссом. Ему были неведомы ни моральные принципы, ни понятия чести.

В его жизни не было ни одной женщины, которая могла бы сделать ее осмысленной. Еще в молодости он решил, что женщины только отвлекают человека от его настоящего призвания, состоящего в достижении силы и власти.

Мистер Глок назначал и смещал президентов. Законы проходили гладко и просто через законодательные органы, если мистер Глок желал этого. Сенаторы спрашивали разрешения у одного из его секретарей, чтобы поговорить с ним. Конгрессмены с тоской ждали его одобрения.

Мистер Глок был государством внутри государства.

Когда мистер Глок прочитал сообщение доктора об Р-133 и обследовал маленький стеклянный шарик, его начала бить дрожь. Капли пота появились на его лице. Его маленькие голубые глазки осматривали комнату в поисках врага, который мог появиться из ниоткуда.

Мистер Глок поднялся из-за своего массивного стола и направился к потайной двери, спрятанной в стене его офиса. Дверь и то, что скрывалось за ней, было секретом из секретов.

Он не открыл дверь. В последний момент мужество изменило ему. Пот все сильнее лился по его лицу. Он стоял перед дверью, дрожа от страха.

Отвернувшись от двери, он снова направился к столу и нажал на кнопку. Вытирая пот с лица, он уселся в кресло и попытался овладеть собой.

На звонок ответили через тридцать секунд. Человек, который вошел, был маленьким и толстым. Как и мистер Глок, он выглядел дряблым, но, на самом деле совсем не был таким. Его звали Холлоу. Его лицо совершенно ничего не выражало. Если у него и были какие-то эмоции, он их тщательно скрывал.

Холлоу был совершенно лысым.

Мистер Глок жестом показал на доклад доктора и на маленький стеклянный шарик на его столе.

— Дерек снова на Земле, — сказал он.

— Да, сэр, — ответил Холлоу и ничего не изменилось в выражении его лица.

— Заполучи его, — сказал мистер Глок.

— Да, сэр, — ответил Холлоу. Его лицо по-прежнему ничего не выражало. Он повернулся, чтобы идти и только тогда понял, что шеф требует, чтобы он задержался.

— Я не требую, чтобы ты убил его. Ты должен привести его сюда, — сказал Глок.

— Сюда? — переспросил Холлоу. Впервые на его лице появилось какое-то выражение. Оно было похоже на удивление, граничившее с шоком.

— Я хочу поговорить с ним, — сказал мистер Глок.

— Поговорить с ним? — повторил Холлоу, как будто не верил своим ушам.

— Я сказал то, что думаю! — заорал мистер Глок. — Теперь убирайся к чертям отсюда и найди его!

— Да, сэр, — ответил Холлоу.

ГЛАВА III

Дерек отвел взгляд от того места, где маленькие голубые огоньки мерцали в своей невидимой матрице.

— Ты пьяна, — сказал он Дженни Фарго. Я сейчас возьму тебя...

Дженни Фарго была по-настоящему пьяной. — Только не дома. Дом это то место, куда вы идете, когда все остальное закрыто.

— Хорошо, — ответил Дерек. — Я найду другое место и куплю тебе еще выпить.

Он шлепнул ее по задку. Она открыла рот от изумления, затем хихикнула и схватилась за руку, которую он ей предложил.

Они двигались к нижнему эскалатору. Позади никого не было. Но оба они знали, что за ними следуют крошечные танцующие огоньки.

На нижнем эскалаторе было очень мало пассажиров. Эскалатор шел вниз через перекрестки дорог, откуда к нижнему этажу огромного здания Корпорейшн Билдинг мчались небольшие автомобили, похожие на электрических клопов. С верхней точки Дженни и Дерек посмотрели вниз. Им хотелось только одного — найти какое-то новое место для развлечений.

Но оба они знали, что за ними следят, хотя и не видели этого. Дерек чувствовал, как дрожит ладонь Дженни в его руке.

Самым худшим в этой ситуации было то, что Дерек знал, а Дженни подозревала, что они беспомощны. У них не было ничего, чем бы они могли защитить себя! Если вирусы следуют за ними, сопротивляться бесполезно.

Он помог Дженни стать на эскалатор и оглянулся по сторонам.

Танцующие голубые огоньки находились не далее, чем в пяти футах от них. Эскалатор, скрипя своими редукторами и электронными внутренностями нес их вниз. Зловоние нижних этажей усиливалось. В нем ощущался запах хлорина, который использовался, чтобы подавить это зловоние. Но химикат не справлялся со своей задачей.

Угловым зрением Дерек видел, что Дженни решительно смотрит вперед. Ее волосы разметались по сторонам. Вдруг в ее глазах появился ужас. Мерцающие огоньки двигались к Дереку слева и зависли в воздухе прямо над ним. Дерек не имел понятия изучают ли их вирусы, или происходит что-то еще. Он знал, что никому не известно, как контактируют вирусы с окружающей средой, есть ли у них глаза и уши, или какие-то эквиваленты этих органов чувств, и как они концентрируют свое внимание. Все, что он знал, — вирусы, возможно, и понятия не имеют о своем существовании. Они могли быть следствием чего-то другого.

Он не верил, что прошло достаточно времени для реакции, которая должна появиться после того, как он дал стеклянный шар конторскому рабочему.

Молодой парень-курьер в яркой униформе проскочил мимо них. Эскалатор двигался для него слишком медленно. Он пробежал мимо мерцающих голубых огоньков и даже не заметил их.

Дерек представил себе, что произошло бы с парнем, если бы он пробежал сквозь них. При этой мысли он содрогнулся.

Посмотрев вперед, он увидел, что голубые огоньки приблизились к ним. Теперь они находились на расстоянии не более трех футов.

— Ты предполагаешь, что мы можем — ах — заговорить с ними, — прошептала Джени.

— Ими можно управлять и без всякого разговора, — ответил он.

— Тогда как же...

— Шшшшш! — зашипел он. — Ты слишком пьяна, чтобы задавать вопросы.

— Я совсем не пьяная! — возмущенно ответила Джени. Она еще крепче сжала его руку.

Вирусы были всего в двух футах от них.

Он почувствовал, что она дернула его за руку, чтобы привлечь внимание к тому, что происходит справа.

Откуда-то появились зеленые огоньки, которые медленно двигались мимо них.

Дерек удивился. Зеленых вирусов он еще никогда не видел.

Зеленые огоньки двигались как вспышка света.

Голубые огоньки устремились вверх. За ними, светясь, цепочкой поднимались зеленые.

— Они дерутся! — пальцы Джени глубоко впились в руку Дерека.

— Этого не может быть! — ответил Дерек.

— Люди дерутся друг с другом, — сказала Джени. — Почему это не могут делать вирусы?

Дерек едва расслышал вопрос. Он наблюдал за двумя световыми структурами. Создавалось впечатление, что два леопарда джунглей обмениваются ложными выпадами в борьбе за пространство. Однако даже леопард выглядел медлительным по сравнению с этими структурами. Теперь они кружили друг возле друга, голубые двигались в одну сторону, за ними устремлялись зеленые, чтобы вступить с ними в мгновенный контакт.

Дерек был уверен, что это битва не на жизнь, а на смерть. Он наблюдал. Крошечные мерцающие огоньки дви-

гались настолько быстро, что только специальная визуальная система могла обнаружить их. То исчезал голубой цвет, то зеленый, когда вирусы вступали в мгновенный контакт друг с другом. Дереку показалось, что вирусы уничтожают одну световую точку другой.

Спускаясь вниз, они проехали мимо какого-то человека, который хлопал себя по лицу так, будто его окружил рой невидимых мошек. Потом он посмотрел вокруг в поисках чего-то. Очевидно решив, что ему мешает ветер, он нагнул на глаза шляпу.

Дереку было жалко этого парня. Смерть пронеслась так близко от него, а он думал, что это ветер.

Мерцающие голубые и зеленые огоньки снова начали перемещаться. В этот раз они прошли сквозь человека. Он дернул головой, чтобы посмотреть на Дерек.

Световые рои двигались по направлению к Дерек.

Он одернул Джени, чтобы она опустилась вниз.

Вирусы прошли над их головами.

— От чего вы увертываетесь? — спросил человек, находившийся ниже. — Что это... что это такое...

Он не договорил и упал на эскалатор. Его лицо совершенно ничего не выражало. Эскалатор понес его вниз.

Джени с ужасом посмотрела на Дерек. — Зачем ты дернул меня, чтобы я опустилась вниз? — прошептала она и посмотрела на мужчину, лежащего на эскалаторе. — Почему... почему... но он мертв! — Ее голос звучал приглушенно.

— Вирусы прошли сквозь него. Я предостерег тебя, — ответил Дерек.

Драка между голубыми и зелеными огоньками продолжалась над их головами.

Но постепенно эскалатор уносил от них Дерек и Джени. Впереди, на площадке, двигался охранник. Он посмотрел на них с подозрением.

— Я не знаю его, я никогда не видел его раньше, — сказал Дерек.

Охранник что-то проворчал. При виде мертвого человека он не особенно удивился. Он сообщит об этом в полицию. Они уберут тело. Затем молодой врач выпишет свидетельство о смерти от сердечного приступа.

На первом этаже Дерек соскользнул с эскалатора и повернул налево. Джени быстро последовала за ним. Она почувствовала опасность. Она посмотрела вверх через сеть дорог, накладывающихся друг на друга, на поднима-

ющиеся и опускающиеся эскалаторы, на огромный корпус здания, уходивший ярус за ярусом в чистое голубое небо. Дрожь охватила ее. В небе было что-то, что она уже когда-то видела, но не узнавала, что-то, о чем знали только несколько человек.

Дерек погладил ее по руке, — Ты уже отрезвела?

— Вполне, — ответила она.

— Ты не спрашиваешь, куда я веду тебя?

— Имеет ли это значение? — ответила она.

Он снова погладил ее по руке.

Первый этаж на этой улице не был тем ярким, сверкающим зданием, которое возвышалось над ними. Эта улица не была частью Корпорейшн Билдинг. Здесь жили и работали люди, продавались и покупались товары. Сама улица напоминала во многом одну из улиц под поднятой железной дорогой в Чикаго в дни, которые давно миновали. Запахи, которые доносились сверху, были более сильными, более пикантными и острыми. Дженни казалось, что над каждой дверью горит неоновая лампа, которая сообщает о том, что здесь можно купить спиртное.

Дерек, еле передвигавший ноги, вдруг остановился возле двери помещения, которое было анахронизмом в 2470 году, — салуном старого времени с баром из красного дерева, большим зеркалом над ним и опилками на полу. Мужчины пили пиво за грубыми деревянными столами, разбросанными по большой комнате.

Старомодный пианист сидел за каким-то прообразом древнего пианино, популярного в прошлом веке, и наигрывал старый мотив.

Единственным признаком современности были украшения на баре, сделанные из крученого алюминия, а не из латуни. Здесь даже была плеватьельница!

За баром стоял бармен, одетый в белый фартук, его волосы посередине были расчесаны на пробор. Единственным покупателем возле бара был тощий маленький человек, который с грустью смотрел на пустую кружку от пива.

Дженни с сомнением огляделась вокруг.

— Это точное воспроизведение старомодного западного салуна, — сказал Дерек. — Не тревожься. Мы находимся здесь в гораздо большей безопасности, чем наверху. — Затем Дерек подошел к бару. Бармен с притеской, разделенной пробормом, испытующе посмотрел на него. — Два пива, — сказал Дерек.

Бармен поклонился.

Дженни казалось, что мужчины, находящиеся в комнате, прислушиваются. Она также не сомневалась, что бармен знает Дерек, который привел ее сюда. Ей казалось, что каждый, кто находится в этой комнате, знал его.

Маленький человек, стоящий возле бара, посмотрел на Дерек.

— Джон Дерек! — воскликнул он и резко поставил свою пустую кружку на стойку.

В комнате мгновенно стало тихо. В этой тишине звук пианино казался очень громким.

Дерек не пошевелил и мускулом.

— Садись, Джой, — сказал бармен. Его голос был спокойным, но очень твердым.

Маленький человек не двигался. Наверное, он не брился уже несколько дней. Он уставился на Дерек. В его глазах светилось счастье.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он Дереку. — Я хочу сказать вам очень много.

Его речь была очень четкой, в ней не было никаких признаков опьянения.

— Я слушаю его, — сказал Дерек.

— Он пьяный, он болтается здесь уже несколько месяцев! — протестовал бармен.

— Я выслушаю его, — повторил Дерек.

— Да, сэр, — сказал бармен. — Я только хотел, чтобы вы знали...

— Я понял. Спасибо, — ответил Дерек. Он повернулся к маленькому человеку.

— Это правда, что я болтаюсь здесь уже несколько месяцев, но я не пьяный, — сказал маленький человек возмущенно. — Рано или поздно я надеялся увидеть вас здесь.

Дженни внимательно слушала. Какой-то человек поднялся и щелчком выключил пианино.

— Почему ты ищешь Дерек? — спросил Дерек.

— Потому что мне необходима его помощь, — ответил маленький человек с запальчивостью.

— О, — сказал Дерек, — но почему ты думал, что встретишь его здесь?

— Мне намекнули, не знаю даже кто. Пьяный разговор в космическом порту, молодой парень, пытающийся сбежать на Луну. Моя интуиция подсказала мне, что, если я

буду искать в таких местах, как это, я найду Джона Дерек. И я нашел его, не так ли?

Глаза этого человека светились надеждой.

— О, — сказал мягко Дерек. Это прозвучало как вопрос.

Дженни Фарго казалось, что все в комнате напряженно вслушиваются. Она едва сдерживала крик. И в то же время она ощущала, что ситуация была более угрожающей, чем встреча с вирусами.

— Я нашел его, не так ли, — повторил маленький человек.

— Как тебя зовут? — спросил Дерек.

— Все здесь зовут меня Джон, — ответил маленький человек. — Если я назову вам свое настоящее имя и вы поймете его, тогда я мертвец.

— Хм, — ухмыльнулся Дерек. Я не думаю, что здесь мы можем продолжать беседу в таком тоне, сэр.

Маленький человек вздрогнул. — Я знаю, я знаю. Все мужчины здесь — это волки, ваши волки, Дерек, голова каждого из них уже оценена и все они готовы служить вам до смерти. Я знаю все это...

Дерек моргнул с удивлением. — Несколько человек могут захотеть повторить то, что вы сейчас сказали, сэр.

— Я уже знаю цену за свою голову! — ответил напряженно маленький человек. — Смерть поджидает меня на каждом углу. Я хочу быть одним из ваших волков, Джон Дерек, и если кто-то заплатит за мою голову, я хочу быть уверен, что он заплатит сполна.

Снаружи на улице мягко шуршали электрические двигатели. Внутри помещения не раздавалось ни звука.

— Меня зовут Джозеф Коттер, — сказал маленький человек, который открыл вирусы и случайно выпустил их на людей.

Джон Дерек подавился своим пивом.

ГЛАВА IV

Бармен рассказывал вокруг бара. Дерек покачал головой.

— Он — чужак, — сказал бармен. — Я видел таких придурков раньше. Последний из них утверждал, что он Магомет.

— Я не чудак, — озлобленно настаивал маленький человек. — И я не Магомет.

— Вы Джозеф Коттер? — спросил Дерек.

— Да.

— И вы ищете человека по имени Джон Дерек?

— Да.

— Думали вы когда-нибудь, что Джон Дерек тоже может искать вас? — Маленький человек удивился.

— Дерек ищет меня? — он открыл рот от изумления. — Но я всего лишь неизвестный астрофизик!

— Дерек ищет вас, — продолжал Дерек. — Для этого он вот уже два года рассылает по всей Земле своих людей.

У Джон были глаза как у совы. Его всегда беспокоило чувство неполноценности. Он не знал, стоит ли верить словам Джона.

— Но почему Дерек ищет меня? — снова спросил он удивленно.

— По той причине, о которой вы только что упомянули — потому что вы тот человек, который открыл вирусы.

— И вы... вы в самом деле верите мне? — начал заикаться Джон.

— Да.

— И вы в самом деле Джон Дерек?

— Да, — ответил Дерек.

Джон выглядел так, будто сбылись самые сокровенные его мечты.

— Я хочу поговорить с вами, мистер Коттер, — сказал Дерек. Глазами он дал знак двум мужчинам, сидевшим в комнате. Взяв за локоть одной рукой Джона, а другой Дженни, Дерек пошел вместе с ними в заднюю часть комнаты.

Дженни оглянулась и увидела, что два человека, которым дал знак Дерек, следуют за ними. Другие спокойно сидели в салуне. Когда дверь затворилась, снова заиграло пианино, кто-то включил его.

— Волки Дерек, — вспомнила она, как назвал людей в салуне маленький странный человек.

Из-за бара за ними тусклым взглядом наблюдал бармен. Наверное, он тоже один из волков Дерек, подумала она.

Она не знала, почему их называли волками. Но это название полностью подходило к ним.

Ей было приятно отметить, что она совсем не испугалась даже теперь. Она предполагала, что большой человек, который держал ее за локоть, рассчитывал на это.

В узком проходе, который вел в заднюю часть помещения, Дерек шел впереди. Здесь пахло несвежим пивом и плохо промытыми хлорированными туалетами. Дерек шел быстро. Джон и Дженни вынуждены были бежать за ним. Она чувствовала себя как маленькая девочка, торопящаяся за большими мальчиками. Ей нравилось это ощущение. Ей казалось, что она находится в какой-то взрослой компании. Эти большие мальчики могли привести ее к опасности. Она не возражала против этого. Опасность — это цена, которую платят за жизнь.

Проход оканчивался дверью со сложным замком. Дерек нажал на ручку, и дверь отворилась. Они прошли внутрь. Один из мужчин, следовавших за ними, остановился, прислонившись к стене. Другой пошел вместе с ними. Дерек закрыл дверь. Дженни открыла рот от изумления, когда почувствовала, что пол под ними начал внезапно опускаться, затем она поняла, что они опускаются на лифте. Когда лифт остановился, и открылась дверь, она обнаружила, что они находятся в крошечной темноте.

— Это один из тоннелей, который использовался для рытья под фундаментом Корпорейшн Билдинг, — сказал Дерек. Луч его светового карандаша развеял мрак и осветил бетонные стены и потолок, покрытый влагой. По полу тоннеля протекала маленькая речка. Грубые бордюры образовывали над водой тротуар.

Джон и Дженни следовали за лучом фонаря Дерек. За ними шел один мужчина. Они спустились на один пролет влажных бетонных ступенек, затем прошли вперед и спустились еще на один пролет. Стены тоннеля были покрыты влагой, а воздух в нем был тяжелым. Огромные бетонные колонны диаметром около ста футов спускались откуда-то сверху.

— Они поддерживают здание, — пояснил Дерек. — Они глубоко уходят в ложе скалы под нами. — В тусклом свете фонарика бетонные колонны были похожи на лес каменных деревьев. Воздух казался тяжелым от тягостного чувства, что колоссальный вес здания над ними может разрушить все, что находится под ним.

Дерек остановился перед одной из колонн, тщательно осмотрел ее, затем потянулся вверх своей длинной рукой

и на что-то нажал. Прозвучал щелчок, послышалось шипение воздуха и часть колонны повернулась внутрь. Там находилась комната.

Дерек удовлетворенно рассмеялся. — Волки превратились в мышей и прогрызли дыру в самом фундаменте высотного здания Раза, — сказал он. — Входи, Дженни. Вы тоже, сэр. Джуп, ты остаешься здесь и будешь наблюдать. — Последние слова относились к мужчине, который шел за ними.

— Да, сэр, — ответил Джуп. У него был глубокий голос, как у лягушки-быка.

Когда дверь закрывалась, Дженни увидела, что Джуп занял позицию напротив бетонной колонны.

Внутри комната была маленькой. Возле одной из стен стояла койка; здесь же находился небольшой электрический нагреватель и шкаф, забитый всякой пищей в упаковке. Грубые деревянные коробки были уложены в стопку друг на друга почти до потолка. Одна из коробок была открыта. Дженни увидела, что она заполнена оружием и амуницией.

— Газовые пистолеты малого калибра, — сказал Дерек. Он предпочел ничего не объяснять. Ни Джои, ни Дженни не чувствовали в этом необходимости.

Дерек повернулся к Джои. — Мне любопытно, мистер Коттер, как вы остались в живых?

Дрожь пробежала по телу маленького человека. Он сильно затряс головой, как бы показывая, что для него это тоже тайна.

— Глок должен был убить вас, — продолжал Дерек.

— По крайней мере, он хочет этого, — ответил Джозеф Коттер. — Я часто задумывался, как мне удавалось ускользать от убийц, которые охотились за мной. Что это — случайность, везение или судьба? Знает ли кто-нибудь свою судьбу, которая может принести ему необъяснимую смерть или необъяснимую жизнь? Как я могу объяснить то, что привело меня к вирусам? Я не искал их, вы можете побиться об заклад! Я даже не знал, что они существуют!

В его голосе был страстный протест. — Я — ученый. Я хотел сделать как можно лучше, дать людям больше знаний о вселенной, в которой мы живем. Дудки! Вместо этого я ухватил тигра за хвост! — он развел руки выразительным жестом.

— И когда вы рассказали о том, что нашли, то обнаружили, что держите двух тигров за хвост, — добавил Дерек.

— Мой друг, как вы правы! — воскликнул Коттер. Я никогда не видел второго тигра, но я предполагаю, кто может им быть. Эразмус Глок! — По его телу прошла дрожь. — Этот человек, это жирное чудовище! Его не видно. Я только видел людей, которые работают на него. Это достаточно плохие люди. Когда они промывали мне мозги, то всегда угрожали пытками!

— Я знаю, — сказал Дерек. — Раза никогда не видно, другие люди делают для него грязную работу.

— Раз? — спросил Коттер.

— Так я его называю, это сокращение от Эразмус, — пояснил Дерек.

— Вы говорите так, будто хорошо знаете его.

— Это так, — ответил Дерек. — Мы вместе с ним росли в жестоком мире трущоб Чикаго. Тогда Раз был жирным и запуганным, жадным и хитрым. Первоклассный мозг. Человек, который может ходить кругами вокруг большинства людей. Но этот мозг искажен и порочен. Раз думает, что он самый важный из всех людей, когда-либо живших на земле. Он собирается доказать это, не заботясь о том, сколько потребуется убить людей на своем пути.

Дженни слушала и чувствовала гнев в голосе Дерек. Она чувствовала что-то еще, какую-то грусть, которая подсказывала, что сердце этого человека было таким же большим, как и его тело, настолько большим, что оно могло болеть немного даже за его врагов.

— Я понимаю — это очень плохо, но так иногда бывает, — ответил Коттер.

В его голосе тоже был оттенок грусти. Грусть исходила из его собственного опыта, что мы живем в больном мире, в котором ученый должен прятаться, чтобы сохранить свою жизнь.

В мире, о котором мечтал маленький человек, этого не должно быть. На протяжении всей истории человечества люди мечтали об этом лучшем мире. В двадцатом веке, когда на землю падали большие бомбы, они думали, что это произойдет в будущем.

Но это не наступило и в 2470 году. Даже возможность представить этот мир отдалялась в такое неясное будущее, что ни один человек не мог поверить в это.

— Ладно, — Джозеф Коттер покачал головой. — Мне немного жаль Эразмуса Глока, но в то же время мне гораздо больше жаль других людей. Но то, что мне его немного жаль не удерживает меня от того, чтобы убить его! — В глазах маленького ученого появилась решимость.

— Почему? — спросил Дерек.

— Он взял у меня вирусы! — ответил Коттер. Еще до того, как я изучил их, его люди похитили их у меня. Затем они забрали все мое оборудование, все мои записи, всех людей, которые работали со мной. Когда я попытался протестовать, то понял, что, вероятно, моя жизнь и, безусловно, свобода, находятся в опасности.

— Это совершенно ясно, — ответил Дерек. — Почему вы искали меня?

Коттер понизил голос. — Они говорят, что у вас есть убежище на Луне. Они говорят, что у вас там несколько верных людей. Это правда?

— Да, это правда, — ответил Дерек.

Коттер продолжал. — Они говорят, что у вас там есть лаборатория. Я подумал, что если бы я добрался туда и поработал...

Возбуждение свело его голосовые связки, он выпучил глаза.

— У меня есть такая лаборатория, — сказал Дерек.

Возбуждение Коттера возрастало. — Позвольте мне попасть туда и продолжить работу. На своей родной планете вирусы должны иметь естественных врагов. Может быть я смогу перенести этого врага через...

Дерек молчал, его лицо было спокойным. — Не торопитесь, мой друг, — сказал он.

Лицо Коттера сникло. — Вы имеете в виду, что не позволите мне попасть туда...

— Я не говорю этого. Но перед тем, как я приму решение, я должен больше узнать о вирусах.

Джозеф Коттер начал говорить. Дженни слушала, но многое было непонятно ей. Когда Коттер заговорил о своем успехе, его речь стала почти нечленораздельной. Когда он рассказывал о неудачах, ему снова становилось трудно говорить. Но между успехом и неудачей нужно было отметить один факт — этот маленький человек с вклучооченной бородой, который выглядел так, будто он вылез из какой-то сточной канавы, имел мощный дух. Коттер мог вы-

глядеть, как задница. Но в своих мечтах он охватывал звезды.

— Я не знаю о вирусах столько, сколько хотел бы знать. Например, я не знаю, как они размножаются. Они должны как-то воспроизводить свою породу. Как? Я не знаю, также, какую частотную энергию они используют и какова форма ее сигнала. На физическом уровне человек является сложной системой, в которой используются элементы химии, электричества и механики. Человеческое существо использует электрическую энергию на многих частотах. Я также подозреваю, что оно использует формы энергии, которые можно назвать магнитными. Тело человеческого существа рассчитано на работу в физической вселенной, может видеть физические объекты, ощущать их органами осязания, слышать их, если они вибрируют в определенном диапазоне частот, и иногда даже попробовать. Есть датчики, с помощью которых человек осознает окружающую среду, располагает себя в мире и направляет через него. Он также имеет другие, внутренние датчики для ощущения эмоций, с одной стороны, и для ощущения формы, гармонии и красоты в любой ее форме, с другой. В каждом человеке также заложен импульс делать добро, с помощью которого он живет в гармонии с окружающей средой и со всей вселенной так долго, насколько это возможно.

Коттер размахивал руками со все возрастающим возбуждением.

— Вирусы, — мягко сказал Дерек.

— О, да! Я заговорился, не так ли? — сказал маленький человек, улыбаясь. — Но я не мог совладать с этим. Вселенная такая большая и все в ней так интересно. Но вернемся к вирусам. Как вы знаете, я — астрофизик. Большинство моих работ было связано с электронными телескопами — огромными параболическими антеннами, которые собирают излучение, идущее из космоса. Их можно расположить в любом направлении и сфокусировать на любой конкретной звезде. Я изучал одну звезду, Росс-154, которая находится на расстоянии около десяти световых лет от нашей Солнечной системы. Уже в течение многих лет ученые знали, что существует специфическое излучение на высокой частоте. Все, что я сделал — сконцентрировал это излучение на некоторых химикатах, самые важ-

ные из которых — кобальт и бинго! — Голос Коттера стал неуверенным, а глаза его широко раскрылись.

— Что случилось? — спросил Дерек.

— Из комбинаций этих химикатов и этих излучений родился вирус, — продолжал Коттер. — “Родился”, может быть не совсем подходящее слово, вероятно, лучше сказать, что я открыл канал, который позволил форме жизни, невероятной для нас, переместиться через космос от Росс-154 и что с помощью моих химикатов я нашел среду для того, чтобы она формировала свое тело, росла и процветала на нашей планете.

Его речь стала нечленораздельной, когда он подбирал слова, чтобы рассказать о том, что случилось, и он неистово тряс головой. — Может быть, вся жизнь пришла на Землю таким образом. Может быть, миллиарды лет тому назад жизнь пришла на нашу планету с лучами звезд, найдя здесь подходящую химическую среду, начала формировать тела.

— Это называется эволюцией, — сказал Дерек спокойно.

— Я знаю, я знаю, — быстро ответил Коттер. — Эволюция — это способ описания роста и изменений в телах в течение миллиардов лет. Я говорю о самом принципе жизни, организации, функции подачи энергии, которые дают телам существование и поддерживают его в дальнейшем. На одной этой планете существуют миллионы, миллиарды форм жизни. Как же все это началось?

— Мутации, адаптации, — сказал Дерек.

— В какой-то степени, но можно ли считать это причиной разнообразия всех форм жизни, имеющихсся в нашем мире? — возбужденно сказал Коттер. — Я много передумал, когда увидел, что маленькие голубые мерцающие огоньки образуют какие-то структуры над моими химикатами. Не в химикатах, имейте в виду, а над ними.

— Вы можете видеть эти маленькие голубые огоньки? — спросил Дерек.

— Конечно, я могу видеть их! Мои глаза видят в этом диапазоне спектра. Если бы я не мог видеть их, как бы я остался в живых? — Маленький ученый еще больше возбудился. — У Глока есть мой метод управления ими, метод использования высокочастотного излучения в спектре радиочастот, над которым я работал наиболее мучительно. Он использует его для охоты за мной точно также, как и

для охоты за любым человеком, которого считает своим врагом. Если бы я не видел их и не мог от них ускользнуть, я давно был бы уже мертвым!

Дерек посмотрел на Дженни. Она спокойно слушала.

— Эти вирусы разумные, — продолжал Коттер. — Их понятие о ценностях полностью отличается от нашего. Подобно Глоку, их не волнует жизнь любого другого создания, мой друг. Лучше бы я никогда не родился, чем родился для того, чтобы выпустить эту форму жизни здесь, на Земле.

Голос маленького человека стал печальным.

— Поэтому, если вы возьмете меня на Луну и позволите использовать лабораторные средства, я сделаю все, что смогу, чтобы исправить свою грубую ошибку. В их собственном мире должно быть что-то, что удерживает их под контролем. Повсюду природа работает так, чтобы все находилось в равновесии. Когда одна форма жизни начинает внезапно увеличиваться, другая форма удерживает ее под контролем.

— Это зеленые вирусы, — внезапно сказала Дженни.

Ее слова мгновенно привлекли внимание Джозефа Коттера.

— Зеленые вирусы? Я никогда не видел таких. Только голубые, молодая леди.

— Но мы видели зеленые, — настаивала Дженни. — Кажется, именно они спасли нам жизнь.

Она описала, что случилось на эскалаторе.

Теперь Джозеф Коттер был по-настоящему возбужден. — Тогда форма жизни, которая держит вирусы под контролем, пришла сюда с Росс-154, или появилась здесь в результате мутации!

Он повернулся к Дереку. — Мой друг, я должен попасть на Луну. Или в другую такую же лабораторию. Я должен больше узнать об этих зеленых вирусах, которые борются и уничтожают голубых. Мой друг...

Его лицо выразило удивление, когда в комнате прозвучал зуммер. — Что это такое?

— Предупреждающий зуммер из салуна, — ответил Дерек. — Мы имеем прямую телефонную связь.

Он пересек комнату, взял деревянный ящик и вытащил из него портативный крошечный телевизор. Затем включил его. Два дюймовых экрана ожили и показали салун старых времен. Звуковое сопровождение подтвердило, что

пианино по-прежнему наигрывает старый мотив. Волки спокойно пили свое пиво. Бармен находился позади своего бара из красного дерева.

Возле бара стоял совершенно лысый человек с кружкой пива.

Они видели, что лысый вытирал обильный пот, катившийся по его голове и лицу. Он заговорил с барменом, очевидно во второй раз.

— Я хочу поговорить с Джоном Дерек. Не рассказывайте мне о том, что вы не знаете, как установить контакт с ним.

Бармен покачал головой.

Дженни Фарго показалось, что Дерек, стоящий рядом с ней, вдруг напрягся. Казалось, у него перехватило дыхание.

— Он спрашивает о тебе, — произнесла она. — Кто он? Ты знаешь его?

— Его зовут Холлоу, — медленно сказал Дерек. — Да, я знаю его. Это убийца, присланный Глоком.

— Что? — Она открыла рот от изумления. — Но как он узнал, где найти тебя?

— Это означает, что Глок уже пронюхал об этом месте. Когда ему доложили, что я в городе, он уже знал, где искать меня. — Дерек посмотрел на Дженни. — Никогда не следует думать, что Глок глупый. Это не так.

— Но... — внезапно в ее голосе появился страх.

Крошечный телевизор показывал, что лысый наклонился над баром и продолжает говорить.

— Скажи Дерек, что я хочу поговорить с ним, — шептал его голос из маленького громкоговорителя. — Скажи, что большой человек послал меня. Скажи ему, что большой человек лично гарантирует безопасность Дерек.

Взглянув на Дерек, Дженни увидела удивление на его лице.

— Глок хочет поговорить со мной! — прошептал Дерек. — Он хочет поговорить! Он гарантирует мне безопасность! Что же случилось на небесах, что могло его так потрясти?

— Глоку нельзя доверять! — сказал Коттер.

— Я знаю.

— Это какая-то ловушка. Он не знает, где вы находитесь и хочет, чтобы вы засветились, — сказал маленький человек.

— Может быть, — ответил Дерек. Он подошел к двери, открыл ее и поманил человека, стоявшего на страже. Когда человек вошел, Дерек посмотрел на Коттера.

— Вы осуществите свое желание, мистер Коттер. Вы полетите на Луну. Джуп доставит вас туда. Его глаза переместились на Дженни. — Вас обоих!

Она посмотрела на него со страхом.

— Но что же будет с тобой? — требовательно спросила она.

— Я пойду наверх и поговорю с Холлоу, — ответил Дерек.

— Но... — она пыталась что-то сказать.

— Ты хотела приключений, — сказал Дерек. — Ты их получишь.

ГЛАВА V

— Джуп, — сказал Дерек.

— Да, Джонни. — В голосе, который напоминал голос лягушки-быка, чувствовалось уважение. В нем также угадывалось восхищение и страстное желание быть похожим на Дерек.

— Мы поднимаемся наверх. У нас есть там гость, человек по имени Холлоу.

— Я должен придушить его, сэр? — Большие грубые руки Джупа образовали сжимающиеся когти.

— Нет, — сказал Дерек.

— Но это тот Холлоу, который убил много наших друзей! — В его голосе было недоумение.

— Я знаю, Джуп. Но время убивать его еще не наступило. — Голос Дерек звучал твердо. — Ты пойдешь со мной и будешь защищать меня с тыла.

— Хорошо, сэр, — сказал Джуп.

Дерек еще раз убедился, что может управлять людьми. Они следовали за ним, смотрели на него, инстинктивно выбирали его своим вожаком, сами не зная почему. Если в этом и был какой-то секрет, то Дерек не знал его. Никто не знал природы этой способности, так как это было магнетическим качеством личности, известным немногим. Дерек осознавал ответственность за людей, которые шли за ним.

Пробираясь по темным тоннелям вместе с Джупом, следовавшим за ним как преданная охотничья собака, Дерек не оборачивался. Дойдя до второго охранника, которого звали Лунный Человек, он остановился.

— Возьми с собой на Луну женщину и мужчину, — сказал он Лунному Человеку.

— Но я предполагал взять их с собой, — запротестовал Джуп.

— Я знаю, но я принял другое решение. Я хочу, чтобы ты пошел со мной на тот случай, если потребуется уделить немного внимания мистеру Холлоу.

— Хорошо, — ответил Джуп.

— Они пленники? — спросил Лунный Человек, имея в виду Джесси и Коттера.

— Они не пленники, — ответил Дерек многозначительно. — Они на нашей стороне, они для нас как новобранцы. С ними нужно обращаться вежливо. Возьми их на наш корабль. Я воспользуюсь космическим радио, чтобы сообщить, когда можно будет вернуться и забрать меня.

— Я сделаю это Джонни, — сказал Лунный Человек. Как и старина Джуп, он был готов следовать за Дерек повсюду. Дерек отошел, но внезапно вернулся назад.

— Позаботься... позаботься... — он обнаружил, что почти заикается, когда пытается говорить. — Позаботься о женщине, о Джесси, — сказал он Лунному Человеку.

— Да, сэр, — с удивлением ответил человек.

— Ты слышал, что он сказал, — спросил Джупа Лунный Человек, когда Дерек скользнул в темноту.

— Я все слышал, — ответил Джуп.

— Но... я никогда не слышал, чтобы Джонни говорил что-нибудь подобное раньше.

— Это случается с каждым, Лунный Человек, это случается с каждым.

— Но этого не случалось с Дерек раньше.

— Может быть раньше он никогда не встречал настоящей женщины. — Старина Джуп посмотрел в темноту, в которой исчез Дерек. — Я должен идти, Лунный Человек. — Нас наверху ожидает старый друг. Мы не хотим заставлять его ждать. — Легкий акцент на некоторых словах указывал на то, что он имел в виду.

Дерек не пошел прямо в салун. Он выбрал другой маршрут по подземным лабиринтам тоннелей под Корпорейшн Билдинг, который привел его в переулок, где он через за-

дною дверь зашел в ломбард. Его заметили хозяин ломбарда и старый космонавт с внимательными и быстрыми глазами, который вразвалку плелся позади, но никто из них ничего не сказал. Снаружи в дверях ломбарда Дерек приостановился. Наверху ворчали и грохотали эскалаторы, в лабиринте пересекающихся воздушных путей маленькие спортивные автомобили жужжали, как энергичные клопы. Снаружи на улице мягко жужжал транспорт, электрические двигатели гремели от нагрузки, а цепи передач жалобно выли в знак протеста.

Близился полдень. Солнце стояло высоко в ясном голубом небе. И хотя в воздухе стояло зловоние, в нем не было голубых огоньков. По крайней мере, в это время. Дерек убедился в этом, вышел из ломбарда и повернул направо. Внизу не было эскалаторов, здесь люди по-прежнему ходили пешком.

Снаружи салуна все было спокойно: поблизости не видно подозрительных бродяг, в воздухе нет искр голубых огоньков. Дерек вошел через качающуюся дверь салуна и остановился.

Возле бара стоял человек. У бармена было гневное выражение лица. В комнате люди пили пиво и спокойно играли в карты. Мгновенно почувствовав, что Дерек вошел, они, однако, ничем не показали, что заметили его.

Они ожидали нападения и в любой момент были наготове. Даже волкам нелегко оказаться перед лицом смерти. Когда Дерек вошел, они немного расслабились.

Если бы им приказали, мужчина, стоящий возле бара, был бы мертв через несколько минут. Они бы разбежались по норам, чтобы спрятаться до тех пор, пока не спадет жара, норам, которые находились в переполненных городах Земли, забытых на Земле вершинах, на склонах кратеров Луны.

Дерек шел так бесшумно, что оказался позади приземистого лысого мужчины до того, как он его заметил. Краем глаза Холлоу сначала уловил, что кто-то подошел к нему слева. Потом он понял, что это Джон Дерек.

Нервная дрожь прошла по его телу. Холлоу знал, что жизнь его находится на волоске. Он не пришел бы сюда, если бы не приказ Эразмуса Глока. Он не знал, пришел ли Дерек, чтобы поговорить или чтобы лишить его жизни.

— Я не видел как вы вошли, сэр, — с удивлением сказал приземистый мужчина. Вытащив из кармана пиджака платок, он вытер им свой лоб, затем снял шляпу и начал промокать лысину.

Дерек даже не взглянул на него. Вместо этого он пристально посмотрел на бармена.

— Пиво, — сказа он. И показал большим пальцем в сторону Холлоу. — И одно для него.

Старомодные глиняные пивные кружки, наполненные до краев, скользнули по стойке бара. Дерек заплатил наличными, бросив на стол купюру, и пристально наблюдал, как бармен отсчитывает сдачу. Если он не заплатит, станет понятно, что его здесь знают. Дерек был не намерен давать приземистому мужчине информацию, кроме той, которая уже у него была.

Холлоу смотрел на пиво, которое стояло перед ним. Он видел, что бармен налил его из того крана, что и Дерек, но это еще не доказывало, что его можно пить. Кран мог быть устроен так, что легкое прикосновение в одном направлении позволяло капнуть несколько капель в кружку, а такое же прикосновение в другом — прекратить этот поток. Может быть, какой-то хитрый яд добавили в пиво. Холлоу знал дюжину таких ядов, коварных, бесцветных жидкостей, которые убивают, не оставляя следов в тканях так, что никакое вскрытие не может ничего обнаружить. Он, по случаю, использовал эти яды, но не хотел быть жертвой одного из них.

— Как Раз? — медленно промолвил Дерек.

— Раз? — Холлоу было трудно произнести это слово. Он знал, что это прозвище Эразмуса Глока, но он также знал, что если бы осмелился произнести его в присутствии Глока или даже подумать об этом, это было бы первым шагом к забвению. Мистер Глок не терпел дерзости ни от кого! Малейшее неуважение со стороны подчиненного, даже подозрение, что оно существует, и человек бесследно исчезал.

Холлоу знал об этом. Если Глок отдавал приказы, то именно Холлоу должен был откручивать головы!

Он также знал, что его собственная голова тоже не находится в безопасности.

И то, что Дерек, за которым, как он знал, велась охота, употребил слово Раз, вызвало в Холлоу почти физический шок.

Он сделал большой глоток перед тем, как смог заговорить. — Вы,... подразумеваете большого человека? — он сам не мог произнести этого имени Глока.

Дерек безразлично кивнул. — Конечно, Раза Глока. Твоего босса. — Дерек помолчал немного, а затем снова заговорил. — Как чертовски жаль, что повешение вышло из моды.

— Я... я не понимаю вас, сэр.

— И ты, и Раз достаточно крупные, чтобы по-настоящему растянуть веревки, — сказал Дерек. — И по-моему вы были бы очень хороши на конце веревки. Поэтому жаль, что повешение вышло из моды.

Холлоу был ошеломлен. — Сэр! Мистер Глок — большой человек — один из выдающихся граждан этой страны, всего мира! Его филантропия, его гуманитарная деятельность, его бескорыстная служба, его жертвования бедным и несчастным...

— Заткнись! — сказал Дерек. — Ты говоришь как один из его рекламных агентов, которым платят, чтобы они расхваливали товар. Ты и я знаем обо всем лучше, чтобы верить этим бредням.

— Но...

У Холлоу пропал голос. Он посмотрел через плечо. Он давно подозревал, что для того, чтобы шпионить за ним можно использовать вирусы. Он не мог видеть их, но все-таки не смог удержаться, чтобы не посмотреть. Затем он взглянул на людей, сидевших в комнате. Выражение их лиц не обрадовало его.

— Итак, ты знаешь о них? — спросил Дерек.

Холлоу дернул головой, чтобы посмотреть на Джона, опершегося на стол рядом с ним. Дерек медленно посасывал пиво. По его лицу было видно, что ему нравится как резкий привкус солода, так и проклада напитка.

— Знаю о чем? — спросил Холлоу.

— Знаешь о том, на что ты повернулся посмотреть.

— Я... мне слышалось, что кто-то вошел.

— Ты хороший лжец. Но не совсем.

— Сэр...

— Прекратим эту глупую беседу, — сказал Дерек. — Что Раз хочет от меня? — Вопрос последовал так быстро, что Холлоу ничего не оставалось, как ответить на него.

— Я не знаю, мистер Дерек. Я просто не знаю. Он не объясняет мне "почему". Я просто должен выполнять его приказы... — Теперь по его лицу струился пот.

— Я знаю, как это бывает, — ответил Дерек. — Он старше меня, но даже, когда он был ребенком, всегда собирал вокруг себя банду из младших детей. Но он не учил их уставу бойскаутов. Он отдавал им свои приказы. И если они крали что-то, Раз никогда не признавался, что он приказывал им.

— Я знаю, знаю, — сказал Холлоу. Что-то вроде благодарности промелькнуло на его невыразительном лице. До сих пор никто не мог даже понять, как это произошло с ним. Он обратил внимание на то, что Дерек понял его.

Но это выражение мгновенно исчезло, как только до него дошло, что благодарность в этих обстоятельствах слишком опасна.

— Я был одним из этих маленьких детей, — продолжал Дерек.

— Вы... Вы были вором? — Холлоу открыл рот от изумления.

— Это было, когда я был маленьким и думал, что Раз — большой, и вынужден был подчиняться ему, — ответил Дерек.

— Но если на вас заведено дело, закон может по-прежнему преследовать вас.

— Дело заведено не было, потому что я был ребенком, — сказал Дерек. — Я порвал с Разом, перестал выполнять его приказы. Он, вероятно, не забыл и никогда не забудет, что я пренебрег им.

— О, мистер, большой человек такой миролюбивый...

— Ему не удалось расправиться со мной ни законным путем, ни с помощью наемных убийц, таких как ты.

Впервые Дерек посмотрел Холлоу прямо в глаза.

Приземистый человек содрогнулся от этого взгляда.

— Он послал тебя убить меня? — спросил Дерек.

— О, нет, сэр! Он сказал, что не причинит вам никакого вреда. Он сказал, что гарантирует вам безопасность. Он не нарушает своего слова, сэр.

Если Дерек и имел какие-то соображения по этому поводу, то не стал высказывать их.

— О чем он хочет со мной говорить?

— Он только сказал, чтобы я нашел вас и предупредил, что гарантирует вашу безопасность, — ответил Холлоу.

Дерек небрежно осмотрел салун. Старина Джуп засиделся за качающимися дверьми салуна, внимательно наблюдая за всем, что происходит. В воздухе салуна не было маленьких искр голубого света. Дерек размышлял о Разе, который послал этого убийцу с сообщением, что он хочет поговорить с ним. С Разом говорить было опасно. Он также ощущал какое-то неясное давление, которое предупреждало о дополнительной опасности. Причиной этого давления был образ Дженни Фарго, неожиданно возникший в его мыслях. Если он не вернется после разговора с Разом, то никогда больше не увидит ее. Он вздрогнул при этой мысли. Женщина никогда не должна преобладать в жизни мужчины, и никакая настоящая женщина не захочет этого. Настоящая женщина встречает все опасности вместе с мужчиной и разделяет с ним его участь. Он знал, что его сердце выбрало эту женщину. Она будет ждать его на Луне, если он доберется туда.

Он снова вспомнил о Разе Глоке. Чего хочет этот парень? У Раза ведь уже было все.

— Я встречаюсь с ним, — сказал Дерек.

При этих словах волнение Холлоу немного утихло.

— Хорошо! Мы идем прямо сейчас.

— Не торопись! — резко сказал Дерек.

Холлоу уже вставал. Его остановили слова Дерека.

— Я сказал, что встречаюсь с ним, — пояснил Дерек. — А ты оставайся здесь. — На лице Холлоу снова появилось волнение. Он внезапно подумал о людях, находящихся в этой комнате. И он должен оставаться с ними!

— Вызови Раза и скажи, что я иду, — сказал Дерек. — И не говори, что у тебя нет переносной рации, которая спрятана где-то под одеждой. Я знаю лучше.

— Ладно...

— Доставай ее.

Это был крошечный приемник-передатчик, который можно было спрятать в ладони. Передатчик был настроен только на одну волну. Холлоу знал, кто ответит на этот вызов. Он вспотел, когда щелкнул по крошечному рычажку, который включил устройство.

Из него прорычал грубый голос.

— Мистер Глок, сэр...

Так начал Холлоу, но тут чья-то рука вырвала у него устройство. Это было сделано так быстро и так плавно, что

приземистый человек не успел даже спохватиться. После этого Дерек начал говорить в устройство.

— Привет, Раз, — сказал Дерек.

Маленький громкоговоритель издал нечленораздельные звуки.

— Я собираюсь встретиться с тобой, — сказал Дерек.

Радио выплюнуло неразборчивый ответ.

— Я держу Холлоу в качестве заложника, — продолжал Дерек. — Что до тебя, Раз, убери своих лакеев с передних ступенек твоего огромного здания и расстели красный ковер для меня. Скажи им, чтобы они спрятали все ножи и пушки, Раз. Между нами должно быть перемирие, когда мы будем говорить.

Из радио раздавались нечленораздельные звуки. Глок попытался что-то говорить, но не мог. Дерек выключил радио и посмотрел на Холлоу.

— Раз кажется потрясен, — сказал Дерек.

Приземистый мужчина молчал.

Дерек жестом показал на бар. — Пей свое пиво, оно не отравленное.

Холлоу дрожащей рукой попытался найти ручку кружки, когда Дерек вышел за дверь. Там, как преданная тень, ожидал старина Джуп.

— Ты остаешься здесь и поможешь мальчикам развлечь нашего гостя, — сказал Дерек.

Лицо старины Джупа просветлело.

— Никаких латунных кастетов, — сказал Дерек. — Вообще никаких кастетов. Он должен остаться в живых, когда я вернусь. — Лицо Джупа сникло.

— Конечно, если он не попытается сопротивляться, — сказал Дерек. — Но лучше всего освободи его от пушек. У него их слишком много.

— Да, сэр, — сказал старина Джуп.

Дерек нашел эскалатор, идущий вверх. Он покинул зловонное место с опасными людьми и вышел под голубое небо Колорадо, в чистый горный воздух, туда, где люди были более любезными, но не менее опасными. В высоком небе он увидел уходящий в дальний путь космический корабль. Он подумал о Дженни Фарго и Джозефе Коттере. Маленький ученый может сделать многое для свободы. Но где находится свобода в действительности? Она всегда была как бы за забором. Иногда природа строила заборы, иногда их возводил человек. Заборы, которые построил че-

ловек, необходимо разрушить. Для этого потребуется много времени и усилий.

Маленький корабль, в котором полетят Дженни Фарго и Джозеф Коттер, поднимется из голубого каньона в западном Колорадо ночью. Он не будет зарегистрирован, на нем не будет опознавательных знаков, и он не сообщит свой полетный план. Он поднимется из района, где Космическая Служба имеет свои секретные базы, и если они увидят его, то подумают, что это свой.

Дерек сомневался, заметят ли они его вообще.

Он обратил внимание на воздух вокруг. Ярко-голубые или ярко-зеленые? И насколько дружественными были друзья? И были ли друзья вообще? Он не знал, Джозеф Коттер тоже не знал этого. Оба они надеялись, что зеленые были друзьями. Люди всегда возводили мост надежды.

Дерек видел, что в воздухе нет искр.

Молодой человек, безупречно одетый, ожидал его в холле огромного Корпорейшн Билдинг. По его лицу струился пот, но он выполнял приказ. Он сделал шаг вперед, спросил имя Дерек и поклонился, когда услышал ответ.

— Мне сказали, чтобы я показал вам дорогу наверх, сэр, — сказал молодой человек. — Если вы пойдете со мной.

— Рад сделать это, — ответил Дерек. На мгновение ему захотелось, чтобы у него была еще одна маленькая стеклянная сфера, но ее у него не было. Когда он шел за своим проводником к частным лифтам, он заметил еще нескольких молодых людей, слонявшихся по холлу. Один читал журнал, двое других беседовали между собой, а четвертый, казалось, ничего не делал. Это не застало Дерек врасплох. Они были собаками. Он был большим серым волком среди них. Собакам бы понравилось, если бы отдали приказ уничтожить его.

Прекрасно одетый молодой человек не довел его до самого верха. Он выполнил свое задание и на втором этаже передал его человеку средних лет, который доставил Дерек на третий этаж. Здесь его передали молодой женщине — гладкой, тщательно ухоженной, с маникюром и прической, которые стояли целое состояние. Весь ее облик говорил: — Я не занята сегодня ночью. А как вы? — Дерек проигнорировал ее.

— Я занят, милая, — сказал он вежливо.

Она выглядела разочарованной. Неохотно она передала его следующему конвою, которым была женщина не такая молодая, не такая привлекательная, не такая стройная, но очень деловая. Дерек понял по ее одежде, которая была выпуклой на бедрах, что у нее спрятана пушка.

Эта последняя женщина сидела за столом, уставленным электронными панелями переключателей, в большой круглой комнате. Из-за дверей, окружавших эту комнату, слышался мягкий шепот клавиш многих бухгалтерских машин. Здесь не работали машины запахов и не было слышно фоновой музыки. Казалось, что звук клавиш бухгалтерских машин сам создает музыку.

— Мистер Глок ожидает вас, сэр, — сказала женщина. — Только пройдите через дверь с надписью "Частный вход".

Она не поднялась из-за стола, а просто показала на дверь. У Дерекы сложилось впечатление, что она не покидает своего центра связи ни на секунду.

— Вы увидите небольшой холл и дверь. В этом маленьком холле вас еще раз обследуют на предмет того, нет ли у вас оружия. Вам нечего бояться.

— Меня уже проверяли? — спросил Дерек.

— Несколько раз, — женщина почти засмеялась, когда отвечала.

Дерек прошел через дверь с надписью "Частный вход", немного подождал, пока высокочастотное поле сканировало его тело, затем пошел к следующей двери. Грубый голос из потайного громкоговорителя пригласил его войти.

Он прошел в огромную комнату. На востоке и западе, там, где появлялось солнце, были окна. На севере и юге находились двери, ведущие в другие помещения. Из-за дверей на севере слышался постоянный шум бухгалтерской машины, которая была главной среди всех машин и собирала от них данные, синтезировала их и после этого составляла доклад о финансовом пульсе страны, а, может быть, и всего мира.

Позади южных дверей стояла тишина. Там были установлены экраны. Дерек взглянул на них и понял, что их установили недавно. Он подозревал, что знает о причине их существования.

Эразмус Глок был огромным человеком и сидел за столом, похожим на тренировочное поле. Его голова была большой в сравнении с телом, а глаза — маленькими,

близко посаженными и немигающими. Они излучали холодную расчетливую враждебность. Многие люди, испытав на себе этот взгляд, тут же начинали дрожать. Перед столом стояло всего одно кресло, но только некоторых приглашали сесть в него, и никто не садился без приглашения.

Дерек сел в кресло. Он отклонился на спинку, затем поднял ноги и положил их на полированный стол.

— Привет, Раз, — сказал он. — Мне чертовски стыдно видеть тебя снова и убедиться в том, что ты еще живой.

Чудовищное лицо жирного мужчины покраснело. Но затем красный цвет сменился серым. По толстым щекам медленно потекли слезы.

Дерек смотрел на эти слезы с большим интересом. Уголкем глаз наблюдая за стопкой письменных докладов на дальнем краю стола, он заметил нечто более интересное, чем слезы — маленький стеклянный шарик. Он снова посмотрел на Глока.

Слезы потекли еще сильнее, щеки работали, мускулы сжимались.

— Я не делаю ничего плохого, — пробормотал Глок. — Я клянусь. Почему ты хочешь уничтожить меня?

Глок полез в карман своего пиджака. Платок, который он достал из кармана, был сделан из чистого шелка, производимого остатками некогда могущественной шелковой промышленности, существовавшей на востоке и теперь почти полностью уничтоженной. Только мультимиллионеры могли позволить себе такую роскошь.

Высморкав нос, Глок бросил платок в корзину для мусора и снова начал реветь.

— Все против меня! Все!

Он открыл ящик — в этот момент Дерек напрягся — и вытащил из стопки еще один платок. При виде платка Дерек расслабился. — Глок высморкал нос и тоже выбросил его в корзину для мусора.

— Мы были друзьями давным-давно, — сказал Глок. — Но ты пошел против меня. Почему ты это сделал, Джонни?

Дерек по-прежнему держал ноги на столе и не отвечал.

— Почему ты хочешь навредить мне? Ведь я не сделал тебе ничего плохого. Я всегда был твоим другом, всегда хорошо относился к тебе.

Дерек прочистил глотку. Глок наблюдал за ним с нетерпением и интересом.

— Мальчики, слонявшиеся в холле, тоже хотели помочь мне. Этот переодетый секретарь этажом ниже тоже хотел помочь мне.

— Я... я не знаю, о чем ты говоришь, — сказал Глок. Опять он начал реветь.

— Все дело в том, Раз, что у меня хорошая память, — сказал Дерек. — Я помню, что когда ты был ребенком, тебе нравилось присваивать то, что украли другие. Тебя поймали, когда ты положил руку на кассу в лавке, торговавшей поношенным товаром. Хозяин вызвал полицию. Ты ударился в рев. Он не обращал никакого внимания на твое зареванное лицо, зная, что все это спектакль, но ты так долго ревел и кричал, что хозяину стало жаль тебя. Он приказал, чтобы тебя не наказывали.

Дерек медленно покачал головой.

— Со мной этот номер не пройдет, Раз. Я помню тебя жирным ребенком, который пытался плачем избавиться от всех неприятностей. Ты теперь вырос, Раз. И плач ни к чему не приведет.

Дерек говорил спокойно и без сожаления.

Удивительное изменение произошло с лицом Глока. Слезы мгновенно исчезли. Тело стало твердым и плотным. Блеск появился в маленьких глазках. Дыхание изменилось, и огромный живот начал работать как меха, нагнетающие пламя в кузницу.

Дерек наблюдал за этим изменением с неослабным интересом.

— Каким безумцем ты можешь становиться, Раз! — сказал Дерек. — Ты до чертиков пугал маленьких детей, притворяясь перед ними сумасшедшим. Это не пройдет со мной.

Дерек покачал головой.

— Нет, Раз, ты можешь не плакать, чтобы избавиться от неприятности, в которую попал, и можешь не притворяться сумасшедшим. Тебе ничего не остается, как стать лицом к лицу с последствиями твоих собственных поступков.

— Будь ты проклят, Джон Дерек. Я сейчас...

Дерек снова покачал головой.

— Нет, Раз, ты меня не убьешь. До тех пор, пока это стоит у тебя на столе, и ты не поймешь, что это такое.

Дерек показал на маленький стеклянный шарик. Гнев в глазах Глока внезапно исчез. Его сменил страх. На этот раз — настоящий.

— Что это за проклятая штука, Джонни. Помимо всего прочего, это уже чересчур. Ты должен отозвать своих собак, Джонни. Ты должен это сделать! Ты должен стать моим другом, хотя бы во имя себя, если нет никакой другой причины. Стань им, Джонни! Стань!

В голосе Эразмуса Глока теперь слышался настоящий ужас.

ГЛАВА VI

Дерек снял ноги с полированного стола. Он обошел его вокруг и взял маленькую стеклянную сферу. Искоса он наблюдал за Глоком. Огромный жирный мужчина боялся маленькой стеклянной сферы, но еще больше, вероятно, он боялся чего-то еще. Дерек задумался. Может быть маленькая стеклянная сфера была соломинкой, которая доконала Глока!

Дерек уселся и снова положил ноги на стол. Ему хотелось слегка извиниться перед этим столом, который был сделан из великолепного куска дерева, но совсем не хотелось извиняться перед Эразмусом Глоком.

Дерек смотрел на свет через маленький стеклянный шарик.

На протяжении многих веков некоторые мужчины и женщины смотрели в кристальные шары и просили показывать им прошлое, настоящее и будущее, каким оно было и каким должно быть.

— Это волшебный шарик, — сказал он.

— Я не верю в волшебство, — проворчал Глок.

— Ты должен поверить в шарик, Глок. Он показывает будущее.

— Что? — проворчал Глок. — Образумься. Никто не может видеть будущего.

— Я могу, — уверенно сказал Дерек. — Когда я смотрю в этот шарик, то могу видеть будущее, которое наступит в твоей собственной частной империи, Раз. — Его голос изменился. Теперь он звучал как большой колокол.

— Я могу видеть людей, которые ищут свободу, Раз. Я могу видеть, что они начинают осознавать свое страстное желание перестать быть мелкими сошками в твоей финансовой империи. Эту нацию основали свободные люди,

Раз. Они построили ее из тяжелого труда, из своего пота, и слез своих женщин. Правители старого мира, которым они бросили вызов, называли их предателями. Эта угроза не остановила их. Они боролись с замораживающим холодом и обжигающей жарой, с голодом и дикими животными. Они хотели быть свободными и хотели заплатить за свободу для себя и своих детей.

— Это призрачная мечта, — проворчал Глок. — Никто не свободен. Никто не знает, как использовать свободу, если она у него есть.

— Если это призрачная мечта, то только потому, что ты и тебе подобные сделали ее такой. Это мечта, которая создала эту нацию. Это мечта, которой я рад служить! — ответил Дерек. — Если служение этой мечте означает, что я должен избавиться от таких людей, как ты, я сделаю это!

Голос Дерек был твердым и многозначительным. Глок вдрогнул, уловив этот тон. Он слышал его и раньше, когда маленький ребенок по имени Джонни Дерек посылал его к черту.

— Люди, которые работают в этом здании, мертвы, Раз, — продолжал Дерек. — Все, даже президенты корпораций. Они мертвы для справедливости, мертвы для честной игры, мертвы к нуждам своих близких, мертвы к красоте, мертвы к реальной жизни, мертвы к самому факту, что вокруг них находится большая прекрасная вселенная.

Дерек держал маленькую сферу. — Ты прав, что испугался этой вещи и того, что она сделает. Эти маленькие сферы стремятся снова принести жизнь мертвым людям в этом большом здании. Излучая очень высокую частоту, они посылают волны, которые глубоко проникают в некоторые части человеческой психики, человеческой души. Глубоко в сердце всех людей. Жажда настоящей свободы по-прежнему существует. Эти маленькие сферы превратят эту жажду в реальность и позволят ей заговорить. Неясный звук этих маленьких голосов превратится в рев, Раз, который принесет твоей империи крах.

Дерек замолчал. Держа маленькую сферу, он вглядывался в глубины кристалла. Он как бы стоял перед святыней, ведущей в мир свободы.

— Мы уже получили свободу! — прокричал Глок.

— У тебя она есть. Другие за нее платят! — ответил Дерек. Каждый мужчина и каждая женщина в этом зда-

нии платят за нее, Раз. Они могут не знать этого, но платят. Ты хорошо спрятал свои цепи, Раз. Я покажу тебе цепи на твоих рабах и помогу им избавиться от них.

Щеки Глока раздулись от гнева. — В этом здании все свободны!

— Свободны для того, чтобы выполнять твои приказы, да, — ответил Дерек. — Свободны, чтобы бегать на твоей привязи, как собаки на конце цепи.

— Но...

— Я назову тебе корпорации, которые, как я знаю, ты присвоил в прошлом месяце, — прервал его Дерек. — Ты создал ситуацию, благодаря которой они разорились, а затем пришел и спас их. Благодаря этому ты получил право управлять ими.

Он назвал различные компании. При каждом названии Глок вздрагивал.

— Конечно, я присвоил эти компании, — признался жирный мужчина. — В каждом случае это была операция по спасению имущества. Все было сделано по закону.

— В твоём штате служат сотни адвокатов, которые все делают законным. Другие люди, которые получают приказы от тебя, прежде всего пользуются этими законами. Все организовано так, чтобы ты получал прибыль.

— Это — дьявольская ложь! — завопил Глок.

Дерек снял ноги со стола. Он поднялся и опустил стеклянную сферу в карман.

— Позови одного из своих лакеев, чтобы он проводил меня! — сказал он. Его голос был холодным, как северный ветер в январе.

Гнев Глока превратился в тревогу, он подскочил на ноги.

— Ты... ты не должен уходить!

— Конечно, я уйду, — ответил Дерек. — Я не могу тратить время на тебя.

— Но...

— Когда мои маленькие сферы появятся в городе повсюду, люди найдут их и начнут думать о себе и поймут, что они жаждут свободы для себя — не говори, что я не предупреждал тебя, Раз, — перебил его Дерек.

— Ты... ты не сделаешь этого!

— Я могу и хочу это сделать!

Дерек направился к выходу. — Позвони своему секретарю и скажи, чтобы она организовала эскорт для меня,

— сказал он. — И никакого предательства, иначе твой парень, Холлоу, расскажет все, что знает. А маленькие стеклянные сферы по-прежнему будут призывать твоих рабов опрокинуть это здание через твою голову.

— Нет, нет и нет! — взмолился Глок. На его лице снова появился пот. — Ты — единственный человек в моей жизни, которому я по-настоящему доверяю, который всегда говорил мне правду. Я хочу, чтобы ты работал на меня. Я заплачу любую цену, Джонни. Я разрешу тебе полностью управлять своей работой. Ты сможешь выписать себе собственную кредитную карточку.

Слушая и наблюдая, Дерек понял, что Глок надел на себя новую маску — супербизнесмена. Дереку этот супербизнесмен нравился еще меньше, чем плачущий Глок, гневный Глок или хныкающий Глок.

— Ты можешь иметь миллион в год, два миллиона, пять миллионов...

Дерек покачал головой.

— Десять миллионов в год. Я устрою так, что ты не будешь платить налоги. Это будет выгодное предприятие.

— Нет, — сказал Дерек.

— Я дам тебе аванс за первый год для того, чтобы доказать свои добрые намерения, — сказал Глок.

— Я признаю, Раз, что твои добрые намерения нужно всегда доказывать, — заметил Дерек. — Мне нравятся деньги, но в умеренных количествах. Они нужны мне для себя и для моей команды, моего содружества, как говорит старина Джуп. Но будут ли деньги хорошо пахнуть, если я стану работать на тебя?

— Ну и что? — сказал Глок. — Деньги всегда хороши.

— Я не проживу столь долго, чтобы потратить их, — ответил Дерек, как будто не расслышав, — при этом я потеряю самоуважение, уважение моих людей. Они, вероятно, прикончат меня. Они должны это сделать!

— Я буду платить твоим людям тоже, — сказал Глок. — Послушай, Джонни, я говорю серьезно.

Он начал дергать Дерек за пиджак и похлопывать его по плечу своими ожиревшими руками. Дерек удивлялся сам себе, но ему было любопытно. Чего же хотел Глок?

— Что ты хочешь от меня? — спросил Дерек.

— Найди для меня Джозефа Коттера, — ответил Глок.

Дерек почувствовал, что его рот перекосялся от удивления. Он всего только хочет найти потерявшегося маленького придурка!

— Зачем тебе Коттер? — спросил он.

— Вирусы стали неуправляемыми, — ответил Глок.

Он перестал похлопывать Дерекa по рукам и сбросил маску супербизнесмена. Он вперевалку обошел стол и тяжело уселся в свое роскошное кресло. Открыв ящик, он вытащил из него еще один шелковый платок. Когда он снова заговорил, его голос дребезжал.

— Отбросим претензии, Джонни. Все, что ты сказал обо мне, — правда. Я признаю это. То, что меня нужно повесить, не уменьшает опасность для меня и для тебя и для всех остальных людей. Джозеф Коттер мне нужен немедленно. Мои люди охотятся за ним вот уже два месяца. Я думаю, ты знаешь, где он находится. Я не понимаю, как он может так долго прятаться, если он не перешел к тебе.

Дыхание Глока стало шумным.

— Он мне очень нужен сейчас. Он — единственный, кто может решить эту проблему. Сегодня утром вирусы сошли с ума. Они взбунтовались. Они вышли из-под моего управления. Я заплачу за Коттера любую цену, которую ты назовешь.

— Взбунтовались все вирусы? — спросил Дерек. Непроизвольно его глаза начали осматривать воздух в комнате. Он никак не мог сосредоточиться.

— Все! — ответил Глок. — Обычно их было несколько отбившихся от стада, которые, казалось, бунтовали и нападали на себе подобных. Но таких было очень мало. Эти особи не представляли опасности. Может быть, они случайно убили нескольких людей, но не наносили реального вреда. Но сейчас...

Дыхание Глока стало затрудненным и шумным. Пот градом катился по его лицу.

— Теперь они больше не подчиняются мне. Каждый делает то, что ему заблагорассудится. Я побоялся зайти в приемную и посмотреть на них, несмотря на то, что приемная заэкранирована. Я боюсь сидеть за своим столом. Я до смерти боюсь того момента, когда мне нужно будет выйти из комнаты. Эта комната также заэкранирована, но я же не могу оставаться здесь вечно. Рано или поздно мне нужно будет выйти. И тогда... или они меня ожидают...

— Покажи мне эту приемную, Раз, — сказал Дерек.

Глоку было трудно подняться со своего кресла. Когда он шел к кожной двери, его походка напоминала походку древнего слона, который, пошатываясь, неохотно бредет на свою последнюю прогулку на кладбище толстокожих. Остановившись перед средней дверью, он поколебался, затем нажал кнопку на стене. Экран и дверь отворились.

Глок протиснулся в маленькую комнату, но тут же выскочил наружу. Он делал тщетные попытки закрыть дверь.

— Оставь ее открытой, — сказал Дерек.

Глок повиновался.

— Я... я полагаю, что здесь все-таки безопасней, — нерешительно сказал он. — Приемная заэкранирована тоже. Но я боюсь, что в экране может быть утечка. Я... — Он вытер пот с лица. — Я ужасно боюсь, Джонни. Ужасно.

— Ты не представляешь еще всей опасности, — сказал ему Дерек. — Иди в комнату впереди меня, Раз.

Глок отказался.

Правая рука Дерек скользя в ботинок. Он извлек что-то, напоминавшее соломинку из веника, которая была спрятана в подошве его башмака. Он держал кончик этой соломинки на расстоянии дюйма от живота Глока. Тот отклонился. Дерек следовал за ним.

— Я знал, что у тебя есть сканнеры, которые могут обнаружить на мне любой металлический предмет, — сказал ему Дерек. — Поэтому я принес с собой эту маленькую пластмассовую соломинку, которую твои сканнеры не могли найти. У соломинки на конце находится кое-что, Раз.

Глок устался на соломинку. Конец ее был обесцвечен. Казалось, что это его заворожило.

— Она... отравлена?

— Да, — ответил Дерек. — Я могу воткнуть ее или бросить. Это не больно, ты ничего не почувствуешь. Как только яд попадет в твою кровь, ты вообще перестанешь ощущать что-либо.

Глок по-прежнему смотрел на кончик соломинки.

— Повернись и положи руку на стену, — приказал Дерек. — Я не хочу, чтобы ты воспользовался одной из пушек, которые ты прячешь в своих штанах, Раз.

Глок подчинился и повернулся, как неуклюжий слон. Дерек вытащил небольшой газовый пистолет из правого кармана его пиджака, крошечный автоматик из левого. Из внутренней кобуры он взял мощный автоматический пис-

толет. Из лацкана пиджака он вытащил крошечный стилет из стали, длиной в сосульку. Все это он положил в свои карманы.

— Ты настоящий ходячий арсенал, Раз. Ты что любишь эти игрушки?

— Человек в моем положении должен принять меры, чтобы защитить себя, — угрюмо ответил Раз. — Я не собирался использовать ни одну из них против тебя.

— Но только до тех пор, пока не посчитал бы это необходимым, Раз. Теперь иди впереди меня в приемную. И не делай никаких резких движений, иначе тебя ждут неприятности.

Пот градом катился по жирному лицу Глока. — Там может быть смерть, Джонни.

— Смерть знакома нам обоим, Раз, — ответил Дерек. — Иди впереди меня.

Глок, пошатываясь, шел к приемной. Дерек следовал за ним. В одну из стен большой комнаты был вмонтирован тонкий экран из проводов. Глок нагнулся перед коробкой, в которой лежало несколько пар громоздких очков с тонкими линзами.

— Ты... ты должен надеть эти очки, чтобы видеть, что находится в этой комнате.

— Мне не нужно пользоваться очками, — ответил Дерек.

— Ты хочешь сказать, что можешь видеть... можешь видеть...

— Я натренировал свои глаза, чтобы видеть их. Да, Раз, я могу видеть вирусы. Меня бы не было в живых, если бы я не видел их.

В следующей комнате, приспособленной для обычного зрения, стояли длинные чаны с химикатами. Над ними находилось нечто, напоминающее антенну радара, которая фокусировала невидимое излучение на химикаты в чанах.

Оборудование в следующей комнате не привлекло внимание Дерека. Но он заинтересовался воздухом. В нем было оживленное движение крошечных искр голубого света, которые, как казалось, двигались и вертелись так, что образовывали тысячи извивающихся матриц.

Здесь кружились вирусы. Они танцевали, они вертелись, они вспыхивали и взрывались как ракеты фейерверка, они образовывали изгибающиеся структуры, похожие

на неоновую рекламу старого времени. Казалось, что они вспыхивали, вступая в жизнь, а затем исчезали.

Вспомнив, что говорил ему Коттер, Дерек посмотрел вниз на чаны. Там были видны голубые вирусы, рождавшиеся, очевидно, под влиянием излучения, которое падало на химикаты и давало им жизненную силу.

Дерек наблюдал за рождением нового выводка!

В этом веке змеи считались созданиями прошлого. Их можно было видеть только в зоопарках, может быть, они водились в дождливых тропических лесах. Но глубокие уровни сознания Дерек, его генетическая наследственность по-прежнему хранили память о настоящих джунглях и змеях, которые там ползали. При виде вирусов что-то вызвало отвращение на глубоких уровнях расового ума Дерек, вызвало ужас из старых потайных областей древнего разума.

Если бы комната была заполнена змеями, если бы они скручивались в клубки в илистых норах джунглей под деревьями, вымокшими от дождя, если бы падали вниз с веток, впечатление было бы аналогичным.

Ужас и отвращение овладели Дерекком не только от впечатлений, исходящих из прошлого, но и от вида самих вирусов. Они были врагами здесь, на Земле, эти потомки другой звезды. Они не принадлежали Земле, они не соответствовали порядку на Земле, они не развились на этой зелёной планете. Частично ужас исходил и от недоверия ко всему враждебному, но, в основном, его причиной было количество вирусов. Их было очень много за стеклянными перегородками с проволочным экраном. Сотни, тысячи, может быть десятки тысяч находились в следующей комнате. В окнах, в дальней части комнаты, было сделано специальное отверстие. Они проходили через отверстие и возвращались. Создавалось впечатление, что в улье роятся пчелы.

Глок показал на мощное радиооборудование в комнате вирусов, органы управления которого находились в приемной на стенной панели.

— Я всегда мог управлять ими раньше с помощью этой радиоаппаратуры, но больше не могу. Его голос был похож на тихое карканье. При этих словах Дерек охватил еще больший ужас. Он соединялся с чем-то похожим на вину, что было для Дерекки новым чувством. Вина появилась,

когда он вспомнил о маленькой стеклянной сфере, которую он дал человеку на эскалаторе. Задачей сферы было усилить стремление к свободе в душе человека.

Повлияло ли излучение маленькой сферы на вирусы? Глок сказал, что управлял ими с помощью радиоаппаратуры. Излучение от маленькой сферы было аналогично радиоизлучению. Может быть, вирусы приняли это излучение? Может быть, он совершенно непреднамеренно освободил вирусы?

— Боже мой! — прошептал Дерек. — Неужели я сделал это?

Чувство вины все больше возрастало в нем. Глубоко в его сердце было желание освободить людей от цепей экономики и образования, которыми они были связаны. Он также хотел свободы для себя и своего сообщества, свободы для всех городов на Земле, чтобы они делали свой бизнес так, как они хотели, свободы иметь дома и семьи, если они этого желали.

Необходимо что-то сделать с этими осами с другой звезды! Он освободил их вместо того, чтобы сделать это с людьми!

Что означает свобода для вирусов? Он даже не мог представить себе ответа на этот вопрос. Люди с помощью общения друг с другом научились уважать права, достоинство и собственность других людей. Правда, они легко забывали это и им нужно было напоминать, что другой человек также имеет свои права. У вирусов нет такой истории. Может быть, они ничего не знают об уважении прав других и являются для них враждебной формой жизни. Если это правда, то за этим последует битва не на жизнь, а на смерть.

В соседней комнате прозвучал зуммер. Дерек не слышал его. Зуммер прозвучал снова.

— Пусть они подождут, — сказал Дерек.

— Но это — чрезвычайное происшествие, — запротестовал Глок. — Я приказал, чтобы меня не беспокоили, когда я буду говорить с тобой. Поверь мне, мой секретарь не пропустила бы ни одного вызова, если бы в этом не было крайней необходимости.

Пот струйками стекал по его лицу. Напряжение свело его челюсти.

— Ладно, посмотрим что это за чрезвычайное происшествие, — сказал Дерек.

Глок вперевалку подошел к своему столу. Дерек закрыл дверь приемной, которая вела к вирусам, и последовал за ним. Глок сел в кресло и нажал потайную кнопку. На стене ожил экран телевизионной системы, и на нем появилось искаженное от ужаса лицо секретаря.

— Что случилось, Бесс? — спросил Глок.

— Что-то... что-то... — Слова застревали у нее в горле, когда она пыталась говорить, но затем вырвались наружу. — Что-то непонятное происходит внизу, мистер Глок.

Она затихла, но затем заговорила снова.

— Что-то ужасное!

ГЛАВА VII

То, что Дерек увидел за последние часы уходящего дня было более ужасным, чем он мог вообразить. Он даже с трудом понимал, что на западе над горами садится солнце.

Это же солнце, которое смотрело вниз на третью планету, видело землетрясения, потоны и рождение новых континентов. Оно видело, как чума уничтожает огромные популяции людей, как завоеватели стирают с лица земли целые нации, чтобы построить свои империи, как начинаются войны. Казалось, ни одно из этих событий не удивляло солнце.

Неважно, что происходило на третьей планете — солнце приготовилось продолжать свой заход. Историю жизни можно записать в пяти словах: Сегодня здесь, а завтра там. Если все дети солнца сойдут со сцены, что ж, оно снова начнет процесс создания жизни на третьей планете.

Солнце обладало терпением и умением прогнозировать события.

У Дерекa не было ни такого прогноза, ни такого терпения. Его зрение было короткофокусным и искажалось, потому что он хотел остаться в живых.

У Глока было такое же желание. Если это и не делало их друзьями, то, по крайней мере, помогало лучше понимать друг друга.

Жирный мужчина сидел за большим столом. Пот тек по нему ручьями. В этой комнате находилась шпионская система, самая дорогая из всех, которые можно купить за деньги, и самая умная из тех, которую можно спроекти-

ровать. Скрытые телевизионные камеры находились повсюду в Корпорейшн Билдинг, даже в комнате для женщин. Но он на них сейчас не смотрел. Он не смотрел на людей и не слушал тех, которые плели интриги против него. Он трепетал, содрогался и потел. Он переключал камеры в надежде найти помещение, в которое не проникли бы вирусы.

Но он не видел ничего утешающего.

В одной из комнат, которая появилась на экране на стене, он увидел президента одной из самых больших корпораций в этом огромном здании — высокого седого мужчину, лежавшего на столе. Он был мертв.

Секретарь открыла дверь его личного офиса и что-то вошло вместе с ней.

Она пыталась бежать.

Она успела выбежать в приемную перед тем как упала. Она пыталась ползти, но это ей не удалось.

Прекрасная блондинка с длинными, стройными ногами и полированными ногтями лежала на полу. Каждый раз, когда Глок переключался на другую камеру, спрятанную в этом огромном здании, из громкоговорителя раздавался вой сирен.

Дерек подошел к окну. Внизу он смог разглядеть крошечные машины скорой помощи, пожарные и полицейские автомобили. Они были похожи на клопов. С самых верхних этажей в воздух поднимались вертолеты.

Эскалаторы по-прежнему работали. Люди падали с них, и таких было уже очень много. Внизу возле каждого эскалатора лежали груды искалеченных тел. Кто-то пытался убрать со своего пути более медлительных. Дерек мог видеть, что люди продолжали падать. Некоторые просто прыгали. Он увидел, как один мужчина перелез через ограждение — и прыгнул вниз. Его тело все время переворачивалось, когда он пролетал мимо сотен этажей.

Маленькие голубые огоньки сопровождали летящее тело.

Многие умирали прямо на эскалаторах, когда вирусы появлялись над ними. Вирусы убивали без всякого сожаления.

Автострады, проходившие высоко в воздухе, на которых так бойко утром сновали маленькие автомобили-клопы, теперь дополняли этот ужас. Дерек пытался облегчить

свое состояние, подсчитывая количество аварий на автострадах, но понял, что не может их сосчитать.

Другие автомобили пробивали предохранительное заграждение и с грохотом разбивались о крыши зданий под автострадами. Он видел как некоторые зависли на полпути и висели как Дамоклов меч на волоске, а водители уже были мертвы.

Этим водителям посчастливилось. Они умерли, не испытав длительного падения.

Полиция и пожарные пытались навести хоть какой-то порядок в этой аварийной ситуации.

Но у них это плохо получалось. Полицейские и пожарные тоже люди. Они останавливаются, когда останавливается их сердце. Когда вирусы проходили через них, их сердца останавливались.

Дерек вернулся в комнату.

— Переключи эту штуку на новости, Раз.

Глок повиновался. На экране появилась местная телевизионная станция. Зализанный рекламный агент продавал мыло. Глок переключился на другую станцию. Зализанный цыпленок продавал пояса для женщин. На третьей станции проходил аукцион автомобилей.

— К черту! — сказал Дерек. — Они перестанут продавать пояса, когда почувствуют что-то в воздухе.

— Директора программ не докладывали мне, — сказал Глок.

— Что ты думаешь по поводу этого шума?

Глок нажал на другую кнопку. На этот раз на экране появилась его приемная. Секретарша с ухоженным лицом лежала в дверях, которые выходили в холл. Юбка задралась высоко, и на ее ноге была видна кобура с пушкой.

— Всякий, кто захочет поговорить со мной, должен пройти через приемную, — пояснил Глок. — Директора программ не связывались со мной. Они ничего не запустят в эфир в этом большом здании, не получив разрешения от меня.

Глок снова посмотрел на сцену в приемной.

— Она открыла дверь. По другую ее сторону были вирусы. Я думаю, если открыть любую дверь в этом здании, то по другую сторону будут находиться вирусы.

Он опять посмотрел на свою секретаршу с ухоженным лицом и кобурой на ноге. Его лицо стало зеленовато-белым, по нему катились капли липкого пота.

— Я был достаточно предусмотрительным, чтобы заэкранировать эту комнату; стены, потолок, пол, окна и двери. Но не открывай дверь в мою приемную.

— Ты заэкранировал свой личный офис. Ты жив, в то время, когда снаружи умирают тысячи! Ты похож на людей, которые строят убежища от радиоактивных осадков. Тебе нужно выйти из своего убежища, чтобы убедиться, что мир вокруг отравлен, и все твои соседи умерли!

Дерек снова подошел к окнам. Солнце село. Как будто оно больше не могло видеть, что происходит в этом огромном городе, и спряталось за вершины. Может быть на востоке оно увидит более приятное зрелище — сверкающие моря, зеленые острова и вспаханные поля. Может быть на другой стороне этой планеты оно увидит хоть одно счастливое лицо!

На высотных автострадах теперь было совсем мало автомобилей. Видимо, полиция по радио предупредила водителей об опасности. Вокруг огромного здания огоньков не было видно. В темноте улиц, находящихся внизу, он различал поисковые огни, устремленные вверх.

Операторы поисковых огней, казалось, очень нервничали. Может быть, они боялись того, что обнаружит свет.

За Авророй, за Денвером, за другими городами в домах зажигались огни. Люди возвращались в пригороды с работы, к женам и детям, чтобы приятно провести вечер.

Сколько они смогут продержаться? Когда может исчезнуть этот громадный город?

— Лучше бы ты никогда не родился, чем выпустил весь этот ужас на свободу, — сказал Дерек.

— Я не делал этого! — воскликнул Глок. — Это сделал Джозеф Коттер.

— Коттер достал вирусы с их родной звезды, — ответил Дерек. Он не хотел никому причинить вред. Ты украл у него вирусы, чтобы использовать их в собственных интересах.

— Ты виноват во всем этом! — голос Глока стал пронзительным. — Я все держал под контролем до тех пор, пока ты не принес эту проклятую сферу в мое здание и не побеспокоил их. Ты сунулся не в свое дело!

— Я должен был вмешаться, Раз. Ты использовал вирусы, чтобы укрепить свою империю рабов. Ты уже миллионер. Но вирусы нужны тебе, чтобы удесятерить свои богатства!

— Я не собирался делать ничего подобного. Ты пытаешься обвинить меня в том, о чем я вообще никогда не думал.

— То, что ты никогда не говорил об этом вслух, не означает, что ты не вынашивал этого в сердце.

— Именно ты сделал это, — ответил Глок. — И ты должен за это заплатить!

— Бессмысленно пытаться сделать меня виновным, — ответил Дерек. — Точно также ты можешь обвинять за смерть всех тех, кто умирает внизу — ведь у них есть сердце, которое останавливается, когда его касаются вирусы!

Дерек покачал головой. В нем кипела ярость. Он ничего не мог поделать, так как не владел ситуацией. Они были в ловушке здесь, в Корпорейшн Билдинг. Может быть во всем здании только они и остались в живых.

— Я хочу связаться с Холлоу, — сказал Дерек.

Глок удивился.

— Зачем он тебе?

— Неважно, зачем мне это нужно, свяжись с ним!

Глок передвинул ручки на сложном оборудовании.

— Холлоу! — резко позвал он.

Он ждал ответа, но его не было.

— Может быть..., — начал Глок.

— Я знаю, может быть он мертв. Может быть мои парни убили его. Может быть они забрали у него радио и боятся ответить, потому что вызов идет от тебя. Может быть они тоже мертвы. Может быть вирус распространился на нижние этажи. Одно ясно, Раз, если мои люди мертвы, я запихну это в твое прогнившее сердце!

Он держал пластмассовую иглу, которую достал из своего ботинка. Глок уставился на нее. Затем посмотрел на Дерек.

— Я... меня тошнит, — захныкал он.

— Рвота сейчас не спасет твою жизнь, — сказал Дерек. — Ты просто умрешь в зловонии своей рвоты — это именно то, чего ты заслуживаешь!

Дерек повернулся. Темнота, похожая на мрак, окружала здание. Один из поисковых фонарей прекратил свои бесполезные попытки найти что-нибудь и уставился в небо, как одноглазый идиот, который забыл, кто он такой и где находится.

Если цензура пропустит, как можно описать эту историю? Заголовок может быть таким:

КОРПОРЕЙШН БИЛДИНГ ТЕПЕРЬ ГОРОД ПРИВИДИНИЙ

На Скалах Колорадо находятся сотни городов привидений. Большинство из них перестроено, и они служат приманкой для туристов. В прежние времена золотой лихорадки жизнь в этих городах всю ночь была ключом. Города привидений напоминали о беспорядочной, шумной, суматошной жизни, которая однажды прошла мимо них.

Может быть теперь весь Денвер станет городом-призраком! Может быть Соединенные Штаты станут страной привидений! Может Северная Америка станет континентом-призраком, куда будут приезжать экспедиции из Европы и Азии, чтобы разобраться в том, что произошло!

Узнает ли мир настоящую правду? Дерек сомневался в этом. Он подозревал, что то, что называется настоящей историей — это ложь, одетая в костюм национальной гордости и интересов. Конечно, ученые знают больше, но кто прислушивается к ним? Какую гордость может возбудить правдивая история о вирусах, какой интерес она может вызвать в мире? И, кроме этого, кто запишет ее, даже если истинная история известна?

Знать истинную историю вирусов — означает путь к спасению. Ни один репортер не станет писать такую историю. Если какой-нибудь диктор попытается запустить эту историю в эфир, он тотчас лишится работы. Главный цензор, который заботится о своих собственных интересах, утаит эту историю.

Глок снова вернулся к своей личной шпионской системе. Снова и снова он пытался вызвать Холлоу. — Только он один знает достаточно о вирусах, чтобы умили-вить их.

— Если ты найдешь его, он, вероятно, тут же тебя пристрелит, — сказал Дерек.

— Почему меня все так ненавидят? — взмолился Глок.

— Потому что ты сам превратил себя в то, что достойно ненависти, — ответил Дерек. — Ты нарушил закон...

— Я никогда не нарушал законов, — ответил Глок. — Я всегда действовал на законной основе. Мои адвокаты...

— Я говорю о законе баланса, законе компенсации, законе карма. Этот закон говорит, что в природе всегда должно сохраняться равновесие. У тебя слишком много денег. Ты нарушил баланс. У тебя столько свободы, сколько тебе нужно. У многих бедных людей свободы хватает только для того, чтобы дышать. Ты похож на абсолютных монархов. Твое слово — закон. Или оно было законом. Но теперь больше не является им.

Дерек видел, что вокруг огромного здания полиция заблокировала все дороги. Район был опечатан.

Цвет лица Глока менялся от зеленого к серому.

— Я... я не думаю так, — он давился словами. — Я разорен, меня больше нет.

— Это то, о чем говорит закон баланса, — резко сказал ему Дерек.

— На Земле нет ни одной важной корпорации, которая не имела бы штаб-квартиры в этом здании, — сказал Глок. — То, что происходит, уничтожит большинство компаний на Земле. После этого наступит хаос.

Дерек был согласен. Жирный мужчина говорил правду, которую он очень хорошо знал. Огромное здание было финансовым сердцем мира. Все финансовые механизмы управления пищей, водой, одеждой, медикаментами, транспортом, страховкой, добычей полезных ископаемых и производством находились здесь. Только самые примитивные районы на Земле, только джунгли, только пустыни могли не ощутить хаоса, который отныне будет существовать.

— Мы должны найти Джозефа Коттера, — снова взмолился Глок.

Дерек раздумывал.

— Хорошо, мы пойдем к нему, если только он еще находится здесь, — ответил Дерек.

— Ты знаешь где он?

— Да. Но прежде мы должны уйти из этого здания живыми. Затем нужно выбраться из города. Затем... — Дерек сделал паузу. — Сначала мы сделаем самое первое. Для того, чтобы выйти из этого здания, мы должны выйти из этой комнаты. Это означает, что ты должен показать мне секретный выход.

— Что? — спросил Глок.

— Крыса, такая как ты, всегда знает способ, как выбраться из собственной ловушки, — ответил Дерек. — Поднимайся и покажи куда идти.

Он держал тростинку из пластмассы между большим и указательным пальцами.

Глок посмотрел на маленькую пластмассовую иглу — Ладно...

— Пошли, — сказал Дерек.

Глок вперевалку пошел в северной стене. Он нажал на нее. Стена скользнула назад. Позади потайной двери был небольшой лифт.

— Мы можем добраться до подвала. — Но для нас обоих здесь слишком мало места.

— Мы попытаемся сжаться, — ответил Дерек.

Он подтолкнул Глока вперед. Лифт был построен для одного человека, и этим человеком был Глок. Жирного мужчину можно было сжать. И Дерек сделал это.

Они оба уже находились в лифте, и Глок нажал кнопку. Лифт с огромной скоростью понесся вниз.

ГЛАВА VIII

Когда Дженни Фарго наблюдала за Землей из космического корабля, ей казалось, что корабль стоит на месте, а планета удаляется от него. Она подумала, что это бессмысленно. Всю свою жизнь она ощущала уверенность. Теперь, когда планета удалялась от нее, уверенность тоже исчезала.

Ей казалось, что внутри у нее происходят какие-то психологические сдвиги. Но больше всего ей хотелось плакать. Когда она видела, что Земля удаляется дальше и дальше, это желание становилось все сильнее и сильнее. Ей казалось, что она была частью этой зеленой планеты, которая теперь проваливалась в космос. Планета теряла свою дочь. Поэтому было так грустно. Ее тело, весь его химический состав, все ее мускулы и нервы были созданы из минералов, которые она впитывала вместе с пищей, исходящей от Земли. Где-то глубоко внутри эти минералы сопротивлялись, что их забирают из родного мира.

Именно это сопротивление было причиной ее желания плакать.

Джозеф Коттер, который был привязан к креслу возле Дженни рыдал как ребенок, рыдал без всякого стыда, ры-

дал по той же причине, что и она. А другой причиной было счастье.

— Это похоже на осуществление мечты! — все время повторял маленький человек. — Я так хотел улететь в космос, увидеть новые миры, почувствовать их у себя под ногами, хотел ощутить их запах, конечно, если там есть воздух, чтобы его понюхать. Каким-то образом Земля была и не была моим домом. Это моя планета, я родился на ней, но где-то глубоко внутри всегда чувствовал, что принадлежу более чистому, более светлому и более прекрасному миру.

По его щекам ручьем текли слезы.

Дженни Фарго с любопытством смотрела на него. Из тех разговоров, которые она слышала, она сделала вывод, что он один из самых выдающихся ученых на Земле. Но когда она видела, как он плачет, ей не верилось в это. Она всегда думала, что ученые — гордые и надменные — отличаются от простых людей, что они витают в облаках и лишены эмоций. Может быть, такие ученые и существовали на самом деле. Она не могла найти ответа на этот вопрос. Но она видела, что этот маленький человек обладал всеми эмоциями простых людей и не стеснялся выражать их. Может быть поэтому он и был великим! Эта идея поразила ее.

— Я думаю, что сделал только то, что загрязнил Землю, — прошептал Коттер. Он больше не плакал. Он не мог выразить слезами мысли, которые были в нем. Он покачал головой. — Мечта, которую я всегда вынашивал состояла в том, чтобы сделать ловушку для глупцов, но она превратилась в цепи на ногах более слабого человека. Всегда ли так случается? Должен ли мечтатель отдавать свою самую сокровенную мечту тому, кто ищет только прибыль для себя?

В голосе его появилась грусть, такая глубокая, как моря на планете, которая удалялась от них.

Затем его голос изменился. В нем послышалось ворчание.

— Нет! Так не бывает всегда! Где-то в этой бесконечности, в каком-то диапазоне частот все равно растет человек!

Как в старом греческом мифе, когда Прометей взял молнию и принес огонь человеку, чтобы согреть сердца людей, маленький человек в этот момент был похож на

Прометей. Джозеф Коттер не мог принести огонь людям. Это сделали до него. Но он мог принести другой подарок!

Его глаза сузились. В них как бы возникло какое-то отчуждение. Казалось, что он видит за пределами алюминиевых стен корабля новые миры и время, которое еще не пришло.

— Мы пересекаем реку. Мы пересекаем их одну за другой. Ни один человек не пересечет реку прежде, чем не научится плавать, ни один человек не заставит другого пересечь ее и никто не вынесет другого на своей спине. Мы пересекаем реку с помощью той силы, которая есть у нас. Но все-таки рано или поздно каждый из нас успешно пересекает реку.

Его голос становился все сильнее, как будто где-то в нем еще теплилась надежда.

— Даже... такие люди...

— Как Глок? — снова в голосе Коттера появилось ворчание, но затем оно сменилось размышлением. — Я думаю, что для него это тоже возможно, если он решит стать лучше, чем есть. Это решение, которое каждый человек принимает для себя сам. Хочет ли орангутанг всегда быть орангутангом? Нет, конечно. Приходит время, когда ему хочется стать человеком.

Он замолчал, так как дверь кабины открылась. За дверью стоял Лунный Человек. С него свисали пластмассовые ремни. Его лицо было таким круглым как луна, отчего он и получил свое прозвище. Лунный Человек пристально вглядывался в двух пассажиров, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Джонни оборвет ему уши, если что-нибудь с ними случится! Убедившись, что с ними все в порядке, он расплылся в улыбке, открыв рот, в котором не было зубов.

— Время пристегнуться, друзья. Мы идем на посадку, вас может немного потрясти.

Лунный Человек помог им привязаться. Так как это был первый космический полет для каждого из них, то привязаться было необходимо. Лунный Человек сам пренебрегал этим правилом. Это стоило ему зубов при посадках. Уложив их в кресла, он вышел из кабины.

Через небольшой иллюминатор Дженни смотрела на Луну. Она была восхищена. Казалось, что Луна несется на них с огромной скоростью. Искореженные, острые пики лунных вершин были похожи на клыки чудовищ, лежащих

с раскрытым ртом и готовых проглотить их, когда они придут из космоса.

Через некоторое время она почувствовала, что корабль готовится к посадке. У нее сложилось впечатление, что Луна больше не несется на них, а вращается вокруг. Она чувствовала, что у нее кружится голова.

— Держись крепче, девочка! — донесся до нее голос Коттера из-за защитной оболочки. — Человек со слабым сердцем еще не сядил на Луну.

— Сердце этого хрупкого человека или выскочит или нет! — ответила она.

— Хорошая девочка, — сказал Коттер, улыбаясь.

Его смех помог ей справиться с напряжением, нараставшим внутри. Дженни снова посмотрела на Луну. Она становилась все больше и больше. Часть ее куда-то пропала, и она поняла, что это ее обратная сторона. Непосредственно под кораблем было какое-то огромное отверстие. Она догадалась, что это лунный кратер.

Она видела, как вокруг поднимаются высокие стены, затем корабль с грохотом совершил посадку на широкую равнину, похожую на песчаную пустыню. Нос корабля был обращен на высокую стену, которая возвышалась в открытом небе.

В стене появилось отверстие, из которого высунулось что-то, похожее на длинную змею. Дженни вскрикнула.

Дверь кабины снова открылась. Услышав ее крик, вошел Лунный Человек. Когда он понял, в чем дело, то разразился смехом.

— Это кабель с крюком на конце. Он захватит нос нашего корабля и протаснит нас через двери, которые имеют блокировку от воздуха.

— О, — с облегчением сказала Дженни. — Тогда мы будем жить как пещерные люди!

— До некоторой степени, — ухмыльнулся Лунный Человек. — Эти огромные пещеры являются домом для тех, кто находится вне закона, единственным домом, который у нас есть. Успокойтесь, пожалуйста. Скоро вы почувствуете Луну под своими ногами!

— Это именно то, о чем я мечтаю, — сказал Коттер.

Змея уже захватила нос корабля. Огромные двери медленно раскрылись. Впереди была пещера с освещением под потолком. Когда внешние двери закрылись, вокруг корабля появились люди, женщины и мужчины, которые называли

это место своим домом. Дженни уставилась на высокую седую женщину, которая стояла в ожидании, пока раскроются двери космического корабля.

Через корабль прошли шипящие звуки, пока давление воздуха уравнилось. Экипаж вышел из корабля, чтобы приветствовать своих товарищей.

Высокая женщина по-прежнему смотрела на двери. Когда появилась Дженни, она вначале удивилась, но затем быстро пошла вперед навстречу ей.

— Моя дорогая, — сказала она Дженни.

— Мистер Дерек послал меня сюда, — ответила Дженни.

— А где он сам?

— Остался на Земле.

— Ох, — лицо высокой женщины стало мрачным, как будто какая-то затаенная боль пронзила его, но затем она улыбнулась. — Моя дорогая, добро пожаловать. Вы можете звать меня просто Мум. Я — мать Дженни.

— Ох, — вырвалось у Дженни. И снова — Ох! — Его мать? Но он...

— Вне закона, — Мум подсказала слово. — Я знаю, что это так. Я научила его быть таким. В мире, где правит Эразмус Глок, что может быть противозаконным? Я не стыжусь его. Я горжусь им.

Дженни не сообразила, как оказалась в объятиях высокой женщины. Это были дружеские руки. После этого она задала несколько вопросов о Дерекке, пытаясь узнать слышали ли о нем что-нибудь по космическому радио. Лицо Мум стало серым, как гранит.

— Мы ничего не слышали о Джонни. В космосе магнитная буря. От Земли поступило несколько сообщений, но все они нехорошие. В Денвере возникла какая-то новая болезнь.

Ее лицо стало мрачным и холодным.

— То, что там случилось — это не болезнь. Это — вирусы. Проклятые вирусы. Проклятый Эразмус Глок.

Дженни обнаружила, что идет по полу лунных пещер к месту, которое никогда не называла своим домом. У нее кружилась голова, а Мум вела ее к ряду подвесных коек, которые свешивались со стены пещеры.

— Эти гамаки только для женщин, — сказала Мум. — Мужчины спят на полу или в корабле. У некоторых есть койки на атомном генераторе, который снабжает нас энер-

гней, а другие спят в резервуаре, где мы выращиваем наши продукты. Но нас, женщин, всегда баловали. Мы спим в гамаках до тех пор, пока сами не захотим мужчину. После этого мы спим с ним на земле или там, где он вообще спит... Если ты думаешь, что здесь есть фонтан с питьевой водой, то не ищи его. Тебе положена пинта воды в день. Ты можешь пить ее или умываться — это твоё личное дело. Здесь нет ванны, горячих труб, освежающих душей, парфюмерных машин — и почти нигде нет никакого мыла.

Она прекратила говорить, когда взгляделась в лицо Дженни.

— Моя дорогая, извини, если ты разочарована. Но разве Джонни не говорил, что тебя здесь ожидает?

— У него не было времени, чтобы рассказать об этом, — ответила Дженни. — И передо мной не нужно извиняться. Я постараюсь привыкнуть.

— Хорошая девочка, — сказала высокая женщина. — Мы живем как троглодиты в системе пещер, находящихся на пару миль ниже поверхности Луны. Здесь нелегко. Но, может быть когда-нибудь, мы будем жить на поверхности нашего собственного мира, на Земле или в каком-нибудь другом месте. И, говоря по правде, мы сможем выжить только в том случае, если там будут трудности.

— Я не совсем понимаю.

— Мы все вне закона. Если нас схватят, то казнят.

— Ох, — вздохнула Дженни.

— Я надеюсь, что не нарушу твоих иллюзий относительно жизни на Земле. В вельветовой перчатке всегда есть стальная рука. И если кто-то нарушит установленный порядок, то почувствует эту руку. Все мы, нарушившие этот порядок, находимся вне закона.

— Я понимаю, — ответила Дженни. — Мне лучше находиться здесь, чем там. По крайней мере, я не буду дни и ночи слушать пропаганду о хорошей жизни.

— Здесь ты не будешь этого слышать, — ответила Мум. — Это наше убежище, и если нам повезет, оно может послужить краеугольным камнем для реальной свободы на Земле, если там, конечно, готовы воспользоваться свободой.

— Конечно, там готовы принять ее.

— Я не уверена в этом, — сказала Мум. — Люди привыкли к своим цепям. Иногда они даже сопротивляются, когда эти цепи пытаются снять с них. Ну а теперь, моя

дорогая, у меня есть слишком много обязанностей. Устраивайся здесь поудобнее. Когда появятся другие люди, просто назови им свое имя и скажи, что тебя послал сюда Джонни. Это решит все проблемы. Я знаю, что ты единственная из женщин, которую он послал сюда. Теперь, если ты извинишь меня...

Итак, Джени поменяла небольшую, но хорошо обставленную квартирку на спальню и гамак на Луне. Где-то глубоко внутри она сознавала, что сделала все правильно. Но что произошло в Денвере? Что случилось с Дерексом?

В течение многих дней и ночей, которые последовали за этим — а день и ночь зависели от яркости освещения ламп, подвешенных под потолком — она часто думала об этом. Она знала, что один человек всегда находился на дежурстве возле космического радио, ожидая вестей от Дерекса, которого нужно было подобрать на Земле. Она знала, что этот вызов не поступал, так как экипаж оставался на месте и был готов к вылету, как только поступит сигнал. Она знала, что были предприняты повторные попытки связаться с Дерексом с помощью их собственной системы, приемник которой был установлен в потайном каньоне западного Колорадо, откуда они взлетели.

Но ответа по космическому радио не приходило. Люди в пещерах говорили друг другу, что в космосе разыгралась сильная магнитная буря, которая прервала связь. Все знали, что корабль не отчалит до тех пор, пока Дерек не вызовет его.

Мум стояла возле телевизионного экрана, который наблюдал за небом. Люди следили за работой атомного реактора, наблюдали за работой синтезаторов воды и воздуха, за работой огромных нагревателей, которые нагревали воздух в пещере. Женщины выбирали пищу из резервуаров и очищали ее. Джени присоединилась к женщинам. Никогда еще в своей жизни она не готовила пищи. Она поняла, что может научиться этому и была счастлива готовить пищу для голодных мужчин.

Она почти не виделась с Джозефом Коттером. Он занял меньшую, более высокую пещеру и разместил там оборудование. Следуя его указаниям, люди в космических костюмах поднимались на поверхность Луны и устанавливали огромные параболические антенны, которые были сфокусированы на звезду под названием Росс-154. Излучение, которое собирали эти антенны, направлялось в пещеру, где

у Коттера стояли чаны, химикаты и электронное оборудование. Люди подчинялись его приказам без всяких вопросов.

Джонни был сердцем этого места, его душой, его внутренностями, его гордостью, его успехом. Когда Дерек находился здесь, люди верили в свое будущее, в то, что они могут построить его, что могут преодолеть любое препятствие. Без Дерека этой веры не было.

Космическое радио донесло отрывки новостей с Земли.

— Федеральные войска установили предохранительную границу вокруг Денвера. Общественные власти по здравоохранению верят...

Дальше радио заглушили помехи.

— По крайней мере, мы должны быть благодарны хотя бы за то, что на Луне нет вирусов, — сама себе сказала Дженни. Когда магнитная буря утихла, на экране снова появилось космическое телевидение. Сцены, которые они показывали, были не особенно приятными. Денвер был похож на пустыню. Денвер был мертв. Денвер был похож на города древней Азии, которые археологи раскопали из песков. Денвер готовился к тому, чтобы стать еще одним Бальбеком, еще одним Карнаком, еще одними Фивами. Человеческая жизнь, которая построила Денвер и способствовала его процветанию — уходила из него!

Через подвесные линзы на вертолетах, которые показывали ближний план, можно было видеть, что произошло с этой жизнью — искаленные автомобили, попавшие в аварию, пожары, с которыми не мог справиться ни один пожарный, неподвижные тела, распростертые на улицах.

Наблюдая за Мум, Дженни видела, что высокая стройная женщина часто вытирала глаза. Она знала, что Мум думает о своем сыне. Она видела, что Мум все меньше становилась похожей на высокое дерево.

Одна из пещер в дальних лабиринтах привела ее к внешней стене. Здесь находился небольшой пластмассовый иллюминатор, который служил не только для того, чтобы видеть основание кратера. Через него можно было посмотреть на любой корабль, который приземляется. Дженни часто подходила к этому окну. Она чувствовала какое-то облегчение, когда видела подножие кратера при различной степени освещенности и под разными углами падения света. Хотя пейзаж, который открывался с этой точки был унылым и безрадостным, все-таки в нем чувствовалась ка-

кая-то красота. Она смотрела в это окно, когда увидела, что какие-то голубые огоньки опускаются в глубь кратера. Ее сердце сильно забилося. Она пыталась убедить себя, что все это ей привиделось, но, присмотревшись более пристально, поняла, что на самом деле видит маленькие голубые огоньки, которые исполняют танец в почти безвоздушном пространстве.

На Луне тоже были вирусы!

ГЛАВА IX

Дерек избежал смерти в Денвере, но он не мог вернуться к тому месту, где находился его собственный космический корабль и не мог вызвать корабль по космическому радио. Он лежал под роскошным кедром. Он вжался в землю и надеялся, что обжигающий поток свинца, который проходил в нескольких дюймах над ним не опустится ниже. Его как-то защищал навес скалы, но поток мог изорвать в клочья мягкую свинцовую скалу. Пушка, которая извергала свинец, представляла собой новый вид автоматического оружия и была изготовлена из новых сплавов. В это мгновение Дерек захотелось, чтобы эти новые металлы никогда не были изобретены. Пушка находилась в бетонном блиндаже на вершине скалистого гребня, охранявшего с юга подходы к длинному каньону, который Космические Силы использовали в качестве посадочной полосы.

Дерек знал, что охранники в блиндаже не могли разглядеть его. Они не задавали вопросов, а разворачивали пушку по кругу и обстреливали все подряд. Эти охранники не делали предупредительных выстрелов — у них был приказ сначала стрелять, а потом задавать вопросы трупам. Это означало, что до них уже донеслись слухи о том, что произошло в Денвере. Это означало также, что приказы дошли до них по каналам Красной Тревоги.

Дерек понимал, почему охранники нервничали. После того, что произошло в Денвере, он сам еще окончательно не пришел в себя. Он считал, что только благодаря какому-то волшебству им удалось живыми выбраться из города. Так далеко, наверное, они прилетели на украденном вертолете. Теперь у них был только один выход — украсть космический корабль. Они хотели попасть на Луну. Эта

часть земли вокруг Денвера не очень подходила для этого. Только способность Дерека видеть вирусы и, таким образом, избегать их так долго сохраняла им жизнь. Но он не мог видеть подонков, стоящих за автоматическими пушками, а если бы и видел, то это ему бы не помогло.

Вдруг пушка замолчала.

Может быть, артиллерист отошел от своего орудия. Или он хочет просто посмотреть на результаты своей работы.

Дерек чуть-чуть повернул голову. Это позволило ему одним глазом взглянуть на блиндаж. Сделанный из бетона, он стал серым как окружающие его скалистые горы. Из блиндажа за ним наблюдали. Дерек не знал сколько человек находилось в нем, но по его предположению, там был всего один человек. Вооруженные силы не растрчивали попусту своих людей.

Он уловил какое-то движение — будто из кустарника вылезла крыса и очень быстро направлялась к блиндажу. Крыса поднялась и что-то бросила в блиндаж, после чего скрылась из виду за бетонной конструкцией.

— Неплохо сработано, Рэт! — подумал Дерек. Крыса была человеком, которого все называли Рэт. Дерек выжил. Он знал эту крысу. Через три минуты из блиндажа ему помахали рукой, приглашая войти. Он поднялся и побежал к блиндажу. Дверь была открыта. Когда он вошел, то услышал быструю речь.

— Да, сэр. Да, лейтенант. Я ошибся, сэр. Но капитан приказал... да, я знаю, что вам известны приказы капитана, сэр. Да, сэр, слушаюсь.

Дерек закрыл дверь. Возле автоматической пушки рядом с газовым баллончиком лежало неподвижное тело. Рэт разговаривал по телефону, который был соединен с находившимся где-то командным пунктом. Очевидно, телефон зазвонил, вызывая охранника, находившегося без сознания, когда Рэт вошел и ему пришлось ответить.

— Так точно, сэр. Я... я стрелял в паршивого дикобраза, сэр! — Рэт как бы извинялся. — Да, сэр, я знаю дикобразов с тех пор, как видел одного, сэр. Я знаю, что в этих горах их полно. Но я видел только этого одного. Да, сэр. Спасибо, сэр. В будущем я буду более внимательным, сэр! — Крыса повесила телефон и обернулась к Дереку.

— Отсюда лился большой поток свинца, не так ли Джонни? Они увидели тебя и начали стрельбу до того, как я был готов. Я просто не мог добраться сюда быстрее.

— Ты все сделал здорово, Рэт, — сказал Дерек.

— Спасибо, босс, — по тону Рэта было ясно, что он очень доволен похвалой Дерек.

В воздухе все еще стоял запах газа, но постепенно он начал ослабевать. Этот газ вырвался из контейнера и уложил человека одной струей.

— Замок на двери также задержал меня дольше, чем обычно, — продолжал Рэт.

— Еще не изобретен замок, который ты бы не смог открыть за несколько минут, — сказал Дерек. Рэт был вором. А также большим специалистом по вскрытию замков. Но теперь он воровал и открывал замки только для сообщества. Его щеки пылали в надежде получить похвалу от Дерек, но краска сошла, когда он вспомнил о чем-то. Он был встревожен.

— Тот офицер, с которым я говорил, сказал, что посылает патруль, чтобы освободить меня.

— Патруль? Ну и сколько же человек? — Дерек переступил через тело охранника, который был без сознания, и подошел к амбразуре. Отсюда он увидел, как длинный каньон переходит в широкую аллею. Он также мог видеть навес скалы, который служил ему защитой, когда он отвлекал внимание охранника, чтобы позволить Рэту забросить в блиндаж баллончик с газом. Его внимание привлекла извилистая дорожка, которая вела в глубь каньона. Наверное, патруль пойдет по этой дорожке. Люди, которые придут, будут наготове, но они знают, что ничего, кроме дикобраза им не угрожает.

Одной из причин, по которой Космические Силы построили посадочную полосу именно в этом месте, было то, что здесь было очень мало людей, поэтому никто не жаловался по поводу взрывов ракетных двигателей и звукового гула. Другая причина — если враг предпримет атаку, водородную бомбу можно сбросить прямо в каньон, чтобы вывести базу из строя.

Из амбразуры Дерек мог видеть нос космического корабля. Он был готов к взлету.

Дерек также увидел патруль, который поднимался по извилистой тропе. Четыре солдата и капрал. Он оглянулся на Рэта. Тот уже снимал униформу с охранника, находившегося без сознания. Приближаясь к блиндажу, капрал был настороже, но не слишком. Он знал, что в Денвере что-то случилось, но не очень в это верил.

Когда патруль приблизился к блиндажу, голос изнутри пригласил их войти. Дверь была немного приоткрыта. Капрал вошел и увидел человека в униформе, который чистил автоматическую пушку. Это успокоило его. Он пригласил остальных последовать за ним.

Когда вошел последний солдат, дверь захлопнулась. Рэт уложил капрала одним ударом в межреберье. Так как на нем была униформа, капрал, не ожидал удара. Затем Рэт повернулся и нанес своими длинными жесткими пальцами сильный удар в солнечное сплетение другого человека.

Тот согнулся пополам.

Третий солдат попытался воспользоваться оружием. Но не успел этого сделать.

У последних двоих было достаточно времени, чтобы понять, что происходит что-то непонятное, но его не хватило, чтобы понять, что именно. От стены, как молчаливая тень, отделился большой мужчина. Его правая рука нанесла рубящий удар по шее последнего из вошедших. У того подкосились ноги.

Четвертый человек из группы, наконец осознавший, что на них напали, попытался бежать. Режущий удар по шее оглушил и его. Он подавился, уронил оружие и схватился за шею.

За одну минуту Дерек и Рэт, действовавшие как команда быстрого реагирования, завладели пятью единицами автоматического оружия. Перед ними на полу лежали пятеро солдат без сознания, не считая первого артиллериста, который до сих пор не отошел от газа. Дерек и Рэт улыбнулись друг другу. И снова зазвонил телефон.

Рэт, посмотрев на Дерек, снял трубку.

— Да, сэр. Все в порядке. Я уложил его, сэр, — сказал Рэт.

— Лейтенант хочет поговорить с вами, капрал, — сказал Рэт и протянул трубку Дереку.

Зная, что у него нет другого выхода, Дерек взял трубку.

— Да, сэр, — сказал Дерек. — Здесь все в порядке, сэр, хотя мы истратили на дикобраза слишком много боеприпасов. Да, сэр. Да. Очень хорошо, сэр. — Дерек хотел повесить трубку, но затем снова притянул телефон к себе.

— Я хочу сказать еще кое-что. Один из моих парней поскользнулся и повредил ногу. Вы знаете, эти тропы такие скользкие. Нет, сэр. Я не думаю, что она сломана, но

только медик может установить это. Можете ли вы прислать двух человек с носилками? Хорошо, сэр. Спасибо, сэр. Я доставлю раненого прямо в амбулаторию, чтобы выяснить, что с ним, сэр.

Повесив трубку, Дерек подмигнул Рэту. — Сюда пришлют двух человек с носилками.

— Великолепно, очень здорово, сэр, — сказал Рэт, ухмыльнувшись. Он быстро подсчитал людей, валявшихся на полу. — Учитывая тех двоих, которые еще придут, у нас будет восемь униформ, сэр... Я имею в виду, Джонни.

— Именно так я и думал, Рэт. Но нас здесь девять человек. Мы накинем одеяло на того, кого понесут на носилках. Ему не нужна униформа.

— Хорошо, сэр, — сказал Рэт.

На санитарях с носилками были нашивки с эмблемами медицинского корпуса. Но Дерек и Рэт не обратили внимания, какие у них нашивки. Они нежно уложили медиков на пол, после чего Дерек подошел к амбразуре и ко-му-то помахал рукой.

Из-за роскошных кедров и валунов появились тени и начали взбираться по откосу. Некоторые перебежали от скалы к скале, другие двигались более медленно. Одна, самая большая тень, пытела, задыхалась, часто вытирала пот с лица, двигалась неуклюже и было видно, что ей нужно помочь взобраться на откос.

Помощь, которую эта тень получила, был удар ногой по жирной заднице. Другая тень — лысая и коренастая — также с трудом поднималась и получила такую же помощь.

Когда тени появились в блиндаже, Дерек рассмеялся. Жирный мужчина, который получил хороший удар ногой по заднице и до сих пор не мог прийти в себя от этого оскорбления, начал протестовать.

— Это солдаты, Дерек. Это предательство, это нападение на солдат, которые находятся на службе! Они перестреляют вас за это!

— Заткнись, Раз, — сказал Дерек.

— Нас всех повесят! — завопил жирный.

— Я уже говорил тебе, что повешение вышло из моды. Я также говорил тебе, как мне стыдно из-за этого.

У Эразмуса Глока было плохо с нервами. Бунт вирусов очень подействовал на него. Но разговор с Дерексом и его

действия потрясли его еще больше. Когда он встретил людей Дерек в подвале своего собственного здания, его чуть не хватил апоплексический удар. Все люди Дерек находились в розыске! Они не были похожи на тех, с кем можно сотрудничать! Один из них, Рэт, казалось готов был убить собственную бабушку. Старина Джуп казался более безобидным. А того, которого звали Слим, никогда не слышал голос выше шепота, но в каждом рукаве у него было по ножу.

— Мы летим на Луну, Раз, — сказал Дерек. — Я надеюсь, что Коттер находится там!

— Я никуда не полечу, — ответил Глок. — Я изменил свое решение. Человек всегда вправе сделать это.

Он посмотрел на Холлоу в надежде найти поддержку.

Холлоу посмотрел на людей, находившихся в блиндаже, побледнел.

— Если вы не имеете ничего против, сэр,... я думаю, что полечу не Луну, — сказал он.

Щеки Глока раздулись при таком неповиновении. Он начал снова резко говорить с Холлоу, но почувствовал, что позади стоит старина Джуп. Он дышал ему прямо в шею. Старый космонавт раскрыл над ним свои крепкие руки. Он посмотрел на Дерек.

— Я прикончу его, — сказал старина Джуп.

— А я помогу, — прошептал тот, кого звали Слим. Как по волшебству в руках у него появилось длинное отточенное лезвие.

— Я тоже хочу попробовать от него кусочек, — промолвил Рэт.

Там находился еще один человек, который присоединился к ним в салуне и настоял, чтобы его взяли в подвал. Этот человек не знал своего имени, а знал только свой номер — Р-133. Он пытался вспомнить, как его зовут, но безуспешно. Чувствовалось, что Р-133 был хорошим человеком. Поэтому Дерек решил взять его с собой.

— Я тоже хочу что-то от него, — сказал Р-133.

— Какого дьявола тебе надо, — заорал Глок на Р-133. — Я никогда не видел тебя.

— Ты никогда больше не увидишь его, — сказал Дерек.

— Что ты подразумеваешь под этим?

— Я подразумеваю, что мы летим на Луну, Раз. Посмотри вокруг и реши, летишь ли ты с нами.

Глок еще раз быстро посмотрел на старину Джупа, на Рэта и Слима. — Хорошо. Я лечу с вами.

— Тогда ложись на носилки, — сказал Дерек. Тебе чертовски повезло, что ты ужасно жирный. Потому, что мы не можем запихнуть тебя в эту униформу Космических Сил, мы понесем тебя на носилках.

— Ох, — вздохнул Глок.

— Старина Джуп понесет носилки сзади и будет находиться возле твоей головы, — добавил Дерек. — Поэтому, если ты вздумаешь дурить, он свернет тебе шею.

— Да, сэр, — ответил Джуп. — Я сделаю это с удовольствием.

Глок улегся на носилки. На него набросили одеяло.

— Это на случай, если понадобится использовать его в качестве савана, — пояснил Джуп.

Один из оглушенных мужчин очнулся, и Дерек узнал от него, где находится командный пункт блиндажа. Когда они уходили, Рэт положил на пол еще одну газовую гранату, чтобы быть уверенным, что люди, оставшиеся там, будут спать еще пару часов, после чего захлопнул дверь и закрыл ее на замок.

С носильщиками, которые несли человека, укрытого одеялом, патруль выглядел очень естественно. Если их шествие было не слишком стройным, если они шли не совсем в ногу, если они не несли своего оружия, как это полагается, все это можно было объяснить извилистостью узкой тропы.

Впереди всех шел крупный мужчина в форме капрала Космических Сил. Глок, лежавший на носилках, пытался проделать в одеяле хотя бы щелочку. Но, увидев людей, которые несли носилки, тут же закрыл глаза.

Патруль спустился с горы и вышел к краю посадочной полосы внизу каньона. Здесь капрал сделал передышку, глядя в лучи солнечного света, на большой высоте.

Рэт подошел и остановился возле него.

— Я оставил здесь дежурных, — сказал Рэт. — Когда они разберутся с кораблем, он будет готов к полету. Но эта новая модель, Джонни, с колесами на брюхе и стабилизирующими закрылками, поэтому она может взлетать или приземляться совершенно плоско, если площадка достаточно большая, или перевернуться на задницу, если площадки вообще нет.

Из ангара вышел майор и направился к ним. Дерек поприветствовал майора, когда тот приблизился.

— Вынужденная посадка на враждебной планете, сэр. Мне приказали взять раненого на корабль как можно быстрее!

Ответив на приветствие, майор кивнул головой. Конвой продолжал двигаться дальше.

Замок на корабле был открыт. Дерек приказал носильщикам и остальной группе патруля зайти внутрь. Они исчезли в корабле как тени, которые пытались скрыться от солнечного света.

Внутри их встретил удивленный механик. — Что происходит, Джо? — спросил он.

— Вынужденная космическая посадка, Мак, — ответил ему Рэт.

— О, — ответил механик, поняв ситуацию. — Они сегодня играют в игры.

— Да, — ответил Рэт. — Мы действуем так, как будто у нас есть корабль. Зайди в ПХ и принеси холодного пива.

— Конечно, — ответил механик, улыбаясь.

Он присвистнул, когда увидел других членов патруля.

В радиорубке два техника ремонтировали радиопаратуру. Они сообщили, что главный передатчик находится на основной базе.

— Ну и что в этом такого? — спросил Рэт. — Возьмите парочку пива в ПХ.

Радиотехники вышли из корабля, пожелав удачи большому капралу. Дерек закрыл двери на замок и пошел внутрь.

Глок, попытался подняться с носилок. Холлоу весь взмок. Р-133 с надеждой смотрел на Дерек в ожидании приказов. Зная о том, что Р-133 не был космонавтом, Дерек приказал ему следить за Глоком и Холлоу.

— Несмотря на то, что я даже не знаю своего имени, я присмотрю за ними, — ответил Р-133. То, что он не мог вспомнить свое имя, беспокоило его.

Дерек направился в комнату управления и связи. Когда он привязался в кресле управления, через систему связи до него донесся голос Джупа из отсека ракет и двигателей.

— Они уже прогрелись, Джонни. Топливные баки заполнены твердым топливом.

— Подготовься к взлету, — ответил ему Дерек. — Мы попытаемся взлететь на брюхе.

— Хорошо, — ответил Джуп. Он находился в машинном отделении, так как у него было достаточно опыта,

чтобы справиться с двигателями. Его сильные руки работали над мощными клапанами двигателей, которые использовали жидкое топливо. Джуп знал ракеты. Он по-своему любил эти неуклюжие, но очень мощные машины.

Из главной каюты связи раздался голос Рэта, который сообщил, что космическое радио неисправно. Из помещения для гироскопов донесся голос Слима, который сообщил, что он привел гироскопы в порядок. Кресло для космического штурмана в главной комнате управления пустовало. У них не было космического штурмана, не было повара, и не было стюарда. Но голос сообщил, что в холодильниках есть продукты. Дерек был уверен, что сможет доставить корабль на Луну.

Он нажал на стойку, которая должна была запустить пусковые двигатели. Позади раздался грохот, и корабль тронулся с места. Дерек успел заметить людей, которые выбегали из ангара на склоне каньона. Вероятно, майор пытался объяснить им, что вынужденная посадка на враждебной планете затянулась. Нажав на кнопку пуска кормовых двигателей, он подумал, что на самом деле освобождается от враждебной планеты — это была Земля!

Корабль поднялся в воздух, а затем продолжил свой путь за пределами атмосферы. За исключением одного пассажира, огромного жирного мужчины, все остальные были довольны. Даже Р-133 перестал на время вспоминать свое имя. Однако, осталась одна проблема. У них не было связи.

— Мы удивим наших друзей на Луне, — сказал Дерек. — Может быть Мум захочет отшлепать меня за трусость, которую я проявил, а может быть, когда мы появимся, она посчитает, что я уже достаточно вырос, чтобы меня шлепать. — Он засмеялся собственной шутке.

Дерек посадил корабль на брюхо, приземлившись в большом кратере на темной стороне Луны и донес шланг от корабля к двойным дверям, где кабели можно было легко соединить. Когда корабль остановился, он почувствовал некоторое облегчение. Он знал, что все другие участники рейса почувствовали то же самое. Наконец-то они могли отдохнуть, расслабиться и снять напряжение. Внутри корабля раздавались звуки ликования.

Но чувство ликования неожиданно сменилось тревогой. Кабель не выходил из двойных дверей.

Дерек уставился на тяжелые двери — они не были повреждены. Что же произошло?

Постепенно он начал понимать, что видит еще что-то, кроме дверей ангара и возвышающейся стены кратера.

То, что он видел, было голубыми огоньками, танцующими в невидимой матрице. Огоньки не танцевали в воздухе. Здесь почти не было воздуха, они танцевали в космосе в какой-то извращенной, изогнутой матрице, корчась и излучая ужас прямо перед пластмассовыми окнами корабля, толщиной всего в один дюйм.

Здесь тоже были вирусы.

Дереку показалось, что маленькие голубые огоньки стучались в дверь корабля и просили их впустить.

ГЛАВА X

Дженни Фарго отпрянула от толстого пластмассового окна, через которое был виден огромный кратер вблизи края темной стороны Луны. Ее ноги дрожали от ужаса, когда она бежала по извилистому естественному лабиринту, который вел в главную пещеру. Она должна рассказать об этом Мум, Лунному Человеку и Коттеру. Всех других нужно тоже предупредить, что на Луне появилась смерть с голубыми крыльями.

Освещая путь фонариком, Дженни бежала, как олень. Среди тысячи тоннелей она должна была найти правильный поворот. Неясные воспоминания из старой книги напоминали ей об аде Данте. Некоторым людям, по мнению поэта, было суждено в глубинах ада пройти через темные извилистые лабиринты, похожие на эти — под поверхностью Луны. Происходящее казалось каким-то ночным кошмаром. Она чувствовала себя так, будто хотела убежать от чего-то навсегда.

Она споткнулась обо что-то. Фонарик выпал из рук. Когда она нашла его, то увидела человека из пещеры, которого не очень хорошо знала. Он спокойно лежал на спине на каменном полу. Одной рукой он закрывал глаза, как будто не хотел видеть чего-то.

Сначала Дженни подумала, что он спит. Но направив фонарик на его лицо, она увидела, что он не похож на

спящего человека. Скользя глазами по темному тоннелю, Дженни заметила мелькание голубого цвета.

Страх вызвал спазм в животе. Страх сжал ее сердце. И она стремглав бросилась вперед.

Наконец она увидела огни пещеры. Когда Дженни добежала до нее, первое, что она увидела, был еще один мертвый человек. Этот человек тоже выглядел спящим, но она знала, что он заснул навсегда.

В пещере царило молчание. Было тихо, как в могиле, где захоронены люди, тихо, как в алькове, где стоят урны с прахом умерших.

Затем откуда-то сверху донесся шепот и быстро прервался.

Она схватила себя за горло, чтобы не закричать.

Спираль голубых огоньков лениво перемещалась в воздухе посередине пещеры. Это было самое большое скопление вирусов из тех, которые она видела. Подобно человеку, плывущему в воде, они лениво плавали в воздухе. Это было похоже на мираж в какой-то далекой забытой пустыне.

Дженни стояла, как парализованная, а спираль, тем временем, превратилась в голубой круг. Он плавал также легко. Постепенно круг стал шаром из крошечных танцующих голубых огоньков.

При других обстоятельствах она бы подумала, что это очень красивое зрелище.

Но может ли смерть быть красивой? Только не для нее. Она хотела жить.

Чей-то грубый мужской голос давал кому-то указания. Она не пошевелилась, чтобы взглянуть внутрь пещеры, она не могла двигаться.

В дальнем конце пещеры вирусы опустились и легко соскользнули в тоннель, туда, где в огромных резервуарах выращивались пищевые продукты.

Сверху снова донесся грубый голос, теперь он называл ее имя.

Каким-то образом Дженни нашла в себе храбрость зайти в пещеру и посмотреть вверх.

С высокого выступа ее звал Лунный Человек. Она никогда не была там, но знала, что у Коттера есть лаборатория где-то под крышей пещеры, и что люди, работающие на него, поднимаются по извилистому пути на высокий выступ, откуда ее сейчас звал Лунный Человек. Она ни-

когда не задумывалась, сможет ли забраться туда. Она видела, что круглое обеспокоенное лицо Лунного Человека уставилось на нее. Когда она поднялась наверх, он подхватил ее. И сделал это очень вовремя. У нее уже не было больше сил, чтобы передвигать ноги.

Лунный Человек понес ее через узкое отверстие, которое вело в длинную пещеру. Она видела, что отверстие сужается. Два человека поспешно сталкивали в него валуны и куски скал, чтобы совсем закрыть.

— Закройте его плотно, ребята, — сказал Лунный Человек.

Оба человека кивнули в знак согласия и продолжали работу.

Только потом она поняла, что эти люди делали все, чтобы заблокировать отверстие.

— Как могли... как могли вирусы... — спросила она.

— Джон продолжает работать, — сказал Лунный Человек. — Он принес их с проклятой звезды. По какой-то причине они остались на поверхности. Только немногие из них просочились в эти тоннели.

— А мистер Коттер жив? — выдохнула Дженни.

— Да. Он находится в лаборатории, — ответил Лунный Человек, и покачал головой. — Я не осуждаю его. Большинство ученых должно пройти через предположения и ошибки, в особенности, когда они работают над чем-то новым. Ты уже можешь идти, девочка?

— Думаю, что да, — ответила Дженни. Она рассказала о том, что видела вирусы через пластмассовое окно, выходящее в кратер, и о мертвом человеке в тоннеле.

— Это, наверное, Келлер, — ответил Лунный Человек. — Он пошел, чтобы найти тебя. Но я думаю, что вирусы нашли его раньше. Лунный Человек потерял почти все зубы, и его лицо было изборозжено морщинами. В течение многих лет Келлер был его закадычным другом. Теперь он мертв. И от этого Лунному Человеку было не по себе.

— Как они проникли в главную пещеру? Вся эта местность похожа на пчелиные соты, с бесчисленными пещерами и тоннелями. Никто даже не исследовал эти тоннели. Некоторые выходят на поверхность Луны, другие находятся на стенах кратера. Уже очень давно мы закрыли большинство выходов из верхних тоннелей, чтобы не дать воздуху выйти из главной пещеры — он был похож на большой пузырь — но совсем не позаботились о нижних тон-

велях. У основания кратера вирусы могут найти сотни отверстий. Так как они не нуждаются в воздухе, то могут жить на поверхности или в кратере. Они могут попасть куда, куда мы не можем.

Они дошли до узкого места в тоннеле. Там их ждал еще один человек, который закрыл отверстие после того, как они прошли.

— А что будет с теми людьми, которые остались? — спросила Дженни.

— Мы будем передавать им пищу и воду, — ответил Лунный Человек.

— Но они будут находиться там, в этой черной дыре.

Лунный Человек кивнул головой. — Они привыкли к темноте. По-моему они не побоятся навсегда уйти туда.

— О, нет! — воскликнула Дженни, когда она поняла мрачный смысл его слов.

— Нам совсем не нравится оставлять наших друзей, чтобы они прокладывали дорогу остальным, — сказал Лунный Человек. — Им это тоже не нравится. Они делают это затем, чтобы другие получили шанс выжить.

— Ох, — ответила упавшим голосом Дженни.

— В течение многих тысяч лет настоящие люди умирали, чтобы другие могли выжить, — сказал Лунный Человек. — Когда придет мой черед, я тоже умру. Когда мы умрем, над нашими могилами не воздвигнут памятники. Так же, как не воздвигали их над другими настоящими людьми, жившими до нас.

— Но неужели нет никакого иного пути?

— Если он и есть, то мы еще не нашли его. Если бы Джонни Дерек был здесь... — Надежда прозвучала в его голосе, когда он вспомнил о Дереке. Для людей, находившихся здесь, Дерек был чем-то вроде бога, который мог сделать все.

— Но его нет здесь, — прошептала Дженни.

— Где бы он ни находился, можно быть уверенным в одном: если он жив, то борется за нас.

Постаревшее лицо Лунного Человека просветлело.

— Вы любите его, не так ли? — спросила Дженни.

Он с горячностью ответил: — Любим его? Да мы молимся на него! Здесь нет ни одного человека, который остался бы в живых, если бы не Джонни Дерек! Здесь нет ни одного человека, который не отдал бы жизнь за него.

Впереди извивающийся тоннель расширялся и переходил в помещение, в котором горели огни. Это помещение

было убежищем, где люди смогут найти безопасность в течение нескольких часов после того, как все дороги будут перекрыты. В помещении лихорадочно работали. Дженни увидела высокую фигуру Мум. Она как-то осела и согнулась пополам от горя.

Мум взглянула на Дженни, обняла ее и показала, что надо делать. Дженни обнаружила, что работа до некоторой степени снимает напряжение. Время шло. Она знала, что будет работать до тех пор, пока сможет стоять на ногах, после чего погрузится куда-то в ночной кошмарный сон, в котором нет отдыха. Вокруг другие мужчины и женщины тяжело вздыхали во сне, а когда просыпались, снова брались за работу.

Время от времени она видела Джозефа Коттера в соседней пещере, где он установил свою аппаратуру. Теперь маленький человек еще больше был похож на придурка. Он по-прежнему не брился. Для этого не было времени. Он напоминал наркомана. Дженни улавливала отрывки его слов.

— Они пришли через поверхность. Они пришли сверху. Причем пришли голубые. Только голубые. Комбинация химикатов на поверхности над нами должна быть благоприятной для голубых вирусов.

Во время бесед с самим собой он продолжал работать. Он устанавливал чаны с различными химикатами. Энергия излучения, которую принимала параболическая антенна, расположенная на поверхности Луны, перекачивалась вниз, в эту комнату. Это излучение передавалось на ультравысокой частоте и не было доступно зрению человека. Только очень чувствительная аппаратура, разработанная и сделанная маленьким человеком, могла обнаружить это излучение.

— Я хочу зеленых, я хочу зеленых, я хочу... — Он снова и снова повторял эти слова. Они звучали как молитва. Дженни не совсем понимала, о чем он говорил, пока не вспомнила о странном сражении, которое она видела на эскалаторе после встречи с Дерекком.

Зеленый цвет был цветом растительности Земли, может быть цветом самой жизни на зеленой планете. Был ли этот цвет цветом надежды? Дженни подумала, что, наверное, это глупая идея. Надежда не имеет цвета. Надежда — это импульс, зарождающийся в глубине человеческого разума, зарождающийся и исчезающий.

Она наблюдала за Коттером, который работал над чаном с жидкостями, содержащими химикаты, над большими коробками с минералами, которые были собраны здесь в пещерах под поверхностью Луны.

Маленький ученый искал правильную комбинацию щелочей и кислот, правильную комбинацию минералов. Может быть, сама жизнь является правильной комбинацией минералов. Правильный ключ! Правильная комбинация, правильный синтез! То, что жизнь на уровне человека является правильной комбинацией минералов, было очевидно, но, может быть, она основана на ней. Кто знает о секрете человеческой жизни, что она такое, откуда пришла и куда идет?

Кто знает о противоположности жизни и ее брате-близнеце — смерти? Люди рождаются, живут недолго, затем уходят. Никто с уверенностью не знает, откуда они пришли и куда уходят. Может быть, за пределами физического жизнь по-прежнему продолжается!

Атомный генератор, который обеспечивал жизнеобеспечение, находился в нижней пещере, куда теперь никто не мог попасть. Что будет если он перестанет работать? Космический корабль тоже находился в нижней пещере и был недостижим.

Джозеф Коттер работал с минералами, химикатами и высокочастотной энергией, пытаясь найти что-нибудь зеленое. Что будет, если в результате он получит голубое?

Маленький ученый не знал ответа на этот вопрос. Голубые вирусы проходят через поверхность Луны. И вполне могло быть, что они появятся в одном из чанов, с которыми он работал.

Но так или иначе он продолжал трудиться.

Дженни отвлеклась от Джозефа Коттера. Из темного тоннеля в главную пещеру входили два человека. Они несли безжизненное тело третьего.

Мум направилась к ним.

— Он просто лежал там, — сказал один из пришедших. — Просто лежал там.

Лунный Человек подошел, чтобы посмотреть на человека, которого они несли, затем показал большим пальцем на другой тоннель, который вел вниз. Два человека кивнули и продолжили свой путь. Лунный Человек и Мум наблюдали за ними.

Дженни знала, что они несут тело к месту его последнего приюта. Внизу темный тоннель заканчивался отвер-

ствием, которое вело в никуда. Здесь лежали люди, которые мечтали о свободе, а нашли смерть.

Дженни повернулась к Лунному Человеку.

— Я займу его место на страже, — сказала она.

Лунный Человек посмотрел на нее так, как будто не мог понять, что же она сказала. Затем решительно затряс головой.

— Только потому, что я женщина? — спросила она.

— Я не пытаюсь сохранить тебе жизнь, потому что ты женщина, — ответил Лунный Человек. — Я пытаюсь сохранить тебе жизнь потому, что Джонни послал тебя сюда.

— Именно...

— Он хочет, чтобы ты была живой, когда вернется, — сказал Лунный Человек.

Несмотря на мрачное настроение где-то внутри у нее теплилась надежда.

— Значит ты думаешь, что он вернется?

— Я не думаю, — ответил Лунный человек. — Я давно уже потерял способность думать. Я просто дышу, кожу и...

Он посмотрел на тоннель, в котором исчезли два человека. Они вернулись и показывали назад, в направлении темного отверстия.

— Огоньки!

В тоннеле мерцали огоньки. У Дженни перехватило дыхание, но тут она поняла, что огоньки были ярко-белого цвета, а не голубого и горели постоянно.

За огоньками она увидела большие серые фигуры, продвигавшиеся вперед. Они шли вперевалку, и поэтому казались гигантами.

Мум увидела их тоже и побежала навстречу. Один из гигантов поймал седую женщину одной рукой и неуклюже обнял ее. Наконец-то Дженни поняла — гигантами были Дерек и его люди, одетые в космические костюмы.

Она тоже подбежала к Дереку, и он обнял ее свободной рукой. Ей стало очень хорошо.

ГЛАВА XI

— Единственный выход для нас сейчас — поскорее убраться отсюда, — сказал Дерек, обращаясь к окружившим его людям. — Снаружи у меня есть корабль. Мы улетим

все вместе. Конечно, для того, чтобы добраться до него, нужны космические костюмы, но они у нас есть.

Его глаза устремились на Лунного Человека.

— Наши костюмы находятся на корабле, мы не можем добраться до них из-за вирусов, — ответил Лунный Человек. — Мы попытались бы сделать это, если бы ты не вернулся.

Лицо Лунного Человека было спокойным. Раз Джонни здесь, все проблемы будут решены. В этом Лунный Человек не сомневался.

— Тогда мы достанем костюмы с моего корабля, — сказал Дерек. — Мы пошлем туда столько человек, сколько у нас есть костюмов, а они принесут остальные. — Он посмотрел на Рэта.

— Конечно, Джонни, — сказал Рэт. — Я возьму с собой несколько парней, мы пойдем на корабль и принесем костюмы.

Небрежно помахав, Рэт повернулся и вышел из лаборатории Коттера. При этом он посвистывал. Звук его свиста доносился из тоннеля, в котором лежали мертвые люди.

Джон Дерек, хотя и старался держаться изо всех сил, очень устал. Усталость овладела всем его телом. Но он не должен был показывать этого людям, для которых являлся последней надеждой.

Когда Дерек попытался приземлиться на вершине плато, он заметил антенны Коттера, всасывающие что-то из невообразимых глубин. Вся поверхность плато сверкала голубым цветом из-за вирусов, парящих там.

Дерек повел корабль вниз, к основанию кратера, и вошел через один из нижних проходов. Он привез с собой Рэта, Глока, Р-133 и старину Джупа.

Дерек посмотрел на собравшихся людей. Он не задавал никаких вопросов. Многие уже умерли, и он знал об этом.

Глок снял свой шлем и уселся. Цвет лица жирного человека напоминал цвет отжившей свой век рыбы. Он выглядел больным и, вероятно, так оно и было. Дерек притащил Глока с собой потому, что не хотел терять жирного человека из виду. Он знал, что Глок очень хорошо преуспел в коррупции, и хотя Дерек был уверен, что никто из его людей не станет предателем, не хотел рисковать. Любой из них мог пырнуть Глока ножом, если бы Дерек не защищал его.

Дерек по-прежнему одной рукой обнимал мать, а другой Дженни. У него никогда в жизни не было женщины,

пока на краю эскалатора в огромном Корпорейшн Билдинг он не встретил Дженни. Ей нравились его разговоры о свободе, и она ему тоже нравилась. Она решилась пойти с ним, так как надеялась обрести свободу. Он не может допустить, чтобы вместо этого она нашла смерть.

— Я считаю, что теперь все в порядке. Мы уйдем отсюда, как только парни принесут костюмы. Мне не нужно говорить вам, что каждый может взять с собой только то, что поместится в руках.

Они закивали в знак согласия, зная об этом из предыдущих полетов. Он видел, что напряжение спало. Он также обратил внимание, что все пристально смотрели на Глока. Первым заговорил Лунный Человек, указав большим пальцем на Глока.

— Мы возьмем это с собой, Джонни?

— Временно, — ответил Дерек. — Вспомни, ведь он самый богатый человек на Земле.

— Я просто хотел, чтобы он был самым мертвым человеком на Луне!

— Я разделяю твои чувства, — сказал Дерек. — Но сейчас это невозможно.

Лунный Человек удалился.

— Этот человек убил бы меня, если бы не ты, — сказал Глок.

Дерек кивнул. — Каждый из них убил бы тебя, Раз.

— Но за что? Я ведь ничего не сделал. Я не изобретал вирусов и не выпускал их.

Кроме усталости, на лице Дерек появилась боль. — Я выпустил их, Раз, но неумышленно. Я только пытался дать рабам новый импульс к свободе.

Он посмотрел на Р-133, который также снял шлем со своего космического костюма.

— Ты забрал у этого человека его настоящее имя, Раз. Ты и система, которой ты руководишь. Ты сделал из него машину; ты дал ему номер вместо имени. Ты заставил его поменять свое законное имя на номер и на возбуждающие порошки, чтобы он мог ходить, и транквилизаторы, чтобы он мог спать.

— Ладно... — подавился Глок.

— Лучше бы он был обезьяной, но свободной обезьяной, а не человеком, прикованным к машине, — сказал Дерек.

— Машина дала ему безопасность, — ответил Глок. — Он никогда не был голодным, работая на меня. Обезьяна в любой момент может упасть с дерева. А там может лежать питон, поджидающий ее или леопард, подкравшийся из-за деревьев. Он свободен — для того, чтобы быть съеденным!

— Для того, чтобы преодолеть опасность, связанную с питоном или леопардом, обезьяна всегда должна быть на чеку. Опасность дает ей понять, что она должна стать лучше, чем есть. Опасность помогла ей стать человеком. Свобода всегда связана с опасностью, Раз. Фальшивая свобода, которая появляется в отсутствии опасности — это аллея для слепых!

Глок молчал. Его лицо из белого стало зеленым. Он выглядел раздутым и распухшим. Внутри него все бурлило. Он опустил голову на руки.

Дерек повернулся к Коттеру. Маленький ученый был так занят своими химикатами, что не заметил появления Джона. Когда Дерек подошел к Коттеру, его лицо осветилось улыбкой, которая, казалось, сгладила все морщины.

— Дерек! Как я рад, что вы вернулись! Все так ждали вас. Я не знаю, как отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали.

— Вам не нужно благодарить меня, — сказал Дерек. — Мы здесь долго не останемся.

На лице Коттера появилось сначала непонимание, затем удивление.

— Я думаю, это прекрасно, — сказал Коттер. — Я рад, что вы вместе с другими удалитесь в какое-то безопасное место.

— Мы улетаем все вместе, — сказал Дерек.

Коттер покачал головой. — Все, кроме меня, — ответил он.

Дерек задумался. Он пытался понять смысл услышанного.

— Я не понимаю вас, — сказал наконец Дерек.

— Все очень просто, — ответил Коттер. — Вся моя аппаратура находится здесь. Проблему голубых вирусов можно решить только здесь. Поэтому я должен остаться. — Он улыбнулся, лицо его было спокойным.

— Но вы же не останетесь здесь один, — сказал Дерек.

— Да. Я понимаю это. А теперь, извините, мне надо работать...

— Мы не можем оставить вас здесь, потому что вы нужны всему миру, — голос Дерек стал твердым.

— Спасибо, — сказал Коттер, застенчиво улыбаясь. — Но я принес вирус в Солнечную систему и несу за это ответственность. Правда, это была случайность, но тем не менее я виноват. Смерть людей лежит на моей совести. Я должен сделать все, чтобы устранить хаос.

У Джонни Дерек не было времени, чтобы переубедить этого маленького человека.

— Я не хочу прибегать к насилию... — начал Дерек.

Но Коттер перебил его. — Не вы ли так много говорили о свободе?

— Да, — признался Дерек.

— Тогда вы должны дать мне ее!

— Я пытаюсь, но...

— Существует и свобода умереть, если потребуется, — сказал Коттер.

Он был совершенно спокоен. Он так часто смотрел в глаза смерти, что не боялся ее.

— Конечно, — ответил Дерек. — Но если я предоставлю вам свободу умереть здесь, то погибнут другие люди, потому что вы выбрали свою свободу не вовремя. Время всегда являлось частью ситуации, сэр.

— Я понимаю это, — ответил Коттер. — Я также понимаю, что у вас нет времени, чтобы понять, почему я не могу бежать с вами. Вы пообещаете устроить другую лабораторию для меня и сделаете это, если сможете. Но для этого потребуются месяцы. Вы должны найти место для новой лаборатории, затем найти аппаратуру...

— Мы постараемся сделать все, как можно быстрее, — пообещал Дерек.

— Я не сомневаюсь в этом. Но мое сердце работает с перебоями, я чувствую, что у меня осталось немного времени. Это конец длинной дороги Джозефа Коттера, маленького Джон. Я должен закончить все именно здесь или умереть. И предупреждаю, что если вы примените силу, то унесете отсюда труп.

Дерек долго молчал, восхищенный храбростью Коттера, потом протянул ему руку.

— Клянусь Богом, я вижу настоящего мужчину! Мистер Коттер, я остаюсь с вами, чтобы исправить нашу совместную ошибку!

Коттер пожал руку Дерекa, а затем снова вернулся к своей работе. Джон Дерек начал готовить людей к эвакуации. И вот он оказался перед своей матерью.

— Если ты останешься, я тоже остаюсь, — сказала седая женщина. Сутулость ее исчезла. Она была снова стройной, как дерево.

Дерек посмотрел ей в глаза.

— Я родила тебя, я дала тебе жизнь, — сказала Мум. — Разве не имею я права умереть с тобой?

Джон Дерек не в силах был ответить, ком подступил к его горлу. Затем он взглянул на Джени.

Она подошла к нему и стала рядом.

— Если ты ищешь людей, преданных тебе, я тоже могу пригодиться, — сказала Джени.

— Но...

— Я должна родить от тебя сыновей, — продолжала Джени. — Они должны быть стройными, высокими и смелыми, и они должны быть свободными людьми. Поэтому я тоже остаюсь, Джонни.

Ее разум и сердце подсказывали, что именно так и должно быть. Она приподнялась и поцеловала Дерекa.

— Но кто-то должен остаться здесь и помочь маленькому Джон. И это должен быть я! — закричал Дерек.

— И кто-нибудь еще должен остаться здесь и следить, что бы вы вовремя ели, — ответила Джени.

— Все вы несете бессмыслицу! — с трудом проговорил Дерек.

Он отвернулся и увидел, что вокруг собрались люди со своими нехитрыми пожитками. Они внимательно наблюдали за Джоном.

— Не говорите мне, что и вы собираетесь остаться! — закричал он.

Их лица стали еще более мрачными. Но они не двигались. Вперед выступил Лунный Человек.

— Ты всегда говорил нам о свободе, Джонни, — сказал старик. — Мы знаем, что ты подразумевал свободу жить. Мы уважали тебя за все твои дела, за то, что ты был на нашей стороне... но если свобода жить что-нибудь означает, Джонни, она также включает в себя свободу умереть так, как мы хотим. Я уверен, что говорю от имени всех тех, которые пожелали здесь остаться с тобой и маленьким Джоном.

В знак согласия послышался шум, лица собравшихся выражали одобрение.

Дерек попытался говорить, но ком все больше сжимал его горло. Он посмотрел на Р-133.

— Лунный Человек не имеет права говорить за тебя, — сказал он, обращаясь к Р-133.

Р-133 подумал и ответил:

— Лунный Человек говорит и от моего имени. Если питон заглатывает обезьяну, если леопард поедает ее, то ей ничего не остается, как воспользоваться шансом и выбрать свободу, связанную с опасностью.

— Я не думал, что ты можешь так рассуждать, — сказал Дерек запинаясь.

Затем в наступившей тишине прозвучал голос Дженни Фарго:

— Твоим главным превосходством, Джонни, является то, что люди прислушиваются к тебе. В них просыпаются самые лучшие чувства и самые сокровенные мечты. Они пойдут за тобой.

Джон Дерек знал, что слышит слова самой высокой похвалы в своей жизни. Он не сомневался, что эти люди останутся и пойдут за ним, куда угодно.

Однако он понимал, что это не слепое повиновение. Дженни сказала правду. Это была преданность мечте. Все они, включая Маленького Джона, следовали за мечтой, которая была частью надежды для тех, кто еще не родился.

Странно, но в этот момент ему показалось, что даже тогда, когда во всей Солнечной системе исчезнет жизнь, где-то на далекой звезде люди снова понесут знамя мечты. Пусть в другой галактике, но такие люди должны быть!

Обезьяна боялась питона и леопарда. Питон и леопард по-прежнему живут в джунглях.

Но обезьяна стала человеком!

Вот так всегда должны развиваться события. Всегда нужно рисковать своей жизнью, чтобы сделать ее лучше!

В полной тишине Дерек уловил чье-то тяжелое дыхание. Так тяжело дышал Рэт. Он едва приполз. Когда Дерек подошел, Рэт гордо посмотрел ему глаза. Только один Бог знает, как Рэт умудрился проползти это расстояние. Жизнь уже давно должна была покинуть его. Но он так хотел добраться до своих друзей и рассказать им, что произошло.

— Они нашли отверстие..., через которое мы пришли, — прошептал Рэт, — один напал на меня, я не успел закрыть свой шлем. Туда... туда... — Он пытался указать направление, но потерял сознание.

Рэт положил голову на холодный каменный пол лунной пещеры. Он знал, что товарищи поняли его. Рэт умер счастливым.

Дерек поднял голову и посмотрел в темноту.

Далеко отсюда, как призрак смерти, танцевали в невидимой матрице голубые огоньки, а затем они исчезли.

ГЛАВА XII

Это был путь, по которому приполз теперь уже мертвый Рэт.

— Это отверстие закройте тоже, — приказал Дерек.

Два человека начали ковырять твердую скалу ломami, выламывая из нее куски, которые они использовали, чтобы закрыть отверстие. Затем Дерек и все остальные пошли дальше.

Но вирусов, которые убили Рэта, он не видел. Они, наверное, находились в больших углублениях.

— Это плохо, — сказал Дерек и тут же замолчал. Те, кто был с ним, тоже знали, что это плохо. Вирусы могли попасть сюда через сотни отверстий. Поэтому со временем нужно закрыть все эти отверстия. Но было ли у них время? Было ли время у Рэта, чтобы приползти? Но он все-таки приполз.

Двигаясь вперед, Дерек показывал то на одно отверстие, то на другое, приказывая своим людям остановиться и побыстрее закрыть их. Количество его людей уменьшалось, но он почти не замечал этого, переходя от отверстия к отверстию.

Он посмотрел вниз и отпрянул.

Там, в темноте, которая, казалось, вела к смерти, танцевали голубые огоньки.

Он не мог сказать, сколько там было вирусов. Казалось, что их были сотни. Они двигались к отверстию.

— Быстро закройте эту дыру! Это главный путь, по которому они попадают в пещеру!

Обернувшись, он увидел, что позади стоит грузная фигура в космическом костюме. Все остальные были чем-то заняты. Глок тяжело дышал.

Взглянув на него, Дерек понял, что от него нечего ждать помощи. Глок был испуган так, что еле держался на ногах. В проходе лежал огромный булыжник, который когда-то упал сверху и наполовину погрузился в пыль. Он был достаточно большим, чтобы закрыть отверстие. Дерек плечом уперся в него и попытался сдвинуть.

Дерек толкал булыжник до тех пор, пока не почувствовал, что его мускулы вот-вот разорвутся.

Глок стоял, уставившись на него.

— Помоги мне, Раз! — прошептал Дерек.

Жирная туша не сдвинулась с места.

— Раз, мне нужна помощь!

Глок уперся руками в бока.

— Ты просишь помощи у меня? — В голосе Глока звучало удивление и даже нечто большее — какая-то изумленная озадаченность. Это было похоже на то, будто Раз Глок всю свою жизнь был маленьким, а Джонни Дерек большим, и он не мог понять, как такой большой человек, как Дерек мог просить помощи у такого маленького, как Раз Глок.

— Да, — выдохнул Дерек, упираясь в булыжник.

Глок был поражен. У него просили помощи!

— Хорошо, Джонни. Я рад помочь тебе.

Глок был не только жирным. Под жиром скрывались мощные мускулы. Он упирался в булыжник до тех пор, пока его глаза чуть не вылезли из орбит.

Но булыжник не двигался с места.

— Давай еще попытаемся, Раз! — прохрипел Дерек. — Мы должны сдвинуть эту скалу!

Булыжник поднялся на дюйм, затем снова опустился на место.

— Еще раз! — прошептал Дерек.

Глок не двигался. Посмотрев в отверстие, он произнес три слова.

— Времени не осталось!

Здесь в этом темном ужасном месте он впервые увидел невооруженным глазом голубые огоньки, танцующие в двигающейся матрице. Раньше он видел их через очки в комнате своего офиса в Корпорейшн Билдинг. Теперь он увидел их без очков. И понял, что они собой представля-

ют. Дерек тоже увидел, что вирусы приближаются к отверстию и понял, что потерпел поражение. Страх охватил его. Он приложил столько усилий, он так старался, чтобы его соратники могли выжить и продвигаться вперед. Теперь он видел свое поражение и, более того, приближающуюся смерть.

— Мы должны закрыть это отверстие! — прошептал Дерек. Он даже не слышал своего голоса. — Мы должны это сделать!

— Все будет в порядке, — сказал Эразмус Глок.

Человек, который был президентом Супер Корпорейшн и управлял судьбами миллионов людей, человек, который относился к президентам корпораций как к мальчикам на побегушках, человек, который всегда казался таким большим, сделал три шага вперед и своей спиной закрыл отверстие, через которое могли пройти вирусы. Он закупо-рил отверстие.

Глок был одет в космический костюм, но и он, и Дерек знали, что даже прочная ткань не выдержит очень долго. Дерек посмотрел на него.

— Раз, но они же...

— Я знаю, что они сделают, — ответил Глок. Странное спокойствие было в его голосе.

Он говорил медленно, но больше не заикался.

— Я нашел что-то здесь, Джонни, что-то, что искал всю жизнь, что-то, о чем не говорил никому до сих пор. Я хочу сказать тебе это Джонни, потому что знаю, что ты поймешь меня...

— Раз!

— Я всегда хотел быть человеком среди людей, — продолжал Глок. Поэтому копил доллары. Я думал, что благодаря моему богатству люди примут меня. Теперь я понял, что для того, чтобы быть человеком среди людей, нужно совсем другое.

Он покачал головой, вспомнив свое прошлое. — Я был богат, мне было все подвластно. Мне льстили, меня хвалили другие люди, которые думали, что это поможет их делу, но я не был человеком среди людей.

— Я понимаю, — прошептал Дерек. — В глубине души ты всегда был жирным ребенком со всеми его страхами и скрытыми пороками.

— Когда ты ворвался в мой офис, и я заплакал, это не было притворством. Я бы все сделал, чтобы помочь тебе,

но у меня не хватило сил. Я должен был нанимать убийц. У меня не хватало смелости, чтобы самому убивать.

Голос Глока стих, затем он снова заговорил.

— Здесь, в пещерах я нашел что-то, неведомое мне раньше. Я увидел людей, которые готовы умереть вместе с тобой. Я увидел преступника, который прополз почти мило, чтобы предупредить тебя об опасности, и это только потому, что он был твоим другом, а ты — его.

Тело Глока плотно закрывало отверстие. Хотя он был в космическом костюме, вряд ли это спасло бы его.

— Я хотел стать членом твоего сообщества, Джонни, — прошептал Глок. — Говоря по правде, я еще больший преступник, чем Рэт. Я хочу быть одним из тех людей, которые желают умереть ради тебя и ради твоей мечты, которая выше нас всех.

Он был спокоен. Вдруг на лице отразился какой-то спазм боли, будто что-то ужалило его в спину. Но он не сдвинулся с места.

— Раз, мы должны убраться отсюда, — прошептал Дерек. Он подошел к толстяку, затем остановился, когда рука Глока протянулась к вороту космического костюма. Он вытащил крошечное оружие и направил его на Дерека.

— Отойди, Джонни, — сказал Глок. — Если ты попытаешься вытащить меня отсюда, я убью тебя.

Дерек удивленно посмотрел на пистолет.

— Да, он все время был со мной, — сказал Глок. — Ты и твои люди плохо обыскали меня.

— Но почему... почему ты не воспользовался им до сих пор?

— Я уже говорил тебе, Джонни, — ответил Глок. — Я не воспользовался им потому, что у меня было сокровенное желание стать человеком среди людей и присоединиться к твоему сообществу.

Снова боль исказила лицо Глока. И снова он потянулся к вороту своего космического костюма. На этот раз он достал какой-то пакет с бумагами и кинул его Дереку.

— Возьми, Джонни. Это для тебя.

Дерек поднял бумаги.

— Не читай их сейчас, Джонни, — сказал Глок. — Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся к своим людям. Уведи их.

— Это наше сообщество, Раз, — прошептал Дерек. — Теперь наше. Ты заслужил это право.

При этих словах на лице Глока, искаженном от боли, появилась улыбка. Это была настоящая улыбка, от всего сердца.

Страх больше не было! Он исчез навсегда.

— Иди, Джонни. Иди к твоему... нашему сообществу... и веди его.

В голосе Глока слышалось настоящее дружелюбие.

Он поморщился, когда что-то коснулось его спины, затем еще плотнее закрыл собой отверстие.

— Иди, Джонни.

Дерек пошел. Последнее, что он видел, — огромное тело Глока, по-прежнему плотно закрывающее отверстие. Голова его склонилась, но Эразмус Глок улыбался.

Глок умер, но также как и Рэт, он умер счастливым.

Когда Дерек вернулся в лабораторию Коттера, у него подкосились ноги. Он прислонился к стене и стоял так в надежде, что к нему вернутся силы.

Вскоре появились Мум и Дженни, но Дерек не мог подняться. Женщины присели возле него, и он обнял их. Это были единственные женщины, которые что-то значили для него. Сейчас ему показалось, что они слились в одну.

— Если мы победим в этом сражении, я попрошу тебя стать моей женой, — сказал он Дженни.

— Я знаю, — ответила она. — И я приму твое предложение.

Он нежно обнял ее. И она придвинулась к нему.

Голубой свет появился в коридоре. Может быть Глок упал, когда умер, а, может быть, вирусы нашли какой-то другой вход. Как они пробрались сюда не имело значения, но они были здесь. Дерек и Дженни наблюдали за голубыми огоньками.

Вирусы изменяли свою форму, становясь то шаром, то песочными часами, то окружностью. Каждый знал, что в них заключена смерть. И каждый затаил дыхание.

Справа, из темноты, тоже появились вирусы. Они встретились, как в танце, и, будто уловив запах жертвы, приблизились к трем людям, сидящим возле стены.

Откуда-то из темноты слева появилась зеленая полоса. К ней направились два голубых вируса. И мгновенно в неподвижном воздухе этой пещеры под поверхностью Луны началась странная битва.

— Помнишь, когда мы ехали на эскалаторе вниз, мы видели зеленых вирусов? — прошептала Дженни.

Дерек наблюдал за дракой, он видел, как зеленый вирус направился к одному из голубых. Он видел, как возникло белое сияние и зеленый вирус схватил голубого. Голубой вирус погиб.

Зеленые вирусы приблизились к Дереку, Мум и Дженни. Дерек поднялся на ноги.

— Они дружелюбны, — прошептала Дженни. — Подружись с ними.

Втроем они пошли в лабораторию Коттера. За ними, как преданные собаки, следовали зеленые вирусы.

Их становилось все больше и больше. Они, казалось, появлялись из какого-то невидимого источника.

Они вошли в лабораторию Коттера и чуть не задохнулись от изумления. Вся лаборатория, казалось, была заполнена зеленым светом.

Коттер сидел на вращающемся кресле. Зеленые вирусы покрывали его с головы до ног.

— Он... он умер? Неужели зеленые вирусы тоже против нас? — спросил Дерек.

Услышав эти слова, Коттер встал и направился к ним.

— Наконец-то я достал зеленых вирусов, — прошептал он. — И достиг успеха. — На его лице была улыбка.

— Вы покрыты ими, — сказал Дерек.

— Я знаю, — Коттер улыбнулся еще шире. — И как ни странно, они восстановили мои силы. Я снова чувствую себя молодым. Зеленые вирусы принесли мне новую жизнь с другой звезды.

Дерек промолчал.

— Когда они вычистят всю эту нечисть здесь на Луне, мы пошлем их на Землю, — продолжал Коттер. — Те, кто еще остался жив в Денвере или другой пораженной области, обнаружат, что воздух приобрел цвет жизни и стал зеленым!

Коттер продолжал улыбаться.

— Только подумайте! Новая жизнь для нашей планеты, для нашей старой планеты, для Земли!

Казалось, что он устремлен в будущее.

— Когда-нибудь, когда наш космический корабль достигнет звезды Росс-154, мы вернем ей этот дар новой жизни, сделаем ее более яркой и более прекрасной. Я вижу большие корабли, стартующие в тот мир, чтобы отдать в десятикратном размере то, что они отдали нам.

Он сделал паузу и посмотрел на Дерек.

— Все это ради вашего сообщества, Джонни, все это ради вас!

Дерек не смог ответить. Да и что он мог сказать? Все уже было сказано. Он почувствовал, что его ноги снова ослабели.

— Присядь, Джонни, — настаивал Коттер. — Присядь и отдохни. Ты заслужил это. — Дерек уселся на пол. Он по-прежнему обнимал двух женщин. Одна из них дала ему жизнь, а вторая должна была ее продолжить.

Зеленые вирусы приближались к ним, у них был цвет растительности, цвет самой жизни. Счастливый, как дитя, Джозеф Коттер, наблюдал, как зеленые вирусы покрывают их. Когда вирусы коснулись его, Дерек почувствовал прилив новых сил. Это происходило медленно и постепенно.

Жизнь! Сама жизнь входила в него! Жизнь от другой звезды на краю мира! Он поднялся на ноги. Да, маленький Джон говорил правду. Зеленые вирусы были носителями жизни!

Дерек видел, как они забирались в чаны, где фокусировалась энергия высокой частоты. Счастливый Коттер хотел рассказать обо всем этом странном чуде, которое они видели. Но у Дерека было другое на уме. Он увидел Лунного Человека и старину Джупа.

Оба улыбались. Он также видел изумленного, но счастливого Р-133. Но не все парни вернулись. Дерек знал, что Раз никогда не вернется. У него в руках остались бумаги Глока. Он развернул их и начал читать.

— Это последняя воля и завещание Эразмуса Глока. Все, чем я обладаю, и все, что я накопил, завещаю своему сообществу, а главным распорядителем я назначаю Джона Дерека, который будет использовать это состояние для развития сообщества.

— Он... он отдал мне Супер Корпорейшн. Он отдал ее нам! Мы теперь ее хозяева, но что мы будем делать с ней?

Дерек посмотрел на лица своих друзей. Они были покрыты зелеными вирусами. Лунный Человек и старина Джуп выглядели, как дети.

— Я решил, что у меня будет новое имя, — сказал Р-133, — отныне называйте меня Эдом.

— Конечно, — ответил Дерек. — Ты всегда будешь Эдом.

Эд, который всегда был рабом машины под номером Р-133, улыбнулся. С детства у него был номер вместо имени. Теперь у него было имя. Его звали Эд. Ему нравилось, что у него есть имя.

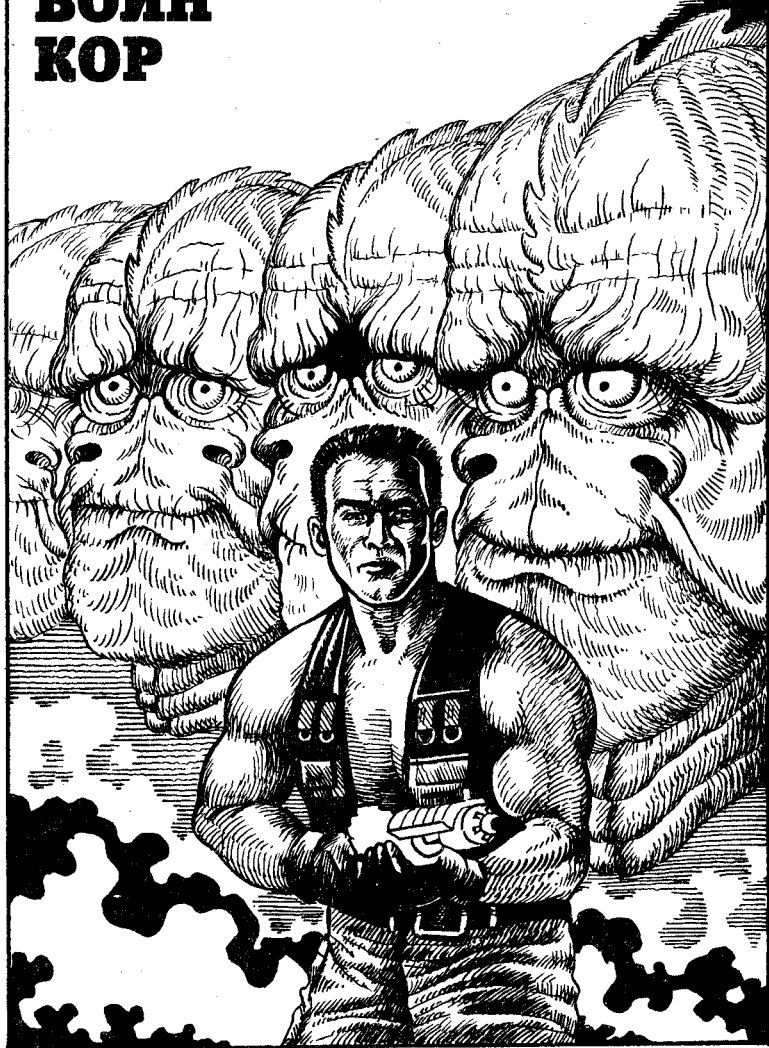
Дерек притянул к себе мать и Дженни. Он думал о том времени, когда осуществится мечта Джозефа Коттера, и люди вернутся с далекой звезды, отдав свой долг миру вирусом.

Это обязательно произойдет.

В Джоне Дерекке снова воскресла жизнь. Он почувствовал удовлетворение, которое он никогда не испытывал.

ТЕРРИ КАРР

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВОЙН КОР

TERRY CARR
WORLD
OF KOR

1963

ГЛАВА I

Ли Райнасон подался немного вперед, чтобы лучше видеть перо самописца — машинного переводчика, выводившего труднопереводимый смысл того, что с такой натугой выдавливалось из себя массивное серое создание, пытавшееся перевести свои воспоминания в слова, которыми представители его народа не пользовались вот уже тридцать тысяч лет. В разреженной атмосфере Хирлая самописец беззвучно скользил по поверхности пластилиновой бумаги; единственными звуками в этом старинном здании были неожиданные для такого массивного создания высокие и тонкие нотки его голоса, которые оно издавало с большими паузами.

Райнасон не вслушивался в звуки голоса аборигена — к этому времени он уже достаточно его наслушался, и сейчас его высокий неприятный тон, напоминавший хруст старого пергамента, лишь вызывал раздражение. Он наблюдал лишь за прерывистыми движениями самописца, который бесстрастно выводил:

ТЕБРОН МАРЛ БЫЛ НАШ... СВЯЩЕННИК КОРОЛЬ
ГЕРОЙ. НЕ СВЯЩЕННИК, НО ТОТ, КТО ЗНАЕТ...
ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ СВЯЩЕННИК.

Райнасону, худощавому светловолосому мужчине, было под тридцать. Глубокий шрам от удара ножом прочертил резкую линию на лбу, как раз над правым надбровием. Его глаза, цвет которых был карий, а, возможно, и зеленый — освещение на Хирлае было весьма обманчивым —

сузились от внутреннего напряжения. Он взял микрофон и спросил:

— Как давно это было?

Перо самописца прочертило и вопрос землянина, но Райнасон не обратил на это внимания. Он взглянул снизу вверх на массивную фигуру аборигена, отмечая, как его глаза медленно закрываются — настолько медленно, что невозможно было понять, дошла ли до существа суть вопроса. Автопереводчик мог ввести вопрос непосредственно в мозг аборигена, обладающего телепатическими способностями, но не было никакой гарантии, что он его поймет.

Глаза, неотрывно смотревшие на Райнасона, медленно закрылись, потом так же медленно раскрылись снова, и через некоторое время послышался сухой голос хирлайца: **ВЕЛИКИЙ ВЕК БЫЛ ВОСЕМНАДЦАТЬ ПОКОЛЕНИЙ ТОМУ НАЗАД... СЕМЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.**

Райнасон быстро перевел эти данные в 8200 стандартных лет Земли, затем подсчитал, что это соответствовало примерно семнадцатому веку — то есть периоду Реставрации в Англии, когда происходила колонизация западного полушария Земли. А на Хирлае этот отрезок означал восемнадцать поколений. Он продиктовал эти данные в микрофон для записи, сел поудобнее и распрямился.

Они сидели среди руин просторного зала. Каменный пол был покрыт толстым слоем пыли. Сухие, жесткие растения пробивались из трещин и разломов в каменных стенах, пересекаясь с тенями, прочертившими все запыленное внутреннее пространство здания. Время от времени маленький проворный зверек спрыгивал со стены, чтобы беззвучной стрелой пересечь зал и скрыться в тени.

Над Райнасоном нависал огромный, построенный в чисто хирлайском стиле купол; на фоне лазурного небосвода он смотрелся как мрачная тень. Линии созданных когда-то давно обитателями этой планеты архитектурных сооружений были обманчиво простыми, но Райнасон уже успел обнаружить, что, если следовать логике линий и углов, голова пойдет кругом. В этих старинных архитектурных линиях присутствовало какое-то свойство, которое являлось непостижимым для сознания землян; казалось, что древние жители Хирлая, создавая их, руководствовались геометрическими законами, которые слегка отличались от действовавших на Земле. В частности, гипнотически привлекали взгляд Райнасона изгибы силуэта арки. Вот и сей-

час он поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от этих причудливых форм; чтобы избавиться от этого геометрического наваждения, он энергично потряс головой и повернулся в сторону сидящего напротив аборигена.

Имя этого создания, если его перевести на алфавит землян, было Хорнг. Голова аборигена была серой и лысой, с обветренной кожей. Легкие провода переводчика были прикреплены зажимами в глубоких выемках на висках. Массивные костлявые выступы, окружавшие спрятанные в тень глаза, были посажены низко, прямо над широким ртом, который казался постоянно открытым из-за отвисшей нижней части: такое устройство дыхательных путей позволяло этому коренному жителю планеты Хирлай заглатывать воздух глубокими судорожными вдохами. Две атрофированные ноздри располагались симметрично по сторонам лица-морды чуть ниже глаз. Шея была настолько толстой и массивной, что ее практически не было совсем; поэтому голова непосредственно переходила в плечи и далее в туловище, на котором высохшая кожа была настолько тонкой, что Райнасон мог даже разглядеть массивные кости грудной клетки. Две короткие, согнутые внутрь руки свисали с плеч, заканчиваясь четырехпальными ладонями, на которых тупые пальцы были расположены в два находящихся друг против друга ряда; Хорнг постоянно двигал ими. Нижнюю часть туловища составляли две ноги с сильно развитой мускулатурой, сочлененные таким образом, что имели возможность двигаться как вперед, так и назад. Ноги заканчивались четырьмя пальцами, выглядевшими как обрубки; они расходились в разные стороны от центра. Хирлаец носил свисавшее с головы и подвязанное бечевкой ниже груди темное одеяние из чего-то, напоминавшего вискозу.

С момента прибытия на планету и в течение трех недель, Райнасон, входивший в бригаду археологов из пятнадцати человек, интервьюировал Хорнга почти каждый день, но до сих пор не мог привыкнуть, что имеет дело с обладающим интеллектом существом. Хорнг был настолько медлительным и необщительным, что казался кучей кожи, или ставшего ненужным хлама, скапливающегося обычно по чердакам. Но он действительно обладал интеллектом, и было похоже, что в его сознании сосредоточена вся история его расы.

Райнасон снова взял в руки микрофон автопереводчика:

— Теброн Марл был королем Хирлая?

Глаза Хорнга медленно закрылись и снова раздвинулись. Самописец записал его ответ:

ТЕБРОН МАРЛ БЫЛ ПРАВИТЕЛЬ ВОЖДЬ В РАЙОНЕ ШАХТ. ОН ОБЪЕДИНИЛ ВСЕХ ХИРЛАЙЦЕВ И БЫЛ СВЯЩЕННИК ПРАВИТЕЛЬ.

— Как он объединил планету?

ТЕБРОН ЖИЛ В КОНЦЕ ВЕКА ВАРВАРСТВА. ОН ЗАВОЕВАЛ ПЛАНЕТУ НАСИЛИЕМ И ИЗГНАЛ ДРЕВНЮЮ КАСТУ СВЯЩЕННИКОВ ИЗ ЗАМКА.

— Но правление Теброна Марла запомнилось как эра всеобщего мира.

КОГДА ОН БЫЛ СВЯЩЕННИК КОРОЛЬ ОН СОХРАНЯЛ МИР. ОН ПОКОНЧИЛ С ЭРОЙ ВАРВАРСТВА.

Райнасон вдруг подался вперед, следя за тем, как самописец регистрирует этот ответ.

— Выходит, Теброн покончил с войнами на Хирлас?

ДА.

Райнасон вдруг ощутил, как все его существо охватило возбуждение. Это было именно то, что они пытались найти все это время — ту самую точку в истории планеты, когда было покончено с войнами, когда хирлайцы полностью перешли к мирной жизни. Он уже знал, что этот переход носил резкий и единовременный характер. Это был последний знак вопроса в краткой истории планеты, которую составляла прибывшая бригада исследователей. Загвоздка заключалась в получении ответа на вопрос — как хирлайцам удалось так резко и внезапно установить на своей земле эру мира, которая вплоть до настоящего времени ни разу не прерывалась.

Трудно было даже мысленно представить этих огромных, неповоротливых созданий в роли воинов. Но когда-то они были воинами, причем на протяжении тысяч лет, постепенно создавая свою культуру и науку до тех пор, пока не прекратились войны. С того времени хирлайцы становились все более самодовольными, пассивными и, в конечном счете, пришли в упадок. И вот сейчас от всей этой расы осталось что-то порядка двух дюжин.

Они обладали телепатическими способностями, эти обтянутые собственной кожей аборигены, сохранившие историческую память своего народа. Опыт всех поколений на протяжении веков телепатически передавался каждому индивидууму; образовался банк памяти, который делил каж-

дый оставшийся в живых хирлаец. Они, конечно, не могли объединить в своих собственных умах весь этот огромный объем информации и четко разобраться, что она представляет собой. Но как бы там ни было, все воспоминания были при них.

Все это было как для Райнасона, так и для остальных членов бригады одновременно и благодатью, и тяжким испытанием. Да, они были опытными археологами... натасканными в этом предмете настолько, насколько им давала возможность работа в этом далеком секторе удаляющегося от планеты Земля Края, как называли границу того, чего достигла во Вселенной экспансия землян. Райнасон умел не только работать с портативными карбоновыми самописцами, но и ремонтировать их; он владел тонкостями извлечения предметов обихода и искусства из пластов культурного слоя почвы чужих планет и их восстановления. Он имел уже такой опыт в анатомии инопланетян, что мог по крайней мере высказать обоснованное суждение о реконструкции существ по фрагментам окаменелых остатков или не полностью сохранившихся скелетов... или того, во что эти скелеты превратились со временем.

Но на Хирлае была ситуация, с которой они до этого никогда не сталкивались. Здесь Райнасону пришлось иметь дело не с остатками мертвых цивилизаций, а с живыми представителями одной из них. Здесь работа заключалась не в просеивании и анализе фрагментарных свидетельств о науке, ремеслах и обычаях, не в склеивании в единую картину отрывочных свидетельств, которые удавалось найти, как это они делали, например, с предметами быта Пришельцев извне — неизвестных существ, оставивших руины своих сторожевых постов и поселений на шести галактиках, уже исследованных и заселенных землянами; все, что требовалось от археологов здесь — это правильно ставить вопросы и получать на них готовые ответы.

Находясь под массивным куполом, напротив этих устрашающе спокойных глаз сидящего напротив аборигена, Райнасон не мог полностью подавить в себе ощущения комичности создавшейся ситуации. Проблема заключалась в том, что на хирлайцев нельзя было положиться. Вся информация, которая относилась к исторической памяти расы, располагалась в мозге неупорядоченно, поэтому все, что оставалось делать исследователям, — только пробовать наугад различные фрагменты памяти до тех пор, пока не

удастся случайно наткнуться на нужный участок, и уже от него следовать дальше. В результате получаемая информация была не всегда надежной.

Но теперь, казалось, он подобрался к чему-то определенному. Поработав три недели с Хорнгом, постепенно познавая особенности его чужеродного для человека менталитета, он наконец напал на что-то, что могло оказаться поворотным пунктом в истории цивилизации Хирлая.

Хорнг говорил, и Райнасон повернулся посмотреть, что выводит движущееся по бумаге перо электронного переводчика.

ТЕБРОН ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ПОСВЯТИЛ ОБЪЕДИНЕНИЮ ХИРЛАЙЦЕВ. СНАЧАЛА ПУТЕМ ЗАВОЕВАНИЙ, А ЗАТЕМ... ЗАКОНОМ О ВОЖДЕ. ОН ЗАПРЕТИЛ... НАУКУ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОИСКИ, КОТОРЫЕ РАЗЪЕДИНЯЛИ ХИРЛАЙЦЕВ.

— Что это были за науки?

Хорнг снова закрыл и открыл глаза.

МНОГИЕ ИЗ НИХ ЗАБЫТЫ.

Райнасон взглянул на аборигена, который сидел на грубом камне, отдаленно напоминавшем что-то похожее на лавку.

— Но ваша раса не забывает.

ЧАСТИ ПАМЯТИ НАХОДЯТСЯ ОЧЕНЬ ГЛУБОКО И ИХ ТРУДНО РАЗЫСКАТЬ. В ОТНОШЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПАМЯТИ НИКОГДА НЕ БЫЛО ПОПЫТОК ИЗВЛЕЧЕНИЯ.

— Но ты можешь вспомнить их, если попытаешься?

Голова Хорнга склонилась в сторону, что являлось характерным для него движением, которое Райнасон пока еще не мог никак интерпретировать. Затененные морщинистые глаза медленно закрылись.

ВСЯ ПАМЯТЬ НА МЕСТЕ. ЭТО УЧЕНИЕ КОРА. МНОГОЕ ИЗ НЕГО ЯВЛЯЕТСЯ НАУКОЙ О ВОЙНЕ.

— Ты уже однажды упоминал Кора. Кто это?

КОР БЫЛ БОГ ЗНАНИЕ.

Райнасон нахмурился. Переводчик автоматически переводил термины, которые не имели надежной параллели в языке землян, путем выдачи двух или трех слов со смежными понятиями, и обычно смысл был достаточно ясен. Но в данном предложении это было не так.

— Бог и знание в нашем языке являются разными понятиями, — сказал он. — Можешь ли ты более полно разъяснить значение этого термина?

Хорнг тяжело переместился на своем сидении, его короткие пальцы стали более энергично биться друг о друга.

КОР БЫЛ ЕСТЬ СУЩЕСТВО КОТОРОЕ МЫ ПОЧИТАЕМ ВОСХИЩАЕМСЯ ПОДЧИНЯЕМСЯ СЛЕДУЕМ. ТАКЖЕ СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ НАУКИ ПОИСКА.

Райнасон, следя за движением самописца, сжал губы.

— Хм, — произнес он неуверенно, сопроводив это междометие пожатием плеч. Было очевидно, что Кор являлся каким-то из видов божества, но переводчик, казалось, был не в состоянии передать смысл термина более точно.

— В чем заключалось учение Кора?

Когда перо закончило прочерчивать свой путь по бумаге, записывая вопрос Райнасона, наступила тишина. Райнасон посмотрел на Хорнга. Глаза аборигена были закрыты, он сидел неподвижно, напоминая всем своим видом гигантскую статую, являясь как бы составной частью интерьера зала. Райнасон ждал.

В сухом воздухе пустого зала повисло молчание. Углом глаза Райнасон увидел, как через зияющее окно пролетел стрелой маленький темный мусоришник. В наступившей тишине ему показалось, что он даже слышит шум временного городка, который земляне соорудили на расстоянии чуть меньше мили от руин Хирлая, и где бродяги, искатели приключений и кепоседы успели воздвигнуть изгромождение сборных металлических зданий.

— В чем заключалось учение Кора? — повторил свой вопрос Райнасон, пытаясь отвлечься от мысли о всем дешевом и грязном, чем был примечателен этот пост землян на краю мира, самым беснорядочным образом застроенный в такой близости от куполов Хирлая.

Он почувствовал, как спокойный, отягощенный многими веками, взгляд Хорнга остановился на нем.

ОНИ БЫЛИ ЕСТЬ ТЕМИ НАУКАМИ ПОИСКАМИ КОТОРЫЕ КОР ОБЪЯВИЛ ПРОИНФОРМИРОВАЛ ЯВЛЯЛИСЬ СВЯЩЕННОЙ ЧАСТЬЮ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

— Частью Кора?

Голова Хорнга склонилась в сторону.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ТАК.

— Как это стало известно? Теброн лишил жрецов власти, не так ли?

ТЕБРОН ЗАМЕНИЛ ЖРЕЦОВ. ЗНАНИЕ БЫЛО ПЕРЕДАНО ТЕБРОНУ.

— Включая информацию о том, что эти знания запрещены?

Хорнг подался вперед, при этом создалось впечатление, что пришел в колебание массивный каменный блок. Его пальцы быстро задвигались и успокоились.

ПАМЯТЬ СПРЯТАНА ГЛУБОКО. ТЕБРОН ОБЪЯВИЛ ЭТОТ ЗАПРЕТ ВСКОРЕ ПОСЛЕ КОНТАКТА С КОРОМ.

Голова Райнасона резко отпрянула от автопереводчика:

— Теброн разговаривал с Кором?

После наступившей паузы наконец раздался резкий голос Хорнга:

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ТАК. ЭТО БЫЛ... КОНТАКТ ПО КАНАЛАМ СВЯЗИ. ТЕБРОН БЫЛ КОРОЛЬ ЖРЕЦ.

— Выходит, Теброн объявил о запрете от имени Кора. Когда это произошло?

ЗАПРЕТ НА ЗНАНИЕ БЫЛО ПЕРЕДАНО ХИРЛАЮ КОГДА ТЕБРОН ПРИНЯЛ ВЛАСТЬ ПРАВО.

— В тот же день?

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ. ТЕБРОН СВЯЗЫВАЛСЯ С КОРОМ СРАЗУ ПОСЛЕ СМЕЩЕНИЯ ЗАМЕНЫ ЖРЕЦОВ.

Райнасон, следивший за ответами Хорнга, нахмурился. Получается, что этот король незапамятной эры вступал в контакт, возможно, телепатический, с богом хирлайцев. А не мог ли он просто обмануть, что якобы вступал в такой контакт, с целью упрочить свою власть? Но тот факт, что все представители расы обладали телепатическими способностями, делал такое предположение сомнительным.

— Имеется ли в памяти содержание беседы Теброна с Кором? — спросил он.

Глаза Хорнга закрылись и открылись в знак понимания вопроса, но вместо ответа абориген вдруг встал на ноги. Он медленно прошел мимо Райнасона к основанию длинного, изгибающегося пролета лестницы, которая вела вверх к пустому куполу; провода переводчика потянулись за ним. Райнасон двинулся было, чтобы отключить фишку с проводами, но Хорнг остановился у основания лестницы, устремив свой взгляд вверх. Под тем местом, где лестница обрывалась, была большая куча обломков.

Райнасон мягко спросил Хорнга:

— Что ты делаешь?

Хорнг, все еще глядя вверх, склонил голову набок:
В ЭТОМ НЕТ НИКАКОЙ ЦЕЛИ.

Затем он повернулся и медленно направился назад к своему каменному сидению.

Райнасон криво усмехнулся. Он уже начал привыкать к таким нелогичным поступкам Хорнга, мышлению которого, казалось, недоставало последовательности. Было похоже, что восприятие им действительности было таким же неупорядоченным, как и бессистемное нагромождение в тайниках его мозга блоков исторической памяти. Да и что с него возьмешь...

Но он, конечно, не был безумцем; просто его мышление протекало в соответствии с законами, неизвестными землянину. Райнасон постепенно начинал если не понимать такой странный для него способ мышления, то, во всяком случае, относиться к нему с уважением.

— Имеется ли в памяти содержание беседы Теброна с Кором? — снова спросил он.

ТЕБРОН СВЯЗЫВАЛСЯ С КОРОМ СРАЗУ ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ЖРЕЦОВ. ЭТО ПРОИЗОШЛО В ХРАМЕ.

— Имеется ли память о том, о чем они говорили?

Хорнг сидел молча; казалось, что он пребывает в глубоком раздумье. На протяжении нескольких минут от него не поступало никакого ответа. И вот наконец:

ПАМЯТЬ СПРЯТАНА ГЛУБОКО.

— Можешь ли ты вспомнить, что именно было сказано?

Голова Хорнга снова склонилась набок в его обычной странной манере; Райнасон видел, как в том месте, где голова плавно переходит в туловище, нервно задергался мускул.

ЭТИ БЛОКИ ПАМЯТИ СПРЯТАНЫ ТАК ГЛУБОКО. Я НЕ МОГУ ДОБРАТЬСЯ ДО НИХ.

Райнасон задумчиво смотрел на бумагу, пока перо самописца прочерчивало на ней этот ответ. Что могло повлиять на память и загнать ее блоки так глубоко?

— Можешь ли ты найти в каком-нибудь другом блоке памяти Теброна какие-либо его мысли о Коре?

ДА. ТЕБРОН ВСПОМИНАЛ О ТОМ, ЧТО ВСТУПАЛ В КОНТАКТ С КОРОМ, НО ЭТИ БЛОКИ НЕЧЕТКИЕ. НЕТ НИЧЕГО ЯСНОГО.

Хирляйца вдруг бросило в дрожь, все его огромное тело завибрировало от какого-то внутреннего напряжения, которое даже передалось через автопереводчик, из-за чего перо самописца задрожало и прыгнуло вперед, вычерчивая

на бумаге зубчатую линию. Райнасон уставился на аборигена, ощущая, как по спине пробежал какой-то холодок, который, казалось, достигает его грудной клетки, легких. Массивное создание дергалось, как бы предвещая сильное землетрясение; его глаза с каким-то диким выражением выглядывали из глубоких глазниц. Райнасон физически ощущал, что этот взгляд давит на него, как тяжелое темное одеяло. Он медленно поднял микрофон переводчика.

— Ваша раса не забывает, — мягко произнес он. — Почему ты не хочешь вспомнить содержание этой беседы?

Хорнг крепко сжал свои четырехпалые ладони, от чего сухожилия на его массивных запястьях проступили мощными глыбами; это человеко-животное так тяжело и долго втягивало в себя воздух, что звук его дыхания наполнил весь огромный объем помещения под куполом.

НИЧЕГО НЕ ЯСНО. НИЧЕГО НЕ ЯСНО.

ГЛАВА II

Поселенцы-земляне, не мудрствуя лукаво, присвоили своему городку имя Хирлай, потому лишь, что там располагался космопорт. Этому новому городку от роду было всего несколько месяцев, но блестящие поначалу металлические сплавы, из которых были сделаны стены и крыши домов, уже успели покрыться толстым слоем пыли и царапинами — следствие частых в этих местах пылевых бурь. Проходы между домами были завалены мусором с таким же отвратительным запахом, как на любой свалке другой планеты, куда успели добраться люди. Мелких юрких животных было здесь изобилие; они искали и находили себе пропитание на улочках и окраинах города, где улицы либо упирались в огромные кучи мусора и новые кладбища, либо естественно переходили в пустыню без каких-либо дорог — там обычно совершали посадку звездолеты.

Сейчас улицы были заполнены землянами — подвыпившими, ссорящимися, дерущимися, смеющимися и ругающимися нецензурной бранью, спорящими из-за денег, из-за власти, а иногда — из-за женщин. Женщин, обитавших в этом городке, трудно было назвать нежными и ранимыми; они были, как правило, весьма самостоятельными и

привыкли брать от жизни все, что, как они считали, им было положено по праву слабого пола. Магазины делали здесь неплохие деньги, взвинчивая на все цены до умопомрачительной отметки в периоды между прибытиями транспортов из внутренних миров. Бары и игорные дома были открыты всю ночь; дешевые меблированные комнаты, харчевни и прачечные объявляли о своем предназначении написанными от руки вывесками, вывешенными снаружи.

Райнасон с трудом пробился сквозь плотную толпу у входа в бар. Его вызвал сюда для разговора руководитель исследовательской группы Райс Маннинг, который, едва ступив на почву Хирлая, пытался любой ценой ускорить ход исследовательских работ. Маннинг был тяжелым в общении и амбициозным — созданный специально для руководства другими, иронически подумал Райнасон, осматривая столики, которыми был плотно заставлен затемненный зал бара. Полом бара служил грязный сплав металла с пластиком, уже изрядно поцарапанный, а местами покрытый пятнами крови. Столики, какие можно было увидеть в любой забегаловке миров, снабжавшихся из космоса, были изготовлены из дешевых, легких металлов, что делало их весьма неустойчивыми.

Помещение с низким потолком было заполнено почти до отказа. Райнасон не знал многих по имени, но большинство лиц были ему знакомы. Эти типичные для краевых миров личности, которым хотя и недоставало денег, образования, а зачастую ума и, как правило, манер, имели по крайней мере одно качество — они не вписывались в те полдюжины более удобных для нормальной жизни центров, которые устраивали обладавших более развитой культурой граждан цивилизованных внутренних миров, обустроенных Федерацией Землян. Эти люди были слишком свободолюбивы, чтобы подчиняться групповым интересам, правившим центрами империи.

Из этой компании выделялся Ренэ Мальхомм; Райнасон сразу же заметил его в одном из углов зала. Его рост составлял шесть с половиной футов, он обладал сильно развитой мускулатурой и несколько диковатым взглядом; его тронутые сединой волосы свисали на грязный лоб и закрывали уши. Его как всегда окружала компания смеющихся и что-то выкрикивающих мужчин. Райнасону трудно было определить на расстоянии, вел ли этот человек жаркий спор по вопросам религии, или оседлал своего вто-

рого конька — бахвальство бесчисленными историями, связанными с женщинами, которых он, по его собственному выражению, “причащал”. Сейчас он размахивал над головой плакатом со словом “ПОКАЙТЕСЬ!”, написанным черными буквами.

Райнасон обнаружил Маннинга сидящим в глубине зала под дешевой копией картины Пикассо, изображавшей обнаженную женскую натуру с преобладанием холодных цветовых тонов — в худшем вкусе заведений подобного рода. Маннинг был не один. Райнасон узнал эту женщину — Мара Стефенс, отвечавшая в их группе за связь и снабжение. Она была странной девицей — погруженной в себя, хотя ее нельзя было назвать нелюдимою; во всяком случае, она держала себя со спокойным достоинством. Странно, что могло быть общего между нею и этим типом?

Проходя к столу, он заказал официанту порцию выпивки. Мальхотт заметил его:

— О, кто к нам пожаловал! Ли Райнасон! Иди сюда и составь мне компанию в покаянии! Отдай свою душу Богу, а деньги бармену, ибо, как сказал пророк, я высох! Иди к нам!

Райнасон криво усмехнулся и покачав головой, прошел мимо. Он придвинул один из стульчиков из легкого металла и сел рядом с Марой.

— Вы хотели видеть меня, — обратился он к Маннингу.

Маннинг посмотрел на него с деланным удивлением.

— Ли! Ах, да! Садись. Сейчас я закажу тебе выпивку. Видимо, он был в игривом настроении.

— Я уже заказал, — ответил Райнасон. — Так в чем же наши проблемы на этот раз?

Маннинг в широкой улыбке показал все свои зубы:

— Никаких проблем, Ли. Совершенно никаких. По крайней мере, если ты сам не захочешь создать какую-нибудь. — Он приветливо улыбнулся. — Сегодня я получил хорошее известие, слава богу. Расскажи ему, Мара.

Райнасон повернулся к девушке, на лице которой застыла улыбка.

— Я только что проходила мимо аппаратной телесвязи, — сказала она. — Маннинг имеет неплохие шансы на губернаторство в этом городке. Ожидается, что Совет объявит это решение в течение двух недель.

Райнасон спокойно посмотрел на Маннинга:

— Поздравляю. Как это случилось?

— У меня есть некоторые связи. Один из моих приятелей знаком кое с кем из больших боссов. Устраивает приемы и всякое такое. И он замолвил за меня слово.

— По-моему, это не совсем по вашей части, не так ли?

Маннинг откинулся на спинку стула. Это был крупный человек с густыми темными волосами и грубыми чертами лица. Его борода, подстриженная таким образом, что образовывала тонкую линию под подбородком, была в моде во внутренних мирах.

— Это по моей части, — ответил он. — Боже, именно к этому я стремился, когда взялся за эту проклятую работу. Исследовательские группы идут здесь по десять центов за дюжину, Ли. Это не работа для настоящего мужчины.

— Но здесь мы столкнулись с особым случаем, — стараясь, чтобы его голос звучал бесстрастно, произнес Райнасон, глядя почему-то на Мару. Она улыбнулась ему. — Нам прежде никогда не приходилось встречаться с вневременной расой, обладающей интеллектом.

Маннинг снисходительно рассмеялся и сделал большой глоток из своего стакана.

— Двадцать шесть паршивых лошадиных морд, и ты считаешь это важным открытием! Нет, Ли, это мелочь. Кстати, где гарантия, что кто-нибудь уже не встретился с другой обладающей интеллектом расой где-то на другом конце Края? Ведь связь не совсем надежная, и мы можем просто не знать об этом. Все, что мы обнаружили здесь, значит ничуть не больше, чем весь этот хлам и пепел, который оставили нам Пришельцы.

— Да, но то, что обнаружено здесь, все же уникально, — вставила свое слово Мара.

— Я тебе сейчас объясню, насколько это уникально, — ответил Маннинг, наклонившись вперед и со стуком поставив свой стакан на стол. — Ровно настолько, насколько я изображу все в своем отчете в Совет, и не больше. Я могу сделать так, чтобы это звучало немного впечатляюще.

Райнасон сжал губы, но ничего не сказал. Официант принес его выпивку, и он бросил на стол зеленую монетку. Затем, облокотившись о спинку стула, взял в руки стакан и немедленно выпил.

— И это должно стать вашим козырем перед Советом? — задал он прямой вопрос своему начальнику. — Значит, вы

докладываете им, что Хирлай является важной археологической зоной, и за это Совет назначает вас губернатором?

— Примерно так, — кивнул Маннинг. — Это, а также мой приятель в управлении Семнадцатого региона. К сожалению, он идиот и жлоб — включает свой квадроочувствительный телемуз, сидит кайфует, вместо того чтобы вкалывать. Дошел до того, что пьет какую-то дешевую бурду производства своего собственного сектора. Нет, я не в силах выдерживать его. Но я как-то сделал ему пару одолжений, и теперь это оказалось как нельзя кстати.

— Просто чудесно, как администрация пограничных миров заботится о поселенцах, — спокойно заметила Мара. Приятная улыбка все еще играла на ее лице, но в этой улыбке угадывалась ирония, которая вдруг поразила Райнасона.

Он знал, что именно она имела в виду. Невинное стремление Маннинга к власти не было чем-то необычным или шокирующим в политике землян относительно краевых поселений. В связи с быстрым расселением по Краю на протяжении последних столетий политика Конфедерации в отношении границ успела приспособиться к скоропалительным и не всегда оправданным назначениям губернаторов во вновь осваиваемых районах. Когда-то в старые времена пытались направлять туда специально обученный персонал из региональных управлений, но все это, как правило, было обречено на неудачу: перелеты между звездами были не столь быстрыми, в результате часто оказывалось, что губернаторы прибывали после того, как местные органы власти уже были учреждены; это не раз приводило к стычкам.

Поэтому была введена в действие Система Местной Автономии, и колонисты всегда поддерживали администрацию, сформированную из своих людей, которые, по крайней мере, были знакомы с обстановкой в поселениях. Но поскольку это всегда накладывало ограничения в выборе кандидатов на пост губернаторов на Краю, приходилось соглашаться с назначениями различного рода проходимцев и искателей приключений, прибывших к далеким берегам внешних миров. В результате, как правило, местная администрация была весьма коррумпированной. И хотя формально региональные Советы оставили за собой право назначать губернаторов, фактически вновь образуемые поселения на Краю обладали полной автономией. Некоторые

наиболее красноречивые критики Системы Местной Автономии прозвали ее Гениальной Системой Коррупции; впоследствии такое определение превратилось едва ли не в официальное наименование.

В целом Система стремилась к открытым границам — хаотическим, диким, неупорядоченным, но богатым. Потому что миры на Краю являли собой непокорные образования, и политика Советов была рассчитана на привлечение к управлению людей, которые не только могли, но и стремились к тому, чтобы держать границы открытыми.

Райнасон пристально посмотрел на сидевшего напротив Маннинга. Его взгляд был характерен для людей, стремящихся к власти. Райнасон уже давно был знаком с условиями жизни на Краю — его отец много путешествовал на звездолетах коммерческих линий — и он не раз видел этот характерный взгляд в глазах многих — на полях и в шахтах, в космопортах, в спешно воздвигаемых городках из сборных домиков, которые вырастали буквально за одну ночь после приземления звездолетов. И несмотря на то, что Маннинг пытался придать своему лицу беззаботное самоуверенное выражение, Райнасон раскусил его.

— Вам не следует особенно беспокоиться в отношении колонистов, — ответил он девушке. — Я буду относиться к ним прилично. Здесь нужно делать деньги, и я постараюсь заниматься этим, не наступая на чьи-то мозоли.

Казалось, это забавляло Мару.

— А что произойдет, если вам действительно придется наступить на чей-то мозоль, чтобы сделать для себя деньги? Что будет, если на планете не окажется достаточно полезных ископаемых, которые было бы выгодно разрабатывать? Ведь до нас здесь на протяжении тысячелетий существовала целая цивилизация. Что произойдет, если местная колония вдруг остановится в своем развитии, и население станет покидать ее?

Маннинг бросил на нее хмурый взгляд, потом издал какой-то хрюкающий смех.

— Такого не может быть. Ведь Ли только что сказал, что эта планета является важным открытием — у нас здесь есть ручные аборигены с лошадиными мордами, которых можно водить на поводке. Они будут привлекать сюда туристов. Возможно, мы откроем здесь официальную зону ограниченного пользования, что-то наподобие резервации.

— Вы имеете в виду зоопарк? — вставил слово Райнасон.

Маннинг с удивлением поднял брови:

— Я сказал — резервацию. Ты ведь знаешь, что означает слово “резервация”, Ли.

Райнасон посмотрел на собеседника, который явно находился в более тяжелой весовой категории, и решил не спорить. Не было никакого смысла затевать стычку относительно “если” и “возможно”; во внешних мирах человек быстро усваивает привычку сводить ссоры к чему-то осязаемому.

— Зачем вы хотели видеть меня? — спросил Райнасон.

— Я хочу, чтобы ты закончил свой предварительный доклад о результатах исследований, — ответил Маннинг. — Я должен собрать все ваши доклады воедино, скомпоновать общий и направить его на этой неделе, чтобы он оказал какое-то воздействие на Совет. Большинство членов бригады уже представили свои доклады, Брюн и Ларсбург обещали представить в течение четырех дней. Но ты все еще держишь меня.

Райнасон сделал долгий глоток из своего стакана и поставил его на стол. Шумы и запахи бара, казалось, вырастают вокруг, переливаются через него. Возможно, сказался эффект подмешанного в спиртное тарпака, но его желудок свело от одной мысли о том, как культура землян проявляет себя здесь, на границе достижимого его расой. Действительно ли корыстные, эгоистические побуждения были именно тем, что толкало людей к звездам?

— Не знаю, смогу ли я что-то доложить, по крайней мере, за неделю, — коротко ответил он.

— Тогда сделай доклад о том, что тобой уже получено! — резко выпалил Маннинг. — Если больше ничего нет, то дай мне распечатки, и я составлю доклад сам; я могу справиться с этим. Какого дьявола ты говоришь, что тебе не о чем докладывать?

— Ларсбург сказал то же самое, — вмешалась Мара.

— Ларсбург сказал, что все равно сделает доклад за пару дней!

— Я дам вам все, что у меня есть, как только смогу, — сказал Райнасон. — Но смысл только начал проклевываться — вы видели мои заметки сегодня?

— Да, а как же. Ты имеешь в виду относительно этого Теброна или как там его?

— Теброн Марл. Он является связью между варварской и цивилизованной эрами на планете. Я только начал подбираться к этому.

Маннинг замахал, требуя еще выпивки; поймав взгляд официанта, он повернулся к Райнасону:

— Что за чушь об этом чертовом истукане, на которого ты наварлся? Тебе что, попалась сумасшедшая лошадь?

— Там есть нечто странное, — ответил Райнасон. — Он говорит, что Теброн действительно вступал в связь с их богом. Звучит, конечно, по-сумасшедшему, это так. Но я уверен, что за этим кроется что-то очень интересное. Мне необходимо время, чтобы более глубоко проработать этот вопрос, прежде чем составлять отчет.

— А я думаю, парень, что тебе просто попался дубовый абориген. Не давай ему дурачить себя; ты же один из лучших моих людей.

Райнасону едва удалось скрыть усмешку, на ходу превратив ее в улыбку. Роль отца-благотетеля никак не шла этому грубияну Маннингу, думавшему только о том, чтобы урвать для себя кусок пожирнее.

— Мы имеем дело с поразительно трезво мыслящей расой, — подчеркнул он. — Ведь уже сам факт, что каждая из этих особей содержит в своем мозгу всеобщую память, свидетельствует против предположения о их безумии. Во внутренних мирах вот уже сотню лет как пытаются ввести такую память в мозг человека, и пока что никаких проблесков. Мы — слабая, ограниченная раса.

Маннинг хлопнул рукой по столу:

— Какого черта ты вздумал морочиться с ними, Ли? Или ты решил мерить этих недоделанных лошадей нашими мерками? Я думал, что у тебя больше мозгов. Возможно, никакой всеобщей памяти у них вообще нет — но когда они начинают нагло и уверенно вправлять мозги, что кто-то из них когда-то разговаривал с самим господом-богом... Не знаю, не знаю... А как ты сам смотришь на такой оборот дел?

Райнасон взял один из стаканов, который поднес официант, и тотчас выпил. Он почувствовал, как сразу же наступило облегчение.

— Это можно было бы расценить как приступ обеспокоенности, если бы Хорнг был человеком, — сказал он. — Но вы правы, я действительно знаю достаточно, чтобы

оценивать мотивации его поступков нашими земными мерками. Нет, это было нечто иное.

— Что же тогда?

Райнасон покачал головой.

— Не знаю. Вот в этом-то и вся загвоздка — я не могу представить доклад по этому разделу, пока не доберусь до истины.

— Тогда, черт бы тебя побрал, дай мне неистинный доклад! Приправь его какими-нибудь мудреными научными штучками, ты сам найдешь, какими именно... — Маннинг улыбнулся. — Кстати, раз заговорили о неистинных докладах; что ты можешь сказать о их сексуальной жизни?

— Марк Стіворт в своем вчерашнем докладе раскрыл эту тему, — сказала Мара. — Они однополые, и их сексуальная жизнь в одиночестве просто скучна, простите меня за выражение. По крайней мере, так говорит Стіворт. Если бы это было не так, то я уверена, что он все бы нам рассказал об этом.

Маннинг усмехнулся:

— Да, я думаю, что ты права. Теперь смотри, Ли. Я обрисовал тебе свое положение и рассчитываю на тебя — ты должен мне помочь. Я должен передать доклад в Совет в течение недели. Не хотелось бы давить на тебя, но ты и сам знаешь, что у меня достаточно возможностей сделать это, если потребуется. Черт побери, сделай мне доклад!

— Я доберусь до чего-нибудь в течение нескольких дней, — заплетающимся языком ответил Райнасон. Его мозг был уже сильно затуманен тарпаком.

Маннинг встал.

— Хорошо, не забудь. Сотвори что-нибудь, присочини какие-нибудь высоконаучные соображения, если потребуется. А сейчас у меня свидание с одним человеком — нужно переговорить об одной женщине. — Он сделал паузу, глядя на Мару. — Ты не занята?

— Да, я занята. — Ее лицо ровным счетом ничего не выражало.

Он пожал плечами и пошел, протискиваясь сквозь толпу, заполнявшую бар. На улице было темно; Райнасон увидел краем глаза темную улицу сквозь открытую дверь, когда выходил Маннинг. На этой планете ночь опускалась быстро, с внезапностью наступающего конца света.

Райнасон повернулся к столу и с интересом посмотрел на Мару.

— Любопытно, что тебя с ним свело? Обычно ты держишься особняком.

Девушка криво усмехнулась. У нее были длинные темные волосы, ниспадавшие на плечи. Здесь большинство женщин отращивали волосы до талии, что являлось чрезмерной имитацией моды внутренних миров, но у Мары было больше вкуса. Своими карими глазами она посмотрела прямо в глаза Райнасона:

— Он был в плохом настроении, и я пошла с ним, чтобы играть роль миротворца. Но, как вижу, я оказалась не очень нужной тебе.

— Нет, почему же, ты очень даже помогла, спасибо тебе. Правда ли то, что он говорит о губернаторстве?

— Конечно. Маннинг редко блефует, ты и сам это знаешь. Он очень влиятельный человек.

Райнасон нахмурился:

— Он был бы намного полезнее, если бы помогал нам. Он пытается ускорить предварительный отчет, который вряд ли стоит того, чтобы на него вообще тратить время.

— И это то, что тебя беспокоит?

Он попытался сфокусировать свой взгляд сквозь дымовую завесу бара.

— Конечно. Кроме того, его отношение к этим людям.

— К хирлайцам? Ты считаешь их людьми?

Он пожал плечами:

— А что такое люди вообще? Только мы, человеки? Или любое разумное создание, с которым можно разговаривать, обмениваться мыслями?

— Я бы сказала несколько иначе: людьми следует считать тех разумных существ, на суждения которых можно положиться, — сказала она мягко. — Не только в интеллектуальном, но также и в эмоциональном плане. И в первую очередь необходимо понимать их, чтобы вступать в такой контакт. Это, по-моему, именно то, что делает разумных существ людьми.

Райнасон сидел молча, стараясь переварить сказанное Марой, несмотря на туман в голове. Хриплый шум бара вдруг затих, превратившись в подводный звуковой фон, окруживший его со всех сторон; потом он вообще куда-то пропал.

Наконец, он заговорил:

— В этом-то и вся загвоздка с этими хирлайцами. Я действительно не способен их понимать. Создается впечат-

ление, что контакт действительно отсутствует, даже через переводчика. — Он уставился в свой стакан. — Мне до чертиков хотелось бы заполучить прямой телепатер; я смог бы напрямую работать с хирлайцами, поскольку они телепаты. И еще мне бы хотелось самому установить с ними прямую связь.

В следующее мгновение он ощутил на своей руке руку Мары и осознал, что почти уснул за столом.

— Ты бы лучше шел к себе, — посоветовала она ему.

Он встал и потряс головой.

— Нет, действительно, как ты относишься к такой идее? Что если бы у меня был телепатер и я смог бы обмениваться с Хорнгом мыслями? Прямой контакт, без переводчика. Я бы смог сам добраться до памяти этой расы!

— Я думаю, что тебе следует поспать, — повторила она. У нее был явно обеспокоенный вид. — Тебя слишком волнует эта история. И забудь о телепатерах.

Райнасон посмотрел на нее и улыбнулся.

— Почему? — спросил он спокойно. — Хотеть не вредно.

— Потому что, — ответила она, — послезавтра мы получаем три телепатера.

ГЛАВА III

Райнасон в течение нескольких секунд по инергии продолжал улыбаться ей, пока наконец до него не дошел смысл сказанного. Затем он резко сел и, чтобы сохранить равновесие, одной рукой взялся за край стола.

— Ты сможешь сделать так, чтобы мне достался один из них?

Она неопределенно пожала плечами:

— Если тебе удастся настоять и если Маннинг даст добро. Но есть ли в этом необходимость? Я имею в виду прямой контакт с существом другой расы?

Честно говоря, теперь, когда появилась реальная перспектива опробовать идею на практике, он и сам не был в этом уверен. Поэтому ответил неопределенно:

— Чтобы узнать это, надо попробовать.

Мара опустила глаза и стала раскручивать свой стакан с напитком, любуясь, как маленькие красные пятна обра-

зуются внутри и поднимаются на поверхность. Повисло задумчивое молчание.

— Покайся, Ли Райнасон! — Эти слова взорвались над его ухом, перекрывая волны шума, заполнявшие зал. Он повернулся, наполовину поднявшись; Ренэ Мальхомм нависал над ним, его широкая улыбка открывала зубы, одного в нижнем ряду недоставало.

Райнасон снова сел на стул.

— Не кричи. У меня и так болит голова.

Мальхомм взял стул, который освободил Маннинг, и тяжело опустился на него. Затем, установив свой плакат на краю стола, наклонился вперед, размахивая своим толстым пальцем.

— Вижу, Ли, ты имеешь дело с людьми, которые поработят все чистое в твоём сердце, — прорычал он, но Райнасон заметил смех в его глазах.

— Маннинг? — кивнул он. — Он поработит каждое чистое сердце на всей этой планете, если только ему удастся найти такое. И я полагаю, что он уже поработал в этом направлении с Марой.

Мальхомм повернулся к девушке и выпрямился, бесцеремонно рассматривая ее оценивающим взглядом. Мара спокойно встретила его наглый взгляд, подняв брови как бы в ожидании приговора.

Мальхомм покачал головой:

— Если она чиста, тогда это грех, — высказал он свое заключение. — Трижды проклятый грех, Ли. Я когда-нибудь просвещал тебя насчет двуликого Януса, который одновременно является и добром, и злом?

— Да, и притом не один раз, — ответил Райнасон.

Мальхомм пожал плечами и снова повернулся к девушке:

— Тем не менее, я с удовольствием приветствую вас.

— Мара, это — Ренэ Мальхомм, — сказал Райнасон вымученным голосом. — Он считает, что мы друзья, и я боюсь, что он прав.

Мальхомм склонил свою косматую голову.

— Моя фамилия на старофранцузском земном языке означает "плохой человек". У моей семьи длинная и бесчестная история, но самые древние мои предки, к которым я смог добраться по генеалогическому дереву, носили эту же фамилию. Оказалось, что в том мире было слишком много Бэйкеров, Смитов, Карпентеров и Пристов — как

раз самое время для Мальхоммов. А мое первое имя произносилось раньше "Рэ-нэй", но языковая реформа упразднила все различия в акцентах земных языков.

— С учетом прошлого ваших предков, — улыбнулась Мара, — следует признать, что здесь вы в подходящей компании.

— Хм, подходящая компания! — прокричал Мальхомм. — Я никогда не искал подходящую компанию! Моя работа, мое предназначение всегда влекли меня туда, где сердца черные-пречерные, где есть нужда в покаянии и в искуплении — вот почему я попал на Край.

— Вы религиозны? — спросила она.

— А кто действительно религиозен в наши дни? — вопросом на вопрос ответил Мальхомм, пожимая плечами. — Религия — наше прошлое, она мертва. Ее практически забыли, и имя Бога можно сейчас услышать разве что во гневе. Прокляни тебя Бог! — кричат массы. Вот это и есть наша современная религия.

— Рене путешествует, разглагольствуя о грехе, — объяснил Райнасон, — получая таким образом пожертвования, которые расходует на выпивку.

Мальхомм улыбнулся:

— Ах, Ли, ты так близорук. Я неверующий черный мошенник, но, по крайней мере, у меня есть призвание. Наши научные открытия уничтожили религию; мы забрались в небеса и не нашли там бога. Но наука, кстати, и не опровергла его, и люди забывают об этом. Я разговариваю голосом давно позабытого; я напоминаю людям о боге, чтобы уравновесить весы. — Он прервал свою длинную тираду, чтобы схватить руку официанта и заказать выпивку, затем повернулся к ним. — Ничто не говорит о том, что я должен верить в религию. Если бы в этом действительно была необходимость, то тогда не нужно было бы проповедовать ее.

— Тебе приходилось проповедовать хирлайцам? — спросил Райнасон.

— Восхитительная идея! — воскликнул Мальхомм. — А что, у них есть душа?

— По крайней мере, у них есть свой бог. Или, во всяком случае, был когда-то. Этого типа, который был их богом, сущим, знанием и чем-то еще другим, причем все эти роли исполнялись одновременно, звали Кор.

— Возвращаемся к Кору! — воскликнул Мальхомм. — Возможно, это и будет моим следующим призванием.

— А в чем заключается ваше призвание сейчас? — спросила Мара, заставив себя улыбнуться. — Кроме, разумеется, учебы на протяжении всей жизни и участия во грехе?

Мальхомм вздохнул; когда принесли выпивку, он распрямился и, порывшись в привязанной к поясу суме, извлек оттуда монету и бросил ее официанту.

— Верьте или нет, но у меня есть призвание, — ответил он, и на этот раз его голос был тихим и серьезным. — Я не просто бродяга и бездельник.

— А кто же?

— Я шпион, — сказал он, поднял свой стакан и немедленно выпил.

Мара снова улыбнулась, но он не ответил ей тем же. Подавшись вперед, он повернулся к Райнасону:

— Маннинг усиленно вентилирует вопрос о своем назначении на должность губернатора, — сказал он. — Возможно, ты знаешь об этом.

Райнасон кивнул. Головная боль, которую он ожидал, уже началась.

— Знаешь ли ты, что он подкупает здесь людей, которые должны поддержать его в том случае, если будет назначен кто-то другой? — Он бросил быстрый взгляд на Мару. — Я кручусь целыми днями среди людей, разговариваю, и многое слышу. Маннинг добьется-таки власти, так или иначе, если его не остановить.

— Подкуп людей не представляет собой ничего нового, — сказал Райнасон. — К тому же, разве есть кто-нибудь лучше на этой планете?

Мальхомм покачал головой:

— Не знаю; иногда я просто разочаровываюсь в человеческой расе. Маннинг, по крайней мере, имеет хоть какие-то культурные зачатки — но, тем не менее, он еще более порочен, чем кажется. Если он получит здесь власть...

— Это будет не хуже, чем на любой другой планете такого типа, — закончил за него Райнасон.

— За исключением, возможно, одного момента — хирлайцев. Я ничего не имею против того, чтобы люди убивали друг друга... Это их дело. Но если только здесь не станет у власти кто-либо лучше Маннинга, хирлайцам придет конец. Люди уже начинают поговаривать... они их боятся.

— Почему? Хирлайцы безвредны.

— Из-за их размеров, а также потому, что мы ничего не знаем о них. Они обладают интеллектом, а необразованные люди как огня боятся интеллекта, а когда интеллектом обладает инородец... — он покачал головой. — Маннинг в такой ситуации ничего не станет делать.

— Что вы имеете в виду? — спросила Мара.

Мальхомм еще больше нахмурился, отчего темные складки на его лице превратились в глубокие борозды.

— Он использует хирлайцев в качестве пугала. Говорит, что он единственный на этой планете человек, который умеет обращаться с ними. О, вы бы услышали, как он проходит мимо людей... Я завидую его способности влиять на них словом. Кого-то похлопает по спине, кому-то бросит шутку-другую, — большинство из этих шуток я говорил в прошлом году, и, смотришь, разговаривает с каждым совсем по-приятельски. — Он снова покачал головой. — Маннинг установил настолько дружеские отношения с этими отбросами общества, как будто они равны.

Райнасон улыбнулся Мальхомму усталой улыбкой; ведь несмотря на неотесанность этого человека, он импонировал ему. Так было каждый раз, когда они случайно встречались в каком-нибудь из краевых миров. Мальхомм, грязный и циничный, вращался среди обычных для далеких звездных систем отбросов общества, проповедуя религию и сражаясь с корпорациями, оппортунистами, псевдореволюционерами, которых не интересовали ничьи интересы, кроме собственных. Он был знаменит тем, что мог кулаком разбить чей-то череп, и для него никогда не существовало никаких угрызений совести, если можно было что-то стащить или убить кого-то в гневе. И вместе с тем, он обладал каким-то своеобразным чувством благородства.

— Тебе всегда необходима какая-то цель, не так ли, Ренз?

Грузный гигант пожал плечами.

— Это делает жизнь интересной, а иногда даже доставляет удовольствие. Но я не склонен переоценивать себя: я не отрицаю того, что являюсь таким же подонком, как и все они. Единственное, что меня отличает от них, так это то, что я четко осознаю это; я просто человек, и у меня не больше прав, чем у кого-то другого, кроме тех, правда, которые мне удастся отвоевать. — Он поднял свои костистые руки и поднес их к лицу. — У меня переломаны кости в обеих. Не знаю, приходилось ли когда-либо Будде

или Христу ударить человека. В религиозных книгах, которые имеются в хранилищах, об этом ничего не сказано.

— Имеет ли это какое-то значение? — спросил Райнасон.

— Никакого! Просто мне интересно. — Мальхомм встал, нацепив свой плакат о покаянии на крюк своей огромной руки. Его лицо снова приняло обычное дурашливое выражение, и он объявил: — Мои обязанности требуют моего присутствия в другом месте. Но я оставляю вас с изречением из Евангелия, которое является моей путеводной звездой. Оно гласит: "Не противься злему". Так вот, не противьтесь злему, дети мои.

— Кто сказал это? — спросил Райнасон.

Мальхомм покачал головой:

— Будь я проклят, если знаю, — проворчал он и пошел к выходу.

Проводив его взглядом, Райнасон обернулся к Маре; она все еще смотрела, как Мальхомм пробирается сквозь толпу к двери.

— Итак, сейчас ты получила возможность познакомиться с моим духовным отцом, — сказал он.

Девушка бросила на него оживленный взгляд своих глубоких карих глаз:

— Мне хотелось бы попробовать на нем один из телепатеров. Интересно знать, что он думает на самом деле.

— Он думает именно то, что говорит, — ответил Райнасон. — По крайней мере, в тот момент, когда говорит о чем-то, он в это верит.

Она улыбнулась.

— Пожалуй, это единственное возможное объяснение его характера. — Она помолчала, ее лицо стало задумчивым. Затем отметила: — Он не допил свое пойло.

***

— Ты уже включен в цепь, — сказала девушка. — Кивни или дай мне как-то знать, когда будешь готов. — Она склонилась над телепатером, еще раз проверяя соединения и показания приборов.

Райнасон и Хорнг сидели друг против друга. Огромная темная туша аборигена молча уставилась на землянина. Он никогда не выглядит расстроенным, подумал о своем визави Райнасон, внимательно разглядывая его. За исключением единственного случая, когда они уперлись в камен-

ную стену блока памяти о Теброне, Хорнг демонстрировал полную уравновешенность — он всегда был спокоен, никогда не проявлял никаких признаков раздражения; казалось, что он без всякого интереса относился ко всему происходящему с ним и вокруг него. Но, конечно, если бы аборигены были совсем не заинтересованы в исследованиях землян, касающихся их истории, они бы не стали сотрудничать с ними с такой готовностью. Хирлайцы вовсе не животные, которыми можно командовать. Возможно, декодировка их истории, приведение всей сохранившейся информации в стройный порядок в какой-то степени представляла интерес для них самих; во всяком случае, они никогда не пытались выстроить факты из своей собственной истории в стройный логический ряд.

И это было не так уж удивительно, подумал Райнасон. Хирлайцы не имели своей письменности — их телепатические способности делали это излишним. А классификация материала в строго определенных рамках была свойственна земным языкам как части менталитета землян. Такое организованное мышление явно не было присуще хирлайцам, по крайней мере сейчас, на закате их цивилизации. Громадные аборигены на протяжении веков владели серое существование, по-своему вспоминая о ярком прошлом. И их расовые интересы в значительной степени отличались от устремлений землян.

Таким образом, если они охотно сотрудничали с исследовательской бригадой землян по вопросам декодировки, то кто же тогда на самом деле кому помогал?

Ладно, при прямом контакте мыслей работа должна пойти быстрее. Райнасон посмотрел на Мару и кивнул; она включила тумблер телепатера.

Неожиданно, как если бы его окатила сокрушающая океанская волна, Райнасон ощутил, как разум Хорнга поглощает его сущность. Вихрь мыслей, воспоминаний, картин и концепций закружился в полнейшем беспорядке. Он вдруг отчетливо ощутил присутствие чужака, странные обрывки памяти, идеи, которые были для него непостижимы; все это одним ошеломляющим валом накрыло его собственное сознание. Сцепив зубы, он изо всех сил боролся со страхом, ожидая, когда спадет эта волна.

Но она не спадала; хуже того, она консолидировалась. Когда два сознания — хирлайца и землянина — встретились вместе, они слились в почти единое сознание. Нако-

нец Райнасон стал замечать какую-то последовательность во впечатлениях аборигена. Первой картинкой, которая проявилась явственно, было видение его самого: он был маленьким и угловатым, сидящим на несколько футов ниже Хорнга — или, вернее, своих собственных глаз; но более того — он оказался не только светлым, но бледным, не только маленьким, но хрупким. Видение аборигеном реальности, даже через его собственные ощущения, было не просто визуальным или осязательным; оно автоматически переводилось в собственные понятийные категории Райнасона.

Запахи зала, в котором они сидели, оказались иными; температура воздуха — более высокой. Райнасон видел самого себя, скорчившегося на каменном сидении, и Мару, изображение которой было странным образом искажено, протягивающую руку, чтобы успокоить его-себя. И в то же время он мог видеть все собственными глазами, ощущать ее руку на своем плече. Но ощущения аборигена были гораздо сильнее; уже сама их необычность управляла вниманием его разума.

Он распрямился и начал осторожно пробовать разобратся со своей новой частью менталитета. Он ощутил, что Хорнг, в свою очередь, также пытается медленно продвигаться по сознанию Райнасона; его присутствие успокаивало, было мягким, несколько непривычным, но не тревожащим. По мере того, как его мысли переплетались с мыслями Хорнга, настоящее исчезло; это изменение составляло какой-то миг в целых столетиях, но вскоре оно тоже прошло. Райнасон ощутил, как спадает его внутреннее напряжение.

Теперь он уже мог продвигаться по сознанию аборигена и касаться его непривычных уголков: концепций и суждений чуждого ему мозга, расовой культуры и опыта. Все стало неопределенным и похожим на грезы: этот странный землянин, возможно, не существует вовсе; пыльные обломки Хирлая всегда были здесь, или возможно они когда-то были зелеными, но на протяжении четырех поколений Большой Зал был таким, как и животные, которые днем настолько быстро меняли свою внешность, что их трудно было узнать. Не было никакой цели, никакой задачи, никакой необходимости, никаких желаний, устремлений, надежд... никакого интереса. Все должно пройти. Все проходило; возможно, уже прошло.

Райнасон изменил позу на своем сидении, пытаясь добраться до собственного ощущения каменного сидения под собой — это было необходимо, чтобы собственными ощущениями уравновесить видения Хорнга; ему удалось вырваться из его мыслей, но затем он почти сразу же ринулся в них снова.

Царящий в мозгу инопланетянина хаос окружил его, но сейчас он уже начинал узнавать себя самого в обширном спектре чужих воспоминаний. Он попытался постепенно включиться в память — вначале в собственную память Хорнга, насчитывавшую три столетия личного опыта, заключавшегося в основном в ощущении ветра и сухих ног в толстом слое пыли; затем, постепенно, к пласту расовой памяти. И вот, наконец, он отыскал ее.

Даже знания об истории планеты, которыми уже обладал Райнасон, не помогли ему четко разместить или соотносить хоть с чем-то привычным те впечатления, которые навалились на него без всякой системы, покрывая одно другое, сливаясь друг с другом, забывая друг друга. Он видел возвышающиеся над собой дома, толпы людей, спокойно проходящих мимо; ощущал, как их мысли влияют в его мозг. Он был Норгибом, ремесленником, медленно работавшим день за днем... был Рашанахом, приближавшимся к воротам Стены и смотрящим... Он был Логрином, обсуждавшим участок, где... он копал землю, толкал тяжелую повозку, лежал на шкуре какого-то животного, сносил здание, которое вскоре должно было рухнуть, учил ребенка ходить...

Вот ночная улица, из-за толстого слоя пыли напоминавшая стorerвший пирог; по ее камням, истертым тысячами ног, ступать мягко и удобно... "Завтра отправляемся в Меловой Район, пока еще есть время"... Мысленный голос хирляйца столетней, а, возможно, и тысячелетней давности, мертвый, но живущий в расовой памяти. Там, в памяти, Райнасон ощущал всю личность Хорнга целиком; но этого ему было недостаточно, и он настойчиво продвигался дальше, вглубь.

"Мурба сказал, что жрецы заберут его". "Нет никакого смысла сажать в этом году... почва суха. Напрасный труд".

"Ребенок уже настроился воевать".

Он ощущал, как Хорнг наблюдает за ним, находясь все время рядом, позади него... во всяком случае, где-то близ-

ко. Инопланетянин слышал и видел вместе с ним, и был с ним рядом в качестве защитника. Райнасон ощущал его присутствие как нечто теплое; спокойствие аборигена продолжало действовать на него успокаивающе. Старая кожаная мать-квочка, думал он, и Хорнга, которого он ощущал рядом с собой, это, казалось, забавляло.

Вдруг он стал Теброном.

Теброн Марл, принц Района Шахт, юный и сильный, амбициозный. Райнасон поймал и удерживал эти впечатления; он чувствовал, как мускулы странным образом дрожат, когда Теброн потягивался, ощущал холодный ветер, пробиравшийся к телу сквозь вырез в накиннутой на плечи хламиде. Была ночь, и он стоял на парапете тяжеловесного каменного строения, глядя вниз на бескрайние просторы расстилавшейся под ним равнины, освещенной огнями. Он правил всей этой землей, будет править и другими...

... Вот он снова Теброн, марширующий по равнине во главе армии. Металлическое оружие висело на боку его воинов — неотесанные дубины и зазубренные мечи, все изготовленные в мастерских Района Шахт. Его окружала разногласица мысленных голосов, в них содержались ощущения страха, гнева и скуки, тупого негодования, а также других эмоций, которые Райнасону не удавалось четко идентифицировать. Они маршировали по направлению к Городу, в котором находился Храм.

Он соскользнул на одну из сторон разума Теброна и оказался в самой гуще битвы. Повсюду плотной стеной стояла пыль, взбиваемая ногами тяжелых воинов; вдруг его дыхание стало прерывистым. Мысленные голоса орали и визжали вокруг него, но он не обращал на них внимания. Он вскинул свою дубину над головой с такой силой, что она издала низкий свистящий звук. Один из защитников прорвался сквозь окружавшую его линию, и он опустил дубину на его голову прежде, чем тот успел поднять меч. Воин в последний момент упал на один бок и принял удар на руку. Он ощутил боль в своем собственном сознании, но не обратил на нее внимания. Прежде чем воин снова поднял меч, Теброн раздробил ему голову дубиной, при этом всплеск боли в его собственной голове прекратился. Он слышал хрюкающие звуки своих воинов, жадно заглатывавших ртами воздух, звуки ударов оружия об оружие и о тела воинов...

Хирлайцы не могли передвигаться так быстро, подумал Райнасон; должно быть, так казалось Теброну. Ведь они были спокойными, медлительными созданиями. Или они дегенерировали физически за последующие столетия? Все еще ощущая запах пота, который распространяла битва, он снова разыскал разум Теброна.

В городе все еще продолжался бой, но теперь он был уже далеко. Он ощущал его своим подсознанием, направляясь к Храму. Шли последние бои по очистке улиц от остатков войск священника-короля, и его личное участие в этом уже не требовалось. Он взял город под свой контроль еще прошлой ночью и даже спал уже в самом дворце. А теперь наступило время для взятия Храма.

Он медленно поднимался по тяжелым, крутым ступеням; впереди него шествовали три гвардейца, сзади — еще три. Жрецы покинули Храм, но там могли оставаться последние защитники, а они вооружены оружием Кора... ручным оружием, выстреливающим темными лучами, уничтожающими все на своем пути. Они опасны. Но во внутреннем дворе защитников не будет; его гвардейцы могут остаться снаружи, чтобы справиться с ними, а он пока войдет внутрь.

Он остановился посреди лестницы и поднял голову, чтобы осмотреть возвышавшиеся над ним стены Храма. Они были выстроены из прочного камня, в древнем стиле... гладкие, за исключением барельефов над входом. Барельефы тоже были выполнены в традиционном стиле, точно копируя архитектурные контуры на старинных зданиях, построенных тысячи лет тому назад, еще в тот период, когда хирлайцы не развили в себе телепатические способности. Эти символы Кора... теперь он наконец увидел их.

Завтра он осуществит массовое соединение воедино умов и передаст им свои распоряжения о перестройке. Это значит, что придется не спать всю ночь и готовиться к телепатии, поскольку было невозможно поддерживать длительную телепатическую связь во вселенном масштабе, а планы у Теброна были обширные. Возможно, удастся найти способ продлить массовый телепатический контакт, если только удастся продвинуть научный вызов достаточно далеко.

Но это было проблемой завтрашнего дня. А сегодня, именно сейчас, было совершенно необходимо, чтобы он вошел в Храм. Это было не просто символом его вхождения

во власть: каждый новый правитель с тех еще времен, какие только мог помнить его народ, вступал во власть не иначе, как по одобрению Кора.

Внезапно эхо-шепот другого ума затронул его сознание, и он, обернувшись направо, увидел в тени одного из гвардейцев замка, которому не удалось надежно заэкранировать свои мысли. Теброн упал на землю и бросил короткую команду своим гвардейцам: убить его! Тяжелые, темные фигуры воинов ступили вперед; охранник пытался скрыться глубже в тень, но это ему не удалось, и он был окружен.

Но он не был безоружен. Падая на ступени и откатываясь в сторону, Теброн слышал низкую вибрацию луча дезинтегратора, проскользнувшего над его плечом и разбившего кусок стены за спиной. Гвардейцы в тени устроили облаву на охранника.

Прошлой ночью они убили нескольких охранников и завладели их оружием. Поэтому в течение буквально нескольких секунд этот защитник Храма тоже пал, его голова и большая часть туловища испарились. Один из гвардейцев пнул ногой то, что осталось от его тела, и встал на колени, чтобы подобрать его оружие.

Итак, сейчас у них было уже четырнадцать дезинтеграторов; теперь, если даже кто-то из охраны Храма еще и остался, то справиться с ними было уже легче. Теброн поднялся со ступеней; у него вдруг возникла мысль о том, что было бы неплохо начать производство такого же оружия. Если бы вся его армия была вооружена им, то... Но после сегодняшнего дня это может и не понадобиться: вся планета была теперь под его контролем.

Он поднялся еще на несколько ступеней и наконец вступил в священный Храм Кора...

Стены вокруг плавись; Райнасон почувствовал, что сознание покидает его. Слышался сплошной визг, тонкий и высокий, блокируя контакт, который он поддерживал с разумом Теброна. Это был визг Хорнга, совсем рядом с ним. Ужас охватил все его естество; все попытки побороть его были тщетными. Тени на стенах скручивались и исчезали, мысли Теброна тоже куда-то пропали; остались только пронзительный визг да страх — как если бы чей-то рот был широко открыт у самого его уха и изо всей силы орал. Он почувствовал, что его желудок начинает выворачивать наизнанку; тошнота и головокруже-

ние наконец полностью выбросили его, тяжело дышащего, из памяти Теброна.

Но Хорнг все еще был вместе с ним в темноте, и когда эхо стихло, он ощутил его — представителя другой расы, чужого, но спокойного. Его огромный мозг все еще наполнял животный страх, но он почти сразу же исчез после разрыва связи с Теброном. Единственное, что осталось сейчас в мозгу Хорнга, была тупая апатия.

Райнасон печально улыбнулся и подумал: "Нет, ты не забыл, что произошло здесь, старый кожаный мешок. Вся память здесь, и с ней-то как раз у тебя порядок".

Из восприятия Хорнга ему передалось медленное возвращение страха, который он только что пережил, но это ощущение быстро рассеялось. Как только оно прошло, Райнасон снова внедрился в его сознание, пытаясь быстро отыскать контакт, который только что утерял. Он уже почти ощущал разум Теброна, уже начал видеть темноту, которая обозначала тени от стен, как вдруг снова ощутил взрыв того же ужаса и понял, что его сознание грубо выталкивается чем-то из этого блока памяти. Визг заполнил его сознание и тело; на этот раз он знал, что это Хорнг блокирует его продвижение вперед, в глубь памяти Теброна.

Но в этом не было нужды; страх принадлежал не только одному Хорнгу. Райнасон ощущал его тоже, и сам отступил раньше, чем на его сознание навалился очередной приступ, почувствовав вдруг инстинктивную потребность предохранить свой собственный разум от разрушения.

Когда темная пелена спала, Райнасон смог ощутить себя самого, сидящего на каменной скамейке и истекающего потом. Хорнг сидел напротив в той же позе, в которой находился, когда они начали сеанс; внешне все выглядело так, как будто ничего не произошло. Райнасон тяжело поднял руку, давая Маре знак прервать контакт.

Она выключила телепатер и, озабоченно хмурясь, осторожно убрала с его головы провода. Она ждала, когда Райнасон заговорит.

Через некоторое время он улыбнулся ей и сказал:

— Там было не совсем уютно. Мы так и не смогли прорваться, куда я хотел.

Она снимала провода с Хорнга, который сидел неподвижно, угрюмо уставившись через плечо Райнасона в стену напротив.

— Тебе бы следовало видеть себя самого, когда ты был там, — сказала она. — Я хотела прервать сеанс, но не была уверена...

Райнасон выпрямился и стал разминать мускулы на плечах и спине. Они ныли, как будто были в напряжении целый час; к тому же, его желудок все еще не отпускали спазмы.

— Там действительно есть блокировка, — пояснил он. — Такое впечатление, как если бы тысячи кричащих птиц били меня крыльями по лицу. Когда погружаешься в его сознание до такой глубины, то ощущаешь это совершенно отчетливо. — Он сидел, тупо уставившись на свои ноги, раздавленный физически и морально.

Она уселась рядом на скамейку и пристально посмотрела на него:

— Что еще?

— Да, — Хорнг. В конце, когда я пытался войти уже второй раз, то ощутил, что он не просто борется со мной, но хуже того — ненавидит меня. — Райнасон посмотрел на Мару. — Только представь себе, что ты ощущаешь его в голове как единое целое со своим собственным эго, и это целое ненавидит тебя.

Сидевшая напротив них огромная глыба аборигена медленно поднялась с сидения, разглядывала их в течение нескольких долгих секунд, затем повернулась и покинула здание.

ГЛАВА IV

Здание, в котором размещалась группа, руководимая Маннингом, было едва ли не самым большим среди других сборных строений в этом новом городке землян; одноэтажный дом, представлявший собой коробку из пластика и металла на бетонных плитах, служивших в качестве фундамента, находился почти в самом конце одной из улиц городка. В принципе, он был точно такой же, как и любой другой дом на вновь осваиваемых землянами планетах Края, отметил про себя Райнасон, постучав в дверь. Главное, что там хватало места для всех работников исследовательской бригады.

Маннинг лично встретил его у порога и впустил в здание, поприветствовав крепким рукопожатием, в кото-

ром, тем не менее, явно не доставало его обычной общительности.

— Заходи, заходи, все уже здесь, — сказал он Райна-сону и первым вошел в большую из двух комнат, из которых состояло все помещение. Как и всегда, его походка была оживленной, но сейчас в ней присутствовали признаки настоящей спешки, что сразу же было отмечено Райнасоном. Маннинг был явно чем-то обеспокоен.

— Хорошо, теперь все в сборе, — сказал Маннинг, облокотившись о стену. Райнасон нашел себе место на ручке кресла рядом с Марой и Марком Стовортом — немного желоватым блондином на четвертом десятке лет, с коротко остриженными волосами по бокам и длинными сзади. Он явно смотрелся не на своем месте даже среди многочисленных типов мужчин, какими обычно комплектовались археологические и геологические экспедиции. Но эти экспедиции осуществляли работу под руководством больших корпораций, заинтересованных в развитии окраинных миров; возможно, Стоворт рассчитывал попасть в руководящий эшелон, когда на планете разместятся филиалы корпораций.

— Господа! Оказывается, что эти лошадиные морды, с которыми нам приходится иметь здесь дело, не совсем то, что мы считали вначале, — начал свою речь Маннинг. — Сейчас я представлю вам несколько фактов и полагаю, вы придете к тому же заключению, что и мы с Ларсборгом.

Райнасон склонился к Маре и пробормотал:

— В чем нынче заключаются его проблемы?

Но она только пожала плечами:

— На этот раз у него действительно проблема. Послушай.

Маннинг взял со стола стопку машинописных страниц и, поджав губы в мрачной гримасе, стал бегло перелистывать их.

— Вот доклад, который я вчера получил от Ларсборга — об архитектуре и всяких прочих художествах. В нем есть весьма забавные вещи. Герб, покажи нам первое фото.

Свет погас; на экране засветилось изображение одного из хирлайских сооружений на Равнине. Оно располагалось под прикрытием большой скалы, нависавшей над ним и с трех сторон закрывавшей его от сильных ветров, нередких на этой планете. Ларсборг немного подрегулировал подсветку, картинка стала более четкой.

— Это вам ничего не напоминает? — спокойно спросил Маннинг.

Какое-то время Райнасон продолжал смотреть на изображение, не улавливая сути такой несколько сенсационной постановки вопроса. С момента прибытия на планету он уже успел насмотреться на хирлайские сооружения; они сохранились лучше других, хотя и не очень отличались от них по внешнему виду. Ларсборг расчистил завалы песка и мусора вокруг стен сооружения, что дало возможность увидеть конструкцию полностью; кроме этого, он, как вы можете видеть, пескоструйным инструментом расчистил резьбу по камню, образующую орнамент над входом.

Наконец Райнасон понял, что здесь изображено. Угол съемки несколько отличался от того, под которым он видел другое сооружение на Тентаре XI, но сходство было несомненным. Это была копия из камня того самого здания, которое они реконструировали два года назад.

Комната наполнилась гулом голосов, из которых выделялся голос Маннинга:

— Все правильно, господа; это — сооружение Пришельцев извне. И хотя оно построено не из этих чертовых металлов, пластика и прочей ерунды, которую они использовали, все же архитектура та же. Внимательно присмотритесь к зданию, прежде чем мы перейдем к другому снимку.

Райнасон всмотрелся более внимательно. Да, действительно, конструкция была такая же, хотя и менее утонченная, и орнамент был иной, но все же линии дверных проемов и карнизов...

На экране высветилась другая картинка: сделанный с близкого расстояния снимок конструкции свода над входом. Он был сделан при освещении, рельефно подчеркивающим его структуру. В комнате наступила такая тишина, что был слышен доносящийся сквозь стену за экраном шум улицы.

— Это тоже стиль Пришельцев извне, — откомментировал Брюн, — не в точности то же, что нам приходилось видеть до этого, в значительной степени искаженное, но все же...

— И, замечу, это выбито в камне, а не изготовлено из металла, — отметил Маннинг. — И все же это — тот же стиль. Может, кто-то станет возражать?

Возражать никто не стал.

— Тогда хорошо. Включите свет.

Включили свет, и снова по комнате разнесся приглушенный шум; все обсуждали только что увиденное, пытались как-то интерпретировать его. Райнасон уселся поудобнее на своем подлокотнике и попытался поймать какое-то ускользавшее от него воспоминание, быстро промелькнувшее в его подсознании перед тем, как выключили проектор. Он уже видел где-то нечто подобное, очень похожее... Впрочем, он повидал в прошлом довольно много зданий, построенных Пришельцами; пожалуй, не было никакой необходимости напрягаться и прямо сейчас рыться в памяти в поисках аналогий.

— Что бы мне хотелось знать, так это почему никто из вас не заметил этого? — стал выговаривать Маннинг. — Или у вас всех пластилин вместо мозгов? Большинство из вас каждый день имеет дело с этими лошадиными мордами, чуть ли не в обнимку спит с ними, и только единственный догадался увидеть своими глазами это потрясающее свидетельство!

— Наверное, для этого нам следовало иначе развернуть наши лопаты, — съязвил Стоворт.

Маннинг недовольно посмотрел в его сторону:

— Возможно, и так, раз вы считаете это несерьезным. Давайте разберемся: эти лошадиные морды, которых многие из вас считают странными, строили свои дома в точно таком же стиле, как и Пришельцы извне. Странные, говорите? Безобидные, осмелюсь добавить!

Он картинно склонил голову и тяжело вздохнул. Когда он поднял глаза вверх, его лоб был прочерчен глубокими морщинами, которые должны были являть собой недовольство своими несмышленными подчиненными.

— Джентльмены... — позвольте мне вас так называть в силу привычки — на протяжении последних столетий человечество не раз сталкивалось с покинутыми городами Пришельцев извне. Они уже освоили бог его знает сколько галактик. Насколько можно судить, они обладали настолько же организованной цивилизацией, как и наша, возможно даже, что их цивилизация была еще совершеннее. И вот примерно сорок тысяч лет назад они почему-то стали сматываться отсюда, не оставив после себя абсолютно ничего, кроме пустых зданий да нескольких куч металлолома, который когда-то был машинами. И мы следуем по пятам за этими отбросами с тех самых пор, как только нам

удалось вырваться за пределы Солнечной системы. И вот, наконец, нам удалось найти их самих. Да, именно здесь, на Хирлае. А теперь — что вы сами думаете по этому поводу?

Все молчали. Райнасон посмотрел на Мару, и, ободренный ее улыбкой, поднялся.

— Я не думаю, что именно хирлайцы являются Пришельцами, — сказал он совершенно спокойно.

Маннинг метнул на него быстрый недовольный взгляд:

— Ты только что видел фотографии.

— Да, видел. Это работа Пришельцев, я с этим вполне согласен, или, во всяком случае, нечто, сильно смахивающее на их стиль. Но это ни в коей мере нельзя расценивать как свидетельство того, что эти... сколько их всего? Двадцать пять, говорите? Словом, я не думаю, что эти создания являются Пришельцами. Мы проследили их историю в ретроспективе вплоть до периода, когда они полностью были варварами. Их культура никогда не была достаточно высокой, чтобы выйти за пределы своей планеты, не говоря уже о том, чтобы распространить свою расу среди других звезд.

Когда он закончил, Маннинг повернулся спиной к сидящим в комнате и экспрессивно распростер руки:

— Вот, пожалуйста, джентльмены, убедитесь сами, как много нам удалось найти к настоящему времени. — Он снова посмотрел на Райнасона. — Тебе случайно не приходило в голову, Ли, что если эти лошадиные морды действительно являются Пришельцами, то, возможно, они обладают знаниями несколько более глубокими, чем мы? Я полагаю, ты сейчас начнешь говорить, что вступал в телепатический контакт с одним из них и не обнаружил ничего вызывающего подозрения. Но не забывай, что они пользуются телепатией вот уже тысячи лет, и нельзя быть уверенным в их действиях, когда вступаешь с ними в контакт. Я несколько не верю им — если они Пришельцы, то, возможно, опередили нас на сотню тысяч лет в своем развитии. И пусть сейчас их только две дюжины, мы все же не знаем, насколько они сильны.

— Это действительно было бы так, если бы они были Пришельцами, — ответил Райнасон.

Маннинг небрежно кивнул:

— Да, именно об этом я и говорю. Если они действительно Пришельцы, что выглядит как вполне обоснованное научное заключение. Или у тебя есть идея получше?

— Не знаю, получше она или похуже, — ответил Райнасон. — Возможно, она и не такая привлекательная, как ваша. Но почему бы не рассмотреть этот вопрос под иным углом зрения: возможно, когда Пришельцы ушли отсюда, они просто перебрались куда-нибудь в другое место. Мы так привыкли видеть мертвые города, что стали автоматически считать, что Пришельцы тоже вымерли. Именно поэтому, полагаю, вас и беспокоит тот факт, что хирлайцы живы. Но дело может быть даже хуже. Вся империя могла просто перебраться на данный край Вселенной. Возможно, мы сейчас как раз находимся на самой границе и вот-вот столкнемся с сотнями планет, заселенных Пришельцами.

Маннинг пристально смотрел на Райнасона, и выражение на его лице было очень похожим на гнев. Почти что гнев, но не совсем.

— Здания, руины которых мы обнаружили здесь, построены хирлайцами, — продолжал Райнасон. — Я видел, как они их строили, когда был соединен с Хоригом, и это точно такие же здания. Но архитектура копировала более старые здания, и я не знаю, насколько мне следовало еще углубиться в память Хорига, чтобы выяснить, откуда появился изначальный прототип. Возможно, задолго до того, как у них развилась телепатия. Но просто эта раса не такая старая, как раса Пришельцев; они вышли из состояния варварства через тысячи лет после того, как Пришельцы покинули эти мертвые города. Не исключено, что если хирлайцы и подверглись какому-то влиянию со стороны Пришельцев, то это было примерно тридцать тысяч лет назад... что свидетельствует о том, что Пришельцы шли этим путем, когда покидали города. Это означало бы, что мы следуем за ними и можем в любой момент их нагнать.

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— Мы продвигаемся вперед быстрее, чем двигались они, и у нас нет никаких данных о том, где они могли поселиться снова. Возможно, уже следующий звездный перелет за пределы Края выведет нас на один из действующих форпостов. Но только не на этой планете. Это еще не форпост.

Маннинг все так же пристально смотрел на Райнасона, но это был взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

— Ты совершенно уверен в том, что то, что тебе удалось извлечь из головы этой лошадиной морды, действи-

тельно правда? — спросил он ровным голосом. — Ты им веришь?

Райнасон кивнул.

— Хориг действительно был напуган. Я чувствовал это. И все остальное было тоже реальным — я видел всю расовую память, и никто не смог бы так все подделать. Если бы вы испытали это...

— Да, мне не пришлось испытать этого, — сердито перебил его Маннинг. — Но все равно я не верю им. — Он замолчал, затем, пожав плечами, продолжил: — Но эта затея с прямым контактом действительно представляется наиболее целесообразной, чтобы держать их под контролем. Мне бы хотелось, чтобы ты, Ли, поглубже занялся этим и выведал, что думают эти лошади. Не позволяй Хоригу снова вывести тебя из интересующих нас блоков памяти. Если он попытается что-то скрыть, влезь туда и выясни, что именно. И, бога ради, не доверяй ему. Если эти создания действительно Пришельцы, они вполне могут нас дурачить.

Маннинг прервал свою тираду и задумался. Затем, глядя Райнасону прямо в глаза, добавил:

— И будь осторожен, Ли. Я на тебя рассчитываю.

Райнасон проигнорировал его взгляд, которому тот попытался придать отеческую доброжелательность, и повернулся к Маре.

— Попробуем завтра снова, — сказал он. — Сделай после обеда заявку на телепатер; и обеспечь, чтобы мы смогли заняться этим прямо с утра. Через час я зайду к тебе.

Она удивленно посмотрела на Райнасона.

— Зайдешь? Зачем?

— Вчера я сам сделал заявку. Вино из сектора II, урожая восемьдесят шестого года. И мне нужен кто-то, с кем бы я мог его опробовать.

Она улыбнулась:

— Идет.

Маннинг заканчивал собрание:

— ... Карл, обязательно занеси мне к вечеру доклад о ремеслах Пришельцев. Следующее: я раздам каждому из вас все доклады, которые сделали другие члены группы; внимательно изучите их и посмотрите, не было ли чего-то упущено при первом ознакомлении. Возможно, нам удастся обнаружить еще кое-что, что ускользнуло от внимания.

Изучите их тщательно — все отчеты как один составлены небрежно. Вы все стремитесь избавиться от них побыстрее.

Райнасон усмехнулся про себя при воспоминании о том, как Маннинг сам торопил всех с представлением ему докладов. Да, в этом заключалось одно из достоинств быть начальником — списывать собственные ошибки на подчиненных. Он направился к двери.

— Ли! Задержишься на минутку. Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

Райнасон сел, и когда все остальные ушли, Маннинг примостился напротив него. Он медленно вытащил сигарету и закурил.

— Моя последняя пачка. Извини, не могу предложить тебе сигарету — следующий рейс нескоро, а я привык именно к этому сорту. Знаю, что сейчас их изготавливают таким образом, чтобы они не формировали привыкание, но я из тех людей, которые обладают многими недостатками.

Райнасон пожал плечами, ожидая, когда Маннинг начнет разговор по сути дела.

— Я полагаю, что такие привычки делают меня человеком более широких взглядов в отношении того, что делают мои подчиненные, — продолжал Маннинг. — Представь — как я могу возражать против курения или спиртного, если сам употребляю?

— Я рад, что у вас такие взгляды, — сухо ответил Райнасон. — Но зачем вы просили меня остаться?

Маннинг медленно выпустил струю дыма, наблюдая за ней прищуренными глазами.

— Знаешь, Ли, хотя я и смотрю сквозь пальцы на некоторые вещи, все же стараюсь не спускать с тебя глаз. — Он хохотнул, коротко и немного неестественно. — Нельзя, конечно, сказать, что я альтруист в полном смысле этого слова — ты ведь меня знаешь, Ли. Но когда ты облечен властью, то должен быть готовым к тому, чтобы взять на себя ответственность. Ты согласен со мной?

— Вы должны отстаивать свою собственную репутацию перед Управлением Сектора, — ответил Райнасон.

— Да, конечно. В таких ситуациях начинаешь со временем мыслить... как бы это сказать... с отцовских позиций по отношению к своим подчиненным, хотя мне никогда раньше, во внутренних мирах, не приходилось играть роль добренького папаши. Но я имею в виду, что это... это

имеет место в данном случае. Я начинаю беспокоиться за тебя, Ли.

Райнасон начал догадываться, о чем сейчас пойдет речь. Он глубже уселся в кресле и спросил:

— Почему?

Маннинг нахмурился, пытаясь придать своему лицу участливую озабоченность.

— В последнее время я частенько вижу тебя с Марой. Покоже, ты серьезно увлекся ею.

— Мара — один из тех ваших недостатков, о которых вы мне только что говорили, Маннинг? — спокойно спросил Райнасон. — Не хотите ли вы предостеречь меня, чтобы я держался от нее подальше?

Маннинг покачал головой, давая этим понять, что он имел в виду другое.

— Нет, Ли, не совсем так. Она не такого сорта женщина. Так я считаю. Вижу, как ты смотришь на нее, и, поверь моему опыту, ты на неверном пути. Когда ты здесь, на Краю, тебе не нужна жена.

— То, что мне здесь необходимо, солидный недостаток, — так вы считаете, да?

Маннинг подался вперед.

— Вот это, пожалуй, ближе к делу. Да, приблизительно так. Ли, у тебя появилась в последнее время какая-то внутренняя напряженность из-за этой работы; не думай, что я не замечаю этого. Телепатический контакт с этой лошадкой не ладится, судя по тому, что ты мне рассказывал. Я думаю, тебе следовало бы вечером расслабиться, хорошенько напиться и послать все к чертям. И прихвати с собой одну из городских женщин, они всегда под рукой. Ты не пожалеешь, поверь мне.

Райнасон встал.

— Возможно, завтра вечером, — сказал он. — А сегодня я занят. С Марой. — Он повернулся и направился к двери.

— Я бы советовал тебе провести время с кем-нибудь другим, — спокойно сказал вслед ему Маннинг. — Я от всей души это тебе советую, для твоего же блага — веришь ты мне или нет.

Райнасон повернулся к двери и холодно ответил:

— Вы ее не интересуете, Маннинг.

Маннинг мог, конечно, из чувства уязвленного самолюбия досаждать ему по мелочам; но его завуалированные

угрозы не беспокоили Райнасона. Во всяком случае, у него сейчас на уме было совсем другое. Он вспомнил наконец то, что никак не мог припомнить относительно резьбы по камню на том хирлайском доме на фотографии, и что так привлекло его внимание: там было большое сходство с резьбой, которую он видел глазами Теброна у входа в Храм Кора. Символы Кора, так их назвал Теброн... Скопированные с работ Древних...

Пришельцев?..

ГЛАВА V

Возникли проблемы с Хорнгом, который начал сопротивляться проведению телепатических контактов. Хирлайцы жили на Равнине в развалинах, каменные стены которых как наждаком шлифовали ветры. Из-за этого углы и выступающие части домов давно уже округлились и утратили свою прежнюю форму. Аборигены изредка поддерживали здания незначительными ремонтами; был даже общий для всех сад с обычными для этой планеты темными губчатыми растениями. Проходя между массивными зданиями, Райнасон и Мара повстречали нескольких огромных аборигенов; они обернулись, посмотрели на землян ничего не выражающим взглядом, затем в своей обычной замедленной манере продолжили путь, неведомо куда и неизвестно зачем.

Они нашли Хорнга неподвижно сидящего в том месте, где сходились несколько зданий; он уныло смотрел вдаль, туда, где за Равниной на фоне темно-голубого неба виднелись невысокие холмы. Райнасон снял с плеча телепатер и подошел к нему. Когда он включил автопереводчик, абориген не подал никаких признаков, похожих на возражения, но когда землянин поднял микрофон, чтобы обратиться к нему, в тишине разреженной атмосферы вдруг послышался сухой голос Хорнга; перо самописца вычертило:

НЕТ НИКАКОЙ ЦЕЛИ.

После небольшой паузы Райнасон сказал ему:

— Мы почти завершили наш доклад. Нам нужно сегодня закончить.

НЕТ НИКАКОЙ ЦЕЛИ В СМЫСЛЕ ПОИСКА.

— Никакой цели доклада? — переспросил Райнасон после паузы. — Это для нас очень важно, и мы почти уже закончили. Будет еще меньше цели, если сейчас мы остановимся, когда уже так много сделано.

Огромная, обтянутая кожей голова Хорнга повернулась к нему; Райнасон почти физически, как нависшую над ним тень, ощутил его тяжелый взгляд.

МЫ ПРИВЫКЛИ К ЭТОМУ.

— Мы думаем не совсем одинаково, — сказал Райнасон. — Для меня в этом есть цель. Ты мне поможешь в последний раз?

Абориген ничего не ответил, только медленно склонил на бок голову. Райнасон воспринял этот жест как согласие и подал Маре знак, чтобы та включила телепатер.

После последнего сеанса Райнасон понимал причину нежелания со стороны Хорнга продолжать эксперимент. Возможно, даже его заявление о том, что нет никакой цели, имело смысл: могло ли упорядочение истории этой расы что-то значить для ее последних представителей? Возможно, им было все равно; вся их жизнь состояла теперь в том, что они медленно брели среди развалин старого мира и чувствовали, что все рушится, а беспорядочную картину прошлого своей расы они тоже воспринимали как нечто такое, что вскоре должно исчезнуть.

И Райнасон не забыл леденящие душу волны ненависти, которые накатывались на него из мозга Хорнга; он был абсолютно уверен, что Хорнг не забыл этого тоже.

Мара подсоединяла провода телепатера; Хорнг сидел без движения, изредка переводя свои темные глаза с нее на Райнасона. Когда Мара закончила, Райнасон кивнул, чтобы она включила контакт.

И сразу же почувствовал, как разум Хорнга наваливается на его собственный: неясные потоки мысли опускаются ближе, серые расплывчатые изображения становятся более четкими и накрывают сознание; через какое-то мгновение он ощутил, что его собственные мысли сливаются с мыслями Хорнга, что целостность восприятия происходящего растворяется в восприятии инопланетянина. Теперь они были вместе; они почти слились в единое целое.

В Хорнге он ощутил шепот недоверия, страха и отголоски той самой ненависти, которая так поразила его раньше. Но все это было глубоко в подсознании; на поверхности сознания волнами распространялось ощущение соб-

ственной ненужности, отказа от всего активного, нереальности происходящего вокруг. Спокойствие, которое он раньше отмечал в Хорнге, теперь куда-то ушло, и его место занял туман безнадежности.

Райнасон осторожно углубился в пласты расовой памяти этого серого сознания, чувствуя, как на него давят находящиеся где-то совсем рядом чувства Хорнга. Он нашел их, эти пласты мыслей неизвестных ему и живших тысячелетия тому аборигенов, изображения и звуки, существовавшие в реальной жизни задолго до него. Он пошарил в них, пытаясь снова отыскать мысли Теброна... и нашел-таки то, что искал.

Сейчас он был Теброном, марширующим через обширную равнину, которую уже видел раньше; сильный ветер бросал ему прямо в лицо песок, поднимаемый шаркающими ногами его солдат. Он ощущал, как мускулы на ногах ноют от усталости; сухой воздух обжигал жадно дышащие ноздри при каждом долгим вдохе. Он был еще на расстоянии нескольких часов марша до города, но скоро, вот уже совсем скоро, перед заходом светила должен быть привал.

Райнасон стал осторожно пробираться по этому слою памяти, стремясь перескочить немного вперед; он сознавал, что Хорнг пристально следит за его передвижениями. В его сознании все еще доминировала усталость, затем вдруг промелькнул едва заметный проблеск интереса к чему-то, но тут же был подавлен усталой безнадежностью, апатией, которую Райнасон уже отмечал ранее. Он проследовал по слоям памяти дальше... еще дальше... и вот, наконец...

Охранник храма пал в тени, и один из гвардейцев Теброна наклонился, чтобы подобрать его оружие. То, что осталось от тела охранника, катилось вниз по ступеням Храма — три, четыре, пять ступеней; и вот, наконец, эта половина туши замерла внизу. Теброн отвернулся и направился вверх ко входу.

Накатилась волна стона от невыносимой боли и страха, которые вырастали где-то в глубинах его подсознания. Он вошел в тень дверного проема и остановился, но только на какое-то мгновение: внутри не было никакого движения, и он сделал шаг вперед — всего одна ступенька вниз, в помещение Храма.

Крик разнесся эхом по залам и коридорам Храма — высокий и пронзительный, усиливающийся по мере того,

как на него накладывалось собственное эхо, доводя его Теброна до состояния беспамятства. Он знал, что все это исходит от Хорига, но боролся с ним, постепенно продвигаясь по темной внутренней комнате. Он был Теброном Марлом, королем-священником, вождем Хирлая, это он вошел в Храм Кора, ощущая под ногами несокрушимую массивность каменного пола. Холодный пот внезапно выступил на спине — его или Теброна? Но он действительно был Теброном, и отчаянно боролся со взрывом страха в своем мозгу, как будто все это было борьбой за право ощущения собственной личности. Но он был Теброном.

Крики внезапно угасли; он стоял в тиши перед Алтарем Кора.

Итак, цель достигнута, подумал он. Сколько дней он сражался, чтобы оказаться здесь? Вспоминать не было никакой нужды; его мышцы являлись ярким напоминанием о пройденном пути, как и боль в ране, которая мешала движению плеча. Если бы он вспомнил все битвы, то снова услышал бы многочисленные эхо в сознании своих врагов; в сознании, которое погибало вместе с сознанием его собственных умирающих воинов. Нет, таких ощущений он испытал уже достаточно. Перед ним цель, и он ее добился; возможно, теперь вообще отпадет необходимость в дальнейших убийствах.

Он начал тщательно выговаривать слова, которым его научили много лет назад, в период учебы в Районе Шахт. Все ритуалы Храма соблюдались только на старинном звуковом языке; этого требовал Кор, и эти слова знали только жрецы, потому что они были настолько стары, что все их формы застыли к тому времени, когда остальные обрели телепатические способности и упразднили необходимость использования речи. Эти священные слова никогда не произносились в кругу непосвященных.

— Я — Теброн Марл, король-первосвященник, вождь Хирлая. Я пришел получить твои приказы напутствия.

Он встал на колени, как того требовал ритуал, и уставился на Алтарь. Там мигнул Глаз Кора — маленький кружочек света в темной комнате. Алтарь был массивный, но простой по оформлению; его тяжелые колонны, воздвигнутые в традиционном стиле, поддерживали вес Глаза. Теброн наблюдал за тем, как Глаз то делался ярче, то затухал, и ждал; внутри него с беспокойством и любопытством ждал и разум Райнасона.

Наконец, Кор заговорил.

СОХРАНЯЙ НЕПОДВИЖНОСТЬ. НЕ ПРОДВИГАЙ-СЯ ВПЕРЕД.

Он почувствовал себя ребенком; волна чувственной сентиментальности мгновенно распространилась по коже и всем органам. И ведь было из-за чего — в Храме Кора с ним разговаривал сам бог-вождь.

— Я жду дальнейших слов.

В темноте Глаз действовал на сознание гипнотически. Снова под сводами огромного зала зазвучал голос Кора:

НАУЧНЫЕ ПОИСКИ ТВОЕЙ РАСЫ ВЕДУТ К ЕЕ ВЫМИРАНИЮ. НАУЧНЫЕ ДАННЫЕ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ МНЕ ВАШИМИ ЖРЕЦАМИ, СО ВСЕЙ ОЧЕВИДНОСТЬЮ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ, ЧТО ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ВАША РАСА ВЫРВЕТСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ ПЛАНЕТЫ. ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПРОДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД, ИБО НА ЭТОМ ПУТИ ВАШУ РАСУ ЖДЕТ ВЫМИРАНИЕ.

Все его мысли смешались; это было вовсе не то, на что он рассчитывал. Бог-вождь Кор всегда помогал этому народу продвигаться вперед по пути наук; учеными словами ему докладывали о результатах научных исследований и нередко бывало, что если эти доклады были сформулированы правильно, бог-вождь разъяснял непонятные моменты, с которыми они сталкивались. Но сейчас он приказал прекратить научные исследования. Это было просто немислимо! Знание всегда считалось божественным; божественное было знанием сущего; сущее было знанием, пониманием. Для него и для всего народа все эти понятия были едиными, и вот сейчас это единство нарушается. Где-то далеко в темноте он снова почувствовал слабый крик.

— Мы должны отказаться от прогресса? Неужели звезды так опасны?

САМО ПОНЯТИЕ СТРЕМЛЕНИЯ К ПРОГРЕССУ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ В ТВОЕМ НАРОДЕ. ВЫ ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ НЕПОДВИЖНЫМИ, ЗАКОНСЕРВИРОВАТЬ ТО, ЧТО ВАМИ ДОСТИГНУТО, И ЖИТЬ В МИРЕ.

Чем дольше он смотрел на Глаз, тем больше и ярче казался он в темноте Храма.

ЗВЕЗДЫ НЕ ОПАСНЫ. НО ЕСТЬ ОДНА РАСА, КОТОРАЯ РАСТЕТ ВМЕСТЕ С ВАМИ, И РАСТЕТ БОЛЕЕ БЫСТРЫМИ ТЕМПАМИ. ЕСЛИ ВЫ УСТРЕМИТЕСЬ К ЗВЕЗДАМ, ТО СКОРЕЕ СТОЛКНЕТЕСЬ С ЭТОЙ РА-

СОЙ, А ОНИ СИЛЬНЕЕ ВАС. ОНИ БОЛЕЕ ВОИНСТВЕННЫ, ЧЕМ ВАШИ ЛЮДИ. ВЫ УЖЕ ГОТОВЫ К МИРУ, И ЭТО ДОЛЖНО СТАТЬ ВАШЕЙ ЦЕЛЮ. ОСТАВАЙТЕСЬ НА СВОЕЙ ПЛАНЕТЕ; ЗАКОНСЕРВИРУЙТЕ ЗНАНИЕ; КУЛЬТИВИРУЙТЕ ПЛОДЫ ВАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОНА ЕСТЬ, НО НЕ ПРОДВИГАЙТЕСЬ ДАЛЬШЕ. ЕСЛИ ВЫ ПОСТУПИТЕ ТАК, ТО У ВАС В ЗАПАСЕ БУДЕТ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ДО ТОГО, КАК ЭТА РАСА ОБНАРУЖИТ ВАС, И ЕСЛИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДЛЯ НЕЕ ОПАСНОСТИ, ОНА ВАС НЕ УНИЧТОЖИТ.

При этих словах бога-вождя, которые низверглись на Теброна в тиши темного зала, он ощутил, как внутри поднимается гнев, смешанный с усиливающимся страхом. Он был воином и исследователем. Как мог он отказаться от всех своих планов и заставить своих подданных поступить так же? Ведь не будет никакой надежды, желания двигаться вперед, никакой любознательности... никакой цели.

— Намного ли эта раса опередила нас в своем развитии? — решился он задать вопрос.

Из алтаря послышался низкий шум; Глаз снова засветился ярче.

СЕЙЧАС ОНИ НЕ НАМНОГО ОПЕРЕДИЛИ ВАС. НО ОНИ БОЛЕЕ ВОИНСТВЕННЫ, И ПОЭТОМУ БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ БОЛЕЕ БЫСТРЫМИ ТЕМПАМИ. ДЛЯ ОБЕИХ ВАШИХ РАС ВОЙНА ЯВЛЯЕТСЯ ПОИСКОМ, В КОТОРОМ ВЫ РЕАЛИЗУЕТЕ ТО, ЧТО НАХОДИТСЯ ВНУТРИ ВАС. ВАШИ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, КАК И ВАШИ ВОЙНЫ, ЯВЛЯЮТСЯ ПО СУТИ ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ. И ВЫ ДОЛЖНЫ ПОКОНЧИТЬ И С ТЕМ, И С ДРУГИМ, ПОСКОЛЬКУ И ТО, И ДРУГОЕ ВЕДЕТ К НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ. А ПУТЬ К УДОВЛЕТВОРЕНИЮ, ЕСЛИ ТАКОЕ ВОЗМОЖНО ВООБЩЕ, ЛЕЖИТ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МИР.

Он склонил голову в сторону — жест, означающий полное понимание и согласие. Он не мог вступать в спор с богом-вождем Кором и не смел позволить себе такое даже в мыслях.

— Как я должен повлиять на свою расу? Разве можно убедить каждого из них, что необходимо забыть все изыскания?

Глаз заурчал и сделался еще ярче на фоне находившейся за ним темной стены с орнаментом, гравированным

по камню. Прошло какое-то время, пока Кор не заговорил снова.

УБЕДИТЬ КАЖДОГО БУДЕТ НЕВОЗМОЖНО. ИМ НЕ СЛЕДУЕТ РАСКРЫВАТЬ ПРИЧИНЫ; ИХ НАДО ЗАБЛОКИРОВАТЬ ОТ ВСЕОБЩЕЙ ПАМЯТИ. ТЫ НИКОМУ НЕ ДОЛЖЕН ПЕРЕДАВАТЬ ТО, ЧТО Я ТЕБЕ СООБЩИЛ. УСИЛИВАЙ СВОЮ ВЛАСТЬ, СИЛОЙ НАВЯЖИ ВСЕМ ИМ МИР И ПРИВЕДИ ИХ К ПОКОРНОСТИ. МОЖНО СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ЗНАНИЕ И СТРЕМЛЕНИЕ К ПОИСКУ УМЕРЛИ В НИХ. ЗАПОМНИ, ЧТО НЕ БУДЕТ НИКАКОЙ ЦЕЛИ И В ЭТОМ СЛЕДУЕТ ИСКАТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ.

Король-священник, вождь Хирлая подождал несколько минут и уже был готов подняться и уйти, как Глаз замигал и заговорил снова:

ТЫ ДОЛЖЕН УПРАЗДНИТЬ ЖРЕЧЕСТВО. ЗНАНИЕ, КОТОРОЕ Я ТЕБЕ ДАЛ, ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ.

Он еще долго ждал в тускло освещенном, неожиданно прохладном зале, что бог-вождь заговорит снова; затем медленно поднялся и побрел к двери. В памяти явственно стояло изображение Глаза Кора. Он остановился у выхода из Храма, ощущая, как легкое дыхание города проносится над головой сквозь вымощенный из камня дверной проем. Один из гвардейцев приблизился к нему и обратился мысленно, но он заблокировал свои мысли и стал тяжело спускаться по лестнице.

Шум ветра над головой вырос до завывания; внезапно его охватило ощущение, будто он быстро скатывается вниз по лестнице: куски неба, камня, лиц мелькали как в калейдоскопе. Он потянулся к своей дубине и почти уже взял ее в руки, как вдруг осознал, что он не Теброн Марл, а уже снова Ли Райнасон, и завывание исходило от Хорнга, который силой вытащил его из тех воспоминаний, протаскивая через тысячи других настолько быстро, что он не мог сосредоточиться ни на одном из них.

Райнасон отключился от сознания Хорнга как от кошмара; он стал ощущать свое тело, лежащее в пыли Хирлая; с трудом открыв глаза, подал Маре знак отключить телепатер.

Затем медленно сел и потряс головой, чтобы избавиться от впечатлений телепатического контакта. Он все еще был древним королем Хирлая, и потребовалось некоторое вре-

мя, чтобы возвратиться в действительность, к собственному сознанию. Он едва ощущал присутствие Мары, стоявшей возле него на коленях, и поначалу никак не мог понять, что она говорит.

— С тобой все в порядке? Ты уверен в этом? Посмотри на меня, Ли, ну пожалуйста!

Как бы со стороны он почувствовал, что кивает ей в знак того, что с ним все в порядке; когда он увидел выражение ее лица, последние космы владевшего его сознанием тумана выветрились из головы. В ее глазах стояли слезы; прикоснувшись к ее щеке, он сказал:

— Со мной все в порядке. Но почему ты не поцелуешь меня или не сделаешь чего-нибудь в этом роде?

Она поцеловала его, но вдруг резко отстранилась и сказала:

— Ты, наверное, пережил нечто ужасное! Мне показалось, что ты мертв.

Он устало улыбнулся и ответил:

— Нет, это было просто чудесно. Ты бы лучше распутала этого зверя — ему тоже здорово досталось.

Мара поднялась и аккуратно убрала провода с Хорига. Райнасон продолжал сидеть; только теперь до него начало доходить значение того, что он только что пережил. Он понял, почему хирлайцы вдруг резко переключились с войн на вечный мир, и почему была заблокирована память. Но насколько можно доверять памяти, в которой якобы сохранился голос древнего бога чуждой расы?

Сидя в пыли на краю обширной хирлайской равнины, он только теперь начал обретать понимание того, чего не осознал, пребывая в роли Теброна: не только Храм, но и Алтарь Кора были построены Пришельцами.

ГЛАВА VI

Они оставили Хорига на краю Равнины и направились обратно через развалины древнего города Хирлая. Аборигены, мимо которых они проходили, смотрели все так же безучастно. Райнасону не раз приходилось бывать в мелких поселениях, стихийно возникающих после первой высадки на незнакомых планетах, и быстро покидаемых их обитателями, увлекаемыми миграционными потоками, ко-

торые совпадают, как правило, с оживленными магистральными межзвездными трассами. В этих глухих районах Вселенной, где контакты с материнской цивилизацией ослаблены, возникала совершенно новая культура, почти так же отличающаяся от культуры в колониях землян, расположенных вдоль магистральных трасс, как и последние следы культуры хирлайцев на этой планете. И в некоторых таких районах интерес к Земле был настолько слаб, что всех приезжих просто игнорировали — точно так же, как поступали в отношении землян хирлайцы. И все же он никогда не ощущал такого отсутствия интереса, как здесь. У Райнасона складывалось впечатление, что для хирлайцев земляне значили не более, чем ветер или пыль под подошвами ног.

Когда они проходили через заселенную часть развалин, Райнасону пришлось уступить дорогу проходившему хирлайцу. Он молча и медленно прошел мимо, его глаза даже не посмотрели в сторону этих жалких землян. Серые полоумные недотепы, подумал Райнасон; как он, так и Мара невольно ускорили шаг, стремясь поскорее выбраться из этого неуютного места.

На краю городка, где покрытые грязью улицы утопали в пыли, а кучи мусора уже достигали нескольких футов, им встретился Ренэ Мальхомм. Он сидел на земле, вытянув ноги и опираясь спиной на выветрившийся камень. Он казался слишком старым, хотя ему не было еще и пятидесяти; его растрепавшиеся на ветру волосы были практически того же цвета, что и покрывавшие все вокруг пыль и камни. Райнасон подумал, что это от того, что в голове Мальхомма много пыли. Он остановился и посмотрел на этого измотанного, уставшего от жизни человека, глаза которого выдавали его изношенность.

— Ну и как, удалось тебе связаться с богом, Ли Райнасон? — спросил Мальхомм своим трубным голосом, в котором ощущалась ирония.

Райнасон ответил на его настороженный взгляд, пытаясь понять, чего тот хочет. Он снял телепатер с плеча и поставил его в пыль. Мара присела рядом на камень.

— Тебя устроит чужой бог? — спросил Райнасон.

Глаза Мальхомма на какое-то время остановились на телепатере.

— Ты разговаривал с Кором? — спросил он.

Райнасон медленно кивнул.

— Я вступил в контакт с одним из хирлайцев и подключился к его расовой памяти. Пожалуй, можно сказать, что таким образом мне удалось поговорить с Кором.

— Ага, ты вступил в контакт с богом этих аборигенов, — задумчиво пробормотал Мальхомм. — Выходит, он реален? Бог существует?

— Нет, — пояснил Райнасон. — Кор — это машина. Голова Мальхомма вздернулась вверх.

— Машина? Бог — это машина, если перефразировать древнее проклятие. Мы производим свои машины и делаем из них богов. — Морщины на его лице распрямились. — Ну хорошо. Так, пожалуй, даже лучше. Боги остаются мифом, и так лучше для всех.

Райнасон стоял над ним на продуваемой ветрами Равнине, как всегда не понимая, что именно скрывается за словами Мальхомма. Он посмотрел на Мару, но та тоже внимательно наблюдала за Мальхоммом, ожидая, что тот скажет еще.

Вдруг Мальхомм рассмеялся; казалось, что смех распилил продирает его горло.

— Ли Райнасон, я так долго призываю людей к богу, что начинаю сам верить в его существование. И когда люди начали вести разговоры насчет бога этих аборигенов... — Он покачал головой, на лице его блуждала улыбка. — Прекрасно, я очень рад, что это неправда. Религия ни черта бы не стояла, если бы это оказалось правдой.

— Откуда все узнали о Коре? — настороженно спросил Райнасон.

Мальхомм развел руками:

— Маннинг, как обычно, все время трезвонит об этом. Он высмеивает хирлайцев и их бога. И в то же время не перестает внушать всем мысль, что они представляют опасность.

— Почему? Он что, все еще пытается настроить горожан против них?

— Конечно. Маннинг хочет заполучить всю власть, какую только возможно. И если для этого придется пожертвовать хирлайцами, он не задумываясь сделает это. — Мальхомм встал. — Он говорит, что они могут оказаться Пришельцами, и возбуждает в каждом страх.

— Это не так невозможно, как может показаться на первый взгляд, — пояснил Райнасон. — Кор — машина Пришельцев.

Мальхомм с изумлением уставился на него:

— Ты уверен в этом?

Райнасон кивнул в ответ.

— В этом нет никакого сомнения — я видел ее с расстояния трех футов. — Он рассказал Мальхомму о своем контакте с Хорнгом, с блоками памяти, с разумом, с Теброном, о его диалоге с машиной, которая являлась Кором. Мальхомм слушал с глубоким вниманием; его косматая голова склонилась набок, подергиваясь время от времени.

Наконец, Райнасон подошел к самому главному:

— Та раса, о которой Кор предупреждал хирлайцев, по описанию очень похожа на нас. Воинственная раса, которая может сокрушить их, если они вырвутся за пределы планеты. Нам не удалось пока обнаружить никакой другой разумной жизни — есть только мы и эти хирлайцы.

— И еще Пришельцы, — добавил Мальхомм.

— Нет, там речь шла о расе, которая тогда еще не выросла из состояния варварства и находилась примерно на том же уровне развития, на котором были и хирлайцы. Не забывай, что к тому времени Пришельцы уже успели освоить тысячи звездных систем. Нет, раса, в отношении которой они предупреждали хирлайцев, это мы сами.

— А как тогда насчет оружия? — спросил Мальхомм. — Эти дезинтеграторы? Пока человечество еще не изобрело ничего, что имело бы такую же мощь. А хирлайцы уже имели такое оружие тысячи лет тому назад.

— Да, но по ряду причин они не смогли скопировать его. Это-то как раз и настораживает: это оружие явно превосходило их собственный технологический уровень, и в то же время они его имели.

— Возможно, местные аборигены когда-то были Пришельцами, — высказал мысль Мальхомм. — Возможно, что мы обнаружили здесь остатки великой расы, которая деградировала до такого скотского состояния.

Райнасон покачал головой.

— Но они должны были иметь какой-то контакт с Пришельцами, — высказала свое мнение Мара. — Скорее всего, задолго до правления Теброна. Пришельцы могли оставить после себя дезинтеграторы и машину, которую местное население принимало за бога.

— Это всего лишь догадки, — сказал Райнасон. — Теброн сам не знал толком, откуда появилось оружие. Оно передавалось из поколения в поколение через жрецов, а

там были свои секреты. Полагаю, если бы мне удалось еще повозиться с исторической памятью этой расы, я бы докопался до мощного и очень интересного пласта, скрывающего ответ на этот вопрос. Но проделать это будет очень трудно.

— И у тебя просто для этого не будет времени, — сказал Мальхомм. — Когда Маннинг узнает, что Алтарь Кора является машиной Пришельцев, его уже ничто не сможет остановить от уничтожения хирлайцев.

— Не думаю, чтобы в этом вопросе возникли какие-либо проблемы, — возразил Райнасон.

Губы Мальхомма вытянулись в тонкую линию:

— Проблемы есть всегда. Всегда, запомни это. Кто бы, или что бы там ни разговаривало с хирлайцами через посредство этой машины, оно уже знало о нас, причем немалое. Единственный способ предотвратить убийство, это не говорить Маннингу о том, что ты сегодня узнал. Но, поступая так, ты должен быть абсолютно уверен, что со стороны хирлайцев не существует никакой угрозы. Именно сейчас все зависит только от тебя одного.

Райнасон нахмурился. Он знал, что Мальхомм прав — остановить Маннинга будет чрезвычайно трудно, если только то, что он рассказывал о стремлении этого человека к власти, было верным. Но, с другой стороны, мог ли он быть абсолютно уверенным в том, что хирлайцы действительно так безобидны, как это кажется? Он вспомнил успокаивающее прикосновение разума Хорнга к своему, спокойствие, которое в нем обнаружил, что-то наподобие самопожертвования... Но, с другой стороны, он также помнил страх, истошные мысленные визги и тот внезапный взрыв ярости, который коснулся его сознания.

Молчание прервала Мара:

— Ли, я думаю, что тебе следует доложить обо всем Маннингу.

— Почему?

Ее лицо помрачнело:

— Я не знаю точно... Но... когда я отсоединяла провода телепатера, Хорнг так смотрел на меня... Тебе когда-нибудь приходилось пристально смотреть ему в глаза? Это ужасно: этот взгляд невольно заставляет вспомнить, как они стары, и как сильны в то же время. Ли, мускулы на лице этого создания такие же крепкие, как руки у большинства мужчин!

— Он только смотрел на тебя? — спросил Райнасон. — И ничего больше?

— Только смотрел. Но эти глаза... Они так глубоки, так наполнены чувствами... Обычно их не замечаешь, потому что они глубоко расположены в глазницах и постоянно находятся как бы в тени, но оказывается, что они просто огромны! — Она запнулась, и в растерянности помотала головой. — Я не могу точно объяснить, что это такое. Когда я обошла его с другой стороны, то обнаружила, что его глаза все время внимательно следят за мной. А сам он был совершенно неподвижен — казалось, что живыми были только глаза. Но они меня очень напугали. В них было гораздо больше, чем просто... нет, они не просто смотрели, в них была не просто заинтересованность — они были живыми.

— Это еще не доказывает, что хирлайцы могут быть опасными.

— Да, я действительно не могу утверждать, что они опасны. Но они просто... как бы это точнее выразить... Они не так пассивны, как об этом можно судить по их внешнему виду. По крайней мере, с такими глазами...

— Хорошо, — согласился Райнасон. — Я представлю Маннингу полный отчет, и пусть он сам решает.

Он поднял телепатер и повесил на плечо. Мара встала, стряхивая налипшую на ноги пыль.

— А что вы станете делать, если Маннинг вдруг решит, что имеется достаточно оснований, чтобы уничтожить всех хирлайцев? — необычным для него серьезным тоном спросил Мальхомм.

— Я его остановлю, — ответил Райнасон. — Он здесь пока еще не губернатор.

Мальхомм снова продемонстрировал свою сардоническую улыбку.

— Возможно, пока нет... Но если тебе будет нужна помощь, обратиться к Богу. В книгах ничего не говорится о внесемных цивилизациях, но нет сомнения, что эти аборигены — творения Бога, как и мы сами. Да и я всегда готов проломить пару-другую черепов, если в этом возникнет необходимость. — Он повернулся и, сплунув в пыль, добавил: — Или просто для того, чтобы размяться.

После обеда Райнасон зашел к Маннингу. Тот сидел в своем кабинете, просматривая отчеты. Как только он начал рассказывать о распоряжениях, которые получил Теб-

рон, то сразу же обнаружил, что опасения Мальхомма были обоснованны.

— Что говорила о нас эта машина? — резко спросил Маннинг. — Почему хирлайцам было приказано уклоняться от контакта с нами?

— Потому что мы — воинственная раса. Смысл сказанного заключался в том, что если хирлайцы откажутся от выхода в космос, они будут иметь приблизительно пять тысяч лет, прежде чем мы обнаружим их.

— Как давно это было? Где-то есть твой доклад по этому поводу — так, где же он?

— По крайней мере восемь тысяч лет назад, — подсказал ему Райнасон. — Они переоценили нас.

Маннинг, нахмурившись, резко подскочил. Под глазами у него лежали тяжелые мешки, борода была не подстрижена. Чем бы он ни был занят это время, подумал Райнасон, ему пришлось неплохо поработать.

— Это ничто не объясняет, Ли. Черт побери, с каких это пор машины стали делать догадки? К тому же неправильные?

Райнасон пожал плечами.

— Ну, не следует забывать, что эта машина чуждой нам цивилизации. А, может, они так ее сделали, кто их знает...

Маннинг бросил на него холодный взгляд и налил себе импортного бренди производства Сектора-Три.

— Да, нельзя сказать, что ты меня порадовал, — сказал он с упреком. — Ну да ладно, продолжай — только не так сбивчиво и по порядку.

— Мне бы тоже этого хотелось, — сказал Райнасон. — Честно говоря, я считаю, что эта машина — связующее звено между хирлайцами и Пришельцами. И этим можно было бы объяснить многие вещи — возможно, и сходство в архитектурных особенностях.

Маннинг снова нахмурился и повернулся к нему спиной. Тяжелыми шагами он пересек комнату и посмотрел через пластициновое окно на совершенно пустую пыльную улицу. Когда он возвратился к столу, его лицо все еще выражало обеспокоенность.

— Черт бы тебя побрал, Ли! Ты никак не хочешь видеть наши проблемы. Когда ты заглядывал в мозг этого Хорига, мог ли ты быть уверен, что он, в свою очередь, не шпионит в твоём? Ведь у вас было адекватное соединение, не так ли?

Райнасон кивнул:

— У меня не было возможности предотвратить его проникновение в мой мозг. А разве мы должны что-то скрывать?

— Я предупреждал тебя, чтобы ты не верил им! — выкрикнул Маннинг. — И поскольку ты даже не способен уравновесить свои мозги с мозгами этой лошади...

— Но ведь вы сами говорили, что они могут быть более искусными в телепатии, чем наши машины, — перебил его Райнасон. — Это был шанс, который нам нельзя упускать.

— Есть разница между использованием шанса и выдачей им информации на серебряной тарелочке, — сердито прорычал Маннинг. — Ты хоть как-то пытался удержать его подальше и не дать вывести о нас все?

Райнасон пожал плечами:

— Он был все время занят. Копаясь в памяти Теброна, я чувствовал выкрики Хорнга где-то неподалеку; похоже, он был слишком расстроен, чтобы пытаться проникнуть в мой мозг достаточно глубоко.

На мгновение Маннинг задумался.

— Будем надеяться, что это так, — коротко сказал он. — Так... Если они обнаружили, насколько мы слабы, то сколько времени понадобится, чтобы стянуть сюда подкрепления?

— Не забывайте, что они — всего-навсего вымирающая раса, — подсказал ему Райнасон. — Это не Пришельцы. И почему это вы вбили себе в голову, что они опасны?

— Опомнись, Ли! Шевели мозгами! Они поддерживают контакт с Пришельцами — ты сам это сказал. И заруби себе на носу: совершенно очевидно, что Пришельцы считали войну с нами неизбежной. Сложи эти факты вместе и теперь доказывай, что эти лошади для нас не опасны.

Райнасон стал неторопливо втолковывать начальнику свою точку зрения:

— Не следует так все упрощать, Маннинг. Суть приказа, полученного Теброном, как раз и заключалась в том, чтобы остановить развитие науки и заморозить прогресс в военном деле. И, как можно судить, он выполнил все это в точности. Идея заключалась в том, что если хирлайцы не будут представлять опасности, когда мы здесь высадимся, то войны между нами не произойдет.

— Возможно, возможно... Как знать... Но они не могли предполагать, что нам станет известен факт поддержания

этими лошадьми контакта с Пришельцами — возможно, частично и этим объясняется блокирование расовой памяти. Но нам удалось прорваться сквозь этот блок, и теперь, когда они знают об этом, не исключено, что и Пришельцам это известно. Это полностью меняет всю картину, и единственное, что мне хотелось бы знать в первую очередь — насколько глубоко меняет.

— Они давно уже не поддерживают контакт с Пришельцами, — возразил Райнасон.

— Почему ты так в этом уверен?

— Теброн прервал контакт — это было частью полученных им от Кора указаний. Жречество, являвшееся связующим звеном между хирлайцами и Пришельцами, было упразднено. Когда Теброн умер, он не назначил преемника; поэтому с тех пор машиной никто не пользовался.

Маннинг некоторое время обдумывал услышанное, продолжая при этом хмуриться.

— Где эта чертова машина?

— Я не знаю. Раз ее не ремонтировали, то она, где бы ни находилась, в настоящее время вряд ли пригодна к использованию.

— Я хочу кое-что тебе сказать, Ли, — промолвил Маннинг. — Мы многого еще не знаем; а того, что уже знают о нас хирлайцы, более чем достаточно. Действительно ли эта лошадь прочитала твои мозги, или нет — в принципе не так уж и важно. Важно другое: теперь они знают, что мы не так сильны. Чтобы попасть сюда, мы вместо пяти тысяч лет затратили целых восемь. И нам остается только надеяться, чтобы они не придали этому большого значения.

Он умолк и снова направился к окну.

— Посмотри вокруг себя, Ли — на улицу, на город. Мы только-только ступили ногой на эту планету; у нас практически нет никакого оружия и потребуются недели, чтобы доставить сюда подкрепление. К тому же, здесь нет практически никакого управления. Нас могут смести с планеты до того, как мы вообще сообразим что-либо. Сейчас мы оказались в положении уток, сидящих на яйцах.

Он возвратился к столу и остановился напротив Райнасона.

— Кстати, насчет Пришельцев. Как можно судить, они расценивают нас только с точки зрения войны и все это время стремились избежать контакта с нами. Видимо,

именно поэтому они оставили этот сектор Вселенной. Вплоть до настоящего времени мы полагали, что они мертвы. Но сейчас вдруг обнаружили, что они в контакте с этой планетой — хорошо, пусть не сейчас, а восемь тысяч лет назад. Но это намного ближе к нам по времени, чем все свидетельства об их пребывании здесь, с которыми нам приходилось сталкиваться до сих пор. Ясно, что они все это время следят за нами.

Теперь следующее: ты установил прямой контакт с мозгами этих лошадей; практически ты был одним из них, по крайней мере в течение некоторого времени. Хорошо; а теперь представь себе их реакцию, когда они поймут, что Пришельцы — их бог — переоценили наши возможности? Как они поступят?

Райнасон обдумывал этот вопрос. Он пытался вспомнить, что было в сознании тех особей, с которыми он общался через мозг Хорнга: Теброн, древний воин-король; молодой хирлаец, уставившийся на дома в каком-то старинном городе; умирающий старик, который однажды решил больше не сажать... затем — сам Хорнг; усталый и спокойный, неподвижно сидящий на краю Равнины, среди руин старого города. Он вспомнил остальных в этом последнем пристанище остатков всей расы — медлительных, спокойных, ни к чему не проявляющих интереса...

— Не думаю, чтобы они могли доставить нам неприятности. У них для этого нет никаких оснований. — Он помедлил, вспоминая, и спокойно добавил: — Они утратили какую-либо цель в жизни еще восемь тысяч лет назад.

Маннинг хрюкнул:

— Как бы там ни было, мне явно недостает твоей трогательной веры в этих животных.

— И как бы там ни было, — отпарировал Райнасон, — мне недостает вашего распирающего душу стремления обязательно найти врага, эдакую выдуманную опасность, которую можно легко и безопасно для себя сокрушить. Ваши аргументы слишком неуклюжи, Маннинг.

Маннинг поднял брови:

— Я вижу, что мне не удалось зародить в тебе хоть малейшее сомнение относительно этих созданий. Совсем никаких сомнений, Ли?

Райнасон отвернулся и не стал отвечать. Маннинг тяжело вздохнул:

— Возможно, наступило время, когда мне самому следует пойти туда и устроить сеанс с этими лошадьми. — Он поставил на стол стакан с бренди, который до этого все время вертел в руках. — Ли, я хочу, чтобы ты зашел сюда еще раз через пару часов. К тому времени, думаю, еще что-то прояснится и можно будет принять какое-то решение.

Он подошел к ящику, в котором хранились различные инструменты и мелкие приборы, и достал оттуда пояс с кобурой, из которой вынул станнер последней модели — оружие оглушающего действия с регулируемой силой удара.

— Это — самое мощное оружие, которым мы здесь располагаем. Неплохая штука, хотя и немного тяжеловатая. Надеюсь, нам не придется применять его — для получения разрешения требуется целая куча разного рода бюрократических формальностей. — Он посмотрел на Райнасона и, заметив на его лице холодное выражение, повторил: — Конечно же, я действительно надеюсь, что нам не придется его применять.

Райнасон, не говоря ни слова, повернулся и пошел к двери. Остановившись на мгновение, он заметил, что Маннинг занят проверкой своего оружия. Ему вспомнились дезинтеграторы, которые он видел на ступенях Храма Кора, и оболочка тела, выкатывающегося из тени.

— Увидимся в шесть, — сказал он и вышел.

ГЛАВА VII

Два часа, оставшиеся до назначенной встречи, Райнасон бродил по обдуваемым всеми ветрами улицам, раздумывая над тем, что говорил Маннинг. В чем-то он был прав: этот городок всего лишь первое, временное пристанище для землян; клочок земли, за который можно хоть как-то зацепиться на новой планете. Его еще нельзя даже назвать поселением; дома только сооружаются, цены на все прыгают. Многие прибывшие сюда уже сделали первые попытки извлечь из недр планеты полезные ископаемые в западной части Равнины; и хотя то, что им удалось пока добыть, было мизерно по объему, все же это единственное, что вообще давало хоть какие-то денежные поступления.

Остальная часть города росла благодаря барам, постоянным дворам, прачечным и харчевням — то есть, заведениям, которые выживали лишь потому, что им кто-то покровительствовал. За несколько недель до этого голодные поселенцы попытались было поймать и съесть мелких зверьков, которые шныряли по улицам, но многие из смельчаков вскоре умерли, поэтому такие попытки больше не повторялись. Но было отмечено также, что, когда эти зверьки поедали пищевые отбросы, которые сваливали в кучу за городом, они тоже гибли. Правда, это являлось слабым утешением...

Некоторые крупные корпорации уже направили на планету своих полевых работников, но оказалось, что говорить о развитии какой-либо промышленности еще слишком рано. Все, что пока могла предложить планета, это огромное пространство для заселения. Несмотря на широкое продвижение земной цивилизации в глубь космоса, планет с нормальными природными условиями для жизни людей было не так уж много; поэтому любая пригодная для жизни планета, пусть даже без достаточных собственных ресурсов, не могла не представлять интерес в этом плане. Продолжающийся взрыв роста народонаселения, несмотря на жесткие законы по контролю за рождаемостью во внутренних мирах, опережал темпы освоения новых миров на Краю, поэтому в освоении нового жизненного пространства была острая необходимость.

Но то, что составляло население Хирлая, пока не могло никого удовлетворить. Сюда прибыла только незначительная горстка людей, которые не привезли с собой хоть какой-нибудь цивилизации. Они довольно шатко стояли на этой Равнине, не уверенные в завтрашнем дне, хотя и надеялись, что прибудут сюда еще другие поселенцы, с которыми они и станут строить капитальные жилища. Если только до их прибытия не случится чего-то непредвиденного...

В шесть Райнасон вышел на улицу, которая вела к конторе Маннинга. У самой двери он встретил выходивших оттуда Марка Стоворта и Юлиуса Лессингхема; они были встревожены.

— Что случилось? — спросил он у них.

Но они даже не остановились.

— Спроси сам старика, — ответил Стоворт, пробегая мимо необычно торопливой походкой.

Райнасон вошел в открытую дверь. Маннинг был в первой комнате, среди кучи упаковок станнеров. Бросив на Райнасона короткий небрежный взгляд, он попросил:

— Помоги мне разобрать это хозяйство, Ли!

Райнасон достал из кармана перочинный ножик и стал распаковывать один из ящиков.

— Зачем вы распаковываете этот арсенал?

— Он может нам понадобиться. Двое наших только что были на этом выгоне лошадиных морд и обнаружили, что наши дружественные создания исчезли.

— Юлиус и Стоворт? Я только что встретил их.

— Они производили там некоторые работы — или по крайней мере собирались их производить. И вот там не оказалось ни одной этой твари, даже следов не осталось.

Райнасон пожал плечами:

— Сегодня до обеда они все были на месте.

— А теперь их там нет! — выпалил Маннинг. — Не нравится мне все это, особенно после того, что ты мне понарасказывал. Мы собираемся отправиться на поиски.

— Со станнерами?

— Да. Только что Мара вышла на поле подготовить несколько мотопланов, чтобы мы могли охотиться.

Райнасон уложил коробки с оружием и упаковки с зарядами на пол, где ему указал Маннинг. Их было приблизительно сорок — пистолеты с тупыми стволами и мощными утолщениями вокруг зарядов; весь комплект весил никак не меньше десяти фунтов. У них был тупорылый вид, как у наковален, но они могли поразить любого зверя с двухсот ярдов, а с расстояния в два фута могли повалить каменную стену.

— Сколько человек вы берете с собой? — спросил Райнасон, изумленно осматривая кучу оружия на полу.

Маннинг бросил на него короткий взгляд.

— Столько, сколько удастся собрать. Я позвал полицию; Стоворт и Лессингхэм пошли в город собирать людей.

Итак, в своем стремлении к захвату власти он лез напролом, Мальхомм оказался прав. Хотя не было никакой реальной угрозы, это не могло остановить ни Маннинга, ни бродяг, которых он подкупал в городе. Убийства были для них обычным делом.

— Как вы считаете, сколько нужно убить хирлайцев, чтобы это выглядело солидно перед Советом? — спросил

через некоторое время Райнасон, стараясь, чтобы его голос звучал бесстрастно.

Маннинг сердито посмотрел на него. Райнасон открыто принял его взгляд, подтверждая этим брошенный вызов. Маннинг не принял его.

— Ну, такая постановка вопроса для меня полная неожиданность, — пожал плечами Маннинг. — А как ты сам думаешь? Сейчас появилась маленькая и довольно редкая возможность возглавить хоть что-то в этой скалистой пустыне, и ты не станешь отрицать, что с любой точки зрения все правильно. — Он сделал паузу. — Я вообще не знаю, будет ли необходимость убивать кого-то из них. Не вбивай дурного себе в голову, мы определимся на месте.

Глаза Райнасона стали холодными:

— Хорошо, посмотрим. Но помните, Маннинг, я буду наблюдать так же внимательно, как и вы. Если только вы начнете осуществлять насилие, которое не диктуется обстоятельствами...

— Ну и что ты сделаешь в таком случае, Ли? — резко перебил его Маннинг. — Нажалуешься на меня в Совет? Да они выслушают меня прежде, чем обратят внимание на жалкий лепет ничтожества, которое большую часть жизни бродяжничает по внешним мирам. Это все, что ты собой представляешь, и ты сам прекрасно это осознаешь, Ли — ты бродяга, ты просто задница, как и большинство здешних бродяг. Здесь, на Краю, все такие — кроме тех, кто хоть как-то заботится о себе. Сейчас вожжи в моих руках, — продолжал он. — И если я решу сделать что-то, что тебе не понравится, ты не сможешь меня остановить — ни ты, ни твоя подружка.

— Ага, значит, Мара тоже против этого? — спросил Райнасон.

— Да, она осмелилась сделать несколько замечаний перед твоим приходом, — спокойно ответил Маннинг. — И очень скоро ей придется пожалеть об этом.

Райнасон посмотрел на Маннинга прищуренными глазами, затем молча надел пояс с кобурой и зарядил станер. Он аккуратно пристегнул его к кобуре, размышляя, что имел в виду Маннинг, угрожая ему. Была ли это реальная угроза, или он просто выпустил пар? Ладно, посмотрим...

Примерно через полчаса за дверью Маннинга собралось около шестидесяти человек. Они были грязны и небриты;

некоторые из них работали в городе, несколько человек были из числа шахтеров; но большинство — просто бродяги, продвигавшиеся по Вселенной по мере осваивания землянами межзвездного пространства. Это были те самые люди, которые пили и дебоширили на улицах города, спали днем и поднимали все вверх дном по ночам. Они крали, когда это им удавалось, и убивали, когда это приходило им в голову.

Эти бродяги были обродом со всех планет Края, наблюдавшие годами, как новые планеты открывались для колонизации и эксплуатации, но сами никогда не получавшие ни куска от этого пирога. Они прекрасно ориентировались в обстановке вновь возникавших городков после высадки землян и могли часами говорить о мирах, которые они повидали. Но они были городскими жителями, все до единого; они видели покоряемые миры, но только с улиц. Они не принимали участия в исследованиях или в строительстве, разве что только на самых первых порах после высадки. Когда начиналось настоящее строительство, они снова садились на звездолеты и направлялись еще дальше, к следующей планете.

Райнасон смотрел на их лица, стоя в дверном проеме, и прислушиваясь к тому, что им говорил Маннинг. Это был трудный народ, с низменными инстинктами, обозленный на весь мир. Безмятные лица, все на один манер; для них не было места в более обустроенных мирах земной цивилизации. Возможно, в этом была доля их собственной вины. Но Райнасон знал, что они бежали, только не к чему-то, что ждало их впереди, а от цивилизации. Бежали... Потому что к тому времени, когда новые миры принимали обустроенный вид, эти люди начинали видеть, чего у них нет. Временные жилища будут снесены, им на смену придут капитальные дома, построенные для того, чтобы жить в них, а не только приходить ночевать. Ватерклозеты, укрытия для автомашин, квадрочувствительные приемники и синтезаторы пищи... Они не хотели видеть весь этот хлам... то ли потому, что ненавидели его, то ли потому, что сами хотели иметь такое же, но им это не светило? Впрочем, какое это имеет значение, решил Райнасон. Они привыкли к гонкам, и вот они здесь, на Краю освоенной части космоса, со всем своим гневом и яростью, и Маннинг хочет дать им возможность выпустить кипящий пар наружу.

В толпе, у самого ее края, он заметил знакомые серые космы Ренэ Мальхомма. Райнасон попытался получше его разглядеть; на какой-то миг толпа разомкнулась, и он увидел лицо Мальхомма. Он смотрел прямо на Райнасона, держа тускло отсвечивающий нож прямо у своей груди. Его губы были сжаты в знакомую сардоническую улыбку, которую Райнасону уже не раз приходилось видеть. Нет, по крайней мере Мальхомм не был частью этой толпы.

— Мы уже знаем, в каком направлении они пошли, — говорил Маннинг толпе. — Лессингхэм будет командовать основными силами, и вы следуйте за ним. Если он даст вам команду, выполняйте ее. Дело серьезное, и времени для пререканий просто не будет. Некоторые из нас будут искать их с помощью мотопланов, — продолжал он. — Мы будем поддерживать связь по радио. Когда вы обнаружите, где они находятся, мы с мотопланов поглядим сверху и потом, в зависимости от обстановки, решим, что делать дальше.

Маннинг сделал паузу, оценивающе разглядывая лица собравшихся.

— Большинство из вас, как я вижу, уже вооружены. У нас есть несколько свободных станнеров; если они вам нужны, подходите и берите. Но помните: те, кто вооружены станнерами, должны находиться впереди, их задача заключается только в том, чтобы уложить этих лошадей на землю — пусть добивают насмерть те, у кого есть ножи или что-то другое, чем можно прикончить.

В толпе послышались возбужденные голоса. Несколько человек вышли вперед, чтобы взять оружие; Райнасон видел, как другие вытаскивали ножи и топоры; у некоторых были крупнокалиберные лучевые пистолеты. Райнасон наблюдал за всем этим прищуренными глазами; со стороны Маннинга было настоящим свинством собрать такую толпу головорезов, а его открытая поддержка их воинственного настроя была просто опасной. Как только им дадут возможность убивать, что сможет их остановить?

Неожиданно позади толпы послышались крики; люди поднимались волнами и падали, осыпая все вокруг руганью. Райнасон услышал характерные звуки драки — глухие удары кулаков о челюсти. Те, что стояли в передней части толпы, повернули головы назад; некоторые из них начали пробираться к дерущимся.

Из середины толпы раздался крик; ответом ему послужил возбужденный, сердитый шум голосов вокруг дерущихся. Маннинг как-то сразу вдруг оказался среди них, пробивая себе дорогу станнером, размахивая им как дубиной.

— Дайте дорогу, черт бы вас побрал! Дорогу! — выкрикивал он, быстро продвигаясь сквозь толпу. Люди на его пути ворчали, но расступались, чтобы пропустить его. Было слышно, что драка все еще продолжается; наконец, Райнасон увидел дерущихся. Их было трое — двое взрослых мужчин и молоденький паренек, совсем еще мальчишка, рыжий, с густым, ярко-красным румянцем. Было очевидно, что он еще новичок в краевых мирах. В тех двоих, что были постарше, безошибочно угадывались типичные бродяги Края, о чем красноречиво свидетельствовала их бледность, вскормленная искусственным светом на борту космолетов и герметичных ночежек в мирах, где естественные условия не предназначались для жизни под открытым небом.

Тот что покрупнее держал в руке нож с толстым лезвием; в этих местах такие ножи можно было увидеть довольно часто; многие использовали их в качестве топоришков. Но с этого ножа капала кровь; у второго мужчины одна рука беспомощно повисла, на ней чуть ниже плеча виднелась довольно большая рана. Он корчился в пыли, осыпая отборными ругательствами того, который держал нож; паренек стоял чуть позади, со страхом и ненавистью в глазах. У него тоже был нож, чуть меньшего размера, но паренек как-то слишком уж неуверенно держал его.

Маннинг решительно встал между дерущимися. Он уже оценил ситуацию, и ему потребовалось совсем немного времени, чтобы прорычать три коротких резких слова, смысл которых сводился к тому, что Маннинг выражал свое нелицеприятное мнение в отношении личности дерущихся. Вооруженный ножом мужчина отступил немного назад и что-то зло пробормотал, но Райнасон не расслышал его слов.

Маннинг хладнокровно поднял станнер и продемонстрировал его в действии. Заряд попал в плечо, мужчина завертелся волчком и отлетел в толпу, сбив нескольких человек. Нож упал на землю; пыль и грязь сразу же покрылась кровью. Наступила мертвая тишина.

Маннинг осмотрелся вокруг, легко поигрывая станнером. Затем спокойно, но так, чтобы его слышали все, обратился к толпе:

— У нас нет права и времени для выяснения отношений между собой. Любой, кто начнет что-либо подобное, будет убит на месте. А теперь уберите мясо. — И, развернувшись, спокойно пошел назад через толпу. Паренек, которому помогали двое из толпы, оттащил раненого в сторону.

Мальхонн продвинулся еще глубже в толпу. Против обыкновения, он был молчалив; обычно он обращался с людьми такого сорта с грубой и веселой общительностью, покрывая их ругательствами со всей щедростью своей души. Но сейчас он стоял, наблюдая за собравшимися здесь людьми с хмурым выражением.

Маннинг пристально смотрел в глаза тех, кто находился в толпе впереди. Он буквально пронизывал их взглядом, который задерживал на каждом по несколько секунд. Затем, ослабившись, призвал:

— Берегите силы для лошадей, парни. Для них берегите.

Райнасон выехал на место с Маннингом, Стоворотом и еще несколькими работниками отряда. Ехать было недалеко, автомобиль сильно трясло на ухабах, поэтому никто не разговаривал. Даже Стоворот ехал молча, оставив на этот раз свою обычную болтовню. Райнасон думал о Маннинге: тому удалось быстро и эффективно подавить стычку, приструнив горячие головы, но это было только временной мерой. Толпа явно рассчитывала на какое-то реальное действие по своим наклонностям и темпераменту, и Маннинг уже успел предложить им на заклятие хирлайцев. И если случится, что тревога была ложной, сможет ли он остановить их кровожадный порыв?

Даже больше того — станет ли он вообще останавливать их?

Когда они прибыли на поле, мотопланы были уже готовы, но Мары там не было. Лес Харкорт, который выполнял обязанности радиста, встретил прибывших в радиорубке на краю поля. Он завел их в низкое помещение, наскоро слепленное из бетона, и пододвинул Маннингу для подписи стопку бланков.

— Если что случится, вы за все отвечаете, — сказал Харкорт. — Люди отвечают каждый за себя, но мотопланы являются собственностью компании.

Маннинг нахмурился, всем своим видом выражая безразличие, и начал подписывать бумаги.

— А где Мара? — спросил Райнасон.

— Она уже взяла один мотоплан, — пояснил Харкорт. — Улетела десять минут назад. Экран ее мотоплана в соседней комнате. — Он махнул рукой в сторону двери в задней части радиорубки.

Райнасон направился туда; аппарат был включен, экран демонстрировал то, что было видно по курсу мотоплана Мары. Сейчас он как раз показывал подножья холмов в предгорьях южной части Равнины, где пролетала Мара. Холмы были голые и крутые; торчащие на Равнине скалы за многие годы были отполированы ветрами и пыльными бурями. Мара пролетала над низкой грядой скал, направляясь к пустыне, которая простиралась сразу за ними.

Райнасон взял микрофон:

— Мара, это Ли; мы только что прибыли. Ты их еще не обнаружила?

В динамике звонко зазвучал ее голос:

— Пока нет. Мне показалось, что в одном из проходов было какое-то движение, но там слабое освещение. Вот сейчас я ищу тот проход.

— Хорошо. Мы вылетаем через несколько минут; если ты их обнаружишь, будь осторожна. Жди нас.

Он повесил микрофон и встал. Но, уже направившись к двери, снова услышал ее голос:

— Вот они!

Он посмотрел на экран, но некоторое время не смог ничего там обнаружить. Мотоплан Мары, который находился прямо над скалистыми холмами, взял курс на снижение, поэтому в поле зрения камеры была только Равнина. Райнасон видел проход между скалами, сквозь который пролетала Мара, но никакого движения там он не заметил. Лишь всмотревшись повнимательнее, он увидел справа по курсу низкие развалины строений и фигуры, которые двигались между ними.

Картинка на экране сдвинулась и развернулась в их направлении; Мара явно снижаясь.

— Вот теперь и я их вижу, — сказал он в микрофон. — Не могу разобрать с экрана, что они там делают. Может, тебе лучше видно?

— Они все входят в какое-то здание, — сообщила Мара, взглядевшись повнимательнее. — Пока что я насчитала их около двадцати. Наверное, они все здесь.

— Ты можешь спуститься ниже и рассмотреть, что они делают? Чем скорее мы это выясним, тем лучше; Маннинг ведет с собой довольно мерзкое сборище ублюдков, которых почему-то следует считать бдительными стражами спокойствия.

Она не ответила, но обветренные здания на экране увеличились и стали как бы приближаться. Он мог теперь различать отдельные детали: вот обрушившаяся стена, наполовину погребенная под завалом из пыли и песка; вот вся крыша здания слетела и упала на соседний дом, открыв для обозрения кучи битого камня внутри... Временами даже трудно было определить, действительно ли стены домов завалились: они были настолько выветрены пылевыми бурями, что выглядели одинокими, гладкими, торчащими вверх.

Наконец он увидел хирлайцев. Они медленно брели вверх по ступеням одного из самых больших зданий и исчезали внутри. Это здание было не так сильно разрушено, как остальные; когда Мара опустила еще ниже, Райнасон смог хорошо рассмотреть оставшиеся нетронутыми временем особенности его конструкции.

Вздрогнув, он сел от неожиданности и торопливо выкрикнул:

— Мара, сделай еще один проход над тем зданием, в которое они вошли!

Она быстро развернулась и еще раз прошла над отшлифованными ветрами камнями здания; Райнасон впился глазами в экран. Никакой ошибки, теперь он был уверен в этом: высокая крутая лестница, ведущая к колоннаде, окружающей все здание, крупная резьба по камню над главным входом...

— Поскорее улетай оттуда, прокричал он. — Это Храм Кора. — Но, даже не успев закончить, он увидел, что изображение на экране запрыгало и завертелось, а мотоплан спикировал еще ниже в сторону нагромождения того, что осталось от каменных зданий.

— Они стреляют чем-то!

Он видел, что она пытается снова набрать высоту, но почему-то это ей не удавалось; здания на экране замесались то вниз, то вверх, из одного края кадра в другой.

— Мара! Валетай! Беги оттуда!

— Одно из крыльев повреждено, — начала было быстро говорить она, как вдруг на экране произошел еще один резкий скачок, и он услышал, что она тяжело дышит. Изображение раздалось вширь, выпрямилось и на какой-то миг застыло; каменная стена одного из зданий находилась прямо по курсу мотоплана и стремительно увеличивалась в размерах.

— Мара!

Изображение бешено заметалось, здание заполнило собой весь экран, который вдруг стал черным; из громкогоговорителя послышался треск, который оборвался еще до того, как успел прозвучать до конца. В комнате наступила мертвая тишина.

ГЛАВА VIII

Райнасон был настолько растерян, что продолжал смотреть совершенно обезумевшими глазами на потемневший экран; затем, собравшись, быстро развернулся и побежал в переднюю комнату.

— Поднимайте мотопланы в воздух! Мара нашла их, но они ее сбили, — проговорил он быстро, и не замедляя хода стремительно направился к выходу.

Он выскочил на поле, Маннинг и все остальные последовали за ним. Райнасон подбежал к ближайшему мотоплану, который представлял собой маленькую мобильную машину для полетов на небольшие расстояния. От них давно уже отказались во внутренних мирах, сплавив за ненадобностью на планеты Края, где с оборудованием всегда было туго. Он впрыгнул внутрь и уже закрывал дверь, но ее придержал Маннинг:

— Где они? Что с девчонкой?

— Они стреляли из чего-то, — резко ответил Райнасон. Шрам от ножевого ранения проступил над его правым глазом еще более отчетливо. — Она потерпела аварию, возможно, серьезно травмирована. Хотя, впрочем, высота была не очень большой. И к черту вопросы, где да чего — следуйте за мной!

Он захлопнул дверь и втиснулся в сиденье для пилота. Пока разогревались двигатели, он видел, что остальные то-

же бросились через поле к другим машинам. Шум в радионаушниках подсказал ему, что включилась радиосеть. Когда пропеллеры других мотопланов стали раскручиваться, он включил свой микрофон.

— Они на другой стороне южной гряды, — быстро сказал Райнасон. — Мара не успела дать мне координаты, но я смогу найти этот участок. Когда подлетим, приземлимся вне города и дальше пойдем пешком.

В наушниках зазвучал холодный голос Маннинга:

— Ты что, отдаешь приказы, Ли?

— Сейчас — да! Если вы хотите полезть напролом без предварительной разведки, то считайте себя покойником. Они вооружены.

— Когда приземлимся, я возьму команду на себя, — вынуждено согласился Маннинг с временной утратой роли лидера. — А теперь вперед. Ли, ты летишь первым.

Но Райнасон, не дожидаясь его команды, уже начал разгонять свой мотоплан на взлетной полосе. Набрав скорость, он включил ракетный ускоритель и направил крошечный самолетик прямо в небо; после набора высоты, он развернул мотоплан в южном направлении и дал полный газ.

Горная гряда находилась в десяти милях к югу; он прикинул, что к ней можно долететь за каких-то пять-шесть минут. Под собой, на серой поверхности равнины он видел тень своего мотоплана. Кабину заполняло гудение моторов.

Снова включилось радио. Это был Маннинг.

— Что это за город, Ли? Они там?

— Это — Город Храма, — ответил Райнасон. — Он скрыт под скалами, поэтому неудивительно, что мы его не обнаружили раньше. Похоже, в нем никто не бывал в течение столетий, а может и больше. Но там стоит Храм Кора, и все хирлайцы находятся в нем.

Трески эфира на какой-то момент резко ударили по барабанным перепонкам, затем снова послышался чей-то голос:

— Как им удалось ее сбить? — Похоже, это был голос Стоворта.

— Возможно, дезинтеграторами, — ответил Райнасон. — Их у хирлайцев немного, но у них достаточно мощи, чтобы доставить нам массу неприятностей.

— И они их используют, да? — С ехидством в голосе вклинился Маннинг. — Ты все еще не изменил свое мнение об этих лошадях, Ли?

Райнасон не ответил.

Через несколько минут они были уже над грядой. Райнасону потребовалось некоторое время, чтобы разыскать проход, и как только он его увидел, тотчас же направил мотоплан к другой его стороне. Да, город был здесь, прямо перед ним, раскинувшийся темной массой в тени гор. Райнасон приземлился на небольшой площадке в полумиле от первых строений.

Он ждал приземления остальных, не выходя из кабины мотоплана; вооружившись биноклем, который являлся частью обязательного снаряжения транспортных средств подобного рода, он направил его в сторону города; однако мотоплана Мары видно не было.

Когда приземлились остальные, Райнасон вылез из кабины и спрыгнул в пыль. К нему торопливо подошел Маннинг, вооруженный двумя станнерами. Вынув один из них из кобуры и задумчиво поигрывая им, он стал размышлять вслух:

— Главные наши силы сейчас где-то в ложбине и будут здесь не раньше, чем через полчаса. Как только они подойдут, мы немедленно приступим к штурму Храма — у нас значительное превосходство в живой силе.

Райнасон смотрел на город и вспоминал, что видел его раньше, с этого самого места... и даже брал его штурмом. Стены, окружавшие город, были достаточно высокими.

— Они могут расстрелять нас с высоты стен, — тихо сказал он. — На подступах к городу нет никакого укрытия, и они перебьют половину прежде, чем мы сможем войти в город.

— Мы можем подойти к городу со стороны ложбины, — возразил Маннинг. — Там вполне достаточно укрытий.

— Но там более мощные укрепления, — осадил его пыл Райнасон. — Зарубите себе на носу, Маннинг: этот город изначально строился как крепость. И нам придется пробираться со стороны Равнины, хотим мы этого или нет.

Маннинг задумчиво нахмурился:

— Как бы там ни было, мы должны взять крепость, — медленно произнес он. — Черт побери, не можем же мы вот так просто стоять здесь и ожидать, когда они первыми нападут на нас. Кстати, что они там делают?

Райнасон с изумлением смотрел некоторое время на своего начальника, затем ответил:

— Именно сейчас они, возможно, совещаются. С Пришельцами, естественно. Ведь там как раз стоит та самая машина, как вы знаете.

— Тогда, чем скорее мы начнем атаку, тем лучше. Марк, свяжись по радио с остальной частью отряда и скажи, чтобы они поторапливались. — Он повернулся и посмотрел через Равнину на лежащий перед ними город. — И пообещай, что здесь их ждет жаркое дельце.

Стоворт снял рацию с плеча и открыл крышку. Он включил питание, послышался треск разрядов. Когда он поднес микрофон ко рту и уже был готов говорить, сквозь трески прорвался голос:

— Кто-нибудь слышит меня? Есть ли кто-нибудь поблизости?

Это был голос Мары.

Райнасон опустился на колени возле рации и забрал микрофон у Сворта.

— Это я, Ли. Ты не ранена, Мара?

— Ли, это ты?

— Да, Мара. Я хорошо тебя слышу. Ты не ранена?

— Есть немножко. Ли, что вы там делаете? Я видела, как приземляются мотопланы.

— Маннинг собирается брать город приступом как только подойдут основные силы. Как там у тебя дела?

— Я в... в Храме. Стараюсь установить с ними контакт. Со мной автопереводчик, но они совершенно не обращают внимания на то, что я им говорю. Ли, здесь происходят невероятные вещи. Они вытащили откуда-то кучу оружия... часть его не работает. Зал наполовину завален пылью и песком, и они двигаются так неуклюже! Они, похоже, пытаются делать все быстрее, потому что видели вас, но у них это не получается, и мне кажется, что они просто забыли, как это делается. Им кажется, что они смогут избавиться от нас всех, но они такие... на них просто жалко смотреть, потому что они такие медлительные.

— Эти дезинтеграторы не такие уж и медлительные, — предостерег ее Райнасон. Маннинг стоял рядом; он положил руку на плечо Райнасона, но тот резким движением сбросил ее. — Скажи, Мара — они что-то делают сейчас с этой машиной, с алтарем?

— Они что-то делали с ней, когда внесли меня сюда. Я думаю, что это действительно связано с Пришельцами. Но они, кажется, не осознают того, что это всего лишь машина — они становятся перед ней на колени и произносят что-то вроде не то молитв, не то заклинаний. Это звучит так странно, особенно если учесть особенности их

языка — эти высокие, тонкие голоса, многократно повторяемые эхом...

— Они взяли тебя в плен?

— Да. Мне кажется, что они хотят удержать вас подальше от Храма, пока сами готовятся напасть на вас.

— Готовятся к чему?! — Райнасон резко встал и посмотрел в сторону города; однако никакого движения там не наблюдалось.

— Я знаю... это просто невероятно. Ли, они не осознают того, что делают. Хорнг сказал через автопереводчик, что они собираются выгнать нас с этой планеты, затем восстановить свои города и снова вооружиться. Это как-то связано или с Кором, или с Пришельцами. Изменились приказы. Они думают, что если им удастся выгнать нас с планеты хоть на какое-то время, они смогут восстановить свою мощь до такого состояния, что смогут предотвратить все дальнейшие высадки.

— Этот приказ поступил из машины?

— Да. Тогда, раньше, была допущена ошибка, и Хорнг понял это после того, как ты утром вступил с ним в контакт. Пришельцы, или Кор, или кто там стоит за всем этим на самом деле, переоценили нас.

— Тогда — возможно, но не сейчас. Они идут на самоубийство, — прокомментировал эту информацию Райнасон.

— Я пыталась им это разъяснить. Но машина говорит противоположное. Ли, как ты думаешь, это действительно связано с Пришельцами?

— Если бы это было так, — медленно сказал Райнасон, обдумывая ситуацию, — то Пришельцы не направили бы на нас хирлайцев без какой-либо помощи со своей стороны. — Он подумал минуту; из радиции постоянно доносились звуки атмосферных разрядов.

— Возможно, они делают еще одну ошибку, — сказала Мара. — Я уверена, что то, что они сообщили Пришельцам, неправда — они считают себя такими же сильными, какими были раньше. Но их глаза... их глаза выражают страх. Я вижу это.

— Они понимают то, что ты мне сейчас говоришь? — спросил ее Райнасон.

— Нет. Ли, я даже не уверена, что они понимают, что такое радио. Возможно, они думают, что я ношу с собой портативный алтарь. — В ее голосе появились истериче-

ские нотки. — Это... как бы тебе сказать... Это — религия, Ли! Просто религия!

— Мара! Успокойся! Успокойся! — Он подождал немного, пока снова не послышался ее голос, теперь уже более спокойный:

— Извини, пожалуйста... это потому что они такие...

— Не обращай внимания. Сиди там спокойно. Мне кажется, что я знаю, как туда проникнуть — одному. — Сказав это, он выключил микрофон.

Райнасон встал и тряхнул плечами, как бы сбрасывая накопившееся в мышцах напряжение. Затем повернулся к Маннингу:

— Большой части вашей команды потребуется еще некоторое время, чтобы дойти сюда. Поэтому вы не можете начинать штурм прямо сейчас. Я попытаюсь вызволить оттуда Мару, пока не началась драка.

— А если они тебя захватят? — спросил Маннинг. — Я не могу слишком долго откладывать наступление — возможно, ты был прав, когда говорил, что им помогают Пришельцы. Чем скорее мы с ними покончим, тем лучше.

Райнасон измерил его холодным взглядом:

— Вы слышали, что сказала Мара. Мы возьмем их без труда. К тому же, вы не можете атаковать их, пока там Мара. Или вы считаете, что это возможно?

— Ли, я ведь тебе уже говорил — я не имею права рисковать. Если в этом замешаны Пришельцы, то дело пахнет керосином. Ты, конечно, можешь идти туда, если тебе угодно, но мы не можем позволить себе отложить штурм больше чем на полчаса; и эти полчаса как раз в твоём распоряжении, чтобы выбраться оттуда.

Райнасон спокойно выдержал его взгляд, затем коротко кивнул:

— Хорошо.

Затем он развернулся и направился в тень нависавшей над ними горы — в направлении древнего города другой расы разумных существ.

* * *

Добравшись до стен крепости, Райнасон старался оставаться в тени. Хирлайцы были огромными и сильными, поэтому физическая борьба с ними, естественно, исключалась. Но на него работало несколько важных факторов: он был относительно невелик ростом, и поэтому хирлайцам

было труднее его заметить; он был более проворен, чем эти старые, излишне спокойные инопланетяне. И что было самым главным, он знал этот город, эту крепость и этот Храм почти так же хорошо, как и они.

Возможно, даже лучше, чем они, если принимать во внимание стоявшую перед ним цель. Потому что, пока его память сливалась с памятью Теброна, он был не только Теброном, но и Райнасоном, землянином по происхождению. Все-таки, какой-то частью своего сознания он был начеку и все фиксировал... слышал, например, как бы вдалеке выкрики Хорнга, пытался постичь устройство Алтаря Кора. Он заметил и другие важные вещи, когда смотрел глазами Теброна — пока древний воин Хирлая брал штурмом город-крепость, внутри него находился наблюдатель, отмечавший про себя: землянин прошел бы здесь незамеченным; вон там можно спрятаться в местах, куда хирлайцы из-за своих размеров не доберутся.

Наконец он дошел до основания стены, где голые скалы подпирали плоские выветрившиеся камни. Здесь его не могли заметить; сюда не мог попасть луч дезинтегратора, на вершине стены не было видно хирлайцев, которые пытались бы следить за ним. Он оперся о камень и посмотрел вверх.

В этом месте стена была более высокой, чем в том секторе, который выходил на Равнину. К тому же, здесь она была более массивной. По-видимому, никто никогда даже и не пытался штурмовать город в этом месте, поскольку оно было слишком хорошо защищено. Но стена эта была построена в расчете на нападение тяжелых, неуклюжих хирлайцев; к счастью для Райнасона, человеку было под силу одолеть ее. Выступы в камнях не были, конечно, идеальными, но все же на них можно было забраться. Главное, что хирлайцы, уверенные в неприступности этой части крепости, вряд ли охраняли ее вообще.

Рассмотрев внимательно стену с площадки, на которой он находился, Райнасон быстро выбрал маршрут движения и стал карабкаться. Стена была плоской, но покрытой мелкими трещинами; Райнасон просовывал пальцы в щели и медленно подтягивался, помогая себе ногами, когда ему удавалось найти хоть какую-то опору. Это было тяжелым и небезболезненным делом; дважды он терял опору и держался до тех пор, пока не обретал возможность вновь цепляться за камень сбитыми в кровь пальцами. Его одеж-

да насквозь промокла от пота; ветер, дующий с Равнины, наталкивался на стену и холодом прокатывался по его мокрой спине. И все же его лицо хранило выражение холодного упорства, и хотя вздохи были прерывистыми и тяжелыми, это были единственные звуки, которые он издавал.

Уже почти вплотную приблизившись к вершине, Райнасон обнаружил, что дальше пути нет; камни стали настолько гладкими, что буквально не за что было зацепиться. Измученный подъемом, с неутраченной болью в руках, он привалился к стене и стал искать глазами другой маршрут. Он нашел его; для того, чтобы добраться туда, пришлось спуститься на десять футов и продвинуться вправо; только после этого он получил возможность продолжить подъем. Спускаясь по стене, он натолкнулся на следы крови, которые оставили его разодранные пальцы. Но сейчас он уже не чувствовал боли.

И вот наконец, когда стена уже превратилась в его сознании в единственное, что существовало в этом мире и что он когда-либо вообще знал — вертикальную плоскость, к которой он прижимался со всей решимостью, перестав уже четко осознавать, зачем это ему вообще нужно... вот тогда, наконец, он и достиг вершины. Его рука, почти утратившая способность повиноваться ему, все же каким-то последним усилием воли поднялась и вместо гладкого камня ощутила угол, край... пальцы с готовностью охватили его, Райнасон подтянулся, ухватился второй рукой и смог наконец заглянуть внутрь крепости.

Под ним простирался заброшенный, покрытый вечерней тенью двор. Эта тень, спускавшаяся с гор, легла покрывалом на развалины всего древнего города. Ниже, в сорока футах от дорожки он обнаружил идущие вниз ступеньки, но его сознание было настолько затуманенным, что единственное, на чем он смог сосредоточить свое внимание, был толстый слой пыли и песка, покрывавший даже этот самый верхний уровень города и нанесенный сюда постоянно дующими ветрами, которые теряли свою силу при встрече со стенами, возвышавшимися на несколько футов над дорожками. Главное, что привлекло внимание Райнасона, это отсутствие чьих-либо следов; на эти дорожки вот уже многие тысячелетия не ступала ничья нога.

С большим трудом ему удалось перевалиться через последний барьер и упасть в бесчувствии в пыль на дорожку.

Он пролежал без движения долгие, слишком долгие для такой ситуации минуты, пытаясь восстановить дыхание. Его легкие буквально разрывались на части, но разреженный воздух планеты, казалось, застревал в горле и не проходил дальше. Разодранные руки кровоточили, в старом шраме от удара ножа над правым глазом появилась пульсирующая боль, но Райнасон не обращал на это внимания. Ему нужно было обрести вновь ясность мысли.

Наконец, он смог подняться, качаясь под темным небом. Под ним простирался город; его пустые улицы изгибались между повалившимися стенами и колоннадами. Мотоплан Мары лежал, навалившись на одну из полуразрушенных стен; его жалкий вид сразу же вызвал в мозгу Райнасона шквал мыслей, главной из которых была — насколько серьезно ранена Мара.

Он добрался до ступенек и стал медленно спускаться. Лестницы в городе были такими же, какими он помнил их со времен Теброна, и вместе с тем что-то в них изменилось. Тогда по ним шагала огромный хирлаец, теперь же для землянина они оказались очень крутыми: эти ступеньки представлялись Райнасону уже как самостоятельные уровни — три фута в ширину и почти четыре — в высоту. Ноги едва выдерживали боль от удара, когда при спуске на каждую ступеньку на них обрушивался вес его тела.

Достигнув нижнего уровня, Райнасон задержался у двери, которая вела на улицу. Там было пустынно, но ему требовалось время, чтобы четко вспомнить направление движения. Да, Храм действительно был в том направлении, где-то ниже по этой пыльной улице. Он стал пробираться вперед, прячась в тени домов и постоянно сравнивая то, что было перед ним, с содержанием памяти Теброна.

Теброн взял этот город, будучи во главе отряда воинов. Для него он был большим и божественным, средоточием мощи и знания. Но Райнасон, с трудом продвигаясь по пыли тысячелетий, которая покрыла город со времен древнего короля, нашел его не просто большим, а чересчур огромным; не божественным, а, скорее, исполненным тщетности. А мощь и знания, которыми когда-то владел этот храм, превратились в прячущуюся в пыли тень. Где-то там, впереди, остатки представителей этой вековой культуры пытались сейчас оживить город. С Пришельцами или без них, чувствовал Райнасон, они все равно были обречены

на неудачу. Они действительно¹ желали возвратиться к жизни, разбудить свое сознание, свои грезы, свою собственную мощь. Но они стремились делать это с помощью воспоминаний, а этот путь был явно бесперспективен.

Храм никем не охранялся. Райнасон, прыгая с одного уровня на другой, вскарабкался по ступеням со всей прытью, которую позволяли ему остатки растрченных на подъем сил, стараясь при этом все время оставаться в тени и прислушиваясь к тишине, чтобы уловить признаки движения. Но в воздухе Хирлая звуки не разносились далеко, и находившиеся в Храме не могли слышать его приближение; с другой стороны, он тоже мог не обнаружить их присутствие вовремя, что могло привести к нежелательным для него последствиям.

Добравшись до верхней площадки лестницы, Райнасон быстро нырнул в тень колоннады, окружавшей здание. По всему периметру с интервалом в пятьдесят футов располагались двери; Райнасону предстояло обогнуть здание и войти в одну из боковых дверей. Он торопливо прошмыгнул между колоннами и остановился у третьей двери; распластавшись на полу, заглянул внутрь.

Там были они все — две дюжины серых неуклюжих фигур. Некоторые сидели, другие стояли, но все без исключения спокойно усталились в пол. Хотя они были почти неподвижны, Райнасон ощутил атмосферу возбуждения, наполнившую Храм. Скорее даже — не просто возбуждения, а нетерпеливого ожидания чего-то. И страха. Наблюдая за этими огромными тушами, проводящими свою телепатическую тайную вечерю, Райнасон вновь явственно почувствовал в своем мозгу эхо от выкрика Хорига. Эти создания боялись конфликтов, их страшила борьба; и в то же время они бросились в схватку, которая заранее была обречена на проигрыш. Осознавали ли они это? Могли ли и теперь верить тому, что им сообщила машина Пришельцев, после того, как ее рекомендации оказались катастрофическими?

Глаз Кора мерцал в темной внутренней комнате; двое хирлайцев молча стояли перед ним, наблюдая... ожидая. Но религия Кора не играла никакой роли в жизни хирлайцев вот уже на протяжении многих поколений. И вот теперь, когда эта древняя, затуманившаяся прошедшими тысячелетиями религия вновь извлечена из забвения, может ли она иметь на них такое же влияние, как когда-то?

Мара сидела на полу Храма, прислонившись к стене. Одна из дверей, выходящих на окружавшую Храм колониadu, была совсем близко, но Мару окружали пять хирлайцев. К тому же, с болью в душе, Райнасон отметил, что ее скрученная в сторону левая рука безвольно болтается, а лоб в крови. Хотя ее лицо не выражало никаких эмоций, он обратил внимание, что когда Мара подняла правую руку, чтобы поправить волосы, ее пальцы дрожали, да и сам жест выдавал скрытое внутреннее напряжение.

Она не могла заметить Райнасона, но, видимо, ждала его появления. И когда он сделал небольшое движение, Мара увидела его сразу. Райнасон отполз от двери и снова обогнул здание. Вынув станнер из кобуры, он какое-то мгновение задумчиво смотрел на него. Он должен действовать быстро; это оружие не давало никакого преимущества перед дезинтеграторами, которыми были вооружены хирлайцы; зато внезапность и скорость такое преимущество давали. И, возможно, ему должен содействовать страх, охвативший аборигенов.

Стремительно ворвавшись в дверной проем, Райнасон сразу же открыл пальбу. Двое хирлайцев упали еще до того, как успели повернуться; они тяжело рухнули на пол. Райнасон издал пронзительный крик — высокий, каким был крик Хорнга, и настолько громкий, насколько ему позволяли силы. Это был вопль, всплеск муки, ужаса и боли. Аборигены ощутили этот крик, и его смысл достиг их сознания. Окружавшие Мару хирлайцы повернулись, чтобы посмотреть, откуда он исходит, но инстинктивно отпрянули назад. Райнасон продолжал палить и успел уложить еще троих хирлайцев. Прорвавшись к Маре, которая уже поднялась ему навстречу, он, не останавливаясь, на ходу схватил ее за здоровое плечо и поволок за собой.

Но несколько хирлайцев уже успели прийти в себя и своими мощными фигурами заблокировали им путь. Райнасон заметался, отчаянно ища свободный выход из здания. Но его не было. Продолжая стрелять, он побежал к алтарю.

Один из хирлайцев поднял дезинтегратор; Райнасон попал в него как раз в том момент, когда тот выстрелил, и луч из оружия аборигена прошел возле его ноги, вырывая му в полу. Но другие хирлайцы тоже успели поднять ору-

жие; в распоряжении Райнасона и Мары оставались считанные секунды.

Но они все же успели добраться до алтаря; двое хирлайцев преградили им путь, но, к счастью, они не были вооружены и Райнасон уложил их станнером. Он протащил Мару мимо них к боковой части алтаря, ища прикрытие от дезинтеграторов.

За алтарем был узкий проход, сквозь который они все же могли с трудом протиснуться. Сердце Райнасона подпрыгнуло от радости; показав быстро Маре на проход, он обернулся, чтобы выстрелами прикрыть ее, пока она протискивалась сквозь узкий проем. Луч дезинтегратора прошипел прямо над его головой; другой врезался в стену в двух футах от него. Хирлайцы явно старались не попасть лучом в алтарь.

Как только Мара прошла через проход, Райнасон повернулся и последовал за ней. За проходом было очень темно, но чувствовалось, что места здесь больше. Было слышно как хирлайцы бросились к алтарю, но шум казался далеким. Мара нырнула в темноту, Райнасон последовал за ней.

Когда они прошли вдоль стены примерно двадцать футов, оказалось, что дальше хода нет. В принципе, это не имело большого значения; по крайней мере, здесь было достаточно надежное укрытие от оружия аборигенов. Райнасон обессиленно упал на пол.

Мара села рядом с ним.

— Ли, тебе не следовало так рисковать, — сказала она возбужденно. — Мы попали в западню. — Он почувствовал, как ее рука нежно прикоснулась в темноте к его щеке.

— Возможно, — ответил он. — Но мы можем попытаться прорвать их охрану еще раз, и если это удастся, у нас будет шанс выйти отсюда.

Мара не ответила. Он почувствовал, как она облокотилась на его плечо; ее волосы нежно легли на его шею. И только сейчас он вспомнил, что она ранена.

— Что с твоей рукой? У тебя кровь.

— Похоже на перелом. Что же касается кровотечений, то это пустяк. Но ты сам, когда ворвался сюда, был настолько окровавлен и весь покрыт лохмотьями, что я с трудом тебя узнала. Я всегда считала, что рыцари появляются в более приличных и сияющих доспехах.

Он горько усмехнулся:

— Придется подождать до следующего раза.

— Ли, где мы? — вдруг спросила она тревожно. Их глаза уже немного привыкли к темноте, и теперь можно было рассмотреть, что они окружены стойками с аппаратурой, соединительными кабелями и блоками, которые в такой обстановке выглядели совсем нелепо.

Райнасон всмотрелся более внимательно. Сразу стало ясно, что это — дело рук Пришельцев, но что это было? Ясно, что часть Алтаря Кора, но телесвязисты Пришельцев никогда не использовали такого громоздкого оборудования. И все же оно что-то напоминало. Он старался вспомнить различные типы машин Пришельцев, которые находили земляне, и которые некоторым умельцам даже удавалось частично запускать. Хотя таких машин встречалось не так уж много...

И вдруг он понял. Все было настолько просто, что он даже удивился, почему это не пришло ему в голову раньше.

— Это — Кор, — сказал он. — Это не средство связи с Пришельцами. Это — компьютер. Компьютер Пришельцев.

ГЛАВА IX

Охватившая Мару дрожь все усиливалась; она с опаской вглядывалась в окружавший их полумрак, не в силах оторвать глаз от машины. Очертания компьютера таяли в темноте: нагромождения блоков уходили глубоко под землю и в стены.

— Похоже, они подходили к постройке своих компьютеров с позиций гигантомании, тебе это не кажется? — мягко спросила она.

— Я видел отдельные фрагменты их компьютеров раньше, — ответил Райнасон. — Этот экземпляр — самый большой из них, даже если не принимать в расчет площадь, которую занимает весь комплекс. Но это не обычный компьютер. Во всяком случае, он не для рутинного математического использования; даже не для специальных вычислений, как например найденный на Ригеле-Втором, — тот явно был предназначен для астронавигации, но по объ-

ему вряд ли достигал половины этого. А межзвездная навигация, должен сказать, даже при наличии таких совершенных двигателей, которые, по-видимому, у них были, довольно непростая проблема.

— Но хирлайцы думают, что это — бог, — сказала Мара.

— Это порождает еще один вопрос, — продолжил свои размышления Райнасон. — Пришельцы построили этот компьютерный комплекс и, видимо, оставили его, когда улетали отсюда... если только они вообще когда-либо покидали эту планету. Но хирлайцы пользуются компьютером, причем общаются с ним в речевом режиме. Похоже, что хирлайцы получили наказ строго охранять его. Но вот ведь в чем вопрос: зачем Пришельцы наделили хирлайцев способностью использовать эту машину?

— Возможно, они и есть те самые Пришельцы? — предположила Мара.

Райнасон возразил:

— Нет, я все еще не уверен в этом. Ответ, возможно, заключается в том, что они общаются с машиной в режиме речевой информации потому, что в то время, когда она была создана, у них еще не была развита способность к телепатии.

— А разве не могло быть прямого контакта между хирлайцами и Пришельцами в тот период, когда хирлайцы только становились разумными существами, выходящими из животного состояния?

— Такой контакт действительно мог иметь место, — ответил Райнасон. — Храмовый ритуал ведется на языке, который является архаичным по отношению к тому, который большинство из них помнит — на прото-языке, который культивировался и поддерживался только кастой жрецов. Возможно, это и является свидетельством того, что машина была введена в строй, когда население планеты еще разговаривало на том, старом языке.

— Но ведь примитивные языки состоят из простых базовых слов, отражающих простейшие концепции. Разве возможно вообще общаться с машиной, используя в качестве средства общения такой примитив?

— В принципе, можно, хотя и не очень эффективно, — ответил Райнасон. — И именно это может объяснить тот факт, почему машина делает ошибки — из-за неуклюжести языка. Получается, что Пришельцы, возможно, оста-

види им свою машину, настроив ее на тот уровень языковой культуры, который существовал в то время на Хирлае. И сделали это потому, что наши друзья с лошадиными лицами только начинали создавать свою цивилизацию, и Пришельцы посчитали, что таким путем смогут как-то помочь им. — Он запнулся на мгновение, вспоминая самую первую утечку информации из мозга Хорнга и памяти Теброна. — Хирлайцы называли Пришельцев Древними людьми, — добавил он, вспомнив.

— А тот приказ Тебруну... о той расе, с которой им придется однажды столкнуться... Он ведь основывался на наблюдениях Пришельцев.

— Да, мне бы очень хотелось знать, когда Пришельцы посетили Землю, — задумчиво сказал Райнасон. — Думаю, что тогда, когда мы только начинали развиваться как мыслящая раса. Возможно, это произошло в древней Индии, или в Месопотамии. А, может быть, несколько позже, в период средневекового Ренессанса.

— Собственно, точное время в данном случае вряд ли играет какую-то роль, не так ли? — сказала Мара. — Главное, что они спустились на Землю, понаблюдали за нами и улетели. И как-то так вышло, что они сделали вывод о темпах развития человечества, несколько переоценив нас.

— Возможно, они были у нас до периода Инквизиции, — предположил Райнасон. — И не заметили признаков приближения этого тысячелетнего периода мракобесия... — Он остановился в узком проходе между древними установками. — Как бы там ни было, мы, представители той самой мыслящей расы, которую несколько переоценили Пришельцы, посчитав нас слишком агрессивными, находимся здесь. А там снаружи — их протеже, которые только и ждут, пока мы высунем нос, чтобы уложить нас дезинтеграторами, которые, похоже, им оставили те же Пришельцы.

— Ты хочешь сказать, что у нас слишком мало шансов выйти отсюда? — подвела черту Мара.

Райнасон медленно повертел головой:

— Когда я еще только проходил вторую ступень обучения на чувствообучающих установках, я познакомился с Ренэ Мальхоттом. Мой отец работал на звездолетах, поэтому теперь даже и не вспомню, на какой планете это произошло. Но я хорошо помню ту ночь, когда я впервые

познакомился с Ренэ — он выступал с импровизированной трибуны, в качестве которой служила куча неоструганных досок, и выкрикивал что-то о корпорациях, которые посягали на права поселенцев. Ему удалось завести толпу, и несколько человек стали кричать что-то оскорбительное. Я остановился посмотреть, что же будет дальше. Неожиданно шесть или семь человек, появившиеся неизвестно откуда, стащили Ренэ. Завязалась драка, люди из толпы разбежались кто куда. Я прятался, пока все не закончилось.

Когда все наконец разбежались, на месте драки остался один Ренэ. Хотя вся его одежда была изодрана в клочья, на нем самом не было ни единой царапины. И что самое интересное — ни один из нападавших не смог уйти сам, всех их унесли на носилках. А Ренэ стоял и как всегда громкогласно смеялся; затем, заметив меня в укрытии, повел к себе домой. Там он рассказал, что когда был молод, сам пробивал себе дорогу до самой Земли, где даже изучал культуру древних народов. Там же он освоил и приемы каратэ — древнего вида японской борьбы.

Райнасон глубоко вздохнул и продолжал:

— Он говорил тогда, что все, чему бы ни научился человек, рано или поздно ему пригодится. И я поверил ему.

— Неплохая притча, — отметила Мара. — Вот бы использовать ее против наших друзей-хирлайцев.

Райнасон молча раздумывал. Если бы только удалось усыпить бдительность этих аборигенов... Но теперь об этом нечего и думать. Его глаза бесцельно бродили по рядам с бесполезным оборудованием. Скажи мне, старик Кор, что нам теперь делать в такой ситуации?

И вдруг... И вдруг его глаза сузились от неожиданной шальной мысли. Протянув руку, он нащупал провод, который шел назад, к аппаратуре, а в другом направлении — к алтарю. Этот провод вел прямо к громкоговорителю!

К Голосу Кора!

Вот если бы только он смог подключиться к этому проводу, как-то ввести туда свой собственный голос, послать его в громкоговоритель... нет, в Алтарь самого Кора!..

— Мара, похоже, мы выйдем отсюда. Я нашел свой собственный вид каратэ, который поможет нам одолеть наших неговорчивых друзей.

Он помог Маре подняться на ноги. Каждое ее движение отдавало резкой болью, сломанная рука свисала как плеть, но она не издала ни звука.

— Нам следует поторопиться, — сказал Райнасон. — Я не знаю, насколько надежно эта идея сработает — все зависит от того, насколько эти аборигены верят сейчас своему божку на глиняных ногах. — Он быстро обрисовал план действий. Мара, внимательно выслушав, кивнула в знак согласия.

Райнасон принялся за работу. Это была преимущественно мозговая работа, опиравшаяся больше на догадки, но к счастью, Райнасону раньше приходилось видеть отдельные фрагменты подобных машин. Он отыскал предпоследнее соединение, через которое сигналы от машинного мозга преобразовывались в звук и дальше подавались на громкоговоритель. Окровавленными пальцами ему с трудом удалось разъединить это довольно хрупкое соединение.

— Готово?

Мара, которая находилась в узком проходе у самого алтаря, быстро кивнула в ответ.

Райнасон изогнулся, чтобы говорить непосредственно во входную цепь усилителя. Он искажил свой голос так, чтобы он стал похожим на высокий, тонкий тембр языка хирлайцев.

ОСТАВАЙТЕСЬ НЕПОДВИЖНЫМИ. ОСТАВАЙТЕСЬ НЕПОДВИЖНЫМИ. ОСТАВАЙТЕСЬ НЕПОДВИЖНЫМИ.

Эта команда неожиданно ворвалась в помещение, где располагался алтарь, разрывая тишину. Хирлайцы удивленно обернулись к алтарю, да так и застыли.

ОСТАВАЙТЕСЬ НЕПОДВИЖНЫМИ. ОСТАВАЙТЕСЬ НЕПОДВИЖНЫМИ.

Это была фраза, которую, как он знал, машина часто использовала при обращении к Тебруну, королю-первосвященнику, вождю Хирлая. В то время эта фраза означала нечто иное, но прото-язык хирлайцев не имел точных значений понятий; фраза сама по себе вполне могла означать в буквальном смысле то, что сказано.

— Хватит, пошли на выход, — сказал Райнасон, и оба протиснулись через узкий проход за алтарем. Хирлайцы стояли совершенно неподвижно; те несколько из них, которых Райнасон уложил станнером, уже пришли в себя, но также сохраняли полную неподвижность. Райнасон и девушка прошли буквально сквозь строй неподвижных аборигенов, и только некоторые осмелились повернуть гла-

за в их сторону. Добравшись без помех до колоннады, они остановились передохнуть.

— Они могут прийти в себя буквально через минуту, — сказал Райнасон. — Не жди меня — постарайся побыстрее выйти из города.

— Разве ты остаешься?

— Задержусь ненадолго. Иди скорее!

Поколебавшись, Мара начала быстро спускаться по крутым ступеням Храма. Райнасон, проследив за ее спуском, возвратился к комнате, где находился алтарь.

Быстро двигаясь между аборигенами, он собирал оружие. Большинство из них не делали никаких попыток остановить его, хотя некоторые так сжали руки на своих дезинтеграторах, что Райнасону пришлось с большим трудом разгибать их толстые пальцы, осыпая их про себя проклятиями. Сколько еще они будут ждать? — думал он.

Райнасон собрал в общей сложности пятнадцать дезинтеграторов. Они были большими и массивными, поэтому он не смог забрать их все сразу. Выбросив пять из них за пределы помещения алтаря, он возвратился, чтобы обезоружить остальных аборигенов. Пот струйками скатывался с его лба, но на передышку не было времени.

Еще один хирлаец вцепился в свой дезинтегратор, когда Райнасон попытался забрать его. Взглянув вверх, он увидел спокойные глаза Хорнга. Окружавшие его глаза серые кожаные морщины слегка дрожали, но Хорнг даже не пытался делать никаких движений. Райнасон стыдливо опустил глаза и выдернул оружие из его четырехпалой руки.

Когда он двинулся к следующему хирлайцу, Хорнг безмолвно склонил голову. По спине Райнасона пробежал холодок.

Через несколько минут все хирлайцы были обезоружены. Когда Райнасон укладывал три последних дезинтегратора на каменный пол колоннады, его внимание привлекло какое-то движение вдалеке — на южной стене города; два силуэта виднелись некоторое время на фоне Равнины, затем они исчезли. Вскоре появился силуэт еще одного человека, и тоже пропал внутри городской стены.

Райнасон понял, что Маннинг уже направил своих говорезов на штурм. Поколебавшись мгновение, он повернулся и быстро возвратился в помещение Алтаря. Взяв радиостанцию Мары, он вынес ее на колоннаду.

Теперь было уже хорошо видно, как земляне движутся по улицам города, пробегая от стены к стене в надвигающейся вечерней темноте. Райнасон понял, что вот-вот начнется нападение.

Он включил станцию и заговорил:

— Маннинг, остановите своих собак. Мне удалось разоружить хирлайцев.

Послышался треск, и Райнасону даже показалось, что его сигнал не был принят. Но наконец поступил ответ:

— Ты бы лучше сам убирался из Храма. Уже слишком поздно, чтобы остановить все это.

— Маннинг!

— Я сказал тебе, убирайся. Ты уже сделал все, что мог.

Голос Маннинга звучал холодно.

— Сейчас я принимаю решения. И не забывай, что я затеял это шоу.

— Ты затеял массовое убийство! — прокричал Райнасон.

— Называй это, как угодно. Мара говорит, что они не были так любезны, когда ты туда ворвался.

Мысли Райнасона заметались в разные стороны; ему требовалось время обдумать ситуацию. Если бы удалось заставить Маннинга остановить этих людей...

— Маннинг, в этом нет никакой необходимости! Разве Мара не сказала, что алтарь представляет собой не более чем компьютер? Эти люди не имели никаких контактов с Пришельцами.

Эфир донес до Райнасона смешок Маннинга:

— Так они теперь для тебя люди, Ли? Или ты стал одним из них?

— Что за чертовщину вы несете?

— Ли, мой мальчик, ты рассуждаешь как старая нянюшка этих лошадиных морд. Ты соединил с ними свое сознание, ты говорил, что практически был одним из хирлайцев, когда вступал в этот контакт. И если хочешь знать мое мнение, я не очень уверен, что ты полностью освободился от их влияния. Ты до сих пор один из них!

— Это единственная причина, по которой я хочу предотвратить это убийство? — спросил Райнасон иронически.

— Ли, раз они попытались однажды восстать, они попытаются сделать это снова, — ответил Маннинг. — И мы уничтожим их прямо сейчас.

— И вы полагаете, что это понравится Совету? Полное уничтожение интеллектуальной расы, с которой впервые в истории встретилось человечество?

— Я не играю ни на публику, ни на Совет, — резко ответил Маннинг. — Но у меня есть люди, которые последовали за мной, и я буду прислушиваться к их мнению!

Райнасон растерянно уставился на микрофон.

— А вы уверены, что не боитесь толпы, которую сами же и собрали?

— Мы входим в Храм. Убирайся оттуда, Ли, или мы можем нечаянно зацепить и тебя.

— Маннинг!

— Я выключаюсь.

— Пока не надо, Маннинг. Есть еще одно обстоятельство, и тебе, сукин сын, лучше бы узнать о нем сейчас.

— Валяй быстрее, — ответил Маннинг безразличным тоном.

— Если кто-либо из твоих ребят попытается проникнуть сюда, я остановлю их сам.

Некоторое время станция хранила молчание, слышались только атмосферные разряды. Наконец Маннинг заговорил:

— Тогда считай, что это — день твоих похорон.

Послышался легкий щелчок, связь прервалась.

Райнасон сердито бросил радиостанцию. Войдя в помещение, он обнаружил, что хищники все еще продолжают стоять неподвижно. Потребовалось некоторое время, чтобы его глаза привыкли к полутьме. Он нашел автопереводчик, который Мара оставила в помещении, и быстро пристроил его к Хорнгу. Глаза аборигена, тяжело двигаясь в глубоких складках глазниц, внимательно следили за его движениями.

Когда все было готово, Райнасон поднял микрофон переводчика.

— Земляне идут сюда, чтобы напасть на вас, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы помогли мне выгнать их отсюда.

Со стороны аборигена не поступило никакой ответной реакции. Спокойные глаза уставились на него как тени всего прошлого расы.

— Неужели вы до сих пор верите, что Кор — бог? Это всего лишь машина — я разговаривал через нее сам, буквально несколько минут назад! Неужели вы не понимаете это?

Через мгновение глаза Хорнга медленно закрылись и снова раскрылись, выражая, что мысль понята.

КОР БЫЛ БОГ ЗНАНИЕ. СТАРЫЕ ЛЮДИ УМЕРЛИ ДО ВРЕМЕНИ И ПЕРЕШЛИ В НЕГО. ТЕПЕРЬ КОР МЕРТВ.

— И вы все тоже можете умереть, — добавил Райнасон.

Огромный абориген сидел, не двигаясь. Его глаза отвернулись от Райнасона.

— Вы должны вступить в сражение с ними! — повторил Райнасон, хотя уже прекрасно понимал, что все его уговоры бесполезны. Хорнг не ответил, но Райнасон знал, что у него сейчас в мозгу.

НЕТ НИКАКОЙ ЦЕЛИ.

ГЛАВА X

Измученный физически и морально, Райнасон выключил автопереводчик, забыв отключить провода от Хорнга. Он вышел из Храма на колоннаду. Уже почти стемнело; темно-голубое небо Хирлая, на котором появились первые точки далеких звезд, стало почти черным. Ветер с Равнины усиливался. Райнасон взглянул на звезды, вспоминая тот день, когда Хорнг вдруг, совершенно неожиданно встал и подошел к основанию разломанной лестницы. Он смотрел тогда мимо разорванной крыши — в небо. Хирлайцы никогда не достигали звезд, но они могли добиться этого. Потребовался бог, или, вернее сказать, не вполне обоснованный закон, переданный им представителями другой разумной расы, чтобы остановить их развитие. И вот теперь пыль и ветер — все, что им осталось от бывшего могущества.

Райнасон слышал завывание ветра, переходящего в погребальные вопли среди колонн Храма. И внутри умирали хирлайцы. Негодяи и проходимцы завершат эту работу; хирлайцы слишком устали, чтобы жить. Под их затененными лбами лениво перекачивались грезы — грезы о прошлом. И иногда, возможно, о звездах.

За так называемым алтарем огромная и хитроумно сконструированная машина инопланетян вспыхивала огоньками, чем-то шелкала, зачем-то пульсировала — медленно, на первый взгляд даже по какому-то случайному закону, но зато непрерывно. Чтобы просуществовать

так долго, мозг должен был заниматься самоусовершенствованием, питая свои энергетические ячейки из каких-то источников, о которых Райнасон мог только догадываться, и ремонтировать при необходимости выходящие из строя ячейки. В его банках памяти заключалась память расы древних хирлайцев. Пришельцы развились тогда, когда и сама эта планета была еще молодой, пробили себе дорогу к звездам и галактикам, и со временем, когда исторические эпохи начали по какой-то неизвестной причине давить на них, сократили пределы своей экспансии и оказались в этих краевых мирах. И они умерли здесь, на этой планете, падая в пыль. "До времени", сказал Хорнг; это должно означать — до того, как хирлайцы развили в себе способность к телепатии, до периода, который охватывает их расовая память.

Но Пришельцы все же присутствуют здесь, они живут в этом огромном электронном мозге инопланетян... их наука, знание, оригинальное искусство расы, которая уже завоевывала звезды, когда человечество еще только дивилось таким явлениям, как молния и огонь. Здесь была заключена наука, способная размышлять о войне и жажде знаний как о каких-то вредных категориях, но неспособная сказать ничего определенного о том, что же полезно на самом деле. Что это — неполная наука? Или просто нормальная наука другой расы, обладавшей иной психологией? Райнасон не мог дать на это ответ.

И потом — эти хирлайцы. От их расы осталось всего двадцать шесть особей, да и те способны только грезить под грандиозными некогда куполами, сквозь которые по ночам видны недостижимые для них звезды да силуэты полуразвалившихся конструкций. Двадцать шесть серых, лишенных всякой надежды особей, которые даже ничего ниоткуда и не ждали. И вот пришли земляне.

Райнасон подумал о том, что, возможно, хирлайцы сами по себе являлись частью той информации, которую хотели передать землянам Пришельцы. Информации о том, что такой ужасающий упадок расы стал возможен лишь как плата за мир, что смерть является неизбежным следствием самоуспокоения и самодовольства. Хирлайцы успокоили самих себя — тогда, в далеком прошлом. Они сами определили себе меру спокойствия на тысячелетия вперед, и побудительные мотивы к поиску чего-то нового со временем угасли в них. И это явилось причиной их конца.

НЕТ НИКАКОЙ ЦЕЛИ.

Райнасона даже бросило в дрожь от такой мысли; он почувствовал, как холодный ветер прорывается сквозь одежду. Это ощущение возвратило его к реальности. Тяжело ступая, он взял несколько дезинтеграторов и отнес их к верхней ступеньке массивной лестницы, по которой скоро начнут подниматься земляне. Он распластался на земле возле лестницы, пытаясь всмотреться в темноту и увидеть какое-либо движение внизу. Но вокруг была тишина.

Что-то в поведении хирлайцев продолжало беспокоить его; стоя на коленях в спускавшейся на город темноте, он смог наконец определить, что именно. Дело было в отсутствии у них какой-либо надежды, в неподвижности, которая охватывала их сознание на протяжении веков. Нет цели? Но зато они жили в мире на протяжении вот уже тысячелетий. Нет, причиной их смерти был не только один упадок; они просто задохнулись.

Это не они сами выбрали мир, им его навязали извне. Хирлайцы были на вершине своей мощи, их развитие продолжало набирать силу, как вдруг им пришлось все сразу остановить. Перспектива конца, ожидавшего расу после такой резкой остановки движения по пути прогресса, не играла тогда для них никакой роли: выбор за них был сделан другими. Получив мир, они оказались не в состоянии пожинать его плоды. А подавление стремления к научному знанию, что было необходимо для полного искоренения воинствующего инстинкта, вообще оставило их ни с чем.

И во всем этом не было никакой необходимости, продолжал размышлять Райнасон. Древний мозг Пришельцев, основываясь в своих вычислениях на неполных данных, почерпнутых, по-видимому, во время краткого визита на Землю, безусловно мог сделать только осторожные оценки ситуации. На прото-языке Хирлая нельзя было передать такие понятия, как "если" или "возможно", и суждения машинного мозга, носившие чисто рекомендательный характер в сослагательном наклонении, были восприняты хирлайцами как непреложный закон.

И вот теперь земляне, из-за перспективы встречи с которыми эта раса довела себя до состояния полусуществования, завершат все дело... потому что хирлайцы поняли ошибку слишком поздно.

Райнасон потряс головой; почувствовал тошноту, вызванную растущей скорбью о роковых ошибках истории.

Она, история, была капризной, жестокой, бесчувственной дамой. Она разыгрывала шутки, длившиеся тысячелетиями.

Неожиданно снизу донесся какой-то звук. Райнасон увидел пятерых людей, быстро карабкающихся вверх. Ощущая мощную волну гнева, он поднял дезинтегратор.

Внезапно у самого его уха раздался характерный шум; луч станнера прошел совсем рядом, попав в каменную стену. Стена завибрировала при соприкосновении с зарядом, но расстояние было слишком большим для того, чтобы он смог проломить ее. И в то же время они были уже достаточно близко.

Он распластался на земле, нища глазами того, кто в него стрелял. И быстро обнаружил его: маленький тощий человек беззвучно, почти как тень, перевалился через ступеньку и спрятался у подножья следующей. Их разделяли только три ступеньки. С такого расстояния можно было разглядеть грубое, грязное лицо этого человека, с морщинами, напоминавшими борозды. Глаза его были похожи на щели. Райнасон слишком часто встречал таких людей на Краю; он знал, что имеет дело с человеком, переполненным жестокой ненавистью, ищущим любую возможность выплеснуть ее на всякого, кто попадает на его пути. Мысли об этом вызвали у него озноб.

Через мгновение человек перевалился на следующий уровень, одновременно посылая луч станнера, ударивший в стену в двух футах от Райнасона, который, лежа на животе, на этот раз даже почувствовал леденящую вибрацию камня. Он медленно нацелил дезинтегратор на гребень очередной ступеньки, через который должен был перевалить нападавший, и стал ждать его прыжка. Внутри он ощущал только страшный холод, который вполне соответствовал ветру, разгуливавшему над ним.

Человек двинулся снова. Но на этот раз он переместился перед прыжком к краю ступеньки, и Райнасон попал лучом в камень чуть позади него. Теперь их разделяла только одна ступенька.

Еще ниже вдоль лестницы Райнасон видел другие фигуры, которые карабкались вверх позади маленького мужчины. Но у него не было времени на то, чтобы заниматься ими.

Стояла полная тишина, если не считать ветра.

И вот наконец человек сделал свой очередной бросок, выстрелив раз, другой. Второй луч зацепил Райнасона за кисть левой руки и на какое-то мгновение вывел его из равновесия. Но он уже стрелял в ответ, откатываясь в сторону. Его третий выстрел вырвал у нападавшего правое плечо и часть шеи. Несмотря на это, он в агонии попытался преодолеть сразу обе ступени, одновременно поднимая свой станнер, который вдруг упал на камень, и человек повалился на него. Вокруг сразу же образовалась лужа крови.

Райнасон отполз назад, под прикрытия боковой стены, и стал наблюдать за действиями остальных нападавших. Первый, которого ему удалось обезвредить, действительно пробрался слишком близко — Райнасон до этого просто недооценил, насколько это было просто сделать в сумерках. Боль от удара луча станнера распространилась теперь до самого плеча; левая рука полностью бездействовала. Бормоча проклятия, он прицелился вдоль линии лестницы и выстрелил.

Дезинтегратор на расстоянии двадцати футов прошел через камень как через обыкновенную оконную замазку. Райнасон играл лучом из стороны в сторону, превращая ступеньки в гладкую наклонную поверхность, которую нападающим пришлось бы преодолевать, чтобы добраться до вершины.

Один из них попытался проскочить последние несколько ступенек до того, как Райнасон стер их окончательно, но луч перерезал его надвое на уровне груди. Две части тела покатались вниз. Нападавший не успел даже издать крика боли.

Снова стало тихо. Райнасону были видны торчавшие без движения внизу, над третьей ступенькой, ноги последнего нападавшего, и не было никакого сомнения, что все остальные хорошо видели их тоже. Теперь они колебались, не решаясь двигаться дальше. Райнасон продолжал лежать, прижавшись к полу, ожидая развития событий. Ветер, продувая верхние части здания, издавал истошные, раздражающие душу звуки.

Но вот, наконец, еще один смельчак, перекатившись через грань массивной ступеньки и скрываясь в более глубокой тени в стороне от лестницы, стал осторожно подбираться к только что отполированному дезинтегратором скату. Райнасон наблюдал за ним хладнокровно, сквозь серую

пелену ярости, к которой подмешивалось отчаяние. Какой толк от всего этого — от крови, пота, боли? Все это вызвало у него отвращение.

Как коса, легко срезающая нежную весеннюю траву, луч прошел через тело карабкающегося человека — через голову, шею и заднюю часть. Окровавленный труп скатился вниз, туда, где начинался скат.

Внезапно оставшиеся дрогнули и побежали. Один из них поднялся и стал неуклюже прыгать вниз по крутым ступеням, не обращая внимания на то, что стал открытой мишенью. Не без внутреннего содрогания Райнасон отметил, что этим человеком был не кто иной, как Ренэ Мальхотт. За ним последовал другой, затем — еще. Оказывается, всего на ступеньках их было около дюжины; все они сорвались с места и побежали. Райнасон послал им вслед один луч. И вот наконец они скрылись.

Райнасон отошел от лестницы и устало прислонился к каменной стене. Его левая рука начинала понемногу оживать, благодаря восстановившейся циркуляции крови; он машинально потирал ее здоровой рукой, раздумывая о том, попытаются ли нападающие штурмовать Храм с другой стороны. Сегодня он сумел одолеть одну из этих древних стен, но смогут ли они это сделать? Естественно, у них было мало шансов взять приступом лестницу без четкого и грамотного руководства. Но, с другой стороны — кто возьмется возглавить этот самоубийственный штурм? Да, эти люди были отчаянными негодяями, но своими жизнями они, тем не менее, дорожили.

Через несколько минут портативная радиостанция, небрежно брошенная Райнасоном на каменном полу, начала подавать сигналы. Наверное, это был Маннинг.

Райнасон подтащил станцию к себе и включил ее, не прекращая наблюдений за лестницей.

— Ли, ты слышишь меня?

— Да, слышу, — ответил Райнасон низким, полным горечи голосом.

— Я иду к тебе для разговора. Придержи свое чертово оружие.

— С какой стати?

— Потому что со мной будет Мара. Очень плохо, Ли, что ты не доверяешь мне, но раз тебе так нравится, то я тоже не буду доверять тебе.

— Неплохая идея, — ответил Райнасон и выключил станцию.

Почти сразу же он увидел, как они выходят из-за прикрытия, образованного поваленной стеной на той стороне пыльной улицы. Мара шагала впереди Маннинга; она высоко держала голову, ее лицо почти ничего не выражало. Когда они пересекали свободное пространство перед основанием лестницы, холодный ветер швырял им под ноги пыль.

Райнасон стоял неподвижно, наблюдая за их приближением. У Маннинга были те же два станнера, но оба были зачехлены. Он все время держался позади девушки; прежде чем подтолкнуть ее вверх на наклонный участок, помедлил немного; взобравшись на него, стал держаться еще ближе к ней. Райнасон стоял, свободно держа в руке у правого бока дезинтегратор.

Взобравшись на колоннаду, Маннинг схватил девушку за здоровую руку и кивнул в сторону одной из дверей, ведущих в Храм. Райнасон прошел первым. Когда они вошли, Маннинг зажег ручной фонарик и установил его на полу. Такое освещение придало интерьеру комнаты вид застывшей печали, при этом казалось, что тени аборигенов упираются в стены и потолок. Маннинг сделал паузу, чтобы рассмотреть хирлайцев и алтарь.

— Вот теперь мы по крайней мере можем слышать друг друга, — сказал он наконец.

— Что вы хотите? — спросил Райнасон. В его голосе отчетливо слышалась ненависть, а ножевой шрам над бровью в тусклом свете фонаря превратился в темную змею.

Маннинг пожал плечами. Чувствовалось, что он нервничает.

— Я хочу, чтобы ты убрался отсюда, Ли. И на этот раз я не принимаю никаких возражений.

Райнасон посмотрел на Мару, которая стояла с выражением безнадежности на лице, затем вниз на свой дезинтегратор.

Маннинг быстро вытащил из кобуры один из станнеров и направил его в лицо Райнасона.

— Я сказал — никаких возражений. Брось оружие на землю, Ли!

Райнасон не мог рисковать из-за Мары, поэтому счел благоразумным подчиниться требованию Маннинга и аккуратно положил дезинтегратор на пол.

— Подвинь его сюда.

Райнасон выполнил и это требование. Маннинг нагнулся и поднял его, затем спрятал станнер в кобуру и направил дезинтегратор на Райнасона.

— Вот так-то будет лучше. Теперь мы можем избежать возражений — ведь правда, Ли? Ты ведь всегда предпочитал миролюбивые решения, не так ли?

Райнасон молча смотрел на него, не говоря ни слова. При этом он медленно прошел в самый центр комнаты и оказался среди хирлайцев, которые даже не обратили на него никакого внимания.

— Ли, он собирается убить их! — выкрикнула Мара.

Теперь Райнасон стоял совсем рядом с автопереводчиком. Луч света от ручного фонаря, который Маннинг установил на полу, бил несколько вверх, и поэтому автопереводчик находился в тени. Склонив голову как бы в задумчивости, Райнасон незаметно включил его ногой.

— Это правда, Маннинг? Вы действительно собираетесь перебить их? — Его голос звучал преднамеренно громко, и поэтому отражался эхом от стен.

— Я не могу им верить, — ответил Маннинг, невольно повышая голос до уровня голоса Райнасона. Он ступил вперед, толкая Мару впереди себя. — Они не люди, Ли, и ты по непонятной для меня причине все время забываешь об этом. Необходимо расчистить новую среду нашего пребывания от вредных животных — это ведь входит в круг обязанностей губернатора, не так ли?

— А как насчет тех людей, что снаружи? Вы обрисовали им картину в таком же ракурсе?

— Этот сброд делает то, что я говорю, — резко ответил Маннинг. — Им абсолютно все равно, кого убивать. Все равно была бы стычка — то ли между жителями города, то ли жителей города с хирлайцами. Как губернатор я, разумеется, предпочитаю, чтобы они выпустили свой пар на этих лошадях. Сохранение спокойствия в собственном доме, будем так говорить. — Он улыбался, поскольку полностью контролировал обстановку.

— Какова же ваша цель? — задал уточняющий вопрос Райнасон. В его голосе слышались нотки гнева. — Неужели вашей единственной целью в жизни является убийство, Маннинг?

Прищурив глаза, Маннинг еще ближе подошел к нему.

— Убийство? Так ведь это даже лучше, чем вообще не иметь никакой цели, Ли! Со временем я смогу выбраться из этих проклятых краевых миров и зажить в центре галактики как белый человек. Но это при условии, что я буду достаточно удачливым убийцей. И я стремлюсь быть именно таким, Ли... Да, именно таким!

Райнасон как бы в знак неодобрения повернулся спиной к Маннингу и медленно направился мимо Хорнга к подножью древнего Алтаря. Он посмотрел вверх, на Глаз Кора... Затем снова повернулся к Маннингу.

— Разве это справедливо, Маннинг? — прокричал он. — Неужели вы считаете, что будете иметь право на жизнь после того, как перебьете хирлайцев?

Маннинг выругался сквозь зубы и быстро шагнул в сторону Райнасона; его черная массивная тень четко вырисовалась на противоположной стене.

— Да! Это дает мне любое право.

Все произошло быстро и неожиданно. Теперь Маннинг был совсем рядом с массивной фигурой Хорнга. Он поднял дезинтегратор и направил его в сторону Райнасона. И в это время огромный кулак Хорнга выбил его из руки Маннинга.

Маннинг так и не успел понять, что произошло. Еще до того, как он сообразил, что дезинтегратора у него уже нет, Хорнг схватил его. Одной своей могучей рукой он впился ему в горло, другой — в плечо. Абориген легко поднял его в воздух. Он так сильно скрутил Маннинга своими руками, что Райнасон даже слышал, как трещат кости.

Хорнг поднял неподвижное тело над головой и швырнул его на пол с такой силой, что голова Маннинга раскололась на части; на полу лежало неподвижное скрюченное туловище того, кто только что намеревался устроить массовую бойню.

В комнате наступила мертвая тишина. Хорнг стоял и смотрел своими обычными безучастными глазами на валявшееся у его ног искалеченное тело Маннинга. На лице Мары появился неподдельный ужас.

Райнасон медленно подошел к микрофону и поднял его.

— Оказывается, старый кожаный мешок, ты можешь действовать быстро, когда для этого есть причины, — нашел в себе силы пошутить он.

Хорнг повернулся к нему лицом и молча склонил голову набок. Смысл этого жеста загадкой для Райнасона уже не являлся.

Райнасон поднял труп Маннинга и вынес его из здания к верхней ступеньке лестницы. Мара вышла вместе с ним, неся в руке фонарь; ее руки дрожали, и поэтому время от времени, вопреки ее желанию, свет качался из стороны в сторону и с грубой откровенностью выхватывал из темноты то, что осталось от Маннинга. Остановившись вверху огромной крутой лестницы, Райнасон стал ждать. Через некоторое время из укрытий вышли люди Маннинга и остановились у подножья лестницы, не зная, как им поступить в такой ситуации.

Они тоже чего-то ждали.

Райнасон взвалил мертвое тело на одно плечо, взял в руку дезинтегратор и начал медленно спускаться вниз.

Когда он достиг основания лестницы, стоявшие кольцом мужчины отступили назад. Они были обеспокоены и подавлены... но уже успели убедиться в мощи дезинтегратора, а теперь к тому же увидели и бесформенное тело Маннинга.

Райнасон наклонился и сбросил труп на землю. Затем, посмотрев холодно на лица головорезов, сказал:

— Один из хирлайцев сделал это своими руками. И больше ничем — просто голыми руками.

На мгновение все замерло... Мертвую тишину нарушил быстрый рывок одного из горожан, который выскочил из толпы вперед, возбужденный, с огромным ножом, который он держал перед собой. Он остановился в том месте, где заканчивался белый световой круг от фонаря. Райнасон с холодным лицом, которое представляло собой мертвую от напряжения и усталости маску, молча поднял дезинтегратор и навел его на смельчака.

Человек остановился в нерешительности.

И вот в этот критический момент из толпы выступила вперед еще одна фигура. Это был Мальхомм с искривленными от отвращения губами. Ребром ладони он нанес удар по шее смельчака чуть ниже уха; тот мешком упал на землю и остался лежать без движения.

Мальхомм некоторое время смотрел на него, затем повернулся к толпе.

— Хватит! — прокричал он. — Я сказал — хватит!

Он посмотрел сердито на изуродованное тело Маннинга.

— Закопайте его!

Толпа не пошевелилась. Мальхомм грубо схватил двоих и вытащил их из толпы. Они нерешительно переводили

взгляд то на Мальхomma, то на дезинтегратор в руках Райнасона, затем все-таки наклонились, чтобы поднять труп Маннинга.

— Это — естественное деяние общечеловеческого милосердия, — сказал Мальхomma ядовито. — Оно заключается в том, что мы, по крайней мере, не отказываем в похоронах друг другу. — Его яростный взгляд, устремленный в толпу, привел ее, наконец, к нужному решению. Бормоча что-то, пожимая плечами и качая головами, люди стали расходиться.

Мальхomma повернулся к Райнасону и Маре; его лицо расслабилось, жесткие линии вокруг рта превратились в грустную улыбку. Обняв Райнасона за плечи, он сказал:

— Нам следует найти укрытие в одном из домов до утра. Ты должен отдохнуть, Ли Райнасон — вид у тебя такой, как если бы ты только что выбрался из преисподней. А вам, мадемуазель, я попытаюсь наложить временную шину.

Они нашли неподалеку дом, крыша которого давно обрушилась, но стены были еще крепкими и хоть как-то предохраняли от пронизывающего ветра. Обработывая полумертвую руку Мары, Мальхomma ни на минуту не переставал говорить; Райнасон не мог понять — то ли он пытался отвлечь Мару от боли, то ли ему просто было необходимо дать выход эмоциям.

— Я так давно проповедую этим людям, что у меня в горле давно образовалась мозоль. И теперь, похоже, они сами поймут, о чем я им говорил, и мне не придется больше напрягать голосовые связки. — Он пожал плечами. — Ну, а если совсем по-честному, то жить станет совсем неинтересно, если у меня не будет повода кричать. Когда-нибудь, Ли, спроси у своих друзей-аборигенов — много ли они выиграли, выбрав мир?

— Они его не выбирали.

Мальхomma скорчил гримасу:

— Я был бы очень удивлен, если бы узнал, что кто-то где-то по своей воле выбрал мир. Возможно, Пришельцы, но их нет рядом с нами, чтобы расспросить их об этом. Это довольно интересный вопрос, над которым стоит подумать, особенно когда нечего выпить. Что ты станешь делать, когда вдруг не станет с чем или за что сражаться?

Он поднялся. Шина на руке Мары была готова. Он усадил ее в кучу песка, пытаясь создать при этом

столько удобств, столько позволяли неординарные обстоятельства.

— У меня есть еще один вопрос, — обратился к нему Райнасон. — Что ты делал в толпе этого сброда, который пытался убить меня на ступеньках к Храму?

На лице Мальхомма разлилась широкая улыбка.

— Это был самоубийственный поход в защиту твоей голы, Ли. Глупейшая, но безотказная тактика... сила которой заключается в том, что она сориентирована на психологию самого слабого труса в этой толпе. Все, что требуется сделать в такой ситуации, так это просто кому-то первому продемонстрировать откровенное бегство, и тогда каждый с готовностью не замедлит последовать этому примеру. Поэтому-то мне и было так легко остановить штурм.

Райнасон не мог сдержаться, чтобы не засмеяться при этих словах. И начав смеяться, он уже не мог сдержать выход того адского напряжения, которое так долго держало его в тисках.

— Ренэ Мальхомм, — сказал он сквозь смех. — Это — как раз та самая форма руководства, в которой нуждается население этой планеты.

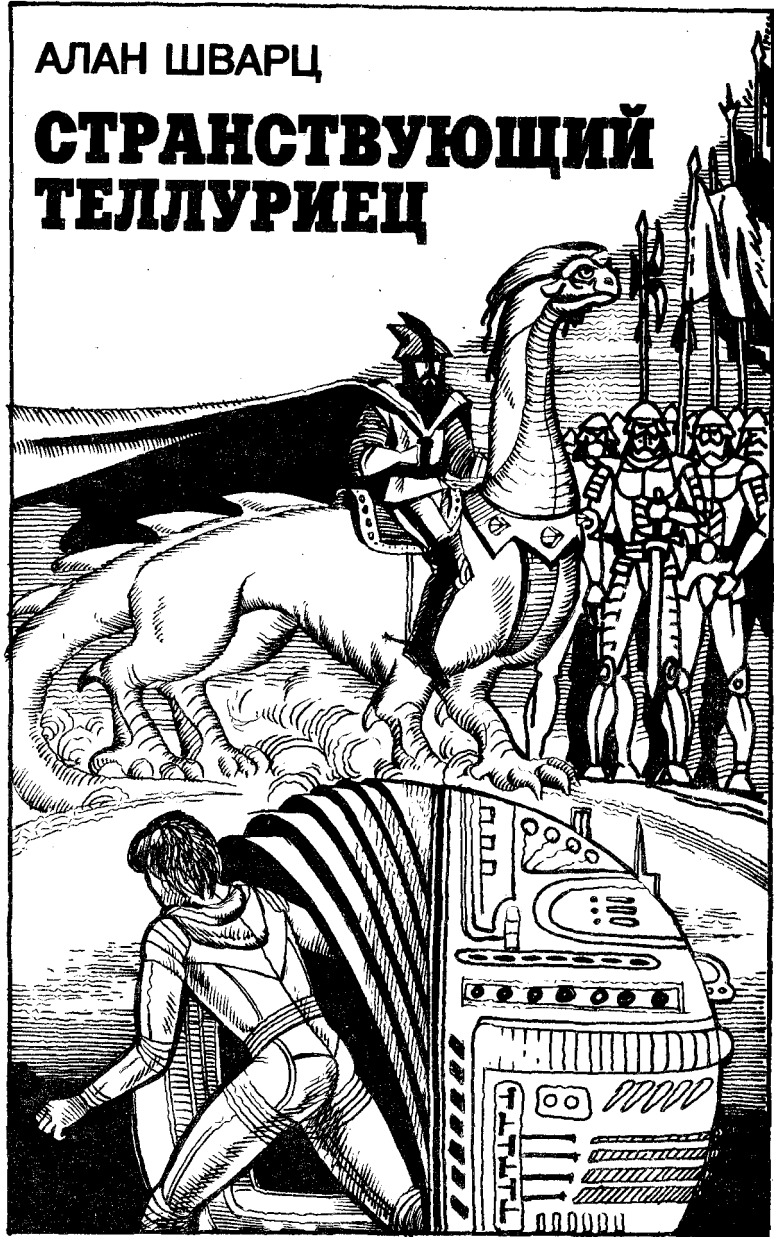
Мара послала лучезарную улыбку с кучи песка и пыли, где она лежала:

— Знаете, — сказала она, — теперь, когда Маннинг мертв, им придется поискать кого-то другого на место губернатора.

— Не смешите меня, ради Бога, — ответил, смутившись, Мальхомм.

АЛАН ШВАРЦ

СТРАНСТВУЮЩИЙ ТЕЛЛУРИЕЦ

ALAN SCHWARTZ
**THE WANDERING
TELLURIAN**

1967

ГЛАВА I

Как и большинство теллурийских гетто, колония на Лхонце-4 содержала академию. Это двухэтажное здание мало чем отличалось от окружающих его построек. Оно было прочным и внушительным, построенным из местного красного камня с традиционными тяжелыми гобеленами и найденными в гетто большими каминами.

Лхонц-4 был маленьким холодным миром. Здесь издавна обитали волосатые гуманоиды. Отношения между местными жителями и сынами Теллуса, торговцами смертью, строились исключительно на расчете наличными.

Но теллурийцам приходилось поддерживать отношения с Лхонцем. Немного найдется миров, которые согласны терпеть колонию расы, издавна снискавшей репутацию одной из самых злобных, и к тому же владеющей оружием, превосходящим все, что известно в галактике.

Теллурийцы Лхонца-4 придерживались мнения, что планета эта вряд ли представляет для кого-то интерес. Поэтому они не возражали против небольшой колонии теллурийцев, раз она приносит пользу местным резчикам по дереву, мясникам, пекарям и ремесленникам, делающим свечи.

Лхонц-4 не был беспокойным миром. К теллурийской индустрии смерти здесь относились нормально. Как и большинство народов галактики, жители Лхонца давно уже придерживались социально-экологической тактики, которая исключала любую разновидность широкомасштабного

конфликта. Это было еще одной причиной, почему теллурийцы основали здесь колонию. Даже самые воинственные люди предпочитают, чтобы дом их находился в мирном месте.

В академии Герберт Герберт излагал доктрину экологистов: вернуться на родную планету к принудительному миру. Майкал Вендал слушал ученого и верил его словам. Двадцатилетний Майкал собирался стать ученым и никогда не покидать академию ради небольшого участка космоса в галактике неподалеку от Лхонца-4, принадлежавшего его отцу.

Энвер Вендал не был в восторге от решения, которое принял сын. Он не признавал сантименты экологистов. Старший Вендал был истинным консерватором, поддерживал статус-кво и никогда не упускал случая преподать свои идеалы сыну.

Однажды вечером, когда Энвер находился в особенно подходящем для этого состоянии духа, он начал вечернюю беседу с замечаниями, что их родная планета мало приспособлена для жизни.

— Все равно это наш мир, — сказал Майкал.

— Твой мир — это Лхонц-4. Этот мир был миром твоего деда и будет миром твоего сына, нравится тебе это или нет.

— Местные могут нас вышвырнуть завтра же. Четыре поколения — это рекорд.

— Тебе нравится академия?

— Я хочу стать ученым. Вот как сильно она мне нравится.

— Ты вот-вот должен начать работать — впервые в жизни. Я скоро буду слишком стар, так что тебе пора начинать, пока мы не умерли с голода.

— Я не намерен быть торговцем смертью.

— Завтра ты им станешь. — Глаза Энвера Вендала сузились. — Мне наплевать, нравится тебе это или нет. Завтра.

— Никогда.

Только сейчас до него дошло, что именно говорит отец.

— Что ты этим хочешь сказать — “завтра”?

— Завтра. Это такой день, который обычно следует за сегодня.

— Я ни за что не сделаю этого.

— Ты сделаешь это завтра, или уберись прочь.

— Мне некуда идти. Ты хочешь, чтобы я замерз где-нибудь в поселке волосатых?

— Тебе это не грозит, потому что ты отправляешься в космос, — сказал Энвер Вендал. — Точно так же, как это сделал я, когда достиг твоего возраста.

— Я лучше замерзну, чем сделаю это.

— Посмотрим.

★ ★ ★

Герберт Герберт выглядел сонным, когда впустил младшего Вендала в свою квартиру в одноэтажном доме позади академии, где жили все ученые. Он закутался в ночной халат из толстой грубой ткани и прошел в центральную комнату, где в камине горел яркий огонь. Майкал последовал за ним.

— В чем дело? — спросила жена Герберта из-за занавески, за которой была кровать, встроенная в каменную стену рядом с очагом.

— Небольшой кризис, дорогая. Спи.

Они устроились перед огнем в низких креслах, сделанных из металла и ткани. Древесина деревьев Лхонца-4 в тепле гнила чересчур быстро и для изготовления мебели не использовалась.

— Мой отец сказал, что я должен отправляться работать, или он вышвырнет меня.

— Ты обязан слушаться его.

— Вы говорили, что никто не должен поступаться своими принципами.

— Какие у тебя принципы?

— Возвращение и воссоединение.

— Это лозунг, — критически заметил Герберт Герберт.

— Это итог всего, во что я верю. Я не стану помогать существованию нашей нынешней системы.

— Похвально. Чего ты добьешься?

— Не знаю. Может быть, замерзну и умру.

— В любом случае, ты нанесешь ущерб чести отца. У нас здесь сильны семейные связи. Вы оба потеряете авторитет.

— Зато мои идеи станут известны.

— Никто не захочет тебя слушать.

— Я хочу быть ученым, — сказал Вендал. — Что в этом дурного?

— Ничего, если бы ты был готов. Но ты не готов. Похоже, ты ничего не знаешь о жизни.

— Я думал, вы мне поможете.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе стать героем. Для меня важнее, чтобы ты был жив.

— Как я должен поступить?

— Отправляйся в космос. Когда вернешься обратно, тогда у тебя будет право говорить.

— Вы хотите, чтобы я отправился в космос?

— Разве это так уж отвратительно?

— Я никогда не думал, что вы пойдете на компромисс.

Герберт Герберт тихо рассмеялся.

— Я каждый день иду на компромисс. Я научил тебя обращаться с книгами. Я научил тебя задавать курс космической лодке. Я научил тебя, как осваивать языки при помощи анализатора. Я научил тебя делать все, чего сейчас может потребовать от тебя отец. Ты можешь перечислить наизусть составляющие пороха и построить чертежи десятков видов оружия.

— Не понимаю.

— Мятельные идеи — это только побочный эффект обучения.

— Я на самом деле не понимаю. Если вы считаете, что мне лучше лететь, я так и поступлю, но я не буду приотворяться, что мне понятно.

Учитель покачал головой.

— Я не могу объяснить. Может быть, на планете, где властвуют конфликты, ты научишься быстрее, чем в классной комнате.

Прежде чем покинуть Герберта Герберта, Майкал Вендал некоторое время печально смотрел на огонь.

ГЛАВА II

Завтрак в центральной комнате дома Вендалов был не из приятных. Отец и сын смотрели друг на друга через стол. Мать и дочь, пребывающие в благоговейном ужасе от мрачного молчания мужчин, тихо подавали котлеты и овсяную кашу.

— Ты отправишься, — сказал Энвер Вендал.

— Я отправлюсь. Я уже сказал тебе, что отправлюсь.

Майкал Вендал не мог придумать, что бы еще сказать. Очевидно, его отец тоже.

Закончив завтракать, они оба закутались в двойные плащи и вышли из дома. Они направились к амбару для космических лодок в конце Каунтингхаус Роу. Это была длинная постройка из синего камня с наклонной крышей, покрытой шифером. Внутри строение было разделено на множество боксов, в большинстве которых находились сферические предметы примерно шести футов в диаметре, имеющие гладкую поверхность. Каждая космическая лодка стояла на трех тонких опорах.

Энвер Вендал вынул из кармана устройство субакустического управления и нажал кнопку. Входной люк космической лодки, представлявший собой прямоугольное отверстие в корпусе, открылся на шарнире в верхней части. Внутри зажегся свет.

— Вот, — негромко произнес Энвер Вендал.

— Вот, — эхом отозвался его сын.

— Мне не придется тебя выталкивать.

— Я сделаю то, что ты велишь. Даже если мне это не понравится.

— Береги себя.

— Со мной будет все в порядке, — сказал Майкал.

— Будь осторожен там, снаружи. Держись подальше от Ладза. Это семь седьмых, восемь десятых, пять седьмых...

— Знаешь, мне, кажется, почти интересно, что же там, снаружи.

Энвер покачал головой.

— Тебе не придется задерживаться надолго. У тебя все мои карты. Береги себя.

— Ты уже говорил.

В боксе был шкафчик со снаряжением. Энвер Вендал вынул из него скафандр — синий с металлическим оттенком, который защитит Майкала практически от любого оружия, которое могут направить на него в примитивных мирах, куда он отправлялся. На поясе скафандра был иглострел с зарядами. Энвер Вендал помог сыну одеться. Скафандр растянулся и был Майкалу как раз впору. Энвер Вендал отдал сыну устройство управления люком космической лодки.

— Это все, что я могу сделать.

Энвер Вендал протянул руку для древнего символического рукопожатия, и Майкал взял его руку в свою.

Майкал забрался в космическую лодку. Он сел на широкое сиденье без обивки. Там было достаточно места еще

для одного человека, но, разумеется, с ним больше никто не полетит.

Панели на вогнутой внутренней поверхности космической лодки были связаны с электроникой, управляющей генераторами гравитационных циклов, которые, собственно, и отправят Майкала в космос. Он бывал в космосе на школьных экскурсиях, но никогда не совершал посадку на другой планете.

Майкал надеялся, что у него не будет причин открывать панели. Конечно, ленты в библиотеке расскажут ему, что делать. Но он не был специалистом по космической технике. Он разбирался в технологии уничтожения вплоть до бездымного пороха, поскольку это было предметом его торговли. Но образование, которое он получил, сделало его всего лишь библиотекарем особого рода. Вся информация, относящаяся к периоду до Конца, была закодирована в лентах его библиотеки. Он научился понимать эту информацию и использовать ее.

Майкал закрыл люк. Он надел управляющий шлем и сдвинул вниз визор шести панелей, чтобы тот оказался у него перед глазами. В числе прочего его обучили пользоваться визором, так что он мог легко интерпретировать 360-градусный обзор, предоставляемый прибором, переводя его в действия. Майкал дал мысленный сигнал, чтобы открылась крыша. Когда он увидел при помощи визора, что крыша над его боксом открылась, он дал мысленную команду космической лодке начать движение. Он мысленно направил ее вверх, и вот он уже в пути. Майкал задумался — а что, интересно, думают волосатые аборигены о космических лодках, стартующих из гетто? Тут он поймал себя на шовинизме и представил, какими словами обитатели Лхонца называют теллурийцев, когда их не сдерживают правила вежливости.

Когда лодка оказалась за пределами атмосферы, а затем миновала самый внешний из четырех маленьких спутников Лхонца-4, Майкал отдал мысленный приказ запустить главный двигатель. Тем временем, он рассматривал в визоре множество звезд. Он мысленно скоандовал ограничить систему визуальной информации звездами, лежащими в пределах пятидесяти льи. Он не станет отправляться ни к одной из планет, которые осмотрел его отец. Всего таких было восемнадцать. За исключением нескольких, все относились враждебно к теллурийской технологии.

Он произвел проверку при помощи Навигатора Космического Поиска и выбрал планетную систему с координатами пять-один-восемь седьмых, шесть-один-шесть десятых, двенадцать пятых. Система имела одну зарегистрированную обитаемую планету. Со времени Конца не проводилось ни одного Поиска, так что вся информация в навигаторе устарела на две тысячи лет. Но это было лучше, чем поиски наугад.

Майкал установил местоположение планетной системы и мысленной командой направил космическую лодку к ней. Меньше чем через минуту он оказался в надпространстве. Теперь в визоре не было ничего. Майкал автоматически установил таймер в момент вхождения в надпространство, так что теперь ничего не оставалось делать, кроме как ждать. В академии он узнал, что в надпространстве нет объективного времени, но субъективное время есть. У его приборов была одна версия субъективного времени, постоянная. Его субъективное время постоянным не было. Майкал ждал.

Примерно через час он вышел из надпространства и увидел в визоре, что находится на краю планетной системы и может совершить быстрый прыжок к планете, зарегистрированной в Навигаторе. Майкал немного отдохнул и мысленно направил космическую лодку к выбранному объекту.

Ему показалось, что добраться до зоны оптимальных орбит удалось за несколько минут. Он начал спуск, одновременно производя проверку химического состава атмосферы и наличия радиосигналов. Первый находился в пределах, пригодных для живых существ, которые дышат кислородом. Вторые отсутствовали.

Майкал установил местоположение концентраций углерода и направился к одной из них в надежде, что это окажется населенный пункт, а не просто лесной пожар. Вскоре он был достаточно близко, чтобы разглядеть в визоре прямоугольники полей и строений. Он опустил космическую лодку на одно из полей. Лодка приспособилась к поверхности так, чтобы стоять ровно. Майкал мысленной командой открыл люк и выбрался наружу. Местное солнце поднималось над горизонтом. Поблизости не было ни души.

Разумеется, живые существа здесь, скорее всего, окажутся человекоподобными, что бы они собой ни представ-

ляли. Таков был опыт давно погибшей службы Космического Поиска. Существовало много непохожих на человека форм разумной жизни, психология которых была столь отлична, что вместе с условиями их среды обитания не было ни практических возможностей, ни, в сущности, причин, налаживать с ними контакт. Но дышащую кислородом часть галактики контролировали гуманоиды.

Через некоторое время вокруг него начали собираться люди. Они были настолько же безволосыми, насколько обитатели Лхонца-4 волосатыми. Похоже, они ничуть не заботились о том, что в более холодном мире называлось скромностью. Но их мир явно не был холодным. Они были высокими и худыми, к тому же весьма разговорчивыми. С учетом их разговорчивости Майкал вынес из лодки анализатор и закрыл за собой люк при помощи субакустического устройства управления.

Он надел анализатор на голову. Прибор был сконструирован так, чтобы надеваться как шлем. Это было специализированное вычислительное устройство, создание которого стало возможным в результате высадок службы Космического Поиска на сотнях и сотнях планет. Любая разновидность человеческого языка практически наверняка соответствовала одному из образцов, на обработку которых был рассчитан анализатор. Нужно только, чтобы он получил достаточно примеров речи для анализа.

Конечно, некоторые расы открыли способ общения посредством телепатии. Другие использовали для этой цели свет — вроде того, как Майкал и его современники играли с модуляционными светолучевыми телефонами в возрасте девяти-десяти лет. Некоторые расы разговаривали на звуковых частотах выше или ниже обычного человеческого порога. Но эти исключения были чрезмерными отклонениями от гуманоидной нормы.

Аборигены болтали всякую ерунду — такое, во всяком случае, создавалось впечатление. Майкалу снова пришлось поймать себя на шовинистическом порыве и подождать, пока анализатор не предоставит ему информацию, необходимую для “болтовни”.

Прошло примерно полчаса, и появилась группа людей среднего возраста в тогах, которые напомнили Майкалу картинки из пред-древней истории теллурийской цивилизации. Они прошли сквозь толпу и окружили Майкала. Их было человек десять-двенадцать. Они казались суровыми,

но недружелюбия не проявляли — по крайней мере, открытого. Они произнесли что-то, по-видимому, приветствие, и Майкал, в свою очередь, приветствовал их. Но разумеется, они не поняли его, так что временно все оказались в тупике.

Наконец анализатор начал выдавать информацию. Майкал искренне надеялся, что анализатор не подsunет ему ничего такого, из-за чего он мог бы допустить серьезный промах. Он перешел в мысленное состояние, необходимое для использования анализатора, то есть предельно расслабился, и стал произносить слова, которые поначалу ничего не значили для его собственного слуха.

— Доброе утро, господа. Я — Майкал Вендал с планеты Лхонц-4. Я теллурийский советник и у меня есть для продажи информация о многих полезных вещах.

— Доброе утро еще раз, Майкал Вендал. Похоже, что у вас есть много полезных устройств. Меня зовут Браций, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Пройдемте с нами.

Незнакомые слова с одной стороны не имели никакого смысла, но с другой их значение было вполне ясным. Майкал имел небольшой опыт обращения с анализатором, достаточный лишь для элементарного использования устройства. Все это было для него еще непривычным. Он обнаружил, что путешествие в космос начинает казаться ему захватывающим. Когда он шел через поля вслед за людьми в тогах, то задумался над тем, как повлияют путешествия в космосе на его политические идеи.

Деревня состояла из добротных хижин, построенных из глины и крытых соломенными крышами зеленого цвета. Несколько построек были двухэтажными, но преобладали — одноэтажные. Проемы окон и дверей не были ничем закрыты. Это служило еще одним доказательством, что климат здесь теплый, как уже успел заметить Майкал. Он подумал, будет ли себя хорошо здесь чувствовать в разгар дня.

Группа людей, с которой он двигался, прошла по узким грязным улицам по направлению к постройке сравнительно больших размеров в центре деревни. Постройка эта была снабжена узкой высокой башней. Майкал предположил, что это либо дом собраний, либо храм.

Майкал начал недоумевать, почему никто особенно не удивился его прибытию. Конечно, он не знал, чего ожи-

дать на незнакомой планете. Но его прибытие вызвало сначала праздное любопытство, а затем его с достоинством встретили люди старшего возраста. Никто не проявил благоговейного трепета или страха. Как будто к этим людям каждый день прилетают гости с неба. И все же их деревня явно принадлежала к дотехнологическому уровню. Майкал задумался, чувствовал ли бы он себя в большей безопасности, если бы они стали с криками разбегаться от него или бросать в него копья. Но у него не осталось времени на размышления, потому что они пришли к зданию с башней. В постройке были широкие двери из двух половинок, которые торопливо отворил один из сопровождавших Майкала людей. Группа вошла в здание. Они оказались в большом зале ста футов длиной и сорока футов шириной.

Вдоль обеих боковых стен зала шли аркады. Стены были покрыты мозаиками. На противоположной от входа стене висел знак. Он был похож на символ мужского пола и отличался от него тем, что стрела не имела острия, а окружность была перечеркнута диагональной чертой.

Вдоль этой стены стояли несколько рядов кресел с высокими спинками. Сопровождавшие Майкала люди поклонились символу. Майкал последовал их примеру из соображений дипломатии. Они все подошли к креслам и уселись. Один из них жестом показал Майкалу, чтобы тот тоже сел.

Когда все расселись по местам, расправили тоги и устроились удобно, насколько это было возможно сделать на жестких сиденьях, все повернулись к Майкалу. Человек, который представился как Браций, заговорил:

— У тебя есть какая-то информация для продажи нам, юноша? Расскажи мне, какая именно.

— Я могу показать вам, как делать устройства для передвижения больших тяжестей.

— Не нужно. У нас есть тягловые животные.

Несколько человек захихикали, что очень не вязалось с их суровым достоинством.

— Я могу показать вам, как разговаривать с другими людьми на больших расстояниях, не повышая голоса.

— Бессмысленно говорить с тем, кто находится на большом расстоянии и от кого не может быть немедленной пользы говорящему. В таком разговоре нет никакой выгоды.

— Вас не интересует то, что у меня есть, — сказал Майкал.

— Не интересует.

— У вас нет врагов? — спросил Майкал.

Даже тот, к кому он обращался, с трудом подавил хохот. Но наконец ему удалось заговорить.

— Юноша, у нас нет ни необходимости, ни желания покупать твои устройства. Мы почти уничтожили сами себя много лет назад, и с тех пор живем своей землей и своим умом — бедной, но хорошей жизнью. Прости, что мы смеемся. Это место смеха. Оно посвящено абсурдности нашего собственного прошлого, наших прошлых конфликтов. Разве твоя собственная раса почти не вымерла в результате пристрастия к этим игрушкам? Неужели ты не ощущаешь абсурдности вселенной?

Майкалу на ум пришло слово “экзистенциалист”. Он постарался отвлечься на некоторое время от собственных забот и понял, что раса, которая чуть было не уничтожила себя, испытала психологический шок и сейчас демонстрирует моральное превосходство. Над ним.

— Похоже, никто особенно не удивился моему прибытию, — сказал Майкал. Это утверждение в действительности было вопросом.

— У нас есть пословица, и это даже больше чем пословица: “Если солнце говорит, не надо удивляться”. А солнце часто говорит со мной. Ты видел, как оно открывает рот? У него очень нехорошие зубы, юноша.

Значит, это был не экзистенциализм, а больше походило на какое-то психическое заболевание. Однако эти люди казались достаточно безвредными.

Если их реакцией на версию Конца был психоз, то как можно назвать нашу собственную реакцию? — подумал Майкал. Он встал и вышел из зала, а ему вслед несли хохот.

Он снова прошел по узким улицам. Людей было мало. Он завернул за угол и наткнулся на девушку, которая сидела на пороге хижины, уставившись в стенку напротив.

— Доброе утро, — вежливо произнес он. Несмотря на редкие волосы на голове, она была привлекательна. Майкалу стало интересно: какая же здесь молодежь?

— Вы не должны отвлекать меня от предмета, который я изучаю, — сказала она.

— Что же вы изучаете?

Она начала хихикать.

— Трещина в стене напротив учит меня религии. Лучше вам уйти, пока трещина не устала от меня и не ушла прочь.

— Понятно, — сказал Майкал, хотя совсем не был уверен, что понял хоть что-нибудь.

Он вернулся на поле. Не было видно ни души. Он явно не представлял собой ничего интересного для людей, которые разговаривали с солнцем и, вероятно, были очень разочарованы, что у него всего два глаза. Интересно, подумал Майкал, это он — безумец в нормальном мире, или люди этой планеты — безумцы в нормальной вселенной? Тут он вспомнил, что вселенная, если иметь в виду ее население, не очень-то нормальна.

Он громко засмеялся и решил, что лучше ему отправиться восвояси. Он нашарил устройство управления и открыл люк космической лодки.

Одну планету можно вычеркнуть. Он захопнул за собой люк и снял анализатор.

Майкал занял свое место и дал лодке мысленную команду вверх, прочь из атмосферы планеты. Приятное было место, но никак не аргумент в пользу концепции экологизма.

Выбравшись из опасной зоны, он снова справился с Навигатором Поиска. После недолгого изучения он нашел планету, о которой когда-то сообщалось, что она обитаема. Он приготовился к перемещению в координаты пять-один-девять десятых, пять-девять-девярых, четыре-шесть-ноль пятых.

ГЛАВА III

Майкал опустил космическую лодку в атмосферу этой планеты медленно, осторожно. Он не был уверен, хочет ли он продолжать свою работу — не из-за каких-либо убеждений, а просто из опасений за свое психическое здоровье. Он вспомнил самых убедительных противников экологизма — матриархию на планете Ладз. Возможно, что Ладз — это всего лишь легенда, придуманная кем-то из службы Космического Поиска, у кого было богатое воображение и много свободного времени. Но пока Майкал размышлял над этим, идея Ладза все глубже и глубже проникала в его мысли.

Когда Майкал опустился на поверхность, там было совершенно темно. Он с трудом разглядел при помощи ви-

зора небольшой дымок, поднимающийся в темно-зеленое небо. Еще поблизости находилось фортификационное сооружение на самой высокой точке местности, на холме, расположенном примерно в километре (по меркам Лхонца) от места посадки космической лодки.

Майкал отдохнул и принял пищевые таблетки. Через некоторое время он увидел, что местное солнце восходит. Он еще немного подождал и открыл люк. Воздух снаружи был вонючий, однако Майкал дышал им без труда. Эта планета была одной из сотен кислородных планет. Согласно Навигатору, кислорода на ней вполне достаточно, чтобы возникли формы жизни, которые он, по крайней мере, сможет распознать. Скоро ему предстоит это проверить.

У подножия холма располагалась деревня. Холм был футов пятидесяти высотой, не считая укрепления на его вершине, которое добавляло еще пятьдесят футов. Майкал предположил, что эта местность раньше была дном озера. Вдали он видел зубчатые пики гор.

Никто не выходил из деревни, хотя он видел, как какие-то фигуры движутся среди каменных хижин. Воздух был холодным, хотя разумеется, не настолько, как на Лхонце. Майкал сообразил, что он не знает, какое тут сейчас время года.

Прошло еще некоторое время, и в деревне зашевелились. Майкал увидел, как гуманоидные фигуры взбираются на огромных рептилий, длинноногих ящеров, и направляются к нему. Зрелище напомнило ему фильмы о древней теллурийской кавалерии. Он смотрел эти фильмы в детстве. Но длинное зрелище, даже так странно измененное, производило куда большее впечатление. Особенно если учесть, что он понятия не имел, какие намерения у всадников.

Всего их было пятеро — обычных гуманоидов с розовой кожей, непривычной к солнцу — во всяком случае, к большому его количеству. Четверо были одеты в униформу — красные просторные одежды и шлемы. Это означало, что здесь уже изобрели лук и стрелы. Шлем, как правило, не нужен в ближнем бою, если нет других факторов, которые следовало принимать во внимание — таких, как стрелы. А эти люди вряд ли стали бы делать что-то просто для того, чтобы покрасоваться.

У всех были длинные и тяжелые мечи в ножнах из кожи ящеров. Пятый человек, который, похоже, ими командовал, был одет ярче других и не имел пики и шлема.

Группа приблизилась и остановилась перед Майкалом. У двух воинов был такой вид, будто они с удовольствием разделались бы с Майкалом прямо сейчас. Главный наклонился и что-то крикнул ему. Майкал надел анализатор. Он никак не мог знать, что говорит главный, но все равно ответил.

— Я прибыл с другой планеты. Я невероятно могущественен, так что не пытайтесь причинить мне вред.

Он был рад, что воин его не понимает.

Главный махнул рукой, и двое воинов с пиками направили своих ящеров трусцой вокруг Майкала, заходя к нему со спины. Они ткнули его пиками в спину в знак того, чтобы он пошевеливался. Он шагнул вперед, хотя сквозь скафандр не почувствовал боли. Он знал, что его забирают в укрепление — может быть, это был настоящий замок, — чтобы допросить. Именно этого он и хотел.

Двое легко одетых мужчин находились рядом с Майкалом в подземной камере, расположенной под главным помещением укрепления. Майкал решил, что это все-таки укрепление, а не замок, после того, как убедился, что постройка имеет толстые стены и большой гарнизон, но в ней совсем мало жизненного пространства. Одно и то же здание служило штаб-квартирой, казармой и, на подземном уровне, тюрьмой.

Его мучители, похоже, были местными обладателями знания. Он попытался с ними поговорить, чтобы и анализатор мог обработать их язык. Но они проводили слишком много времени, совещаясь в дальнем конце камеры.

Помещение не было слишком уж неудобным. В нем находилась даже кровать, сделанная из дерева и покрытая соломой. Майкал никогда до сих пор не видел, чтобы дерево применялось для сооружения чего бы то ни было. Древесина на Лхонце-4 была совершенно бесполезна для подобных целей. Солома тоже крайне удивила его. Майкал смутно догадывался, что это такое. Злаки не растут на Лхонце-4, кроме как в тропиках.

Он задумался над тем, какой линии поведения ему придерживаться с аборигенами. Некоторым торговцам приходилось выдавать себя за богов или за колдунов, иначе они не могли ничего продать. Но Майкал не мог принять решение до того, как сможет понимать местных жителей и быть понятым ими. Он ждал и пытался разговаривать двух человек, которые тем временем пытались понять его соб-

ственный язык — принятую на Лхонце-4 разновидность теллурийского.

— Вы и впрямь парочка приятных идиотов. Надеюсь, у нас в результате получится что-нибудь осмысленное, — сказал он с таким видом, будто это было вежливым ответом на вопрос, который ему задали.

Анализатор начал выдавать первые результаты. Майкал снова расслабился и стал произносить незнакомые звуки. Остальные поняли их мгновенно и пришли в восторг.

— Что это за место? — спросил он.

— Это крепость его великолепия лорда м'Эртцла.

— В каком королевстве?

— Здесь нет короля, — ответил один из них. Похоже, слова Майкала его шокировали.

— Это... ээ... республика? — спросил Майкал, и внезапно понял, что использовал неверное слово, а в словарном запасе, который ему приходится использовать, такого слова нет.

— Нет, этим местом не правят мятежные крестьяне, — ответил один из них. — Ты решил, что мы фермеры? Так?

Майкал понял, что они считают, будто он знаком с их планетой. Он не знал, стоит ли разуверять их в этом. Он решил попытаться добыть информацию. У более опытного торговца не возникло бы таких проблем, он действовал бы, полагаясь на инстинкт. Майкал порывлся во внутренних ощущениях и понял, что у него еще нет таких инстинктов. Ему придется играть в игру, пытаясь тем временем отгадать правила.

— Что вы хотите выведать у меня, господа, спрашивайте и дайте мне затем возможность заняться своими делами.

— Откуда ты прибыл? — был первый вопрос. Майкал решил уклониться от ответа.

— Я был внутри устройства, рядом с которым меня обнаружил ваш лорд м'Эртцл. Я так понимаю, тот господин, который меня обнаружил, был он.

— Верно. Но ты не ответил на вопрос.

Примитивные люди не обязательно простодушны.

— Что именно вы хотите знать?

Вмешался второй человек.

— Прибыл ли ты от наших врагов, чтобы каким-либо способом ввести нас в замешательство? Мы не видели животных, которые тащили бы твой странный экипаж. Ты королевский колдун?

Значит, король — их враг. Кто же их друг?

— Меня не интересуют ваши местные конфликты. Я прибыл не от какого-либо другого правителя этого мира. — Майкал сохранял гибкость, чтобы при необходимости либо представить себя богом, либо остаться самим собой. — Я помогаю тем, кто нуждается в помощи. Если у вас конфликт с королем, я буду рад помочь вам, чем смогу.

После этих слов состоялось длительное совещание в другом конце комнаты. Майкал не знал, о чем они говорили, но, надо полагать, обсуждался вопрос, кто он — вражеский колдун, или кто-то, кого они смогут использовать. Наконец они закончили совещаться и покинули камеру. Стражники, одетые в красную одежду и такие же шлемы, как воины с пиками, закрыли дверь за двумя мужчинами, которые допрашивали Майкала.

Судя по всему, у него есть шанс продать что-нибудь местным жителям — если только ему будет сопутствовать удача, и они не попытаются его сжечь, как колдуна. Майкал не знал, что бы он чувствовал по поводу перспективы войти в историю этой планеты, которая не казалась такой уж непривлекательной, но где, похоже, существовали некоторые непривлекательные обычаи. Но, в конце концов, война была тем, чем он торговал, и он не мог жаловаться на своих потенциальных покупателей. Он не сомневался, что на этой планете случается всякое. Он слышал множество историй от торговцев, которые бывали в доме его отца.

Через некоторое время человек, который во главе отряда воинов с пиками увел Майкала от космической лодки, спустился по лестнице. За ним на почтительном расстоянии следовали двое — как бы их назвать? — предсказателей. Похоже, это был подходящий термин.

— Кто ты такой? — спросил лорд.

— Майкал Вендал.

— Что тебе здесь нужно?

— Я могу помочь вам, ваше великолепие. Я только хочу взамен честную плату.

— Откуда ты прибыл?

Майкал, надеясь, что поступает верно, указал вверх, подразумевая небо над крепостью. Он не знал, как это согласуется с местными идеями.

— С неба? Ты прилетел в этом маленьком шаре?

Майкал кивнул в ответ.

— Значит, ты колдун.

— Я не колдун. Я всего лишь бедный юный торговец, у которого есть на продажу знания. Вы слышали про порохов? Если его поджечь, он может двигать большие камни, и с его помощью можно стрелять наковечниками стрел.

— Колдовство!

— Называйте это как хотите, ваше великолепие. — Майкал старался почаще употреблять “великолепие”. — Как бы то ни было, я могу сделать это для вас, за умеренную плату.

— Полагаю, ты всего лишь потребуешь мою душу.

— Что у вас здесь ценится?

— Редкие металлы. Хорошая пища. Травы, которую мы курим в трубках.

“Табак!” — подумал Майкал. Не исключено, что это лучшее, что он сможет привезти домой.

— Давайте уточним, ваше великолепие. Если у вас есть враг, слишком могущественный, чтобы вы могли его победить, я обещаю вам победу и военную славу. Взамен вы дадите мне курительную траву, которой я нагружу свой экипаж. Как по-вашему, это честная сделка? Больше я ничего от вас не прошу и не требую, кроме еды и кровати на то время, пока я с вами останусь.

— Тебя послали либо боги, либо злые силы — не знаю, кто именно. Ты сделал заманчивое предложение. У моего лорда, у принца, как раз есть такой враг.

— Значит, вас ожидают великие почести, если вы обеспечите средства для победы над этим врагом.

Лорд м’Эртцл кивнул.

— Я обсужу со своими советниками, стоит ли рисковать. Ты тем временем останешься здесь. Я пока еще тебе не доверяю.

Могущественный лорд зашагал вверх по лестнице. Его приближенные, оживленно разговаривая между собой, поспешили за ним.

ГЛАВА IV

Майкал никогда не был в тюрьме и не знал, чего ждать. Он думал, что ему будет скучно. В гетто на Лхонце-4 не было тюрьмы. Там даже суда не было, если не считать коммерческого.

Ну, если говорить о суде, то во владениях лорда м'Эртцла тоже ничего похожего не было.

Майкал оказался прав. Ему действительно стало скучно. Он отдохнул и получил жидкий суп на обед и такой же на ужин. Сменилась стража. Наконец в коридоре, куда выходила его камера, погасили свечи. Майкал решил, что это сигнал ко сну, и попытался заснуть. Кровать была довольно удобной, а камера вовсе не холодной, но Майкал целый день ничего не делал, и спать ему не хотелось. Стражник задремал, привалившись к стене напротив, а Майкал лежал и обдумывал, как произвести впечатление на лорда м'Эртцла.

Наверху послышался шум. Стражник вскочил, осмотрелся, проверил, на месте ли заключенные, и выбежал из тюрьмы вверх по лестнице. Секундой позже он слетел по ступенькам вниз, пронзенный стрелой.

Два худых темнокожих человека в накидках с капюшонами спустились по лестнице, переступив через упавшего стражника. Их преследовали двое солдат м'Эртцла. На ступеньках произошло короткое сражение. Незнакомцы, похоже, выигрывали.

Ростом они были ниже солдат м'Эртцла, и мечи у них были меньше, но действовали они ими не менее эффективно. Они использовали мечи как рапиры, тогда как солдаты лорда не знали никаких других приемов, кроме как рубить сплеча, держа меч обеими руками.

Майкал решил, что ему необходимо продемонстрировать свою добрую волю. Снаряжение было при нем. В любом случае, его хозяева понятия не имели, что такое иглострел. Майкал вынул оружие из кобуры и прострелил дыру в спине одного из знакомцев. Его меч с лязгом упал на пол. Товарищ упавшего воина, обескураженный неожиданным поворотом событий, был буквально разрублен пополам взмахом меча солдата м'Эртцла.

Этот солдат, единственный оставшийся в живых участник стычки, с любопытством поглядел на Майкала и побежал вверх.

Через несколько минут шум наверху прекратился. Майкал наконец заснул. На следующее утро лорд м'Эртцл послал за ним, чтобы Майкал рассказал ему, что произошло.

Один из людей, которых Майкал окрестил предсказателями, явился вместе с двумя солдатами, чтобы доставить

Майкала к лорду. Они шли, перешагивая через разбросанные тела, которые никто не позаботился убрать. Стражник Майкала все еще лежал лицом вверх, из тела его торчала стрела.

Через комнату первого этажа они прошли на лестницу, пристроенную к зданию снаружи. Внизу, на плац-параде, представлявшем собой небольшое пространство перед главным зданием крепости, Майкал увидел человека, который мог бы быть братом того, кого он убил прошлой ночью. Он был привязан веревками к ящерам.

Предсказатель увидел, куда смотрит Майкал, и засмеялся.

— Один из твоих товарищей по тюрьме. Всего лишь кочевник. Это за ним они приходили вчера ночью, но промахнулись. Вот что случается с теми, кто вызывает недовольство его великолетия.

— Вижу, — сказал Майкал. Кочевника, судя по всему, медленно разрывали на куски.

— Это только одна из многих игр, для которых нам служат кочевники и крестьяне. Я уверен, что тебе понравится пребывание у нас.

— Оно мне понравится гораздо больше, если я сам не стану объектом таких игр, — сказал Майкал гораздо искреннее, чем намеревался.

Предсказатель рассмеялся.

Они взобрались на четвертый этаж башни. Стражник проводил их в достаточно комфортабельные апартаменты м'Эртцла. Лорд сидел на стуле и причесывался, когда они вошли.

Они сели на полу, на тряпках.

— Говорят, ты совершил великий поступок, юный торговец. О да, великий поступок.

— Ничего особенного. Вы сможете делать то же, когда получите знания, которые я могу вам дать.

Майкалу не нравилось изображать из себя бога. Когда он думал о смерти кочевника, ему становилось дурно. Ему говорили, что он будет не в восторге от некоторых вещей, которые ему придется делать, но он до сих пор не представлял себе, до какой же степени он будет не в восторге.

— Не знаю, кто ты такой, — сказал лорд. — Но будет просто преступлением раздумывать дальше. Ты поможешь моему лорду победить врага. Я заплачу тебе, как ты попросил. Я заключу с тобой сделку.

Вмешался предсказатель.

— Если этот человек послан злыми силами, он выпустит злых духов, и никто из нас не спасется от разложения и страшной болезни — смерти заживо.

— У меня уже был случай заметить, — сказал лорд, — что смерть заживо настигает всех, и хороших, и плохих. Я отвергаю твои суеверия по этому поводу.

Они обсуждали какую-то местную болезнь. Майкал подумал, что это еще один вариант удачной торговли, если только найдутся более здравомыслящие люди, чем этот советник лорда.

— Слуга злых сил не бывает силен духом, — заметил предсказатель. — Проверь, насколько силен этот человек.

“Удобное определение злых сил для того, кто не уверен в собственной силе духа”, — подумал Майкал.

— Я уже принял решение, — сказал лорд м’Эртцл. — Говори, что хочешь. Ты меня ни в чем не убедишь.

— Тем хуже для тебя, — ответил предсказатель.

Лорд м’Эртцл повернулся к Майкалу.

— Ты мне дашь такие устройства, как то, которым ты воспользовался вчера ночью?

— Мне не разрешено их продавать и, в любом случае, у меня только одно такое. Я научу вас, как делать другие устройства, которых тут никто и вообразить не может. Но вам придется заставить нескольких кузнецов, химиков и столяров делать их. Это оружие поможет вам победить любого врага.

— Если ты говоришь правду, на это стоит затратить любые усилия. Если ты лжешь, то я с большим уважением, чем теперь, выслушаю тех, кто не в восторге от твоих планов.

— Пусть будет так, — сказал Майкал.

— Мы должны отправиться в замок моего лорда, принца Покошля. До него несколько дней пути. Ты умеешь ездить верхом так же хорошо, как разглагольствовать?

— Я отправлюсь туда так же, как прибыл сюда, — сказал Майкал. Его пока не просили ни о чем, для чего ему могла бы понадобиться библиотека. Но он чувствовал себя в большей безопасности, находясь поблизости от космической лодки.

— Я думаю, что ты отправишься с нами. Поедешь на ящере. Если на нас нападут кочевники, у тебя будет прекрасная возможность продемонстрировать мне свое оружие.

— Хорошо, как вам будет угодно.

Майкала не приводила в восторг перспектива поездки, но, похоже, у него не было выбора.

— Скажите, кочевники — те враги, которых вы так стремитесь уничтожить?

— Это неуместный вопрос, — ответил предсказатель.

— Можно подумать, что ты прибыл с солнца вчера, такое невежество ты проявляешь, — сказал м'Эрцид. — Кочевники — всего лишь аборигены. Мы воюем с другими детьми солнца.

Майкал заинтересовался, что значило “дети солнца”.

М'Эрцид, как видно, закончил разговор. Он жестом отправил всех прочь, и они удалились.

— Пока ты получишь более комфортабельную комнату, — сказал предсказатель. — Когда тебя разоблачат, ты снова отправишься в тюрьму. Или, возможно, я придумаю для тебя более приятную участь.

— Когда твой народ прибыл с солнца? — спросил Майкал.

— Королевские хроники утверждают, что прошло сто или более поколений с тех пор, как мы прибыли с солнца. Как записано, мы прилетели на золотой волне света. Ты еще удостоверишься, что мы почтенные люди, очень уважаем честь и терпеть не можем таких воров, как ты.

Майкала сопроводили на первый этаж здания в маленькую комнату с несколькими гобеленами, узким окном, затынутым высушенным желудком какого-то животного, небольшим очагом и такой же кроватью, как та, на которой он спал вчера. Комната, однако, была меньше вчерашней камеры.

Майкала заинтересовала легенда о прибытии с солнца. Конечно, невозможно было прибыть напрямую с местного солнца. Но кто-то мог прилететь из космоса.

Он вспомнил, что легенды некоторых народов древнего Теллуса утверждали, что такое происхождение имеют их правители, и задумался — значит ли это, что теллурийские легенды могли подразумевать аналогичные факты, или те люди просто ошибались.

Но если здешний народ прибыл из космоса, то откуда именно, и кто они такие?

ГЛАВА V

Майкал никогда не ездил верхом ни на каких животных. На Лхонце-4 не водились животные, на которых можно было бы ездить верхом. Так что у него не было

возможности подготовиться к ситуации, которая его теперь ожидала.

Но он быстро учился. Первое, что он понял, — ехать верхом на большое расстояние, не имея практики, значит наверняка отбить себе седлашище. Однако Майкал решил делать все то же, что делают его хозяева. И он не жаловался, хотя пару раз задумывался, не ждут ли от него жалоб, чтобы все могли остановиться и отдохнуть.

Отряд состоял из лорда м'Эртцла, предсказателя и дюжины солдат и погонщиков. Еще было полдюжины животных, нагруженных пищей и снаряжением. Это указывало на то, что путешествие будет длительным.

Они ехали полдня, прежде чем первый раз остановились на отдых. Никто не жаловался. Даже предсказатель, который, похоже, страдал от верховой езды больше Майкала, ничего не говорил, хотя корчил гримасу при каждом движении.

Они остановились на равнине, в очень красивом месте. Это было дно давно исчезнувшего озера, где изредка возвышались холмы. Горы, к которым они ехали, виднелись вдалеке. Привал сделали на небольшом широком холмике. Животные паслись под присмотром погонщика. Другой человек готовил еду на костре, сооруженном из веток кустарника, которые от природы были пропитаны смолой и хорошо горели.

Равнина поросла густой травой, а вокруг холмов росли кустарник и небольшие деревца. Местность казалась яркой. Однако в сравнении с Лхонцем-4 что угодно показалось бы ярким, подумал Майкал. На Лхонце все имело приглушенные оттенки коричневого цвета.

Отряд подкрепился колбасой и толстыми стеблями какого-то растения. Майкал предположил, что то, что не повредило остальным, не повредит и ему. Хотя он вовсе не был уверен, что прав.

Трапеза прошла в молчании. Предсказатель время от времени поглядывал на Майкала. Солдаты вообще не разговаривали, даже друг с другом. Они не сказали ни слова за все время пути. Когда все поели, и лорд выкурил трубку, отряд снова направился к далеким горам.

День, к счастью, оказался короче, чем дни, к которым Майкал привык на Лхонце-4. Он устал и тело его болело, хотя они провели в пути не больше восьми часов по времени Лхонца до того момента, когда местное солнце село, и они остановились на ночлег.

Поставили палатки. Разложили складные кровати. Погонщики приготовили ужин, похожий на обед. Майкал уже почти уснул на своей кровати, когда лорд м'Эртцл разбудил его, тряся за плечо.

У лорда в зубах была трубка, над головой его поднимался дым. Он казался настроенным дружелюбно. Майкалу стало интересно, как выглядят лорд м'Эртцл, когда охотится на кочевников. Спорт этот представлялся ему менее чем гуманным.

— Мой друг советник считает, что ты не бог и не дьявол, а просто самозванец. Что ты скажешь?

— Мне незачем разубеждать его. Подождите и увидите, что я могу.

Лорд указал на иглострел.

— Это замечательное устройство. Где ты его взял?

— Я привез его с собой из дома, — ответил Майкал.

— Где твой дом? Откуда ты прибыл?

— Я уже говорил, что вы мне не поверите.

— Ты явился не с солнца. Я не верю в богов, которым служит мой советник. Но я не знаю, откуда ты пришел.

— Если вы не верите, что я пришел с солнца, то что вы думаете по поводу легенды, что с солнца пришла ваша раса?

— Легенда и есть легенда. От нас, тех, кто правит, требуется набожность.

— Я прибыл с планеты под названием Лхонц-4. Я прилетел в машине, которая может перемещаться по воздуху. Я здесь для того, чтобы продавать вам знания.

— Мне нужны знания.

— Нет ничего более важного, ваше великолепие, — ответил Майкал.

— Надеюсь только, что жрецы в городе принца не окажутся настойчивее меня. Они ревниво относятся ко всем, кто отвергает их объяснения.

Лорд м'Эртцл покинул палатку, явно не удовлетворенный. Майкал через некоторое время заснул. Во сне он все время думал о том, какой прием ему окажут жрецы.

Майкалу было жарко. Он видел пламя. Тут до него дошло, что он не вполне проснулся. Он открыл глаза и увидел огонь. Горела палатка. Он скатился с кровати как раз вовремя, чтобы увернуться от горящего куска материи. Майкал выскочил из палатки и увидел, что еще несколько палаток горят.

На фоне огня он видел сражающихся людей. Солдаты лорда дрались с кочевниками, одетыми в накидки с капюшонами и вооруженными копьями.

В один миг иглострел оказался у Майкала в руке. Он нацелил оружие на ближайшего кочевника и выстрелил. В темноте заряд показался вспышкой. Кочевник упал. Но вспышка привлекла внимание двух других, которые бросились на Майкала с копьями. Ему удалось убить одного кочевника. Другой напал на него, прежде чем Майкал успел выстрелить, и он едва увернулся от острого копья. Майкал толкнул кочевника, тот упал на землю и, когда вскочил, получил заряд из иглострела.

Майкал услышал голос лорда м'Эртцла и направился туда. Он не бежал, а внимательно выбирал дорогу среди палаток, надеясь избежать неприятных столкновений.

Майкал обогнул палатку и упал, споткнувшись обо что-то. Пытаясь подняться, он обнаружил, что зацепился за тело. Это был предсказатель, из горла его текла кровь.

Майкал пробрался еще на несколько ярдов вперед. Лорд м'Эртцл и двое солдат с мечами в руках сражались с превосходящими силами кочевников.

Один человек в накидке на краю площадки, освещенной горящими палатками, натягивал лук. Майкал прицелился в него из иглострела, но тот успел выпустить стрелу первым. Солдат рядом с лордом м'Эртцлом упал. Майкал выстрелил. Лучник упал и больше не шевелился.

Кочевники, атакующие лорда и последнего из солдат, заинтересовались вспышками и обернулись. Двое из них полегли под ударами мечей. Остальные трое бросились бежать, но Майкал успел еще выстрелить вдогонку и убить одного.

Майкал подбежал к лорду.

— Можно перепутать, кто за кем охотится, — сказал м'Эртцл. Он еще был способен на саркастические комментарии, невзирая на свое недавнее бегство.

— Зачем они это сделали?

— Они живут тем, что украдут.

К ним подошел еще один солдат.

— У нас утнали всех животных, лорд, — сказал он.

— Значит, мы разбиты. Какой позор!

— Что мы будем теперь делать? — спросил Майкал.

— Соберем, что сможем, и пойдем вперед. Надеюсь, их достаточно напугала твоя игрушка, чтобы они держались

подальше от нас. Жаль, что у нас не было такого оружия. Почему ты мне не показал, как им пользоваться?

— Это запрещено, ваше великолепие, — сказал Майкал, тщательно добавляя титул.

— Пожалуй, у нас схожие правила.

Четверо людей обшарили лагерь, подбирая то небольшое, что кочевники им оставили. Когда м'Эртцл увидел тело предсказателя, то покачал головой.

— С ним это когда-то должно было случиться. Отвратительный тип.

Майкал мог только согласиться с этой оценкой.

Подбирать было почти нечего. Они нашли немного еды и обнаружили нескольких тяжелораненых. Лорд собственноручно прикончил их, пояснив, что это его долг.

Наконец их осталось только четверо. У них было слишком мало еды, а идти предстояло не один день. Из-за отсутствия животных, нельзя было взять с собой никакой поклажи.

Они отправились снова в сторону гор.

— Еще два дня, и мы бы добрались, — сказал м'Эртцл. — Теперь у нас уйдет четыре или пять дней. Если нам повезет, мы встретим патруль. Но я никогда не полагался на удачу.

Солдаты молчали, как и раньше. Маленький отряд шел вперед.

Майкал пытался как можно больше времени бодрствовать. Он не доверял солдатам после того, как увидел, как кочевники обращаются с луками.

Он не боялся, что ему причинят вред, пока на нем был скафандр — хотя его вполне можно было ударить в лицо, если бы его захватили врасплох и он бы не успел опустить капюшон.

Но он не хотел, чтобы кочевники захватили его в плен. Жаль было тратить время на побег и установление нового контакта с людьми, находящимися у власти.

Они пускались в путь задолго до рассвета, а останавливались, когда солнце уже заходило. Еды было мало, и ее разделили на небольшие части, достаточные, чтобы поддержать их в течение пяти дней. Им ничего не оставалось, кроме как растягивать эти скудные пайки.

Майкал предложил поохотиться, но м'Эртцл объяснил, что на равнине охотиться не на кого.

Итак, они шли и шли. Спали мало, ели еще меньше. А на третий день пути они встретили патруль, который лучше бы не встречали.

ГЛАВА VI

Когда они в первый раз увидели всадников, было еще утро. Они не отдохнули до такой степени, чтобы встречаться с патрулем. У Майкала болели ноги, а ягодицы были стерты еще в первый день после поездки верхом. Все они были голодны, а один из солдат чуть не падал с ног.

Майкал первым увидел всадников. Один из них был в такой же разноцветной одежде, как и м'Эртцл. Другие были в желтой униформе, вооруженные пиками.

— Посмотрите туда, — сказал Майкал м'Эртцлу.

Лорд был ошеломлен.

— Ложись! — выдохнул он.

Они попадали на землю. Высокая трава скрыла их от глаз всадников.

— Кто они? — спросил Майкал.

— Люди короля, — ответил м'Эртцл. — Если они нас поймают, мы умрем самой ужасной смертью, какую они только смогут придумать.

Воины с пиками направлялись в их сторону, но были еще достаточно далеко.

— Если мы здесь останемся, они нас увидят, — сказал Майкал.

— Они вне всякого сомнения увидят нас, если мы попытаемся бежать.

— Мы должны драться.

— Бесполезно.

— У нас нет выбора, — шепнул Майкал.

Они наблюдали за приближением патруля. Лорд и солдаты вынули мечи из ножен. Майкал ждал, пока не убедился, что больше ждать нельзя.

Он поднял иглострел и выпустил заряд в человека, одетого не в униформу. Голова его запрокинулась назад. Майкал не видел его лица, но заметил, как тот свалился с ящера. Синяя чешуйчатая тварь дернулась, и всадник безжизненно упал на траву.

Воины были потрясены и растеряны. Они не видели Майкала Вендала и его спутников, которые все еще были скрыты высокой травой. Их ящеры бесцельно топтались на месте, а двое всадников спешили, чтобы помочь своему начальнику.

Майкал выбрал следующую цель и убил одного из солдат. Снова воины в желтых униформах не знали, куда направить ящеров и оглядывались по сторонам, не в силах понять, что происходит. Майкал сделал еще несколько выстрелов и ни разу не промахнулся.

В следующий раз Майкал плохо прицелился и вместо всадника попал в ящера. Животное испустило дикий крик и упало на живот. Его ноги подогнулись, оно перекаатилось на спину и придавило всадника. Вопли несчастного окончательно довершили растерянность среди его товарищей, и те пустились наутек, бросив придавленного солдата. Майкал решил, что боль должна быть действительно нестерпимой, раз человек так страшно кричит — ведь, скорее всего, эти воины так же молчаливы, как солдаты м'Эртила.

М'Эртил и его спутники выбрались из укрытия и с мечами в руках подошли к месту, где лежал несчастный солдат. Майкал последовал за ними.

— Возможно, — размышлял вслух м'Эртил, — мы сможем получить от него какие-либо сведения.

Но они не прибавили шаг. Вероятность была невелика.

Вчетвером они вытащили всадника из-под мертвого животного. Воин все это время пытался вынуть из ножен меч. Он попытался встать, но не смог.

Они оставили покалеченного солдата корчиться на земле, а сами занялись поимкой других ящеров, потерявших всадников.

— Теперь мы, по крайней мере, можем ехать, а не идти. Я думаю, если ехать быстро, мы доберемся до замка принца за день.

— Если он не взят врагами, — сказал Майкал.

— Я вижу, ты заинтересовался этими людьми. Я тоже. Ими руководил офицер высокого ранга. Я его не знаю, но ранг его по меньшей мере равен моему. Посмотрим, что расскажет нам о своем отряде пленник.

Они подошли к раненому. М'Эртил приставил острие меча к его горлу.

— Ты знаешь, что я убью тебя, если ты не расскажешь то, что мне нужно.

Воин вел себя так, словно м'Эртида не существовало. Лорд ударил по его лицу лезвием меча. На щеке солдата выступила кровь. Он делал попытки подняться. М'Эртид толкнул его и опрокинул на спину. Солдат поднял меч.

— Армия моего короля прикончит вас всех не позже, чем через две недели, — пообещал раненый.

— Как же, есть у него армия! Сомневаюсь. Я сомневаюсь, что он способен выдержать хотя бы одну кампанию.

— Вы скоро убедитесь сами, если будете продолжать двигаться вперед. Вы умрете, как умираю я. Этот день был лучшим среди тех, что вас ждут.

— Пошласть, — сказал м'Эртид и воткнул меч в горло солдата. Хлынула кровь.

Майкалу стало плохо. Избыток адреналина, который позволил ему убить четырех всадников, иссяк. Он чувствовал слабость от того, что убивал, убивал много раз, не моргнув глазом. И хотя жертвы были чужаками, ему было плохо от того, что он сделал.

— Пойдем, — сказал ему м'Эртид. — Нам предстоит долгий путь.

Они взобрались на ящеров и продолжили свой путь.

ГЛАВА VII

Несмотря на обещания солдата в желтой униформе, они больше не встретили врагов в тот день. Еще до наступления ночи они столкнулись с патрулем из замка принца. М'Эртид и начальник патруля назвались друг другу, и они объединились в один отряд, направляющийся в замок.

День был долгим, и Майкалу не терпелось выспаться и поесть. Они добрались по равнине до холмов, а через час — до более высоких гор. На одной из них серой тенью высилась крепость с башнями, парапетами и укреплениями вокруг. Замок был в несколько раз больше небольшой группы строений крепости м'Эртида, которая казалась по сравнению с ним грубой и убогой. Они прошли через толстые, окованные железом ворота и оказались во дворе. Двор был достаточно велик, чтобы там разместился целый взвод верхом на ящерах. Повсюду были люди, которые ухаживали за верховыми животными и полировали ору-

жие. Слуга взял поводья их ящеров, а м'Эртцл и Майкал Вендал вошли в большое четырехэтажное здание с маленькими окнами и узкой дверью. Это был королевский дворец принца Покошля.

Их ввели в длинный зал, отделанный полупрозрачным камнем, в котором был накрыт стол, и ужинали полдюжины человек. На стуле с высокой спинкой восседал мужчина, на вид младше остальных, с потупленным взглядом и слегка выступающим животом. Он был центром всеобщего внимания. Мужчина сделал знак м'Эртцлу и его спутникам сесть за стол.

— Что заставило вас проделать этот долгий путь, доблестный м'Эртцл? — раздался вопрос.

— Я привез с собой человека, который вроде колдуна, ваше высочество. Его имя Майкал Вендал, он прибыл неизвестно откуда и утверждает, что знает все об оружии. Я не знаю, говорит ли он правду, но у него с собой есть потрясающее устройство, при помощи которого он сегодня утром убил четверых людей короля. Я это видел. Мы давно были бы мертвы, если бы не он.

— Расскажи мне про вашу встречу с отрядом королевских солдат, м'Эртцл, — сказал принц невинно, больше поглощенный едой.

— Их было около двадцати солдат с пиками. Отряд возглавлял какой-то лорд, хозяин поместья. Они испугались страшного оружия и бежали. Один оставшийся в живых утверждал, что этот отряд — часть армии. Однако больше мы с тех пор не видели людей короля.

— Не сомневайся в его словах, м'Эртцл. Король с огромным удовольствием бросил бы свои силы против меня. Он продолжает надеяться, что я выполню странное обещание моего отца и отдам ему часть равнины в качестве выкупа за невесту. Мой возлюбленный отец вовсе не предполагал, что король отнимет у меня землю, не сделав своим наследником — однако, нет сомнений, что король собирается поступить именно так. В любом случае я не хочу иметь никакого дела с его дочерьми. Каждая из них способна прикончить человека, если он подойдет достаточно близко.

Заговорил один из сидящих за столом.

— Ваше высочество, люди говорят, что король воспитал из них мужчин, потому что у него нет сыновей.

— Король — редкостный идиот, если собирается оставить королевство женщине. Неважно. У меня нет настро-

ения обсуждать дочерей гнусного короля Гэфта. Расскажи мне о твоём оружии, юноша.

Принц ткнул пальцем в Майкала.

— Я не могу сделать еще такое же оружие, ваше высочество. Это запрещено. Я могу показать вам, как делать другое оружие, почти настолько же смертоносное.

— Неизвестно, есть ли у нас время производить оружие. Но меня заинтересовали твои слова, и я с уважением отношусь к м'Эртцулу. Расскажи мне, что ты можешь сделать.

— Ваши кузнецы могут сделать железную трубку, запечатанную с одного конца. В трубку насыпается порох. Когда порох поджигается, образуются газы, которые скапливаются за препятствием, вложенным в трубку. Они выталкивают это препятствие наружу с такой скоростью, что оно может разбить каменную стену. Можно сделать и другие, менее мощные устройства — любого размера, какого вы пожелаете: достаточно большие, чтобы разнести стены замка, или достаточно маленькие, чтобы убить человека на расстоянии ста шагов. Еще мне стало известно, что у вас есть болезнь, которую вы называете "смерть заживо".

— Верно, — ответил принц.

— Возможно, я смогу избавить вас от нее.

— Я устал от заклинаний, — сказал принц. — Я считаю, что "смерть заживо" — это просто разновидность весенней горячки, которой болеют большинство людей и от которой течет из носа и слезятся глаза. Это просто гигантская змея по сравнению с маленькой змейкой весенней горячки.

Принц производил впечатление просвещенного человека, особенно учитывая условия его жизни.

— Я не предлагаю заклинаний. Предположим, что вы правы. Но змеи, о которых вы говорите, принадлежат к разным видам. Предположим, что мы нашли маленькую змею того же вида, который служит причиной "смерти заживо". Если бы кто-нибудь позволил укусить себя этой маленькой змейке, он испытал бы некоторое неудобство, но змея уже никогда не укусила бы его снова, потому что ее яд действует только один раз, пока тело не выработало противоядие.

— Это гипотетическое суждение.

— Это помогает излечивать многие болезни.

— Лучше держись подальше от жрецов, юноша, — сказал принц. — Они не одобряют такие идеи.

— Я постараюсь.

— Покажи мне твое великолепное оружие.

Майкал осторожно вынул иглострел из кобуры, внимательно следя, чтобы не направить оружие ни на кого из присутствующих. Затем он сообразил, что никто, кроме него самого и м^лЭртцла понятия не имеет, какой конец предмета несет смерть. Он положил оружие на стол.

— Вот оно. Обращайтесь с ним осторожно. Только немногие люди могут использовать его без опасности для себя. Ваши жрецы могли бы сказать, что на него наложено заклятие, которое уничтожает его, если им попытается воспользоваться кто-то, кроме хозяина. Это, разумеется, не вполне точно.

— Конечно. Но все же я предпочитаю вообще его не трогать, раз так.

— Все иглострелы настроены на нескольких человек. Больше чем на одного, на случай непредвиденной опасности, но никогда на людей за пределами Ассоциации. Нет смысла иметь оружие, которое может быть обращено против своего владельца, если можно это предотвратить.

— Однако, — сказал принц, — я требую, чтобы ты его продемонстрировал. Покажи, что оно может сделать с человеком. Герниц, дерни-ка за тот шнурок, — обратился он к стоящему под стеной человеку.

Тот потянул за грубую веревку. Где-то вдалеке зазвонил колокольчик. Через несколько мгновений появился слуга, склонился в поклоне и спросил, что нужно. Майкал решил, что этот человек — скорее мажордом, чем простой слуга, потому что он принадлежал к той же расе, что и остальные здесь. Слугами, полагал Майкал, должны быть серфы, которых он пока не видел, но которые принадлежали к расе кочевников.

— Пришли какую-нибудь служанку из кухни, или кого-нибудь еще, кто не нужен.

— Хорошо, ваше высочество, — ответил тот и ушел так же быстро, как появился.

— Теперь мы своими глазами увидим, на что способно твое чудесное оружие, юноша. Возьми его в руки.

Майкал понятия не имел, что произойдет дальше. Он и не хотел этого знать, потому что на самом деле догадывался, и держал это знание в дальней части сознания. Как обычно, у него не было выбора, кроме как подчиниться. Или рискнуть доверить кому-нибудь иглострел, что кончи-

лось бы, скорее всего, смертью для этого человека и для него тоже. Или, возможно, его сочтут жуликом и подвергнут наказанию, которое ему обещал ныне покойный предсказатель. Теперь он вспомнил его угрозу очень живо и пожелал очутиться в этот миг где-нибудь в другом месте. Лучше бы он сейчас замерзал в поселке волосатых!

Легко одетая девушка вошла в комнату. Черты ее лица были слишком резкими, чтобы она была красивой. Она была меньше ростом и более худая, чем окружавшие Майкала люди. Кожа ее имела другой оттенок.

— Это очень маленькая цель для стрельбы, ваше высочество, — сказал Майкал.

Хотя девушка была ему чужой, он устал убивать.

Тут он сообразил, насколько близкими кажутся ему люди расы м'Эртцла. Если бы их соответствующим образом одеть и научить языку, они вполне обычно смотрелись бы на улицах его родного гетто. Но их мысли, похоже, сильно отличались от его собственных.

— Сойдет, — сказал принц. — Все равно эти серфы ни на что другое не годны.

Майкал Вендал быстро вскинул игольстрел и, не думая о жалости, которая только смутила бы его, нажал на курок. Девушка упала замертво. Ее юбки еще продолжали опадать, когда Майкал понял, что он совершил.

Принц и еще двое людей пошли посмотреть на девушку. Они осмотрели черное пятно на грудной клетке, куда попал заряд.

— Замечательно, — сказал принц.

Завершив осмотр, они вернулись к столу. Принц взял новый кусок мяса с тарелки и впился в него зубами. При этом он бросил взгляд на Майкала и увидел, что тот бледен.

— Ты болен, юноша?

— Ваше высочество, у меня на родине не принято есть в присутствии мертвых. Мой народ строго соблюдает обычаи.

— Да, но сейчас ты не в своей стране, а у нас здесь более разумный взгляд на вещи.

“Причинять зло всем, кому пожелаешь, — подумал Майкал. — Люди вроде тебя всегда считают это самым разумным”.

— Разве ты забыл, что наши бедные предки питались такими, как она? — сказал принц, показывая на девушку. — Конечно, это случалось нечасто. Эти серфы ничуть не похожи на нас, как тебе известно.

“Конечно, не похожи”, — подумал Майкал.

Он больше не чувствовал голода. Он смотрел, как другие едят, но боль, которую он чувствовал, не имела ничего общего с муками голода. Он испытывал отвращение ко всему, что успел здесь сделать.

Когда ужин закончился, появился камер-паж, чтобы указать м'Эртцлу и Майкалу, где они будут спать. Принц велел Майкалу явиться утром и объяснить, что необходимо для создания оружия. Майкал спустился по лестнице вслед за камер-пажем и оказался в холодной каменной комнате. Она очень напоминала ту, в которой он спал в крепости м'Эртцла, только окно было стеклянное. Надо полагать, Майкал прибыл в центр местной цивилизации. Он быстро заснул и постарался не видеть снов.

ГЛАВА VIII

Молчаливый слуга, из серфов, разбудил Майкала на следующее утро. Он был первым человеком этой расы, которого Майкал увидел вблизи, не считая убитых им. Мужчина был намного более хрупкого телосложения, чем Майкал и люди расы м'Эртцла. Майкал предположил, что при желании кто-нибудь из господ мог бы легко сломать руку слуги.

Майкал оделся и пошел в том же направлении, что и вчера. Вокруг никого не было. Он вошел в зал, где вчера ужинали. Следы ужина — блюда и тело служанки — были убраны. Без сомнения, об этом позаботились послушные слуги — быть может, братья и сестры убитой девушки. Майкал задумался, как они отреагировали. Приняли ли они ее судьбу так же легко, как господ, считая такое обращение с ними нормальным? Конечно, они могли так думать.

М'Эртцл вошел в зал вслед за Майкалом. Они стояли, глядя друг на друга.

— Похоже, никого нет, — сказал Майкал.

— Я никогда еще не видел, чтобы здесь было так пусто и тихо. Пойдем во двор.

Они прошли через несколько залов и вышли во двор. Там собирались группами вооруженные люди. М'Эртцл и Майкал пересекли двор и вошли в надвратную башню.

Они поднялись на самый верх по лестнице, минуя комнаты с молчаливыми солдатами. Наверху они окинули взглядом пустое пространство вокруг башни шириной две сотни метров. На башне были лучники с полными колчанами стрел. Там же находился один из вчерашних сотрапезников принца, наблюдавший за происходящим внизу.

На равнине было полно воинов в желтой одежде, вооруженных пиками, верхом на ящерах. Они производили маневры вне пределов досягаемости стрел. Надо полагать, это и была армия короля, встречу с которой им обещал вчера утром умирающий солдат.

Майкал обратился к лорду:

— Что случилось?

— Похоже, старый король Цлшл держит нас за горло. У него вдвое больше людей, чем у нас. Нам некого звать на подмогу. Нам не спастись. Меня ничуть не радует мысль о том, что с нами будет.

— Как долго мы сможем выдержать осаду? — спросил Майкал.

— Если король выберет осаду, мы продержимся несколько месяцев. Но я не думаю, что он так поступит. Он может взять замок штурмом, учитывая численный перевес его войска. Каждый второй его солдат умрет, но он возьмет замок еще до заката. Я бы на его месте предпочел штурм осаде.

— Где принц? — спросил Майкал.

— Он советуется с генералами. Они где-то во дворце. Возможно, в башне. На месте принца я бы попытался бежать. Наше положение безнадежно.

Майкал и м'Эртил вернулись во двор, а оттуда во дворец. Похоже, не было смысла разыскивать принца.

— Есть ли у тебя что-нибудь, что помогло бы нам спастись? — спросил м'Эртил.

— У меня ничего нет. Я бы мог что-то сделать, если бы у меня была моя лодка, но ты не позволил мне взять ее. В ней есть другое оружие. Но я бы, возможно, нарушил правила Ассоциации и воспользовался им.

— Буква закона. Здесь речь идет о наших жизнях. О твоей — ничуть не меньше, чем об остальных. Король Цлшл ничего о тебе не знает. Его люди прикончат тебя вместе со всеми.

— Я буду драться до конца своим оружием. Что мне еще делать?

Они сели за стол и стали ждать. Ждать было нечего, кроме атаки и плена, и выбора не было. Но Майкал знал, что м'Эртида сказал неправду: его заметят. И его вряд ли ранят, разве что убьют.

М'Эртид, который еще недавно казался таким уверенным и знающим, все больше уходил в себя, замыкаясь в скорлупе дисциплины, которая делала его солдат такими молчаливыми и машиноподобными. Через некоторое время лорд поднялся и вынул из ножен меч.

— Это — ничто против стольких воинов, — сказал он задумчиво. — Но я должен исполнить свой долг.

Возможно, Майкал почувствовал бы жалость к нему, если бы не безвыходность их положения. Судя по всему, м'Эртиду осталось жить очень недолго.

— Должен быть какой-нибудь выход, чтобы выбраться из замка, — сказал Майкал.

— Я поклялся защищать принца. У меня нет выбора.

Он был как деревянный — во всяком случае, реагировал на слова Майкала именно так. Он приготовился к смерти и, казалось, ждал ее почти с нетерпением, как будто она была ему предписана. С таким равнодушием аборигены Лхонца-4 ожидают, что весной у них выпадет часть волос.

Они снова вышли во двор. Там продолжали собираться люди. Они ждали атаки. Внутри замка было больше людей, чем требовалось для его защиты. Майкал сразу увидел, что они будут мешать друг другу, когда начнется атака. Но их было чересчур мало, чтобы встретить врага снаружи.

— Замок удержать не удастся, — сказал Майкал. — Человек на башне был прав.

— Что ты будешь делать?

— Если бы мы начали атаку, был бы шанс бежать. Если бы нам сопутствовала удача, можно было бы образовать армию в тылу войска короля.

— Мы должны остаться здесь и сражаться. У нас нет выбора.

Снова это отсутствие реакции со стороны м'Эртида. Шанса бежать не было.

Они вернулись на стену и посмотрели вниз. Королевская казалерия больше не устраивала показательные маневры. Всадники на ящерах строились в ряды перед замком, на некотором расстоянии, а пехота — в авангарде. Майкал решил, что близится атака.

Пехотинцы были вооружены копьями и луками, у них были приставные лестницы, очевидно, чтобы забираться на стены.

Позади произошло какое-то движение. Майкал обернулся и увидел принца и двух его приближенных. Они стали неподалеку, и принц обратился к Майкалу.

— У тебя нет никакого полезного совета на этот случай? — спросил принц.

— Нет времени.

— Тогда мы, наверное, проиграем.

Никого не шокировала его обреченность. Солдаты стояли на своих постах, ожидая, когда можно будет стрелять. Принц наблюдал за движением внизу. Люди короля выстраивались.

— Что происходит, как вы думаете? — спросил принц своих генералов, указывая на войско внизу.

— Они готовятся атаковать.

— Почему бы вам не сдать? — спросил Майкал и тут же пожалел, что спросил. Он не всегда верно выбирал слова, а в данном случае слово “сдать” имело для этих людей примерно такое же значение, как “предать”. Майкал извинился и объяснил свою ошибку незнанием языка.

Внизу, в этот самый момент, шеренги начали продвигаться вперед. Они двигались медленно. Лучники на стене выбирали цели среди атакующих. Кавалерия держалась позади. Пехота прибавила шаг, побежала трусцой и наконец бегом ринулась к стене. Майкалу были хорошо видны солдаты в желтом, падающие на землю со стрелами в груди. Но их место занимали другие. Майкал прикинул, что атакующих от трех до пяти тысяч. Это не было красивым зрелищем, если верить тому, что он слышал о других войнах, а он не привык видеть, как умирают сотни людей.

Майкал сообразил, что в замке нет и тысячи человек. Половина защитников крепости собралась на стенах, остальные столпились во дворе. Очень немногих требовалось заменять. Пока убили только нескольких людей принца, поскольку никто из атакующих не останавливался, чтобы выпустить стрелу.

Майкал вынул иглострел из кобуры. Во время пребывания на этой планете он вынимал оружие из кобуры только для того, чтобы убить кого-нибудь. Он задумался над своими поступками. Делает ли он то, что должен делать, или повинуетсЯ ненормальному (с точки зрения его

убеждений эколога) человеческому импульсу ввязаться в драку. Больше он не тратил времени на размышления, подумал только еще, что надо занять видное место, чтобы произвести впечатление на тех, кто возьмет его в плен.

Стрелять в толпу солдат в желтой одежде было слишком легко. Ему не нужно даже целиться, достаточно направить оружие вниз и щелкать затвором. Он быстро убил всех солдат у подножия приставной лестницы.

Принц, м^рЭртцл и все люди принца отошли назад. Кавалерия противника держалась все еще вне пределов полета стрелы. Майкал интуитивно почувствовал причину этого. Его предположения тут же подтвердились.

— Пойдем, — сказал принц. — Вернемся в замок. Защищаться здесь бессмысленно.

Аристократы, и вместе с ними Майкал, покинули стену и прыгнули обратно во дворец принца. Они оставили открытой входную дверь и направились в центральную комнату на первом этаже. Там они расселись вокруг стола и стали ждать. Через небольшой дверной проем Майкал видел сражение снаружи. Войска короля проникли внутрь крепости, взобравшись на стену.

Солдаты короля открывали ворота. Майкал слышал звук, с которым огромные деревянные створки поворачивались на петлях. Шум со двора доносился чудовищный. Солдаты принца знали, что с ними будет. В войне, которую вели эти люди, не было, похоже, другого выхода: можно было победить или умереть.

Затем в замок вступила кавалерия. Раздался шум входящих в ворота ящеров, которые давили пехотинцев, не разбираясь, в какую униформу те одеты. Вопли усилились. Через дверь и маленькие окна высоко под потолком светило солнце... Кровавая битва по ту сторону двери пока не имела никакого отношения к сидящим здесь. Майкал никогда прежде не видел смерть так близко, как сейчас.

Кавалерия и аристократы напомнили ему древнюю теллурийскую пословицу. Насколько он помнил, она гласила: "Цель кавалерии — задавать тон тому, что иначе было бы вульгарной ссорой". Смерть, которой вот-вот должны были умереть люди, сидящие с ним за столом, и смерть, которая могла ожидать и его тоже, имела так же мало общего с действительностью, как и эта пословица. Да, эта смерть будет реальна, но она ничего не значит.

Несколько человек в желтой униформе показались в двери и вошли в центральную комнату. Аристократы не пошевелились. Человек, одетый в разноцветные одежды, которые, видимо, означали высокое положение независимо от принадлежности к одной из воюющих сторон, появился в двери. С его обнаженного меча капала кровь.

Люди у стола поднялись с мест, как будто хотели приветствовать гостей по всем правилам. Они обнажили свои мечи. Майкал снова вынул иглострел из кобуры. Он прицелился и выстрелил. Один из атакующих упал. Остальные были удивлены и посмотрели на упавшего. Они смотрели на него достаточно долго, и Майкал успел убить еще двоих. Затем атакующие бросились на аристократов принца.

Сражение было коротким. Майкал легко убил еще одного, а затем опустил на лицо кашпошон, чтобы предохранить себя. Он получил мечом по шее. Меч отскочил и вырвался из руки человека, который пытался его применить.

М'Эртцл удивленно уставился на это зрелище, и один из атакующих отрубил ему голову.

Майкал перестал участвовать в схватке. Он больше не стрелял, а только защищался. Никто не осмеливался напасть на него, так что конфликт завершился без его дальнейшего участия.

Аристократы короля, похоже, не знали, что им делать с Майкалом. Остальные лежали вокруг стола на полу, истекающие кровью. Наконец один из людей короля заговорил с Майкалом.

— Кто ты такой?

Вопрос был несложным.

— Я торговец Майкал Вендал с Лхонца-4. Я прибыл сюда, чтобы продать устройства для ведения войны. Я могу их продать вашему королю точно так же, как любому другому.

— Я никогда до сих пор не слышал про этот Лхонц. Где это?

— Мне очень жаль, что ты не знаешь, где моя родина. Но это твоя забота, а не моя.

Майкалу вовсе не хотелось в таких напряженных обстоятельствах объяснять концепцию вселенной, насколько он сам ее знал, группе людей, которые не вполне были уверены, не плоский ли их мир. Или, может быть, они считали свой мир центром всего — если они были более развитыми, чем казались.

— А я говорю, убить его, как и остальных, — сказал один из аристократов.

Один из них решил последовать его словам и ударил Майкала мечом. Результат был таким же, как у предыдущего солдата, с той только разницей, что этот воин прочнее держался за меч и упал вместе с ним на пол.

— Колдовство! — крикнул кто-то.

— Отведите меня к вашему королю, — сказал Майкал Вендал.

Ему ответил высокий голос, который перекрыл шум.

— Не трогайте его. Даже от колдуна может быть польза.

Майкал увидел даму, по-видимому, важную персону, так как перед ней склонились аристократы короля.

Она была не старше самого Майкала. Это была первая женщина, которую он увидел со времени прибытия на планету, и он сомневался, что ее внешность типична. Волосы ее были обрезаны почти так же коротко, как у мужчин, и одета она была так же, как они.

— Мой отец послал меня сюда, — сказала она Майкалу. — Ты пойдешь с нами.

Значит, это была одна из дочерей Цлшла, которых он обучил военному искусству. Такое обучение не может быть полностью успешным, решил Майкал. Несмотря на короткую стрижку, мужскую одежду и окровавленный меч в руке, принцесса была — на холодный и зловещий манер — очень женственна.

ГЛАВА IX

То, что Майкала взяли в плен, было более чем очевидно, хотя никто не осмеливался подходить к нему близко, чтобы не пострадать от его оружия. Один из солдат издадека умело накинул ему на шею петлю. Майкала вместе с другими пленниками, которые почти все были ранены, привязали на буксир за кавалерией.

Майкалу стало плохо при виде других пленников. Они напоминали ему о всех мертвых и умирающих, которые остались позади. Когда они шли через двор, приходилось ступать по трупам, которые лежали на земле. Над кровоточащими ранами других пленников роились мухи. Май-

кал ничем не мог помочь этим людям. Он догадывался, зачем их везут в замок короля. Понимание того, что с ними будет, когда их туда доставят, только усугубляло мрачные мысли Майкала.

Однако, доберутся туда не все. Кавалеристам, похоже, не слишком нравилось, что их заставили беспокоиться о пленных. То и дело кто-нибудь из них, будто случайно, посылнее затягивал веревку на шее пленника... Другие пленники умирали в пути от ран, и их тела еще несколько километров волочились за ящерами.

Отряд двигался без отдыха, начиная путь до восхода солнца и продолжая идти, когда оно уже заходило. Майкал подсчитал, что за первые два дня пути они прошли, по меньшей мере, шестьдесят километров. Исходя из того, что он знал о политической структуре этого района, замок короля мог находиться на достаточно далеком расстоянии.

Однако всему приходит конец. Через день они оказались перед воротами крепости или города. Это был муравейник, нагромождение хижин, окруженных стеной. Эту стену, в свою очередь, окружало внешнее укрепление. Отряд прошел первое укрепление. Каменные стены были наклонены назад и имели двадцать футов толщины. Отряд прошел по мосту над ровом и через вторые ворота вошел в город.

Майкал понятия не имел, чего ждать. Он думал, что население начнет проклинать пленников и приветствовать победоносную армию. Но население состояло из бывших кочевников — крестьян, худых и темнокожих людей, которые выглядывали из окон, но держались подальше от солдат. Они никого не приветствовали и не проклинали.

Путешествие по узким улицам города прошло без каких бы то ни было происшествий. Вскоре отряд достиг замка в центре города. Строение было куда богаче, чем жалкая (как казалось теперь) крепость принца, которую так быстро захватили люди короля. Майкала протащила на веревке сквозь несколько дверей во двор, вдвое больше размерами, чем двор замка принца.

Пленников поместили в строение без окон, расположенное у самой стены. Майкала заперли вместе с остальными. Он задумался, чем для него закончится все это. Он больше был уверен в судьбе остальных, которые были еще молчаливее, чем прежде — если это вообще возможно.

Никто не позаботился о том, чтобы накормить их, никто не заговорил с ними, складывалось впечатление, что их вообще не замечают. Они ждали своей участи в темной постройке.

Никак нельзя было понять, наступил ли новый день. Наверное, да, потому что пришел отряд солдат, и пленников начали выводить из тюрьмы по одному. Затем их провели в ворота, за которыми находилось что-то вроде небольшой арены.

Майкал не знал, какое сейчас время дня. Он знал только, что очень голоден и хочет пить. Еще он волновался, что сейчас будет. Он полагал, что его товарищам это известно.

Арена была каменной и круглой. На одном конце располагались навесы и скамейки — вероятно, для местной знати. Почему его привели сюда, вместо того, чтобы отвести к королю? Может быть, здесь будет какое-то развлечение?

“Развлечение для холодной принцессы, надо полагать”, — подумал Майкал.

Аристократы прибывали и усаживались за высокой стеной, которая отделяла их от пленников. Прошло довольно много времени, и наконец появилась королевская семья. Король чем-то напоминал м’Эртцла. Он был темноволосым, невысоким, плотным и производил впечатление человека одновременно веселого и жестокого. Три его дочери тоже были здесь, среди них и та, которую видел Майкал. Одна из них была намного моложе других. У нее были длинные волосы и красивое платье. Однако ее сестра, старшая из трех, сегодня тоже оделась иначе, в соответствии с моментом. На ней была юбка и легкая блузка, не скрывающая фигуры. Третья сестра казалась женской копией своего отца — та же веселая свирепость, которая поразила Майкала в короле.

Присутствовали и другие женщины. Все они были со своими мужчинами — теми самыми угрюмыми аристократами, которые захватили в плен Майкала. Все собравшиеся ждали. Майкалу было очень интересно, чего они ждут. Особенно от него, Майкала.

Из маленькой двери под сектором, где расселась королевская семья, вышел человек, одетый в обычные здесь (жеманные по стандартам Майкала) разноцветные одежды, которые носила знать. В руке у него был меч.

— Поскольку вам было отказано в смерти раньше, — обратился он к пленникам, — мы дадим вам еще одну возможность умереть, как положено мужчинам.

Он подошел к тому месту, где стояла небольшая группа пленников. Майкал размышлял, насколько ханжеской была эта речь. Он обратил внимание, что в толпе есть несколько людей такого же типа, как те, что были предсказателями у покойного м'Эртцла. Они выглядели весьма серьезно, как будто наблюдали за ритуалом, тогда как остальные зрители были в более веселом настроении.

Церемониймейстер освободил от веревок одного из пленников, раненного в ногу, и дал ему меч. На арену вышел еще один человек. У него тоже был меч. С важным видом он пересек небольшую арену и приблизился к своему предполагаемому противнику. Он без труда разрубил воина-пленника на куски. Толпа смеялась и восторженно вопила.

Церемониймейстер повторил процедуру с другим пленником. Появился новый противник из числа воинов короля. Результат был тот же, хотя пленник попытался защищаться. Теперь на арене валялось два мертвых тела.

— Это лучше, чем умереть как крестьянин, — пробормотал один из пленников.

Майкалу казалось, что смерть — это всегда смерть, независимо от сопутствующих обстоятельств.

Церемониймейстер снова выступил вперед. На этот раз он освободил от веревок Майкала. Когда он попытался дать Майкалу меч, тот отказался. У него все еще был иглострел. Оружие ему оставили, поскольку никто не рискнул его забрать.

Противником Майкала оказался юноша немногим старше его. Он важничал больше остальных и, прежде чем приблизиться к Майкалу, поклонился принцессе с холодным взглядом. Затем он заметил, что у Майкала нет меча.

Он крикнул церемониймейстеру:

— Что я, по-вашему, должен делать? Убить человека, который не защищается?

Церемониймейстер подошел к Майкалу и настоял, чтобы тот взял меч.

Толпа больше не смеялась и не вопила. Некоторые из зрителей знали, что этот поединок будет иметь не столь однозначный результат, как два предыдущих. Зрители шептались друг с другом, передавая эти сведения.

Майкал решил, что он покажет им зрелище, ради которого они пришли. У него практически не было представления, как держать меч, который вдобавок, как он заметил, был не слишком острым. Но, опустив на лицо капюшон, он мог не бояться противника, как бы искусен тот ни был.

Противник ждал его на противоположном конце арены, гордо поглядывая по сторонам. Возможно, он удивился, услышав шепот среди зрителей. Майкал сделал уступку его гордости и подошел к нему сам.

Принцесса с холодным взглядом смотрела, не отрывая взгляда. Майкалу стало интересно, почему она хочет, чтобы юноша умер.

Противник нанес Майкалу удар. Майкал отпрянул. Следующий удар он встретил своим тупым мечом. Затем Майкал нанес удар противнику. Тот проскользнул под мечом и ударил бы Майкала в живот, но скафандр неожиданно остановил меч.

Противник Майкала был поражен. Майкал получил превосходство и ударил противника по руке. Тупое лезвие даже не порезало одежду. Значит, шансов победить с этим мечом не было. Майкал отбросил оружие прочь и встал напротив юноши, ожидая. Тот попытался проткнуть Майкалу горло.

Меч отскочил от защитного поля, и противник Майкала чуть не упал. Майкал вынул иглострел и прицелился в юношу. Тот взглянул вверх и увидел оружие.

— Колдовство! — вскричал он.

Майкал выстрелил, и тот скорчился, упал на колени, а затем растянулся лицом вниз. Меч оказался под ним.

Большинство зрителей к этому времени уже не удивились тому, что произошло. Церемониймейстер понятия не имел, что ему делать дальше. Все молчали, никто не издал ни звука.

Король встал и сделал Майкалу знак подойти. Майкал подошел к королю. Свирепо-веселая личность некоторое время смотрела на него, не зная, что сказать.

Затем он нашел соответствующие слова.

— Ты свободен от состязания. Можешь покинуть арену. Но ты должен оставаться в замке, пока я за тобой не пришло.

— Очень хорошо.

— Это было колдовство? — спросил король.

— Нет, не колдовство.

Никто не поверит мне, подумал Майкал, учитывая состояние здешней так называемой цивилизации.

— Пусть он идет свободно! — крикнул король церемониймейстеру.

Тот подбежал к Майкалу и вывел его с арены. Майкал направился обратно во двор замка — ждать, пока его не позовут.

Он несколько дней почти не ел и не спал. Ему очень хотелось, чтобы нашлась мягкая кровать, на которую он бы свалился. Но он несколько часов просидел на камне во дворе в ожидании своей участи. Несколько раз он проваливался в полудрему.

Наконец в полдень из внешнего двора появился церемониймейстер. Он обнаружил Майкала дремлющим на камне.

— Юноша!

— Да, да. Я полагаю, вы пришли за мной.

— Идемте.

Майкал последовал за этим человеком через лабиринт комнат, залов и дверей в помещении с аркадами вдоль стен по обе стороны, с обычными грубыми гобеленами на стенах. У противоположной стены стоял стол, за которым сидел король, три его дочери и несколько аристократов. Они, очевидно, только что закончили трапезу. Все догрызали кости, лежащие на деревянных тарелках. Некоторые мужчины набивали что-то в трубки, чтобы закурить. Вид обглоданных костей не сделал Майкала менее голодным, а только усилил его аппетит.

— У тебя есть приспособление для убийства, которого я никогда до сих пор не видел, — сказал король, перегнувшись через стол и уставившись на Майкала.

— Я могу показать вам, как делать другие устройства, способные убивать. Это мое ремесло.

— Ты работал на принца.

— Принц мертв. Я работаю на любого, кто мне платит.

— Похоже, ты не очень-то помог принцу, — заметил король.

— Я не могу делать эти устройства собственноручно, а на их изготовление требуется время.

— Что ты хочешь взамен?

— Я должен получить машину, в которой прибыл. Вы обнаружите ее рядом с укреплением, принадлежащим покойному лорду м'Эртлиду.

— Это все, что ты просишь? Достаточно высокая цена. Для этого потребуется много людей и много времени. А в пути могут встретиться кочевники.

— Если вы согласитесь на мои условия, я обещаю вам оружие, которое навсегда обезопасит вас от угрозы кочевников, — сказал Майкал.

— Это не угроза, а всего лишь неудобство, — сказал король.

Снова эта самонадеянность, подумал Майкал, и снова ему считают нужным сообщить, что кочевники не представляют собой опасности. Интересно, почему так? Возможно, для поддержания духа.

— Я еще попрошу наполнить мою машину листьями, которые вы курите в своих трубках, если они хороши. Если нет, я приму медь или серебро.

— Травы и металлы имеют большую ценность. Я должен обдумать ваше предложение.

— Будьте добры обеспечить мне пищу и помещение, пока будете решать, — сказал Майкал.

— Ах да, разумеется.

Король сделал знак человеку, который привел Майкала сюда. Тот, похоже, выполнял роль камер-пажа.

Пока они обсуждали, какую комнату предоставить Майкалу, тот воспользовался возможностью рассмотреть трех принцесс на достаточно близком расстоянии.

Старшая казалась изящным мечом по сравнению со своим отцом. Майкала продолжало интересовать, что двигало ею, когда она послала на смерть юношу, его противника на арене.

Вторая сестра была женской карикатурой на своего отца — его черты, его мрачный вид, но без мужественности, которая почти искупала это все в короле.

Третья же отличалась от своих сестер — она была такая же изящная, как старшая, но лишенная ее холодности.

Камер-паж провел Майкала по коридорам через множество комнат и дверей в его комнату и запер его там. По крайней мере, здесь была кровать. Он решил лечь спать.

ГЛАВА X

Кто-то стучал в дверь. Майкал еще толком не проснулся, но удивился, кто в таком месте настолько уважает его уединение, что дал себе труд постучать в дверь.

Он встряхнулся, попытался проснуться и понял, что окончательно проснуться не в состоянии. Однако он крикнул, чтобы стучавший вошел.

Дверь немного приоткрылась — ровно настолько, чтобы впустить девушку. Майкал узнал в ней младшую из принцесс — длинноволосое существо, неудачу короля в превращении дочерей в сыновей.

— Ты — тот человек, который вчера вечером говорил с моим отцом? — спросила она.

— Да. Что тебе нужно?

— Я хочу только поговорить с тобой. Ты колдун?

Она казалась наполовину заинтересованной им, наполовину испуганной. Майкал спросил сам себя, кто мог послать ее. Он решил, что на этот вопрос нет ответа, и ему ничего не остается делать, кроме как вступить в игру и посмотреть, что из этого выйдет.

— Нет, я не колдун.

— Конечно, если бы ты был колдуном, то никому бы об этом не сказал, — произнесла она.

— Да, может быть. Тогда зачем ты меня спрашиваешь?

Она некоторое время помолчала, а потом, похоже, вообще забыла, о чем спрашивала. Майкал по своему небольшому опыту общения с девушками заметил, что они часто так себя ведут.

— Пойдем со мной, я хочу, чтобы ты кое с кем встретился.

— С твоим отцом? — спросил Майкал.

— О нет, не с ним.

— Твой отец об этом знает?

— Нет, он бы не одобрил.

— Тогда я останусь здесь.

— Я хочу отвести тебя к знатоку религии, — сказала она таким тоном, будто это имело для него особенное значение.

— Ну и что?

— Прошу тебя, пойдем. Это очень важно.

Майкал не хотел идти, учитывая, что король бы этого не одобрил, но он решил, что пойдет — возможно, руководствуясь интуицией, которой он никогда прежде не доверял. Люди часто делают глупости. Ему стало интересно, узнает ли он от знатока религии что-то об этой планете. Или о двух расах, расе господ и расе слуг, которые так явственно друг от друга отличались. Что-то его

беспокоило во всем этом, и он хотел бы разобраться, что именно.

Снова блуждание по лабиринту.

— Почему необходимо строить эти замки такими запутанными? — заметил он девушке, которая вела его через зал.

Она не поняла его вопрос. Она никогда не жила в другом месте.

Они вышли во двор, и принцесса приказала слуге привести им верховых животных.

— Мы направляемся в очень священное место, — сказала она.

— Что это за место?

Она посмотрела на него так, словно ее обескуражили его слова. Майкал задумался, какую роль ему придется сейчас разыграть: “юный бог”, “колдун” или, быть может, “пророк”.

Они выбрались по узким запутанным улицам из города, выехали за городскую стену и еще немного проехали.

За городом находились только фермы, и большая часть земель была в настоящий момент не распахана и не использовалась под пастбище.

Через некоторое время они добрались до низкого холма, на котором был построен купол. Пластиковый купол!

Майкал попытался представить, откуда здесь мог взяться пластиковый купол? Он узнал его. Это была часть системы жизнеобеспечения, датированная периодом до Большого Конца. Это было типичное устройство для теллурийской колонии, временное убежище для людей, которые прибыли на поверхность гостеприимной планеты. Это убежище давало им время узнать, есть ли какая-нибудь опасность, с которой они могут столкнуться, и которую могли вычислить по показаниям приборов. Но как купол-убежище оказался здесь?

Их ожидал человек в одежде, напоминающей одежду солдат. Но он не был солдатом, хотя бы потому, что был для этого слишком стар.

— Это тот юноша, Майкал, — сказала ему девушка. Майкалу она сказала:

— Это надсмотрщик Корл. Он изучает древние книги. Когда мы войдем в купол, не говори ни с кем. Только смотри и слушай. Поговорим позже.

Они прошли через шлюз. Майкал увидел то, что, согласно имеющимся у него знаниям, и должен был увидеть в таком месте.

Внутри купола было несколько давно не работающих машин и устройства системы жизнеобеспечения. И там был корабль, вокруг которого купол был построен. Не маленькая сфера, как космическая лодка Майкала, а корабль, способный нести двадцать человек, оборудование и еду, которые им понадобятся на незнакомой планете.

Корабль был кубической формы. Он стоял на трех толстых опорах, выходящих из его днища. В днище также находились три антенны, в отличие от лодки Майкала, которая вся была покрыта десятками антенн. Но его космическая лодка была построена по военной модели более позднего периода.

Поверхность корабля состояла из такого же холодного керамического материала мертвенно-серого цвета.

В люке корабля сидел и что-то бормотал человек в развевающихся красных одеждах. Майкал предположил, что это жрец солнца. Корл направился к нему.

— О отец, молю тебя, можем ли мы на минуту тебя побеспокоить?

Старик заворчал и поднял глаза, чтобы увидеть, кто его тревожит.

— Ах, ах, в чем дело? Ах, надсмотрщик Корл. Входи, сын мой. Входи внутрь.

— Не беспокойтесь. Я пришел показать чудесный дом наших предков этому чужаку, — Корл указал на Майкала.

— Да, совершенно правильно. Можешь продолжать, надсмотрщик.

Они прошли мимо старика. Корабль выглядел так, как и ожидал Майкал. Он все это уже видел раньше на картинках.

Там был центр для электронных устройств и питающие их батареи. Остальная часть куба была разделена на несколько помещений. В двух из них располагались сиденья, в каждом — два уровня по пять сидений. Еще два были пусты. Из них давно вынесли все, что могли.

Кроме этого, в одном из помещений находились еще два сиденья на одном уровне — места для управления. Над ними поднимались поднятые вверх визоры, перед ними располагались устаревшие приборы ручного управления. Между сиденьями находился визор. Но, на случай ес-

ли он не сработает, рядом лежала книга Космического Поиска, 324-е издание. Майкал пользовался всего лишь 326-м изданием.

— Старик нас не услышит, — сказал Корл.

— Что значит “надсмотрщик”? — спросил Майкал.

— Я присматриваю за серфами. Это не лучшая работа, но ее должен кто-то выполнять.

— Он скромный человек, но мудрый, — сказала девушка.

Майкал решил, что она — ученица Корла. Есть ли у него другие?

— Ты не с Гэфта. Я не знаю, откуда ты прибыл, но ты прибыл в устройстве, очень похожем на это, если мне рассказали правду.

— Ну и что?

— Мы не знаем ничего, кроме того, что написано в книгах, которые не может прочитать никто из ныне живущих. Горстка наших людей осознала и сберегла некоторые истинные факты.

— Какие же?

Корл начал свою басню.

— Существует много звезд, а вокруг них много планет, и Гэфт — только одна из них. Существует много рас, и все родственны, и мы — только одна из них. Когда-то, когда люди были мудрее, убийств не было. Были машины, которые собирали людей вместе. Люди читали великие книги и были свободны. Возможно, вне Гэфта еще есть люди, которые так и живут. — Надсмотрщик значительно посмотрел на Майкала. — Возможно, ты — один из этих людей.

— А какое место во всем этом занимают серфы? — спросил Майкал.

— Они серфы. Они были здесь до нашего прибытия, и они останутся до тех пор, пока мы не объединимся и не перебьем их.

— Весьма гуманная доктрина, — заметил Майкал, сознавая двойную иронию.

— Именно так, — ответил надсмотрщик, который никакой иронии не почувствовал.

— Что вам нужно от меня? — спросил Майкал.

— Я объясню тебе нашу проблему. Прости, что я так увлекся. — Надсмотрщик производил впечатление увлекающегося человека. — Ортодоксальная доктрина утвержда-

ет, что мы прибыли с солнца и из-за наших слабостей обречены жить без знания этих священных устройств и священных книг, которые ты здесь видишь. Когда мы все осознаем нашу ответственность, станем сильными и поверим в истинную доктрину, придет пророк и научит нас тому, что мы утратили. Это все ерунда. Ты это наверняка понимаешь. Я не верю в святого пророка, я только могу связать воедино оборванные нити, воспользоваться древними книгами и попытаться воссоздать истину.

Синтетическая истина, подумал Майкал.

Надсмотрщик продолжал свою речь.

— Мы — жалкие остатки тех, кто по какому-то недосмотру затерялся. Очевидно, что мы принадлежим к расе, которая должна владеть вселенной. Ты же — представитель цивилизации, которая нас потеряла. Может быть, тебя послали разыскать нас, а, может, ты оказался здесь случайно. Но ты можешь помочь нам. Если ты объяснишь нам устройство машин, мы сможем убежать отсюда и, возможно, вернемся на нашу родину.

— Предположим, что ты прав, — сказал Майкал. — Но твой народ живет здесь тысячи лет. Вы даже не говорите на нашем языке. Ваша культура на тысячи лет отстала от нашей. Даже если я покажу вам, как управлять этими машинами, у вас будет мало шансов добраться хоть куда-нибудь.

— Ты хочешь сказать, что они сломаны?

— Не думаю.

Машины, созданные до Конца, обычно были построены так же хорошо, как и те, что делались после. Они никогда не изнашивались окончательно.

— Но вы не понимаете, что вас ждет. Вы можете направить корабль в центр солнца. Я бы сам не решился никуда лететь на этой штуке, потому что меня не учили управлять кораблем вручную.

— Значит, ты признаешь, что прибыл извне, — утвердительно сказал надсмотрщик.

— Я этого не говорил. Думайте, что хотите. Но даже если вы сможете куда-нибудь отправиться на этом корабле, вы возьмете только двух операторов и еще двадцать человек.

— Правильно. Только немногие смогут бежать. Но разве это причина, чтобы оставаться здесь?

— Вы не знаете, что снаружи, — наконец сказал Майкал.

— Скажи мне, как управлять этим устройством, а решение я приму сам, — наставлял Корл.

Майкал сел и стал рассматривать приборы управления. Они были крайне просты: джойстик и дроссель, а также был еще индикатор курса и цифровой ящик для введения координат.

Он опустил перед собой визор. Устройство не включалось автоматически, как в его лодке, и он искал кнопку запуска. Она находилась позади визора.

По крайней мере, Майкал предположил, что это и есть она. Он показал ее надсмотрщику.

— Я не стану включать. Я не знаю, что случится, если я нажму на эту кнопку. Нет смысла объяснять вам, как это все работает. Начнем с того, что я сам этого толком не знаю. Чтобы научиться управлять одной из этих машин, нужны годы.

— Я узнал все, что хотел. Ты поступишь разумно, если не будешь упоминать о нашей беседе. Нас бы сочли еретиками, если бы жрецам стали известны наши взгляды. С нами бы поступили жестоко. Даже принцесса не избежала бы этой участи. Жрецы имеют некоторую власть, потому что утверждают, что у них есть ключи к знанию, которое содержат древние книги. Но они лгут.

Они все покинули корабль и прошли мимо сонного жреца на пороге люка. Он даже не проснулся, чтобы попрощаться.

ГЛАВА XI

Майкал терпеливо ждал в отведенной ему комнате еще несколько часов. Он раздумывал над тем, что увидел, и пытался угадать, что получится, если надсмотрщик попытается включить машину. В лучшем случае, избранные узнают истину: нет никакого смысла лететь никуда, кроме их родного мира. А самое бессмысленное — искать древнюю родину.

В худшем случае, что-нибудь не сработает, и все они либо умрут, либо затеряются в космосе.

Майкал размышлял над странными обычаями здешних людей. Особенно его интересовало, что такое "охота". Хотя это казалось даже слишком очевидным: разновидность

варварской игры, которую вполне можно было ожидать встретить среди потомков давно потерявшихся теллурицев, самой кровожадной расы космоса.

Он устал от мыслей и бездействия. Наконец прибыл камер-паж, чтобы отвести его к королю. Он провел Майкала через комнаты и залы в ту же комнату, где он был вчера. Там те же люди снова заканчивали ужин. Майкал ждал, какой трюк его заставят совершить на этот раз, чтобы продемонстрировать свои возможности.

— Юноша, — обратился к нему король, — Я тщательно рассмотрел твое предложение. Я не знаю, откуда ты прибыл, но мои советники говорят, что если ты бог, тебе не нужны мои богатства, а если ты дьявол, я не должен тебе ничего давать, иначе я потеряю свою душу.

— Ты хочешь сказать, что ничего не станешь покупать у меня?

Не страшно. На планете есть другие люди, которые могут оказаться лучшими покупателями. Или он может вообще убраться отсюда. Какая привлекательная мысль!

— Я хочу иметь то, что ты предлагал. Я просто не намерен за это платить. Ясно?

— Я продаю, а не раздаю подарки.

— Я предлагаю тебе только одну вещь в обмен на твою помощь. Я предлагаю тебе жизнь. Для молодого человека жизнь значит многое.

— Никто из Ассоциации никогда не давал информацию даром и не будет этого делать.

Итак, намерения короля прояснились.

— Ты не хочешь сотрудничать с нами? — спросил круглолицый человек.

— Нет.

Король поднял руку. Внезапно на шее Майкала оказалась веревка. Другая веревка петлей охватила его ноги, и он упал на пол. Вокруг него стояли несколько солдат короля.

— Я не буду убивать тебя обычным способом. Это не поможет. Опыт показал, что вокруг тебя или твоей одежды есть что-то, что защищает тебя. Но я могу удерживать тебя так, пока ты не решишь, что лучше — жить, или умереть от голода.

— Этого не будет.

— Посмотрим.

Старшая принцесса поднялась со своего места и подошла к лежащему на полу Майкалу. Солдаты посторонились, пропуская ее, как будто боялись к ней прикоснуться. Она вынула у него из кобуры иглострел.

— У нас твоё оружие, Майкал Вендал.

— Не пытайся использовать его.

Девушка вернулась к столу и положила оружие перед отцом.

Ее сестра, которая возила Майкала к космическому кораблю, смотрела на все это равнодушно. «Я выполнил ее просьбу, и больше ей не нужен», — подумал Майкал. Он знал, что не может рассчитывать ни на чью помощь.

Третья принцесса жадно схватила иглострел.

— Тот, кто воспользуется этим оружием, умрет, — пообещал Майкал.

— Разве меч разит того, кто его держит в руке? — спросила принцесса с холодным взглядом.

— Это не меч. Этим оружием могу воспользоваться только я или мой отец.

Девушка направила иглострел на Майкала, словно решала, как заставить оружие действовать.

— Может быть, это оружие доберется до твоей кожи, — сказал король.

— Исключено.

Девушка нашла, наконец, мишень и выглядела довольной. Она прицелилась в солдат. Они бросились врассыпную, но совершенно напрасно.

Принцесса нажала на курок, и ее волосы засверкали искрами от электричества. Иглострел выпал у нее из руки, она вздохнула и упала на стол.

Все повскакивали и собрались вокруг девушки. Ее трясло, расталкивали, окликали, но все бесполезно. Она была мертва.

— Моя сестра умерла, — сказала старшая принцесса.

Тем не менее, никто не кричал и не плакал. Все взгляды были устремлены на Майкала.

— Ты умрешь, — сказала девушка. — Ты должен умереть. Тебе не понравится умирать.

— Кровавые теллурийцы, — сказал Майкал.

Никто не понял его намека.

— Снимите с него эту дьявольскую одежду, — велела девушка солдатам.

Они сгрудились вокруг него и стали неуклюже шарить по его скафандру. Майкал знал, что если его разденут, ему недолго останется жить. Они обшарили его с головы до ног, и он уже решил, что ни у кого не хватит воображения найти застешки.

— Это его настоящая кожа, — сказал один из солдат.

Поле скафандра смягчало силу ударов, но не могло оттолкнуть руки. Оно было специально разработано, чтобы отталкивать только оружие.

— Это не его кожа. Смотрите, к ней прикреплен капюшон. Значит, это не кожа.

— Он дьявол.

Один из солдат наконец нашел застешку, затем они легко обнаружили вторую. Некоторое время они обсуждали, для чего служат эти штуки, но наконец решили: это то, что им нужно. Скафандр был снят. Теперь его ничего не могло спасти.

Солдаты вынесли его из комнаты во двор, чтобы оставить там на ночь. Майкал раздумывал, каким будет утро. Он пытался заснуть, но без скафандра ему было слишком холодно. Кроме того, он очень волновался. Его оставили в клетке из толстых деревянных прутьев. Никто его не стерег, но он очень быстро убедился, что отсюда не выбраться. Снова ему оставалось только ждать.

ГЛАВА XII

Утро наступило достаточно быстро. Слишком быстро, как показалось Майкалу. Он не знал в точности, что задумали его хозяева, но был уверен, что ничего хорошего его не ждет.

Приготовления, которые, как он ожидал, будут происходить во дворе с утра, начались с восходом солнца. Слуги вывели ящеров, чистили их щетками и мыли. Солдаты деловито наводили блеск на свое грубое оружие. Младшая дочь короля прогуливалась по двору, но вдруг резко свернула к клетке, где сидел Майкал.

— Доброе утро, прекрасная принцесса, — сказал он.

— Ты, должно быть, сошел с ума, — ответила она.

— Волноваться нет смысла.

— Ты знаешь, что с тобой будет?

— Нет. Почему бы тебе не сказать мне?

Он надеялся, что она расскажет, какая участь его ждет, и в благодарность за услугу подскажет, как этой участи избежать. Однако что-то в ее поведении говорило, что она пришла не затем, чтобы помочь. Быть может, у нее была какая-то другая цель.

— На тебя будут охотиться. Это прекрасный спорт.

— Помогни мне.

— О нет, только не я. Моя сестра тебе поможет. Она, наверное, будет тем охотником, который схватит тебя и наденет на пику. Она очень хорошо умеет это делать.

— Ты не сожалеешь о том, что она сделает со мной? — спросил Майкал резко.

— Нет, — ответила девушка.

— Как говорит древняя поговорка, — мрачно произнес он, — такова жизнь.

— Прощай, — сказала принцесса и ушла.

Он подождал еще немного. Во дворе уже стояли люди короля. Затем появились король со старшей дочерью. Они даже не взглянули в сторону пленника. Через время, когда весь отряд собрался и занял места на ящерах, открыли дверь клетки Майкала. Камер-паж, который также служил церемониймейстером на арене, вежливо попросил его выйти.

К его шее привязали веревку. Камер-паж взобрался на ящера и взял другой конец веревки. Отряд покинул двор. Майкала они практически волочили за собой. Они проехали через весь город.

Как обычно, на улицах было немного людей — в основном, крестьяне, которые, как полагал Майкал, боялись попадаться под руку лордам и леди из замка, имевшим привычку ездить по улицам собственного города с пиками и мечами, и способным при желании затравить полквартала.

Отряд выехал за внешнюю стену, как только были соблюдены формальности между капитаном стражи и монархом. Затем они отъехали от крепости по меньшей мере на две мили.

Майкал задумался, неужели изоляция делает людей настолько склонными к садизму, или изоляция только проявляет их природные склонности. Он задумался также о человеческой доброте. Затем он понял, что у него остались

мало времени на размышления. Он еще успеет подумать, если останется в живых.

Они остановились. Камер-паж спешился и снял веревку с шеи Майкала. Тот не бросился бежать. Дыхание ящеров все еще делало его холодную кожу влажной.

— Правила очень просты, — сказал камер-паж. — Ты убегашь. Мы догоняем. Мы хватаем тебя. Мы тебя убиваем.

— Вы что, пьесу ставите? — спросил Майкал, но никто не понял, что он сказал.

— Беги. У тебя есть несколько минут, прежде чем мы пустимся в погоню.

Майкал бросил последний взгляд на ледяную принцессу, на счастливое выражение ее лица, и побежал без оглядки.

Но в густом кустарнике бежать было особенно некуда. Он побежал вверх по склону невысокого холма и перевалил через его вершину, чтобы скрыться с глаз охотничьего отряда. Кусты цеплялись и царапали его кожу, каменистая почва ранила босые ноги, но он продолжал бежать.

Если бы он знал, в каком направлении находится древний космический корабль, он побежал бы туда. Этот религиозный реликт выглядел так, будто его все-таки можно было поднять в воздух. Лучше было бы рискнуть сделать это, чем оставаться там, где его скватит и прикончит охотничий отряд, как это без особенных церемоний изложил ему церемониймейстер.

Майкалу показалось, что кто-то наблюдает за ним. Он осмотрелся вокруг и ничего не увидел. Но он слышал, как сотрясают землю ящеры охотников, чудовищным галопом устремившиеся к подножию холма, на котором он находился.

Майкал продолжал бежать, продираясь сквозь кусты. Он взбежал на следующий холм. Но охотничий отряд быстро настигал его.

Чем быстрее Майкал бежал, тем больше его царапал кустарник. Кровь текла из царапин, ноги его ужасно болели. Он старался не думать об этом.

Но когда он взбирался на очередной холм, охотничий отряд уже приближался со всей доступной ящерам быстротой. Майкал добежал до вершины холма и ринулся вниз. В этот момент в него бросили копье, но промахнулся.

Он оказался в овраге, по которому протекал ручей. Кусты здесь были еще гуще. Он нырнул в кусты и застрел.

Охотники были слишком близко. Всего в нескольких метрах позади. Они увидели густой кустарник и бросились за жертвой.

Майкал увидел, что охотники внезапно остановились. Ящеры не могли двигаться в густом кустарнике и некоторые охотники спешили.

Затем он услышал голос старшей принцессы.

— Он мой, — сказала она кому-то.

После этого Майкал не услышал ничего, кроме собственного крика от пронзившей его боли.

Он не остановился посмотреть, но чувствовал пику в своей ноге. Он пробрался сквозь кустарник и попал в ручей. Он больше не мог бежать. Майкал оглянулся. Несколько человек выбирались из кустарника, в том числе и ранившая его принцесса. Она вынимала из-за пояса нож.

Майкал уже почти выбрался на противоположный берег и упал на мокрые камни. Он снова закричал. Охотники смыкались вокруг него. Спасения не было.

Они смотрели на него довольно равнодушно. Двое из них были заняты каким-то совершенно посторонним разговором. Камер-паж протолкался к Майкалу и поглядел на него.

— Он еще жив, — пожаловался камер-паж.

— Терпение, — ответила девушка, придвигаясь ближе.

— Вы звери! — крикнул им Майкал. — Когда мой отец узнает, он вам всем покажет!

— Пустые слова, — сказал один из охотников.

Принцесса замахнулась ножом. В тот же миг что-то упало сверху на Майкала. Он увидел мертвое тело со стрелой в спине. Принцесса отпрянула.

Сквозь полуприкрытые веки Майкал видел, как падают остальные. Оставшиеся в живых сели на ящеров и усакаали. Храбрые охотники не желали превращаться в дичь.

Это было последнее, что помнил Майкал. Да еще кустарник, на который он смотрел, когда потерял сознание.

ГЛАВА XIII

Время от времени Майкал приходил в себя. Он был сброшен через спину ящера, который быстро двигался по вересковой пустоши. Эту местность он видел на пути к

крепости ныне покойного принца. Но Майкал не мог пошевелить головой, чтобы увидеть, кто его везет.

Позднее Майкал проснулся. Он уже не покачивался на спине ящера. Он лежал на грязном полу хижины, большая часть которой находилась под землей. Стены были грубо сделаны из камня, крыша — из шкуры ящера. Майкал был в хижине не один. У очага готовила еду молодая девушка. Очаг располагался рядом с дверью, где дым хоть отчасти уносил наружу. Оттуда доносились голоса мужчин, разговаривающих на певучем языке. Хоть Майкал и не знал, о чем они говорят, он уловил, что между ними идет спор. Он прислушался и разобрал, что разговаривают пятеро. Он потерял анализатор вместе со скафандром, и у него не было возможности даже начать изучение этого языка.

Девушка заметила, что он проснулся. Она подошла и положила руку ему на лоб. Затем она позвала других. Разговор снаружи хижины прекратился, и в хижину вошли двое мужчин.

Оба были кочевниками, ростом не более полутора метров, хрупкого телосложения и темнокожие. Майкал еще никогда не был на таком близком расстоянии от людей этой расы. Они явно были гуманоидами, но столь же очевидно не были людьми. Уши у них были маленькие, остроконечные и располагались высоко на голове, глаза — большие, красновато-фиолетовые, кожа казалась как будто пыльной. Он предположил, что у них с людьми расы короля не может быть детей.

Один из мужчин, молодой, такого же хрупкого вида, как и остальные, приблизился к Майкалу, уставился ему в глаза и попытался заговорить с ним. Разумеется, Майкал ничего не понял. Мужчина отвернулся к остальным и что-то сказал им, затем снова повернулся к Майкалу.

— Ты говоришь на языке гэфтов? — спросил он.

— Да.

— Кто ты такой? Ты не похож на остальных.

— Я — Майкал Вендал с Лхонца-4, — ответил Майкал.

— Я не знаю такого места. Похоже, ты не очень-то понравился гэфтам. Они редко охотятся на кого-то, кроме людей нашей расы, которых они называют серфами.

— Вам известно, что такое планета? — спросил Майкал.

— Наши философы говорили, что существует много миров и много солнц.

— Я прибыл с другой планеты.

— Но ты больше похож на гэфтов, чем на нас, Майкал Вендал.

— Я полагаю, что у меня с ними были общие предки на нашей родной планете, которую мы покинули тысячи лет назад.

— Чувствуешь ли ты, что связан с ними родственными узами?

— Нет.

Мужчина вернулся к остальным и заговорил с ними на их певучем языке. Второй мужчина, который заходил вместе с ним в хижину, похоже, сомневался насчет чувств, которые Майкал питает к гэфтам, как люди этой расы называли человеческое население планеты.

— Он тебе не верит, — сказал Майкалу первый мужчина. — Он говорит, что ты принадлежишь к ним и будешь против нас. Можешь ли ты чем-нибудь нам помочь, Майкал Вендал?

— Гэфты забрали мое оружие и одежду. У меня ничего не осталось, кроме моих знаний, а я не думаю, что вы сможете их использовать. — Майкал вспомнил про космическую лодку. — Впрочем, у меня осталась еще одна вещь, если я смогу до не добраться. Вы слышали о лорде м'Эртгле?

— Нет. Среди гэфтов много лордов. Не меньше сотни.

— Этот лорд был вассалом принца Покошпа.

— Принц мне известен. Наши люди говорят, что принц мертв, все его люди мертвы, а король Цлшл захватил все его земли.

— Если я доберусь до своей машины, я смогу вам помочь.

— Я почему-то верю тебе, Майкал Вендал. Может быть потому, что у нас нет выбора. Меня зовут Ди-Лак.

Мужчина протянул вперед обе руки ладонями кверху. Майкал предположил, что от него ожидают того же, и тоже так поступил.

— Я объясню тебе кое-что, потому что ты прибыл из другого мира. Тебе известно, что идет война между нами и твоими дальними родственниками, которые сделались нашими правителями. Эта война началась, когда гэфты только появились здесь. Мы не знаем, откуда они пришли. Это все легенды, и никто в наши дни не знает правды.

Легенды гласят, что гэфтов было очень немного, даже меньше целого племени. Женщин у них тоже было немного. Они долгое время жили на нескольких холмах и не просили у нас ни помощи, ни земли. Но однажды, спустя много лет, они напали на группу наших людей. У них было удивительное оружие, которое стреляло огнем. Они увели с собой женщин. Но женщины не рожали от них детей. Когда они в этом убедились, они вышвырнули женщин из своего лагеря. Мы все еще не нападали на них.

Время шло, и их становилось больше. Но их было слишком мало в самом начале. Затем один из них привел на свою ферму нескольких наших, чтобы они ему помогали. Именно тогда некоторые наши соплеменники стали серфами.

Мы долгое время боялись странного оружия гэфтов. Но они, похоже, утратили умение им пользоваться. Сейчас об этом оружии известно только то, что говорят легенды.

Численность гэфтов медленно росла, и они забирали к себе все больше наших. Они были сильнее нас. Они умели делать обыкновенное оружие, которого мы тогда делать не умели. Они первыми приручали животных, чтобы ездить верхом.

Мы всегда были мирными людьми. С первых дней существования нашей расы мы были охотниками и пастухами. Мы никогда не были фермерами. У нас были мыслители, но никогда не было техники для производства оружия и инструментов, как у гэфтов. Мы никогда не хотели войны и не умели воевать.

Они заставили нас воевать. Каждый день они отбирали у нас еще один участок земли. Они отрезали нас от источников, где мы всегда поили скот, и не давали нам прохода по нашим обычным тропам с равнин в горы.

Они охотились на нас и убивали всякий раз, когда не могли сделать серфами.

У нас больше не стало мыслителей, потому что мы не имели времени на размышления. Дуки солнца и земли оскорблены нашим невниманием. Наш скот не получает должного ухода. Хотя нас гораздо больше, чем их, гэфты постоянно убивают нас. Они убивают нас и делают рабами на своих плантациях, а мы не в силах остановить их, хотя мы многому научились от них и теперь воюем с ними, как только можем.

Их тысячи, и они сильны. Нас тысячи тысяч, и мы слабы.

Кое-кто из наших говорит, что мы должны стать сильными, заставив воинов сражаться, как это делают гэфты — командовать ими, как серфами.

Но если мы окончательно уничтожим наши старые традиции, духи больше никогда не станут помогать нам. Уже сейчас болезнь гэфтов напала на нас, и духи не помогают.

Если мы изменим старый образ жизни, это будет хуже, чем все, что могли бы сделать с нами гэфты. Я думаю так.

Ситуация была классической, точно как в учебнике. Местное население, неразрывно входящее в экологическую структуру, было стабильно и имело свободную организацию. Никакого перенаселения, никакой технологии, стабильность. Затем появились гэфты, люди. У них была организация и стремление ее использовать. Они медленно расширяли сферу влияния, а местное население не могло им противостоять, потому что местные не могли разобрать и проанализировать, что происходит на основе своего прошлого опыта — быть может, такого же продолжительного, как опыт человеческой расы, но совершенно мирного, а не проведенного в постоянной экспансии и конфликтах на тысяче планет.

Среди кочевников, очевидно, развились разные течения. Другими словами, та же самая ситуация возникла после долгого периода теллурийской оккупации, где местному населению позволили жить, как оно жило до сих пор, в течение любого времени. Гэфты в миниатюре повторили ситуацию с теллурийской расой в целом перед Концом. Быть может, они даже не были настоящими колонистами, а бежали от Конца. Большинство оставшихся колоний сократились до гетто, как на планете Майкала, когда социальная динамика Конца стала очевидной. Никому не хотелось повторять вновь то, что случилось прежде.

Гэфты, однако, прибыли сюда в малом количестве, с немногим оборудованием и еще меньшими знаниями. Они были полной противоположностью тому, какой должна быть группа колонизаторов.

И они постепенно захватили власть над планетой — ради практических целей — хотя и утратили все, что знали их предки. У них были только организованность и агрессивность.

Снова шла речь о болезни — возможно, той самой, о которой Майкал уже слышал от лорда м'Эргюла. Среди ко-

чевников явно свирепствовала эпидемия. Либо на них напала новая разновидность болезни, либо болезнь была циклической, и кочевники просто забыли, когда она была в последний раз. А, скорее всего, и то, и другое одновременно.

— Ты думаешь, Майкал Вендал?

— Я думаю. Я могу вам помочь, но я должен вернуть машину, которую оставил в крепости лорда м^лЭртила. Я могу помочь вам атаковать гэфтов, хотя тем самым нарушу правила моего народа. Но у меня есть личные причины желать, чтобы с ними было покончено.

Геноцид, подумал Майкал. Но так или иначе это будет геноцид. Если уничтожить военную власть гэфтов, они смогут жить тысячи лет, не превращаясь снова в угрозу.

— Может быть, мне удастся прекратить болезнь. Я не могу этого обещать, но, возможно, у меня получится.

— Ты знаешь какую-нибудь магию?

— Помнишь огненное оружие из легенды? — спросил Майкал. — Такие вещи заставляют работать не магия, а знание. Оружие похоже на солнечный свет, который приходит с большого расстояния и обжигает.

— Не понимаю.

— Мы должны вернуть мою машину, — твердо сказал Майкал.

— Я отправлюсь с тобой, и у меня есть верховой ящер для тебя. Может быть, с нами пойдут и другие. Но будут и противники. Они поймут тебя не лучше, чем понимаю я, и у них есть свои решения наших проблем. Я соглашаюсь с тем, что ты предложил, не потому, что поверил тебе, а потому что у нас нет выбора. Я бы попробовал подняться на вершину холма и полететь, если бы знал, что это поможет. Многие просто в отчаянии.

Майкал хотел встать и понял, что на нем нет одежды. Он закутался в шкуру.

— Будем собираться, — сказал Ди-Лак.

Он заговорил с девушкой. Она принесла из угла хижины мешок, сделанный из шкуры, и достала из него толстый плащ, какие носили все кочевники. Она дала плащ Майкалу, но когда он закутался в него, над ним засмеялись и она, и Ди-Лак. Плащ был на десять сантиметров короче, чем надо.

— А как быть с обувью? — спросил Ди-Лак.

— Нет времени. Я сниму ее с первого гэфта, которого поймаю.

Майкал поразился собственной агрессивности.

Они вышли из хижины. Солнце садилось, и в центре площадки, окруженной одинаковыми хижинами, разжигали костер. Вокруг костра стояли мужчины, что-то обсуждая.

Ди-Лак заговорил с ними. Завязалась оживленная беседа, которая, похоже, принимала неприятный оборот.

— Что происходит? — спросил Майкал.

— Некоторые из нас тоже умеют говорить на чудовищном языке, чужак, — сказал один из мужчин. — Меня зовут Ра-Сев. Я не верю, что экспедиция, которую ты предлагаешь, чем-то поможет нам. Ты родственник гэфтов, а не наш. Я не верю в существование этой твоей машины. Может быть, ты только хочешь вернуться к своим друзьям за наш счет.

Спор стал еще яростнее, страсти накалялись.

— Я еду в любом случае, — сказал Ди-Лак. — Какая еще надежда у нас есть?

Некоторые как будто соглашались с ним. Когда он встал, они тоже встали.

— Мы отправляемся через час. Вас поставят в известность.

Мужчина по имени Ра-Сев тоже встал.

— Вы оставляете нам мало людей, чтобы защитить стада. Вы можете не вернуться, и ваша глупость будет нам дорого стоить. Этот чужак не должен для нас ничего значить. Мы должны убить его, как убили бы любого гэфта.

— Он мой гость.

Один из мужчин вынул из складок плаща длинный нож и глянул на Майкала.

— Община не может потерять вас всех. Если чужак умрет, у вас не будет повода гоняться за его безумными идеями. Вы не можете сражаться с вашими соплеменниками, защищая его.

Друг Ра-Сева, поигрывающий ножом, встал и подошел к Майкалу.

— Быстрее, — сказал Ра-Сев.

Нападающий взмахнул ножом, но прежде чем он успел его опустить, Майкал схватил его тонкую руку и рванул ее назад. Они оба упали. Нож оказался вне пределов досягаемости.

— Ты нарушаешь законы гостеприимства, Ра-Сев, — сказал Ди-Лак.

— Не может быть гостеприимства по отношению к врагу.

— Я спас этого человека от короля не для того, чтобы отдать тебе. Мы отправляемся в путь немедленно.

Ди-Лак и другие отошли от костра вместе с Майкалом. Они вышли за круг хижин. Ди-Лак отдал остальным приказы, и они разошлись.

— Ты видишь, что не все разделяют мои взгляды, — сказал Ди-Лак.

— Как мы найдем место, где я оставил машину? — спросил Майкал.

— Это будет трудно, но возможно. Мы найдем земли принца Покошла — я думаю, что смогу их найти. Там мы узнаем от его бывших серфов, где жил этот твой лорд. Путешествие будет опасным. Мы убили много солдат на дорогах. Мы убьем их еще больше, хотя многие из нас умрут.

— Неужели люди твоей расы так легко решаются на самоубийство? — спросил Майкал.

— Только те, кто знают, что мы непременно должны истребить гэфтов. Другие нападают на фермы, чтобы забрать животных. Третьи не подходят близко. Они избегают гэфтов и бегут из мест, где обнаруживают этих дьяволов. Они оставляют источники и свои деревни без боя, даже не пытаются сопротивляться. Есть еще те, которые мечтают о великой армии, сидя вокруг костров, но понятия не имеют, как ее собрать. Они отравляют остальных своими мыслями.

Отправленные с поручениями три участника их отряда возвратились с дополнительной одеждой и едой в сумках из кожи ящеров. Они все взобрались на верховых ящеров. У них было с собой оружие — несколько мечей, а в основном луки. Но у Майкала не было ничего. Они двинулись в путь по холмистой равнине.

ГЛАВА XIV

Ехать верхом было так же тяжело, как прежде. Они ехали всю ночь. Майкал даже не видел, куда они едут. Он следовал все время за Ди-Лаком.

Когда настало утро, они остановились и несколько часов отдыхали. Всем раздали куски сушеного мяса и трубки с травой, которую здесь курили. Она не была похожа на то растение, которое Майкал знал как табак. Но он счел, что она все равно будет иметь ценность, если он когда-нибудь доставит ее на Лхонц-4. Хотя иногда ему казалось, что он уже никогда не вернется туда.

После обеда они снова пустились в путь. Днем они ехали быстрее. Кочевники были великолепными наездниками. Майкал старался изо всех сил. Он с радостью думал, что ему очень долго не придется ездить верхом ни на каких животных, если он выберется отсюда.

Он не узнавал местность, по которой они ехали. Все равнины казались ему совершенно одинаковыми. Лишенная цвета трава. Холмы. Горы в отдалении. Больше не было практически ничего, что могло бы как-то отличить один участок равнины от другого. Иногда, очень редко, отряд встречал стада рептилий. Обычно кочевники охотились на них, но сейчас у них не было времени останавливаться.

Путешествие длилось несколько дней.

Наконец отряд выехал к полям, где паслись стада животных под присмотром пастухов. Пастухами были серфы, одетые в тускло-коричневую одежду — штаны, туники и короткие плащи из грубой шерстяной пряжи или выделанных шкур. Серфы не обращали внимания на путников. Они как будто их вообще не замечали.

Путники остановились, чтобы задать вопросы пастуху. Ди-Лак сначала попытался заговорить с ним на языке кочевников, но тот отвечал медленно и неуклюже, и Ди-Лак перешел на язык гэфтов.

— Да, эта земля принадлежала принцу Покошлу. Он мертв. У нас новый правитель. Мы не знаем, кто теперь наш лорд, — отвечал пастух.

Кочевники были несколько потрясены неспособностью серфа говорить на языке, который должен быть его родным.

— Ты знаешь лорда м'Эртцла? — спросил Майкал.

— Я слышал это имя. Он тоже мертв.

— Где были его земли, когда он был жив?

— Вон там, — сказал пастух, показывая пальцем в сторону холмов справа от них.

Майкал и кочевники направились туда, куда указал им пастух. Через несколько часов местность показалась Май-

калу знакомой. Они проезжали здесь по дороге к замку принца. Теперь Майкал даже мог указывать, куда ехать.

Они отдохнули и снова пустились в путь. Когда стемнело, они опять остановились поесть, покурить и немного отдохнуть.

Разложили костер. Неожиданно кто-то услышал странный звук и обратился к Ди-Лаку. Тот забросал костер грязью и объяснил Майкалу, что случилось.

— Во-Эво слышит приближающуюся повозку. Ты ее слышишь?

Все затихли. Майкал внимательно прислушался и краем уха уловил скрип колес. Вскоре появились всадники, по обыкновению безмолвные. Они ехали медленно, а позади них ехала повозка, которую тоже тащили ящеры. На повозке находилась круглая космическая лодка на опорах, привязанная к повозке веревками. Всего в отряде было двенадцать солдат с высоко поднятыми пиками, и офицер. Повозкой управлял серф. Другой серф погонял двух животных.

— Это моя машина, — сказал Майкал.

— Тихе, они могут нас услышать.

Майкал шепнул:

— Мы должны отбить ее у них, прежде чем она попадет королю. Иначе у нас уже не будет шанса ее заполучить.

— Нас только пятеро, а их тринадцать. Ничего не выйдет.

— Дай мне твой нож, — сказал Майкал.

— Что ты станешь делать?

— Если я попаду в машину прежде, чем они смогут меня остановить, мы выиграли.

— Мы можем отвлечь их, — сказал Ди-Лак. — Мы разведем другой костер. Затем отправимся к повозке и будем сдерживать солдат, пока ты не проберешься внутрь.

Майкал направился к повозке, которая была в пятидесяти метрах. Когда он был на половине дороги, то увидел костер. Он продолжал двигаться вперед. Четверо солдат направилась к костру, а повозка остановилась.

Майкал зашел сзади и обнаружил, что между ним и повозкой четверо солдат. Он крикнул. Они попытались наброситься на него. Пика едва не задела ногу. Он проскользнул между двумя животными. Солдат выхватил меч и хотел ударить Майкала, но тот увернулся и взобрался на повозку. Его ударили пикой, но промахнулись, и он схватил-

ся за нее, пока владелец оружия пытался отпрыгнуть, Майкал сбросил его с ящера. Один из его противников был сражен стрелой, и остальные стали осматриваться, чтобы понять, откуда она прилетела. Майкал, тем временем, открывал дверь своей машины.

Он забрался в космическую лодку. Как и следовало ожидать, там все было в порядке, поскольку никто не мог проникнуть сквозь окружавшее ее поле.

Майкал надел шлем управления и запустил машину. Она поднялась на несколько сантиметров над повозкой. Веревки натянулись. Майкал добавил еще мощности, чтобы поднять повозку. Веревки натянулись до предела под весом массивной повозки с тремя колесами, сделанными из стволов деревьев. При помощи визора он видел, как падают люди, но в темноте не мог различить деталей, только контуры.

Повозка оборвалась и упала, накрыв нескольких солдат. Майкал не слышал ничего, но почти чувствовал их вопли.

Солдаты в ужасе мчались прочь от космической лодки. Майкал не видел кочевников, но направил машину к зажженному костру и посадил ее рядом с ним.

Когда он совершил посадку и открыл дверь, его ждали три кочевника. На их лицах был благоговейный страх.

— Это в самом деле чудесная машина, Майкал Вендал. Что ты собираешься делать теперь, когда она снова у тебя?

— Нам нужно вернуться в лагерь.

Трое кочевников согласились с ним. Ди-Лак забрался к Майкалу в лодку, а остальные поехали на ящерах. В машине было место только для двух человек. Ди-Лак посмотрел на визор, библиотеку и шлем управления, и ничего не сказал.

— Мы вернемся через несколько минут. Завтра попробуем заняться лечением болезни, — сказал Майкал.

ГЛАВА XV

На следующее утро Майкала разбудил Ди-Лак. Они вышли к костру, вокруг которого сидело много людей, в том числе Ра-Сев и тот человек, который пытался убить Майкала.

— Ты поступил, как обещал, — сказал Ра-Сев. — Теперь проверка.

— О чем ты говоришь? — спросил Майкал.

— До сих пор мы слышали о страшной болезни от остальных. Теперь она пришла к нам. Мне сказали, что она убивает каждого четвертого и ослабляет остальных. Болезнь пришла от гэфтов. Это еще один способ нас угнетать. Ты говорил, что сможешь вылечить болезнь.

— Я не уверен, смогу ли я ее вылечить.

— Ты должен попытаться, и мы будем знать, способен ли ты выполнить все остальное, что обещал.

Непохоже, что отношение Ра-Сева к Майкалу сильно изменилось. Он требовал доказательств. Майкал отправился к космической лодке, взял небольшую машинку из тайника в панели и вернулся с ней к Ра-Севу.

— Отведи меня к больному, Ра-Сев. Я сделаю все, что смогу, но я не могу ничего обещать.

Маленькая машинка была всего лишь тестирующим устройством для персональной помощи, а Майкал разбирался в медицине в пределах оказания первой помощи. Машинка была скоростным анализатором. Она не проводила глубокого исследования, для которого нужна была полностью оборудованная лаборатория.

Ра-Сев отвел Майкала в хижину. Внутри они обнаружили женщину и мальчика лет двенадцати. Мальчик дрожал, скорчившись под шкурами на полу. Майкал направил устройство на мальчика и принялся не очень умело возиться с машинкой. При помощи устройства с девятью клавишами и визором он записывал результаты — числа, которые для него ничего не значили. Затем он унес машинку обратно на борт лодки. Ра-Сев следовал за ним.

— Какая хитрая машина, — сказал Ра-Сев, указывая на космическую лодку. — Как она работает?

— Я не знаю в точности, как именно, — сказал Майкал. — По крайней мере, тебе я этого объяснить не смогу.

Майкал подсоединил медицинский анализатор к библиотеке и задействовал информаторий. Он нашел необходимые ему ссылки, и понял — насколько он был в состоянии понять, — что из себя представляет эта болезнь, и как ее лечить.

— В основе этой болезни — один из вирусов, составляющих то, что древние называли “обычная простуда”.

— Что ты можешь предпринять?

— Предполагается, что эта болезнь не опасна. Возможно, есть какие-то особенности на этой планете или в вашей расе, которые делают ее смертельной. Вы уверены, что это гэфтская болезнь?

— Увереннее и быть нельзя, — ответил Ра-Сев.

— У меня немного антибиотиков общего назначения, которые можно использовать. Но я не могу воспроизвести их здесь. Это будет противоречить правилам Ассоциации.

— Что это за Ассоциация? — осканился Ра-Сев.

— Вы что думаете я единственный представитель своей расы? Нас очень много. Мы занимаемся продажей знания людям вроде гэфтов, получая от них в обмен то, что они могут дать. Для твоего народа я мало что могу сделать. То, что я знаю, для вас бесполезно, потому что у меня нет возможности показать вам, как делать лекарства или оружие. У вас нет средств делать такие вещи.

— Если тебе выгодно торговать с гэфтами, почему ты помогаешь нам?

— Не знаю.

На самом деле у Майкала были некоторые соображения по этому поводу. Но он не собирался объяснять принципы экологизма или расписывать чувства, которые он питает к людям, которые чуть было не убили его, как дикого зверя.

Он взял антибиотики из тайника в стене, положил на место медицинское устройство и отдал Ра-Севу две капсулы лекарства.

— Я не могу гарантировать, что произойдет. У меня недостаточно данных, чтобы иметь даже малейшую уверенность. Попробуйте это. Мальчик должен проглотить лекарство. Завтра мы будем знать результат. Я ничего не обещаю.

— Увидим, — сказал Ра-Сев и ушел.

Майкал и Ди-Лак вместе с его сторонниками обсудили, что они смогут сделать. Затем Майкал занялся обычными делами — едой, разговорами, сном, еще разговорами.

— Нам нужна всего одна победа, и тогда мы сбросим гэфтов. Но мы никогда еще не выигрывали. У нас нет опыта победы.

Майкал об этом думал.

— Значит, у вас будет победа, и будет она здесь и сейчас.

— У нас не будет такой возможности, если Ра-Сев не утихомирится, — сказал один мужчина.

Майкал лег спать. Утро он провел в ожидании. Он решил, что лучше сражаться, чем постоянно ждать. Если он когда-нибудь вернется домой, школьные друзья будут спрашивать его о приключениях. Хотя он никогда не стремился стать торговцем, он все равно думал, что это интересное занятие. Он никогда не предполагал, что ему в основном придется сидеть и ждать.

В хижину, где лежал Майкал, вошел Ра-Сев. Он присел на корточки и несколько минут глядел на Майкала, прежде чем наконец заговорил.

— Мальчику лучше. Прошу тебя дать нам остальное лекарство, чтобы защитить нас всех от болезни, когда она снова придет.

— Я отдам его тебе, когда доберусь до машины.

— Хорошо, — сказал Ра-Сев.

Но он не ушел. Он оставался на месте и продолжал пристально смотреть на Майкала.

— Чего ты еще хочешь от меня? — спросил Майкал.

— Ты говорил, что можешь помочь нам прогнать гэфтов. Что ты предлагаешь?

— Собери всех, кого сможешь. Я сломаю стены замка. Я сломаю стены всех крепостей, которые обнаружу. Вы сможете атаковать гэфтов. Прежде чем они успеют отремонтировать стены, они станут вашей добычей.

— У тебя нет сочувствия к твоим сородичам?

— Не убивайте их всех — только тех, кто окажет сопротивление. Заберите у них оружие, оставьте только то, что необходимо для охоты. Запретите им возвращаться в замки. У тех гэфтов, кто может научить, научитесь работать с металлами.

— Что ты хочешь получить за то, что сделаешь это? — спросил Ра-Сев.

— Гэфты обещали мне траву для курения.

— Это все, что ты хочешь?

— Это большая роскошь в моем мире. Там не растет ничего похожего.

— Я поддерживаю тебя, Майкал Вендал, хотя и не уверен, что это самое лучшее. Может быть, Ди-Лак прав.

— Собери всех, кого сможешь, и как можно быстрее. Мы нанесем удар немедленно.

— Хорошо, юноша, — сказал Ра-Сев и вышел.

ГЛАВА XVI

Кочевников было больше тысячи, они ехали преимущественно верхом, вооруженные мечами, луками, а некоторые — захваченными у врага пиками и ятаганами, на которых все еще были цвета разных королей. Майкал ждал три недели. Каждый день был похож на предыдущий. Наконец кочевники собрались и были готовы к нападению на гэфтов. И Майкал пообещал поддержать их оружием, которого никто из гэфтов не видел со времени первой посадки на эту планету, когда они еще были теллурийцами.

Вожди говорили со своими людьми. Они собирались на военные советы и выработали план битвы над картой, которую начертили тут же на песке. Воины, тем временем, ждали за пределами лагеря.

“Это должно быть сделано быстро, — подумал Майкал, — до того, когда у них кончится еда и они решат разойтись по домам”. Они находились не более чем в шести часах езды от замка. Это значило, что нападение будет легким, если только их не опередит король и не пошлет солдат сражаться с кочевниками на открытом месте. Там у неопытных, необученных и не имеющих военных вождей кочевников будет меньше шансов, несмотря на то, что у них некоторый численный перевес. И на открытой местности Майкал мало чем сможет им помочь.

Он сомневался, что король станет рисковать своими людьми в открытом бою, когда, с точки зрения короля, ему достаточно всего лишь удерживать крепости против кочевников в течение нескольких дней. Затем кочевники откажутся от осады, как это происходило всегда, насколько знал Майкал. Король не представлял, что на этот раз замок окажется для него не преимуществом, а недостатком — учитывая, какое оружие будет против него применено.

Майкал сначала собирался ждать, пока не соберутся все. Но в конце концов решил этого не делать. Он не был уверен в действиях своего нерегулярного войска.

Все приготовились. Майкал направился к космической лодке и обнаружил, что его там ждет Ди-Лак.

— Хорошая сейчас предстоит драка, — сказал кочевник.

— Я направляюсь к замку и подожду вас там, — сказал Майкал. — Или наоборот, подожду здесь. Но я думаю, что мне лучше отправиться первым. Когда ваши люди увидят мою машину, это вселит в них уверенность в нашем успехе.

— Да, я думаю, что ты прав.

Майкал забрался в космическую лодку и надел шлем. Люк был закрыт. Майкал видел войско кочевников. Когда он поднял лодку в воздух, то заметил нескольких солдат короля на холмах неподалеку. Он надеялся, что сражения на открытом месте не произойдет.

Майкал медленно двигался над равниной, отмечая холмы и далекие горы, пока не оказался над обработанной землей. Отсюда ему уже была видна крепость — огромное скопление стен и башен, окружающее город и дворец.

Майкал изучал местность, чтобы понять, что он сможет сделать. Однако он не хотел, чтобы космическую лодку увидели люди внизу, поэтому оставался на большой высоте.

Даже если шпионы доложат королю, рассудил он, они не доберутся до крепости так быстро, чтобы король успел изменить свои планы и начать атаку на открытом месте.

Он ждал, снова ждал, в который раз...

Кочевники показались на горизонте. В замке появились некоторые признаки замешательства, Майкала совершенно не возбуждало предстоящее сражение. Он это все уже видел, и не раз.

Тучу пыли, поднятую тысячной армией кочевников, должны были уже заметить в замке. Майкал ждал, чтобы что-нибудь произошло. Он опустил лодку ниже, полагая, что если даже его заметят, все равно никто не додумается, что он собрался делать.

Кочевникам понадобилось только несколько минут, чтобы добраться до замка. Ворота были закрыты. Майкал видел, как солдаты бегут по узким улицам города, словно насекомые.

Он мысленной командой выделил одну из антенн двигателя — кольцо, скрытое в цельной на вид поверхности космической лодки, — из системы, которая поддерживала его в воздухе. Всего было шестьдесят четыре таких ма-

леньких кольца, разбросанных на равных расстояниях по поверхности лодки — достаточно, чтобы мгновенно дать лодке толчок в любом необходимом направлении.

Он мысленно определял фазу антенны, а также необходимый баланс, чтобы это действие не нарушило общее равновесие космической лодки. Таким образом антенна начала испускать два цикла волн. Майкал принял нужное положение и мысленно направил волны под углом 180 градусов друг к другу. Поверхность земли в тех местах, где ее коснулись волны, закачалась. Майкал немного повернул машину, и волны пришли в соприкосновение с внешней стеной крепости. Невидимые силы стали раскачивать камень. Солдаты разбежались в разные стороны от непонятного явления — землетрясения на ограниченной площади примерно в десять квадратных метров.

Майкал разрушил стену в пяти местах, затем перевел луч на основные стены вокруг собственно дворца. Камень крошился и осыпался со стен, и сами стены медленно обрушились, когда сила природной гравитации переборола силы лучей машины Майкала. Лучи специально были спроектированы слабее силы гравитации, чтобы достичь именно этой цели.

Кочевники устремились в проломы внешней стены. Некоторые солдаты отступали, но другие остались и вели безнадежный бой. Кочевников было впятеро больше, насколько мог видеть Майкал, и сыновья степей были верхом против своих пеших противников.

Повинуясь импульсу, Майкал (он заметил, что в последнее время многое делает, повинуясь импульсу) мягко опустил космическую лодку рядом с самым большим проломом в стене гэфтов. Кочевники, которые ждали своей очереди попасть внутрь, посторонились. Майкал выбрался и закрыл люк лодки. Даже лишенный скафандра и иглострела, он хотел принять участие в происходящем.

Ему нашли верховое животное и меч — только что добытый гэфтский меч, владелец которого не умел достаточно хорошо использовать свое оружие. Майкал позволил животному самому выбирать дорогу, и хорошо обученная бестия продемонстрировала воинственную натуру, так как направилась напрямик к стене. С Майкалом остался небольшой отряд кочевников.

Оказавшись за линией сражения, они въехали в город. В узких щелях между ставнями виднелись лица жителей

города. Серфы видели, что происходит. Но они не выбежали на улицы с радостными криками, как надеялся Майкал.

Он и еще несколько человек направились к замку. Там они встретили более значительное сопротивление. Солдаты на стенах стреляли из луков. Другие солдаты пытались соорудить баррикады в тех местах, где были проломаны стены.

Вокруг Майкала собиралось все больше кочевников. Он подумал о Ди-Лаке и понадеялся, что тот в безопасности. Кочевники устремились на строителей баррикад. Те не оказали значительного сопротивления. Кочевники прорвались за линию лучников, потеряв всего нескольких человек. Они устремились в пролом стены и взобрались на ступени, откуда по ним вели стрельбу. У Майкала была более определенная цель.

Добраться до внутреннего двора было довольно просто. Там скопилось множество солдат, которые ждали своей очереди сразиться. Зрелище напоминало то, что Майкал уже однажды видел. Верховные кочевники систематически уничтожали солдат, не встречая особого сопротивления. Когда внутренний двор был почти очищен от врага, Майкал замер в ожидании на пороге дворца.

Во двор въезжали все новые кочевники. Он хотел предупредить их, чтобы они отошли назад, опасаясь, что они будут контратакованы. Но, судя по всему, никто из людей короля уже не был способен на контратаку.

Во дворе показались Ди-Лак и еще несколько человек. Они легко нашли Майкала.

— Мы совершили это! — сказал кочевник. Он не ликовал, но был доволен. — Это только начало. Серфы теперь не станут работать на гэфтов. Разнесется весть о том, что свершилось, и серфы станут убегать и присоединяться к нам. Гэфты полностью в нашей власти.

— Если вы не намерены перебить гэфтов всех до единого, проявите к ним милосердие. Иначе снова будет война, всегда война, — сказал Майкал.

— Где король? — спросил кто-то.

— Он, вероятнее всего, внутри замка, — сказал Майкал. — Кажется, я знаю, где его найти.

Он посмотрел на свой меч и увидел, что тот покрыт засыхающей кровью. Он не почувствовал дурноты, как раньше. Он убивал без раздумья, чтобы первым попасть в замок.

— Кое-кому удалось бежать, — раздался чей-то голос.
— Куда?

— Они направились к холму со священными предметами.

Майкал бросил взгляд на говорившего и понял, что это не кочевник, а серф, но серф вооруженный и верхом. Значит, Ди-Лак был прав.

— Что они собрались делать? — спросил кто-то.

— Молиться, — ответил Ди-Лак.

— Я знаю, что они будут делать, — сказал Майкал. — Я не хочу их останавливать. Зачем спасать их, когда мы перебили всех остальных?

— Пойдемте к королю, — твердо сказал Ди-Лак.

Майкал, Ди-Лак и еще несколько кочевников спешили и вошли в замок. Никто не оказал им сопротивления. Майкал повел их в направлении большого зала, и вскоре они уже были там.

Как и предполагалось, король и несколько его людей ждали их. Вместе с ними ждала принцесса — та самая, которая ранила Майкала пикой в ногу, о чем он сразу вспомнил, так как рана до сих пор болела.

— Значит, ты вернулся к нам, — произнесла девушка.

Оказавшись побежденной, она стала не такой привлекательной.

— Едва ли ты ждала, что я появлюсь, — сказал Майкал.

Он и другие приблизились к столу, вокруг которого сидели король и его люди. Мечи их были обнажены. Кочевников было достаточно, чтобы подавить любое сопротивление.

Король сделал шаг вперед и сделал выпад в сторону ближайшего кочевника. Он угодил ему в голову, и тот упал. Но кто-то другой вонзил меч в него.

Принцесса ждала Майкала.

— Теперь я с тобой разделаюсь, Майкал Вендал, — сказала она.

Она нанесла Майкалу смертоносный удар, который он отбил неумело, так что долей секунды позже принцесса уже освободила меч и снова ударила. Майкал увернулся и понял, что она равна ему и даже превосходит, если речь идет о бое на мечах.

— Нет чудесных машин, чтобы помочь тебе, колдун, — сказала девушка.

Ее короткие волосы взлетали и опадали, как волны, когда она наносила удары. Принцесса была в платье — возможно, ее поздно предупредили и она не успела переодеться. Но она двигалась так ловко, словно ей ничего не мешало.

Майкал парировал очередной выпад и ударил по рукояти ее меча. Если у него не было умения, то, по крайней мере, было достаточно силы.

Затем Майкал нанес еще один удар, снова по рукояти меча, и тот выпал из ее руки. Юноша схватил принцессу и приставил меч к ее горлу.

— Ну, убей меня, Майкал Вендал. Я вижу, что ты убил остальных, чтобы добраться до меня.

— Оставь ее в живых, — сказал Ди-Лак из-за спины Майкала.

Остальные гэфты, как увидел Майкал, оглядев комнату, были мертвы, и некоторые кочевники тоже.

— Я бы не оставила тебя в живых, Майкал Вендал. Если бы ты был в моих руках, как я сейчас в твоих, я бы убила тебя. Ты бы пожалел, что родился на свет.

— Оставь ее в живых, и из нее получится хорошая жена, когда ты ее укротишь. В твоём возрасте уже пора жениться, — сказал другой кочевник.

Девушка действовала так быстро, что никто не успел отреагировать. Она выхватила откуда-то из своего платья маленький кинжал и замахнулась на Майкала. Он ударил ее мечом, и кровь принцессы залила и без того окровавленный меч.

— Ну вот, она мертва, — сказал Ди-Лак.

Ну и ладно.

Девушка лежала на полу. Кинжал все еще был в ее руке, а из раны в горле хлестала кровь. Похоже, она действительно была мертва. Взгляд ее был устремлен на Майкала. Майкал отвернулся.

Вбежал человек. Он заговорил с Ди-Лаком на языке кочевников. Ди-Лак повернулся к Майкалу.

— Он говорит, что со священного холма поднялась машина, похожая на твою.

— Я знал это, — сказал Майкал.

— Что нам теперь делать?

— Не нужно делать ничего. Кое-кто из гэфтов отправился на поиски своих соплеменников. Скорее всего, они

никогда их не найдут. Учитывая относительность времени, они, возможно, уже мертвы.

Он попытался вспомнить номер на регистрационной коробке старого колонизационного корабля, но не смог. Он никогда не сможет ничего сделать, чтобы помочь им.

ГЛАВА XVII

На улицах гетто дул нормальный холодный ветер. Майкал добрался до здания позади академии и постучал в дверь, зацепившись ногами за порог, чтобы его не сдуло.

Ему ответил человек. Герберт Герберт.

— Майкал! Входи. Я слышал, что ты сегодня вернулся.

— Я навещал отца и мать. Они хотели взглянуть на меня. Я думал, у них уже не будет такой возможности.

— Что ты привез?

— Половина груза — серебро, а половина — трава, которая сойдет за табак. Я не курильщик, поэтому не знаю, хороша она или нет. Я потерял скафандр и иглострел в путешествии.

— Ты выглядишь отлично.

— Я не добился большой выгоды, — сказал Майкал.

— Нет такой вещи, как выгода. Ты добился всего, и даже больше.

Майкал улыбнулся.

— Входи и садись, — сказал ученый.

Они направились к камину и сели в кресла перед огнем. Герберт Герберт взял трубку. Он задумчиво зажег ее и посмотрел на Майкала.

— Что можешь ты сообщить из того, что представляет научный интерес?

— Я обнаружил людей, совершенно безумных, но живущих в мире и не голодающих. Я нашел и других, которые мне больше понравились, но над ними господствует колония теллурийцев, утратившая все свои бывшие знания. Они сражаются при помощи пик и стрел.

— Затерянные колонии встречаются очень редко.

— Та, про которую я говорю, долго не протянет. Я об этом позаботился. Я, пожалуй, потерял покупателя. Но найдутся другие.

— Ты полетишь снова?

— Я только начинаю учиться. Я учусь чувствам, которые возникают по поводу фактов. Некоторые чувства не совпадают с фактами. Я хочу знать, будем ли мы когда-нибудь жить в мире. Я хочу знать, не деградируем ли мы и не впадем ли в безумие.

— Не каждое общество нам подойдет, — сказал ученый. — Вспомни матриархию Ладза. Экономика, основанная на каннибализме. Там не существует ни мысли, ни любви — ничего, кроме жесткой системы, составленной из утрюмых людей, идущих к вымиранию. Система функционирует прекрасно. Нет ни голода, ни войн, ни старости, ни проблемы перенаселения. Мы сами можем решить, какую систему мы выберем для себя.

— Я знаю теперь меньше, чем раньше знал.

— Да, я думаю, ты чувствуешь именно это, — сказал Герберт Герберт.

— Но я собираюсь отправиться на нашу родную планету. Я хочу увидеть ее своими глазами. В мире должно существовать лучшее занятие, чем быть торговцем и учить людей убивать друг друга.

— Будь очень осторожен, — вдруг сказал Герберт Герберт другим тоном. — Береги себя. Быть может, ты сможешь вернуться и научить нас не убивать друг друга.

Майкал задумался и некоторое время сидел молча. Затем он вспомнил длинноволосую девушку в кубической машине где-то в просторах космоса, девушку, которая больше всего желала изменить свою судьбу, но, скорее всего, обречена на смерть. И он решил, что не знает вообще ничего.

СОДЕРЖАНИЕ

Честер Андерсон, Майк Курланд Десять лет до страшного суда. Роман Перевод А. Баркова	5
Джон Браннер Небесное святилище. Роман Перевод И. Иванова	143
Роберт Муур Вильямс Звездные осы. Роман Перевод П. Пронищева	261
Терри Карр Повелитель войн Кор. Роман Перевод А. Баркова	361
Алан Шварц Странствующий теллуриец. Роман Перевод П. Петрова	463

О Т И З Д А Т Е Л Ь С Т В А

Для любителей фантастики!

Начиная с 20-го тома,
«Альтерпресс»
будет выпускать к каждой книге этой серии

постер,

в котором будут использованы
фрагменты супер-обложки.

Размер постера 45х59 см,
тираж 3000 экз.

* * *

До сих пор серию
«Зал славы зарубежной фантастики»
составляли произведения наиболее популярных
зарубежных авторов. Но издательству не
хотелось бы оставлять без внимания творчество
известных писателей-фантастов стран СНГ.
Готовится к выпуску сборник *Бориса Штерна*,
признанного лучшим писателем-фантастом
Европы в 1994 году и книги других
отечественных авторов.

Поэтому, начиная с 21-го тома, серия получает
новое название

«Зал славы всемирной фантастики»

Контактные телефоны:

441-67-32

441-67-29

факс

(044) 446-98-97

НЕБЕСНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

Зал
славы
зарубежной
фантастики

НЕБЕСНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

SANCTUARY
IN THE
SKY

